Материалы по **А**рхеологии и **И**стории **А**нтичного и **С**редневекового **К**рыма

выпуск III

Materials in **A**rchaeology and **H**istory of **A**ncient and **M**edieval **C**rimea

volume III

Севастополь–Тюмень
2011

Тюменский государственный университет
Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Издается по решению Ученых советов
Института истории и политических наук Тюменского государственного университета
и Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. III.
Сб. / Ред.-сост. М.М. Чореф. – Севастополь–Тюмень, 2011.
376 с. – илл.

ISSN 2219-8857

Памяти П.С. Палласа посвящается

«ПРИРОДНЫЙ НЕМЕЦ, РОДОМ ПРУССАК, <…> ОТДАВШИЙ ВСЮ ЖИЗНЬ РОССИИ»[1]

«Можно без преувеличения сказать, что и до сего времени… не было и нет другого ученого, которому Россия была бы настолько обязана исследованием своих природных богатств и быта населяющих ее народов, как Петру Симону Палласу»

(Кеппен Ф. Паллас / Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. с. 161–162).

Пожалуй, не найти на Олимпе российской науки более славное имя, чем Петр Симон Паллас. И дело даже не в том, что этот ученый был одним из величайших естествоиспытателей своего времени. За свою недолгую жизнь он сделал для изучения природы нашей Родины, этнологии и истории ее народов больше, чем иные современные институты. Можно сказать, что П.С. Паллас был одним из титанов Просвещения. Так что интерес к его личности и творчеству у нас не случаен. Кроме того, на этот год приходится двухсот семидесятилетие со дня его рождения и двухсотлетие со дня его смерти.

П.С. Паллас родился в Берлине 22 сентября 1741 г. Его отцом был Симон Паллас – выходец из Восточной Пруссии, доктор медицины, один из лучших хирургов своего времени, а матерью Сусанн Лиенард, происходившая из семьи гугенотов, беженцев из Меца. Родители с молодости готовили П.С. Палласа к медицинской практике. Отец Петера Симона хотел, чтобы сын пошёл по его стопам. И, как было принято в то время, молодого человека учили как классическим, так и современным языкам. И уже в тринадцать лет П.С. Паллас знал в совершенстве английский, французский, латинский и греческий языки. Так что не стоит удивляться тому, что уже в 1754 г. он смог слушать лекции в Берлинской медико-хирургической коллегии, где изучал анатомию, физиологию, акушерство и хирургию. Правда, наряду с ними молодой П.С. Паллас увлекся ботаникой и зоологией. Дело в том, что уже в юные годы он решил стать естествоиспытателем. Именно этим можно объяснить тот факт, что, прослушав к 1758 г. курс в Берлинской медико-хирургической коллегии, молодой человек продолжил учебу в университетах Галле и Гёттингена, где изучал педагогику, философию, горное дело, а так же зоологию и ботанику (по системе Карла Линнея), агрономию, математику и физику. В 1760 г. он поступил в Лейденский университет, где уже в девятнадцать лет защитил докторскую диссертацию «*De infestis veventibus intra viventia*». Затем П.С. Паллас привел в порядок естественно-исторические коллекции в Лейдене и посетил Англию с целью изучения ботанических и зоологических собраний, а в 1762 году вернулся в Берлин. В следующем году по разрешению родителей отправился в Голландию, чтобы найти себе подходящую работу, но ему этого, несмотря на усиленные научные занятия, сделать не удалось. В Голландии, в 1766 году, были опубликованы его первые научные работы «*Elenchus zoophytorum*» и «*Miscellanea zoologica*». Они были посвящены анатомии и систематике низших животных и включали описание нескольких новых для того времени видов. П.С. Паллас внёс существенные изменения в линнеевскую классификацию червей. Ученый отказался также от «*лестницы существ*» (идея которой восходит ещё к Аристотелю, но особенно была распространена среди натуралистов в XVIII в.), высказывал идеи эволюционного развития органического мира и предложил графически располагать последовательные связи основных таксономических групп организмов в виде родословного

[1] На основе доклада, сделанного М.М. Чорефом на конференции «Ханты-Мансийским автономный округ – Югра: вехи истории», состоявшейся в НГГУ 10 декабря 2010 г.

древа с ветвями. Благодаря этим работам, выявившим как наблюдательность, так и проницательность П.С. Палласа, он быстро стал известен среди европейских биологов. Заметим, что его систему классификации животных позже похвалил и развил Жорж Кювье. Впоследствии, с утверждением идеи эволюции в биологии, схема П.С. Палласа стала основой систематики. За свои работы учёный был избран в 1764 году членом Лондонского королевского общества и академии в Риме.

Молодой ученый стремился проверить свои теории на практике. Для этого он планировал совершить путешествия в Южную Африку и Южную и Юго-Восточную Азию, но по настоянию отца он отказался от этих замыслов, и в том же 1766 году вернулся в Берлин, где начал работать над «*Spicilegia zoologica*».

Однако недолго продлилась размеренная жизнь новоявленного кабинетного ученого. Двадцать второго декабря 1766 г. он был избран действительным членом Петербургской академии наук. Тридцатого июля 1767 г. он прибыл в Северную Пальмиру. Вероятно, П.С. Паллас откликнулся на приглашение российских ученых только потому, что ему предоставляли возможность исследовать необъятные территории великой империи. Дело в том, что Екатерина II (1762–1796) уже в первые годы своего правления поставила перед Академией цель – исследовать минералогические, животные и растительные ресурсы России. К этой работе и подключили молодого ученого. Сразу же по прибытии ему была поручена подготовка астрономической экспедиции на Камчатку. Позже, П.С. Паллас отправился с одним из пяти отрядов физической экспедиции в Поволжье и в Сибирь. В 1770 г. П.С. Паллас посетил Западную Сибирь. К сожалению, ученый не смог задержаться в нем на длительное время. Следуя в Красноярск, он лишь ненадолго останавливался в Тобольске и в Тюмени. Но плодами его недолгого пребывания стало не только описание животного мира Сибири, но и уникальный словарь хантыйского и мансийского языков, изданный П.С. Палласом в 1787 г. Ученый уделил внимание и описанию быта народов Западной Сибири. По его свидетельству, в регионе было крайне слабо развито земледелие, а большинство местных жителей промышляло охотой и собирательством. Правда, у русских поселенцев были огороды, на которых выращивали овощи.

К сожалению, здоровье П.С. Палласа, расстроенное за шесть лет путешествия, не позволило ему продолжить исследование Сибири. Ученый вернулся в Петербург и более не помышлял об экспедициях за Уральские горы. П.С. Паллас приступил систематизацией и вводом в научный оборот богатого материала, собранного им за годы путешествий. Правда, по просьбе императрицы он занимался поиском «первобытного языка». Ученый составлял словарь языков всех народов словаря всех народов. Позже он преподавал естественные науки внукам Екатерины II. В 1792 г. ученый был отстранен от дел и на собственные средства предпринял путешествие в южные провинции России. Трудно переоценить научную значимость этого события. Скажем только, что ученый не только описал природу и быт Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья, но и наметил направления исследования древностей региона. В 1796 г. он получил поместье в Крыму, в котором проживал долгие годы. Ученый обратился к агрономии, а также изучал быт местных жителей. В последние годы жизни, среди прочего, Паллас занимался подготовкой фундаментального трёхтомного труда по фауне России «*Zoographia rosso-asiatica*», в котором были представлены более 900 видов позвоночных, включая 151 вид млекопитающих, из них около 50 ранее науке неизвестных. По обширности материала и тщательности, разносторонности описания животных ему долго не было равных. Вплоть до начала XX века книга оставалась главным источником знаний о фауне России. Первый том был готов уже в 1806 году, но печать затянулась на четверть века из-за художника Гейслера, который, уехав в Германию, заложил изготовленные им таблицы рисунков к этому сочинению. В январе 1810 года Паллас обратился в Академию наук с просьбой о бессрочном отпуске в Берлин, где он мог бы лучше следить за работой над иллюстрациями

для своей книги. В марте отпуск с сохранением жалования был разрешён, и в июне, проследовав через Броды и Бреславль, Паллас прибыл в Берлин. Здесь он в почёте и уважении прожил лишь один год и, так и не увидев свой главный труд изданным, скончался за две недели до семидесятилетия, 8 сентября 1811 года.

Итак, даже краткое изложение научной биографии П.С. Палласа позволяет сформировать представление о нем как об одном из величайших российских ученых. В своих многочисленных печатных работах (всех их более 170) он выступает как путешественник, зоолог, ботаник, палеонтолог, минералог, геолог, топограф, географ, медик, этнолог, археолог, историк, лингвист, филолог, а также как сельский хозяин и технолог. Несмотря на такое разнообразие специальностей, он не был поверхностным учёным. Он стал настоящим энциклопедистом. У нас есть все основания считать П.С. Палласа первооткрывателем «пещерных городов» Таврики, ее нумизматических и эпиграфических памятников, первым биологом, географом, лингвистом и этнологом, составившим научное описание своих путешествий по Северному Причерноморью.

Уже два века минуло со дня его смерти. Кардинально изменились многие научные концепции. Но идеи П.С. Палласа до сих пор вдохновляют ученых на новые открытия. Причем одинаково бесценны как его пунктуальные дорожные записки, так и смелые, но, в тоже время безукоризненно выверенные научные исследования.

Нам трудно передать все восхищение гением великого ученого. Скажем просто и без лишних слов. Память о П.С. Палласе будет жить вечно.

Основные печатные труды П.С. Палласа

1. Dissertatio inauguralis de infestis viventibus infra viventia. Lugduni Batavorum, 1760.
2. Elenchus zoophytorum, sistens generum adumbrationes generaliores et specierum cognitarum succinctas descriptiones, cum selectis auctorum synonymis. Den Haag, 1766.
3. Miscellanea zoologica, quibus novæ imprimis atque obscuræ animalum species describuntur et observationibus iconibusque illustrantur. Den Haag, 1766.
4. Spicilegia zoologica. Berlin, 1767–1777.
5. Lyst der Plant-Dieren, bevattende de algemeene schetzen der geslachten en korte beschryvingen der bekende zoorten. Utrecht, 1768.
6. Naturgeschichte merkwürdiger Thiere. Berlin, 1769–1778.
7. Dierkundig mengelwerk, in het welke de nieuwe of nog duistere zoorten van dieren, door naauwkeurige afbeeldingen, beschryvingen en verhandelingen opgehelderd worden. Utrecht, 1770.
8. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St. Petersburg, 1771– 1801.
9. Continens quadrupedium, avium, amphibiorum, piscium, insectorum, molluscorum aliorumque marinorum fasciculos decem. Berlin, 1774.
10. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. St. Petersburg, Frankfurt, Leipzig, 1776–1801.
11. Betrachtungen über die Beschaffenheit der Gebürge und Veränderungen der Erdkugel, besonders in Beziehung auf das Rußische Reich. Frankfurt, 1778.
12. Miscellanea zoologica. Leiden, 1778.
13. Novae species quadrupedum e glirium ordine, cum illustrationibus variis complurium ex hoc ordine animalium. Erlangen, 1778.
14. Natuurlyke historie van nieuwe en nog weinig bekende soorten van dieren. Amsterdam, 1779.
15. Observations sur la formation des montagnes et les changements arrivés au globe. St. Petersburg, 1779.

16. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. St. Petersburg, 1787–1789.
17. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs, in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1799–1803.
18. Observations faites dans un Voyage entrepris dans les Gouvernements méridionaux de l’Empire de Russie dand les années 1793 et 1794, traduit de l’allemand. Leipzig, 1801.
19. Enumeratio plantarum in horto Procopii a Demidof. St. Petersburg, 1781.
20. Icones Insectorum praesertim Rossicae, Sibiriaeque peculiarium. Erlangen, 1781–1798.
21. Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Logan, St. Petersburg, 1781–1796.
22. Observations sur la formation des montagnes et les changemens arrivès à notre globe. St. Petersburg, 1782.
23. Flora Rossica seu Stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam, indigenarum descriptiones et icones. St. Petersburg, 1784–1788.
24. Linguarum totius Orbis vocabularia comparativa. Selectio Linguas Eur. et. Asiae complexa. St. Petersburg, 1786–1789.
25. Charakteristik der Thierpflanzen, worin von den Gattungen derselben allgemeine Entwürfe und von denen dazugehörigen Arten kurze Beschreibungen gegeben werden, nebst den vornehmsten Synonymen der Schriftsteller. Nürnberg, 1787.
26. Voyages de M. P. S. Pallas en différentes provinces de l'empire de Russie, et dans l'Asie septentrionale. Paris, 1788-93.
27. Flora Rossica. Frankfurt, 1789–1790.
28. Voyages en Sibérie, extraits des journaux de divers savans voyageurs. Bern, 1791.
29. An account of the different kinds of sheep found in the Russian dominions and among the Tartar hordes of Asia. Edinburgh, 1794.
30. Voyages du Professeur Pallas dans plusieurs provinces de l'empire de Russie et dans l'Asie septentrionale. Paris, 1794.
31. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788.
32. Описание растений Российского государства, с их изображениями. СПб., 1786.
33. Описание растений Российского государства, с их изображениями. Тобольск, 1792.
34. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II. СПб., 1787–1789.
35. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790–1791.
36. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб., 1795.
37. Путешествие по разным провинциям Российского государства // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.
38. Научное наследие П. С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. / Отв. ред. В.С. Соболев. Сост. В.И. Осипов. Пер. с нем. В.И. Осипова и Г.И. Фёдоровой. СПб., 1993.
39. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем.; Отв. ред. Б. В. Левшин; Сост. Н. К. Ткачёва. // Научное наследство. М., 1999. Т. 27.

АРХЕОЛОГИЯ

Е.В. Струкова, С.В. Ушаков

О ДАТЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ РАБОТЫ ВИНОДЕЛЬЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В XCVII КВАРТАЛЕ ХЕРСОНЕСА

Херсонес Таврический являлся крупнейшим центром античного виноградарства и виноделия в Северном Причерноморье. За многие годы исследований было обнаружено и изучено большое количество разнообразных памятников, связанных с этим видом деятельности. Исследователи уделяли внимание объектам, находящимся как на хоре Херсонеса [4, с. 7-19; 15; 18; 19; 25], так и на городище [2; 3, с. 45-52; 5, с. 225-237; 13, с. 226-295].

В последние годы в ходе археологических исследований XCVII квартала Северо-восточного района Херсонеса были обнаружены и зафиксированы остатки винодельческого комплекса (рис. 1), отнесенного первоначально к первым векам н.э. [9, с. 135-138] Однако обнаружение и анализ закрытого комплекса – заполнения одной из ям под пифос, позволило предположить, что винодельня здесь была сооружена не позднее середины IV в. до н.э., а перестроена – около середины II в. н.э. [33, с. 55-65]. Не совсем ясно, когда она полностью прекратила существование, вероятно, что это произошло в хронологических рамках позднеантичной эпохи [9, с. 138.].

Ответ на этот вопрос может дать рассмотрение археологических материалов засыпи, которая перекрыла ямы для установки пифосов (рис. 1В). В ходе раскопок здесь были открыты кладки стен помещений 9, 10 и 15. Показательным является засыпь помещения 10, где обнаружено десяток пифосных ям, четыре из которых были перекрыты кладкой стены (рис. 1В).

Необходимо сказать, что в процессе археологического исследования этого участка (рис. 2) было стратиграфически выделено 7 слоев засыпи: два вверху вместе с каменным завалом – слоем разрушения средневекового времени и 5 нижележащих слоев (рис. 3). Все они, кроме пятого под каменным завалом, содержали материалы средневекового времени [28, с. 181-183]. Пятый (нижний) слой резко отличался от всех предыдущих как по цвету и плотности грунта, так и по содержанию находок. Мощность его составляла 20-25 см, цвет - серовато-желтый (7,5 R, 6/6, 6/8 reddish yellow) с зафиксированными сверху тонкими линзами темно-коричневого грунта (7,5 R 3/2, dark brown); грунт плотный, типичный для слоев Херсонеса античного времени [12, с. 13] (рис. 2Б-В). Этот слой как раз и является засыпью, перекрывшей пифоссарий после прекращения функционирования комплекса. Он содержал достаточно разнообразные археологические материалы: фрагменты амфор, светильников, столовой и кухонной посуды, краснолаковой керамики, монеты позднеантичного времени. В качестве небольшой примеси в нем присутствовали также фрагменты амфор, чернолаковой, расписной и другой столовой посуды эллинистического времени.

Для определения времени образования этой засыпи необходимо обратиться к трем группам хронологически значимого материала: амфорам, краснолаковой керамике и монетам.

Амфорные находки. Они были представлены единичными фрагментами сосудов очень широкого хронологического диапазона – от эллинизма до позднеантичного времени. Так, «примесью снизу» можно считать присутствие фрагментов амфор Хиоса, Фасоса (рис. 4, *11*), Гераклеи (рис. 4, *14*), а также Коса. Это также находки типов тарных сосудов, характерных для позднеантичного Херсонеса. Среди них - обломок двуствольной ручки.

В.В. Крапивина по материалам Ольвии отнесла подобную ручку к сосудам типа 13 (I в. до н.э. – первой половины II в. н.э.) [16, с. 96, рис. 29, 27-29]. Другие находки также единичны - фрагменты амфор с клювовидным венцом, воронковидным горлом, красноглиняной широкогорлой амфоры и амфоры со сложнопрофилированными ручками (рис. 4, *1,3*). По этим деталям трудно точно их датировать, но общая хронология не должна выходить за пределы III в. н.э.

Амфоры Делакеу – самые поздние из этого комплекса, и, хотя их обнаружено всего два фрагмента (венчик и ручка), они имеют первостепенное значение для определения времени образования слоя. И.Б. Зеест относила подобные фрагменты к амфорам «с расширяющимся книзу горлом», датируя их IV в. [8, с. 120, табл. XXXIX,*100а-г*]. А.В. Сазанов определял время бытования этих сосудов по-разному, в том числе и VI – первой половиной VII вв. [4, с. 50], а авторы херсонесской классификации 1995 г. еще более широко – IV - кон. VI вв. [20, с. 19]. Характерный венец амфоры из засыпи пом. 10 (рис. 4, *7*) можно отнести к типу (подтипу) 100г по классификации И.Б. Зеест и типу 1 по А.В. Сазанову [24, рис. 3,*12д*]. Абсолютно аналогичное горло такой амфоры с верхней частью тулова из комплекса «Цистерны в алтаре» (второй квартал Северо-восточного района Херсонеса) [23, рис. 1,*5*] А.В. Сазанов относит к концу IV – первой половине V вв. [24, с. 32]. По деталям морфологии этот венец (горло) напоминает верхнюю часть амфоры морфологического класса 1 с расширяющимся к низу горлом, тип 7 (по определению О.В. Шарова) [34, с. 144, рис. 61а,*4*].

Д. Кассаб Тезгёр был открыт один из возможных центров производства таких амфор – Демирджи близ Синопы [39, p. 117–124]. Весьма вероятно, что подобные сосуды, которые сейчас по деталям морфологии относят к типам Делакеу или «carotte» [21, с. 185-196], производились в нескольких центрах, число которых может быть не меньше пяти [34, с. 154-155]. Нам важно другое, – ответить на вопрос: когда они выходят из обращения? В данном случае можно снова сослаться на исследование О.В. Шарова «Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг», в котором специально и детально была проанализирована морфология, технология и хронология этого типа амфор [34, 99-191]. Автор на основании узко датированных закрытых комплексов заключил, что время существования этих сосудов прекращается не позже середины V в. [34, с. 170]. Для уточнения датировки можно вспомнить, что сосуды этого типа были найдены и в Ольвии [16, с. 98, тип 29, рис. 31,4-6; 17, с. 75], прекратившей свое существование в третьей четверти IV в.

Следующей категорией датирующего материала является *краснолаковая керамика*. Она представлена тремя основными группами находок. Первая из них – сосуды импортного происхождения I-II вв. н.э.; среди них фрагментированная чашечка с вертикальным бортиком, косыми стенками, покрытая хорошим блестящим лаком (Eastern sigillata B) (рис. 5, *1*). На внутренней стороне дна имеется клеймо, на наружной – граффити в виде перекрещенных линий. Она близка чашкам формы 8.1 и формы 8.6 по классификации краснолаковой керамики Д.В. Журавлева из могильника Бельбек IV [7, рис. 4, 7; 5, 1]. Одна из таких чашек – без насечек по краю и ребру (как и экземпляр из нашего комплекса) отнесен исследователем ко второй половине I - первой четверти II вв. [7, с. 242].

В помещении 10 (слой 5) найдена также крышка (?) сосуда, на внутренней поверхности которой имеется клеймо planta pedis (рис. 5, *2*), широко распространенные как на италийской, так и понтийской сигилляте с середины I по первую четверть II вв. [6, с. 90, рис. 1]. Добавим, что к этому времени относится и совершенно целый краснолаковый светильник (рис. 6), обнаруженный в верхней части слоя – подобный экземпляр по материалам Афинской агоры продатирован автором публикации Дж. Перлцвейг второй половиной I в. н.э. [40, p. 83, pl. 3].

Другие сосуды этой группы из засыпи на месте помещения 10 представлены фрагментами верхних частей тонкостенного кубка (?) (рис. 5, *4*), цилиндрического канфара с налепным орнаментом барботином (рис. 5, *5*). Здесь же нужно назвать фрагмент миски

понтийской сигилляты (рис. 5, *6*), тип которой по имеющемуся обломку можно определить как I, V или VI по Дж. Хейсу и О.В. Шарову [34, рис. 18,If,Va,Vb,VIa,VIb; 38]; впрочем, предпочтительным выглядит выбор I типа [34, рис. 13,*5*]. Это один из самых распространенных в Причерноморье сосудов [26, рис. 2,*18*], время бытования которых (верхнюю границу) практически все специалисты по краснолаковой керамике ограничивают первой половиной III в. [34, с. 59].

Вторая группа краснолаковой керамики – херсонесская сигиллята (III-IV вв.). Среди находок можно назвать: 1) миски с загнутым краем на кольцевом поддоне (рис. 5, *7*) [29, с. 288, тип 1, рис. 2,*2*][1]; 2) чашки с прямым бортиком, наклонными стенками на кольцевом поддоне (рис. 5, *8*) [29, с. 288-289, тип 2, рис. 1,*5*]; 3) закраины мисочки и тарелки; 4) венчики и ручки кувшинов (последние два типа сосудов отмечены в полевой описи раскопок, но не были нарисованы). Следует отметить, что шесть фрагментов сосудов разных типов – темно-серого цвета, который они получили вследствие того, что были пережжены в процессе производства. Этот факт еще раз доказывает херсонесское происхождение этой керамики.

Третья группа краснолаковых сосудов хронологически еще более поздняя, и менее многочисленная, чем предыдущее. Это три фрагмента закраин блюд понтийской позднеримской группы (тип 1) по К. Домжальскому конца IV - середины V вв. [36, fig. 7 – Pontic Red Slip Ware form 1].

Таким образом, комплекс краснолаковой керамики (если мы учитываем не «пересечение циклов», а даты самых поздних находок), позволяет утверждать, что время образования засыпи не выходит за хронологические рамки середины – конца IV – середины V вв. н.э.

Здесь нужно вспомнить о характере слоя. Во-первых, он был однородным серовато-желтого цвета с материалами только античного времени. Имеющиеся пятна (точнее, тонкие прослойки грунта в верхнем горизонте) темного цвета содержали единичные находки средневекового времени и были, вероятно, остатками поздних выкопанных в грунте пифосных ям на этом участке. Во-вторых, сама засыпь представляла собой ни что иное, как относительно однородный переотложенный грунт, взятый откуда-то неподалеку. Исходя из сказанного, можно определять время демонтажа пифоссария и совершения засыпи по керамическому материалу в пределах первой половины V столетия.

В этом же слое было найдено 11 монет. Подавляющее большинство из них относятся к чекану императоров Константина I и его ближайших преемников (выпуски с 307 до 350 гг.). Самые поздние монеты (определение Е. М. Кочетковой) всего две; одна отнесена к херсонесскому чекану 380-390 гг., вторая – IV в. [12, Опись монет, № 157 и сл.]. Наконец, надо упомянуть еще одну монету, найденную в южном углу помещения («античный слой»), выпущенную при императорах Феодосии I (379-395) и Гонории (393-423).

Таким образом, нумизматические находки в целом подтверждают датировку засыпи, определенную нами ранее по керамическому материалу. Учитывая, что по своему характеру засыпь хотя и представляла переотложенный грунт, но «поздних» материалов там совсем немного, можно вполне обоснованно предположить, что засыпь была сделана сразу после демонтажа пифоссария. Пифосы были демонтированы, и все пространство было засыпано в конце первой – начале второй четвертей V века. Примерно в это же время или чуть позже (даты требуют уточнения) в квартале засыпаются две водосборные цистерны - в пом. 8 [10, с. 25; 11, с. 40][2] и в центре внутриквартального двора [31, с. 196][3], а также колодец в пом. 4 (нижний ярус) [32, с. 52][4]. Схожая ситуация и в других районах города [22, с. 226-230].

Эти явления связаны, определенно, с масштабными перестройками и перепланировками, затронувший весь Херсонес. Это было время, когда резко сокращается

[1] Рис. в публикации перепутаны.
[2] Конец IV – первая половина V в.
[3] Рубеж V-VI вв.
[4] Вторая половина V в.

или даже прекращается товарное винодельческое производство на херсонесской хоре. Винодельческие комплексы в городе, соответственно, также прекращают действовать [5, с. 229, 232]. Зато уже активно функционируют многочисленные рыбозасолочные цистерны – экономика города коренным образом перестраивается. Это связано, несомненно, с изменением всей этнокультурной и политической обстановки в Европе (археологические периоды D 1, D 2) и Причерноморье в целом [35, с. 278-284, 325, 550-553, 557, табл. IV, V, VIII] и Юго-Западном Крыму, в частности [1, с. 80-83; 14, с. 215-216; 27, с. 148, 153, рис. 96; 30, с. 72, рис. 7]. Впрочем, детали этих событий еще не совсем ясны и требуют специального изучения.

Список использованной литературы

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Андрущенко Н.П. Античные винодельни на Херсонесском городище / Центр историко-градостроительных исследований. Киев, 2009.
3. Андрущенко Н.П. К вопросу о реконструкции античных виноделен: херсонесский «дом винодела» // ХСб. 2005. Вып. XIV.
4. Андрущенко Н.П., Бажанова Т.И. Реконструкция античных винодельческих прессов по сохранившимся каменным остаткам (на примере виноделен Херсонеса Таврического) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Киев-Судак, 2004. Ч. I.
5. Белов Г.Д. Херсонесские винодельни // ВДИ. 1952. № 2. С. 225-237; Андрущенко Н.П. К вопросу о реконструкции античных виноделен: херсонесский «дом винодела» // ХСб. 2005. Вып. XIV.
6. Журавлев Д.В. К вопросу о клеймах PLANTAPEDIS на римской керамике // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Ю.Г. Виноградова. ХСб. 2001. Вып. XI.
7. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М., 1997.
8. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
9. Золотарев М.И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб. 2004.
10. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в XCVI квартале Херсонеса). Севастополь, 1997.
11. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в XCVI квартале Херсонеса) // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V (II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной конференции «Лазаревские чтения». Севастополь, 2011. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2011/prich-a.pdf (проверено: 15.08.2011).
12. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2003 г. // Архив НЗХТ. Д. 3596.
13. Зубарь В.М. Из истории экономического развития Херсонеса-Херсона во второй половине I в. до н.э. – VI в. н.э. // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXI.
14. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004.
15. Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения. К., 2007.
16. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993.

17. Крапивина В.В., Домжальский К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008.
18. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Севастополь, 1999, Ч. I.
19. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Севастополь, 2001, Ч. II.
20. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
21. Сазанов А.В. Амфоры «Carottes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6.
22. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV-V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск. 1999. Выпуск VII.
23. Сазанов А.В. О хронологии амфор IV-V вв. из Северного Причерноморья // Археологія. 2002. № 4.
24. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
25. Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961.
26. Уженцев В.Б., Труфанов А.А. Краснолаковая керамика из Калос Лимена // ХСб. 2004. Вып. XIII.
27. Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III - середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции. Археологический альманах, № 23. Донецк, 2010.
28. Ушаков С.В. О стратиграфии и хронологии позднеантичных и средневековых слоев Херсонеса Таврического // ХЕРСОНЕССКИЙ КОЛОКОЛ: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко. Симферополь, 2008.
29. Ушаков С.В. Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // ХСб. 2004. Вып. XIII.
30. Ушаков С.В. Этнические процессы в Юго-Западном Крыму эпохи Великого переселения народов (о проблемах методологии, сопоставительном анализе источников и некоторых итогах исследований) // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» Севастополь, 2010. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/science/publications/2010-2/prich-3.pdf (проверено: 15.08.2011).
31. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И, Макаев И.И., Струкова Е.В. Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в XCVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. 2006. Вып. XV.
32. Ушаков С.В., Макаев И.И., Струкова Е.В. Амфоры из засыпи колодца ранневизантийского времени в Северо-Восточном районе Херсонеса: методы изучения, типы и хронология // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. Сер.: История, археология. Ялта, 2009.
33. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Античный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения». Севастополь, 2010. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/science/publications/2010-2/prich-3.pdf (проверено: 15.08.2011).

34. Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007.
35. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
36. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur Arheologie Eurasiens. 2002. Band 8.
37. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.
38. Hayes J.W. Sigillata Orientali // Ceranika Romana nel Bakiono Mediterraneo. Enciclopedia del'arte antica, classica e orientale. Rome, 1985. T. XXII.
39. Kassab Tezgőr. Types amphoriques a Demirci pres de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. 1999.
40. Perlzweig J. Lamps of the Roman Period // The Athenian Agora, 1961. Vol. VII.

Summary

In recent years, in the course of archaeological research XCVII quarter of the Northeast region of Chersonese were discovered and documented the remains of the ancient wine-making industry. The paper considers the question of the date of termination of its operation on the basis of analysis of materials grist, which shut the pit to install pithoi. Analyzed archaeological (fragments of amphorae and red-slip pottery) and numismatic material led to the conclusion that pithoi were dismantled, and all space was filled in the late first - early second quarters of the V century.

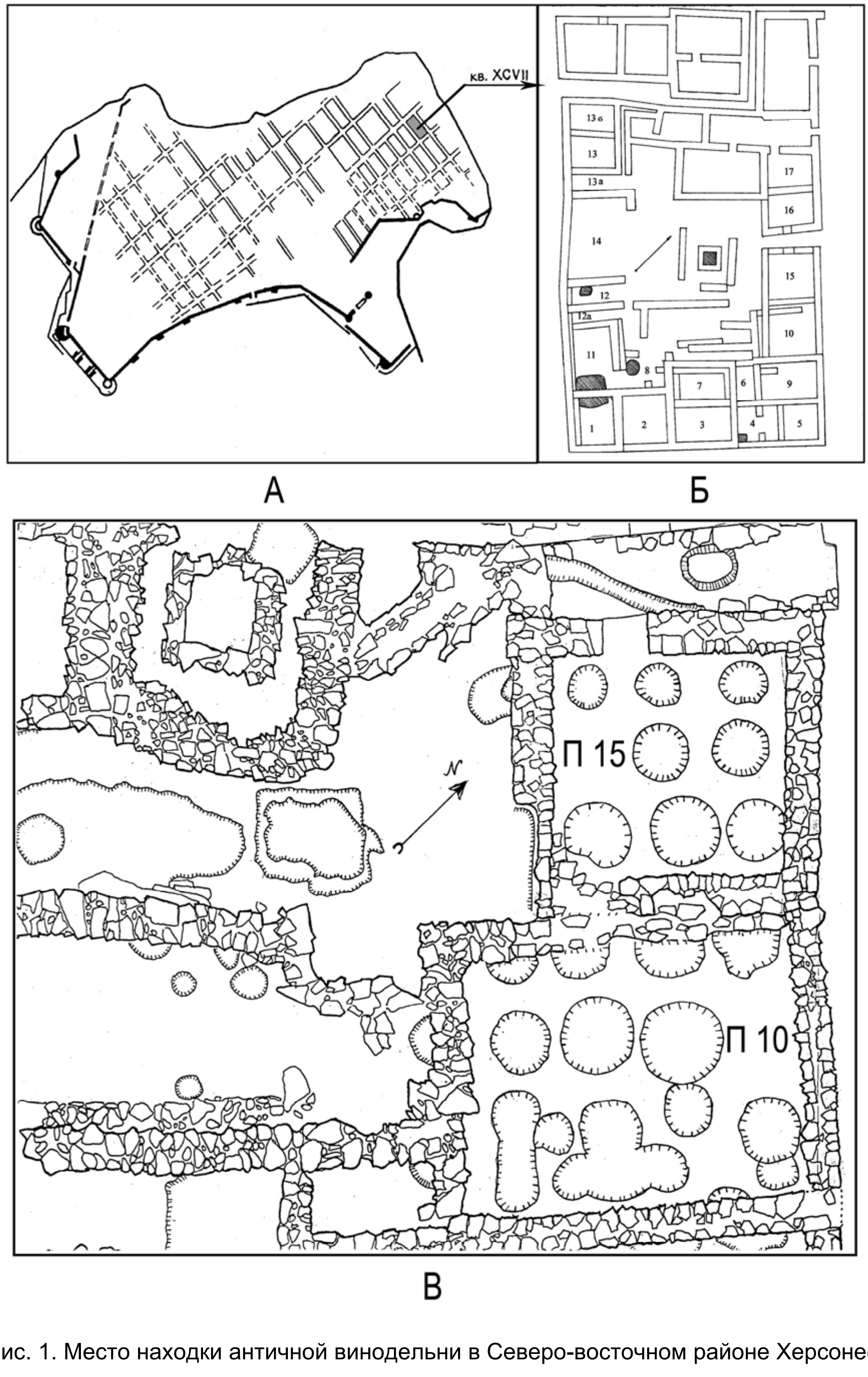
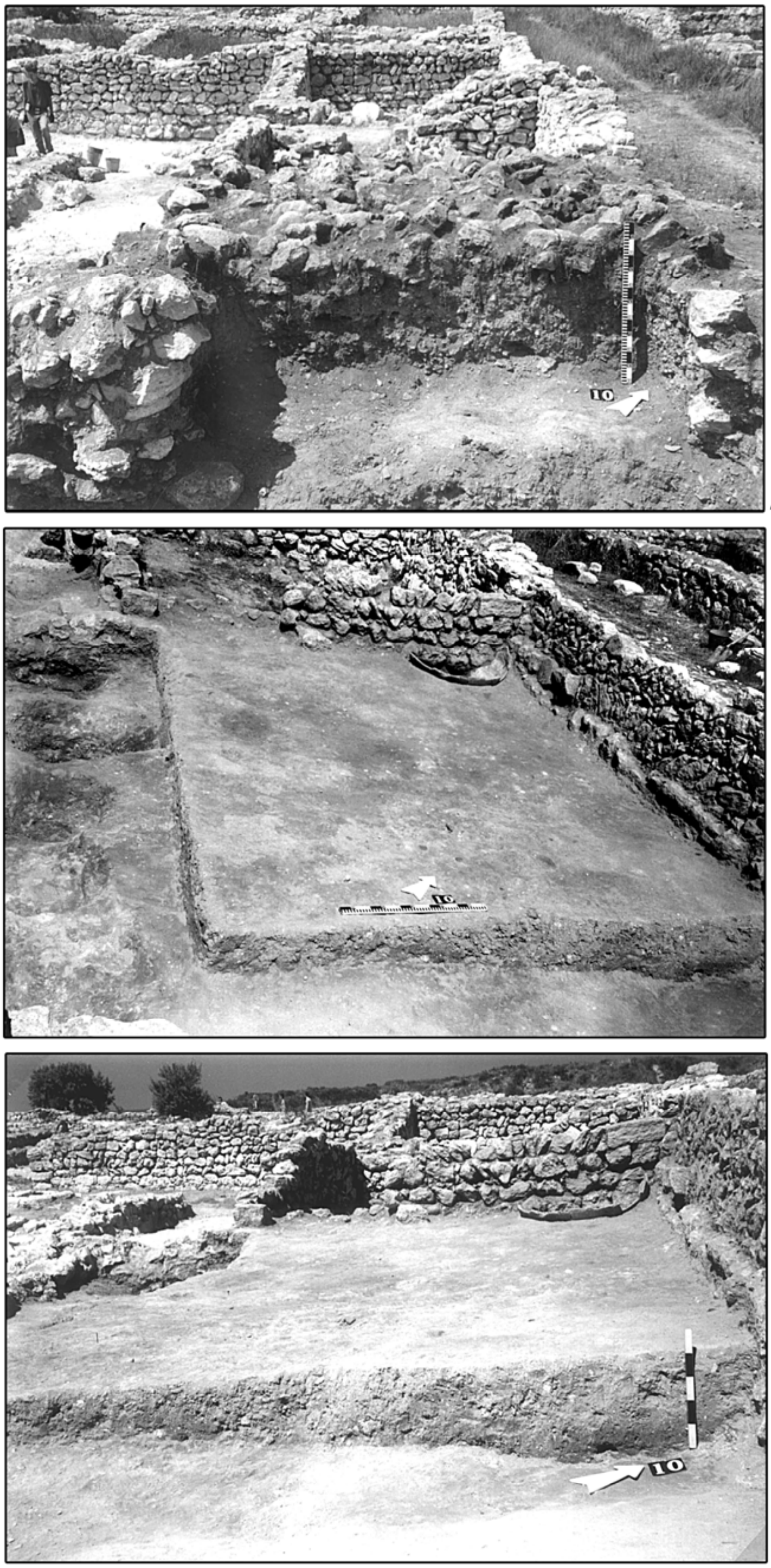

Рис. 1. Место находки античной винодельни в Северо-восточном районе Херсонеса

А – Схематический план города с обозначением XCVII квартала; *Б* – схематический план XCVII квартала. В - помещения 10 и 15 в XCVII квартале (античный пифоссарий).

А

Б

В

Рис. 2. Раскопки пом. 10

А – характер верхних слоев засыпи; *Б*, *В* – слой № 5 (нижний) под каменным завалом после зачистки. Вид с юго-востока.

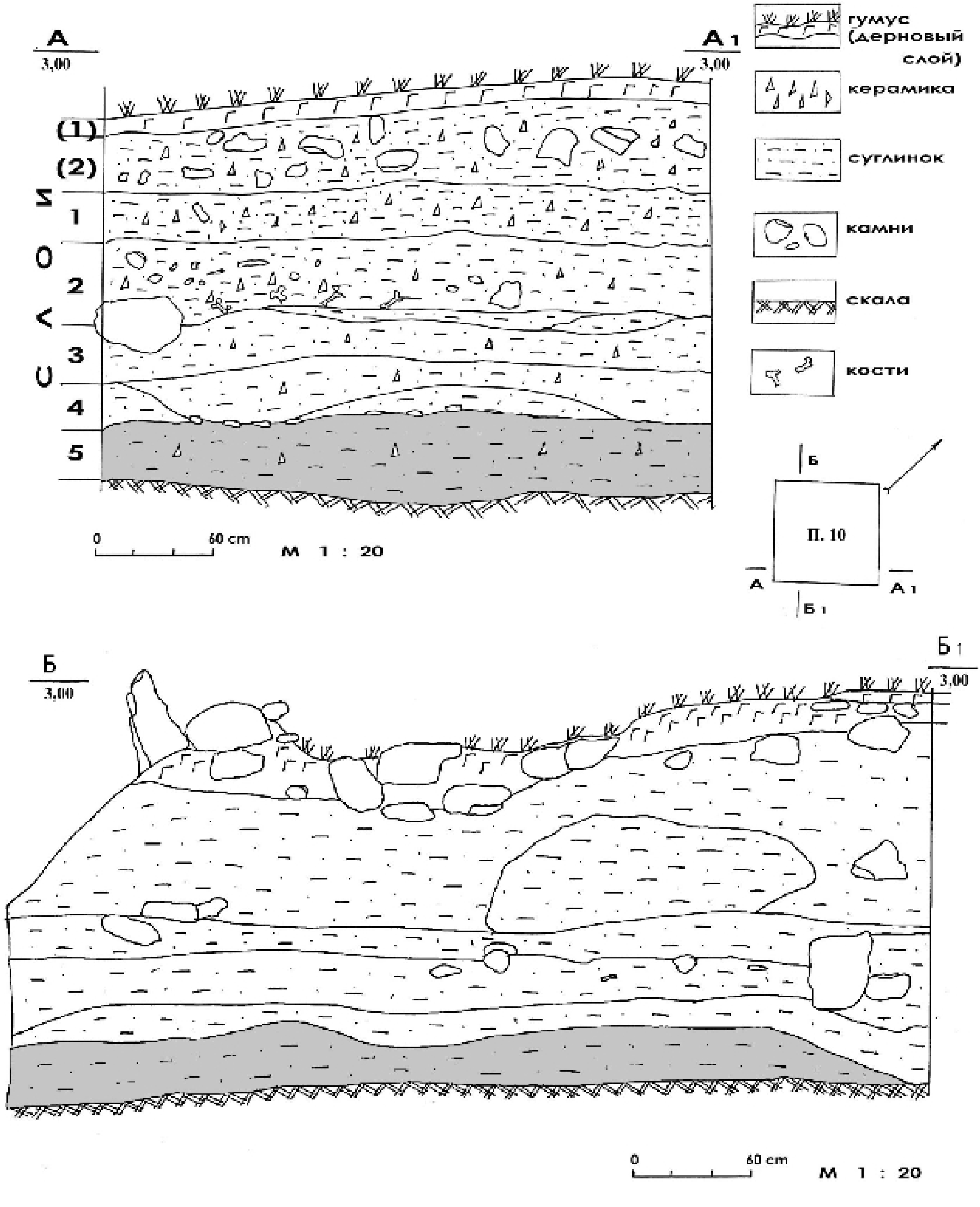

Рис. 3. Стратиграфия засыпи на месте пом.

10. А-А1 – вид с юго-востока; Б-Б1 – вид с юго-запада.

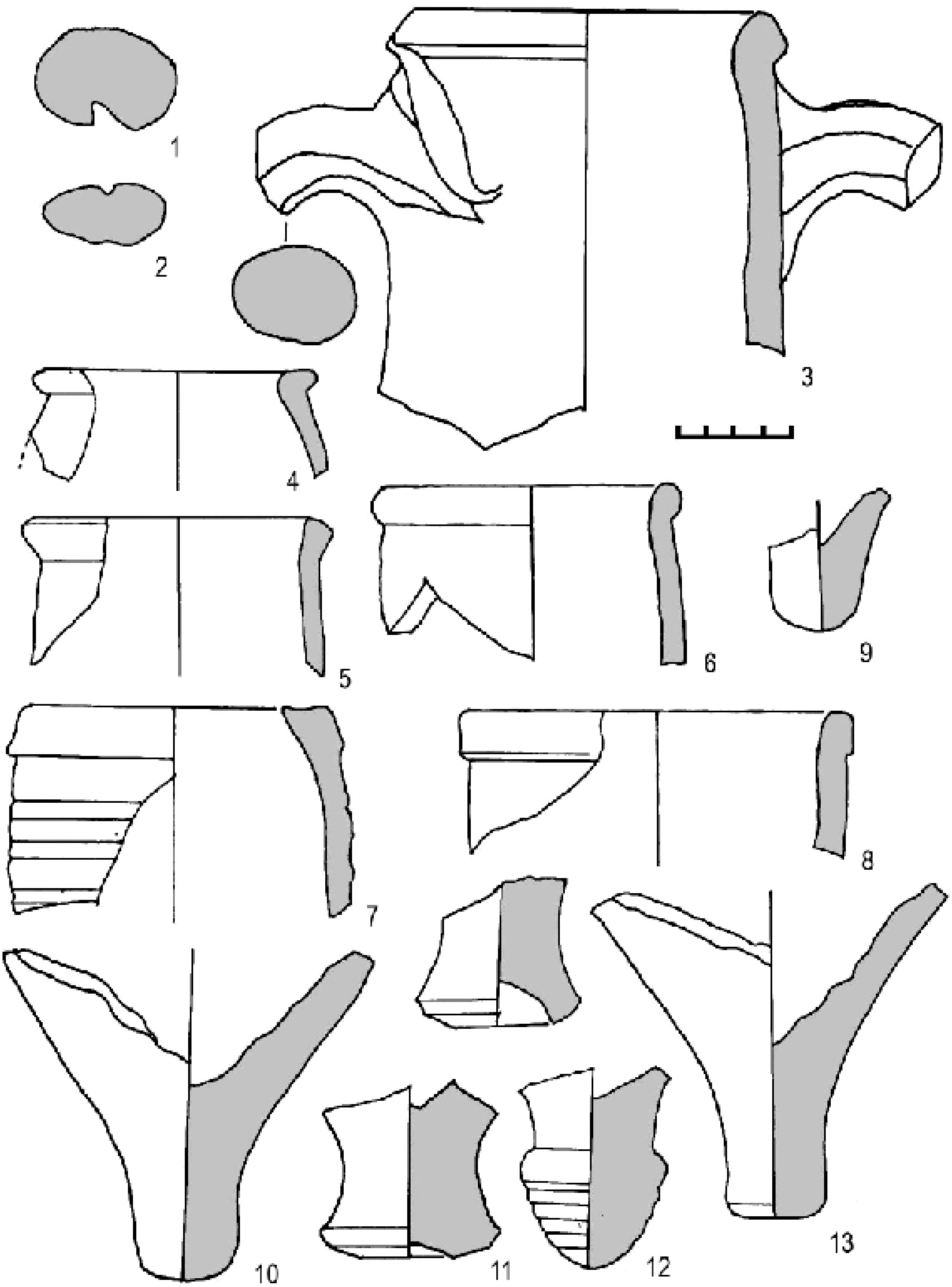

Рис. 4. Фрагменты амфор из 5 слоя.

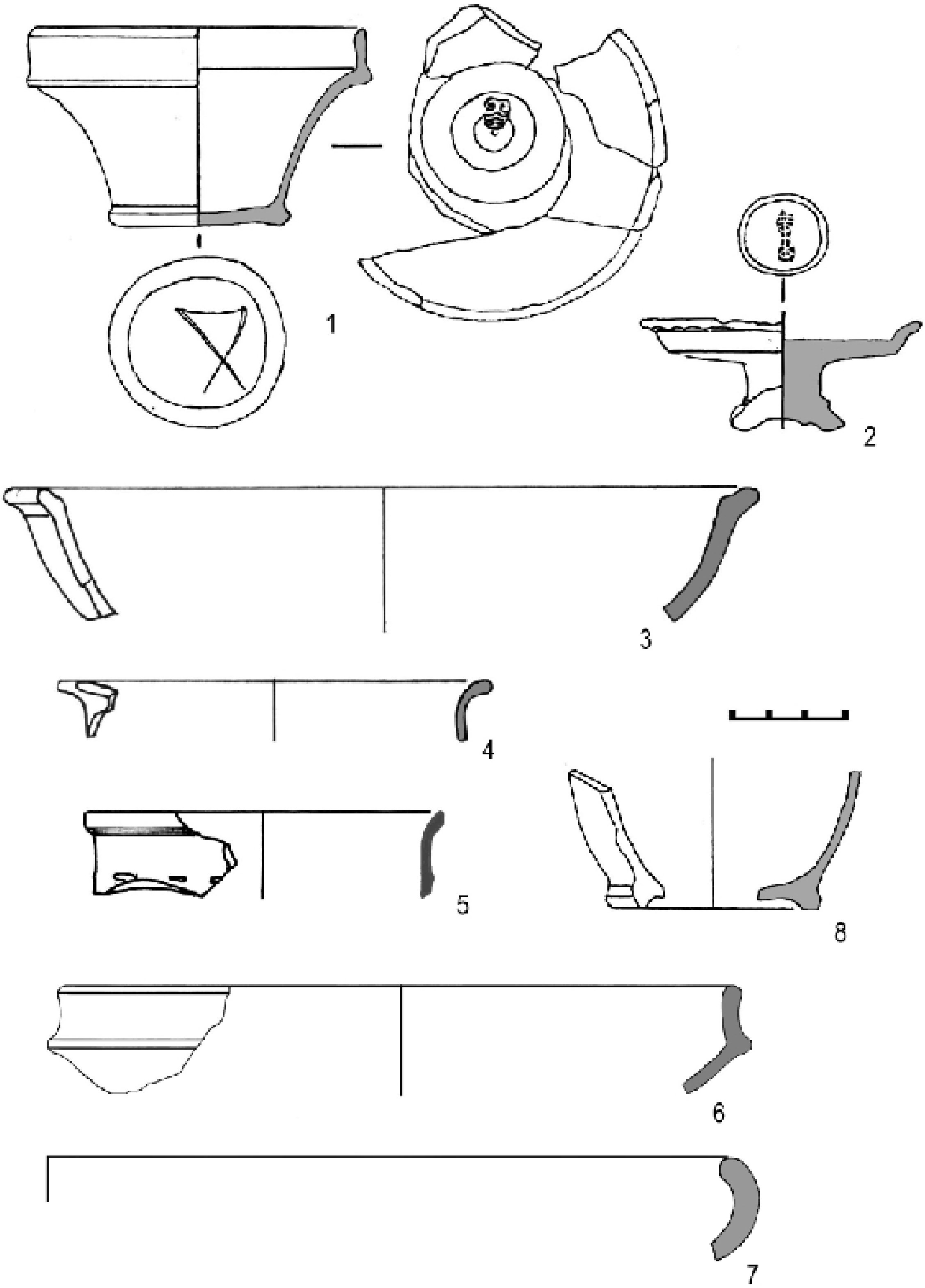

Рис. 5. Фрагменты краснолаковой керамики из слоя 5.

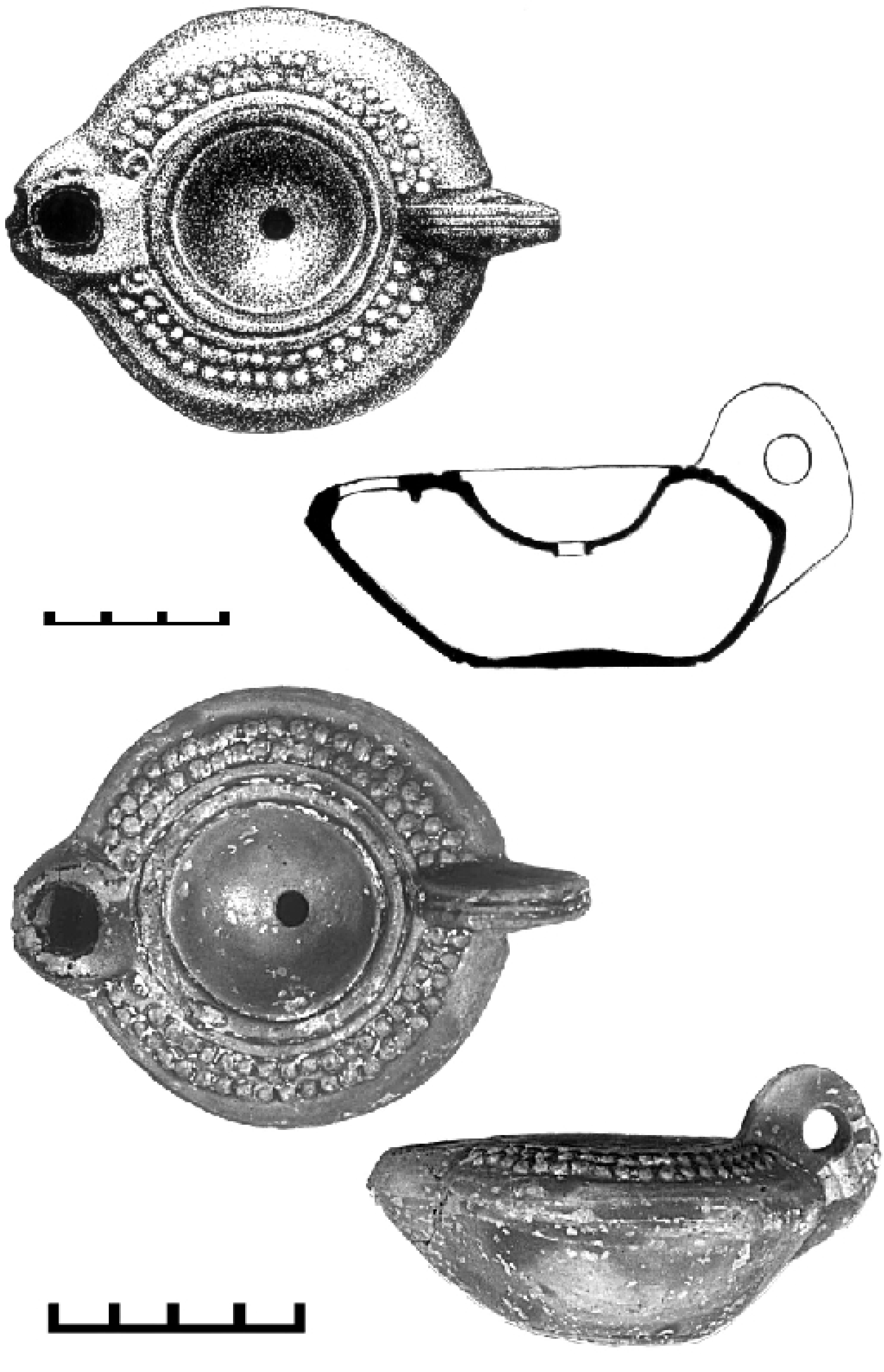

Рис. 6. Краснолаковый светильник.

С.В. Ушаков, В.В. Дорошко, Е.С. Лесная, М.И. Тюрин

РАСКОПКИ БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» В 2010 Г. (КРАТКАЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ)

Статья посвящена кратким итогам раскопок базилики «Крузе» в полевом сезоне 2010 г. Эти работы проводились в июне-августе 2010 г. Херсонесской экспедицией КФ ИА НАНУ, Филиала МГУ в г. Севастополе и Национального Заповедника «Херсонес Таврический», которая продолжила исследования одного из самых известных раннехристианских памятников Херсонеса, расположенного в северо-восточной части городища (рис. 1 А). Основные исследования были сосредоточены на следующих участках: центральный неф (кв. IIб, IIIб, IIв, IIIв), заполнение колодца эллинистического времени (кв. Iв), отвал 1891 г. (кв. Ia, IIa, IIIa, IVa) (рис. 1 Б). Одновременно с полевыми раскопочными работами сотрудниками Херсонесского заповедника под наблюдением автора раскопок были проведены консервационные работы в алтарной части храма.

В центральном нефе раскопки велись одновременно на четырех квадратах (рис. 2), что дало возможность составить общую картину стратиграфии на этом участке. В северной и восточной частях квадратов оставлялась контрольная «бровка» шириной в один метр. Засыпь нефа оказалась многослойной, её мощность варьируется от 0,1 до 2,5 м. Сложность в исследовании пространства центрального нефа заключалась в том, что уже в скором времени после гибели храма напластования культурного слоя были нарушены. Значительную часть раскопанной площади в центральном нефе занимали также перекопы Нового времени, где был найден разновременный материал (фрагменты амфор, столовой и кухонной посуды, изделия из металла и др.), в том числе и фрагменты стекла и фарфора XIX в. Из этого слоя, в квадрате IIб происходит находка раннесредневековой надписи на фрагменте мраморного карниза (?). Здесь же обнаружены фрагменты мраморных плит для пола и человеческие кости из разрушенных позднесредневековых захоронений.

В этом сезоне были открыты и исследованы три поздних грунтовых могилы, в двух из которых были одиночные костяки взрослых, а в третьей – парное погребение младенцев. Только в этом погребении (могила № 14) был инвентарь, представленный двумя кольцами из проволоки. Находится в юго-восточном углу квадрата III-б. Костяк одного частично перекрывает другого. Оба сориентированы головами на запад. В результате позднего нарушения слоя черепа оказались разрушенными. Несмотря на плохую сохранность костяков, хорошо видно, что руки согнуты в локтях, а запястья скрещены на поясе. На верхнем костяке и находились 2 бронзовых кольца диаметром около 17 мм, сделанных из проволоки. Одно кольцо располагалось на правом плече, а второе – возле левого локтя.

В одной из могил с одиночным погребением сохранились остатки гроба (могила №17). Расположена в квадрате II-б. Яма в плане прямоугольная со скругленными углами, размером 225 х 65 см. Глубина от уровня пола базилики – 70 см. Могильная яма прорезает остатки известковой «подушки» пола базилики. Засыпь состояла большей частью из крупных тесаных и бутовых камней. Это единственное погребение из описываемых, где зафиксированы остатки деревянного гроба и гвозди от него. Могильщику пришлось расширить контур ямы в западном направлении из-за того, что в восточном конце ямы обнажился препятствовавший массивный блок позднеантичной кладки. Погребенный положен головой на запад. Руки согнуты в локтях. Кисть левой руки положена на правое бедро, а кисть правой – на левую плечевую кость. Инвентарь в погребении отсутствует. В

засыпь ямы попали 2 позднеримские монеты. Все три могилы принадлежат небольшому некрополю XI–XIII вв., образовавшемуся вскоре после разрушения базилики[1].

Места ещё 5 могил, открытых в 1891 г. и соответствующих номерам плана К.К. Коцюшко-Валюжинича IX, X, XI, XII и XVII (рис. 3), были также нами доследованы. Из них удалось установить точное местоположение трех. В могиле X, вырубленной в материковой скале (кв. IIIв), исследовано 4 яруса погребений; антропологический материал находился в перемешанном виде. Наиболее поздние находки из могилы – фрагменты светлоглиняных мисок, покрытых пятнистой желтой поливой. В могиле XII, в нижнем ярусе костей была найдена железная кокарда фуражки конца XIX – начала XX в.

Во многих местах удалось зафиксировать остатки цемяночной «подушки» пола базилики. Они сохранились, в основном, в юго-восточной части центрального нефа. Ниже уровня пола находится засыпь, в которой, в основном, содержатся фрагменты керамики IV–VI вв.

Под базиликой, как нами было предположено, находятся остатки позднеантичного рыбозасолочного комплекса. Под северо-восточной частью центрального нефа была открыта горловина прямоугольной в плане оштукатуренной цистерны. Однако её раскопки перенесены на следующий сезон. Открыто и продолжение стены позднеантичного здания, которая тянется по линии от восточного угла левой конхи до восточной стены правого нефа.

Наиболее сложным для исследования оказался участок квадрата IIIб, поскольку он был неоднократно перекопан в прошлом. Несмотря на это, здесь были зафиксированы слои с материалом эллинистического, римского и ранневизантийского времени. На участке этого квадрата была открыта нижняя часть пифоса, врытого в слой римского времени. В последующем, ко времени строительства базилики, пифос был заполнен плинфой и частично залит цемяночным раствором (рис. 4 А). Там же были сложены и фрагменты застывшего раствора в виде плиток. Удалось собрать несколько целых форм плинфы (рис. 4 Б), одна из которых оказалась бракованной.

Обильный археологический материал происходит из раскопок квадрата IIв (под полом храма): этот комплекс представляет из себя мусорную засыпь. Учитывая дату основания базилики Крузе (которая не выходит за пределы VI в., а скорее его середины)[2], весь собранный материал получает фиксированную верхнюю хронологическую границу. Остановимся на рассмотрении амфорного комплекса. В данном случае представлен характерный для Херсонеса ассортимент ранневизантийской тары, включающий: 1) коричневоглиняные амфоры с «S»-образными ручками (так называемые «самосские» амфоры) и слюдой в тесте[3], причём встречаются ножки как открытого, так и закрытого типов; 2) «колхидские» коричневоглиняные амфоры с «перехватом»; 3) амфоры синопского производства типа Делакеу; 4) амфоры-корчаги с ручками-ушками; 5) красноглиняные амфоры с желобчатой ангобированой поверхностью, среди которых выделяются различные варианты, однако наибольшее количество фрагментов принадлежит амфорам местного производства (тип V по АДСВ); 6) светлоглиняные амфоры с рифлением типа «набегающая

---

[1] Исследованиям всех поздних могил, открытых раскопками 2005–2010 гг. будет посвящена отдельная публикация.

[2] Дата определена по комплексу находок из под пола южного нефа базилики, находок из нартекса [9, с. 290–307] и заполнения рыбозасолочной цистерны, открытой перед храмом и засыпанной непосредственно перед или во время его сооружения. Среди находок – разнообразный керамический и нумизматический материал, а в цистерне – монета императора Юстиниана I [13].

[3] Тип 95 по И.Б. Зеест [3, табл. XXXVIII,*95*; 8]. Так как мы не ставим в данном сообщении задачу типологического и хронологического анализа всех находок, ограничимся тем, что упомянем одну из известных последних работ, где описаны типы византийских амфор Херсонеса, встреченных в том числе и в засыпи под полом храма [7].

волна» (рис. 5 Б), фрагменты которых различаются по цвету глины и форме профильных частей, большая часть которых относится к первой половине VI в.; 7) красноглиняные амфоры с рифлёным туловом, с округлыми, профилированными валиком ручками, с небольшим валикообразным венчиком, глина красная, с мелкими редкими желтоватыми известковыми вкраплениями. Единичны находки фрагментов амфор с воронковидным горлом и истрийских амфор с глубоким мелким рифлением. К интересным находкам следует отнести три фрагмента стенок с характерным продольным рифлением, принадлежащих относительно редко встречающимся узким «колбам» раннесредневекового времени (рис. 5 А), аналогии которых имеются в фондах Херсонеса.

Полтора десятка фрагментов относятся к более раннему материалу, это – амфоры с двуствольными ручками I в. до н.э. – I в. н.э., красноглиняные мирмекийские, узкогорлые светлоглиняные II–III вв. н.э.

Здесь же найдены многочисленные фрагменты краснолаковой керамики. Только профильных частей этой категории находок насчитано 229 фрагментов. Все вещи из слоя разбиты еще в древности. Выделяются три основные группы ранневизантийской краснолаковой керамики: понтийская, фокейская и херсонесская сигиллята. Понтийская сигиллята представлена блюдами и мисками четырех типов: 1) блюда со слегка загнутым краем на кольцевом поддоне; 2) блюда с широким отогнутым краем; 3) блюда с нешироким отогнутым краем на кольцевом поддоне; 4) небольшие миски с загнутым краем на кольцевом поддоне [15, fig. 5-11, 13, *568-576*; 16, fig. 2]. Фокейская сигиллята двух типов: 1) миски с вертикальным бортиком на кольцевом поддоне; 2) миски небольшого размера. Херсонесская сигиллята: 1) миски с загнутым краем; 2) миски с вертикальным бортиком с двумя врезными линиями; 3) мисочки со слегка отогнутым краем [12, рис. 1,*1,3-7,11,12*]. Другие типы краснолаковой посуды: 1) массивные толстостенные миски; 2) чашки разных типов, миски разных типов; 3) тарелки с вертикальным бортиком; 4) рыбные блюда; 5) блюда с рельефным орнаментом на дне; 6) кубки и канфары; 7) кувшины и ойнохойи. Датировки этих находок не выходят в целом за пределы второй половины – конца V – начала VI вв.

В прошлом (2009 г.) полевом сезоне в южной (правой) малой апсиде нами было обнаружено сооружение, по виду напоминающее цистерну или колодец, которое мы раскопали тогда лишь до глубины в 1,4 м. Материал из засыпи относился преимущественно к I - III вв. н.э. В нынешнем 2010 году раскопки были продолжены. «Цистерна» оказалась колодцем редкой овальной в плане формы. Удалось удалить заполнение колодца до глубины 7 м. В нижней части засыпи колодца все находки без исключения относились к позднеклассическому и эллинистическому времени. Охарактеризуем основные категории находок[4].

Строительные материалы. Важно отметить, что раскопки эллинистического колодца в 2010 г. дали аналогичный (или, во всяком случае, очень близкий по типам) строительный материал, что и раскопки так называемой «ямы» в 2009 г. (участок раскопок перед базиликой – подвал эллинистической постройки). Это позволило «подтвердить» выделенные рабочие типы и уточнить их датировку. Из раскопок колодца 2010 г. происходят несколько фрагментов керамид с синопскими клеймами, которые датируются 50 - 20 гг. IV в. до н.э. (по В.И. Кацу). Четыре фрагмента с изображением эмблемы города (орла, клюющего дельфина) относятся к наиболее ранним синопским клеймам. Можно заключить, что в целом обращает внимание доминирование синопской продукции. Типы черепицы относятся к середине IV - III вв. до н.э., так как материал из колодца (в котором встречаются аналогичные типы черепицы) не даёт находок II в. до н.э. Красноглиняная черепица из раскопок 2010 г., относящаяся к херсонесскому производству, не всегда может сразу

[4] Более полно находки будут представлены в публикации материалов «Лазаревских чтений»

однозначно отнесена к нему, так как технологические приёмы, перенятые у синопских мастеров (а, возможно, и работа приглашённых синопских мастеров) иногда затрудняет выделение местной херсонесской черепицы. Уточнить этот вопрос помогут находки бракованных изделий (также очень близких по типам из раскопок 2009 и 2010), а также проведение сравнительных анализов[5].

Амфорный комплекс не очень многочисленен – всего найдено около сотни профильных фрагментов, из них большую часть (40) составляют амфоры Херсонеса, второе и третье место занимают сосуды Синопы (27, преимущественно обломки ручек) и Гераклеи (13), остальные амфоры представлены единичными экземплярами: Хиоса – 6, Менды – 4, Родоса – 3, Книд – 2, Колхида, Фасос и Самос – по одному. Тара средиземноморских центров и, вероятно, амфоры Гераклеи являются своеобразной «примесью снизу» – так, фрагмент амфоры Менды (на рюмкообразной ножке) (рис. 6,*15*) можно отнести к т.н. мелитопольскому варианту II-C третьей–четвертой четверти IV в. до н.э. по С.Ю. Монахову [6, т. 62; 63; 64,*1*; 65,*3*]. Фрагмент венчика еще одного сосуда мы отнесли к Самосу (рис. 4,*10*) достаточно условно – по его морфологии. Хиос представлен характерной колпачковой ножкой (рис. 6,*16*). Венчик фасосской амфоры (рис. 6,*7*) можно отнести к биконическому варианту коническо-биконического типа раннебиконической серии II-B-1[6] [6, т. 42, *4-7*]. Фрагменты синопской тары – малоинформативны, единственный венчик можно отнести к типу пифоидных варианту II-C, бытующих, по определению С.Ю. Монахова, с конца IV по конец III вв. до н.э. [6, с. 158, т. 102,*2*]. Фрагменты амфор Херсонеса (рис. 6,*19*) многочисленны, но обычны для этого центра.

Для датировки комплекса большое значение всегда имеет такая группа находок как амфорные клейма. Всего из засыпи колодца происходит 14 клейм и их фрагментов: Херсонеса и Синопы. Наиболее поздними являются синопские клейма VI группы, бытовавшие до последнего десятилетия III в. до н.э. [5, с. 435–236]. Аналогичную верхнюю дату дает и остальной археологический материал.

Простые сосуды представляют из себя третью по количеству группу керамических находок из комплекса засыпи колодца (после строительной керамики и амфор – 17% профильных фрагментов) и наиболее внушительную (56,5%) долю находок столовой керамики. Это преимущественно это фрагменты кувшинов местного, херсонесского производства (рис. 7,*1–5*). Большую часть кувшинов составляют красноглиняные сосуды без покрытия. Значительную часть находок (38 профильных фрагментов) составляют кувшины со светлым ангобом. Следует также обратить внимание на фрагмент гидрии с уплощенной прилепленной к стенке ручкой. На светлый ангоб красной краской нанесены полосы и стилизованный венок. Немногочисленную группу представляют культовые чаши-*фимиатерии* (всего 3 фрагмента) (рис. 7,*6,7*). Подавляющее большинство сосудов по аналогиям можно отнести к III в. до н.э. В целом же простая столовая керамика из колодца в южной конхе базилики Крузе повторяет по своему составу аналогичный материал из цистерны в XCVII квартале, раскопанной в 1991 г. Засыпь последней М. И. Золотарев относил к середине последней четверти III в. до н.э. [19, р. 198].

Большой интерес представляет комплекс чернолаковой керамики из засыпи колодца. Первое место по числу находок занимают канфары (рис. 7,*10–13,19*). Большинство из них относятся к первому типу классической серии канфаров с прямым венчиком по классификации С. Ротрофф [18, р. 83, 84]. Нижняя часть одного из канфаров этой серии сохранилась полностью, благодаря чему мы можем датировать его второй четвертью III в. до н.э. Среди находок также встретились кольцевые поддоны кубков-канфаров, фрагменты венчиков и ручек кубков-канфаров с биконическим туловом и ручка кубка-канфара с

---

[5] Материал готовиться к публикации.

[6] Нач. IV в.

формованным венчиком. Два фрагмента украшены орнаментом в стиле «западного склона афинской Агоры» (рис. 7,*13*). Группа мисок представлена двумя традиционными формами с загнутым и отогнутым венчиком (рис. 7,*14,15*). Относительно точную датировку дают тарелки с валикообразным венчиком (рис. 7,*17*) (всего 7 закраин); нам удалось найти близкие аналогии почти для всех фрагментов, некоторые из них датируются концом IV – началом III вв. до н.э. [2, с. 225]. Такую же дату дают и два фрагментированных горла гуттуса (рис. 7,*18*). Также из раскопок колодца происходит шесть фрагментов расписной краснофигурной керамики: закраина, две ручки и две стенки кратера, закраина канфара со следами ремонта и фрагмент дна мисочки на кольцевом поддоне (рис. 7,*8*). На внутренней поверхности ее дна частично сохранилась многофигурная композиция – читается изображение головы коня (глаз и ушко) и складки одежды.

Самой малочисленной группой керамики из засыпи колодца является сероглиняная керамика с чёрным покрытием. Имеется всего лишь 7 профильных частей от сосудов разных типов: кувшина, мисок, рыбных блюд и крышки (рис. 8,*1-6*). В научной литературе нет единства мнений о месте их производства и времени бытования, несмотря на то, что они достаточно широко распространены в Причерноморье и Крыму [17, p. 167–185]. Находки из Херсонеса чаще относят к местному производству [1, с. 31, Прим. 11; 2, с. 11, 12, 64–181, рис. 49–52]. Однако есть веские основания настаивать на их импортном происхождении [10, с. 45–47; 11, с. 125–138].

Незначительную по количеству группу находок представляют и фрагменты так называемой ионийской «полосатой» керамики или керамики ионийского типа (рис. 8,*7–15*). Сосуды этой группы являются примесью «снизу» [4, с. 4–5]. Открытые формы представлены фрагментами чаш с петлевидными ручками, это закраины, ручки и донышко. От закрытых сосудов сохранились лишь две ручки от кувшина и кубка. Аналогии этим находкам легко найти в разных частях херсонесского городища, в том числе и в XCVII квартале, раскопки которого закончены в 2004 г. [14].

Можно заключить, что в колодце найден материал, верхняя граница которого не выходит за пределы рубежа III–II вв. до н.э. Из нумизматических находок наиболее поздними являются 2 монеты, датированные последним десятилетием III в. Из наиболее выразительных находок керамики можно отметить фрагменты расписной керамики, канфар с отбитым венчиком, целый светильник, фрагменты терракотовых статуэток.

Проведенные в этом году исследования подтвердили ранее сделанные предложения о возведении базилики в период не ранее второй четверти VI в. Ей предшествовали постройки городского квартала эллинистического и римского времени; можно предположить и существование здесь и большого рыбозасолочного комплекса. На месте руин базилики впоследствии существовал небольшой некрополь.

Список использованной литературы

1. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Suhhlementum. Вып. 5.
2. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика с памятников Северо-Западного Крыма IV–II вв. до н.э. М., 2009.
3. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
4. Золотарёв М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993.
5. Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. 2007.

6. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003.
7. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. - Екатеринбург: Уральский университет, 1995.
8. Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. 1992. № 2.
9. Ушаков С.В. Когда были сооружены могилы в нартексе базилики „Крузе" в Херсонесе? // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2010. Вып. IV.
10. Ушаков С.В. Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок XCVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Сборник материалов XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2007.
11. Ушаков С.В. Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок XCVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2009.
12. Ушаков С.В. Херсонесская краснолаковая керамика // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2005. Вып. VIII.
13. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Тюрин М.И. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2009 году // Археологічні дослідження в Україні в 2009 р.: Збірка наукових праць. Київ, 2010. Вип. XI.
14. Ушаков С.В., Лесная Е.С. О характере «ионийской полосатой» керамики из Херсонеса (на примере XCVII квартала) (в печати).
15. Arsen`eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. Band 8.
16. Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // Rei cretariae romane Favtorvm. Abingdon, 2000. Acta 36.
17. Handberg S., Stolba V., Ušakov S. Classical and hellenistic Grey Ware from the Western Crimea // Pontica. 2009. XLII.
18. Rotroff S.I. Hellenistic Potteri Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Part 1,2. Princeton, New Jersey, 1997. Part 1.
19. Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the Nort-eastern Sector of Chersonesos – in book «Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC». 2005 // BSS. 3.

Summary

In this article consider results of excavation of the basilica «Kryze» in 2010 year. In central nave of temple dug up cultural layers of the end 5-th till the middle 6-th centuries A.D. and were found pits of late antiquity pifosarium with bottoms of vessels. Also were find and excavated burials of XII–XIII centuries. In south conch of apse investigated the wells filling of Hellenistic time till the deep of 7 meters.

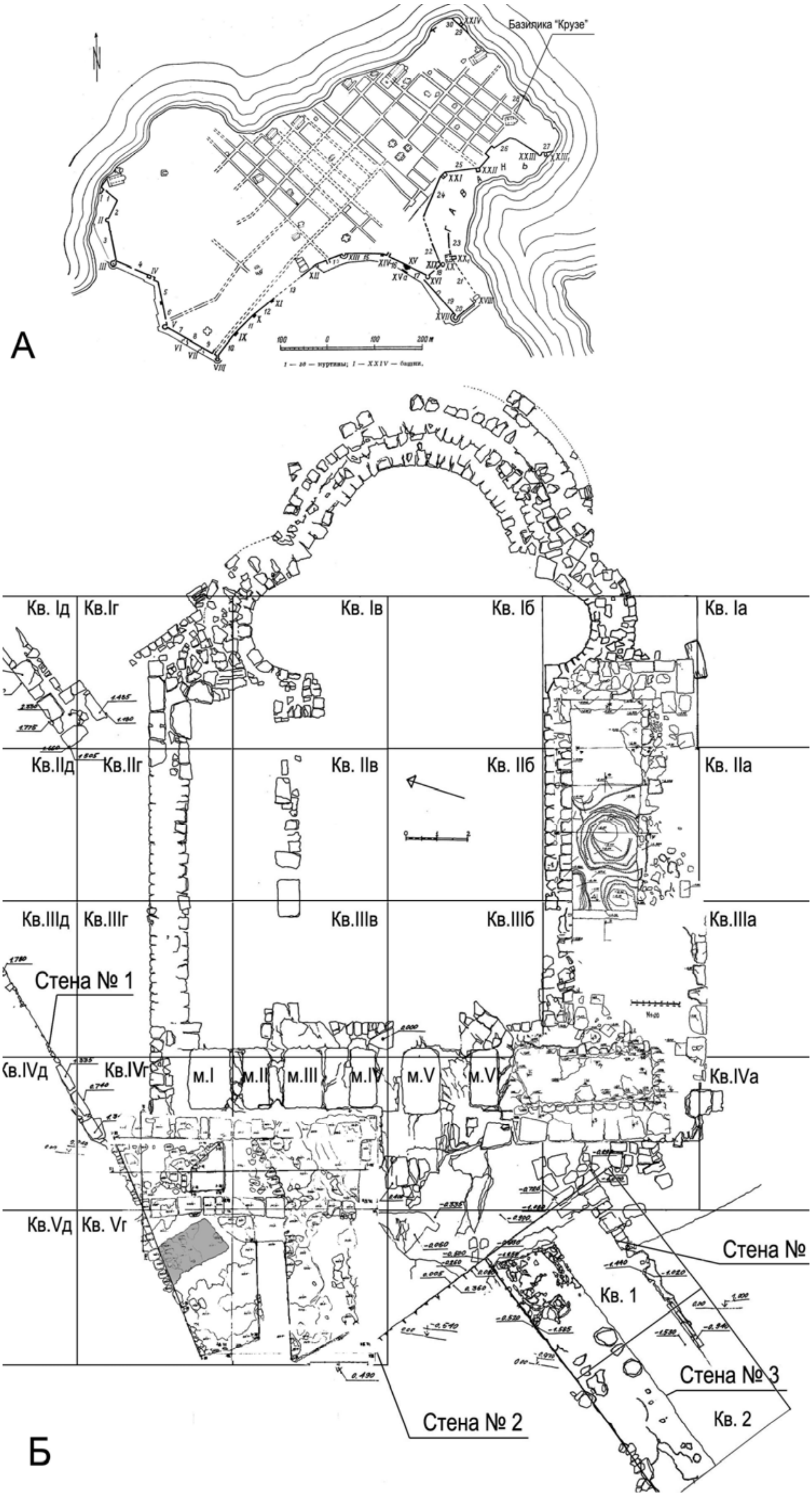

Рис. 1. План базилики «Крузе» с указанием ее местоположения
на Херсонесском городище.

Рис. 2. Раскопки в центральном нефе храма в 2010 г. Рабочий момент.

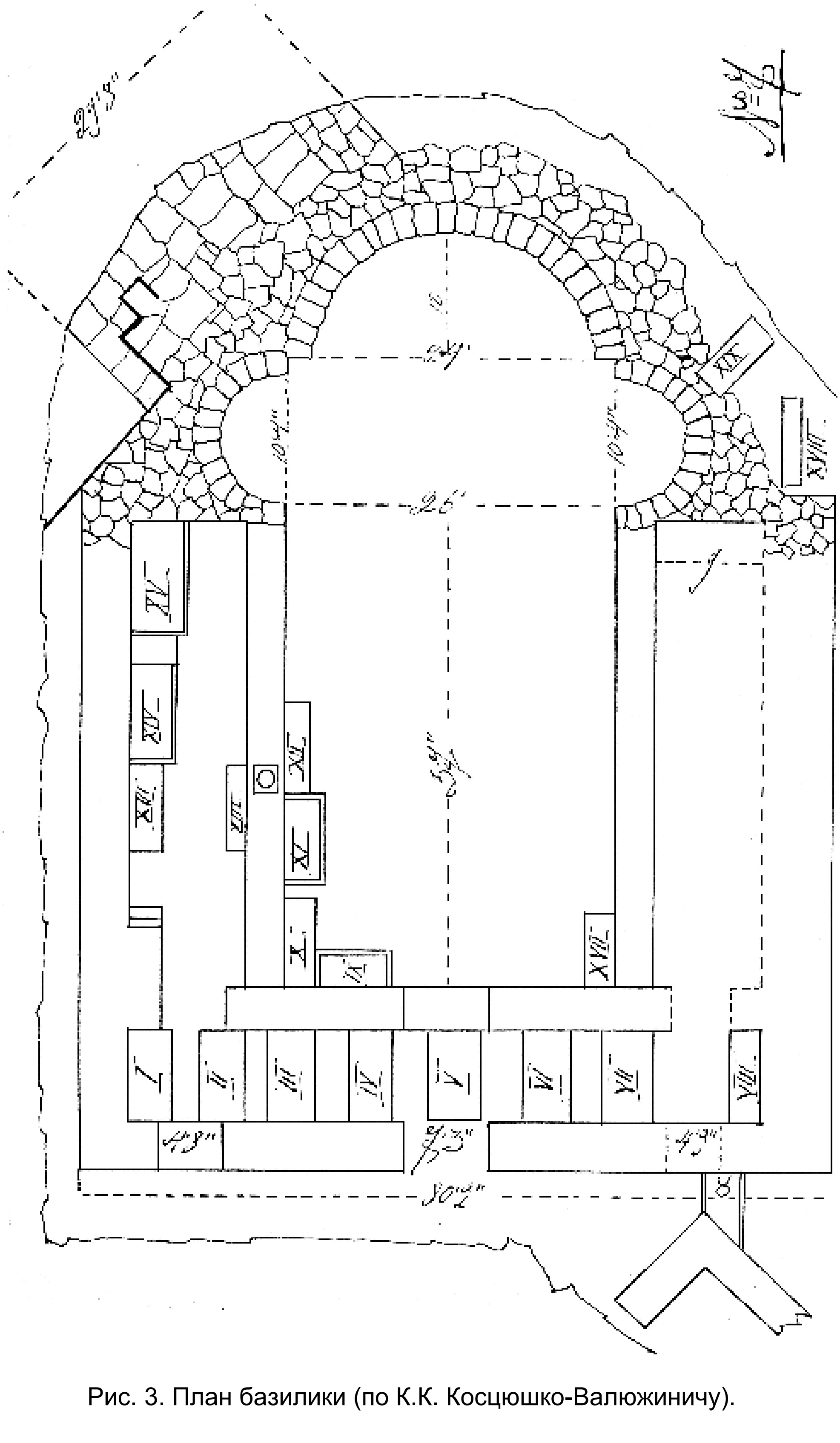

Рис. 3. План базилики (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

А

Б

Рис. 4. Квадрат IIIб. Нижняя часть пифоса с плинфой.

А

Б

Рис. 5. Амфорные находки из-под пола храма.

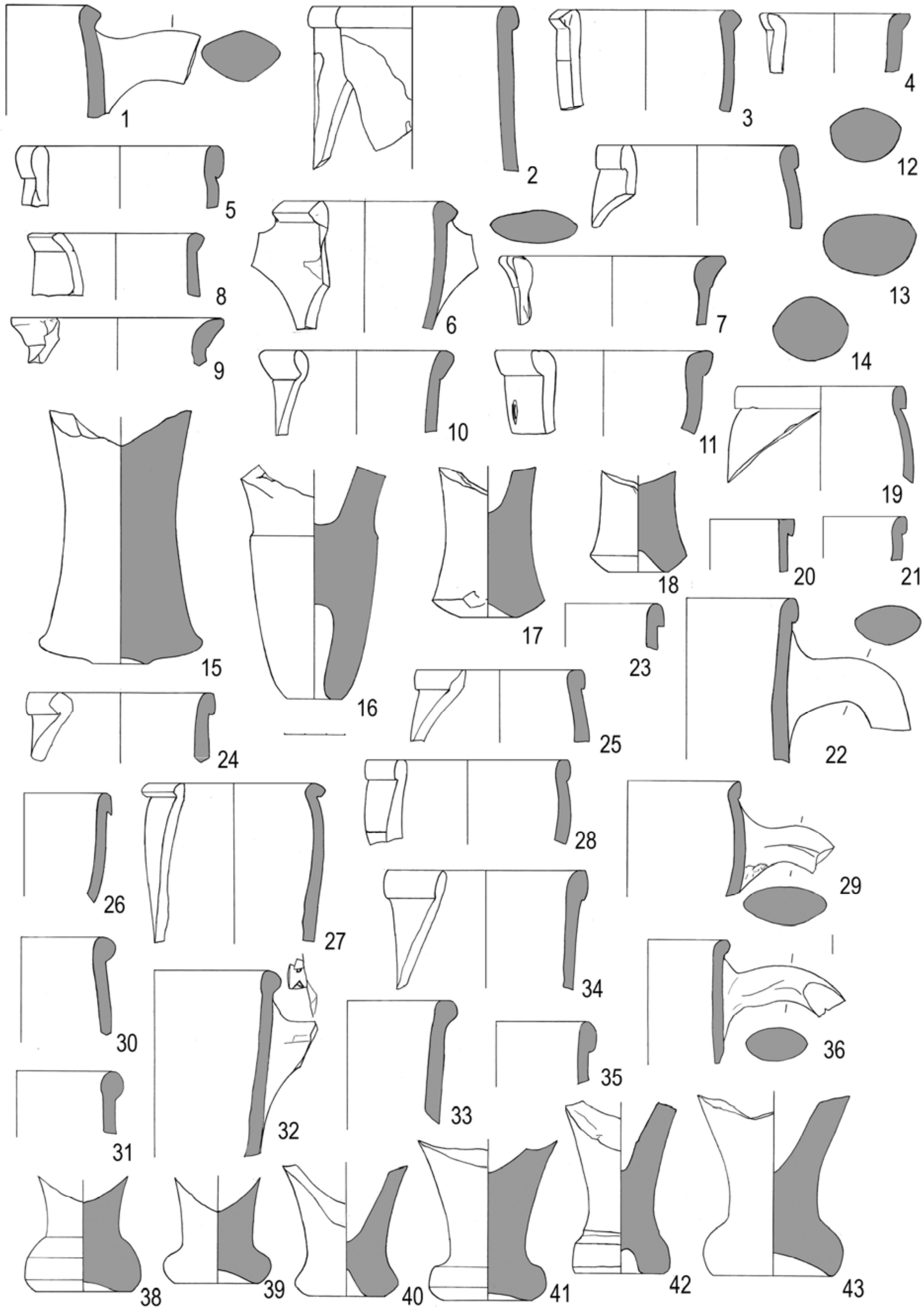

Рис. 6. Эллинистические амфоры из колодца в алтарной части базилики.

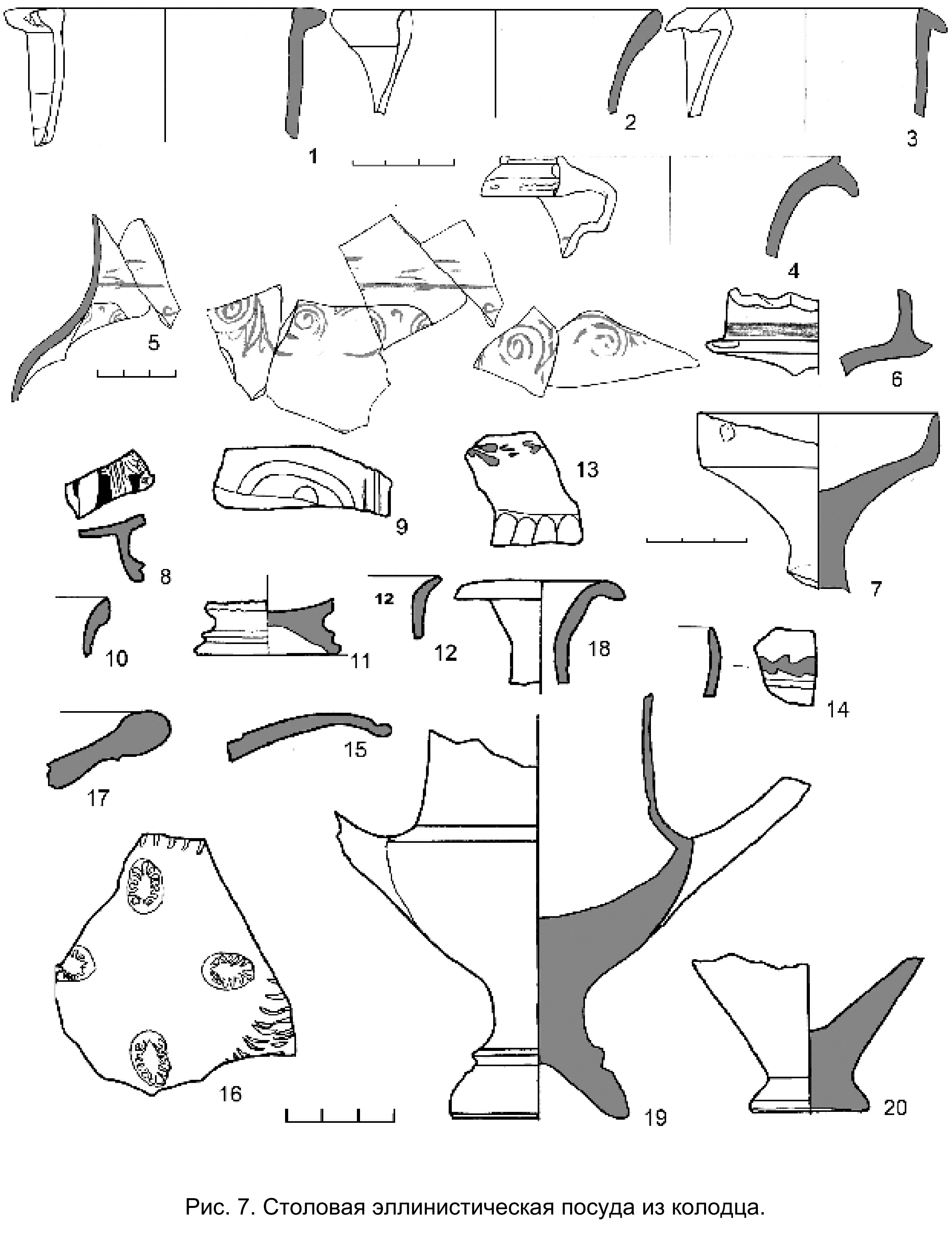

Рис. 7. Столовая эллинистическая посуда из колодца.

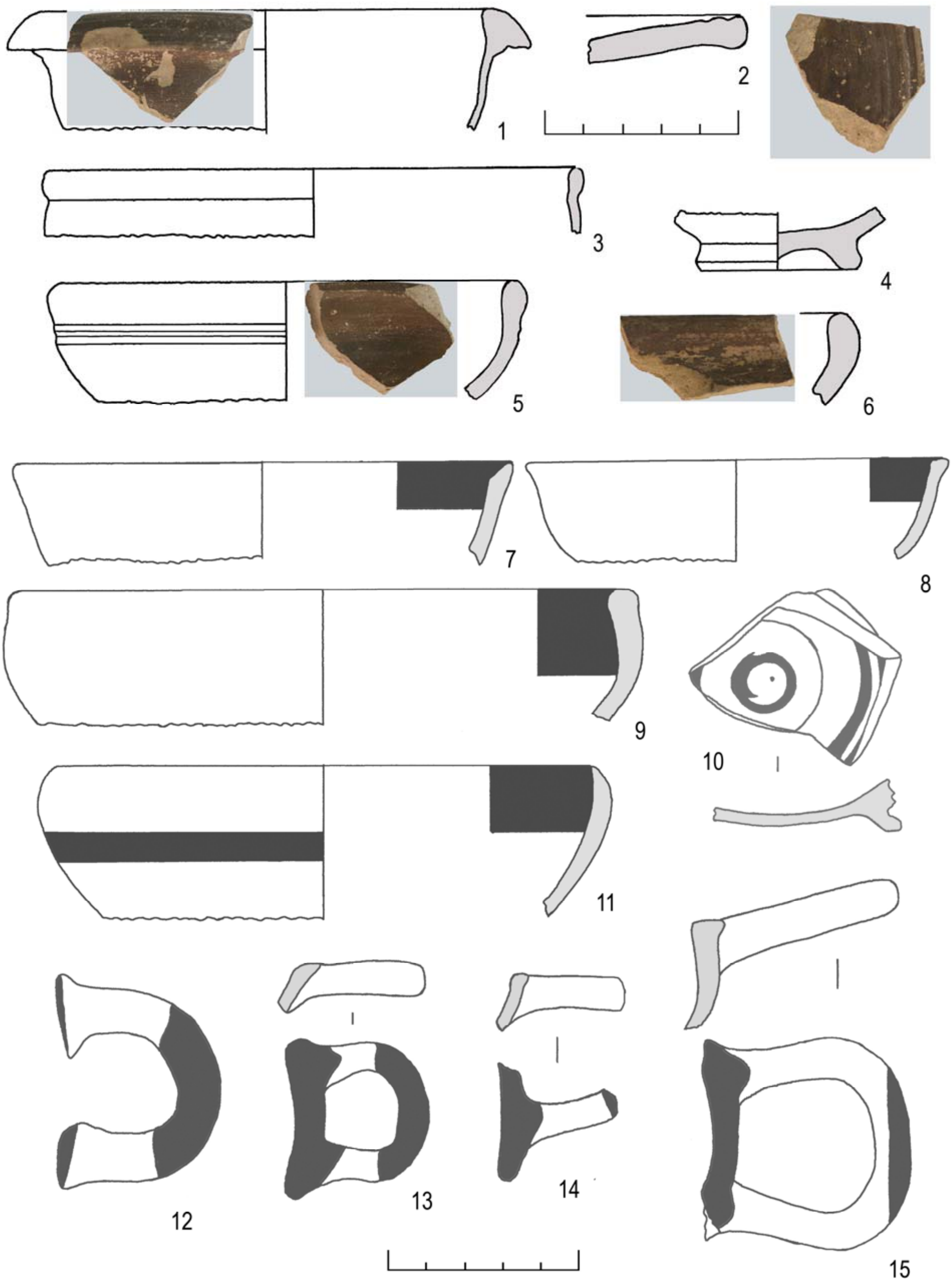

Рис. 8. Сероглиняная и «ионийская полосатая» посуда из колодца.

А.В. Белый

ДВЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ФИБУЛЫ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

В разные годы на территории Бахчисарайского района мною были найдены представляющие археологический интерес два практически целых железных предмета, заслуживающих специального рассмотрения и введения их в научный оборот. Это довольно редкая для Крыма кованая раннесредневековая фибула, поддающаяся типологическому определению благодаря хорошей сохранности, и, пожалуй, впервые встреченное на полуострове достаточно нестандартное изделие – так называемая фибула-кресало.

Артефакты обнаружены случайно, вне археологического контекста, и, судя по всему, оба эти предмета были просто утеряны их владельцами.

Собственно фибула уже опубликована, и тогда же было высказано соображение о ее принадлежности к кругу древностей салтово-маяцкой культуры, с оговоркой, что подобные, как правило бронзовые, бытовали на юге Восточной Европы в позднеантичное время [1, с. 386; 389, рис. 6]. Несмотря на их значительное разнообразие, характерным отличительным признаком оформления ножки является завиток на конце сплошного пластинчатого приемника (группа 13 по А.К. Амброзу). Ареал распространения фибул с таким декоративным элементом в I в. н.э. охватывал Крым и Кубань, во II–III вв. – Крым и Нижнее Поволжье, в III–IV вв. – только Нижнее Поволжье и Кавказ, в V–VII вв. – только Кавказ, в VIII–IX вв. – Кавказ и салтовские племена Северского Донца [2, с. 45–48; табл. 5,*12–23*, табл. 6,*1–9*, табл. 19,*3*].

Благодаря новой информации, теперь представилась возможность окончательно определиться с историко-культурной принадлежностью и хронологической атрибуцией случайно найденного изделия.

Напомним, что застежка была подобрана нами в окрестностях села Самохвалово, у обрывистой кромки куэсты Внешней предгорной гряды (рис.1,*1*). Место находки локализуется примерно в 0,5 км к юго-западу от укрепленного позднескифского убежища на горе Чубовской [3, с. 31–32]. Фибула оказалась на виду после террасирования склона, а неподалеку от нее встречена ручка ойнохои скалистинского типа.

Размеры фибулы – 7 х 3,8 см. Конструкция двучленная, с кольцом для оси пружины. Тетива головки пропущена под шейкой. Спинка сильно выгнутая (полуциркульная) шириной до 1,4 см (рис. 2).

Аналогичные по конструкции и морфологии корпуса железные застежки с завитком на ножке обнаружены в Северо-Восточном Причерноморье и на синхронных салтово-маяцких памятниках Подонья (рис 3). Так, они присутствуют в инвентаре захоронений с трупосожжениями могильников Дюрсо и Борисовского [4, с. 79; 80, рис. 4,*1,2,4–8*; 5, с. 148; табл. V,*22–25*], в подобном по обряду (кремации на стороне) Сухогомольшанском некрополе [6, с. 116, рис. 7,*11,27,29*], в катакомбных Дмитриевском и Маякском могильниках [7, с. 111; 112, рис. 59,*II*; 8 с. 134, рис. 57,*2*].

Похожие железные фибулы встречаются и в Крыму, например, в захоронениях VIII–IX вв. раннесредневековых могильников Узень-Баш и Баклинский овраг [9, с. 118–121; 362, рис. III,*6*; 10, с. 132; рис. 15,*6*], но, к сожалению, за исключением нашей, они почти не подлежат идентификации из-за коррозии металла.

Больше всего рассматриваемых фибул, с завитком на конце низкого пластинчатого приемника, найдено в могильнике Дюрсо (22 экз.) Автор раскопок А.В. Дмитриев отнес их к 7-му типу и по форме спинки и конструкции пружинящего устройства разделил на шесть

вариантов. Все варианты, кроме 7е, имеют пружину и, за исключением двух экземпляров варианта 7б, изготовлены из железа. Фибула из Крыма, судя по широкой спинке, соответствует самому многочисленному варианту 7а.

Второе железное изделие – фибула-кресало – найдено в окрестностях Бахчисарая, на пологом склоне куэсты Внутренней предгорной гряды: примерно в 1,5 км к юго-востоку от окраины старого города и в 0,7 км к северо-западу от подножия горы Бешик-Тау (рис. 1, *2*). Предмет лежал прямо на поверхности и, несмотря на коррозию, неплохо сохранился. Обломан только конец иглы (рис. 4).

Такое комбинированное изделие с иглой и приемником, как у обычной фибулы, по общему мнению исследователей, является кресалом. По классификации А.В. Дмитриева, оно отнесено к 9-му типу фибул могильника Дюрсо: «железная фибула-кресало с завитком и вдетым в него проволочным кольцом на конце приемника, с угловато-изогнутой вертикально-пластинчатой спинкой и щипцовым пружинным устройством» [4, с. 80, 81, рис. 4,*10,11*]. Ручка подвижной половины щипчиков, специально удлиненная до конца обоймы, соответственно и служила фибульной иглой.

А.В. Дмитриев полагает, что при ее помощи кресало могло пристегиваться к одежде [11, с. 204], но наличие кольца, по-видимому для подвешивания на поясе, это опровергает. Как нам кажется, защелка была необходима скорее для того, чтобы плотно сжимать щипчики в нерабочем положении. Другой вопрос: для чего вообще потребовалось такое затейливое устройство, остается пока открытым.

Кроме Дюрсо, фибулы-кресала найдены в уже упомянутых Сухогомольшанском и Дмитриевском могильниках [6, с. 118, рис. 9,*16,17*; 7, с. 92, 93, рис. 45], а также в Больше-Тарханском и Танкеевском праболгарских некрополях на Волге [12, с. 44; табл. X,*3,5*; 13, p. 62; p. 212, pl. XXXVIII,*13*]. Среди них (рис. 5) есть изделия более крупные, чем крымское, размеры которого, без учета кольца, составляют 10,9 х 2,6 см.

Вводимые в научный оборот случайные археологические находки: застежку и фибулу-кресало, опираясь на аналогии, можно уверенно отнести ко времени существования салтово-маяцкой культуры, и даже более того: присутствие выразительных образцов этих типов фибул в эталонных памятниках позволяет сузить хронологические рамки их бытования до одного столетия. Так, погребения с трупосожжениями четвертого (последнего) периода могильника Дюрсо А.В. Дмитриев относит исключительно к IX в. [10, с. 206], а датировку поздней группы катакомб Дмитриевского могильника, в инвентаре которых также хорошо представлены аналогии вещам из Крыма, С.А. Плетнева предлагает ограничить второй половиной IX – началом X ст. [7, с. 172].

Показательно, что оба публикуемых предмета не только одного времени, но и связаны географически. Они найдены на расстоянии около 8 км друг от друга в пограничной со степной равниной зоне предгорья.

В этом районе, в междуречье Альмы и Качи, расположены два крупных последовательно функционировавших городища хазарского периода – Кыз-Кермен и Чуфут-Кале (рис.1). По уточненной нами хронологической схеме, предложенной еще Е.В. Веймарном, Чуфут-Кальская крепость сооружается византийскими фортификаторами около середины IX в. после оставления жителями соседнего и более раннего Кыз-Кермена [14, с. 205–210, 249–251].

Судя по всему, ее появление следует связывать с учреждением в Таврике фемы Климатов, образование которой в 841 г., по мнению К. Цукермана, было ответом на вторжение в причерноморские степи кочевников мадьяр [15, с. 312–323; 16, с. 663–688]. Здесь уместно отметить, что захоронения по обряду кремации (могильники Дюрсо, Борисовский, Сухогомольшанский и др.), в инвентаре которых широко представлены аналогии рассматриваемым предметам, некоторые исследователи в осторожной форме связывают с венгерским этническим компонентом [11, с. 206; 17, с. 156–167].

Контролировавшиеся Византией сложные этнополитические процессы, протекавшие на ее границах в эпоху переселения народов, в полной мере затронули также и территорию Таврики. В результате постоянного взаимодействия грецизированного оседло-земледельческого населения Крыма с другими этносами в контактной зоне предгорья под эгидой империи сформировалась самобытная синкретическая материальная культура, синтезировавшая провинциально-византийские и варварские компоненты [18, с. 99 –105]. Об этом наряду с раскопками поселений свидетельствуют и раннесредневековые могильники, в инвентаре которых представлены украшения и аксессуары одежды, встречающиеся на обширной территории от Западной Европы и Балкан до Кавказа и Приуралья. Подтверждением сказанного являются и наши находки, почти все аналогии которым, судя по опубликованным памятникам, зарегистрированы за пределами Крымского полуострова.

Список использованной литературы

1. Белый А.В. Новые археологические находки в Симферопольском и Бахчисарайском районах Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. I.
2. Амброз А.К.Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д 1 – 30.
3. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев. 1972.
4. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска // Древности эпохи великого переселения народов V – VIII веков. М., 1982.
5. Саханев В.В. Раскопки на северном Кавказе в 1911 – 12 годах // ИАК. 1914. Вып. 56.
6. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
7. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
8. Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград, 1993.
9. Айбабина Е.А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
10. Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1993 – 1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
11. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V – IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII века. М., 2003.
12. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1984.
13. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka // Les ansiens Hongrois et les ethnies voisines a l`Est. Budapest, 1977.
14. Белый А.В. К вопросу о датировке «средней» оборонительной стены Чуфут-Кале // ВВ. 1990. № 51.
15. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. 1997. Вып. I.
16. Цукерман. К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836 – 889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып.VI.
17. Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. 1982. № 2.
18. Белый А.В. «Пещерные города» Юго-Западного Крыма и некоторые теоретические аспекты проблемы урбанизации Таврики // Культура народов Причерноморья. 1997. № 2.

Summary

The author in Bakhchisaray district were found two well-preserved iron objects: two-term fibula to curl at the end of the receiver and the so-called fibula steels with crocodile-spring device. Both products are classified as accidental finds and picked up at a distance of about 8 km apart in the border zone with steppe plain foothills. In this area, between the Alma and Kacha, there are two major series of the Khazar fortress functioned period - Kiz-Kermen and Chufut-Kale. Found in their district iron objects: two-part brooch with curl and fibula on the leg-steels, obviously, have got into the territory of South-Western Crimea as a result of inter-ethnic contacts, according to the analogy of the northeastern Black Sea and the Don region, we can confidently date the lifetime Saltovo-Mayatsky culture (probably the IX c.).

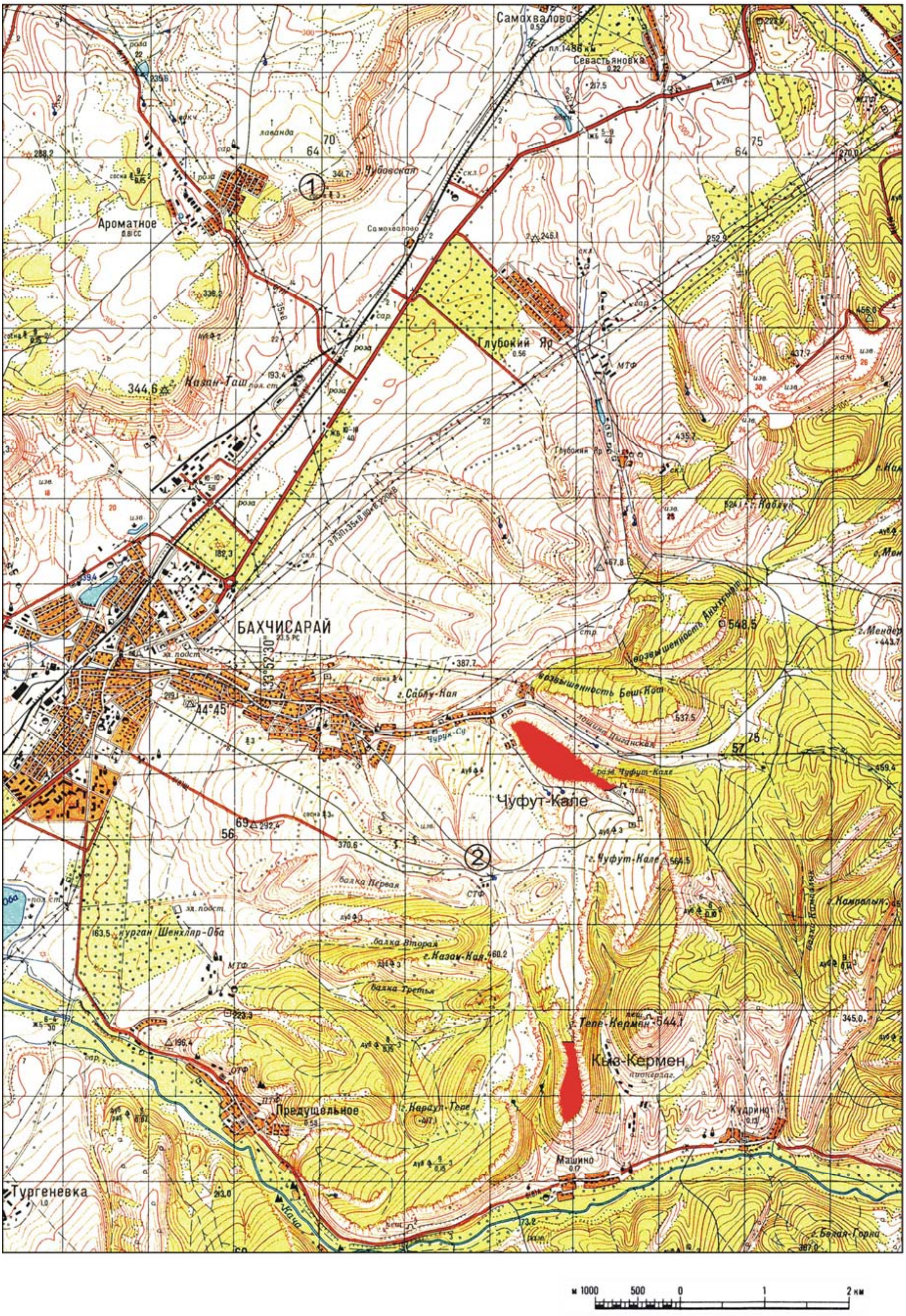

Рис. 1. Участок предгорья Юго-Западного Крыма в междуречье Альмы и Качи

1– фибула, 2 – фибула-кресало.

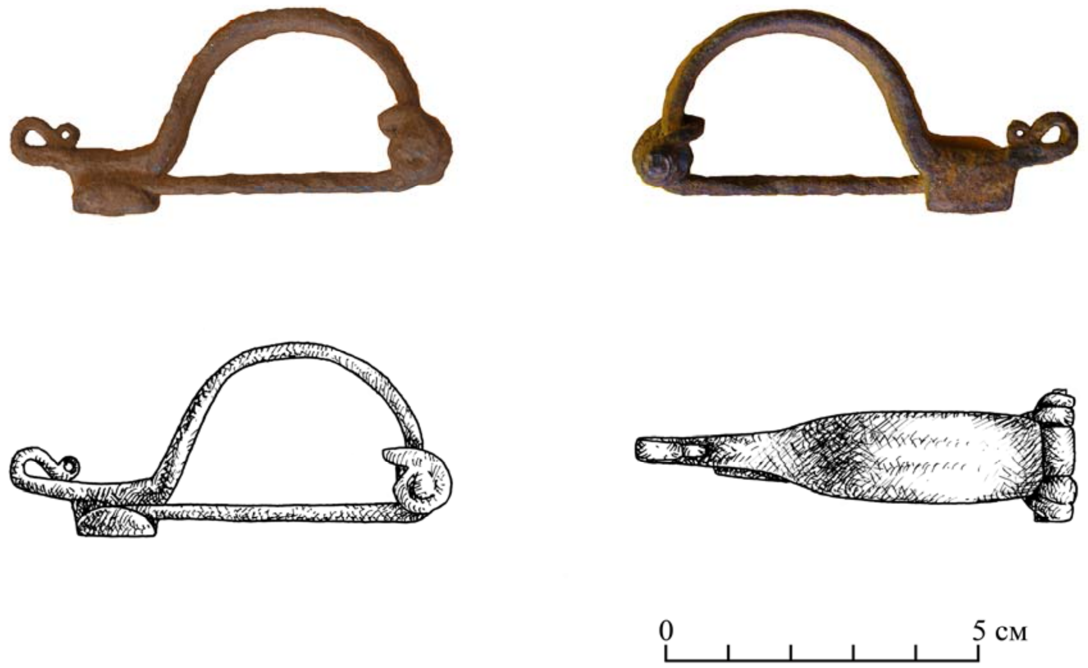

Рис. 2. Железная фибула из Крыма.

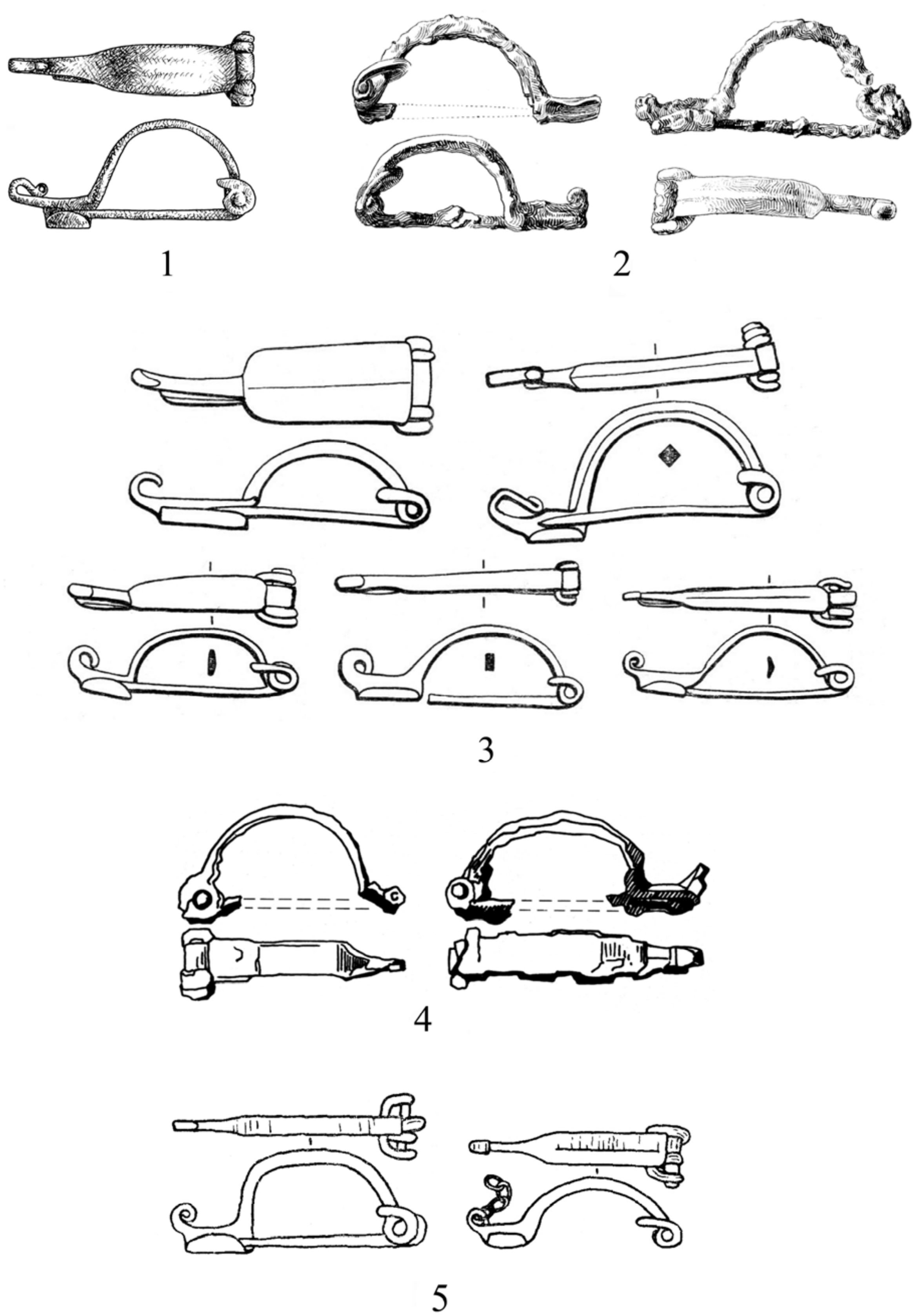

Рис. 3. Железные фибулы с завитком на конце приемника (1 – Крым, 2 – Борисовский могильник [5, табл.V,*22–25*], 3 – могильник Дюрсо [4, с. 80, рис. 4,*1,2,4,6,7*], 4 – Дмитриевский могильник [7, с. 112, рис. 59,*II*], 5 – Сухогомольшанский могильник [6, с. 116, рис. 7,*11,29*].

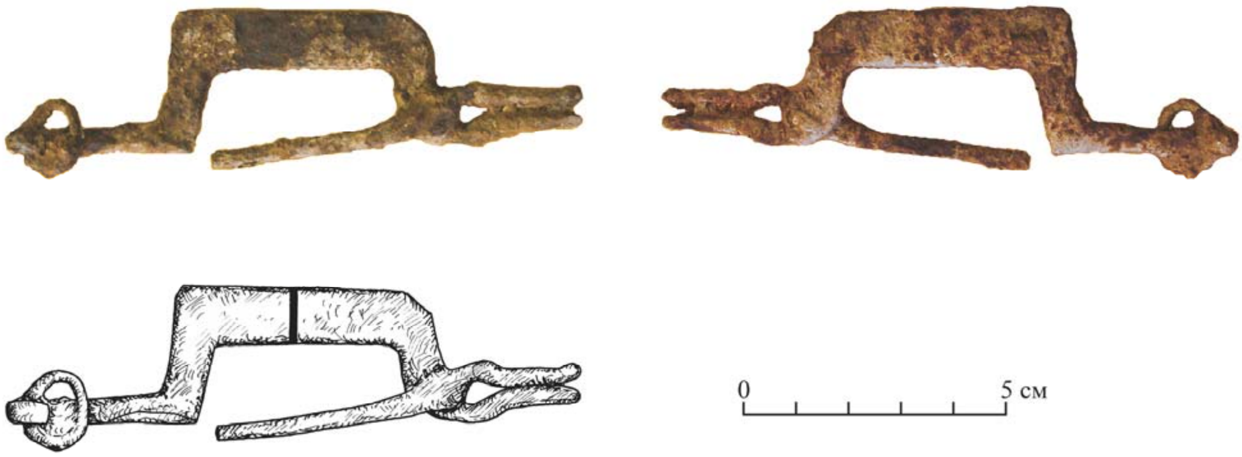

Рис. 4. Железная фибула-кресало из Крыма.

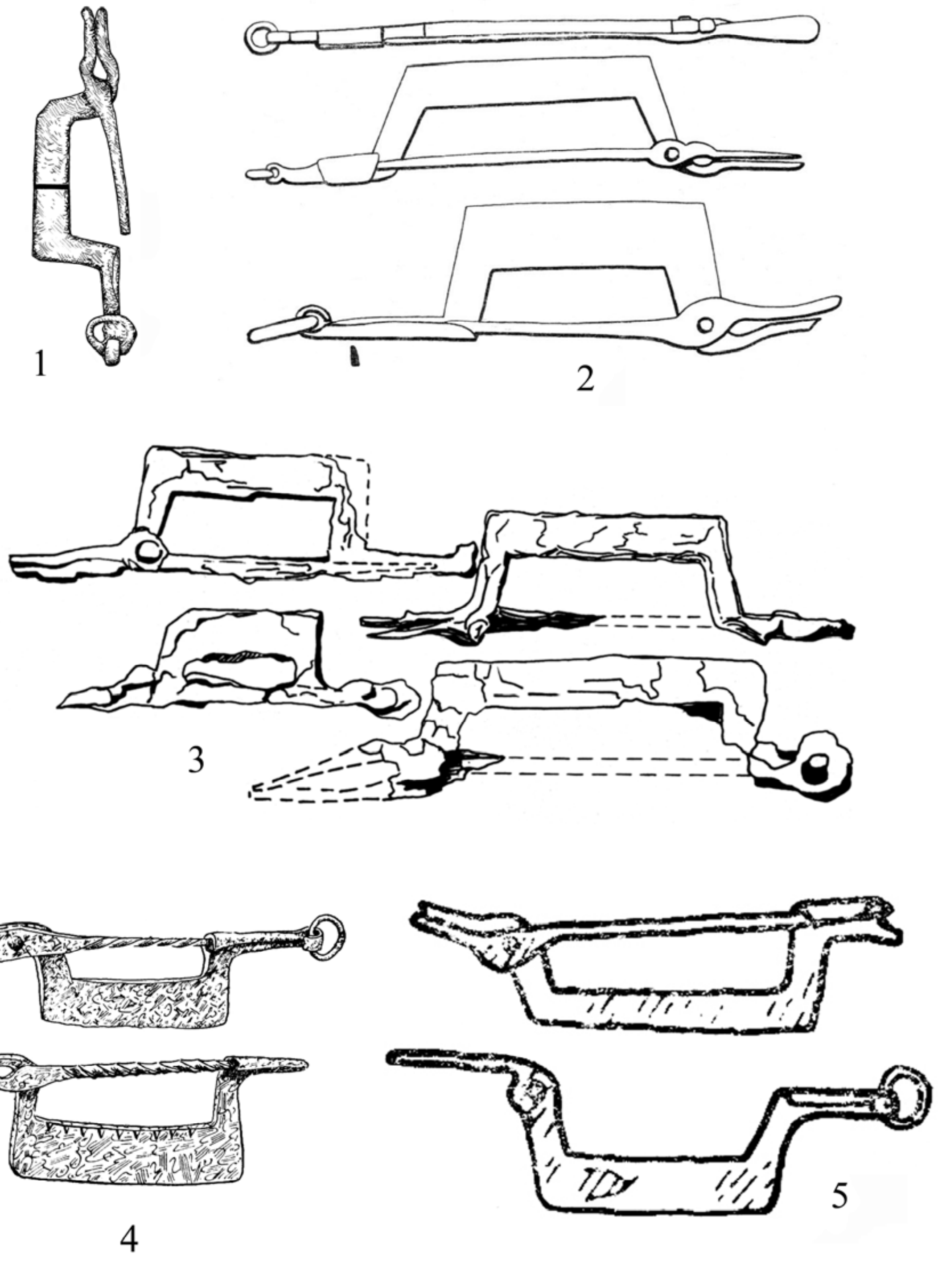

Рис. 5. Железные фибулы-кресала (1 – Крым, 2 – могильник Дюрсо [4, с. 80, рис. 4,*10,11*], 3 – Дмитриевский могильник [7, с. 92, рис. 45], 4 – Больше-Тарханский могильник [11, табл. X,*3,5*], 5 – Сухогомольшанский могильник [6, с. 118, рис. 9,*16,17*].

К.Ю. Рахно

УКРАИНО-АЛАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Наличие украинско-североиранских параллелей неоднократно отмечалось в современной украинской этнологии. Они позволяют по-новому осветить ряд спорных вопросов этнической истории Восточной Европы, а также в определенной степени реконструировать некоторые этапы процесса формирования этнокультурного облика населения Украины, на которое длительное время оказывали влияние ираноязычные кочевые обитатели степей. Скифы, сарматы, а во времена средневековья и аланы, находились во взаимодействии со многими восточноевропейскими этническими общностями неиранского происхождения, прежде всего славянами. Именно этим можно объяснить различные аналогии в культуре украинцев и осетин. Многовековые контакты предков современных украинцев с сарматами и аланами не прошли безрезультатно, а оставили заметный след в антропологии, языке, идеологии, духовной и материальной культуре украинцев. Это побуждает к поискам не только иранизмов в лексике и топонимике, но и иранского фрактала в украинском культурологическом материале. Усваивались не только хуторское хозяйство, каркасно-турлучный тип жилища, кочевническая одежда, обувь или орнаментика. Последствия североиранского культурного влияния до сих пор заметны во многих проявлениях духовности украинцев. Период совместного обитания с сарматами и аланами оставил следы в украинском фольклоре. Взаимодействие украинской фольклорной системы с сармато-аланским эпосом, входящим в индоиранскую традицию, дало качественно новые результаты в виде сложения синтетических, стадиально более поздних мотивов, которые отразили в себе в переработанном виде воззрения древних иранцев. При этом в обрядности украинцев появилось много элементов, представляющих прямые заимствования от предыдущего, дославянского населения [7, с. 156-159; 6, с. 277-289; 14; 17, с. 96-140; 16, с. 28-136; 3, с. 61-64; 4, с. 64-72; 12]. Они нуждаются во всестороннем, прежде всего, компаративном изучении.

В сложившейся ситуации вполне закономерным представляется использование нарративных документов средневековья в качестве этнографических источников. Сведения об обрядах и обычаях средневековых аланов (ясов) можно отыскать в некоторых историко-литературных памятниках XV века. Восточную Европу в ту пору посещали, помимо рыцарей и миссионеров, также коммерсанты, дипломаты, ученые, связанные с новой, ренессансной культурой, которая расцвела в городах Италии.

В XIV-XV веках украинские и южнорусские земли входили в зону активной коммерческой деятельности итальянских городов-республик. На северных берегах Черного и Азовского морей существовали тогда итальянские колонии, среди которых выделялась генуэзская колония Каффа в Крыму и венецианская колония Тана в устье Дона, которую итальянские медиевисты даже называют северной Александрией того времени [11, с. 88]. В XIV-XV веках и Каффа, и Тана были широко известны в Италии, сюда совершали путешествия не только из Генуи и Венеции, но и из других городов и регионов страны, и это способствовало пробуждению интереса также к землям вокруг этих колоний и их истории.

На этом этапе самую большую активность в изучении юга Восточной Европы обнаруживали венецианцы, которые вообще сыграли огромную роль в развитии географических знаний. Вступив в XV веке в тяжелую борьбу с растущей Османской империей, Венеция начала также активную дипломатическую деятельность в восточной Европе и на Среднем Востоке, ища союзников; их она усматривала в Персии, Московии, Польше, а впоследствии и в украинском козачестве. О своих путешествиях и миссиях венецианцы подробно

отчитывались перед сенатом, и отсюда их знаменитые relatione, имеющие большую познавательную ценность. Они представляют собою широкие историко-географические панорамы со сведениями описательного характера о разных странах – топографическими, экономическими, этнографическими, политическими, с историческими экскурсами и иногда даже со статистическими таблицами; многие из них содержат также конкретные зарисовки увиденного и пережитого, фиксации впечатлений, нередко с ощутимым элементом художественности.

Одно из самых интересных описаний юга Восточной Европы, появившихся в Венеции XV века – это «Путешествие в Тану» Джосафата Барбаро. Его автор в 1436 году прибыл в эту венецианскую колонию на Дону и прожил там около шестнадцати лет. Он принадлежал к старинному роду, многие представители котрого занимали видные посты на дипломатической, военной и административной службе, а также имели крупные торговые интересы в колониях. Хотя в дошедших до нас источниках нет прямых указаний на то, что Барбаро занимал в Тане какой-либо официальный пост и сам он об этом также умалчивает, в позднейшей литературе высказывают предположение, что Барбаро был направлен в Тану в качестве посла Венецианской республики. Он, несомненно, имел большие связи с администрацией этого важнейшего центра влияния в северном Причерноморье. Это обстоятельство, а также многолетняя коммерческая деятельность в Тане позволили Барбаро собрать ценные сведения о населении прилегающих к этому городу областей.

Здесь, в Тане, Барбаро владел рыбными ловлями и занимался торговлей, сбывая продукцию своих промыслов в страны восточного Средиземноморья. Кроме того, он был знатоком драгоценных камней и жемчуга. Сочинение Барбаро особенно интересно тем, что в нем конкретно, местами очень ярко, с художественной выразительностью описана повседневная жизнь этой итальянской колонии в низовьях Дона, заброшенной в безграничные и очень неспокойные степи «Татарии». Этот чуждый и своеобразный мир, часто угрожавший опасностью, подступал к самым стенам Таны, с которых можно было вплотную наблюдать за его жизнью. Татарам уделяется главное внимание, поскольку это были самые сильные и опасные соседи колонии, от которых прежде всего зависело её благополучие. Барбаро знал татарский язык и часто общался с ордынцами, что дало ему возможность достоверно и колоритно описать их способ жизни и обычаи, быт и занятия. По возвращении на родину он через несколько лет вошел в среду правителей республики и последовательно исполнял государственные поручения в Далмации, Албании, Персии, а к концу жизни – в самой Венеции.

Практик и дипломат, Барбаро не принадлежал непосредственно к гуманистам, но ренессансная культура не прошла мимо него, да и происходил он из венецианского патрициата, восприимчивого к этой культуре. Из его рода, известного в Венеции, вышли гуманисты Франческо Барбаро (1398-1454), автор многочисленных эпистол, филологических разысканий и переводов из Плутарха, кардинал Даниэле Маттео Альвизе Барбаро (1514-1570) – автор комментариев к переведенному им Витрувию и трактата о перспективе в изящных искусствах, а также Эрмолао Барбаро (1452-1493), известный как переводчик Аристотеля и автор комментариев к сочинениям Плиния Старшего, в письме к нидерландскому гуманисту Арнольду Босту упоминающий в 1486 году «еще одного Барбаро – тоже нашего родственника», который «был послом к персидскому шаху» [5, с. 72-73], то есть автора «Путешествия в Тану». Это произведение было написано Джосафатом Барбаро уже на склоне его длинной и бурной жизни, где-то на рубеже 1490-х годов, впервые издано известным издателем Антонио Мануцио в Венеции в 1543-1545 годах как начальная часть большого путешествия Барбаро на Восток – в Персию и смежные страны, вплоть до Средней Азии и Индии, а в 1606 году в сборнике знаменитого издателя описаний дальних странствий Джованни Баттисты Рамузио увидело свет переиздание этого сочинения. В нем выразительно проявляются черты, свойственные опеределенному типу ренессансных

историко-литературных памятников, в частности, живой интерес к прошлому и древностям посещенного края.

К сожалению, исследователи аланской проблематики уделили известиям Барбаро довольно мало внимания в историко-этнографическом отношении [1, с. 35; 2, с. 237-238, 263; 6, с. 140-141, 170-172; 8, с. 272]. Между тем, они содержат ряд важных сведений об аланах. В частности, в описании своего путешествия в Тану Барбаро сообщает о сохранении топонима Алания на Северном Кавказе, предкавказских и приазовских землях: «Равнина Татарии представляется человеку, стоящему посередине, в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль [Волгу]; с запада и северо-запада – Польшу, с севера – Россию, с юга, там, где земли обращены к Великому [Черному] морю – Аланию, Куманию, Газарию; последние страны все граничат с Забакским [Азовским] морем (la Alania, Cumania, Gazaria, i qual logi tutti confinanj sul mar dele Zabache)». Он упоминает «реку, где раньше была Алания (el fiume, dove era la Alania)», имея в виду Кубань или, по другим, более вероятным предположениям, Дон.

Барбаро знал о том, что аланы были дотатарским населением приазовских степей, что они исповедовали христианскую веру и были вынуждены покинуть свои земли под давлением ордынцев. Он подает в высшей мере любопытную информацию о погребальных обычаях аланов. Последним было присуще обыкновение насыпать курганы над могилами знатных людей и устанавливать на них каменные кресты: «Название Алания (Alania) произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются «Ас» (populi ditti Alani, li quali nela lor lengua se chiamano As). Они – христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах; там есть множество курганов (monticelli), насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого, цельного камня (un saxo grande con certo buso, in el quale metteno una croce de un pezo fatta de un altro saxo). Эти курганы бесчисленны...». Дальше идет рассказ Барбаро о его попытке вместе с другими венецианскими купцами раскопать один из подобных курганов, называемый Контебе (Contebe). В ходе раскопок были обнаружены несколько глиняных сосудов, глиняные грузила, обломок ручки от серебряного котелка в виде змеиной головки. Очевидно, речь идет о Кобяковском курганном могильнике. По слухам, перед приходом татар в нем спрятал большой клад правитель аланов Индиабу (Indiabu, sognor de questi Alani). Услышав, что «татарский хан идет на него войной, он решил захоронить сокровище, но так, чтобы никто этого не заметил; поэтому он сделал вид, что приготовляет для себя могилу по местному обычаю, и приказал потайно положить туда сначала то, что он считал нужным, а потом насыпать этот курган (deliberando de sepelirlo azò che niuno se ne adesse finse de far la sua sepultura secondo el lor costume et secretamente fece metter in quel logo prima quello, che a lui pareva, e poi fece far quel monticello)». Память об аланах стойко сохранялась среди татарского и итальянского населения.

Из Таны Барбаро не раз выезжал довольно далеко в глубь татарских владений, достигая иногда и аланских земель. Аланией назывались в то время также часть Таврического полуострова, а также, возможно, степное междуречье Днепра и Днестра: «далее за Каффой, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней – Алания, которая тянется по острову в направлении к Монкастро (la Gothia, e poi la Alania, la qual va per la insula verso Moncastro)...». Монкастро – крепость в нижнем течении Днестра. В этих областях все еще жили остатки аланского по происхождению населения, исповедующего восточное христианство. О его прошлом ходили смутные предания, в которых можно даже усмотреть наличие местной эпической традиции. По мнению Барбаро, «благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы (vicinia de Gothi con Alani credo, che sia derivato il nome de Gothalani). Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения

одного племени с другим, они и называют себя готаланами (et chiamose Gothalani). И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы». В первой половине XV века крымские готы, аланы и приазовские черкесы оставались христианами и не знали мусульманства.

Кроме того, Барбаро упоминает аланов среди современных ему обитателей Кавказа, подчеркивая их родство с приазовскими: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук (Chremuch)... Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно [купеческие] караваны, проходящие с места на место. У [здешних жителей] превосходные лошади; сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками. Хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина. Дальше за этим народом лежат области, населенные племенами с различными языками, однако они не слишком удалены друг от друга. Это племена кипке, татаркосия, собаи, кевертеи [кабардинцы], ас, т. е. аланы, о которых мы говорили выше (As zoè Alania, di quali habbiamo parlato di sopra). Они следуют одно за другим вплоть до Менгрелии (Mengleria), на пространстве двенадцати дней пути. Эта Менгрелия имеет границу с кайтаками, которые живут около Каспийских [Кавказских] гор, и частично с Грузией и Великим морем, а также с горным хребтом, проходящим в Черкессию» [5, с. 115-117, 128-129, 131-132, 137-140, 153, 154, 157]. В данном случае речь идет о непосредственно соседствующих с кабардинцами предках нынешних осетин. Таким образом, в первой половине XV века в степях Северного Причерноморья и горах Северного Кавказа обитали одни и те же группы аланов, которые в качестве самоназвания использовали также этноним ас (яс). Под последним их, в частности, знал современник Барбаро, баварец Иоганн Шильтбергер [19, с. 65-67]. По его сведениям, эти аланы тоже, как и донские и крымские, числились христианами.

Данные Барбаро о христианском вероисповедании прежнего аланского населения низовий Дона находят косвенное подтверждение в акте Константинопольского патриархата от 1356 года, в котором речь идет о специальном устранении от власти аланского митрополита Симеона, который регулярно выдвигал притязания на приход в Тане, а затем, заручившись поддержкой хана Золотой Орды, незаконно подчинил себе его и начал собирать с верующих пожертвования в свою пользу. Причиной включения Таны в Аланскую митрополию могла быть только принадлежность местных православных к аланам. Следовательно, аланское христианское население действительно проживало в Тане и окрестностях всего за несколько десятилетий до приезда любознательного венецианца [6, с. 104, 140-141, 171].

В высшей мере любопытен и значим тот факт, что описанные Джосафатом Барбаро погребальные обычаи этих христиан находят точные соответствия у украинцев. Характерны они были прежде всего для воинского быта Запорожской Сечи. Если запорожский козак умирал в зимовнике либо бурдюге, его хоронили где-нибудь на склоне глубокой балки, у устья реки, близ живописного озера или среди открытой и возвышенной степи. Часто над могилой умершего насыпали большой курган. Последний обычай отразился в старинных козацких песнях [19, с. 304; 15, с. 76]. Сведения о нем можно найти также у французского дипломата, юриста и историка Жана-Бенуа Шерера. Уроженец Страсбурга, Шерер обучался в университете своего родного города, а также в Йене, Фрайбурге и Лейпциге, в начале 1770-х годов поступил на русскую службу, откуда перешел на службу французскую и занимал должность атташе при французском посольстве в Петербурге. Это дало ему возможность основательно изучить русский и украинский языки. Имя в научном мире он себе создал переводами киеворусских летописей, а также трудами по истории России и Украины. В них отразились как личный интерес автора к судьбе украинского народа, так и желание Западной Европы осмыслить Украину, пути её исторического развития и её

взаимоотношения с тремя смежными государствами – Речью Посполитой, Московским царством и Оттоманской Портой. Из книг Шерера видна искренняя симпатия автора к украинцам и Украине, временами даже восхищение героической эпопеей борьбы козаков за свободу. Достаточно значительное место в них занимают этнографические материалы, для получения которых использовались различные источники информации, в том числе украинские. В своих «Анналах Малороссии» (1788) Шерер, среди прочего, пишет, что «запорожские и украинские козаки имели обычай насыпать курганы, или холмы (coutume d'ériger kurgans ou collines), чтобы хоронить в них тех, кто чем-то отметился. И если кто-нибудь погиб в бою за родину (quelqu'un étoit mort en combattant por la patrie), то ему сооружают такой самый мавзолей, даже когда его тело не было найдено. Еще и сегодня можно увидеть много курганов в степях...» [18, с. 68-69; 21, с. 105-106]. Очевидно, у запорожских козаков всё ещё в той или иной мере сохранялось древнее, ещё скифское представление о курганах как о жилищах умерших. Погребенным в них витязям следовало и дальше защищать земли своего народа.

Поверх могилы запорожцы устанавливали каменный крест, нередко сделанный самим покойником еще при жизни. На кресте делали соответствующую надпись [20, с. 304-305]. Именно козаки, считавшие себя рыцарями и отличавшиеся целым рядом этнографических признаков от других слоев населения Украины, сохраняли вплоть до XVIII – начала XIX века древнюю традицию увековечивания памяти своих умерших побратимов каменными надгробиями в форме креста. По наличию высеченных из цельного камня крестов в большинстве случаев и опознаются погребения сечевиков и черноморцев. Примечательно, что в Украине камню при сооружении надмогильных памятников отдавалось предпочтение не везде и не всюду, причем вне зависимости от наличия залежей. Козацкие каменные кресты в определенной мере входили в противоречие с канонами восточнославянского православия, предписывавшего устанавливать на могиле в качестве памятника деревянный крест [14, с. 98-99, 148; 9; 10, с. 9, 16-18]. Судя по всему, источником этой запорожской традиции, как и некоторых других, были обычаи раннесредневековых ираноязычных обитателей степи – аланов. Неслучайно козацкие надгробия соответствуют принятым у осетин формам крестов. Обряд погребения и связанные с ним ритуалы, как известно, являются одними из самых устойчивых элементов идеологии.

Таким образом, изучение свидетельств иностранных путешественников, дипломатов, историков XV–XVIII веков о Восточной Европе и Кавказе, имеющих этнографический характер, в очередной раз указывает на несоизмеримо более весомое иранское культурное присутствие в древней Украине, чем считалось раньше. Возрастает роль северных иранцев в процессе формирования местных субэтносов. Каждый этап компаративных исследований дает возможность убедиться в разнообразии и многоканальности этнокультурных связей украинцев с ираноязычными народами, открывает неожиданные доказательства их реальности. И одновременно возникают новые вопросы, касающиеся временных рамок эпохи их взаимодействия и североиранского субстрата как важного фактора культурогенеза украинцев.

Список использованной литературы

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
3. Байер Х-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
4. Балушок В. Етногенез українців. Київ, 2004.
5. Балушок В. Українська етнічна спільнота: Етногенез, історія, етнонімія. Біла Церква, 2008.

6. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. – Л, 1971.
7. Бубенок О. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев, 2004.
8. Бубенок О. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI–начало XIII вв.). Киев, 1997.
9. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
10. Малина В. Кам'яні хрести в Україні. XVIII–XX ст. Онтологія. Типологія. Символіка. Функція. Миколаїв, 2009.
11. Моздир М. Українська народна меморіальна скульптура. Київ, 1996.
12. Наливайко Д. Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ, 1998.
13. Рахно К. Украино-аланская параллель в свадебной обрядности // Основные направления развития национальных литератур на рубеже XX-XXI веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2010.
14. Сапожников І.В. Кам'яні хрести Степової України (XVIII – перша половина XIX ст.). Одесса, 1997.
15. Стецюк В. Громовержець та міф про чудесне народження. Львів, 2004.
16. Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. III.
17. Тищенко К. Етномовна історія прадавньої України. Київ, 2008.
18. Тищенко К. Мовні контакти: Свідки формування українців. Київ, 2006.
19. Шерер Ж.-Б. Літопис Малоросії, або Історія козаків-запорожців та козаків України, або Малоросії. Київ, 1994.
20. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984.
21. Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. СПб., 1892. Т. I.
22. Scherer J.B. Annales de la Petite Russie, ou Histoire des Cosaques-Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine, ou de la Petite-Russie, deuis leur origine jusqu'à nos jours; suivie d'un Abrégé de l'Histoire des Hettmans des Cosaques, & des Pièces justificatives: Traduite d'après les Manuscrits conservés à Kiow, enrichie de Notes. Paris, 1788. T. I.

Summary

The article is dedicated to the analogous rites in the funeral ceremonials of the medieval Alans, described by Giosafat Barbaro, and the Ukrainians, described by Jean Benoît Scherer. These rites can be regarded as one of the results of the cultural interaction between the Iranophone population of the Eastern European steppes and the Slavs.

Рис. 1. Козацкие каменные кресты-надгробия.
Кладбище козаков возле села Пидкаминь Бродовского района Львовской области, Украина. XVII в.

Рис. 2. Козацкие каменные кресты-надгробия.
Кладбище козаков возле села Пидкаминь Бродовского района Львовской области, Украина. XVII в.

Рис. 3. Аланский каменный крест.
Святилище Барзонд Хохы Уастырджи возле селения Тапакау, Северная Осетия. XIV век.

Рис. 4. Аланский каменный крест.
Святилище Морах возле селения Кобет, Южная Осетия. XIV век.

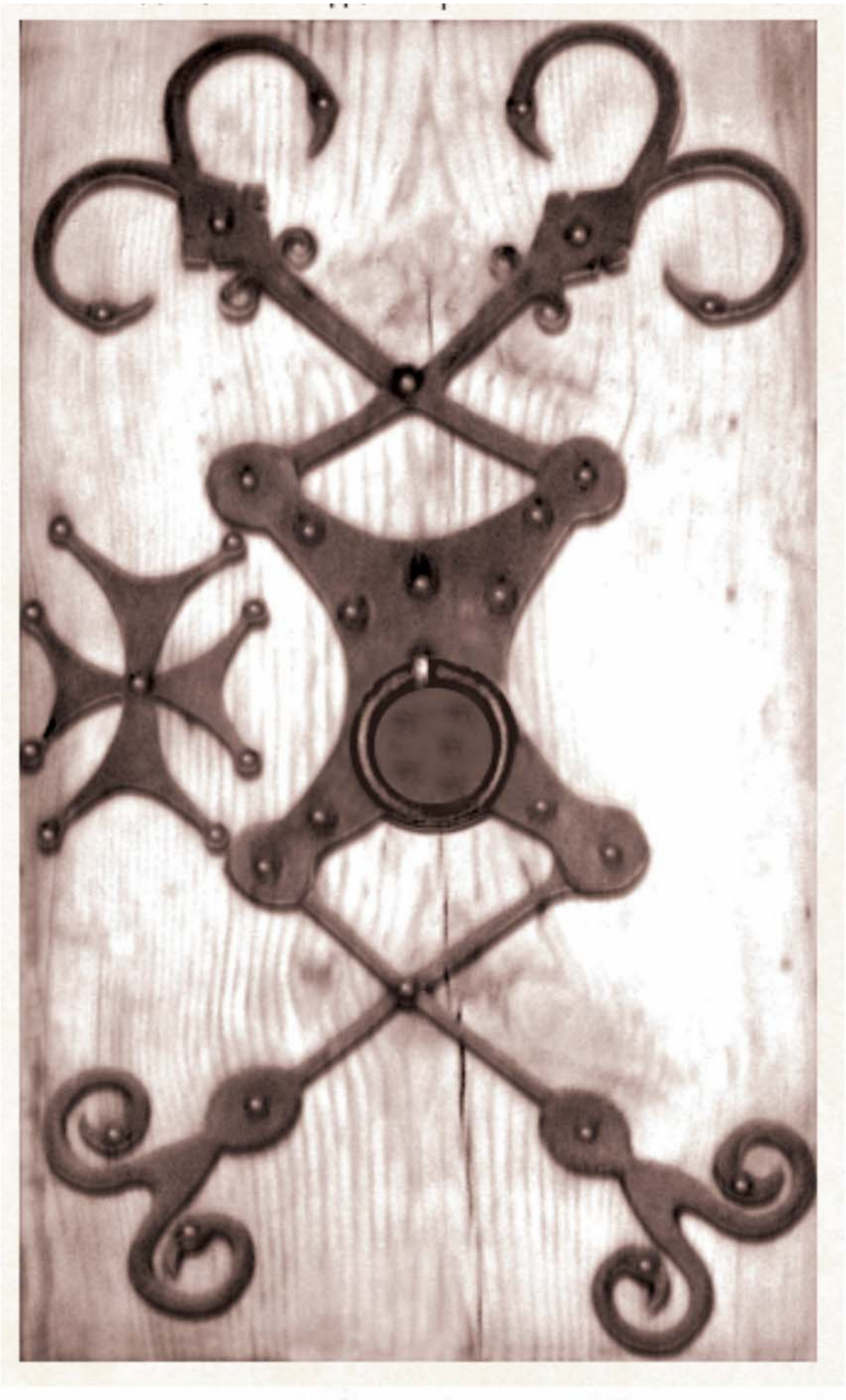

Рис. 5. Фрагмент внутренней двери святилища Реком, Северная Осетия. XIV век.

Рис. 6. Дверные кованые детали. Святилище Сидан Мыкалгабырта, Касарская теснина, урочище Сидан, Северная Осетия. XVI–XVII вв.

Рис. 7. Аланская подвеска-амулет. Раннее средневековье.

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Ю.Ю. Шевченко

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ДАТИРОВКИ ПЕРВОХРИСТИАНСКИХ ПЕЩЕРНЫХ ХРАМОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

«Элементы культуры подвержены действию естественного отбора под влиянием разнообразных факторов, в том числе случайных и неповторимых, поэтому полный параллелизм в развитии обществ, между которыми нет обмена информацией, невозможен. В истории нет законов, а есть лишь вероятностные закономерности» [22]

Возрастающий интерес к святыням любых вер и конфессий, проступивший на фоне современного тотального распространения и широкого тиражирования всевозможных форм мистицизма, делает необходимым отклик в сфере изучения святынь и реликвий для профессиональных академических исследователей. Интенсификация такого изучения в последние годы пролонгирована рядом переизданий [65; 68] из обширного списка литературы, выпущенной до революции 1917г. [4; 50], имевшей параллели в западных изысканиях на протяжении всего XX века [115, p. 138–140,190–195; 117; 121; 122; 123; 128], и, продолжающихся в новейшей отечественной научной литературе [1; 21; 30; 32; 45].

В этом плане подземные святыни вообще, и христианские в частности, наиболее овеянные ореолом таинственности, вызывают повышенный интерес, что делает эту тему актуальной, соответствуя объективно протекающим в науке процессам: Выделение в конце XX века из общего комплекса *спелеологии* – науки, изучающей *все* подземные пустоты, научной отрасли *спелестологии*, – науки об *искусственных* подземных сооружениях, – является одним из подтверждений актуальности таких исследований. Для изучения христианских пещерных святынь представляется важным еще и выбор парадигм исследования. В этом плане, среди опубликованных изысканий последних лет, особое место принадлежит работе французского ученого Н. Дюваля [123]. Это исследование, по точному определению Леонида Андреевича Беляева, декларирует «исключительную надежность и богатство археологических свидетельств, обеспечивающих возможность синтеза письменных, материальных и иконографических источников, доходящее до создания новой отрасли с собственным названием “*литургическая археология*”» [21, с. 291].

Но и задолго до выделения Н. Дювалем *литургической археологии* в качестве самостоятельного направления, этот подход существовал de facto, в отечественных разработках Д.М. Струкова [78; 79; 81], Н.П. Кондакова [50], Д.В. Айналова [4], и многих других. Применение методики «литургической археологии» актуализирует возвращение к взгляду «изнутри» христианского вероучения на громадный корпус памятников (артефактов) и явлений, свойственных Христианскому миру, который стал таковым благодаря существованию единого стержня – Церкви. Данное обстоятельство обуславливает изучение всех предметов материальной культуры, связанных с христианством, с привлечением источников Церкви: материалов агиографии (житий святых) и почти необозримого материала патристики (наследия Отцов Церкви), а главное – меняющихся со временем правил *литургики*. Под таким «углом зрения» необходимо рассмотрение одного из наиболее показательных в этом аспекте объектов изучения – христианских пещерных святынь. Заметим, что «взгляд «изнутри» традиции», как один из аспектов рассмотрения проблемы, был заново предложен исследователями, придерживающимися методики

структурно-семантического анализа и аналитической семиотики, как вполне релевантный [17, с. 101, 120, 129].

Такой аспект рассмотрения, казалось бы, возвращает позицию изучения подземных христианских святынь к предложенному и забытому почти столетие назад подходу, прозвучавшему в трудах преосвященного Порфирия (Успенского) [66] и обоснованного Д.М. Струковым. Однако, это не возвращение, а переход на новый уровень обобщенности материала, с учетом возможностей объективистской (позитивистской) методологии и феноменологического подхода [133], при количественном увеличении фактического материала в начале III тысячелетия Христианской эры. Рассмотрение проблемы христианских подземных святынь в этом плане видится в неразрывной связи с историей христианского вероучения, и в связи с его воплощением в человеческом социуме – в Церковной организации, где основой датировок служит изменение Канона Церкви (Церквей) и соответствие каждому этапу его существования церковных предметов, как материализованных форм канонической христианской культуры.

Это позволяет взглянуть на феномен извне (со стороны), и, не ограничиваясь взглядом стороннего наблюдателя-позитивиста, наблюдать тот же феномен изнутри, - с позиций самого Вероучения. При таком подходе архитектурно-планировочные артефакты подземных святынь (и не только подземных) становятся не только каноническими, но и хронологическими реалиями, соответствуя тому или иному периоду, что обусловлено их функциональной необходимостью, сообразно действовавшей в каждый конкретный период времени совокупности канонических правил. В этом случае «палеоэтнография артефактов» реконструируется в модель «живой этнографии» исторического прошлого. Именно в таком плане должны использоваться приемы «литургической археологии»: в аспекте палеоэтнографии, как раздела культурной антропологии, для правильного хронологического позиционирования тех или иных канонически определенных элементов подземных святынь. Из всего необозримого корпуса атрефактов христианской культуры в предлагаемом исследовании избрана серия архитектурно-канонических элементов храма – *литургических устройств*, поддающихся датировке: *алтарь – престол – жертвенник*, в начальной фазе своего существования, составлявшие неразделимое единство одного объекта [21, 175; 35, с. 67–68], и разделившиеся с течением времени в результате усложнения форм обрядности.

Престолы в виде выступающего в алтарь кубообразного останца скалы, или в виде ниши-полки, вырубленной в апсиде храма, отмечены еще в 1872–1876 гг. для пещерных церквей Крыма и атрибутированы, как *литургический элемент* свойственный исключительно первохристианству. Такая констатация прозвучала более чем за век до формулировки принципов «литургической археологии» [21, с. 10, 185. Прим. 30, 238. Прим. 52, 291, 297. Прим. 17, 472. Прим.17; 115, p. 138–140, 190–195; 117, p. 251–254; 121; 122, p. 55–61; 123, p. 149–212; 128]; и, тем не менее, в полном соответствии с ними. Этот подход был изложен в работах Д.М. Струкова, высказавшего на этих основах, положения о датировке некоторых *храмовых архитектурных элементов* в соответствии с канонами Церкви, действовавшими в строго определенное время.

Исследователь крымских христианских пещерных храмов [78, с. 3–51; 79, с. 3–72; 81, с. 3–14] описал в их «*восточной стене выдолбленную нишу-впадину..., что может служить престолом*» и «*как бы прислоненный к стене выступ..., который может служить престолом*». Описанные архитектурно-канонические элементы храма, выполняли функции престолов, предназначенных исключительно «для совершения богослужения по чину литургии св. апостола Иакова», проводившейся ***перед престолом***. Храмы с синтроном в апсиде - полукружьем скамьи-сопрестолья вдоль поверхности апсиды, с епископальным креслом по ее центру, и обособленным в центре пространства алтаря возвышением престола, Д.М. Струков, относил к типу храмов, где «литургия совершалась по чину Василия Великого», т.е. – ***вокруг престола***.

Эти выводы были четко сформулированы Д.М. Струковым и на более широком материале: не только крымском, но и появившемся при изучении пещерных храмов в Донском бассейне, а также в Киеве и Чернигове [77, с. 151–152]. Исследователь отнес возведение многих пещерных святынь непосредственно к периоду составления чина литургии при жизни самого свт. Василия Великого, не учитывая, что только после V/VI-го – Трулльского (Дворцового) Вселенского собора 692 г. этот вид службы стал обязательным, и вначале, – только на праздник Благовещения.

Несмотря на некоторую претенциозность в хронологии (например, отсутствие у христиан храмов, кроме «храма тела» до II в., как минимум [5]); несмотря на не слишком оправданную типологическую дробность, и связанную с ней нечеткость хронологической классификации канонических архитектурных элементов храмов, – принцип «*литургического соответствия*» Д.М. Струков избрал правильно. Например, согласно Д.М. Струкову период, когда на Юге Восточной Европы строились «*храмы первого типа*» (с престолом в виде вырубленной ниши, аналогом которой была ниша-алтарь/жертвенник), был определен: «*от проповеди Андрея Первозванного*» – ок. 52 г. н.э., «*до папы Римского Климента*» – 96 г. н.э. С Климентом, во время его ссылки в Крым, согласно Д.М. Струкову, якобы, были привнесены типы организации алтаря, присущие катакомбам Рима (с престолом-останцем, выступающим внутрь апсиды). И этот тип композиции алтарного пространства сохранялся, по Струкову, до служения на Константинопольской архипастырской кафедре свт. Иоанна Златоуста (между 397–404 гг.), при котором литургия архиепископа Кесарийского Василия Великого была введена (в несколько дополненном варианте) в практику всей Восточной (Греческой) Церкви. После введения в этот период (397–404 гг.) нового чина литургии («***вокруг престола***»), престолы стали занимать центральное место в пространстве алтаря.

Столь дробная (и неоправданно – ранняя) периодизация должна и может быть скорректирована, если учесть, что древнейшие типы престолов, пригодные для службы по «*Учению Двенадцати Апостолов*» (*Дидахе*) или по «*чину литургии ап. Иакова Старшего*», продолжали использовать до появления в Западном христианстве *переносного престола*, и до соответствующей Энциклики Римского Понтифика (на фоне противодействия иконоборчеству папы Григория II и Римского собора 729 г.). Как до очередного забвения Римских катакомб в IX в. продолжали возобновляться их подземные храмы с соответствующими престолами. До этого времени на западной территории христианской Эйкумены еще служились храмы с престолами, предназначенными для древнего чина литургии «**перед престолом**». О возобновлении таких престолов даже в IX в. свидетельствует написание над одним из них изображения Христа Пантократора византийскими иконописцами, в подземной крипте св. Цецилии в катакомбах св. Каллиста именно в это время [118, p. 24–25, Fig]. Перемены и метаморфизм литургии отразился и на Востоке, в толковании на литургию Германа, патриарха Константинопольского (715–730 гг.), что соответствовало решениям последовавшего VII-го Вселенского собора (787 г.).

Перемены в литургической практике и изменение в соответствующих им архитектурно-канонических элементах храмов менялись еще более сложно и неожиданно и в различное время в разных регионах, как показало изучение храмового зодчества Константинополя, материковой и островной Греции в самом раннем средневековье: Предшествовавшая церкви св. Мины в Константинополе, крипта V в. имела «*развитую апсиду и круговой обход*»; в другом храме, перестроенном из триклиния (ок. нач. VII в.), «*поскольку синтрон закрывал одну из… дверей*», была обеспечена «*сохранность литургических устройств (**синтрона с проходом под ним**, его ограды и солеи)*» (выделено мной, – *Ю.Ш.*) [21, с. 188, 258]. Сооружение в Константинополе храмовых зданий в V и VII вв. с «*круговым обходом*» престола, иногда выполнявшимся под синтроном, свидетельствует о применении в них литургии ***вокруг престола*** по чину Василия Великого [21, с. 283, 291, 308. Прим.80]. В восточной части христианского мира различные типы литургии сосуществовали, как и на

Западе – не менее чем до середины IX в. [98, с. 196–201]. Соответственно этому строились различные типы храмов, имевших различный тип престола. Например, заупокойная часовня (болгарский «*параклис*») имела древний тип престола [13, с. 61–73], примыкавшего к апсиде (правда, возможное время строительства таких сооружений определяется с VII по IX вв.). В то же время храм общины, служившийся по всему годовому циклу праздников (особенно, после «Канона» патриарха Фотия), в соответствии с *последованием службы* патриарха Германа, должен был иметь престол в центре алтарного пространства. Переход от практики службы ***перед*** престолом, к литургии ***вокруг*** престола был более сложен и протекал в разное время на различных территориях христианского мира, но в рамках конца VII (Трулльский собор 692 г.) и начала VIII вв. (Римский собор 729 г.).

Сохранение «кругового обхода» (вокруг престола) показательно в базилике свт. Николая в Мирах Ликийских на побережье Малой Азии (современный г. Демре, Турция), которую начали строить в VIII в. [21, с. 196–199]. Основание ее древнего первоначального престола (рис. 1,*1:1*), и его размещение внутри и впритык к амфитеатру синтрона (рис. 1,*1:2*), вынудило строителей проложить под синтроном «круговой обход» (рис. 1,*2:3*), для исполнения литургии по чину Василия Великого «*вокруг престола*», а позднее – престол перенесен западнее, в сторону наоса, и размещен под навесом кивория (рис. 1,*1:1*), что произошло при завершении строительства храма в 832 г. [102, с. 89–92]. Таковы реалии памятника, строившегося в сложные времена иконоборчества VIII–IX вв., и возможные для наблюдения, поскольку частые перестройки и реконструкции наземных храмов, зачастую кардинально меняют их облик, лишая изначальных реалий.

Обращение к пещерным памятникам, намного чаще сохранявших изначальные конструктивно-литургические элементы [27, с. 72–80], кардинально меняет картину хронологических изменений важнейших архитектурно-канонических элементов (артефактв) храмов. Заслугой Д.М. Струкова, в изучении такого «подземного корпуса христианских источников», еще в 70-е гг. XIX в., явилась первая разработка по типологии и хронологии литургико-архитектурных артефактов, представленных древнейшими престолами храмов, по мнению ученого, относившихся к I–VII векам. Однако, приходиться констатировать, что отмеченные Д.М. Струковым типы престолов, выполненных в виде ниши-полки в алтарной стене (апсиде), были канонически равнозначны престолам-уступам, примыкавшим к внутренней алтарной стене храма: в обоих случаях, при типологических различиях, это были функционально-единные артефакты, где во вмещающих алтарных пространствах, служба происходила ***перед престолом***. Поэтому их использование следует считать синхронным. Видимо появились эти литургические устройства несколько позднее, и разнились их происхождение и прообразы в складывавшихся традициях организации алтарного пространства ранних христианских храмов. Времени создания подобных объектов и коллизиям, сопутствующим их появлению, посвящен предлагаемый ниже материал.

Присутствие апостолов и апостольских мужей на Черноморском Побережье, подтверждаемое апокрифическими источниками (Андрей Первозванный в Тамани, Херсонесе или Мирмекии, например) или известное с IX в. (ссылка третьего Римского Понтифика Климента в Крым между 93–96 гг. н.э.) [90, с. 151–206], и материальными объектами (пещера Симона Кананита над Псырцхой на Кавказском Побережье), как ни парадоксально, не привело к началу процесса христианизации данных территорий. Так, распространение вероучения в позднеантичной/ранневизантийской Грузии началось лишь в IV в., и только с деятельностью св.равноап. Нины, а монашеское движение – с VI в., после проповеди «двенадцати преподобных Отцов-Сирийцев», приведенных из Антиохии преп. Иоанном Задезнийским. Благословение св. Симеона Столпника (ок. 390–459 гг.), данное преп. Иоанну и его спутникам, относит их христианское миссионерство в Грузии к началу VI в. н.э. Не исключено, что речь могла идти и о подвизавшемся у Селевкии Сирийской, неподалеку от Антиохии (в монастыре Иоанна Столпника) – Смеоне Столпнике-младшем

Дивногорце (512–596 гг.) [45]. В этом случае, распространение монашества и возникновение крупнейших христианских пещерных «лавр» Кавказа в Гареджи и Мгвиме [74] относиться к середине VI в.

Видимым фактором христианизации данной территории следует считать не только существование уже христианской Армении или поддержку местных «властных структур», но и мощное присутствие на Кавказе и Побережье в это время христианской Восточно-Римской империи – Византии.

Связь с Римской империей, в том числе конфронтационная (периода «Готских войн»), является решающим фактором формирования в Северном Причерноморье «провинциально-римской культуры времен готского объединения» (черняховской) [10]. Принадлежность черняховской культуры «готам и исторически связанному с ними населению» [108, с.194–214], уже ни у кого, кажется, не вызывает сомнений [56, с. 29–37; 57, с. 143–155]. Общепонятным и общепризнанным становится, что «черняховский феномен» связан со становлением Готского королевства – «державы Германариха» в Поднепровье («стране Ойум») [107].

Со временем римского проникновения I–III вв. на Юг Восточной Европы связано и проникновение на эту территорию многочисленных культов, свойственных римским армиям; культов, в основном – Восточно-Средиземноморского происхождения (Малая Азия, Сирия, Египет) [19, с. 5–26], к числу которых относилось и христианство. Их дивергенция и взаимовлияния в III в.н.э., на фоне их взаимной этической близости, дало перевес христианству, особенно после оглашения «Эдикта веротерпимости» Константина Великого 313 г.

Случайно находимые в ареале черняховской культуры (и на территории Крыма) перстни последнего десятилетия II–III в.н.э., с христианской символикой, и с обозначениями, маркирующими принадлежность к вероучению (рис. 2) [56, с. 29–37; 89, с. 129–132], – являются престижными предметами, что свидетельствует о существенной социальной дифференциации внутри церковной иерархии на этих территориях уже в черняховское время (III–IV вв.). На фоне небывалого, – ни до, ни после не наблюдавшегося (даже в эпоху «Крестовых походов»), – распространения «символики креста» в Восточной Европе в III–V вв. в горизонте находок «выемчатых эмалей» (рис. 3) [51], волна христианизации Восточной Европы к IV в.н.э. хорошо ощущается от Подонья до Поднестровья в предметах «выемчатых эмалей», атрибутируемых как христианские [6, с. 57–63]. Наступление христианства, оставившего материализованный след, отразилось и в изменениях в черняховской культуре (где вещи «выемчатых эмалей» почти неизвестны): Кремации и меридиональные ингумации вытесняются на некрополях черняховской культуры христианскими погребениями с западной ориентировкой [75, с. 49–60]. С начальных фаз существования черняховской культуры, ее присутствие хорошо ощутимо в Юго-Западном Крыму [3, с. 6–7; 47, с. 26–41], в среде позднескифского населения [39].

Известно о существовании готской христианской кафедры в Крыму уже в начале IV в. Известно, также, что путь к резиденции готского епископа лежал через Боспор. Епископ Готский, бывший на Первом Вселенском соборе, подписывался Феофил Боспоританский (невзирая на присутствие там же епископа Боспора – Кадма). Судя по подписи епископа Иоанна под определением Константинопольского собора 519 г., епископская кафедра существовала и в Фанагории, но она не распространяла свою компетенцию на готов-тетракситов, так как последние в это время были непосредственно связаны с Боспором. Стремление готов получить независимого от Боспора епископа, было осуществлено лишь в 548 г., когда послы готов-тетракситов, явившиеся в Константинополь с просьбой дать им епископа, «в беседе совершенно тайной, встретившись с глазу на глаз, изложили все, насколько Римской империи будет полезно, если соседние с ними варвары будут находиться в вечных распрях друг с другом» [10, с. 93–94]. Подоплека организации столь

крупного структурного подразделения Церкви, каковой являлась митрополия (Готская) лежит в периоде, названном «Готские войны».

Весь III в. н.э. на юге Северного Причерноморья проходит под эгидой гото-римских войн, а **христианское вероучение**, в качестве массового явления, как показывает анализ «Церковных историй» Созомена и Филосторгия, – **пришло в Крым вместе с пленниками из Каппадокии** [24, с. 276–277]. Этот вывод В.Г. Василевского, основанный на анализе письменных источников, подкреплен ныне новыми данными, выводами и находками. Тем более, что оба крупных готских похода на Каппадокию 264 г. и 275 г., были предприняты с берегов Меотиды (рис. 4), то есть через Боспор [107, рис. 52; 110, с. 326–332], а епископ Боспора Кадм вместе с епископом Херсонеса Филиппом и готским владыкой Феофилом присутствовали на Первом Вселенском соборе 325 г.

В Тавриде (Крыму) от епископа Феофила получает святое крещение Никита (†372), будущий святой и великомученик готский (рис. 5); а восприемником «Феофила Боспортианского», как величал себя этот владыка, на Готской кафедре становится Ульфила, чьи прародители (дед и бабка) были приведены в Готию из Каппадокии (264 г.), во времена именно того «готского похода», который был совершен через Боспор, т.е. – из Крыма [107, с. 143–144]. Уместно считать, что во времена рукоположения Ульфилы это была уже Крымская Готия. Имя Феофила Боспоританского связывает происхождение и Никиты, и Ульфилы с территорией Крымского полуострова, в его юго-западной части, входящей во владения Неаполя Скифского, где имеются признаки готского присутствия (рис. 6) [39, Табл. 36; 47, с. 26-41; 113, S. 37,112,125. Abb. 2,15–17; 125, p. 301, Ill. 16].

Не исключено, что с территорией Крыма связано и появление 308 готских мучеников (†372), 26 из которых известны поименно[1], и мощи которых были сохранены готской «королевой» Граафой (Грэтой), хранились готской «королевой» Аллой и дочерью Граафы Дуклидой (Лидией), вероятно, недалеко от Алушты (вершина Ай-Дуклу); и, в конце концов, были перевезены в малоазийский город Кизик (рис. 4). Об этих событиях, и пребывании данных реликвий в Крымской Готии (в пещере Йограф?), – в княжестве, дожившем до позднесредневековых времен, – сохранилось соответствующее предание [20; 34, с. 30–35; 79;]. Гонения на христиан связываются *Готским синаксарем* с именем Унгериха, в котором видят то Эрманариха (Германариха), то исторически известного преследователя готов-христиан – Атанариха (и, видимо, с большей степенью вероятности).

Все перипетии, связанные как с гибелью Никиты Готского, так и сожжением 308 готских христиан в храме, - происходили при епископстве в Готии Ульфилы, который позднее увел часть христианизированного народа готов за Дунай. Это переселение по хронологии, приведенной блж. Иеронимом Стридонским, относится ко временам ок.375/378 г.; а более поздние источники, например, арианский историк Авксентий Дуросторский, предлагают более раннюю дату – 348 г., что подтверждается сведениями Кирилла Иерусалимского [52; 53]. Военные столкновения между готскими вождями Фритигерном и Атанарихом, времен императора Валента (после 369 г.), и участие в их переговорах готского епископа Ульфилы,

---

[1] 26 мучеников готских, известных поименно, из 308: пресвитеры Вафусий и Верк с 2 сыновьями и 2 дочерьми, монах Арпила, миряне Авив (Авип), Конст, Агн, Реас, Игафракс, Иской, Сила, Сигиц, Сонирил, Суимвл, Ферм, Филл (или Филг), мученицы Анна, Алла, Лариса (Вариса), Моико (Моника), Мамика, Уирко (Вирко), Анимаиса (Анимаида). Это гонение соотносится с деятельностью Унгериха, в котором видят Эрманариха (Германариха), а с большей вероятностью – Атанариха, с именем которого связана антихристианская борьба 369–372 гг. Мощи мучеников собирала православная вдова другого готского правителя по имени Граафа (Грэта), а хранила еще одна вдова – Алла. Вдовствующая королева передала правление своему сыну Аримерию, и вместе с дочерью Дуклидой и пресвитерами поселилась «*в стране Римской*». Впоследствии она призвала к себе сына и возвратилась с ним в Готию, где была забита насмерть камнями вместе с неким Агафоном (по одному из синаксарей, вместе с мирянином Уеллой). Мощи мучеников были переданы Дуклиде, которая подарила их часть для освящения храма в г. Кизик, где мирно скончалась спустя несколько лет (события, ориентировочно датируемые 382–392 гг., после окончательного переселения части готов епископа Ульфилы за Дунай в 378 г. (и образованию Дунайской или Малой Готии) [20; 34; 78; 79].

делают предпочтительной более позднюю дату (375/378 г.) образования Малой Готии на Дунае. Именно после этой даты, их присутствие южнее Дуная стало ощутимым: готы перерезали почти 7000 жителей Фессалоник, из-за налоговой политики императора Феодосия Великого и убийства их вождя Бутериха (389 г.) [36, с. 4–17]. Образование Малой Готии на Дунае только и могло способствовать «готскому этническому наполнению» города Боспора Фракийского, цари которого удивительно дублировали своими именами царей Боспора Киммерийского (как это было с Котисом II). У этих «малых готов», и в этом Боспоре (Фракийском) обосновал Церковную кафедру, рукополагая на нее Готского владыку, святитель Иоанн Златоуст (347–407 гг.), пребывая на патриаршей престоле Константинополя (398–404 гг.).

Борьба готского христианского короля («рекса») Фритигерна против готского короля-язычника Атанариха – явление значительное [Кардини 1987; Вольфрам 2003], и посреднической роли епископа Ульфилы в переговорах Фритигерна с императором Валентом посвящено отдельное исследование, результаты которого вошли в крупную обобщающую работу [107, с. 207–254, 364–372; 109, с. 158–168]. А наличие черняховского материала в Крыму с одной стороны, и связанность с полуостровом происхождения христианских вождей готов (каковым был, например, Никита), с другой, является серьезным аргументом в пользу вхождения территории Тавриды в Готское королевство [18]. Об «*исходной территории*», каковым для готов был Крым, свидетельствует и произошедшее под натиском персов возвращение готов – федератов Византии, охранявших Кавказские перевалы в IV-VI вв., обратно в Крым к середине VI в. [16; 103, с. 119–120], и основание Готской митрополии (вместо епархии), включавшей епархиальные образования, разместившиеся на месте некогда обширной Готской державы [29; 104, с. 60–67]. Пребывание готов на Кавказском Побережье, отражено и нарративными источниками: это готы-тетракситы, помещаемые «*южнее Таманского полуострова*» [25, с. 261], часть которых при обратном переселении в Крым осталась на Черноморском Побережье под именем «*евдусиан, говоривших на готском и таврском языках*».

Из наиболее древних, но проблемных соответствий в погребальной обрядности Крыма раннехристианским образцам, обращают на себя внимание коллективные обособленные погребения десятков черепов, сброшенных в яму на городище Неаполя Скифского. Пока эти погребения полагают результатом массовых казней жителей Неаполя Скифского при разгроме городища боспоритами около 218 г.н.э. [84, с. 244; 111, с. 125–137]. Однако их полная идентичность с наиболее ранними кимитириями первохристиан [95], может свидетельствовать о их христианском характере. Правда, установившаяся связь населения Неаполя Скифского с населением Боспора, как в погребальной практике, так и в инвентаре, определяется авторами корреляции могильных древностей Крыма – А.А.Труфановым и В.Ю.Юрочкиным, не ранее, чем 280 – 310/320 гг.н.э. [84, с. 241–251]. Смена погребальной традиции в пределах Крымской Скифии (которую уже в эти времена можно было бы называть Крымской Готией) прослежена названными авторами только после 310–320 гг., когда в ряде могильников появляется традиция коллективных погребений в подземных склепах, пришедшая из Боспора.

Иными словами, если до 280–310 гг. на территории Крымской Скифии (Готии) могут иметь место лишь отдельные первохристианские элементы (типа ям-кимитириев с отдельно погребенными черепами на Неаполе Скифском) и ранние – вельбакрскско-черняховские элементы материальной культуры [47, с. 26–41]; то после этого периода, на фоне проникновения признаков на территорию Таврики, присущих собственно черняховской культуре, наблюдается распространение стабильной раннехристианской традиции погребения в подземных склепах в Центральном (Нейзац, Перевальное, Дружное) и Юго-Западном Крыму (Озерное III, Красная Заря, Вишневое, Суворово) [84, с. 245–246]. Такое положение вещей полностью синхронизируется с деятельностью в Крымской Готии свт.

Феофила Боспоританского, - его крещение Никиты Готского и рукоположение епископа Ульфилы.

Множественные явления самой поздней античности в Крыму могут иметь отношение к христианству. Так многочисленные маслодавильни и винодавильни (тарапаны), окружающие пещерные монастыри, явно связаны с необходимостью иметь незаменимые в обрядности миропомазания и евхаристии масло и вино. В одном только пещерном монастыре Качи-Кальон («Крестовый Корабль») таких тарапанов более 120. Подобный комплекс IV–V вв. при входе в естественную пещеру Кизил-Коба, с сотнями хранившихся в пещерных помещениях амфор [43, с. 152, 153], также мог быть связан с литургическими нуждами. Но наиболее рельефно характеристики ранней христианской обрядности материализованы в самих пещерных храмах.

В Крыму, среди множественных пещерных храмов [59] имеются такие, где существует единый, главный для храма архитектурно-канонический элемент, в котором функции престола и жертвенника не разграничены [21, с. 175; 35, с. 67–68, 70. Прим. 2]. Такое *литургическое устройство* расположено в храмовой пещере Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) пещерного монастыря Чилтер-Коба (рис.7, *1*), ныне возобновившего свою каноническую деятельность (рис. 7,*2*). Ниша жертвенника с углублением в виде чаши в горизонтальной полке ее основания, впритык примыкает к престолу (рис. 8), также предназначенному для пролива вина, преосуществляемого в Кровь [96, с. 94–117]. По сути, это единый *алтарь* (престол, соединенный с жертвенником), имеющий полную аналогию в древнейшей христианской пещерной святыне на о. Патмос. В патмосской «Пещере Апокалипсиса» (рис.9), где жил между 81–96 гг. 1 в.н.э. апостол Иоанн Богослов, и было написано «Откровение» [41, с. 326–492], ниша жертвенника с чашеобразным углублением в ее основании, примыкает к «сидению Апостола», в котором высечены такие же чашеобразные углубления, соединенные желобами для пролива вина (рис. 10) [137]. Это *литургическое устройство* до сего дня служит престолом с возлагаемым на него Антиминсом (рис.11). К Патмосской пещере уже при жизни свт. Иринея Лионского (130-202 гг.), бывшего учеником ученика Иоанна Богослова (свт. Поликарпа Смирнского, †155 г.), – относились как храму [85, с. 62–83; 2, с. 549–551].

Аналогичный камень-престол с *системой для пролива жидкости*, обнаружен в храмовой пещере-цистерне (рис. 12,*1,2*) Saba Cave, исследованной под Иерусалимом С. Гибсоном [116]. Она использовалась, как считает исследователь, в качестве первохристианского баптистерия в ранневизантийское время IV–VI вв. Поскольку чин крещения в первохристианскую эпоху был теснейшим образом связан непосредственно с евхаристией [55, с. 163–176], есть все основания относить это подземное сооружение к храмовым [99, с. 152–155, рис. 4], предназначенным для служения литургии. Судя по наличию обособленной купели, высеченной из монолитного каменного блока (рис. 12,*2:2*), никак не связанный с этой купелью массивный камень, вделанный в кладку лестничных ступеней, и выступающий из нее (рис. 12,*2:1*), является престолом. Крестчато-квадратное углубление на его поверхности, соединено проточным желобом с углублением в виде выполированной человеческой ступни – «*следом Иоанна Предтечи*» (рис. 13). ***Литургическая*** необходимость протекания жидкости (вина) по поверхности камня-престола, могла быть связана исключительно с «*реликварными характеристиками*» упомянутого следа-углубления («*стопы Иоанна Предтечи*») в процессе преосуществления жидкости в Кровь. Связь камня-престола со ***ступенями***, выполнявшими еще и функции *синтрона*, только подтверждает его престольный характер.

В Русской миссии в Иерусалиме (монастырь св.равноап.Марии Магдалины) издавна почитается «антик» (древний объект), получивший имя «Голгофского камня», видимо, некогда исполнявший функции древнейшего престола: на его верхней «куполообразной»

поверхности высечено чашеобразное углубление, и, продолжающий это углубление, проливной желоб (рис. 14).

Подобные престолы «*проливного типа*», предназначенные для пролива вина в процессе преосуществления в Кровь Спасителя, со временем уступили место престолам, которые Церковное Предание связывает с именами равноапостольных императора Константина и августы Елены 325–337 гг. (хотя не исключено их более позднее появление при Констанции II). В некоторых наиболее древних престолах Иерусалима ранневизантийского времени, в плите *мензы*, служившей поверхностью престола наличествуют два отверстия: одно в виде чашеобразного углубления, второе – сквозное (рис. 15,*1*). Такое литургическое устройство предполагало, в процессе преосуществления Святых Даров, не только пребывание вина в «стационарном потире» чашеобразного углубления, и его проливание по желобам на поверхности престола в чашеобразное углубление (рис. 15,*2*). Наличие второго – сквозного отверстия в престольной плите еще и давало возможность некоего «пронимания» хлеба, преосуществляемого в Тело, посредством пропускания Его через сквозное отверстие в плите-мензе древнейших престолов [103, с. 94–117]. К такому ритуальному, постоянно тиражировавшемуся в священном обряде, действу вполне может восходить весь класс явлений, получивших в этнографии наименование «*пронимальной символики*» [106, с. 149–190].

Уже во времена Крестовых походов представления о литургическом характере этих древнейших престолов были утрачены, в результате чего, слагается легенда о «*колодках Христа*» (где абсолютно не объясняется «чашеобрзность» второго отверстия, в отличие от сквозного – первого – также «колодкой» не являвшегося). Но в результате сложения легенды, как своеобразного (и неверного) «объяснения», упомянутый придел в Иерусалиме получает свое наименование «*Темница Христова*». Аналогично слагается и легенда об «отверстиях», куда «вставляли кресты для распятия», в том числе – Честной Крест Христов (придел «Голгофа»). Очень вероятно, что исключение упомянутых престолов из литургической практики еще до времен высокого средневековья связано с их использованием (а может даже установкой) в эпоху «арианских симпатий» императоров Византии (при Констанции II).

Престолы в пещерных храмах: Патмоса (Эгеида) II–III вв., Чилтер-Кобы (Крым) III–IV вв. и Saba Cave (Иерусалим) IV–VI вв., предназначенные для пролива по их поверхности преосуществляемой в процессе литургии жидкости (вина), являются, пожалуй, наиболее ранними изо всех ныне известных. Они созданы до появления престольных плит со сквозным отверстием. И престол подобного типа (престол + жертвенник), возведенный первохристианами из «каппадокийских пленных», приведенных готами в Крым, не единичен в Таврике. Рядом с пещерами Чилтер-Кобы, в балке Хор-Хор («*Горемычная*»)[2], под навесом скалы «*Серый Лоб*», рядом с купелью – баптистерием (рис. 16,*I*) обнаружены камни с системой высеченных углублений и желобов, предназначенных для пролива жидкости (рис.16, *II,III*) [103, с. 94–117]. Не исключено, что описанный таким же образом в конце XIX столетия камень «*с системой углублений и желобов для пролива*», обнаруженный в районе размещения «Армянского храма Бахчисарая» [42, с. 18–25], являлся таким же древним «*престолом проливного типа*».

Единые литургические устройства (престол + жертвенник), в наиболее изобилующей христианскими пещерными памятниками Каппадокии, тоже выполнялись различно по своей стереометрии. Так в одном из приделов пещерного храма св. Варвары в Гёреми (рис. 17) престол выполнен с приступочкой слева (где долженствовал бы размещаться жертвенник); с приступкой, которая могла бы служить прообразом «кафедры» («сидения») – своеобразным

---

[2] Название каньона Хор-Хор («Горемычная») наводит на размышление о некогда развернувшейся здесь трагедии: не связано ли местоположение этого – одного из древнейших христианских храмов Крымской Готии с перипетиями гибели 308 готских мучеников около 372 г.?

прототипом синтрона; но никаких признаков обособленного жертвенника здесь нет. Еще один придел того же храма имеет аналогичный древний престол «с уступом», примыкающий к апсиде алтаря (рис. 18), но в левой стороне апсиды уже высечена ниша, которая может соответствовать жертвеннику.

Подобные престолы, примыкавшие к внутренней стене храмового пространства, существуют по всей территории распространения первохристианства. Их сохранили исключительно пещерные храмы (ибо наземные постоянно перестраивались), – либо заброшенные, либо не переоборудованные в соответствии со вновь появлявшимися требованиями чина литургии святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста (служба ***вокруг престола***). В храмах с примыкающим к стене престолом древнего типа продолжалась служба (***перед престолом***) по древним чинам литургии [78; 79; 80; 81]: по Иерусалимскому – ап. Иакова Старшего, или Александрийскому – ап. Марка. Кроме уже упомянутых, таков один из престолов в Езкинаке в Малоазийской Каппадокии (рис.19), и престолы в южном приделе пещерного храма св. Варвары (рис.20,*1*) и малом пещерном храме (№ 6) в Гёреми (рис. 20,*2*).

По аналогии с древними престолами со сквозным отверстием, с колонками и «сенью» над мензой, и высеченным в ней чашеобразным углублением, устроен престол в миниатюрном подземном храме Рождества Богородицы под домом праведных Иоакима и Анны в Иерусалиме (рис. 21) [72, с. 31, 32.]. Аналогична структура престола в пределе Голгофа (рис. 22,*1*) в Воскресенском храме Гроба Господня (Анастасисе), перед которым служба продолжается и сейчас (рис. 22,*2*), но по древним чин***а***м ее проведения.

Пространственная организация древнейшей в Крыму христианской подземной церкви Чилтер-Коба, – Ай-Тодорского пещерного храма сближается с таковой в целом ряде памятников. А его стереометрические параметры схожи с объемом древней водосборной цистерны. Судя по обработке стен Чилтер-Кобы, она являлась вполне рукотворной пещерой (орудийная обработка наблюдается абсолютно на всех поверхностях пещерного храма), может быть, и заложенной по небольшой карстовой полости. По планиметрии пещерная церковь Чилтер-Кобы схожа с храмовым объемом пещерной церкви Мега Спилеон на Греческом Пелопоннесе, основанной свв. Прокопием, Феодором и их сестрой Екатериной около 362 г. н.э. [97, с. 80–83]; схож храм Чилтер-Кобы и с упомянутым храмом Saba Cave под Иерусалимом, устроенным в водосборной цистерне. Но в одном из древних пещерных храмов Мега Спилеона (362 г.), также сходном по пространственной композиции с внутренним объемом римских цистерн, рядом с возвышением престола в полукружие апсиды, над купелью расположено возвышение (рис. 23), которое следует рассматривать в качестве жертвенника. Обособление жертвенника – это следующий этап развития пространства алтаря в христианском храме.

Многие пещерные храмы, в том числе – в Каппадокии, имеют «*развитое алтарное пространство, без притвора*» [13, с. 61–73; 14, с. 79–84; 15, с. 51–57, 69, Табл. V:*18*], стереометрия которых, по моим представлениям, наследует стереометрию первохристианских храмов, функционировавших в древних (раннежелезного века и римских) водосборных цистернах. Таков древнейший подземный храм на Главной улице Херсонеса (рис. 24,*I*), прекративший свое существование, судя по материалам засыпки, не позднее VI в. (рис. 24,*II*).

Георги Атанасов, разбирая вопрос о происхождении пещерных (и наземных) храмов «*с развитым алтарным пространством, без притвора*», подобрал аналогии раннесредневековым храмам VII–X вв. (Гюз-Дере в Каппадокии – Мурфатлар в Румынии) с престолом уже размещенным по центру алтарного пространства (для службы ***вокруг престола***). Но имеются храмы «*с развитым алтарным пространством, без притвора*», с престолом древнего типа, примыкающим к алтарной стене (для службы ***перед престолом***), используемые до решений Трулльского собора 692 г. Алтарь в пещерном храме № 1 в

Кеслик Келези (рис. 25), как и в храме № 5 в Гёреми (рис. 26), отделен от наоса *космитом* – предалтарной преградой; престолы примыкают к стене; жертвенник подземного храма в Кеслике вынесен в наос, как было принято в древних христианских храмах [60, с. 208], как и в Геремской церкви № 9 (рис. 27), а в Гёремской пещерной церкви № 5 жертвенник размещен прямо на предалтарной преграде (рис. 26), почти как в храме «Донаторов» (рис. 28,*1*) в Крымском Эски-Кермене, где ниша жертвенника помещена рядом с предалтарной преградой, и доступна из наоса. Доступность жертвенника из наоса – основа прстранственной композиции архитектурно-канонических элементов и в некоторых других пещерных храмах Крыма, как, например, в храме № 4 в монастыре Чилтер-Мармора (рис. 28,*2*).

Это не единичные случаи, а проявление достаточно массовой литургической практики, но не географической – «малоазийской» («каппадокийской»), поскольку подобным образом сформировано околопрестольное пространство в раннесредневековых храмах Таврики, Египта, Италии (местечко Моттолла близ г.Бари; Паоло в Сицилии), Подонья и Поднепровья [90, с. 151–206; 94, с. 371–375] и Ближнего Востока [92, с. 162–169]. Таковы *каноны* первохристианской литургической практики, имеющей хронологические рамки, обусловленные ранней фазой развития и нуждами литургики первохристианских времен, когда служили ***перед престолом*** (до обязательного введения службы ***вокруг престола*** на праздник Благовещения Трулльским собором в 692 г.). Несмотря на общность процесса развития литургики, протекавшего во всем христианском мире, «каппадокийский след» все-таки ощущается в свете приведенных аналогий раннесредневековым пещерным храмам Таврики. Жертвенник, ставший обособленным архитектурно-каноническим объектом в храмах этого хронологического периода и в Каппадокии, и в Тавриде, не мог не повлиять на выделение и обособление самого алтарного пространства.

Повлияло на композицию алтарного пространства и выделение диаконника как обособленной архитектурно-планировочной реалии. Именно таков алтарь храма «Донаторов» (рис. 29,*1*) с престолом (рис. 29,*1:1*), в котором высечено чашеобразное углубление «стационарного потира» (рис. 29,*2*); с доступной из наоса нишей жертвенника (рис. 29,*1:2*). У предалтарной преграды справа размещается еще один уступ, который следует считать диаконником (рис. 29,*1:3*), что перекликается с наличием диаконника в пещерном храме Саввы Освященного во время обретения самого храма в 473 г. [35, с. 50–51]. Форма и облик таких престолов восходят к форме позднеантичного алтаря-жертвенника, каковые еще в 79 г. I в. н.э. функционировали на виллах Геркуланума и Помпей (рис. 30,*I*). Не утверждаю, что подобные алтари-жертвенники (рис. 30,*II,III*) были христианскими; речь идет, скорее, о преемственности внешних форм[3] [105], хотя отголоски небывало страшной катастрофы, очень похожей на произошедшую у Неаполитанского залива, в 79 г.н.э., очень уж явно присутствуют в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова.

Схоже с престолом храма «Донаторов» Эски-Кермена оборудовано литургическое устройство (рис. 31) в «Крипте пап» (рис. 32) в катакомбах св. Каллиста в Риме, до появления в нем мраморной доски (и погребения) папы Дамаса. После папы Дамаса, к VI в. «Папская крипта» обрела тот же литургический облик (рис. 33), что и «базилика катакомб св. Коммодиллы» в Риме первой половины VI в. (рис. 34), с престолом на гробнице святителя. «Новый престол» (у мраморной плиты с надписью папы Дамаса) в «Папской крипте» (рис. 33), имеет ту же форму, что престол в пещерном храме Благовещения в палестинском Назарете, времен первых Крестовых походов (рис. 35,*1*), по образцу которого, как видно,

[3] Аналогичные позднеантичные алтари с ликами Зевса и Горгоны (рис. 30, *II,III*) I в.н.э. имеются и в экспозиции Государственного Эрмитажа.

поставлен престол и в храме Приумножения хлебов в Табхе[4] (рис. 35,*2*). Такие литургические устройства не входит в ряд древнейших (ранневизантийских) литургических устройств эпохи Единой Церкви.

Древний престол, примыкающий к внутренней стене алтаря (для службы ***перед престолом***), имеется в центральном пещерном храме Эски-Кермена (рис. 36,*1*), получившем наименование «Судилище» [88, с. 30–35]. В главном (центральном) приделе этого храма, по моему мнению, примыкающий к стене апсиды престол был переоборудован (с чем связан и вывал истончившейся каменной перемычки) в «кафедру» – «владычное кресло», к которому примыкают скамьи синтрона (рис. 36,*1,2*). Объемные характеристики «кафедры», получившейся в результате переоборудования престола, свидетельствуют о реальности такой переделки (рис. 36,*2)*. Квадратная выемка в полу, напротив «владычного кресла» (Рис. 36,*2*), по центру пространства апсиды (алтаря), соответствует основанию установлению нового литургического устройства [32, с. 76–85] для службы ***вокруг престола***, что соотноситься с господствовавшим с V в. в столице Византии – чина литургии, составленным свт. Василием Великим, и «отредактированным» и дополненным свт. Иоанном Златоустом. В общинах, связанных с Константинопольским патриархатом, чин службы свт. Василия Великого (***вокруг престола***) распространяется уже с V в. н.э. (рис. 37), со времен укрепления посмертного авторитета всех трех, совместно поминаемых, святителей (Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова). Поэтому переоборудование центрального алтаря в крупнейшем подземном храме Эски-Кермена вряд ли отстоит хронологически далеко от времени его постройки.

Престол южного придела храма «Судилище» (рис. 36,*1*, 38,*1-2*), оставлен в первозданном виде, и ему уже были приведены аналогии среди христианских древностей Египта, не выходящие за пределы первых четырех десятилетий VII в. [99, с. 458–462]. В поверхности престола высечено углубление стационарного потира, в плане напоминающее крест, что имеет аналогии и на иных камнях-престолах, например, у входа в один из пещерных храмов Поднестровья (рис. 39). Не исключено, что храмы Эски-Кермена устраивались, в связи со строительством в VI в. Дори, – столицы Крымской Готии, о чем упомянул Прокопий Кессарийский [18; 88, с. 120–123], и что синхронно возобновлению Готской епархии во времена Юстиниана в VI веке. Упомянутое посольство готов-тетракситов к Юстиниану (548 г.) с ходатайством о предоставлении самостоятельной Готской архиерейской кафедры, синхронизируется также, с предложенным И.А. Бажаном возвращением готов-федератов с Кавказа, под напором персов. Это соответствует финалу христианской цебельдинской археологической культуры в Абхазии (рис. 40), и началу погребений на многочисленных могильниках Крыма типа Суук-Су, с середины VI в. [103, с. 118–119], – могильников, традиционно и давно, рассматриваемых как готские [69, с. 107–152]. К могильникам этого типа относятся и склепы некрополя Эски-Кермена, а В.И. Равдоникасом была подмечена связь могильников типа Суук-Су с «пещерными городами» Крыма (рис. 41) [67, с. 7–29].

Но это следующий этап в распространении христианства на юге Восточной Европы в целом, и в Крыму, в частности. В Таврике он соответствует попытке Византии укрепить свою власть над вернувшимися с Кавказа готами в их крымском княжестве; и строительству готской столицы – Дори в VI веке. До этого, в IV–V вв., политеистические верования в Крыму несколько укрепились: язычники-херсонеситы изгнали из города христианского владыку – епископа Херсонского Василия, присланного, в Херсонес при императоре Диоклетиане (300–303 гг.) [54, с. 13–19; 78, с. 8; 79, с. 16–18]. Изгнанный херсонесситами Василий в 310 г. н.э., удалившись за пределы города, отыскал себе **пещеру** и жил в ней, как немногим позднее,

[4] Престол в Табхе («храм Приумножения хлебов») средневизантийского периода поставлен над древним камнем-престолом с подквадратным углублением «стационарного потира» на его поверхности, и сохранившимся небольшим участком пробитого желоба для стока жидкости (рис. 34,*2*).

также мученически погибший (†337 г.) епископ Капитон (оба были рукоположены в Херсонес Германом, патриархом Иерусалимским) [54, с. 51, 68; 78, с. 8, 45–46; 79, с. 16–18, 22–23].

Возможным основанием такого «ренессанса политеизма» оказалось гуннское владычество в Северном Причерноморье, когда Боспор оказался «гуннским городом». С начала VI в. – с обращения боспорского гуннского князя Горда (Грода) и проповеди епископа Кардоста у савиров [10, с. 92–94; 103, с. 118–122], христианство вновь набирает силу: один из крупнейших аристократов Тюркютского каганата Органа-Мохэду, и его племянник – вождь Великой Болгарии Кубрат оказываются крещенными государями, удостоенными в Империи сана патрикия. Эта волна христианизации продолжается до разгрома Великой Болгарии Кубрата хазарами, когда орда сына Кубрата Аспаруха оказывается вытесненной на Дунай (680 г.), а «*епископ Херсона Дорантского Георгий*», подписавший решения Трулльского собора в 692 г., вынуждено сидит в Херсонесе, а не в столице Готии - Дори, где полностью властвуют хазары [10, с. 253].

По предположению Н.И. Репникова, столица Крымской Готии – Дорос (Дори) первоначально (в ранневизантийское время VI–VIII вв.) располагалась не на Мангупе (где располагался позднейший центр готского княжества Феодоро), а в Эски-Кермене [69]. Сохранившийся с тех времен вид престола в южном приделе (рис. 38,*3*) пещерного храма «Судилище» в Эски-Кермене, очень близкий ранневизантийскому престолу в египетском пещерном храме в Вади Загра (рис. 42), литургически аналогичен престолам Иерусалимских храмов (рис. 43,*1,2*), возобновленных, согласно Церковного Предания, архимандритом Модестом после персидского погрома в городе 614 года. Профилировка основания престола (его «ножки»), как и приступочек, лучше сохранившийся справа в южном приделе «Судилища» (рис. 38,*2*), несколько напоминающий остатки синтрона, очень схож с приступками, но с иной, – левой стороны, при престолах древнего типа в упомянутых выше пределах храма Барбары Гёремской в Каппадокии (Рис.17, 18), – все это имеет свой прообраз. На «Джебель Кварентал» («Сорокадневной Горе», или «Горе Искушений») близ Иерихона, расположен ранневизантийский монастырь (рис. 44,*1*), основанный в IV в. [50, с. 137–142], в том месте, которое согласно Священного Предания, соответствует месту «*искушения Христа в пустыне*», во время Его сорокадневного поста. Это небольшая пещерка с выступающим в ее объем «***Камнем Сидения***» (рис. 44,*2*), обращенным в престол древнего типа (углубления и желобки стоков имеются и на поверхностях этого камня-престола).

Некоторые детали, схожие с «Камнем Сидения» (профилировка «ножки» престола, – его основания), имеются в престоле пещерного храма во имя «Невинно убиенных Младенцев» (рис. 45) в подземном монастыре Рождества Христова в Вифлееме. В этом пещерном храме наличествует еще и общий кимитирий черепов (рис. 46), выдаваемый обычно за «мощи невинно убиенных Иродом Младенцев»; на деле – документирующий наличие пещерного монастыря IV–VI вв. (с общим монашеским кимитирием), в котором, не исключено, подвизался блж. Иероним Стридонский [62, с. 126–127]. Престол пещерного храма Младенцев в Вифлееме состоит из «каменного столика» с профилированным основанием («ножкой»), примыкающим к стене, и являющегося выступом стены (рис. 45:*1*); а его плоскость переходит в горизонтальную плоскость ниши, являющуюся продолжением поверхности каменного престольного выступа. Характерно, что высеченные углубления и желобки для пролива имеются не только в горизонтальной плоскости ниши-престола; чашеобразное углубление сделано в горизонтальном основании ниши-жертвенника, расположенной справа от престольной ниши и впритык к ней (рис. 45:*2*), как в «Пещере Апокалипсиса» на Патмосе (см.рис.9; 10) и в Чилтер-Кобинском пещерном храме (рис. 8) в Крыму.

Престол-выступ в виде «ножки» (рис. 47,*1*), и углубленной в стену апсиды ниши, устроен в храме «Успения» в крымском Эски-Кермене: у основания престольного выступа высечена

чаша, с возвышающимся над уровнем алтаря, бортами (рис. 47,*2*). Каменная «при престольная чаша» в храме «Успения» в Таврике очень схожа с аналогичным «литургическим устройством» под престолом Голгофы (рис. 22) в храме Гроба Господня в Иерусалиме. Ниша в апсиде храма «Успения» хоть и включает паз (рис. 47,*3*), предназначенный для вставки массивной плиты мензы (на «ножку» престольного выступа), но имеет и самостоятельное значение, как продолжение выступа-престола. В целом, планиметрия храма «Успения» свидетельствует, что это храм-баптистерий, предназначенный равно для свершения литургии и для крещения; имеющий значительное углубление-водоем прямо перед престолом (рис. 47,*4*). Такие храмы относятся к самой ранней поре христианства, как храм-баптистерий Иоанна Предтечи под Иерусалимом (рис. 12).

Престолы в виде ниши, часто возводились и без выступа-престола (как это устроено в Вифлееме, или в храме «Успения» в Эски-Кермене), поскольку форма престола в виде ниши восходит к основному прототипу всех алтарей христианских храмов: нише-аркосолию, в которой было некогда положено Тело Христа (рис. 48). Такова же и «лавица» в едва намеченной нише-аркосолии, где в пещере Иерусалимской Гефсимании, было положено Тело Богородицы (рис. 49). Если «лавица» в храме Гроба Господня была обнаружена августой Еленой только в 325 г. (после чего только и могла служить прототипом храмового жертвенника-престола), то о «лавице» Богородицы в Гефсимании хорошо знали и во II в.н.э. [97, с. 162–169]. Она и служила прототипом литургических устройств самых ранних христианских храмов, возникших до 325 г., как престол-жертвенник в «Пещере Апокалипсиса» на о.Патмос, или в пещерном храме Чилтер-Кобы в Крыму.

Ниши-престолы устроены также в предназначенных для службы, кубикулах катакомб [65, 28–29], например, в «кубикуле Льва» IV в. (рис. 50) в катакомбах св. Коммодиллы в Риме, или в монастыре св. Иеремии VI в. в Саккара (рис. 51) в Египте. Подобные ниши-престолы имеют место и среди храмов рассматриваемой территории. В Крыму именно так устроен престол в храме Евграфия (рис. 52,*1*), в Армянском храме (рис. 52,*2*) в храме у Монастырской скалы (рис. 52,*3*) в Инкермане, и в некоторых других ранневизантийских пещерных церквях Крыма. Наиболее интересен подобный престол-ниша в храме «Трех всадников» в Эски-Кермене (рис. 53). Полочка жертвенника устроена в этом храме на перемычке останца (рис. 54), а необычная стереометрия самого храма (рис. 55) может иметь поливариантные решения. Одно из них[5] – о постройке данного храма в качестве мартирия, вполне корреспондирует с аналогией его литургических устройств с пещерным храмом Младенцев в Вифлееме, определенно построенном как мартирий. Не исключено, однако, что особенности объема храма «Трех всадников» в Крыму продиктованы еще и возможностями скального останца, в котором он высечен (рис. 56).

В виде полки в нише устроены престолы и в ряде иных храмов первохристиан Юга Восточной Европы. Среди пещерных монастырей Подонья [6, с. 136–152; 8, с. 40–45; 9, с. 57–63; 76, с. 18–197], где имеются престолы древнего типа (Костомарово, Шмарное, Малые Дивы, Белогорье) [98, с. 196–201], в Белогорском пещерном монастыре (рис. 57,*1*) ниша-престол устроена в храме, получившем название «Цветной комнаты» [94, с. 371–375]. В обрамлении украшенных розетками над нишами-аркосолиями северной и южной стен (рис. 57,*2*), алтарная стена «Цветной комнаты» (рис. 58) выглядит более упрощенно (что не особенно заметно после «подправки» ее художественных особенностей туристами «советских», «перестроечных» и «постперестроечных» времен). Чашеобразное углубление

[5] Одно из возможных объяснений необычному пространственному решению храма «Трех всадников» дано в работе Н.Е. Гайдукова [31]. Литургические устройства храма Младенцев в Вифлееме действительно представляют аналогию таковым в храме «Трех всадников». Но стереометрия пещерного храма в Вифлееме, ничего общего с данным Крымским храмом не имеет, она строго трехчастна: по продольной оси пещерный храм Младенцев в Вифлееме разделен на притвор, наос, и алтарь.

в горизонтальном основании ниши-престола (рис. 58,*1*, 59,*1*), выполнено сходно с такими же углублениями, устроенными на полке, соответствующей жертвеннику (рис. 58:*2*). В оформлении алтарной стены использованы многолепестковые розетки того же типа, что небольшие розетки на северной и южной стенах. Они расположены над полочками жертвенника и «дьяконника», и такие же – размещаются в тыльном «зеркале» ниши-престола, обрамляя все еще различимый крест (рис. 58). Нижнее поле «зеркала» ниши-престола украшено зигзагообразной линией (из двух знаков?), иными «знакообразными» композициями (неразборчивыми в результате активности «советских» и «постсоветских» туристов), в том числе (справа) – петлями волютов (рис. 59), аналогии которым, можно отметить на алтарной стене в храме Зверинецких пещер Киева (рис. 60).

В виде скомбинированных вместе выступа и ниши, полочка которой (основание) продолжало поверхность мензы выступа-престола, построено это литургическое устройство в единственном - маленьком храме Зверинецкого пещерного монастыря в Киеве (рис. 61). Оно аналогично такому же престолу в крымском пещерном храме «Успения» в Эски-Кермене (рис. 47) и в храме Младенцев палестинского пещерного монастыря в Вифлееме (рис. 45).

В виде ниши оборудован один из престолов в храме Китаевского пещерного монастыря (рис. 62) на Среднем Днепре; а также – в Загнитковском (рис. 63,*1*), Стенковском и Малевском пещерных скитах в Буго-Днестровском регионе [101, с. 67–75; 103, с. 118–122; 104, с. 60–67].

Буго-Днестровский регион располагает памятниками, связь которых с ранним христианством достаточно выражена. Александр Попа в 1999 г. предположил, что раскопанная Э.А. Рикманом [71] постройка из камня и плинфы под черепичной крышей, с застекленными окнами и с колонным порталом в Сомбарс на Среднем Днестре являлась христианским храмом позднеримского времени (IV в.), на основании чего, с резиденцией готского христианского митрополита в это время связывают даже территории Среднего Поднестровья [107, с. 196–203]. Видимо, в этом случае более правомерно видеть в таких находках епископские резиденции [103, с. 118–122] Готской митрополии, с известным со времен Н.И.Репникова [69; 70], центром – крымской Дори (Доросом).

Пещерное помещение и храм у с. Стенка (Монастырского района Тернопольской обл.) высечен в известняках левого берега Днестра путем подработки естественного, карстового грота. В своде жилого грота пробито широкое – 1,5 м. вертикальное отверстие вверх, где над первой небольшой камерой, высечена в скале другая, - трапециевидная в плане 8 х 9 м, высотой 4 м. По центру восточной стены верхнего помещения высечен дополнительный кубический объем, углубленный в скалу еще на 3 м [135, рис. 3]. Здесь, как полагает исследователь этих подземных полостей В.С. Артюх, располагался алтарь храма [11, с. 6–8]. Рядом с «трехметровым помещением» в стене вырублена еще одна ниша, которую можно интерпретировать, как древнее литургическое устройство (жертвенник), вынесенное к пределам алтаря, в наос, как в древнейших христианских храмах [60, с. 208]. Многочисленные лапидарные знаки (в виде петель – как в Зверинецком и Белогорском храмах, перевернутого латинского «F» и свастики, как в других пещерных храмах: у с. Межигорье Тернопольской обл., в молдавских Бутученах, и др.), обнаружены на стенах храмового помещения у с. Стенка, где имеется также изображение креста, типа «мальтийского» - с расширяющимися ветвями, и «изображение бегущего зверя» [82, с. 269, рис. 1; 88].

Двухъярусное пещерное сооружение (рис. 63,*1,2*) той же структуры, что и двухярусный храм с келией у с. Стенка, расположено возле с. Загнитков Кодымского района на севере Одесской области, на правом берегу р. Майстринцы (левый приток, впадающий в р. Днестр возле с. Рашков, где располагается «куст» хорошо известных черняховских и раннеславянских памятников IV–VI вв.). Верхняя камера Загнитковского пещерного скита

соединена с нижней вертикальным «люком», и имеет еще и отдельный широкий выход (ориентированный на юг) в небольшой овражек [134, с. 141, рис.1]. В западной стене верхнего грота вырублена «ниша-лежанка», а в восточной – полуциркульная в плане апсида, по центру которой расположено литургическое устройство – ниша, напоминающая древнейшие типы храмовых престолов.

Аналогичный двухъярусный пещерный скит расположен в верховьях р. Ушицы (правый приток Днестра) у с. Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области (рис. 64). В алтаре - углубленной и несколько скругленной в плане стены, в виде апсиды, – вырублена ниша, нижняя часть которой образует поверхность престола (рис. 65:*1*) древнего типа. Справа возле алтарной апсиды видны остатки ниши с плоским «зеркалом» (тыльной стеной), и плоским горизонтальным дном, служившей жертвенником (рис. 65:*2*), вынесенным к наосу.

В пещерном храме у Малеевцев, в пространственно обособленной апсиде алтаря, в основании ниши-престола, с подчеркнуто – выделенной плитой мензы (рис. 65:*1*), высечены чашеобразные углубления и желобок стока. Небольшая ниша жертвенника (рис. 65:*2*), устроенная на границе алтарного пространства, и доступная из наоса, размещена так, как это обустроено в храме «Донаторов» Эски-Кермена в Крыму (рис. 28,*1*, 29); в храме № 5 в Гёреми, в Каппадокии (рис. 26); и в древнейшем подземном храме Успенского пещерного монастыря Мега Спилеон в Греции, основанного в 362 г. (рис. 23).

В виде ниши вырублен престол под скальным навесом в скале «Черный камень» у с. Пидкамень на Брацлавщине (рис. 66,*1*), в двенадцати км от Почаевской лавры. Только древний тип престола (рис. 66,*1a*) у входов в подземные комплексы (рис. 66,*1b*), свидетельствует о его создании до 692 г., а его пещерные лабиринты, еще ожидают исследования. Не исключена и раннесредневековая древность монастыря Рождества Богородицы у Самбора, возникшего именно, как пещерный монастырь (рис. 67,*1*), где находятся мощи св. Валентина (рис. 67,*2*). Пещерные комплексы Самбора (рис. 67,*3*) имеют «трапезную», выполненную точно так же, как «трапезные» помещения пещерных монастырей Каппадокии, устроенные до VII в., но не имеющую ничего общего с «трапезной» Ближних пещер Киево-Печерского монастыря, которая появилась в XI в., при Антонии Печерском.

Было высказано предположение о возникновении отдельных пещерных святынь Буго-Днестровского региона в черняховское (позднеримское) время III–IV вв., и констатировано их функционирование в раннеславянское время VI-VIII вв., и позднее [104, с. 67–75]. Как объект паломничества они сохраняли свой статус во времена становления и функционирования восточнославянской государственности в высоком Средневековье (Киевская Русь), их продолжении почитать и в позднем Средневековье. К древним памятникам раннеславянского горизонта относится пещерный монастырь у с. Страдч Яворовского района Львовской области [40], с длинной привходной галереей (40 м), частично вырубленный (ок. 270 м) в скальных породах высокого правого берега р.Верещицы, частично занимающий естественные полости. В пещерах расположено несколько монашеских келий с выступами-лежанками, подземная церковь древнерусского времени («прямоугольный зал»), небольшой пещерный храм («круглый зал») с престолом-выступом древнего типа (рис. 68), и примыкающими сопрестолиями. Городище над пещерами было заброшено к XIV в., а в XVII в. монастырь был возобновлен, как Греко-Католический (униатский). Престол древнего типа не мог быть образован после 692 г.

Неподалеку от местечка Сатанов над Збручем (притоком Днестра), на склоне Слепого оврага (заповедник «Медоборы») у с. Крутилов, в окружении раннеславянских памятников, в Троицком пещерном скиту (рис. 69,*1*), наряду с престолами-выступами древнего типа, сохранились «сопрестолия» (рис. 69,*2.1*). Они аналогичны первохристианским, существовавшим до VII в. в Египте (рис. 70), и происходят от подобного элемента в храмах

(«монастерионах») эссенов (ессеев) [99, с. 458–462]. Престол, некогда бывший в этом храме [135, рис. 6] напоминает примыкающий с алтарной стене престол храма «Успения» в Крымском Эски-Кермене (рис. 47,*1*), и видимо, еще в древности он был поврежден: через нишу для иконы в Горнем месте над престолом прошла значительная трещина, повредившая «ножку» престола-выступа. Часть «ножки» престола-выступа сохранена здесь же и на стене виден отчетливый след ее примыкания. Рядом с этим поврежденным литургическим устройством в стене высечена еще одна ниша для Горнего места, а под ним углубление-ниша с нижней полкой также с углублением «стационарного потира», а под ней расположено еще одно углубление-ниша с высеченной на горизонтальной полке более крупной выемкой чаши (рис. 69,*2.2*), схожей с той, что расположена под престолом Голгофы в Иерусалимском Анастасисе (рис. 22) и в храме «Успения» (рис. 47,*2*) в Эски-Кермене. Не исключено, что в Сатанове, обе описанных ниши, похожие на Горнее место, со всеми архитектурными деталями – это единое литургическое устройство, а не новое, пришедшее на смену первому (слева), поврежденному трещиной. Тогда это единое литургическое устройство (престол + жертвенник), аналогичное имеющимся в древнейших храмах («Пещеры Апокалипсиса» на Патмосе и «Невинно убиенных Младенцев» в Вифлееме). Служба у подобных престолов с совершенно неординарными «сопрестолиями» (не предназначенными для сидения, а существующими для коленопреклонения перед ними в позе молитвы) по сей день проводится по древнему «чину апостола Иакова Старшего, брата Господня» (рис. 69,*3.1*).

Престол в помещении следующего малого храма [135, рис. 7] пещерного скита в Сатанове составлен из двух подтесанных плит, уложенных на выступ алтарной стены, и тщательно к этой же стене подогнанных (рис. 69,*3.2*). В горизонтальной полке ниши в алтарной стене высечены два почти квадратных углубления: от углубления слева, возможно являющегося прообразом жертвенника, к краю престольного камня пробит сливной желоб. Углубление справа – объемнее, выполнено как подквадратная чаша со скругленными углами, высеченная в нижней полке углубленной в стену ниши, и примыкающая к вставной плите. Очевидно, что это также «единое литургическое устройство» (престол+жертвенник), сходное с таким же в «Пещере Апокалипсиса» на Патмосе (рис. 9, 10) и в «Храме Младенцев» в Вифлееме (рис. 45).

Рядом с Троицким пещерным скитом в Сатанове расположена гора Богит – раннесредневековый славянский хутор VII–VIII вв., и возникшее на том же месте небольшое укрепленное древнерусское городище, которое отдельные исследователи связывают с политеистическим религиозным центром [136, с. 32-35, рис.20], по находке неподалеку знаменитого Збручского идола Свентовита (Святовита).

К раннесредневековым (ранневизантийским) временам необходимо отнести и пещерный монастырь Рождества Богородицы, в ур. Церковщина (Гнилец), на Среднем Днепре (Киев). Келии-затворы в этих пещерах выполнены так, как в ранневизантийской лавре Саввы Освященного (Палестина), и в раннесредневековом – на Руси – Зверинецком монастыре. В одной из камер-«затворов» Гнильца расположена «костница» – «кимитирий мироточивых голов» (рис. 71), свойственный ранневизантийским памятникам. Кроме того, один из храмов этого пещерного комплекса имел примыкающий к внутренней стене алтаря древний престол-выступ [22, с. 25–26. Прим.3]. Рождественско-Богородичный (Церковщина-Гнилец) и Зверинецкий пещерные монастыри, обычно относят к древнерусскому времени, связывая первый с «загородней пещерой» преп.Феодосия Печерского [23, с. 54–58,151–153, рис. 33–35]. Но подземные храмы этих пещер имеют древние типы престолов, возведенных до VII в., а микрорегион в котором расположен пещерный комплекс Гнильца (Церковщины): Ходосовка (Диброва) – Новые Безрадичи – Обухов, – насыщен раннеславянскими памятниками, начиная с киевской археологической культуры III–V вв. [37, с. 65–62]), и до памятников летописных славян включительно [63, с. 182–183, рис. 8–10; 75, с. 40–52, 106–

122]. Аналогичен археологический контекст размещения пещерного комплекса в ур. Китаево (Киев), с престолом древнего типа (рис. 62), расположенного впритык к поселению киевской культуры IV–V вв.

Сходно, как престол древнего типа, описан древний престол, - примыкающий к стене помещения выступ, в одном из пещерных комплексов Чернигова [44, с. 78]. Этот пещерный монастырь был описан при случайных оползнях 1810 и 1820 гг., открывавших вход под землю, «смотрящий» прямо на Черниговский подол, постоянно заселяемый в IV-VII вв., и стационарно заселенный не позднее Х в. [91, Карта 20, 21]. Известно, что в этих городских окрестностях существовал монастырь (вероятно, пещерный), во времена крещения Чернигова [93, с. 15–22].

Пещеры Холковского скита над Осколом (Подонье) существовали в качестве храмового комплекса уже в VIII в. [94, с. 89–109]. Это подземный монастырь с храмом, в котором престол примыкает к внутренней стене апсиды (рис. 72:1) [64, с. 93–111], а над его северной (правой) частью в апсиде высечена небольшая ниша, напоминающая жертвенник. Обводная галерея (рис. 72:*2*) вокруг престола, видимо, бывшего некогда лежанкой христианского отшельника, построена точно так же, как обводная галерея под синтроном Николаевской базилики в Мирах Ликийских (рис. 1) в Малой Азии. Значит, сама христианская пещера возникла не менее, чем на полвека ранее, когда приняла первого насельника, и относится к VII в. Ныне имеются редкие находки, связывающие пещеры Подонья, где имеются престолы древнего типа, с древностями V-VII вв. [77, с. 207–213].

Храмы описанного типа (в Холках и в Мирах Ликийских) принадлежат к переходному времени, когда окончательно утверждается позиция престола в центре алтаря. Дальнейшее развитие алтарного пространства протекает уже при этом постоянно доминирующем признаке. Еще в VIII в. жертвенник выноситься в наос храма, как в пещерном каппадокийском храме № 9 в Гереми. Не позднее, чем в Х в., жертвенник, выносившийся в раннехристианских храмах в наос в целях его доступности для прихожан, становиться непременным атрибутом алтарного пространства. Таков храм Токали Келисе Х в. возле каппадокийской Гёреми, где ниша жертвенника устроена за предалтарной преградой (рис. 73:*2*). Алтарное пространство этой пещерной святыни имеет сформировавшуюся нишу «Горнего места» над владычной кафедрой с синтроном (рис. 73:*3*), и расположенный перед кафедрой престол по центру алтаря.

Все изложенное позволяет констатировать, что такой канонически-архитектурный элемент, как престол, - литургическое устройство, имеющее ряд хронологических признаков, является артефактом намного более точно датируемым, нежели некоторые иные артефакты (например, фрагменты керамики, особенно – стенок сосудов). Подводя итоги, отметим, что наиболее древние престолы, предназначенные для пролива по их поверхности преосуществляемого в Кровь вина, являются недифференцированными литургическими устройствами, включающими функции как собственно престола, так и жертвенника. По точному наблюдению о.Михаила Желтова, еще свт. Григорий Богослов (Назианзин) в IV в., под «жертвенником» понимает «престол» [45, с. 111–126], на котором и готовятся, и освящаются Святые Дары (причастие). Таковы древнейшие престолы Чилтер-Кобы в Крыму, поставленные после прихода пленных христиан из Каппадокии (после 264 г.); в патмосской «Пещере Апокалипсиса» (III в.); в Мега Спилеон на греческом Пелопоннесе (362 г.); в Вифлеемском пещерном храме Младенцев (IV в.); «Камнь Сиденья» на Джебель Кварентал в Палестине (IV в.); в пещерных храмах Троицкого пещерного скита у Сатанова в Поднестровье. Время их появления соответствует периоду появления храма у христиан [5], видимо, с рубежа II–III вв., когда в храме в 202г. произошла гибель паствы с пастырем – св. Иринеем Лионским и, добавим - сожжение готских мучеников. Распространение подобных храмов в Поднестровье, как и в Крыму, соответствует первым этапам эпохи Великого

переселения народов – III–IV вв. (рис. 74), а распространение по всему югу Восточной Европы в V–VII вв. (рис. 75) отражает распространение раннего христианства в это время.

Выделение жертвенника (и диаконника) в качестве обособленного архитектурно-канонического элемента храма, – места предназначенного исключительно для подготовки евхаристии, и обособление престола, в качестве образа «*небесного алтаря, покоища Духа Святого, ложа Небесного Царя*» [49, с. 321], где происходит преосуществление вина в Кровь, а хлеба в Тело, соответствует времени введения в практику службы литургии свт. Василия Великого (с начала V в.). Вынесение жертвенника за пределы алтаря, соответствовало «демократическим» элементам ведения литургии, делая доступным жертвенник из наоса для всех «переданных и верных» на протяжении V–VII вв. Большинство храмов христианского мира в этот период продолжает пользоваться древним типом престола. Обособление жертвенника формирует пространство алтаря в современном понимании (пространство апсиды, отделенной от наоса храма предалтарной преградой). Таковы первозданно сохранившиеся храмы: «Судилище» (южный, «египетский» придел), «Успения» и «Донаторов» в Эски-Кермене, храм № 4 Чилтер-Марморы, и плеяда ранневизантийских храмов Инкермана в Крыму; таков храм у Малеевцев в Поднестровье, малый храм Зверинецких пещер Киева на Среднем Днепре, а также «Цветная комната» Белогорского пещерного монастыря, и пещерный храм Малых Див на Дону.

Вынесение жертвенника за пределы алтаря, наряду с «демократическими» элементами в ведении литургии, соответствовала еще и упразднению института диаконис в VII в.; а Трулльский (Дворцовый) V/VI Вселенский собор Единой Церкви (692 г.) положил конец установке престолов, примыкающих к внутренней стене апсиды, сделав обязательной в годовом круге Двунадесятых праздников служение литургии Василия Великого (служба ***вокруг престола***) на праздник Благовещения. Именно потому перестали строиться храмы, не имевшие «кругового обхода» для службы ***вокруг престола*** по чину литургии Василия Великого, или же их вынужденно достраивали по этому принципу: именно так, - с «круговым обходом» был обустроен Троицкий храм пещерного монастыря в Холках в Подонье. Такими видятся основные этапы хронологического развития такого важнейшего класса артефактов (канонически-архитектурных элементов храма), каковым является церковный престол.

Список использованной литературы

1. Августин (Никитин), архим. Русская библейская археология в Палестине // БТ. 1999. № 35.
2. Аверинцев С.С. Иоанн Богослов // Мифы народов мира. Энциклопедия / под ред.С.А. Токарева и др. Т.1 (А-К). М., 1991.
3. Айбабин А.И. Аланы в Крыму в V веке // XX Юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998). Ставрополь, 1998.
4. Айналов Д.В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // ТМАО. 1915. Т.25.
5. Алымов В.А. Лекции по Исторической Литургике. СПб, 2005.
6. Амелькин А.О. Дивногорская обитель // Русская провинция. Воронеж, 1995. Вып. 2.
7. Амелькин А.О. Некоторые вещественные свидетельства распространения христианства в Южной России и I–IV веках // Исторический вестник. Научный журнал. Воронеж, 2001, № 1 (12). Режим доступа: http://rusarch.ru/amelkin2.htm.
8. Амелькин А.О. Древнейший монастырь Воронежского края // ВЕВ. Воронеж, 1995, № 7–8.
9. Амелькин А.О. Древнейший монастырь Воронежского края // ВЕВ. Воронеж, 1995. № 9–12.
10. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

11. Артюх В.С. Раннехристианский пещерный храм на Днестре // Международный симпозиум по искусственным пещерам. Киев – Одесса, Украина 9 – 14 сентября 1998 г. Киев; Одесса, 1998.
12. Артюх В.С. Сирямина Н. Давньохристиянський печерний храм у селі Стінка Тернопільськоі області // Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов'ян. Львів , 1998.
13. Атанасов Г. За един старобългарски скален манастир от X–XI век в Централна Молдова // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново, 1993. Т. II.
14. Атанасов Г. Кападокийски културни влияния в скалната обител при Мурфатлар // Приноси към българската археология. София, 1992. Т. I.
15. Атанасов Г. Кримски реалии на единоколрабните църкви без притвор в Добруджа и Източна България през X–XI век // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново, 1994. Т. III.
16. Бажан И.А. Многолепестковые инкрустированные фибулы и вопросы хронологии цебельдинских древностей // Доклад на семинаре «Хронограф» 06.04.2009. в ИИМК РАН. Изв. ИИМК РАН, СПб. (в печати).
17. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
18. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
19. Бандрівський М., Бандровський О. Поява пам’яток Східносередиземноморських культів на Придністровському Поділлі (I–III ст.н.е.) // Україна в минулому. Вып.II. Київ–Львів, 1992.
20. Беликов Д.Н. Начало христианства у Готов и деятельность епископа Ульфилы. Вып.1. Казань, 1887.
21. Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение / сер. «Византийская библиотека». СПб., 2000.
22. Березкин Ю.Е. Ранняя керамика Старого и Нового Света. Доклад на научном семинаре «Теория и методология архаики [ТЕМА]», Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, 23.04.2010
23. Бобровський Т. Підземні споруди Киева від найдавніших часів до середини XIX ст. (спелео-археологічний нарис). Київ, 2007.
24. Василевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Тр. В.Г. Василевского. СПб., 1912. Т. II, вып.2.
25. Васильев А.А. Готы в Крыму. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов // Изв. ГАИМК. Петроград., 1921. Вып. I.
26. [Верлюжский И.] Исторические сказания о жизни святых подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880.
27. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА.1995. № 1.
28. Винокур И.С. Новые языческие памятники на Среднем Днестре // Древние славяне и их соседи. М., 1970.
29. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI в. (Опыт исторической этнографии). СПб., 2003.
30. Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
31. Гайдуков Н.Е. Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики (на примере трех пещерных храмов округи пещерного города Эски-Кермен) // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Украины – Руси. Материалы научной

конференции (Судак, 16-22 сентября 2002 г.) / Под ред. Н.М. Куковальской и др. Киев; Судак, 2002.

32. Гайдуков Н.Е. Михаил Желтов, диак. Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2.
33. Гайдуков Н.Е. Церковная археология (Краткий словарь терминов). Симферополь, 2009.
34. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. СПб., 1901. Т. 1. Ч.1.
35. Голубцов А.П. Из чтений по Церковной археологии и литургике. СПб., 1995.
36. Горайко А.В. О роли Антиохийской Церкви в восстании 397 г. // Проблемы теологии. Вып.3: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа. 2–3 марта 2006. Часть 1. Екатеринбург, 2006.
37. Даниленко В.М. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. Київ, 1976. Вип.19.
38. Даниленко В.Н. Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
39. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму // САИ, вып. Д 1 – 7. М.: «Наука», 1991.
40. Димитрій, Патріарх. Печерні монастирі, скити та келії у світі й Україні // Основа. Київ, 1995. № 28 (6).
41. Дмитриевский А. Иоанно-Богословский мон-рь на о. Патмос по сравнению с святогорскими монастырями идиоритмами // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1892. № 11.
42. Днепровский Н.В., Чореф М.М. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. Вып. 20.
43. Домбровский О.И. Пещеры и урочище Кизил-Коба и позднеантичный период // Труды Комплексной карстовой экспедиции АН УССР, Киев, 1963.
44. Ефимов А.Н., свящ. Елецкие пещеры при монастыре того же имени // Тр. XIV АС в Чернигове 1908 г.. М., 1911, Т.II.
45. Желтов М. С. Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000.
46. [Иоанн Мосх] Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 2004.
47. Казанский М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Сборник научных статей. Киев:, 2006.
48. Кардини Ф. История средневекового рыцарства / Сокращенный перевод с итальянского В.П.Гайдука. Вступ.статья и общ.ред. к.и.н. В.И. Уколовой и д.и.н. Л.А. Котельниковой. М., 1987.
49. [Кирилл Туровской]. Святого Кирилла монаха слово о снятии Тела Христова с креста и о мироносицах на тему евангельскую, и похвала Иосифу Аримафейскому в неделю третью по Пасхе / Подгот.текста, перевод и коммент. В.В.Колесова // ПЛДР. XII век./ Общ.ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. М., 1980.
50. Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.
51. Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднестровье // САИ. 1978. Вып. Е 1-43.
52. Лавров В.В. Готские войны III в.н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной

истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. Д.и.н.А.Ю. Дворниченко. СПб., 2003.
53. Лавров В.В. Епископ Ульфила и развитие готской литературы // Интеллектуальная элита античного мира. ТД научной конференции. 8–9 ноября 1995 г. СПб., 1995.
54. Латышев В.В. Жития Святых епископов Херсонских // Записки Императорской Академии наук. Историко-филологическое отделение, VIII серия. Том VIII. СПб., 1906
55. Латышева А.В. К реконструкции обряда крещения в раннесредневековом Херсонесе // Проблемы теологии. Вып.3: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа. 2–3 марта 2006. Часть 1. Екатеринбург, 2006.
56. Левада М. Перстень з двома імператорами або про наукову вартість «старожитності» // Пам’ятки України. Історія та культура. Науковий часопис. Київ, 2005. № 2.
57. Магомедов Б.В. Вельбарские традиции в черняховской гончарной керамике // 20 lat archeologii w Maslomęczu. Tom II. Lublin, 1998.
58. Мещерская Е.Н. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997.
59. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
60. [Муравьев А.Н.] Путешествие по святым местам Русским. СПб., 1846. Ч.I.
61. [Муравьев А.Н.] Путешествие по святым местам Русским. СПб., 1846. Ч. II. (Репринт. Изд. Св.-Троице-Сергиевой Лавры, 1990).
62. [Никифор, архимандрит] Библейская энциклопедия в 4-х выпусках. Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891 (Репринт. Изд. Св.-Троице-Сергиевой Лавры, 1990).
63. Петрашенко В.О. До проблеми археологічноі інтерпретаціі літописних полян // Старожитності Украіни–Русі. К., 1994.
64. Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. М.,1985.
65. Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства (изд.2-е). СПб., 2000.
66. Порфирий (Успенский), епископ. Святыни земли Италийской (Из путевых записок 1854 года). М.,1996.
67. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // Готский Сб., ИГАИМК. М.;Л., 1932. Т.12. Вып. 1–8.
68. Райт Дж.Э. Библейская археология. СПб., 2003.
69. Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // Изв. ГАИМК, 1932. Т. 12. Вып. 1–8.
70. Репников. Н.И. Городище Качи-Кальен // ИГАИМК. Вып.117: Материалы Эски-Керменской экспедиции. М.;Л., 1935.
71. Рикман Э.А. О влиянии позднеантичной культуры на Черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье // КСИА. М., 1070. Вып.124.
72. Святая Земля. Исторический путеводитель по памятным местам Израиля, Египта, Иордании и Ливана / Ред. М. В. Бибиков. М., 2000.
73. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
74. [Сисаури Б.] Полные жизнеописания Святых Грузинской Церкви / Перевод с Грузинских подлинников Михаила Сабинина / Ред. Бесики Сисаури. Режим доступа: http://sisauri.tripod.com/religion/russian/garejeli.htm.
75. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Сер.: «Археология СССР» / Отв.ред.тома И.П. Русанова, Э.А. Сымонович. М., 1993.

76. Степкин В.В. Культовые пещеры Среднего Дона и Оскола (цикл статей) // Культовые пещеры Среднего Дона / Сер.: «Спелестологические исследования»: Спелестологический Ежегодник Русского общества спелестологических исследований. М., 2004. Вып.4.
77. Степкин В.В. Пещера у с. Селявное в Воронежской области (к вопросу о первоначальном этапе пещерного строительства в Донском регионе) // Христианство в регионах мира. Вып.2 / Отв.ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков. СПб., 2008.
78. Струков Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
79. Струков Д.М. Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. Изд.2-е. М., 1882.
80. Струков Д.М. О доисторических памятниках Тавриды. М., 1879.
81. Струков Д.М. О древне-христианских памятниках в Крыму. Опыт археологических изысканий. М., 1872.
82. Суховей Л.Н. Культовые пещеры Одесской области // СЕ РОСИ 1999. М., 2001.
83. Сыманович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. 1963. № 1.
84. Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Боспоро-Херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III-IV вв.н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999.
85. Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви. СПб., 1891. Т.I.
86. Фомин М.В. О раннехристианской погребальной традиции. Попытки реконструкции // Проблемы теологии. Вып.3: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа. 2–3 марта 2006. Часть 1. Екатеринбург, 2006.
87. фон Фрикен А. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. Часть I: Римские катакомбы. М., 1872.
88. Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб., 2004.
89. Шевченко Ю.Ю. Амулеты и перстень с рыбами: первохристиане в Крыму // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД участников двенадцатого коллоквиума (3–10 апреля 2003 года). СПб., 2003.
90. Шевченко Ю.Ю. Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства юга Восточной Европы // Христианство в регионах мира / Отв.ред. Т.А.Бернштам, А.И.Терюков. СПб, 2008. Вып. 2.
91. Шевченко Ю.Ю. В зоне славянского этногенеза (Палеодемоэкология Низовий Десны в первом тысячелетии н.э.). СПб., 2002.
92. Шевченко Ю.Ю. Домашние святыни: Богородица Пещерная на древнехристианских филактериях // Славянский ход / Отв.ред. Е.А. Резван. СПб.–Сургут–Ханты-Мансийск, 2009.
93. Шевченко Ю.Ю. Княжна-амазонка в парном погребении Черной могилы // Сб. МАЭ. Вып. XLVII: Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999.
94. Шевченко Ю.Ю. Нижние ярусы подземного Ильинского монастыря в Чернигове, игумены обители и "иерусалимский след" в пещерном строительстве // Археология, этнография и антропологии Евразии. № 1 (25) 2006 (СОАН, Новосибирск).
95. Шевченко Ю.Ю. Нищенство как индикатор лидерства в первохристианстве: апостолы и пророки – трансформации во времени // Лидерство в архаике. Материалы семинара «Теория и методология архаики (ТЕМА)» / Отв.ред. Д.Г. Савинов, М.Ф. Альбедиль. СПб., 2011 (в печати).

96. Шевченко Ю.Ю. О времени возможного возникновения пещерного храма на Ай-Тодоре (Чилтер-Коба) в Крыму // Полевые исследования МАЭ РАН в 2009 г. / Отв.ред. Е.Г. Федорова. СПб., 2010.
97. Шевченко Ю.Ю. О египетских элементах в христианском храмовом престоле // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы / Под ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянова. Брянск, 2009.
98. Шевченко Ю.Ю. Пещерные христианские монастыри Подонья: начало традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. / Отв.ред. Д.Г. Савинов. СПб., 2004.
99. Шевченко Ю.Ю. Планиметрия восточнохристианского пещерного храма раннесредневековой Восточной Европы (VII–XII вв.) // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического Съезда в Суздале 2008 г. Том II. Отв. редакторы: академик РАН А.П. Деревянко, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров. М., 2008.
100. Шевченко Ю.Ю. Символика орнаментаций «Цветной комнаты» Белогорского пещерного монастыря в Подонье // Археологическое изучение Центральной России. Международная научная конференция к 100-летию Всеволода Протасьевича Левенка, Липецк, 2006.
101. Шевченко Ю.Ю. Храмы христиан юга Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Вип.3. Київ–Глухів, 2010.
102. Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г. Древнейший храм Руси // Христианство в регионах мира / Отв.ред. Т.А. Бернштам. СПб., 2002.
103. Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Палеоэтнографическая ситуация V-VII вв. в Северном Причерноморье и появление раннехристианских пещерных памятников // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010.
104. Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Появление раннего христианства III-VII вв. в Северном Причерноморье // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Вип.3. Київ–Глухів, 2010.
105. Шмеман А., прот. Введение в литургическое богословие. Киев, 2004.
106. Щепанская Т.Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / Отв.ред. Т.А. Бернштам. Сборник МАЭ XLVII. СПб., 1999.
107. Щукин М.Б. Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
108. Щукин М.Б. О первом появлении готов в Дунайско-Причерноморском регионе и начале Черняховской культуры. Памяти Иохима Вернера // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов / Отв.ред. Г.С. Лебедев; под науч.ред. А.С. Мыльникова, М.Б. Щукина. СПб., 2002.
109. Щукин М.Б. Силадьшомйо или Сильвано-Шильмоне и Фритигерн // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции к 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2004.
110. Юрочкин В.Ю. Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: Греческая культура на переферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999.
111. Юрочкин В.Ю. Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2002. Ч. II.

112. Bazgu E. Manastrile rupestre din bazinul fluviulyi Nistru – artere de raspindire a crestinismului // Sud-Est. 1997.4.30 Revista apare din anul 1990 / Red.-sef: Valentina Tazlauanu. Chişinău, 1997.
113. Bierbrouer V. Ethnos und Mobilitat im 5.Jahrhundert aus archeologischer Sicht: VomKaukasus bis nach Niederosterreich. Munchen: Verlag der Bayerischen Akademie Der Wissenschaften in Kommission beim verlag C.H. Beck, 2008.
114. Evangelatou M. The Holy Sepulchre and iconophile arguments on relics in the ninth-century Byzantine Psalters // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
115. Frend W.H.C. The Archaeology of Early Christianity: A History. Minneapolis, 1996.
116. Gibson S. The Cave of John the Baptist: The First Archaeological Evidence of the Historical Reality of the Gospel Story (Paperback). London, 2005.
117. Grabar A. Etudes criticues: R. Naumann. “Die Euphemia-Kirche” // Cahiers. 1967. T. 17.
118. Hager J. Pilgrimage. A Chronicle of Christianity Through the Churches of Rome. London: Weidenfeld & Nicolson, 1999.
119. Jolivet-Levy C. Les Eglises Byzantines de Cappadoce: : le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris: CNRS, 1991.
120. Berder. M. Un Itineraire au Mount des Oliviers // Le Monde de la Bible. 1988. Vol.55.
121. Mango C. Byzantine Architecture // History of World Architecture. New York, 1985.
122. Mathews Th.F. The Early Churches of Constantinopole: Architecture and Liturgy. London, 1980.
123. Noel D. L’Architecture chretienne et les pratiques liturgiques en Jordanie en rapport aves la Palestine: Recherches nouvelles // Churches Built in Anicent Times. Recent Studies in Early Church Archaeology. London, 1994.
124. Parrot R.P. L.-H. Vincent // Syria. 1961. Vol. 38.
125. Scukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l’epoque des grandes migrations. BAR International Series 1535 / Series Editors : Sauro Gelichi, Lopez Quiroga, Patrick Perin. Monographs, I. Oxford, 2006.
126. Taylor J.E. Christians and the Holy Places: The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxford, 1993.
127. Taylor J.E., Gibson Sh. Beneath The Church of the Holy Sepulchre. Jerusalem. London, 1994.
128. Teteriatnikova N.B. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Roma, 1996.
129. Thomas T.K. Dangerous Archaeology: Francis Willey Kelsey and Armenia (1919-1920) / Francis Kelsey's Expedition and Armenia (1919-1920): an exhibition presented at the Kelsey Museum of Ancient and Mediaeval Archaeology. September 1990-February 1991. Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan, 1990.
130. Tsafrir Y. The Loca Sancta and the invention of relics in Palestine from the fourth to seventh centures: their impact on the ecclesiastical architecture of the Holy Land // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
131. Wilkinson J. Jerusalem as Jesus knew it. London, 1978.
132. Wilkinson J. Peregrinato Aetheriae = Egeria’s Travels: Newly translated with supporting documents and notes. London, 1981.
133. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.
134. Суховей Л.Н. Культовые пещеры Одесской области // СЕ РОСИ 1999. М., 1999.
135. Моцпан Р.З. О возможных ранних датах пещерных монастырей Приднестровья // «Христианская архаика» («Христианство в регионах мира»). Вып. III. (в печати).
136. Русанова И. П. Языческие святилища древних славян / И. П. Русанова, Б. А. Тимощук. М., 1993.

137. Thelma K. T. Dangerous Archaeology: Francis Willey Kelsey and Armenia (1919-1920) / Francis Kelsey's Expedition and Armenia (1919-1920): an exhibition presented at the Kelsey Museum of Ancient and Mediaeval Archaeology. September 1990-February 1991. Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan, 1990.
138. URL: http://vkontakte.ru/album-9934843_93368394 (дата обращения: 27.07.2011).

Summary

Liturgical device, called today the throne – a key architectural element of the canonical church – an artifact that can be typologize, to clarify the chronology of the monuments, which he entered. The position and function of this device in a liturgical church, reflecting its structure, independent of the canons of church services that have changed over time. The first is from this point of view considered the thrones of the cave temples of the Crimea in the 70-th. XIX c. D.M. Strukov, but on the eve of the third millennium, it comes to the «liturgical archeology» (Noel Duval). Correcting scheme chronology of temple altars, D.M. Strukov and supplementing it with material altar of the church in the Middle East, it was possible to outline the basis of this typology of liturgical unit. In the early stages (from the line II–III to V cc. in the first half.) Of the throne and the altar are the same, when operating the device, the earliest liturgical III – beginning of IV c. With the «Cave of the Apocalypse» on Patmos (Aegean), the throne of Ay-Todor (Chilter-Koba) temple (Taurica), «The stone seats» on the Mountain Temptations (Palestine), the altar of the church «innocent victims of babies» in Bethlehem (Palestine). Around the middle of V c. separated from the altar to the throne, becoming an independent canonically temple architectural element. Cave temples of this period (the last third V–VII cc.), Such as «Judicatory», «Three Riders», «Donators» in the district of Eski-Kermen (Taurica), multiple churches in this time of Cappadocia (Asia Minor), have thrones still adjacent to the inner side of the altar wall, to serve before the throne of the ancient liturgy of ranks (the «Twelve Apostles» – «Didache»; rank of ap. Mark of Alexandria, Jerusalem rite of ap. Iakov Elder). Just resolution of the «Palace Cathedral» (Trullan) in 692 prescribed by the Annunciation mandatory service in the order of st. Vasiliy the Great (around the altar), put an end to the thrones of the device adjacent to the inner wall of the apse. Since then the throne is always erected in the center of the altar, to be able to round-trip.

Рис. 1. ***1.*** Интерьер храма Николая Мирликийского в г.Демре (Турция), вид с востока. 1: Древнее основание престола. 1: Престол выдвинутый к наосу, видимо, около 832 г. при окончании перестроек храма. 2: «Амфитеатр» синтрона (сопрестолия).

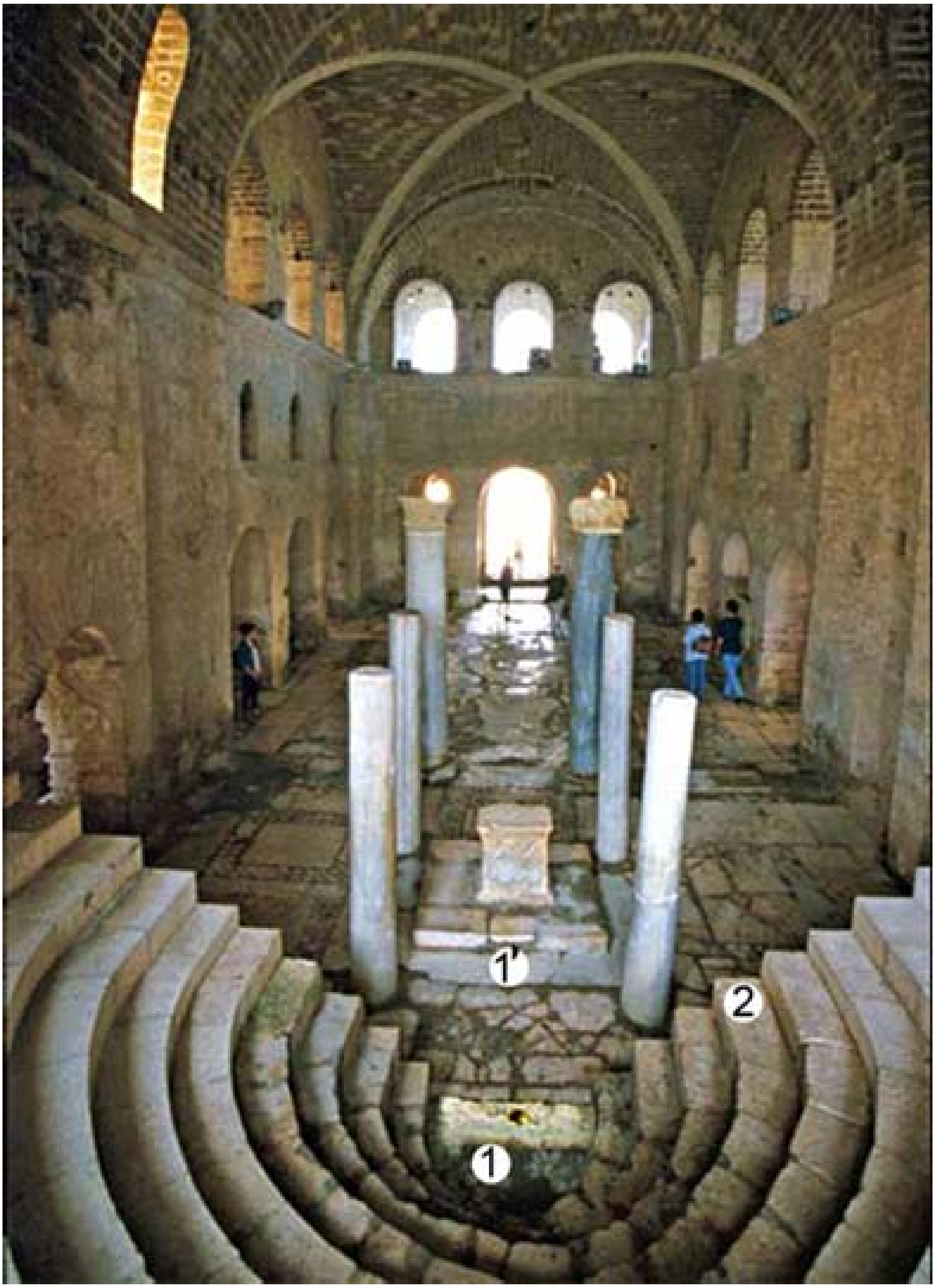

Рис. 1. (Продолжение). ***2.*** Интерьер храма Николая Мирликийского в г.Демре (Турция), вид с запада. 1: Престол под сенью кивория (ок.832 г.). 2: «Амфитеатр» синтрона (сопрестолия). 3: Выходы обводной (под синтроном) галереи для совершения «кругового обхода» престола.

Рис. 2. Случайные (и грабительские) находки первохристианских перстней: с территории Крыма (Ново-Отрадное) последнего десятилетия II в.н.э. (6) [89]; перстень с рыбами (1), случайная находка на Южном берегу Крыма (у Судака, 2009 г.); и с памятников черняховской культуры III-IV вв. (3-5) Буго-Днестровского и Среднеднепровского регионов [56]. Перстень с изображением Гордиана и Филиппа Араба (5), относящийся к горизонту Лёйн-Хаслебен, с «узкой датой», аргументированной М.Левадой, мог в IV в. использоваться христианскими экзархами, как использовалась в качестве иконы Богородицы египетское изображение Исиды из Поднестровья [19, с. 5-26].

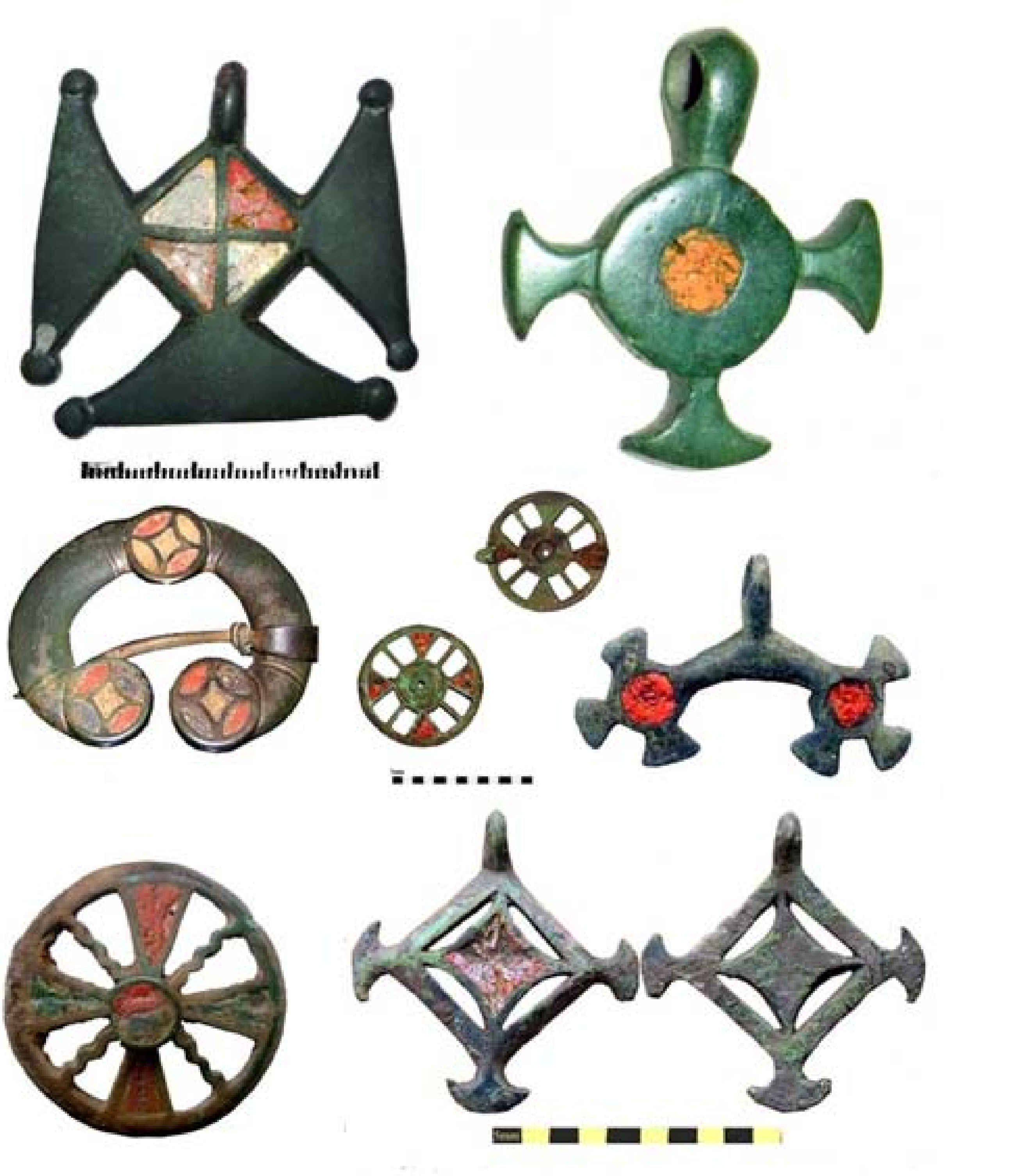

Рис. 3. Предметы с символами креста круга «выемчатых эмалей» III-IV вв. (1-7) из грабительских раскопок 2008-2010 гг.: подборка *Бажан Игорь*. Вещи круга эмалей (альбом) // «Тайное общество хронологии» [138].

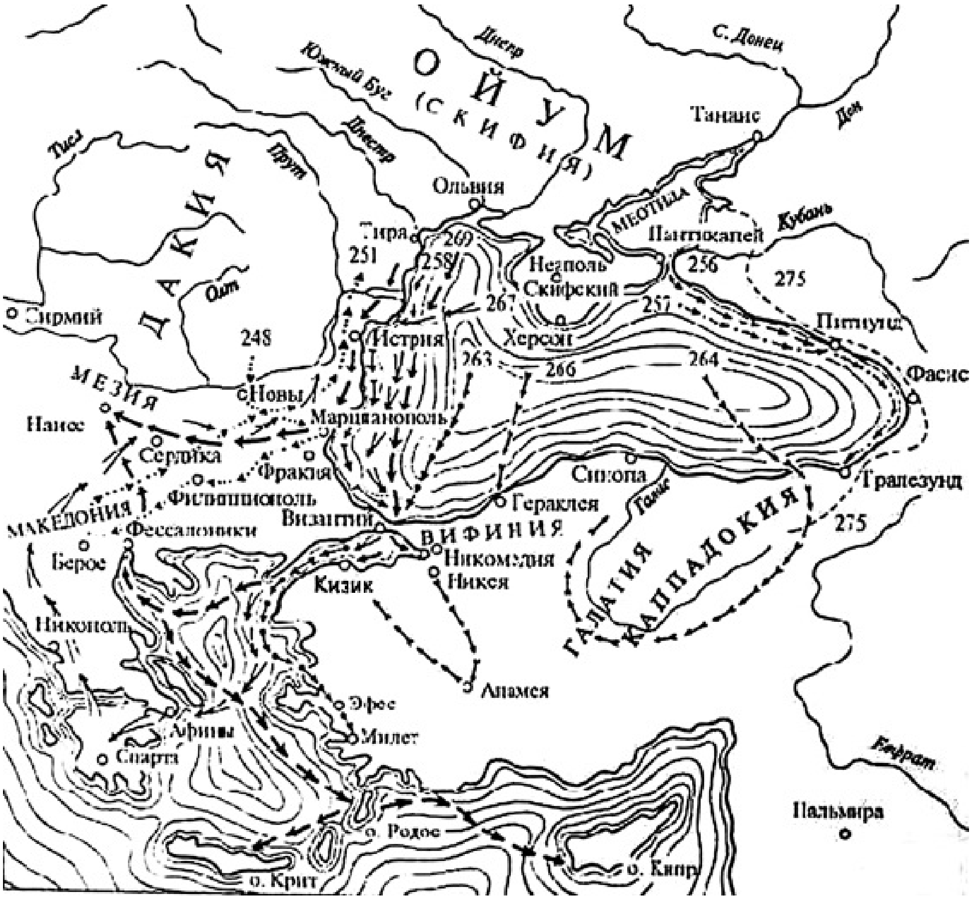

Рис. 4. Ранние готские походы через Боспор по М.Б. Щукину [107, рис.52].

Рис. 5. Мощи (десница) св. великомученика Никиты Готского. (Из Сербского монастыря). Свято-Феодоровский (Государев) собор Царского Села (г.Пушкин, Ленинградской обл., Россия).

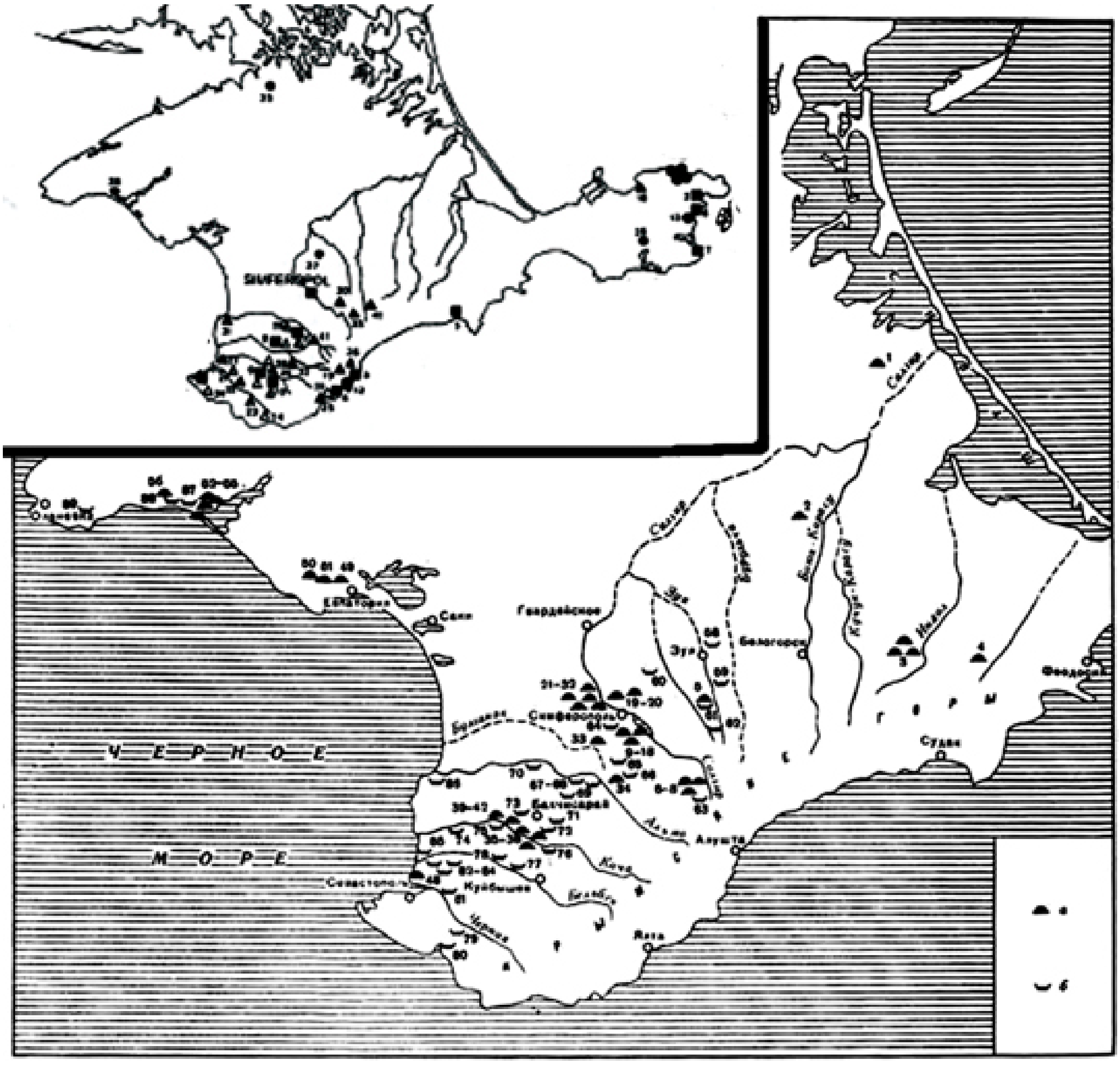
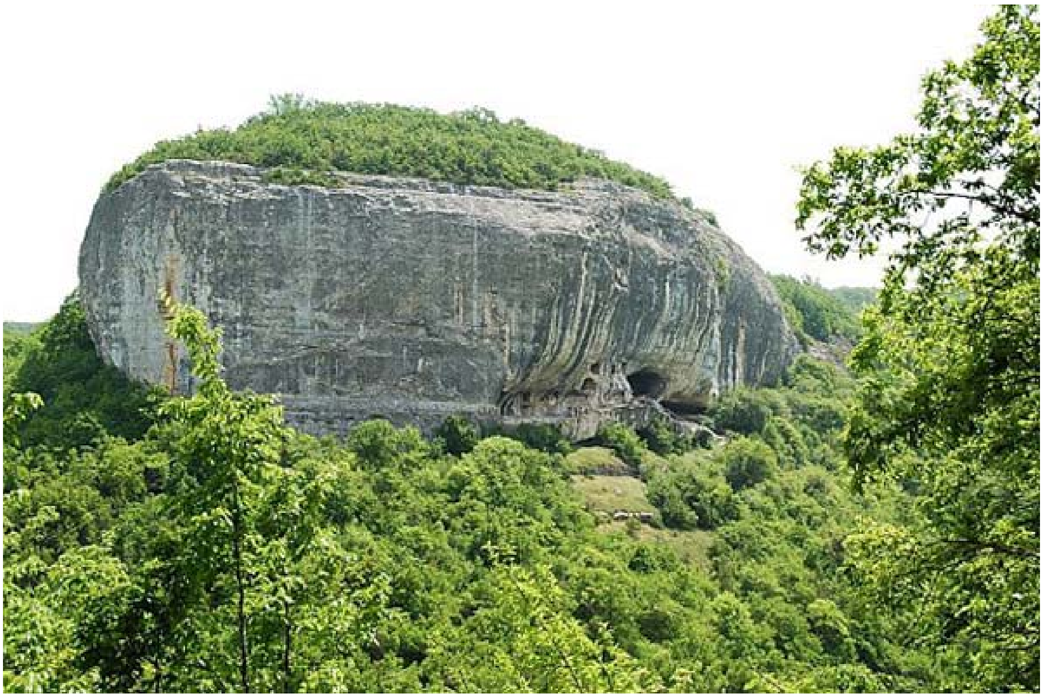

Рис. 6. Погребальные (1) и поселенческие (2) позднескифские памтники Юго-Западного Крыма по О.Д. Дашевской [39, табл. 36]; на врезке – география находок «готского стиля» III-VII вв. по М. Биербрауэру [113, S. 112, Abb. 15].

1

2

Рис. 7. ***1.*** Вид (2005 г.) на пещерный монастырь во имя св.вмч. Феодора Стратилата (Чилтер-Коба) в склонах отрога Внутренней гряды Крымских гор – Ай-Тодора. Фотография автора, 2005 г. ***2.*** Вид на монастырский комплекс в пещерах Чилтер-Коба в 2007 г. Фотография автора, 2009 г.

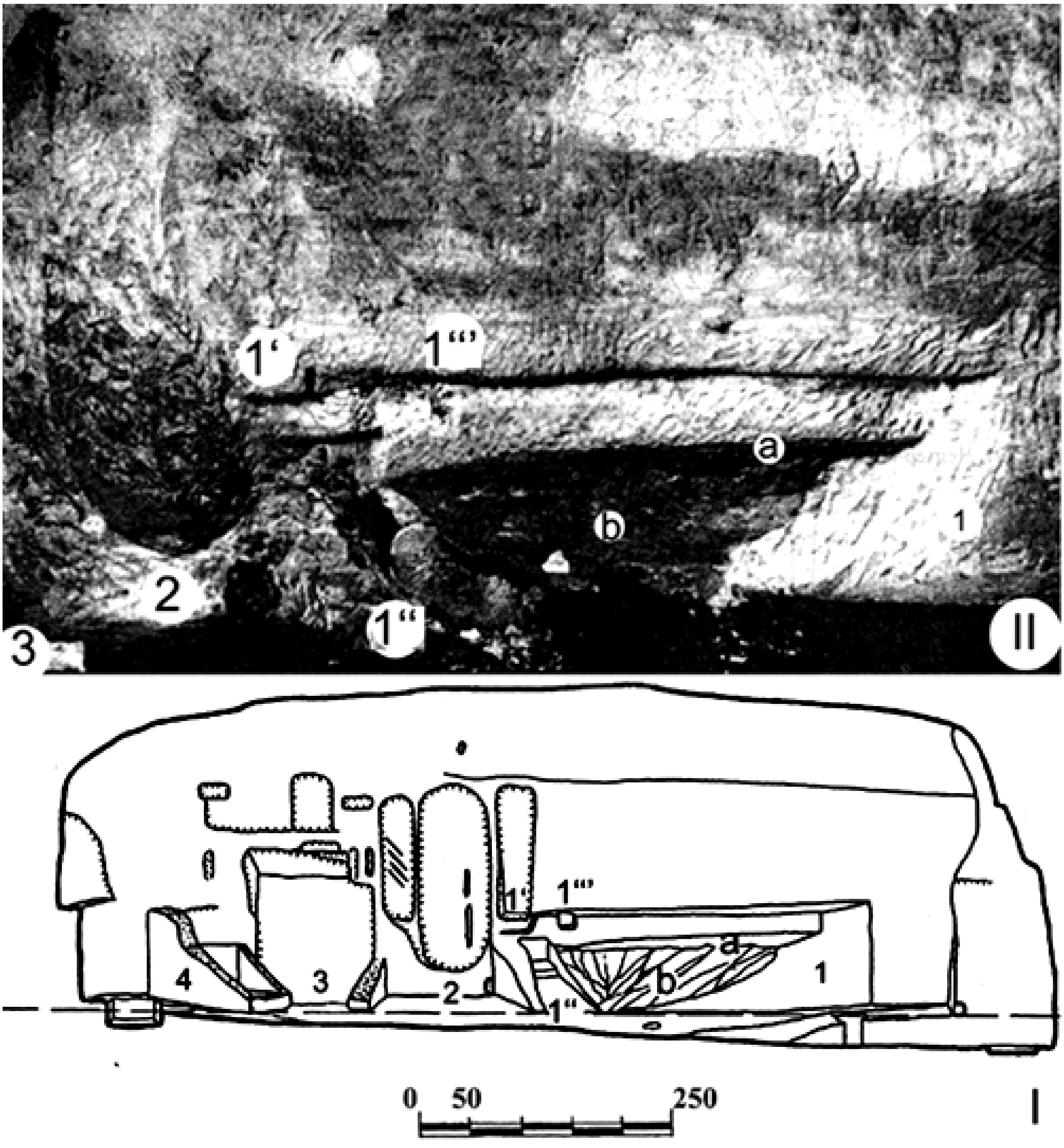

Рис. 8. ***I.*** Алтарное пространство пещерного храма на горном мысу Ай-Тодор по В.Н. Даниленко (1993). ***II.*** Околопрестольное пространство в алтаре пещерного храма Ай-Тодор. Фотография Е.В. Веймарна, 1932-1934 гг. (?), приведенная в работе В.Н. Даниленко, 1993 г. Крым. Экспликация. 1: Возвышение престола, примыкающего к внутренней стене апсиды. 1': Полка престола с углубленным чашеобразным дном (аналог стационарной напрестольной чаши - потира). 1'': Сток от «престольной чаши» в резервуар у подножия алтаря. 1''': Углубление для ковчежца с закладными мощами. 2: «Чашеобразная» ниша жертвенника. 3: Устье крипты-кимитирия, примыкающей к нише жертвенника. 3': Углубленный уровень пола (по отношению к уровню пола алтарного пространства) крипты-кимитирия. 4: Купель баптистерия в апсиде (алтаре). 5: Погребальные ниши-аркосолии (стасидии), окаймляющие пространство апсиды (алтаря) Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) храма Чилтер-Коба. 6 (условное обозначение): Место вокруг престола, где неровности пола и отверстия, заставляют предполагать здесь наличие некого обособленного околопрестольного пространства, сформированного в виде кивория.

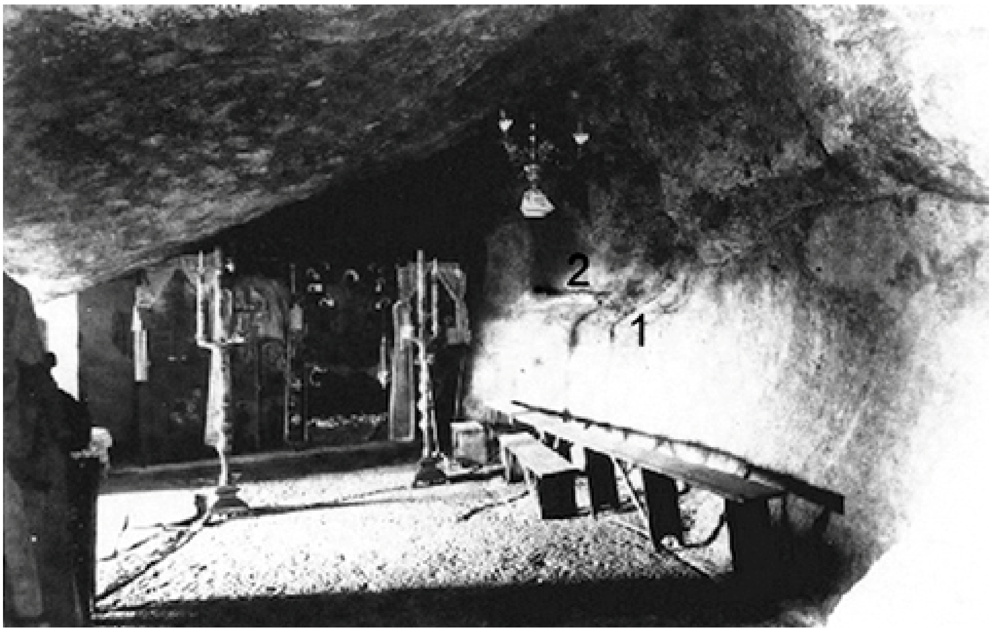

Рис. 9. Интерьер храмовой «пещеры Апокалипсиса» на о. Патмос. Вид на древний престол (1) и жертвенник (2) храма. Фотография Г.Р.Свэйна (G.R.Swain) в составе экспедиции Мичиганского университета под руководством Фрэнсиса В. Келси (1919-1920). Негатив храниться в Келсианском Археологическом музее при Мичиганском университете в Энн Арборе (штат Мичиган, США) [137, Neg. 7.389].

Рис. 10. Вид престола (1), предназначенного для пролива жидкости и жертвенника (2) с чашеобразным углублением и желобом слива, в пещере Иоанна Богослова на о.Патмос. Фотография Г.Р.Свэйна (G.R.Swain) [137, Neg. 7.389]

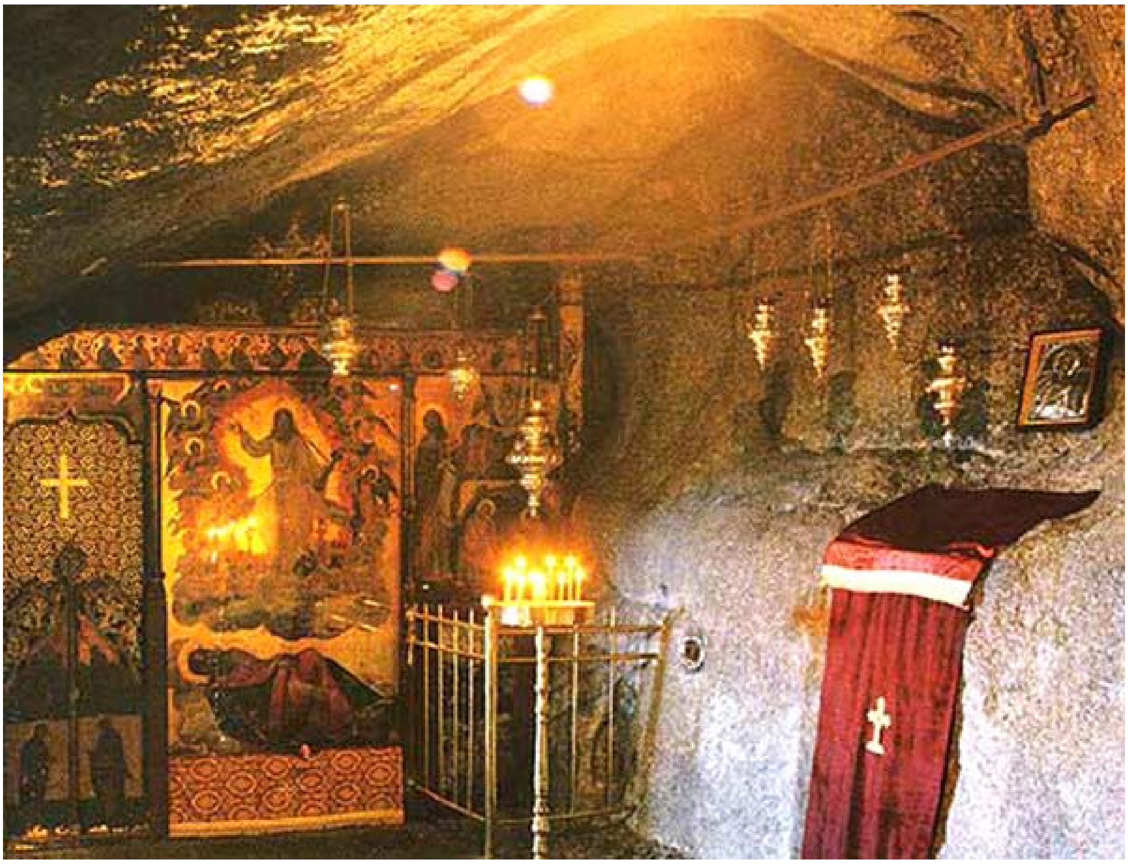

Рис. 11. Пещера-храм апостола Иоанна Богослова на о.Патмос (Греция). Деталь: Престол под антиминсом в храмовой пещере о. Патмос. Современный вид. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 12. ***1.*** Площадка работ по исследованию Saba Cave (пещеры Иоанна Крестителя) в цистерне раннежелезного века: а – вход и лестница, ведущая в цистерну; b – отверстие в пещерном своде (а – вид входа – с поверхности и из пещеры - в храм-бапсистерий Иоанна Крестителя). ***2.*** Вид от каменной лестницы (а), ведущей в христианский пещерный храм Saba Cave Иоанна Крестителя ранневизантийского времени, устроенный в водной цистерне раннежелезного века (b – отверстие в своде). *1:* Камень-престол с углублениями «литургических устройств», являющийся частью кладки каменной лестницы. *2:* Камень с высеченной в нем купелью (баптистерий), вложенный в кладку уступа стены подземного храма. Фотографии С. Гибсона, 2005 г.

Рис. 13. «Камень-“следовик”» (1) - престол подземного храма Saba Cave под Иерусалимом, устроенного в водосборной цистерне раннежелезного века (Палестина). Квадратное – ромбовидное (2) углубление на камне соединено ложбинкой желоба с углублением в виде следа человеческой стопы (3) – «следа Иоанна Крестителя», которому посвящен ранневизантийский храм. Рядом с углублением «следа Иоанна Крестителя»; для масштаба – стопа проф. С.Гибсона. Фотография С.Гибсона, 2005 г.

Рис. 14. «Голгофский камень» в монастыре равноапостольной Марии Магдалины (Иерусалим, Палестина). Древний престол с чашеобразным углублением и желобом стока. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

1

2

Рис. 15. ***1.*** Поверхность (менза) престола с чашеобразным углублением (справа) и сквозным, «пронимальным» отверстием (слева) возле придела Голгофа в Воскресенском храме (Анастасисе) Гроба Господня в Иерусалиме. Палестина. Поверхность (менза) престола с чашеобразным углублением (справа) и сквозным, «пронимальным» отверстием (слева) в приделе «Темница Христова» в Претории в Иерусалиме. Палестина. Фотографии М.В. Соболевой, 2007 г. ***2.*** Деталь престольного камня в приделе «Темница Христова» (Претория) в Иерусалиме, с отверстиями (сквозным и чашеобразным) и системой желобков-стоков, для проливания по поверхности престола вина в процессе его преосуществеления в Кровь Христа. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

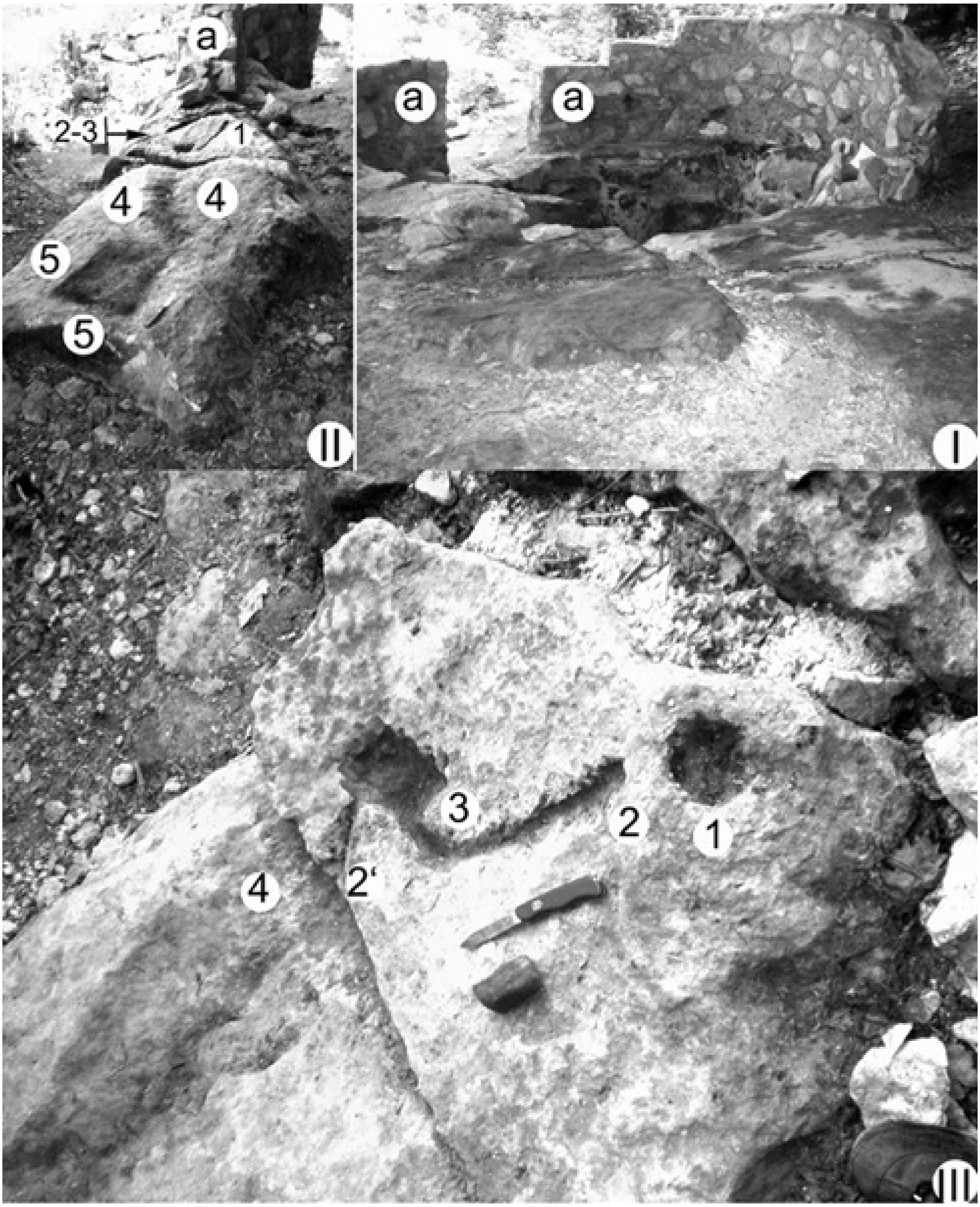

Рис. 16. ***I.*** Купель у родника Хор-Хор возле пещерного комплекса Чилтер-Коба, с горизонтальной вымосткой из крупных каменных глыб и достроенной современной стеной (а). ***II.*** Два камня с литургическими устройствами у края вымостки - террасы возле купели у источника Хор-Хор. ***III.*** Состыковка двух камней с литургическими устройствами на краю вымостки – террасы у источника Хор-Хор в Чилтер-Кобе под скалой «Серый Лоб» у склонов горного мыса Ай-Тодор.

Рис. 16. (Продолжение). Экспликация (***I-II***). а: Новопостроенная стена на горизонтальной вымостке из крупных каменных глыб. Экспликация (***II-III***). 1: Цилиндрическое углубление в коническом возвышении поверхности первого камня, соединенное горизонтальным отверстием со сточной желобком-канавкой (2). 2: Сточный желебок (2': Желобок стока к ложбине стока на втором камне). 3: Квадратное (ромбическое) углубление-резервуар, со сточным каналом (2') к краю камня. 4: Сток на поверхности второго камня, направляющий стекающую жидкость к неглубокому квадратному в плане резервуару-чаше (5). 5: Резервуар-чаша для собирания стекающей жидкости на втором камне. Фотографии автора, 2009 г.

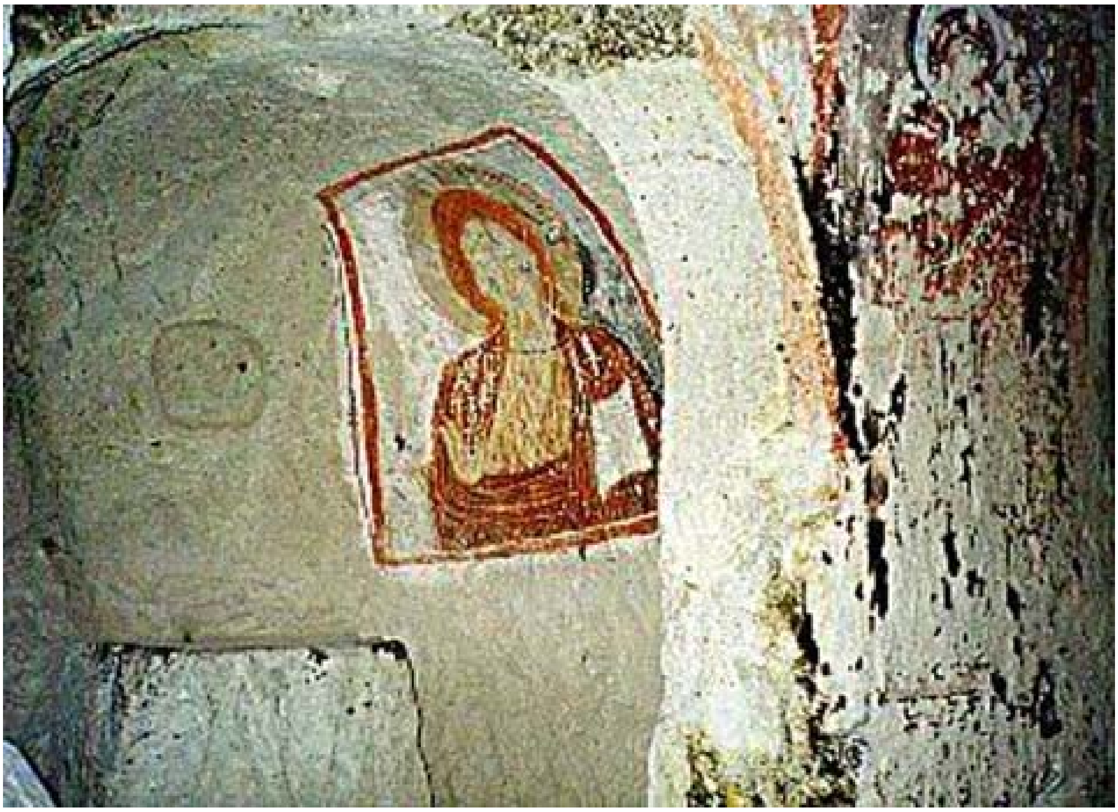
Рис. 17. Алтарная апсида с престолом (**1**), имеющим «уступ» («сидение»?) вместо жертвенника (**2**) в древнем пределе пещерного храма Барбары Гёремской (Гёреми, Каппадокия, Турции).

Рис. 18. Алтарная апсида с престолом (**1**) с «уступом» (**2**) и нишей жертвенника (**3**) в одном из пределов пещерного храма Барбары Гёремской (Гёреми, Каппадоки, Турции).

Рис. 19. Уступ престола, примыкающего к стене храма. Пещерный монастырь Ёзкинак, Каппадокия (Турция). Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

1

2

Рис. 20. ***1.*** Престол в южном приделе подземного храма св. Барбары Гёремской. Каппадокия, Малая Азия (Турция). ***2.*** Престол в алтаре малой пещерной церкви (No 6). Гёреми, Каппадокия, Малая Азия (Турция). Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

1

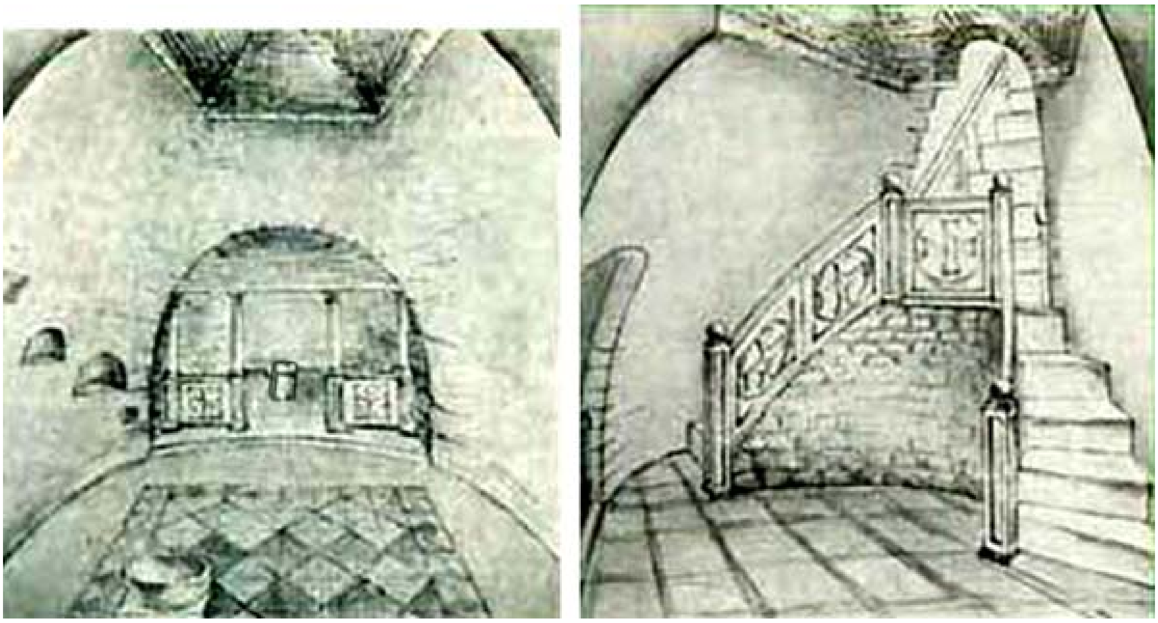

2

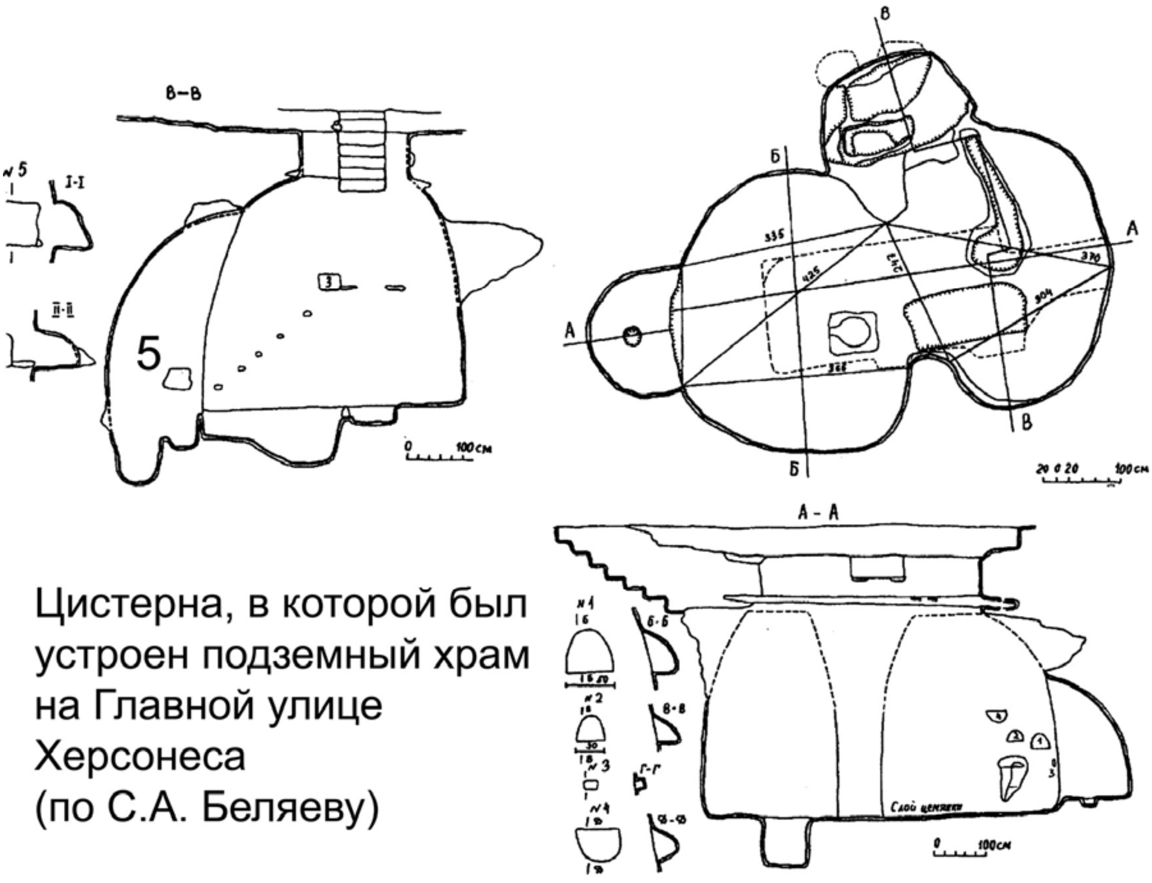
Рис. 22. ***1.*** Престол в приделе Голгофа Воскресенского храма Гроба Господня в Иерусалиме (Палестина). ***2.*** Служба в Святогробском приделе Голгофа. Фотографии М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 23**.** Паломники в пещерном храме Мега Спилеон. Греция. Древняя апсида пещерного храма монастыря с престолом (1) и жертвенником (2), размещенным над купелью. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

I

II

Рис. 24. ***I.*** Подземный храм на Главной улице Херсонеса, оборудованный в позднеантичной цистерне (реконструкция С.А. Беляева, презентованная М.Б. Щукину в 1994 г.). ***II.*** План и разрезы цистерны, в которой был оборудован «подземный храм на Главной улице Херсонеса» (по С.А. Беляеву).

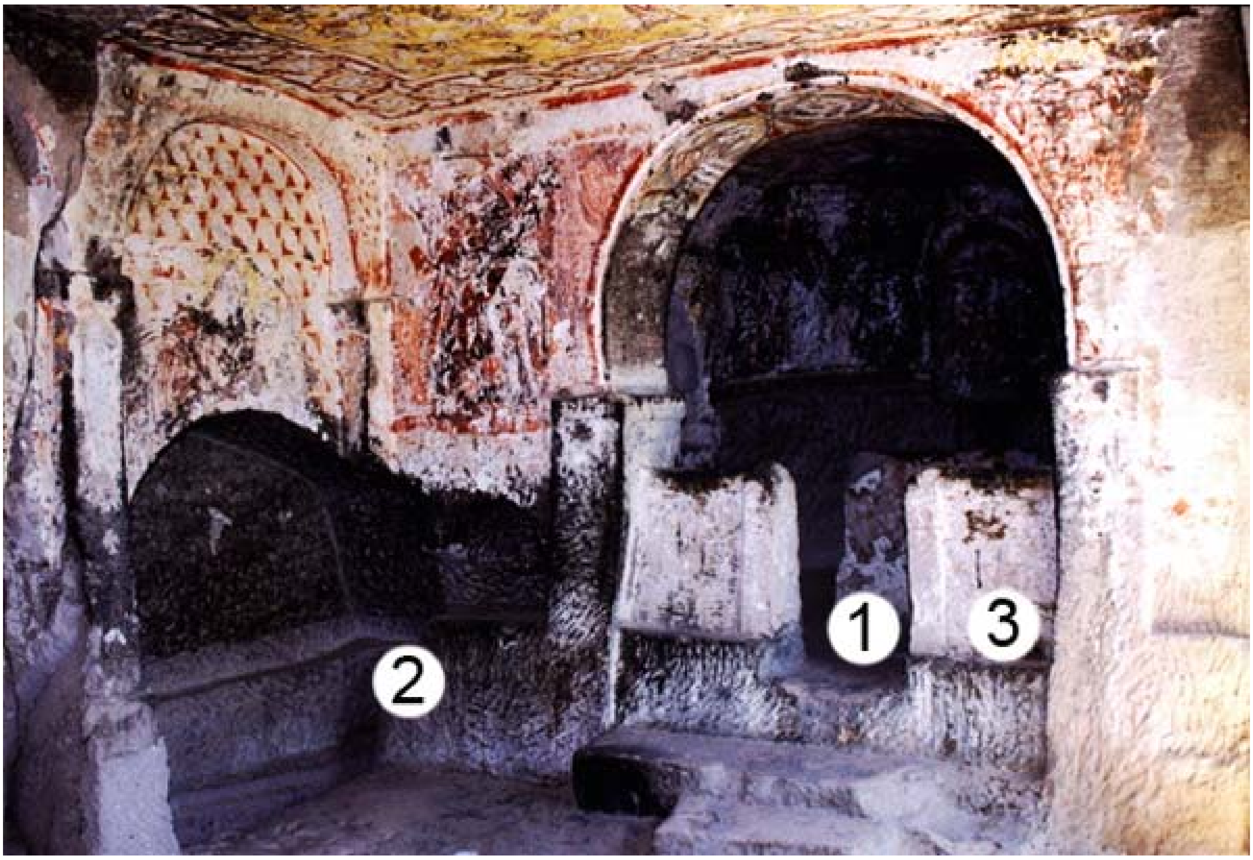

Рис. 25. Вид на алтарь с престолом (1), отделенный от наоса космитом – предалтарной преградой (3) и жертвенником, вынесенным в наос (2) в пещерном храме (№ 1) в Кеслик Келези. Каппадокия, Турция. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 26. Вид на алтарь с престолом (1), отделенный от наоса *космитом* – предалтарной преградой (3) и жертвенником (2), который покрыт красным воздухом, и размещен прямо на алтарной преграде, на границе алтаря и наоса, в пещерном храме (№ 5) в Гёреми. Каппадокия, Малая Азия (Турция). Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

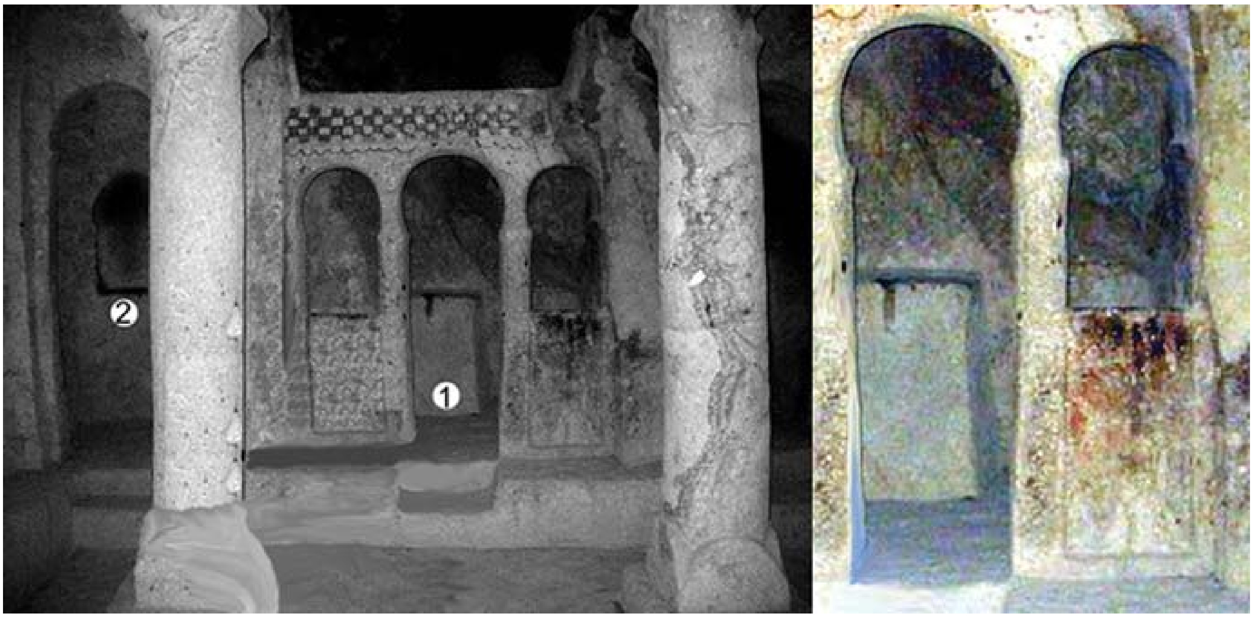
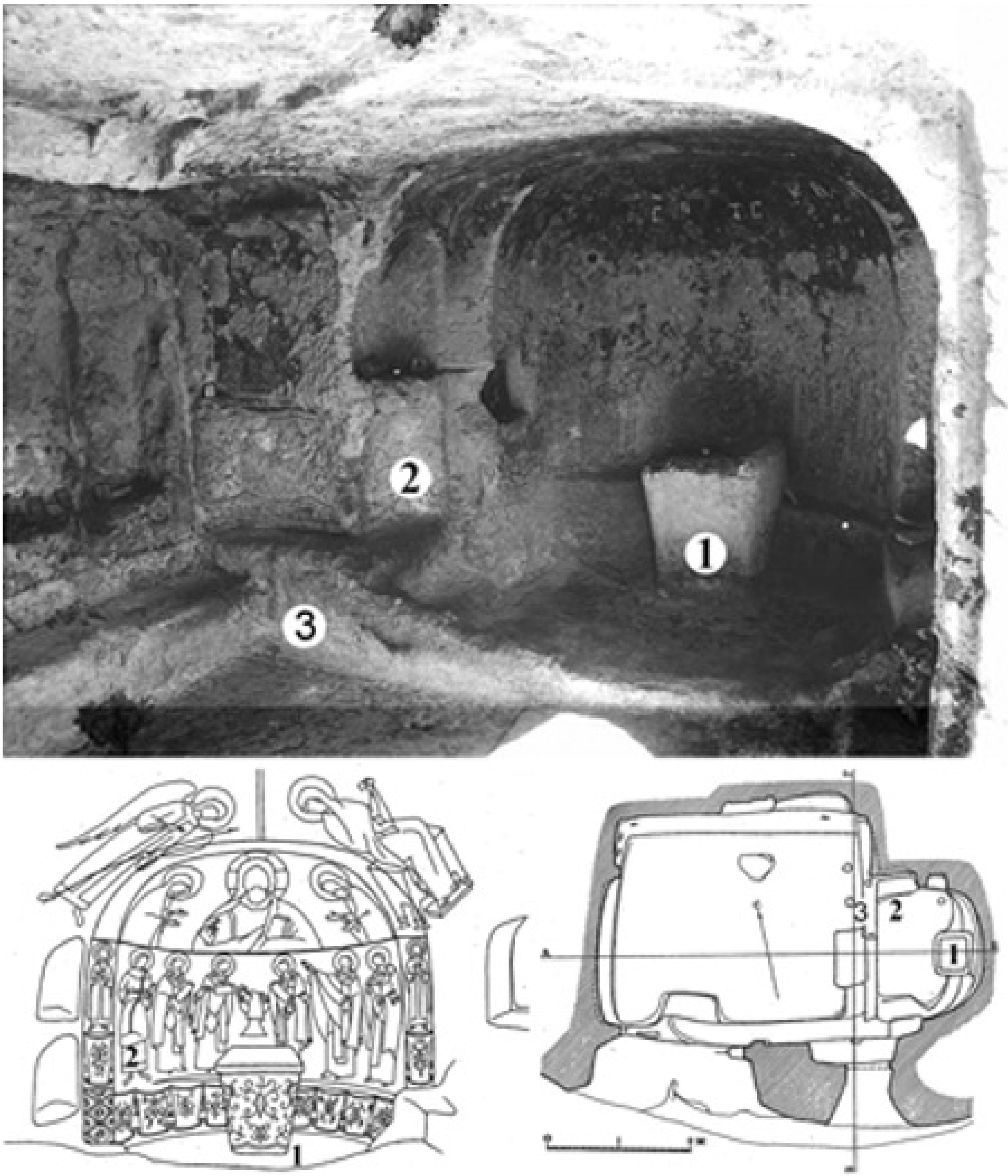
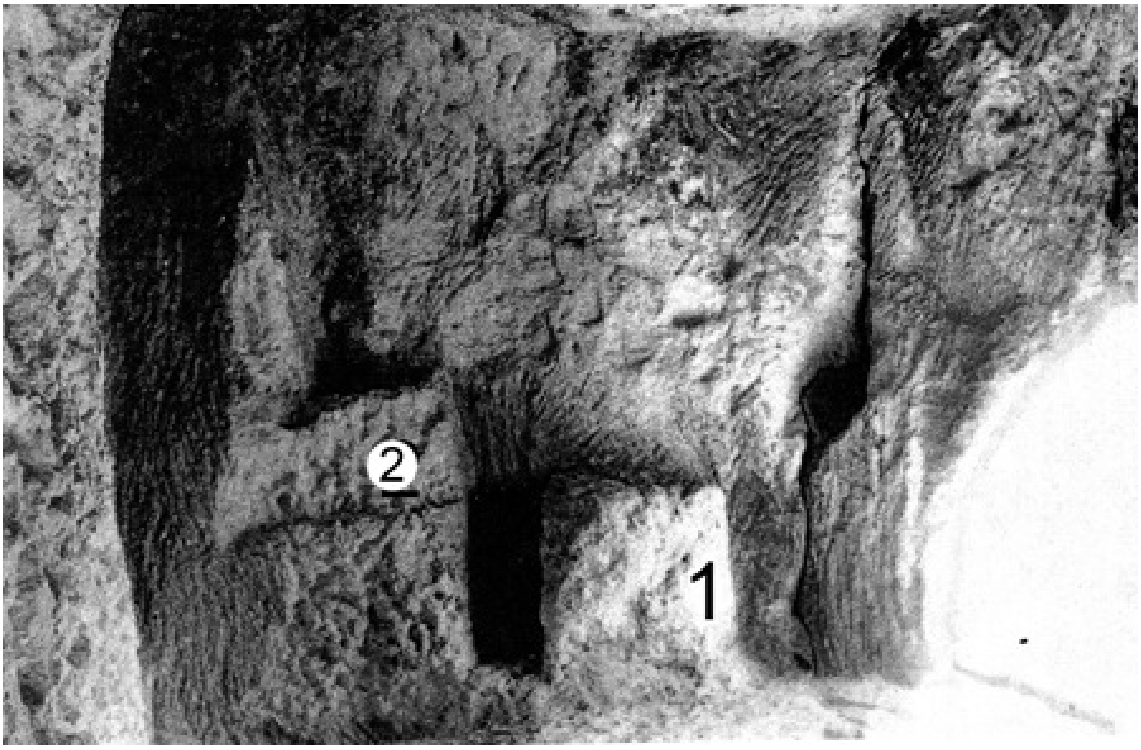

Рис. 27. Вид на алтарь с примыкающим к внутренней стене престолом (1), и вынесенную в наос - за пределы ограниченного космитом (предалтарной преградой) алтарного пространства – нишу жертвенника (2). Пещерная церковь № 9 в Гёреми, Каппадокия, Малая Азия (Турция). Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

I

Рис. 28. ***I.*** Престол (1) и ниша жертвенника (2) в пещерном храме «Донаторов». Эски-Кермен, Крым.

II

Рис.28. (Продолжение) ***II.*** Реконструкция И.Г. Волконской алтарной части с престолом (1) пещерного храма «Донаторов» в Эски-Кермене, Крым. ***III.*** Вид на литургическое устройство престола (1) и жертвенника (2) у космита – предалтарной преграды (3) в храме «Донаторов» в Эски-Кермене, Крым.

Рис. 29. Вид на престол в храме «Донаторов» Эски-Кермена. Крым. Фотография автора, 2006 г.

1

Рис. 30. ***1.*** Позднеантичный жертвенник «у фонтана» на вилле Лорея Тибуртина, недалеко от улицы Изобилия. Помпеи, Италия. Фотография Карины Мамалыго, 2009 г.

2 3

Рис. 30. (Продолжение). ***2.*** Престол Медузы из Херсонеса I в.н.э. (Гос.Эрмитаж в Санкт-Петербурге). ***3.*** Престол Пана из Херсонеса I в.н.э. (Гос.Эрмитаж).

Рис. 31. Литургическое устройство (престол) с высеченным чашеобразным углублением «стационарного потира» в «Папской крипте» в катакомбах св. Каллиста в Риме. Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 32. «Папская крипта» с литургическим устройством (престол), покрытым импровизированной «мензой» - позднеримской плинфой (кирпичом). Катакомбы св. Каллиста в Риме. Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

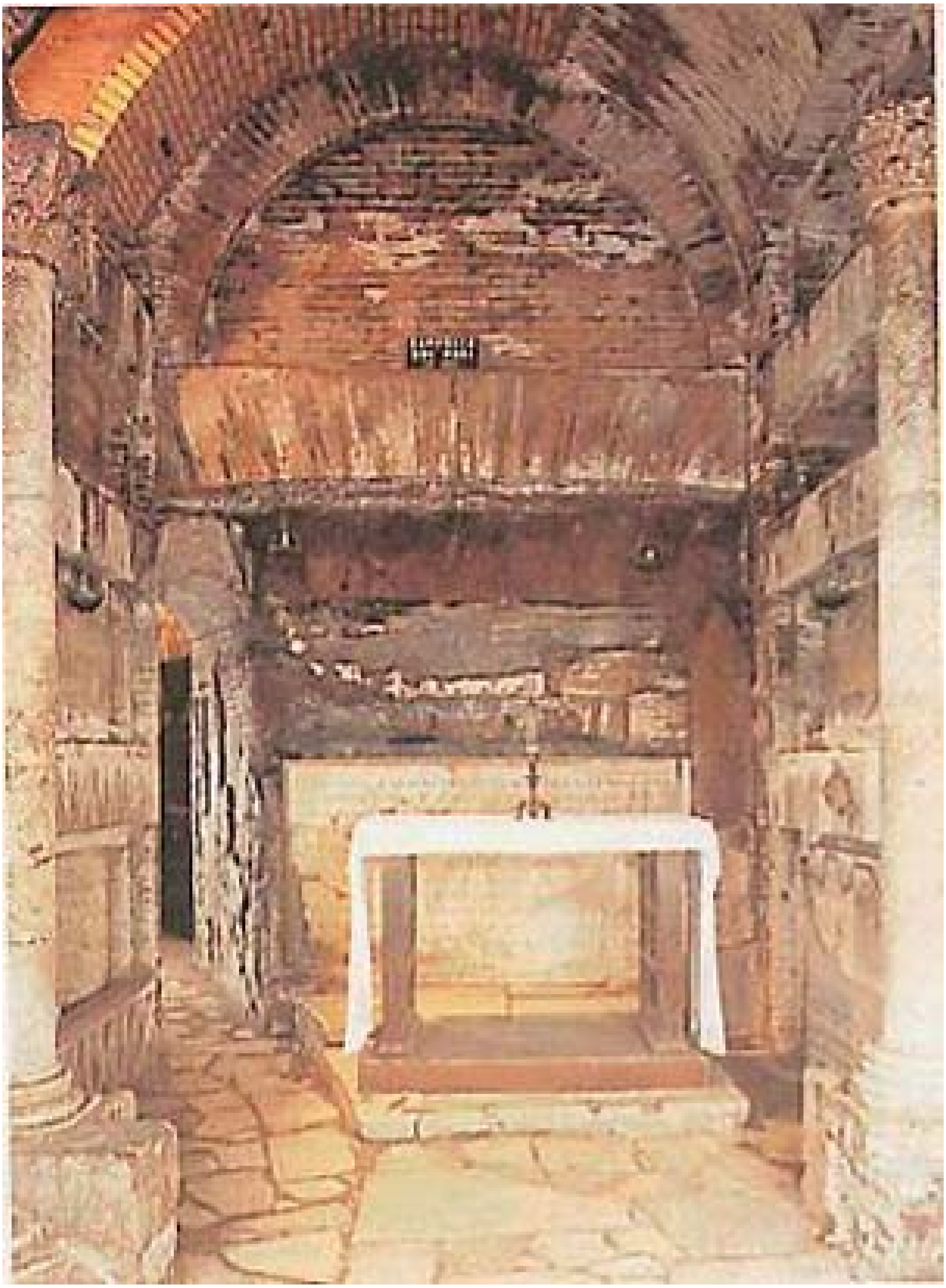

Рис. 33. «Папская крипта» с литургическим устройством (престол), и мраморной плитой с надписью папы Дамаса. Перед гробницей – установлен новый престол для службы ***вокруг престола*** по чину свт. Василия Великого. Катакомбы св. Каллиста в Риме. Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 34. «Базилика» в Римских катакомбах св. Коммодиллы. Ок. 526-536 гг. Рим, Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г

1

2

Рис. 35. ***1.*** Престол в пещерном храме Благовещения в Назарете, Палестина. ***2.*** Престол средневизантийского периода в пещерном храме Приумножения хлебов в Табхе (Палестина). Престол поставлен над древним камнем-престолом с остатками высеченного на нем подквадратного углубления «стационарного потира» и желобками для пролива вина. Фотографии М.В. Соболевой, 2007 г.

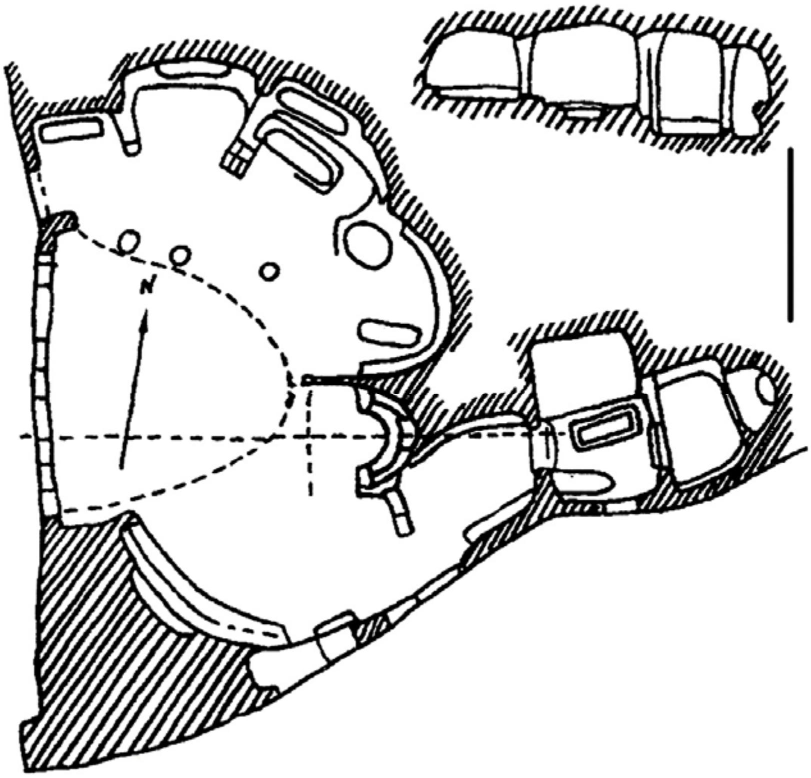

Рис. 36. Центральный (основной) придел главного пещерного храма Эски-Кермена – «Судилище». Вид на алтарь: переоборудованный во «владычную кафедру» древний престол с сопрестолием (синтроном) и квадратное углубление (для закладки мощей?) – основание престола по центру алтарного пространства. Фотография автора 2006 г.

Рис. 37. Рельеф с изображением священника за престолом (престол отделен от стены апсиды, в соответствии с правилами литургии по чину Василия Великого: служба ***вокруг престола***), и диакона в позе молитвы («оранта») с воздетыми руками. V в.н.э. Музей коптского искусства. Каир, Египет. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

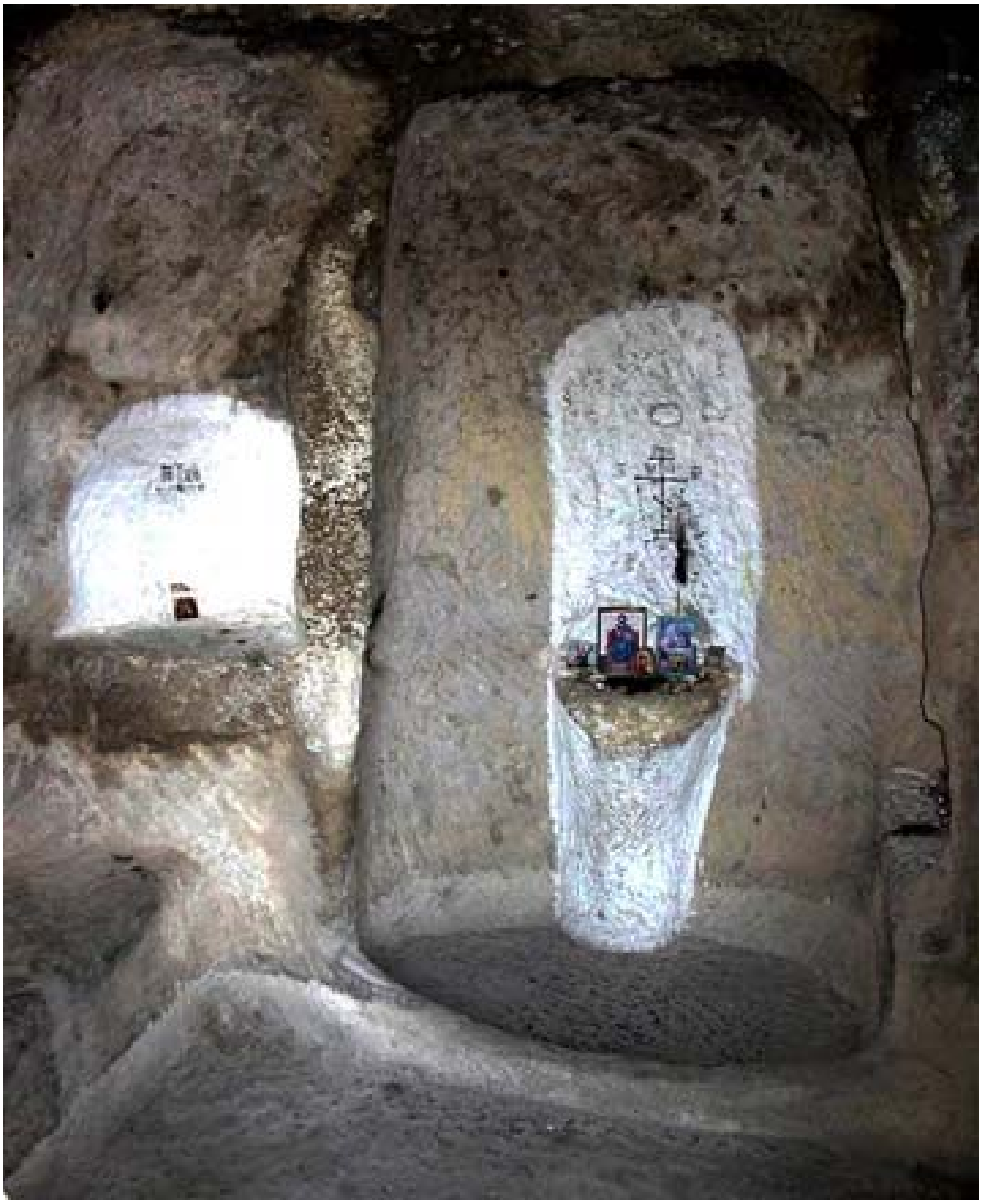

Рис. 38. Южный придел «Судилища» в Эски-Кермене («египетский» придел) в Крыму, с примыкающим к стене древним престолом; и нишей жертвенника (слева), доступной из наоса. На врезке (внизу, справа) поверхность престола с крестообразным углублением «стационарного потира». Фотография автора, 2009 г.

Рис. 39. Выносной каменный престол с высеченной «водосвятной» чашей в форме креста («стационарный потир»), расположенный перед входом в перед пещерную «божницу». Село Монастырек (Межигорье) над Серетом. Тернопольская область, Западная Украина. Фото И.С. Винокура, 1974 г.

Рис. 40. Христианская фибула «цебельдинской культуры в Абхазии» (IV-VI вв.), из разграбленных фондов Отдела археологии НИИ истории языка и литературы Академии наук Абхазии (выставленная грабителями на продажу в Сетевых электронных аукционах). Схожа с несколькими, из находок Ю.Н. Воронова в Цебельдинской долине Абхазии до 1974 г.

Рис. 41. Карта «пещерных городов» Крыма и могильников типа Суук-Су, составленная В.И. Равдоникасом [67].

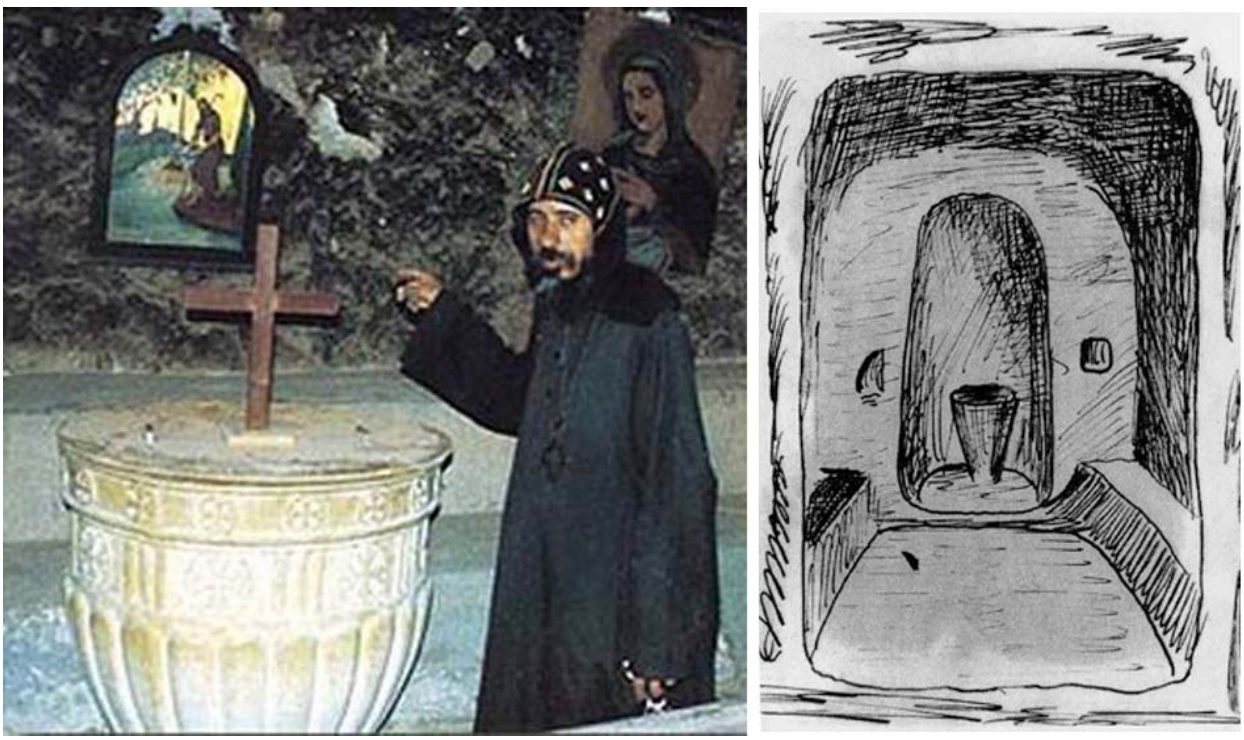

Рис. 42. Престол подземного храма в Вади Загра, Египет.

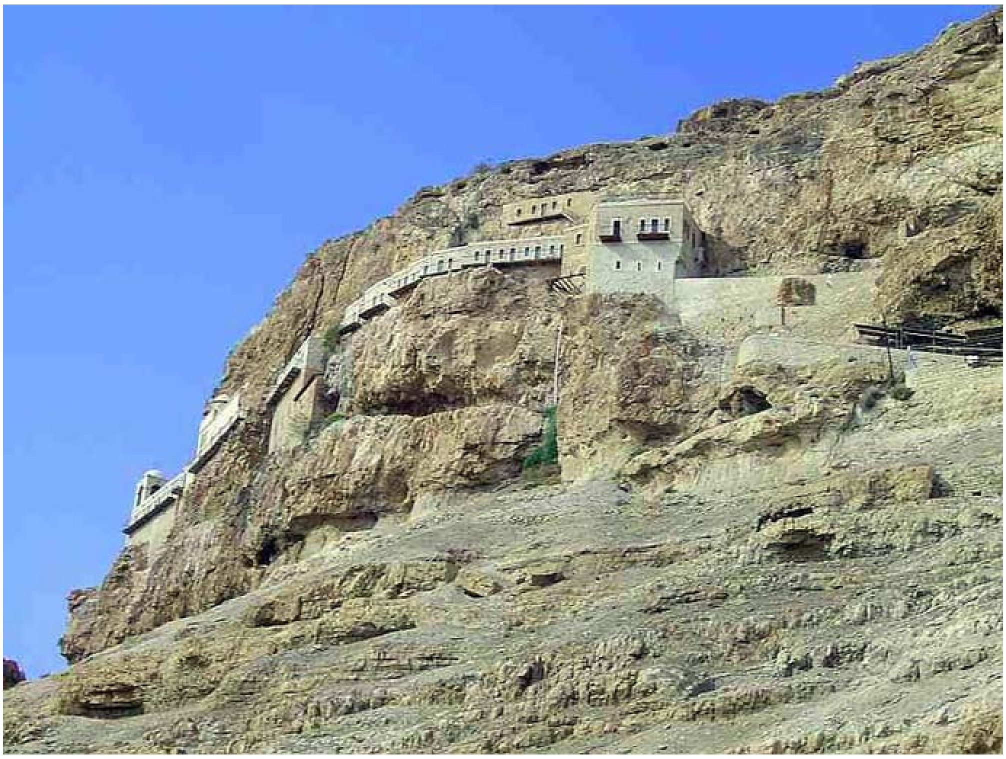

1

2

Рис. 43. ***1.*** Престол храма по Виа Долороса в Иерусалиме между монастырем “Ecce Homo” и греческим монастырем «Тюрьма Иисуса» («тюрьма Вараввы»). ***2.*** Престол храма по Виа Делороса в Иерусалиме у монастыря “Лифостротон” (монастырь Сестер Сиона).

1

2

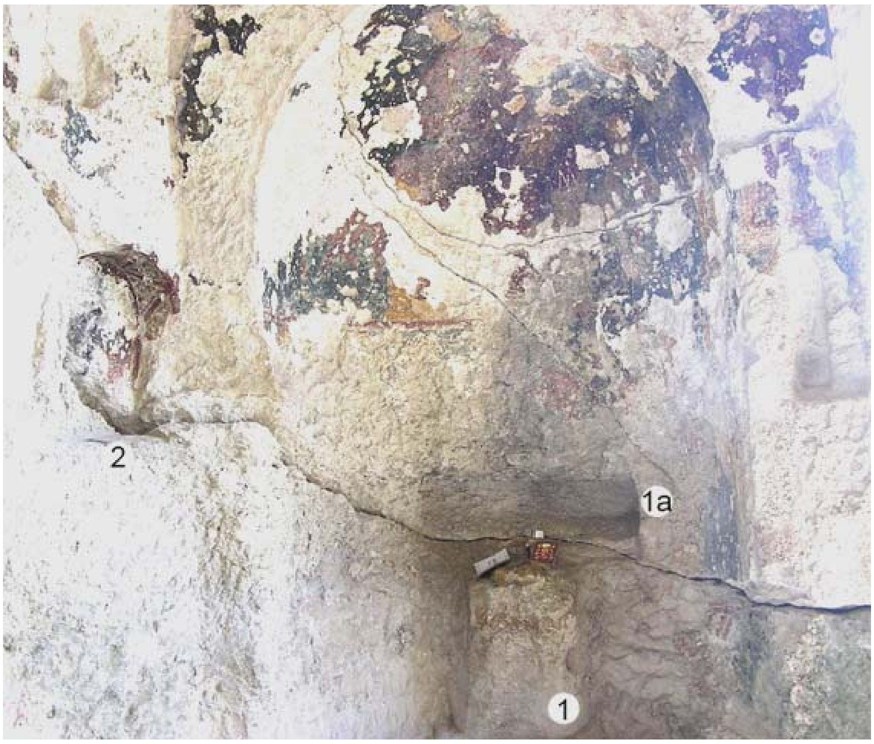
Рис. 44**.** ***1.*** Пещерный монастырь на Сорокадневной Горе (Горе Искушений) возле Иерихона, Палестина. ***2.*** «Камень Сидения» - древний престол в ранневизантийском пещерном храме «Искушений Иисуса» на «Сорокадневной Горе» (Джебель Кварентал).

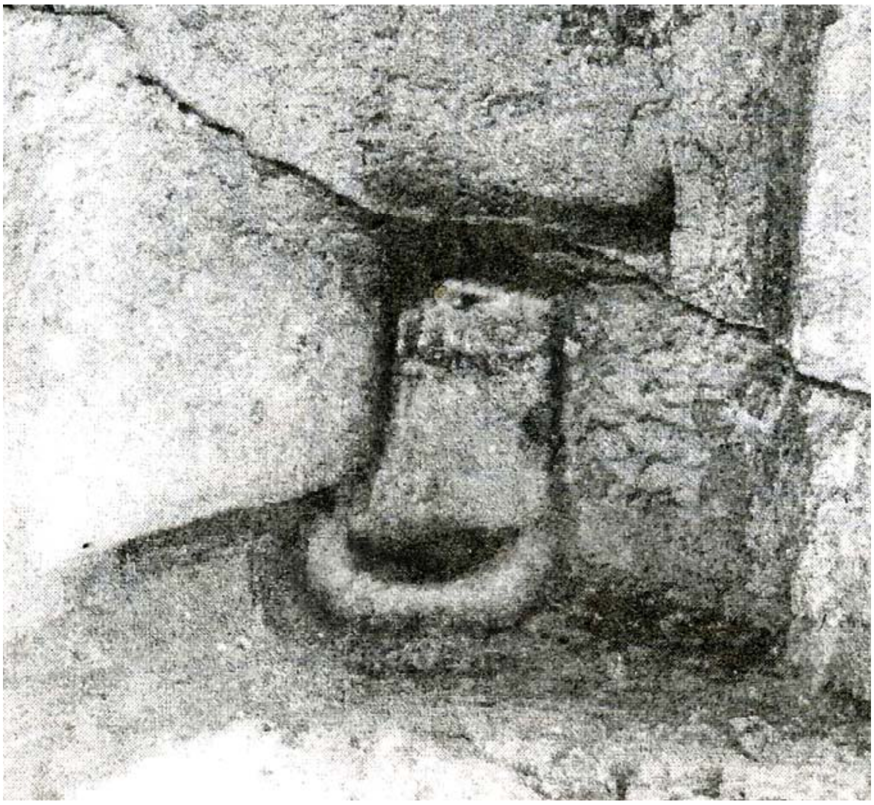
Рис. 45. Престол пещерного храма во имя «Невинно убиенных младенцев, убитых Иродом» в подземном монастыре Рождества Христова в Вифлееме. Палестина. ***1.*** – Престол; ***2.*** – Ниша жертвенника с углублением в виде чаши.

Рис. 46. Кимитирий черепов в Вифлеемском пещерном монастыре Рождества Христова при подземном храме Младенцев, невинно убиенных Иродом. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

1

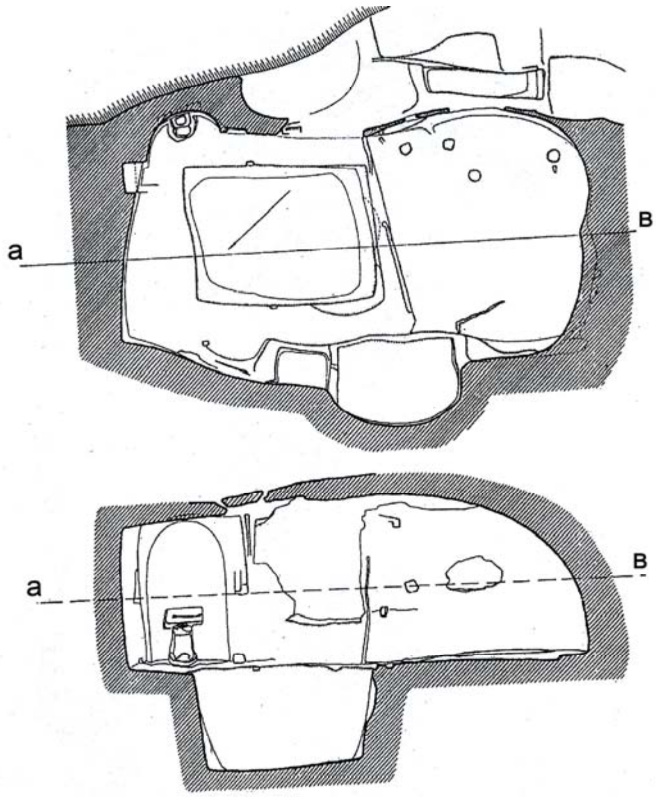

2

Рис. 47. ***1.*** Алтарь пещерного храма «Успения» в Эски-Кермене, Крым. 1: выступ престола (с примыкающей к основанию выступа частью каменной чаши); 1а: ниша-паз для установки очень массивной плиты-мензы; 2: ниша–жертвенник с высеченным чашеобразным углублением в горизонтальной полке основания ниши***. 2.*** Престол храма «Успения» в Эски-Кермене, Крым. Фотографии автора, 2006 г.

3

4

Рис. 47. (Продолжение). ***3.*** Алтарь храма «Успения» в Эски-Кермене (Крым) по Ю.М. Могаричеву. ***4.*** План и разрез храма «Успения» в Эски-Кермене по Ю.М. Могаричеву.

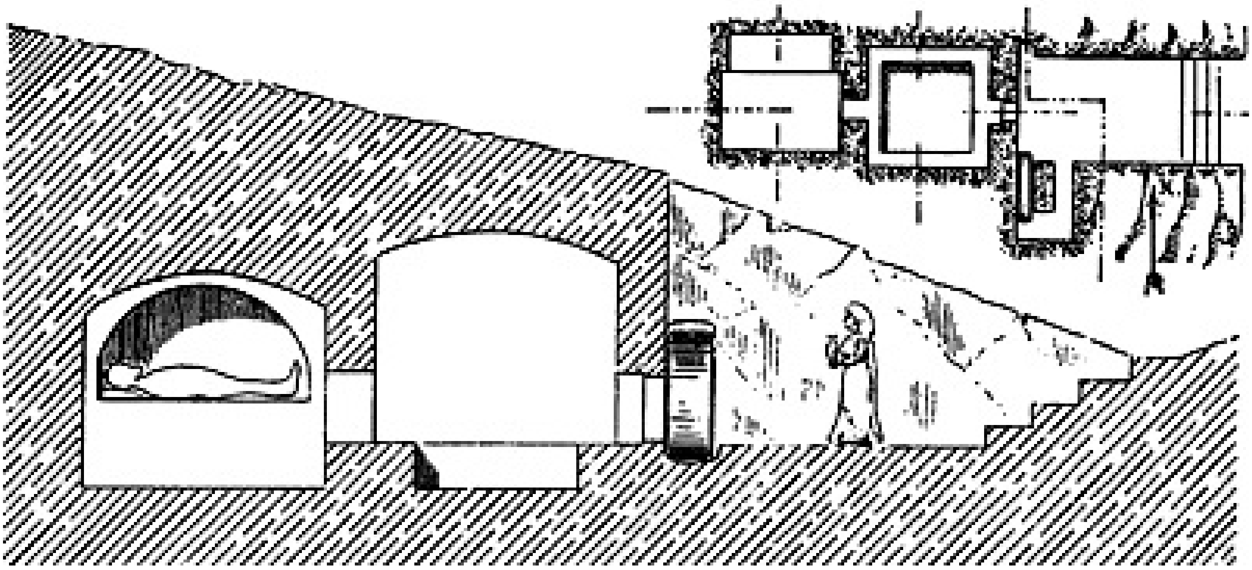

Рис. 48. Реконструкция скальной гробницы Гроба Господня по текстам Евангелий. Рис. Л. Венсана. 1914 г. [124, р. 217-219].

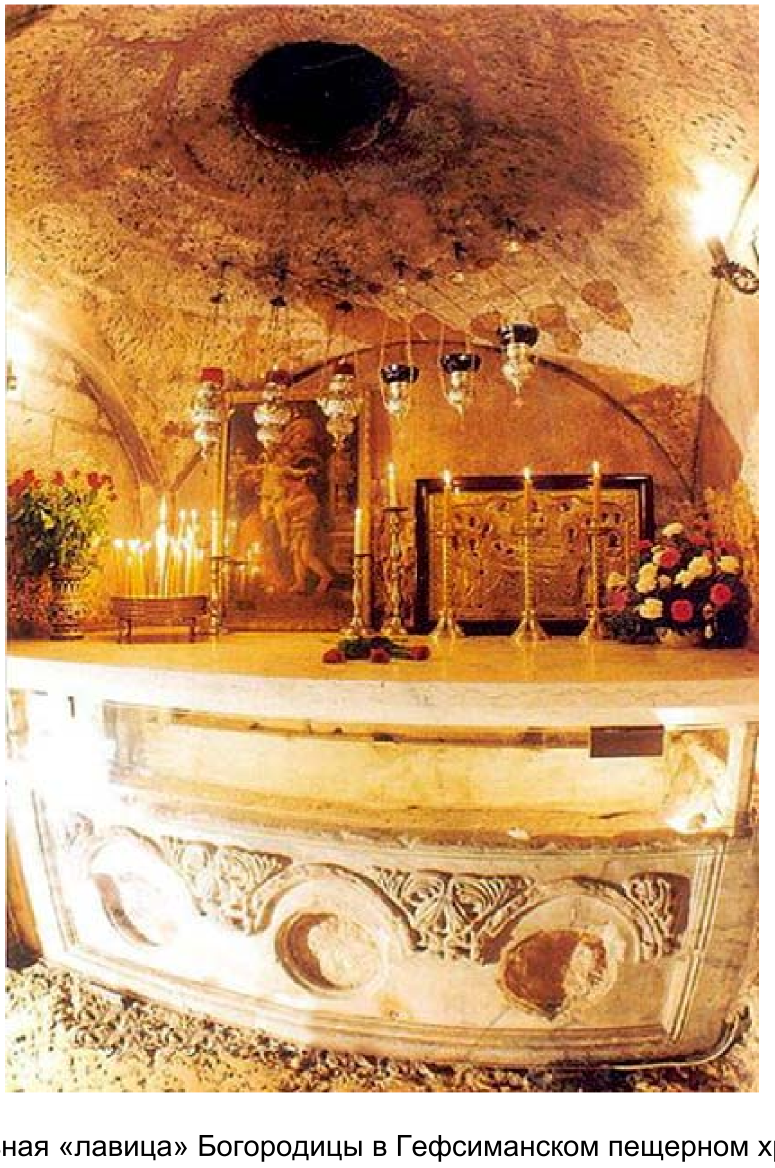

Рис. 49. Погребальная «лавица» Богородицы в Гефсиманском пещерном храме. Иерусалим.

Рис. 50. «Престольная ниша» и раннехристианские погребальные ниши-аркосолии (справа и слева) в катакомбах св. Коммодиллы. Кубикула Льва. IV в. Рим, Италия.

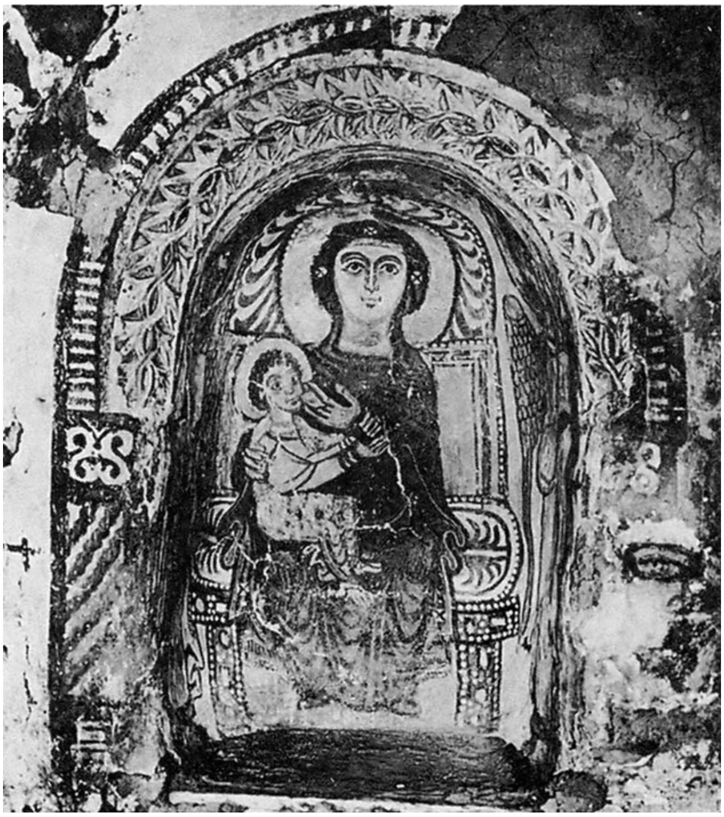

Рис. 51. «Престольная ниша» с росписью VI в. Руины монастыря св. Иеремии, Саккара, Египет.

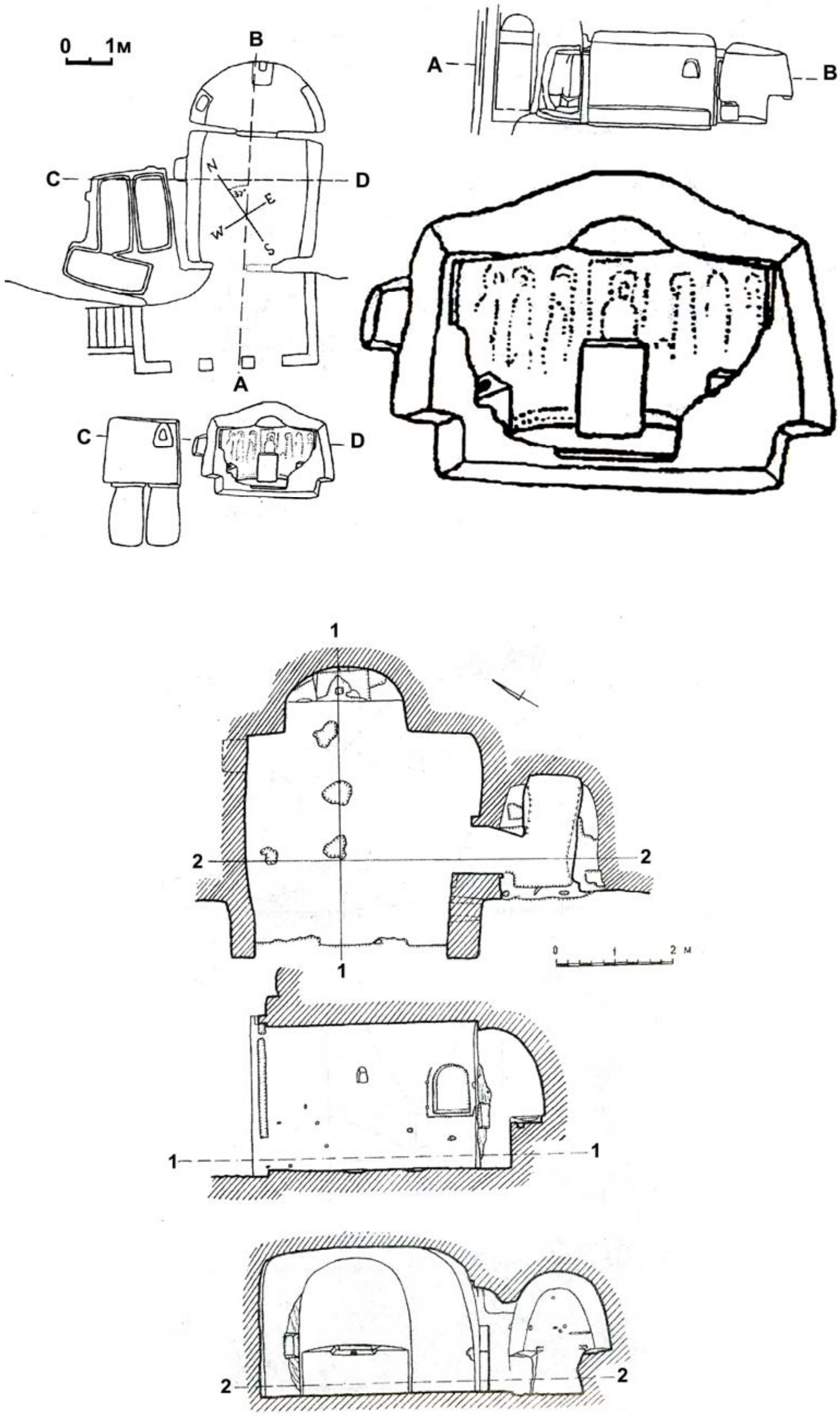

Рис. 52. Храм Евграфия, «Армянский храм» и церковь в углу Монастырской скалы (по Д.М. Струкову и материалам экспедиции ГАИМК в 1937г.) в Инкермане (Крым) [59, с. 113, 129,145, рис.4,*5,7*, 20, 41].

Рис.52. (Продолжение) Храм Евграфия, «Армянский храм» и церковь в углу Монастырской скалы.

Рис. 53. Вид на престол храма «Трех всадников» в Эски-Кермене, Крым. Современное состояние. Фотография автора, 2009 г.

Рис. 54. Жертвенник в храме «Трех всадников» (2009 г.). Фотография автора.

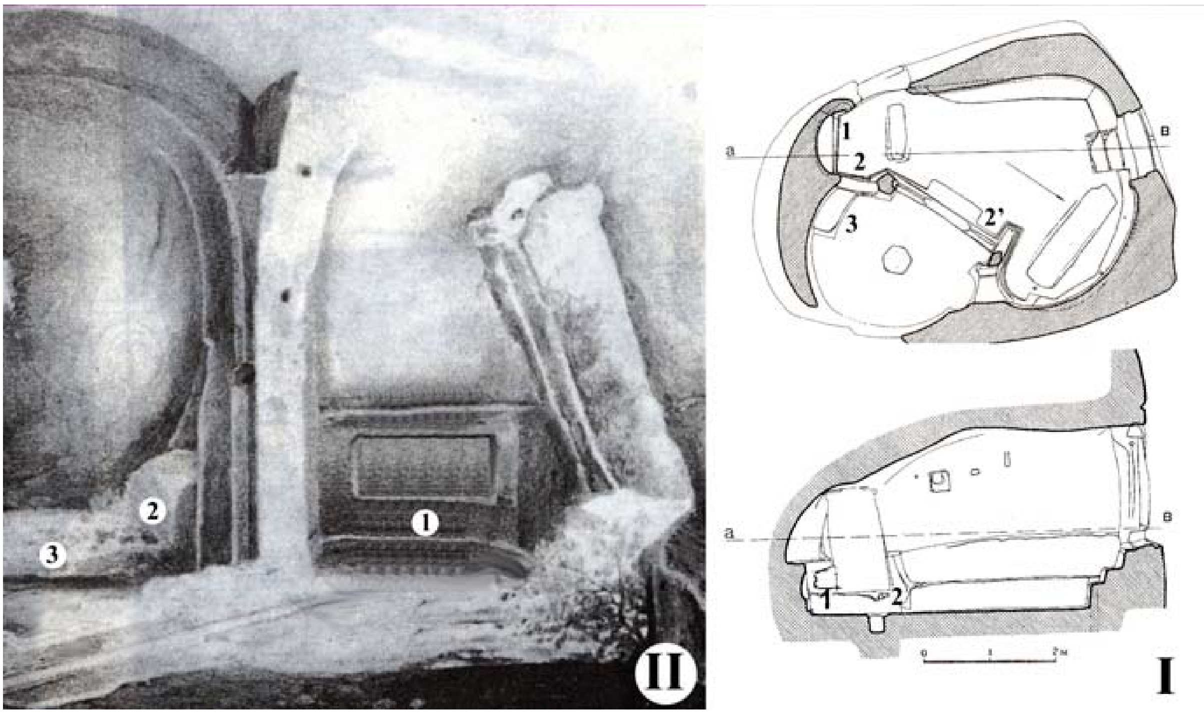

Рис. 55. ***I.*** План (и разрез) храма «Трех всадников» по Ю.М. Могаричеву [59, с. 256-258, рис.190-192]. ***II.*** Вид на престол храма «Трех всадников» из неизданного альбома графа А.С. Уварова. 1.- Престол. 2.- Жертвенник. 3.- Приступок, исполнявший функции синтрона.

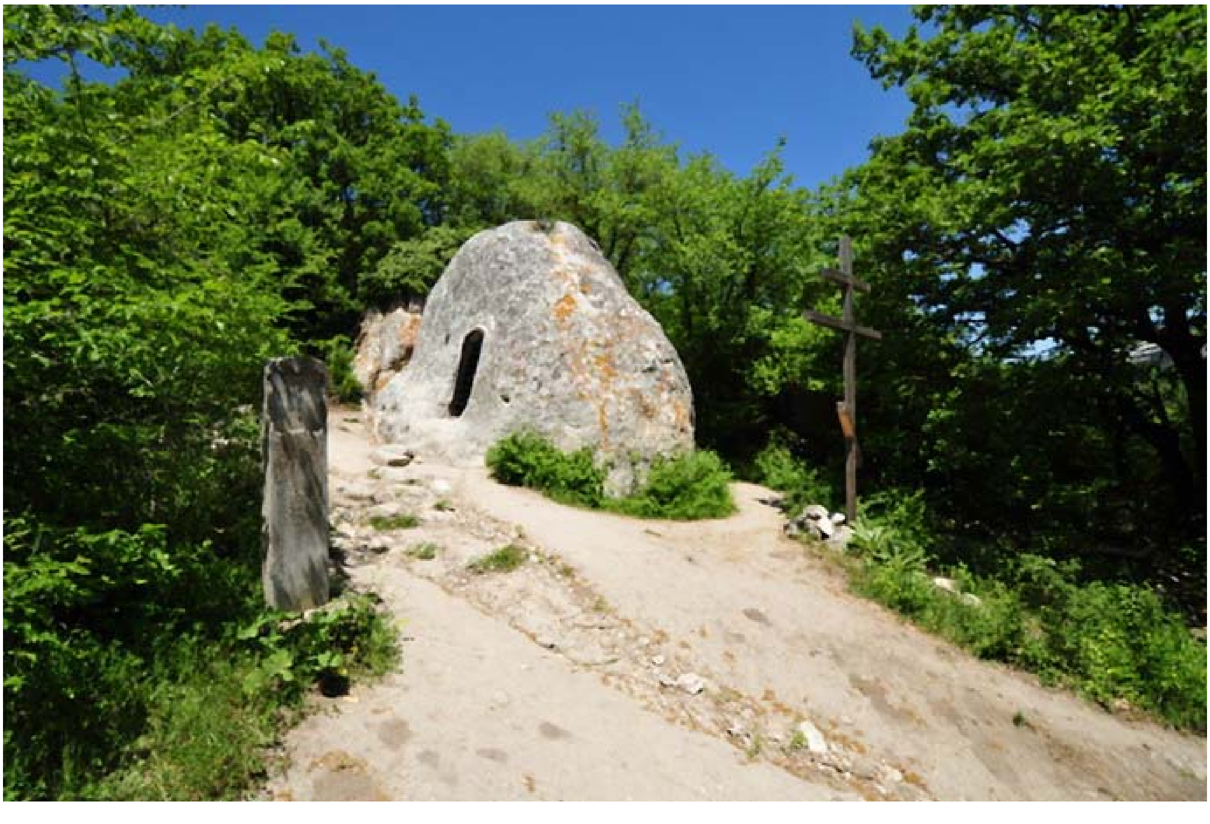
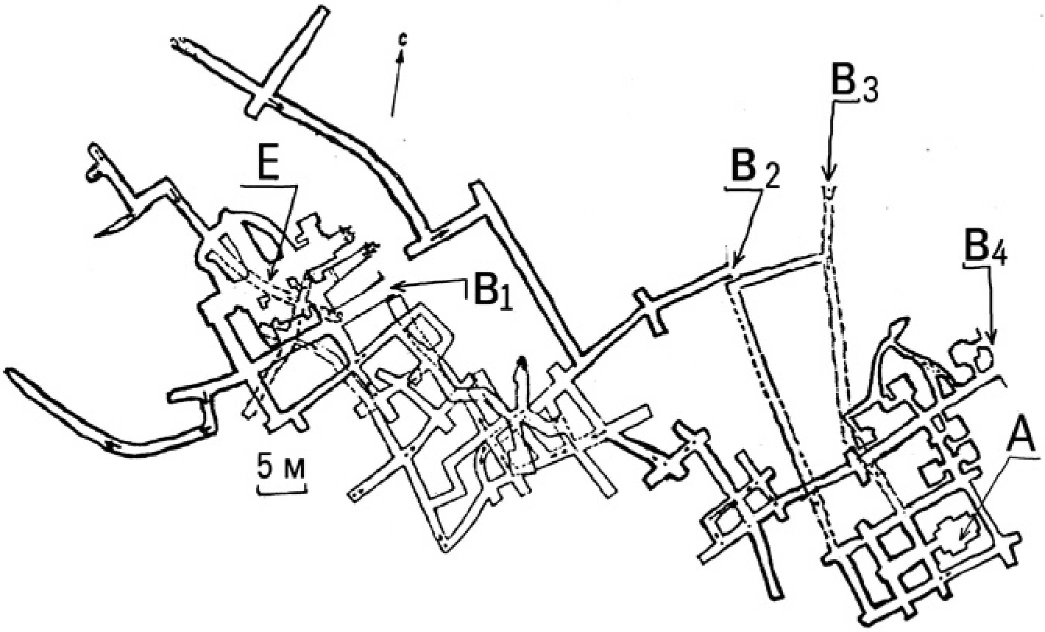
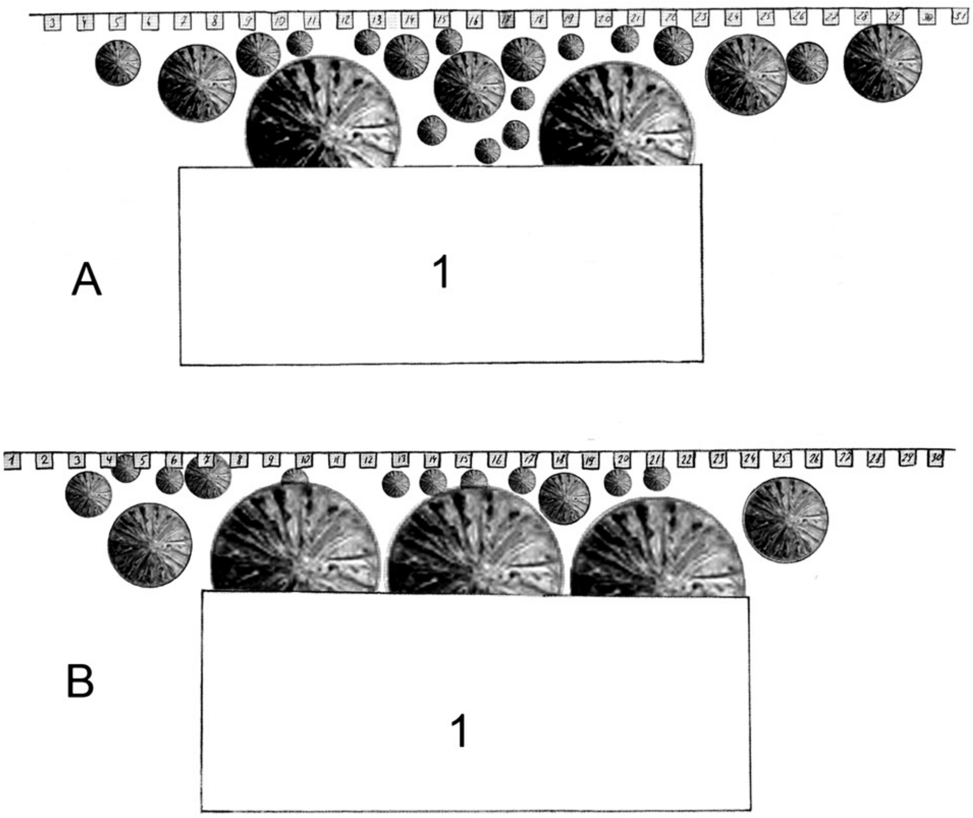

Рис. 56. Внешний вид останца в 2006 г., в котором высечен храм «Трех всадников» в Эски-Кермене, Крым. Фотография автора.

1

2

Рис. 57. ***1.*** План пещерного Белогорского монастыря (Подонье). А.- «Цветная комната». В (1-4). – Выходы на поверхность.Е.- Пещерный храм во имя св.благоверного кн. Александра Невского (1817, архитектор Амвросиев). ***2.*** Северная (А) и южная (В) стены «Цветной комнаты» в Белогорском пещерном монастыре (Подонье). Прорисовка В.В. Степкина, 2005 г.

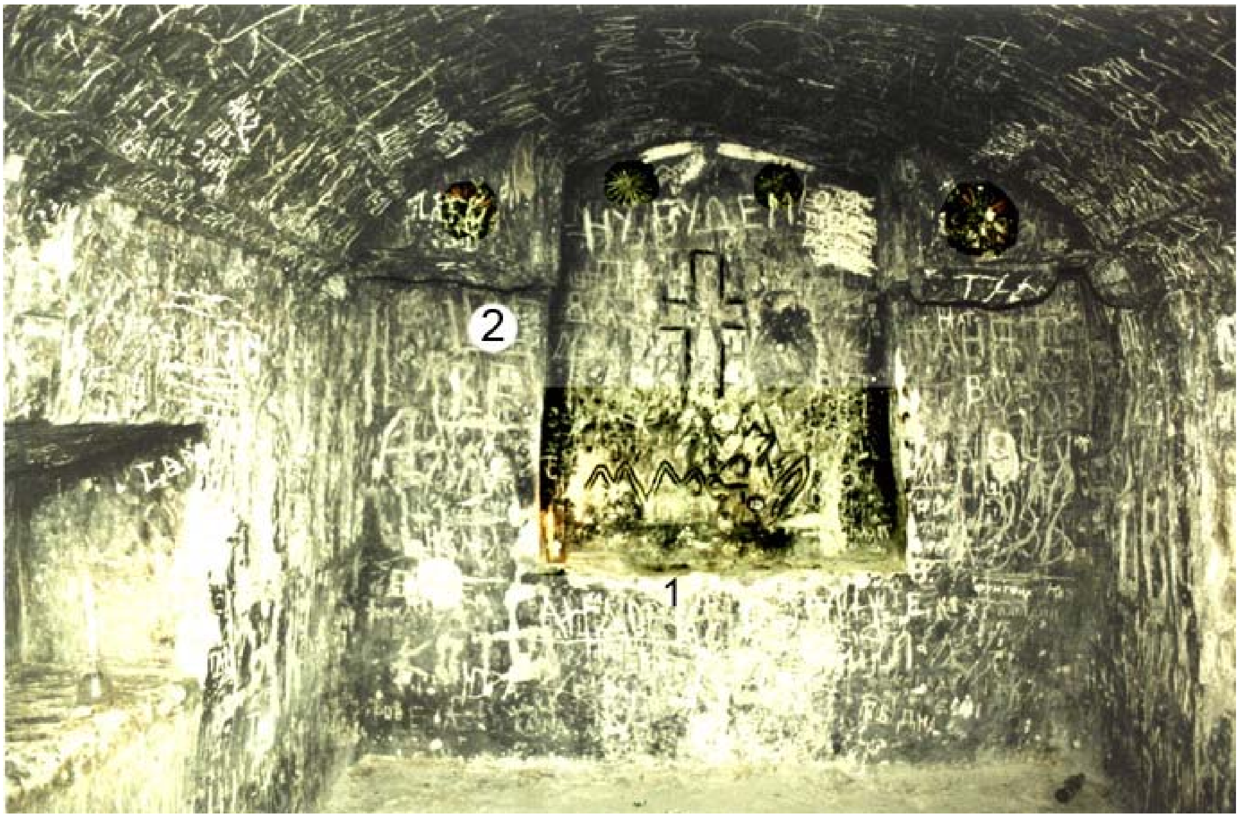

Рис. 58. Алтарная стена «Цветной комнаты». 1. Полочка ниши-престола с высеченным чашеобразным углублением 2. Полочка жертвенника с высеченными двумя чашеобразными углублениями. Фотография В.В. Степкина, 2005 г.

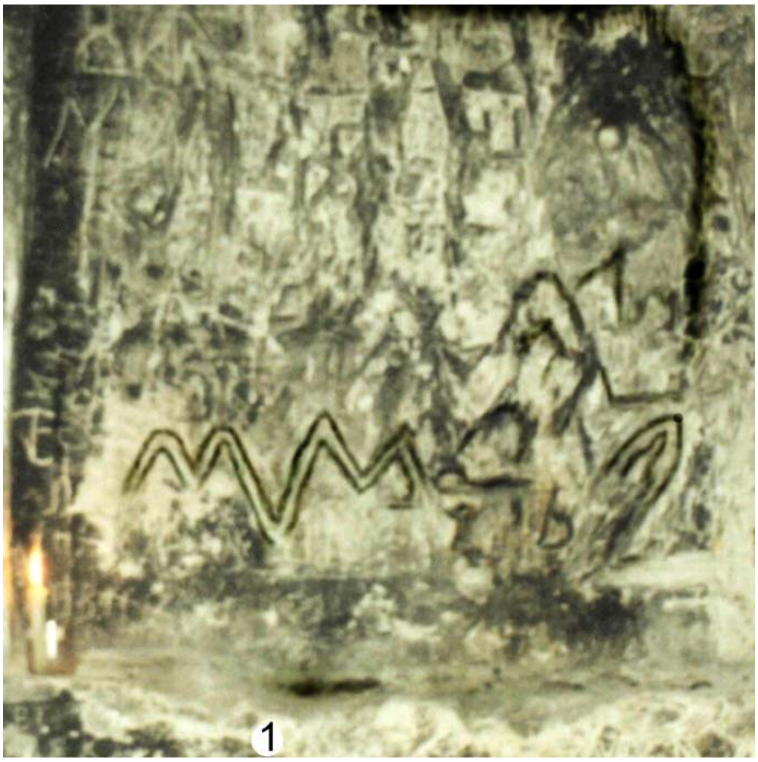

Рис. 59. Остатки «композиции» в алтарной нише «Цветной комнаты». Фотография В.В. Степкина, 2005 г.

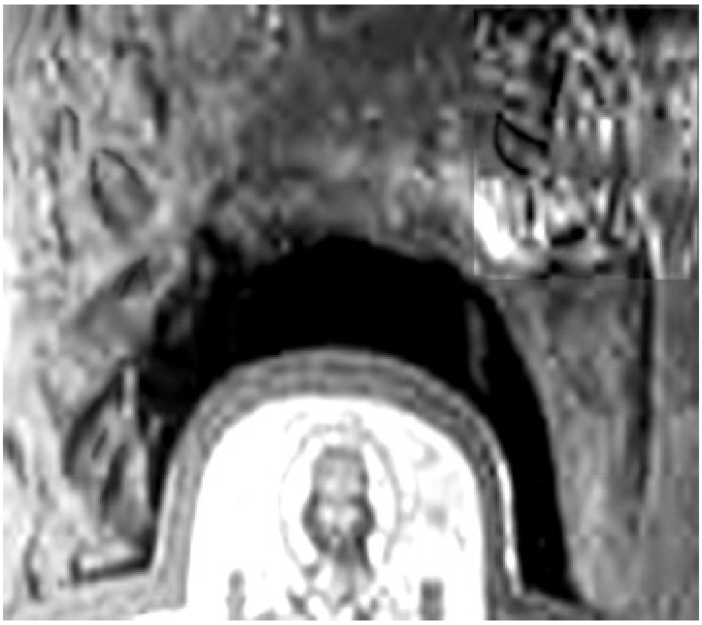

Рис. 60. Волютообразные композиции, обрамляющие престол в храме Зверинецких пещер Киева. Фотография автора, 2006г.

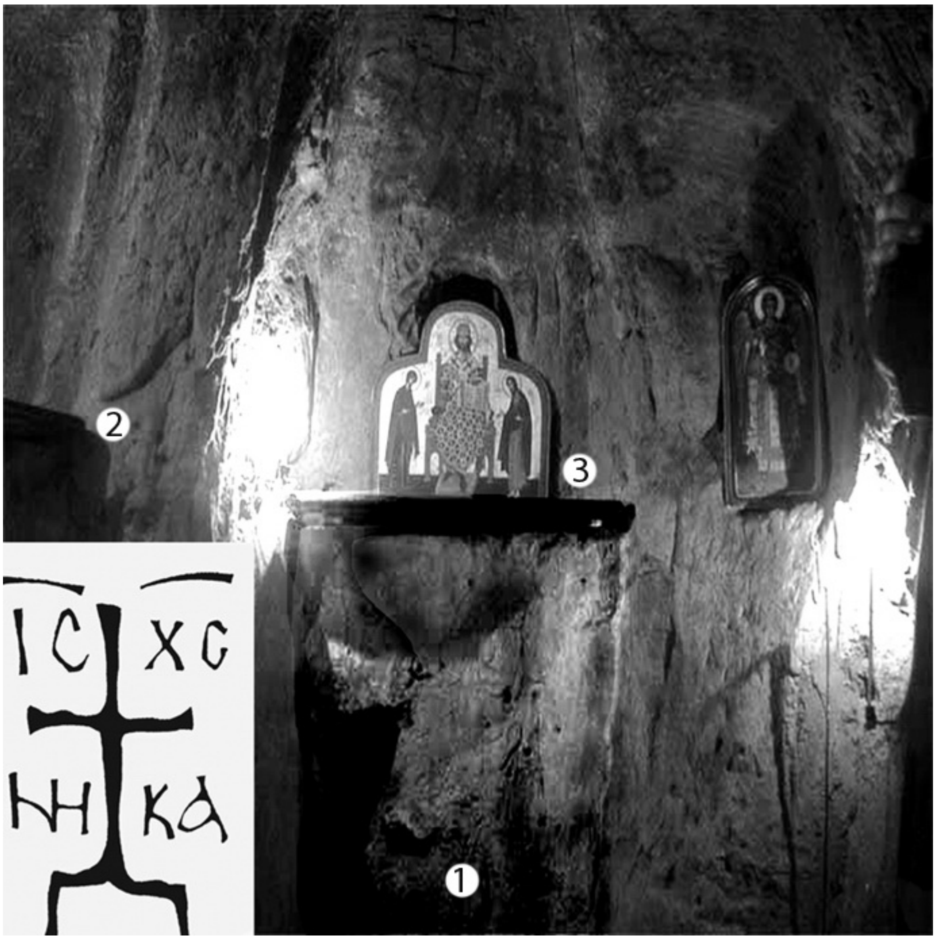

Рис. 61. Престол в виде выступа и продолжающая его мензу (поверхность) полка ниши в храме Зверинецких пещер Киева. Фотография автора, 2006г.

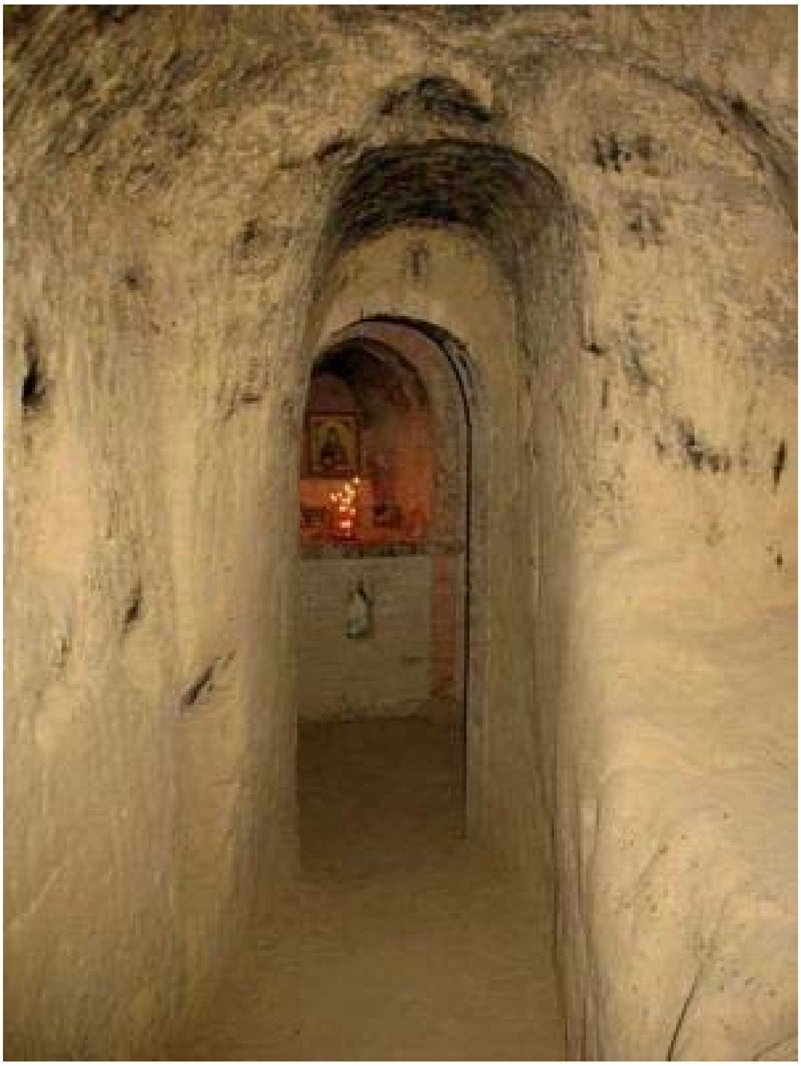

Рис. 62. Престол-ниша в Китаевских пещерах Киева. Фотография автора, 2006г.

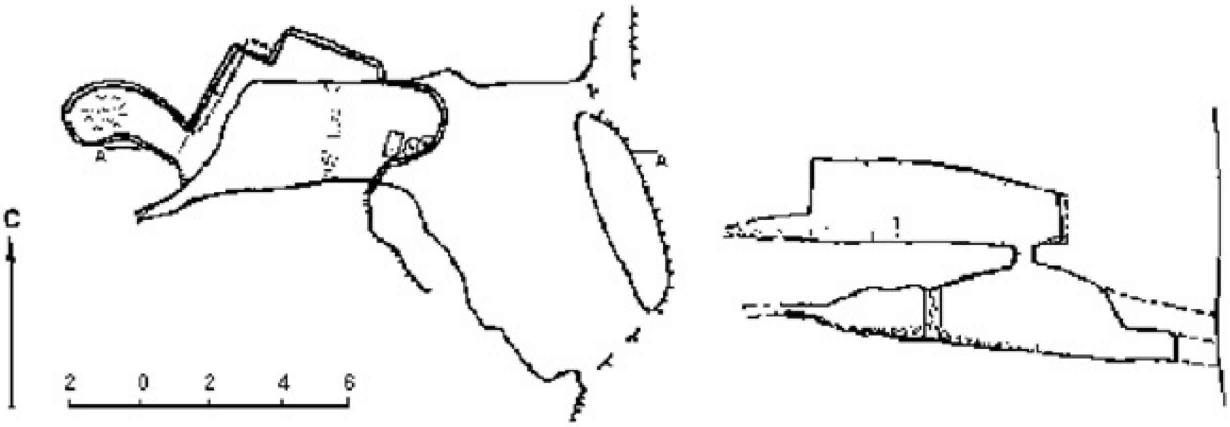

Рис. 63**.** ***1.*** План и разрез Загнитковского пещерного скита («пещера Кармалюка») по Л.Н. Суховей [1999; 2001]. Одесская область (Украина). ***2.*** Пещерный храм в верхнем гроте у с. Стенка по В.С. Артюх [1998] (фотография 2008г.).

Рис. 64. Входы в двухъярусный пещерный скит в парке села Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области. Украина. Фотография Сергея Клименко, 2004 г.

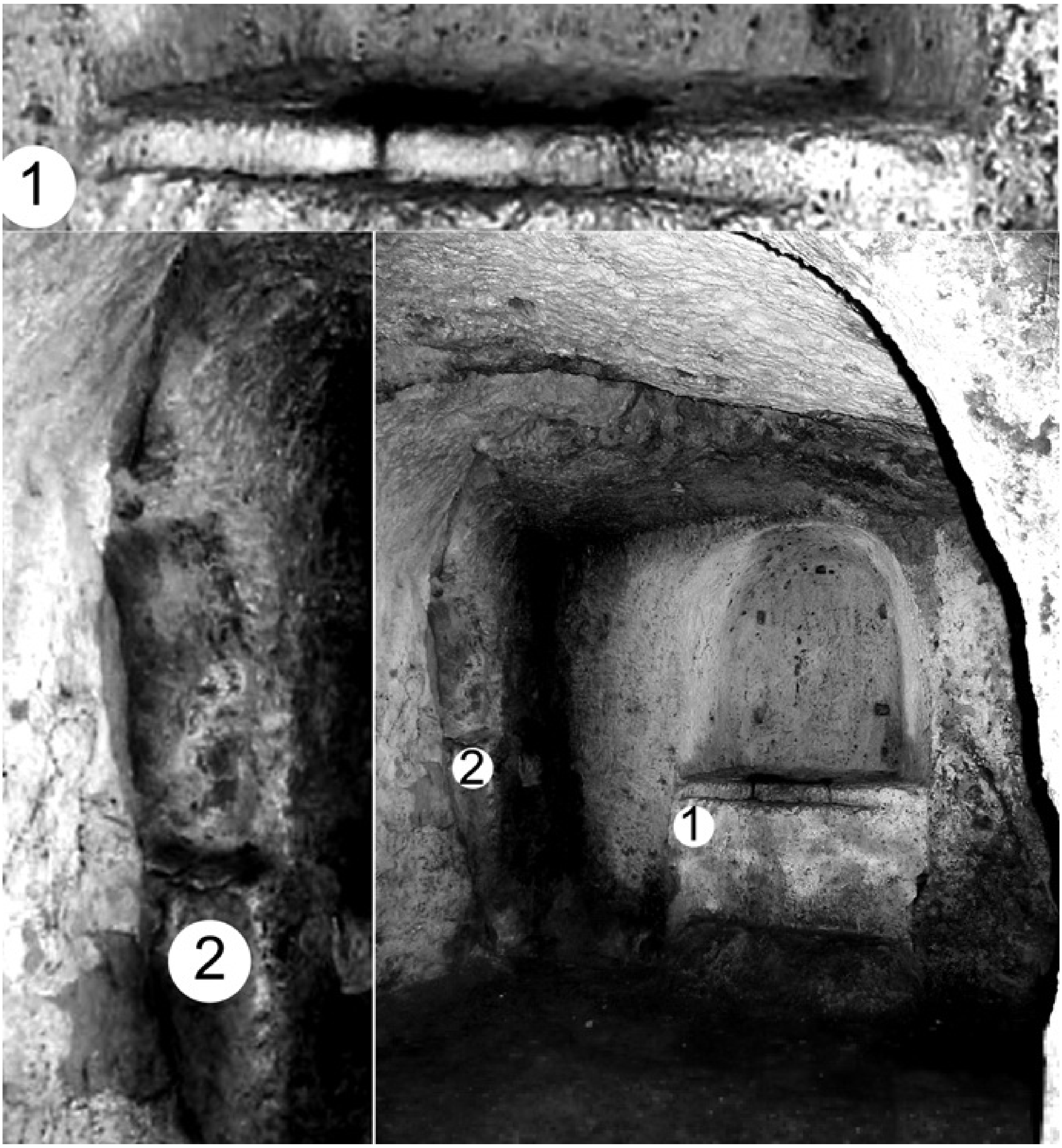

Рис. 65. Алтарная ниша, - престол (1) и ниша-жертвенник (2) пещерного скита у с. Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области. Украина. Фотография Сергея Клименко, 2004 г.

1

2

Рис. 66. ***1.*** «Черный камень» с пещерными келиями, помещениями и престолом под скальным навесом (а) - на врезке, внизу справа***. 2.*** Вход в пещерный комплекс со стороны обрыва под скалу «Черный камень». Фотография автора, 2006г.

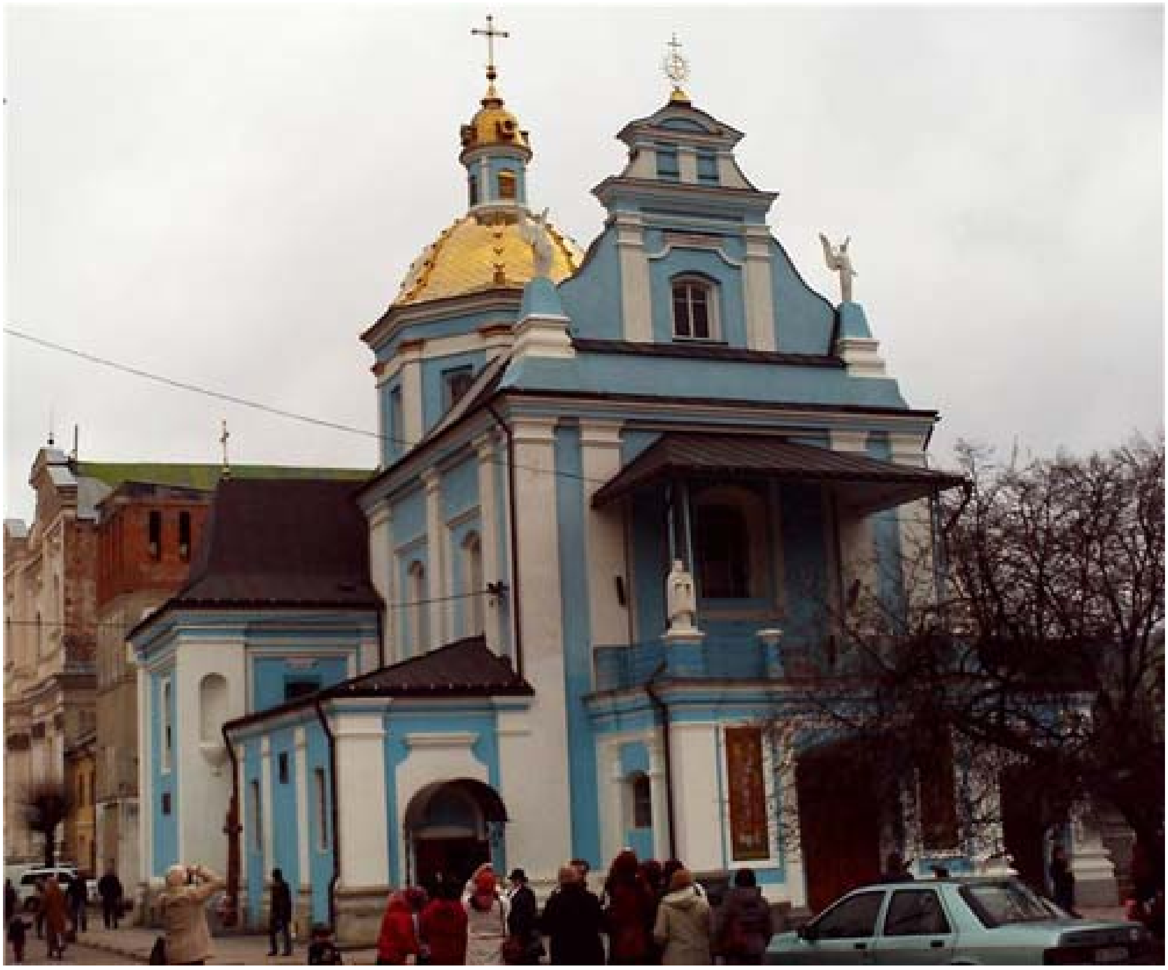
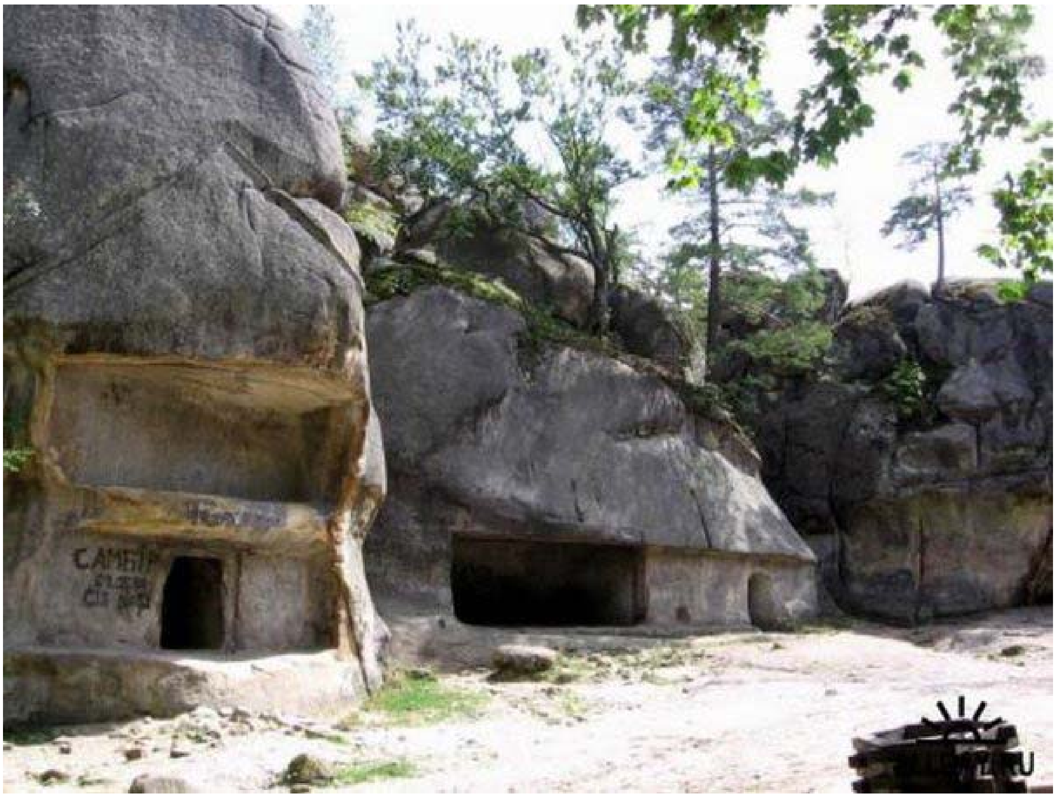

Рис. 67***. 1.*** Вид на Самборский монастырь Рождества Богородицы.

2

3

Рис. 67. (Продолжение) ***2.*** «Хрустальная рака» с мощами св. Валентина в Самборском монастыре Рождества Богородицы. ***3.*** Входы в пещерные келии и помещение «трапезной» под Самбором.

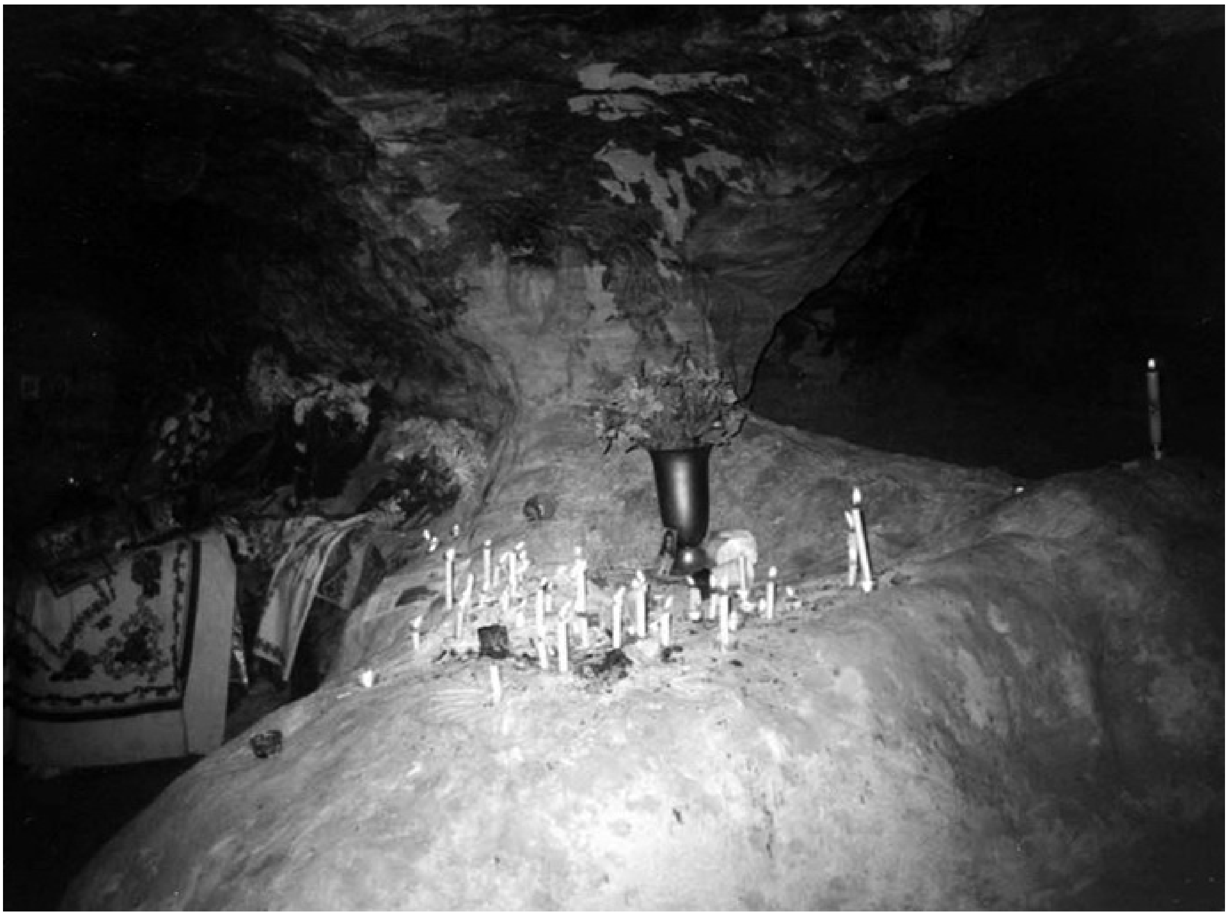
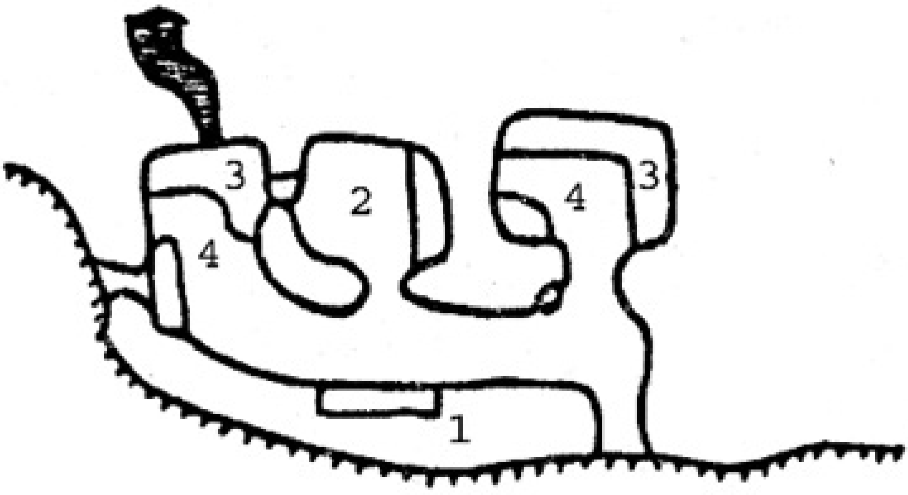

Рис. 68. Древний престол-выступ в храме пещерного монастыря у с. Страдч Львовской области (Украина). Фотография автора, 2006 г.

1

2.1

Рис. 69**.** Пещерный Троицкий скит в Сатанове. Поднстровье, Западная Украина: ***1.*** План пещерного скита. 1. – Погребальная ниша-аркосолий. 2. – Помещение келии. 3. – Престолы и сопрестолия в маленьких пещерных храмах (4). ***2.1.*** Сопрестолия в малом пещерном храме Троицкого скита.

2.2

Рис. 69. (Продолжение). ***2.2.*** Вид на алтарь в первом малом пещерном храме.

3.1

3.2

Рис. 69. (Продолжение). ***3.1.*** Служба в Свято-Троицком пещерном ските у местечка Сатанов Городоцкого района Хмельницкой области на 07.06.1995 г. (Духов день Троицкого праздника). ***3.2.*** Вид на алтарь второго малого пещерного храма.

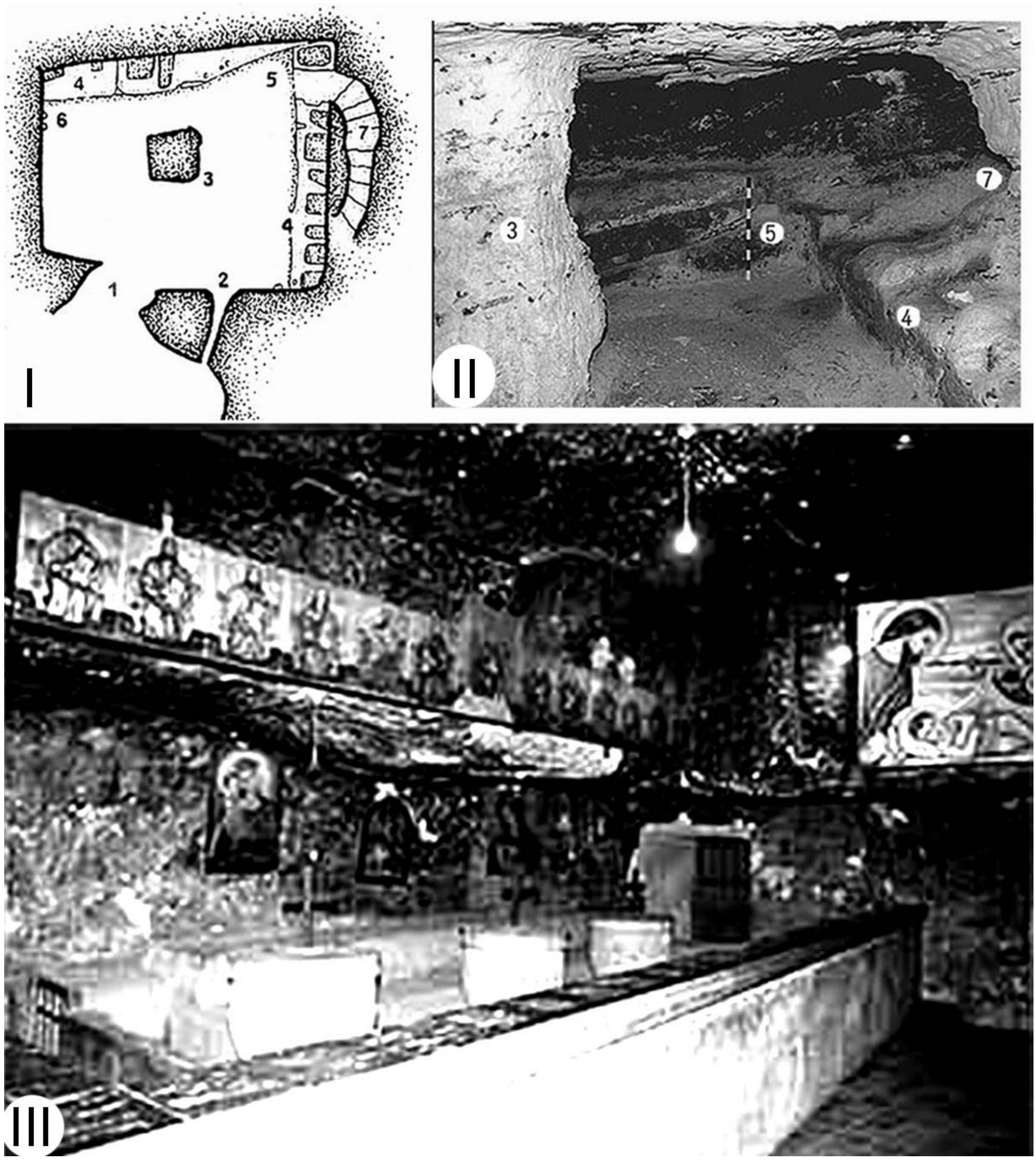
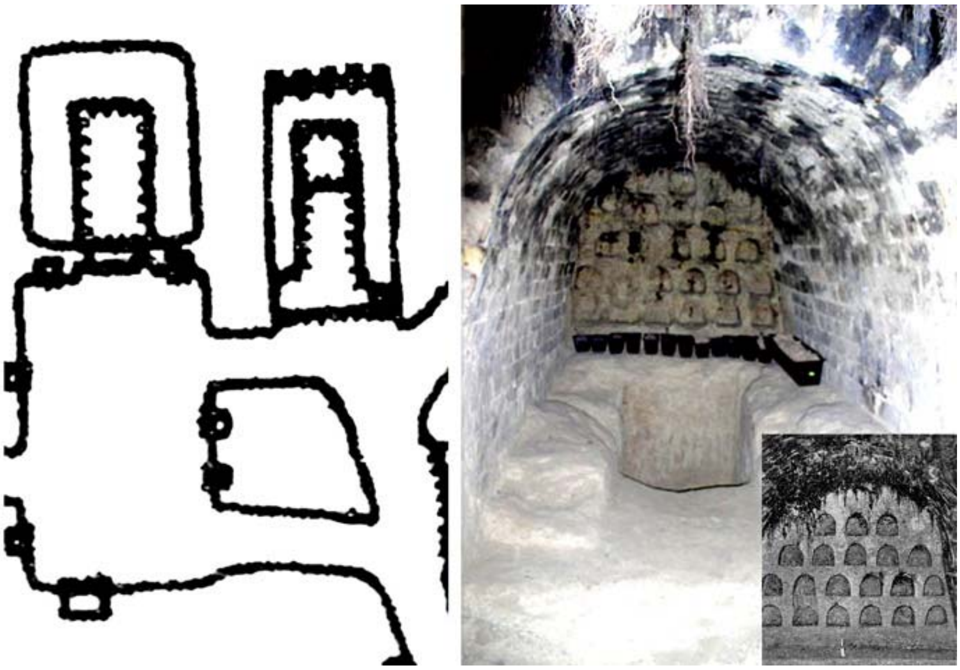

Рис. 70. План (***I***) и вид от входа (***II***) на храмовую пещеру горы Кармел, Палестина. 1.- Вход. 2.- Оконце в скале. 3- Центральный столп-останец скалы. 4.- Скальные выступы-останцы - сопрестолия. 5.- Возвышение, соответствующее «жертвеннику». 6.- Скальные выступы в виде полуколоннок. 7.- Лестница на нижние уровни подземных помещений. ***III.*** *Сопрестолия* в пещерном храме Вади Загра, VII в. (Египет).

1 2

Рис. 71***. 1.*** План участка пещер в урочище «Церковщина» (Гнилец) с криптой «мироточивых голов» (кимитирий черепов) по Т. Бобровскому (2007). ***2.*** Келия-затвор с лежанками под тремя стенами. В тыльной стене над уступом «лежанки» - множественные ниши для размещения мощей (черепов) – «мироточивых голов». Пещерный монастырь в ур. Церковщина (Гнилец) возле Киева. Украина. Фотография автора, 2006 г. ***3.*** Кимитирий «мироточивых голов». Фотография П.П. Толочко, 1969 г.

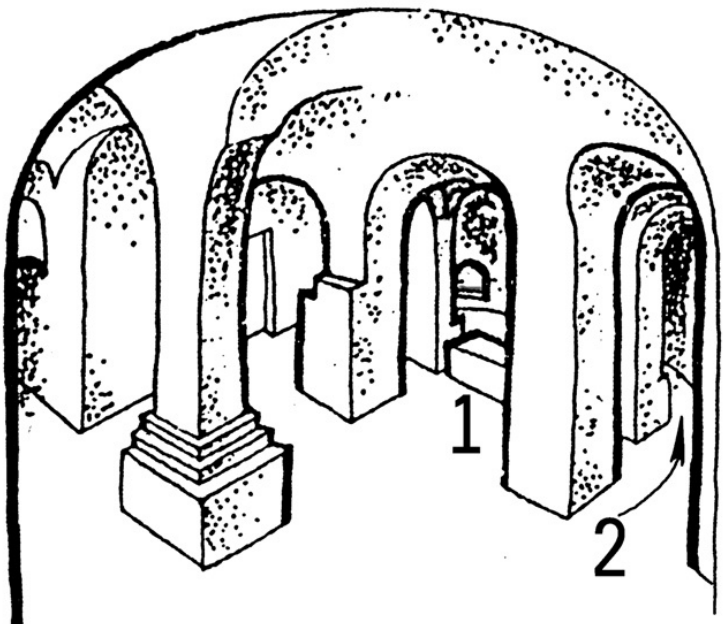

Рис. 72**.** Храм Холковского пещерного скита над Осколом (Подонье). Вид на алтарь. Аксонометрия В.И. Плужникова [1985]. ***1.*** – Престол-выступ древнего типа (из лежанки отшельника), с размещенной над ним (слева) нишей (жертвенником). ***2.*** – Обводная галерея для «кругового обхода» престола при свершении литургии по чину свт. Василия Великого (***вокруг престола***).

Рис. 73. Пещерный храм Токали Келисе близ Гёреми в Каппадокии (Турция). ***1.*** – престол. 2. – ниша жертвенника. 3. – горнее место.

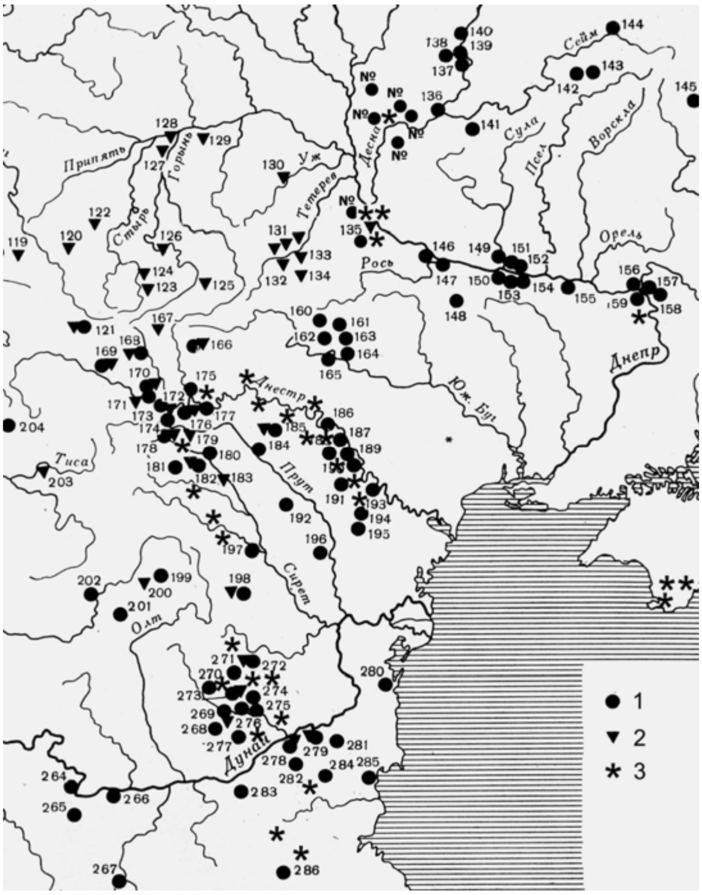

Рис. 74. Пещерные христианские памятники по Г. Атанасову [13] (3) с дополнениями автора (по Крыму, Дону, Десне и Днепру) и Е.Базгу по Буго-Днестровскому региону [112, s. 11, fig.1] на фоне распространения пеньковско-колочинских (1) и пражско-пеньковских памятников VI-VII вв. по В.В. Седову [73].

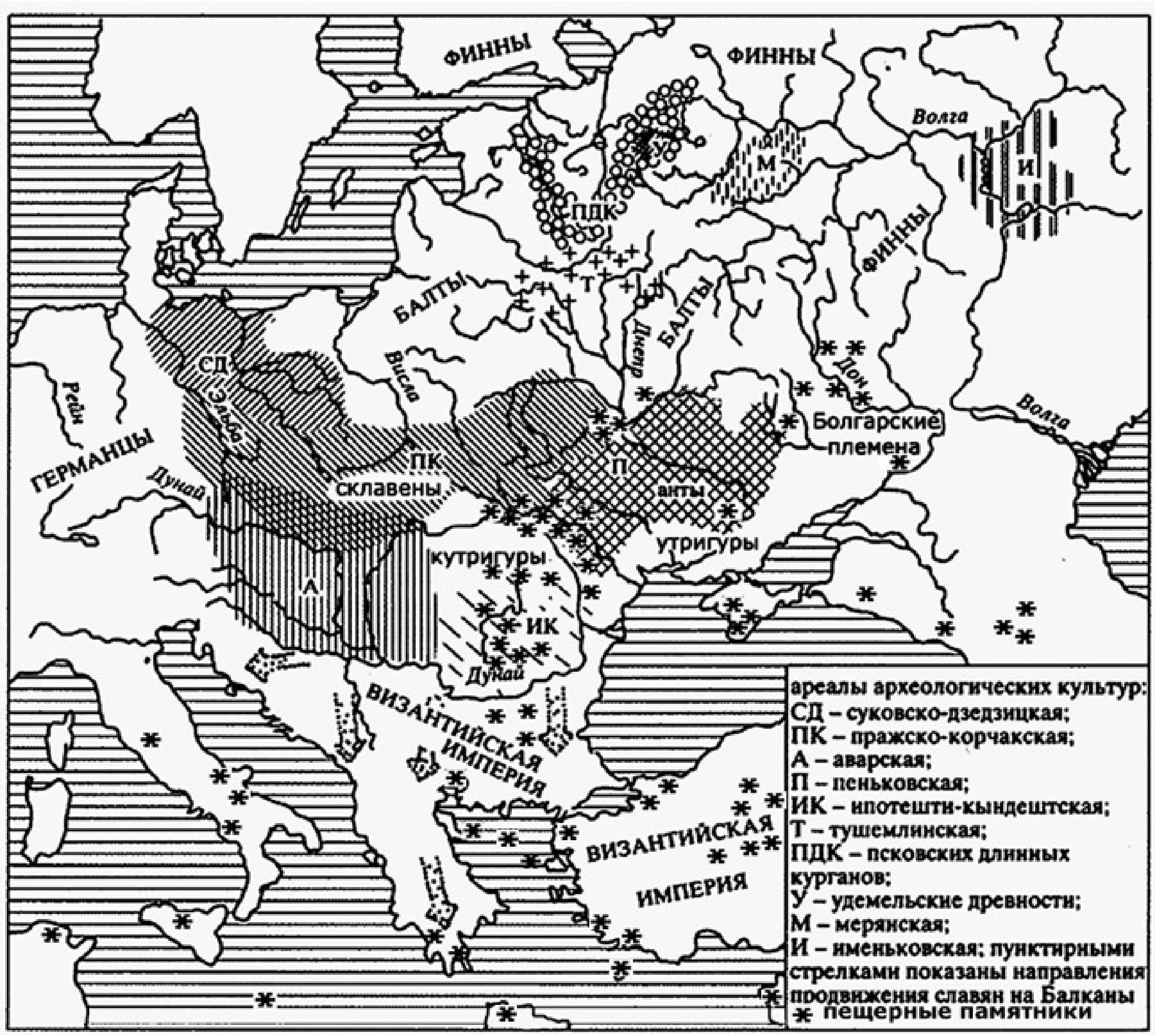

Рис. 75. Пещерные христианские памятники по Г.Атанасову [13], с дополнениями автора (по Аппенинам, Балканам, Малой Азии, Средиземноморско-Эгейской акватории, Кавказу, Крыму, Дону, Десне и Днепру) и Е.Базгу по Буго-Днестровскому региону [112, s. 11, fig.1] на фоне раннесредневековых этно-культурных массивов по В.В. Седову [73].

Н.В. Днепровский

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС У ЮЖНЫХ ВОРОТ ЭСКИ-КЕРМЕНА

Сразу же заметим, что южная часть городища Эски-Кермен, примыкающая к городским воротам, является одним из наиболее изученных участков территории данного памятника. По крайней мере, его археологическое исследование уже завершено [2, с. 43]. Однако из расположенных на этой территории церквей в полной мере введены в научный оборот лишь пещерные храмы *на* подъездной дороге («Большой», «Малый» и две погребальные «часовни»[1] с вырубными основаниями у первого поворота подъездной дороги [24, с.189, рис. 47; 25, с. 22-25]), а также «Судилище» с парэкклисием [20, с. 40-46]. Храмы *над* городскими воротами если и упоминались, то лишь в контексте попыток реконструкции оборонительных сооружений городища[2]. При этом они рассматривались исследователями, скорее, как досадная помеха на этом поприще[3]. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что данные исследования проводились или в советское – атеистическое время, или в рамках советской археологической школы. В силу этого, памятники Эски-Кермена рассматривались, прежде всего, как объекты материальной культуры. Любое отклонение от этой линии могло закончиться плохо[4]. Церковная археология была, по сути, ликвидирована[5].

[1]Здесь и далее мы ставим это слово в кавычки, поскольку в богослужебном смысле слова «настоящая» часовня отличается от церкви отсутствием престола, который во всех известных храмах Эски-Кермена, насколько мы знаем, присутствовал.

[2]Так, в единственной на сегодняшний день монографии, целиком посвященной Эски-Кермену, этому вопросу посвящена одна-единственная фраза: «После разрушения крепостных стен на остатках этой башни, на боевых площадках, расположенных по бокам от ворот, и над проходом к воротам возникла часовня с усыпальницей» [29, с. 30].

[3]«Постройки западного мыска выяснить значительно труднее: устроенная здесь после разрушения обороны города часовня со спускавшейся от нее лестницей к воротам… уничтожила все следы «постелей» оборонительного сооружения» [10, с. 21].

[4] Обстановку, в которой проводились раскопки Эски-Кермена, великолепно характеризует следующий документ: «ТЕЛЕГРАММА-ПИСЬМО. Бахчисарай. Нарочным Черкес-Кермен. Экспедиция. Шмиту. Одобряя общественные выступления докладами, ожидая дальнейшего по раскопу колодца могшего иметь значение для нерва материальной обстановки города, Академия поддерживает завершение начатых раскопок базилики. Внимание деревянным остаткам перекрытия. Колебание платы рабочим учетом условий момента, значимости раскопа. Установление твердых товарищеских отношений рабочими на будущее время. Здоровье всех работников ученых и рабочих руководитель обязан обеспечить заменой вредной воды чаем или кипятком. Не зная кому обращено безымянное письмо Председателю в неопределенных для меня отношениях к Академии, лично от себя отмечаю, факт неожиданности для руководящего состава экспедиции даже аналогии увязывающей с Грузией. О связях готской церкви грузинской экспедиции известно лишь по летописным сведениям. Очевидно о связи руссов и скифов с Грузиею и Абхазиею, с Кавказом ничего неизвестно. После чистки такое отношение работников Академии достижениям яфетической теории и научному кавказоведению, думал и самой Академии, отнюдь не новость для меня. Марр. Ленинград. Мраморный Дворец. 31 авг. 1930 г. № 4870» [7].

[5] «Художественно-исторический анализ памятников искусства средневекового Крыма помогает разоблачить прислужническую политическую роль церкви… Надо помочь советскому и зарубежному зрителю… правильно воспринять заслоненные их красотой социально-исторические явления, в первую очередь, реакционное служение церкви феодальному строю, прямое предательство «пасомого» ею народа, использование искусства для глубокого нравственного порабощения невежественных и суеверных… народных масс. Умело применить такие памятники в историко-атеистической пропаганде – значит направить против врага отнятое у него оружие», – писал в 60-е гг. XX столетия О.И.Домбровский во введении к своей знаменитой (и, заметим, единственной вплоть до сего дня!) монографии, посвященной фрескам средневекового Крыма [15, с. 6]. Трудно сказать, в какой степени данные слова были искренними или, напротив, вынужденными, но рассчитывать после этого на сколько-нибудь объективный церковно-археологический (а не просто искусствоведческий) подход было бы наивно. Более того. Известно, что открытия часто делаются вначале на интуитивном уровне, и лишь

Между тем, в районе подъездной дороги и городских ворот существовало, как минимум, девять храмов (рис. 1)! Уже один этот факт говорит о том, что Эски-Кермен на определенном этапе своего существования был не только мощным укреплением, но и крупным религиозным центром Горной Таврики. Без учета этого любые исторические реконструкции могут оказаться, самое малое, неполными[6]. Более того. «Специфическая особенность византийской цивилизации состояла в наличии постоянно действующей тенденции к восточно-христианской сакрализации общества. Это проявлялось в том, что суетный земной мир не противопоставлялся столь определенно божественному, как в цивилизации средневекового Запада, а объединялся с ним. Немалую роль при этом играла традиция переноса сакрального пространства» [27, с. 168]. Христианский город или монастырь в идеальном случае должен был являть собой прообраз Небесного Иерусалима [21, с. 274]. Вознесенный над окрестными долинами Эски-Кермен как нельзя лучше соответствовал этой идее. Поэтому городские ворота, помимо выполнения функции непосредственной физической защиты, «воспринимались вратами Спасения, ведь через них входили в Град Божий» [21, с. 266]. А функциональное назначение надвратных храмов, в свою очередь, «было тесно связано с символикой самих врат средневекового города или монастыря, представлявших для "верных" двери Рая и, одновременно, двери покаяния, благодаря которому совершается восхождение в Небесный Иерусалим (христианский город или монастырь)» [21, с. 274].

Как видим, к настоящему времени назрела необходимость полноценного введения в научный оборот церквей, расположенных над городскими воротами Эски-Кермена, а также осознание их роли в архитектурном контексте оборонительных сооружений древнего города. И, наоборот, без понимания устройства этих сооружений, как будет ясно из дальнейшего, правильная реконструкция надвратных церквей невозможна. Для этого нам придется в данной работе не раз испытывать терпение читателя обильным цитированием первоисточников, ибо существовавшие на момент раскопок артефакты сегодня в значительной мере утрачены.

Вот что писал об устройстве городских ворот Н.И.Репников: «Выявлены следы древнейшего устройства ворот... *Впереди ворот имелась падающая сверху железная решетка (cataracta), и их полотнища защищались «шандорными» переборками. Следы этого устройства усматриваются в ряде симметрических пазов, вырубленных в основании скалы по обеим сторонам проезда* (курсив наш – *Н.Д.*)… 1.Относительно перекрытия ворот приходится высказаться предположительно, что, вероятно, оно было сводчатым и проходило по кладке стены, наличие которой устанавливают „постели" кладок по линии воротного проема. Самый свод отмечает П. Сумароков, видевший остатки его в начале XIX в. 2. Начертание «постелей», идущих по сторонам воротного проема, определяет, что над проездом имелась прямоугольная башня… Более детальное определение башни возможно лишь после полной зачистки места скалы у ворот. Ясно одно, что *после упразднения крепостной ограды на остатках этой башни возникла часовенка с усыпальницею* (курсив наш – *Н.Д.*)» [24, с. 192–193]. «Западный конец расчищенных над «судилищем» вырубок загибается по обрезу скалы у ворот. Впереди последних в толще скалы под вырубками имеется скругленный вырез в камне с квадратным углублением в полу (место престола). Вырез расположен на В[осток]. *Под ним в обрезе гнезда для брусьев-*

потом находят себе логическое подтверждение. «Для того, чтобы правильно нарисовать бамбук, стань сам бамбуком», – говорил один буддийский наставник. Изначальное отрицание неизбежно блокирует подобные интуиции.

[6] Не случайно в советское время исследователи предпочитали заниматься начальным этапом существования городища – до предполагаемого сноса городских стен, а, по сути – до начала массового строительства храмов, причем в этих работах всячески подчеркивалась несовместимость вторых с первыми [10, с. 25; 24, с.193]. Только в постсоветский период появились исследования, в которых это тезис в значительной степени дезавуируется [2, с.47].

лежней, перекрывавших в древности проход к воротам (курсив наш – *Н.Д.*). Юго-западная половина скалы у ворот после зачистки представила сложное явление… *С юга и запада скала впереди линии проходивших здесь боевых стен раздолблена площадкою, к которой снизу ведет нарубленная лесенка. В южном фасаде вырубки, составляющей основание боевой стены, высечена обычная для Эски-Кермена усыпальница (№ 68). Она среди костей заключала предметы начала второго тысячелетия. Площадку впереди усыпальницы ограждало основание поздних кладок, повидимому, составлявших стены погребальной часовенки, средняя часть которой проходила по лежням, перекрывавшим проход к воротам, а абсидою являлась упомянутая скругленная вырезка. На западной половине площадки к часовне примыкала вырубная гробница… Возникнуть описанная часовня с усыпальницей могла лишь после упразднения боевой стены* (курсив наш – *Н.Д.*)» [26, с. 197–198].

Несколько более детальное описание мы встречаем в архивных материалах Эски-Керменской экспедиции (далее – ЭКЭ): «Впереди ворот, были устроены особые приспособления. След их отчетливо сохранился в виде симметричных вырубок в основании скалы с обоих сторон проезда. Таких вырубок имеется по пяти с каждой из сторон. Они составляют основание вертикальных пазов, раздолбленных в стенах прохода. В них приходится усматривать указание на наличие падающей сверху железной решетки… и применения особых деревянных брусов. То обстоятельство, что дно пазов не доходит до поверхности прохода, определенно указывает, что падающая решетка своею деревянною рамою задерживалась в этих пазах, а торчавшие ниже ее железные зубцы, не касались поверхности скалы. Кроме решетки ворот, в момент осады защищались деревянными брусьями /шандорными/. Эти брусья по пазам вводились в скалу, образуя впереди ворот деревянную стену. Заготовленными заранее брусьями, в момент осады быстро забиралось пространство впереди ворот. Промежуток между брусками забивался щебнем и землею, образуя сопротивление для тарана и огня» [4, л. 27–28].

«Западный конец вырубок городской стены упирается в разрез скалы, по которому проходил подъем в город и где находились городские ворота. Вырубки постели загибаются по линии этого прохода, давая возможность установить линию обороны в древности. *В самом начале воротного прохода, толща скалы с вырубками раздолблена скругленным вырезом с квадратным углублением на подошве. Ориентирована она на В[осток]. В обрезе стены прохода под него, видны четыре гнезда для установки концов деревянных брусьев – лежней, которые легко было перебросить на противоположный край скалы. Решаемся предполагать, в связи с расчисткою противоположного юго-западного участка скалы /о чем речь впереди/, что в скругленной выемке должно видеть основание абсиды вырубной часовенки-усыпальницы, подобной вскрытой нами в 1928 г. Квадратная выемка в полу ее есть место престола. Деревянные брусья, в древности входившие в гнезда обреза скалы, были теми балконами, которые несли на себе деревянный пол средней части часовни, находившейся над местом прохода к воротам* (курсив наш – *Н.Д.*). В дальнейшем предстоит еще коснуться этого интересного остатка.

Юго-западная половина скалы по другую сторону прохода к воротам представляется более сложною…» [4, л. 39–40].

«На самой южной оконечности скалы к площадкам нарублена лесенка из шести ступенек. В южном фасаде обреза скалы тщательно стесанном, над площадкою, под основанием вырубок «постелей» кладки южной стены башни вырублена усыпальница № 68. Она обычного для Эски-Кермена типа. Выбрана частыми, мелкими кирочными ударами, тщательной работы. Потолок покатый от входа к западной стене. На подошве нетолстый слой перерытых костей, мощностью до 0,12 м. Среди них найдены: височное кольцо согнутое из медной проволоки с несомкнутыми концами, медная пуговка, два стеклянных браслета синего цвета /один из них расписан белыми узорами/ и обломок стаканчика

зеленоватого стекла. Пространство площадки впереди усыпальницы ограничено остатками кладки проходившей по линии выборок скалы. В завале камня кладок найден обломок верхней части надгробного памятника, из известняка с косым крестом рис. (*рис. отсутствует – Н.Д.*) высота 0,35 м., толщ. 0,09 м.

К западу от основания кладки стены, примыкая к ней, в поверхность площадки врублена гробница № 69, вырубленная частыми кирочными ударами, прямоугольной в плане формы, с заплечиком для плиты на краю. Покрытие отсутствовало. Она полна доверху перерытыми костями, средней сохранности, среди которых найдены обломки стеклянного сосуда. В западном обрезе фасада скалы, также тщательно стесанном, над площадкою, под основанием вырубок "постелей" кладки западной стены башни, в месте, где сохранился камень ее облицовки в обрезе начатая, но брошенная усыпальница. Намечено одно лишь входное отверстие.

Вдоль западного края площадки по обрыву скалы круглые гнезда для установки деревянных стояков ограды и неопределенная вырезка, отмеченные на плане. К северу от места намечаемой башни и к западу от ведущего в нее входа, поверхность скалы разработана выборкой второго отделения, второй, описанной выше пещеры. Вдоль северного края ее идет грубая кладка поздней стенки, за линию которой раскопки пока не пошли.

Площадка с усыпальницею в обрезе скалы № 68, повидимому, составляет западный конец погребальной часовенки. Абсида ее намечалась нами при описании юго-восточного отрезка скалы ворот (курсив наш – Н.Д.). Возникнуть она могла лишь после разрушения боевых стен, защищавших главные ворота города» [4, л. 41–42].

Таким образом, из описания Н.И.Репникова можно понять следующее:

1. «В обрезе» скалы, формирующем воротный проем, имеются три типа гнезд – для установки конструкции, несущей падающую решетку-катаракту, для закладки шандорных брусьев и для установки «деревянных брусьев – лежней, которые легко было перебросить на противоположный край скалы» и которые несли на себе надвратную «часовенку».

2. Сохранившимися частями данной «часовни» являются полукруглая абсида с гнездом под престол на восточной скале, формирующей воротный проезд, и площадка с усыпальницей и гробницей на западной скале.

3. Возникнуть «часовня» могла «лишь после упразднения боевой стены», которое произошло, следовательно, до «начала второго тысячелетия».

Трудно сказать, чем руководствовался Н.И. Репников, делая вывод о том, что «восточная» абсида и «западная» площадка с усыпальницей представляют собой остатки одной и той же «часовни». Даже беглого взгляда на фотоснимки достаточно, чтобы увидеть, насколько сильно (как по оси, так и по вертикали) смещены друг относительно друга эти объекты (фото 1-3). Поэтому «средняя» часть храма никак не могла «проходить по лежням, перекрывавшим проход к воротам», точнее, эти лежни просто не могли без сильнейшего перекоса перекрывать этот проход. Но, что гораздо важнее, на фото 2 отчетливо видно, что «площадка с усыпальницей» имеет небольшой, но хорошо сохранившийся фрагмент *собственной* алтарной абсиды! Это же отчетливо видно на плане, составленном Эски-Керменской экспедицией (рис. 2). Другими словами, церквей над воротами Эски-Кермена было ***две***, а не одна, и это было совершенно очевидно уже при составлении плана городских ворот. Но, как мы увидим далее, признание этого очевидного факта заставило бы Н.И.Репникова искать ответ на очень трудный и неудобный вопрос, от которого постарались уклониться и последующие исследователи.

Равным образом, нам при всем желании не удалось обнаружить в обрезе скалы следы «лежней»: верх скалы на уровне основания «восточной абсиды» совершенно гладкий (фото 4). Вырубки-гнезда в камне имеются лишь на уровне земли – по пяти с каждой стороны проезда, как и писал Н.И. Репников. Более того, можно утверждать, что он явно выдавал

желаемое за действительное, утверждая, что эти гнезда «составляют основание вертикальных пазов, раздолбленных в стенах прохода» – просто потому, что никаких «раздолбленных» вертикальных пазов в стенах прохода не существует даже в виде самых слабых следов.

Задолго до нас на эти несообразности обратили внимание Е.В. Веймарн и М.Я. Чореф во второй главе своей незаконченной (и, соответственно, неизданной) монографии «Пещерные города» Крыма»: «После разрушения крепости Эски-Керменского городища в VIII в. его фортификации не восстанавливаются, а на их месте создаются сооружения не военного порядка. Особенно показательно в этом плане сами ворота городища. С западной стороны ворот, где, согласно нашей реконструкции, была боевая башня, на всем выступе, где она стояла, вырубается площадка и на ней возникает, частично вырубленная в скале небольшая одноабсидная церковь, занимающая всю восточную часть площадки[7]. Северная ее стена и северная часть абсиды глубоко врублены в скалу, южная и западная стена и южная часть абсиды, как и весь верх здания, были сложены из камня. Вдоль северной стены, во всю длину помещения церкви, вырублена скамья. Над ней, в той же стене – небольшая костница с прямоугольным входом. Западнее костницы – небольшая нишка (*ниша находится не к западу, а к востоку от усыпальницы, что видно на фото 1 и 2 – Н.Д.*).

С восточной стороны этой церкви, примыкая к воротам своей северной стеной, была построена еще маленькое церковное здание, возможно деревянное, абсида которой была высечена в скале. В абсиде посредине гнездо для подпрестольного столба. Полагаем, что те вырубки, которые Н.И.Репников посчитал за гнезда для установки шандорных брусьев, есть ни что иное, как система подпорок пола этого здания. Мы полагаем, что костницы, находящиеся в восточном выступе перед воротами, отмеченные у Н.И.Репникова под №№ 70 и 71, относятся именно к этой небольшой церкви (возможная ее дл. без апсиды 2,5 м, шир. около 2 м = 5 м^2)» (сохранен стиль оригинала) [9, л. 69–70].

Как видим, подвергая критике некоторые выводы Н.И. Репникова, Е.В. Веймарн и М.Я. Чореф в то же время соглашались с ним в том, что церкви над воротами возникли после разрушения укреплений Эски-Кермена, которое они датировали VIII в.[8].

Для того, чтобы заново разобраться в соображениях Н.И. Репникова, мы попытались воспользоваться чертежами ЭКЭ, хранящимися в архиве ИИМК, в надежде, что на них содержатся какие-то детали, отсутствующие как в тексте, так – в настоящее время – и на местности. К нашему удивлению, беловые чертежи экспедиции выполнены таким образом, что понять из них что-либо чрезвычайно сложно. Вместо заявленных в заголовках разрезов они, в действительности, содержат сечения, не дающие представления о том, что находится за секущей плоскостью (рис. 3) [6, л. 1].

---

[7] О том, насколько предположительны реконструкции ворот Эски-Кермена, говорит факт совершенно иной интерпретации тем же Е.В.Веймарном этого же участка обороны в другой его работе: «На восточном мыске, по трем его сторонам, сохранились высеченные в скале «постели», примыкающие к «постелям» основной крепостной стены… *Предполагать здесь башню трудно* (курсив наш – *Н.Д.*). Скорее всего, это была боевая площадка с парапетом, расположенная ниже основной крепостной стены, впереди нее…» О западном же мыске говорится, что «постройки западного мыска выяснить значительно труднее: устроенная здесь после разрушения обороны города часовня со спускавшейся от нее лестницей к воротам… уничтожила все следы «постелей» оборонительного сооружения. Только по аналогии с восточным мыском и «постелью» над воротами Б можно и здесь предполагать подобную площадку размером 4 Х 7 м, хорошо увязывавшуюся своим юго-западным углом с воротами Б и также имевшую парапет» [10, с. 21].

[8] «Можно категорически утверждать, что существование всех пещер одновременно с обороной немыслимо с военно-оборонительной точки зрения. Каждое помещение, как пещерное, так и наземное, находившееся под оборонительными стенами или близко перед ними, только облегчало бы противнику подход к крепости, создавая ему защиту и возможность накопления сил для штурма. Все видимые сейчас остатки церквей, часовен и усыпальниц являются сооружениями более поздними. Они могли возникнуть только тогда, когда оборонительные сооружения были разрушены или потеряли свое значение» [10, с. 25].

Таким образом, полноценное описание (как текстовое, так и графическое) надвратных церквей Эски-Кермена на сегодня отсутствует. Попытаемся вначале восполнить этот пробел, а затем вернемся к обсуждению вопроса о роли этих памятников в комплексе городских ворот.

1. «Восточная», или собственно «надвратная» церковь. Как уже отмечалось, от нее сохранилась лишь алтарная часть (фото 4). Абсида врублена в скалу на глубину до 0,8 м. Она имеет не полукруглую, а слабо подковообразную форму, представляющую собой сопряжение практически прямоугольного основания и дуги, хордой которого является верхняя (северо-восточная) сторона прямоугольника (фото 5). Радиус алтарного закругления составляет примерно 1,2 м, радиусы сопряжения с прямоугольником – около 0,35 м. Максимальная длина сохранившейся части абсиды 1,58 м, максимальная ширина – 1,66 м. Высота пола алтарной части над уровнем подъездной дороги составляет 3,2-3,4 м. Ось абсиды ориентирована на северо-восток (азимут 58 градусов). Углубление под основание престола имеет близкую к прямоугольной форму, длину вдоль оси абсиды 0,4 м, ширину 0,5 м и глубину 0,12 м. Оно слегка смещено к северной стене (расстояние 0,53 и 0,63 м от северной и южной стены соответственно). Говорить о месте помещения мощей под престол из-за разрушения природным воздействием сложно, хотя в стенке восточного угла гнезда под основание престола имеется углубление округлой формы. Теска абсиды чистая, следов инструмента на стенах практически не видно, на полу они более заметны. Какие-либо следы протесиса не сохранились. Синтрон или седалище для священника отсутствуют. Достойным внимания является тот факт, что со стороны воротного проезда в скале частично сохранился узкий каменный гребень высотой 0,05-0,07 м, отделяющий абсиду от улицы (фото 6). Причем сохранился он не по краям, а по центру абсиды, именно там, где должны быть Царские врата. Поэтому не исключено и то, что уровень пола в абсиде был не выше, а ниже пола наоса. Именно такую необычную особенность (как и сходную форму абсиды) мы наблюдали также в вырубном храме на выступе скалы западного края плато Эски-Кермена.

Неглубокие, но весьма отчетливые (до 0,06 м глубиной) «постели» кладки стены абсиды позволяют оценить ее толщину в пределах 0,64–0,9 м, а ширину слагавших ее каменных блоков в пределах 0,27–0,45 м, что мало похоже на «часовенку», проходившую по лежням. С правой (южной) стороны вырубное основание абсиды выходит непосредственно в обрез скалы, формирующий восточную сторону воротного проезда. С левой (северной) стороны основание абсиды выходит в ступенчатую выборку шириной 0,3-0,5 м – видимо, «постель» стены. Следует отметить, что уровень этой «постели» ниже, а ширина меньше, чем уровень «постели» внешнего края скалы (фото 3, 5), которая, напротив, после поворота в воротный проход сама обрывается в алтарную абсиду. Разница в уровнях составляет около 0,35 м (фото 7). Таким образом, у нас нет оснований полагать, что первоначальная линия «постели» внешней боевой стены проходила по одному уровню, и была разорвана вырубанием надвратного храма. Гораздо больше оснований предполагать, что абсида храма (или нечто, находившееся на этом месте) была вписана в структуру внешней стены, или же что внешняя стена и надвратный храм изначально строились как единое целое. При этом, как уже отмечалось, в месте поворота внешней стены внутрь воротного проезда угол скалы содержит в себе характерные ступенчатые выступы той же ширины, что и «постель» внешней стены – другими словами, часть каменной кладки внешней стены спускалась тут по скале до уровня земли.

2. Церковь на западной площадке (назовем ее «привратной») сохранилась намного лучше. Общий план ее (за исключением части абсиды) читается практически полностью (рис. 4, фото 8). Заметим, что план ЭКЭ, верный в целом, в деталях не вполне точен, поэтому мы произвели повторные обмеры памятника, которые и приводим ниже.

Западная стена имеет длину 1,9 м. От нее сохранилось скальное основание высотой от 0,1 до 0,27м (фото 9). В момент раскопок ЭКЭ на этом основании еще сохранялся in situ ряд тесаных камней кладки.

Основание южной стены высотою до 0,16м сохранилась на протяжении 1,8 м (фото 10). В месте его среза обрывом в полу сохранилось прямоугольное гнездо размером 0,14 х 0,15м – очевидно, для деревянной конструкции, дополнявшей рухнувшую часть.

Северная стена уцелела на высоту до 1,7 м (фото 11). Прекрасно сохранившиеся в полу и северной стене подрубки для крепления алтарной преграды определяют длину наоса храма по северной стене в 2,5м, в алтарной части стена сохранилась на 1,5 м.

Вдоль северной стены вырублена скамья высотой 0,45 м. Общая длина скамьи – 3,0 м, из них в алтарную часть заходит 0,6 м. Ширина скамьи: в северо-западном углу – 0,3 м, в середине наоса – 0,4 м, перед алтарной преградой – 0,36 м, в алтарной части – 0,4 м.

В середине северной стены наоса, на уровне скамьи, в стене находится дверной проем шириной 0,6 м и высотой 0,8 м, ведущий в «усыпальницу №68». Толщина стены у дверного проема – 0,18–0,2 м. Максимальная высота и глубина усыпальницы составляет 1,18 м, максимальная ширина – 1,9м. Усыпальница сохранилась полностью. Стена над проемом уцелела на высоту от 0,3 до 0,5м.

Собственно восточная часть храма не сохранилась и, судя по всему, обрушилась еще в древности, о чем говорят следы подпорок и каменных кладок. Однако над остатками алтарного закругления и далее вдоль воротного проема прекрасно сохранились «постели» каменной кладки (фото 12). Ширина «постелей» 0,3 и более метра, что, опять же, плохо сочетается с представлением о плохой, наспех выстроенной постройке.

От самого алтаря уцелела лишь небольшая часть первоначального алтарного закругления (0,56 м в направлении восток-запад и 0,25 м в направлении север-юг) (фото 13). В силу этого о престоле этого храма мы не можем сказать ничего. И все же внимательный анализ уцелевших остатков дает нам очень многое для понимания литургической планировки храма.

Прежде всего, это форма абсиды. Алтарное закругление начинается лишь на расстоянии 0,95 м за алтарной преградой. Общая длина уцелевшей части алтаря составляет 1,55 м, а с учетом радиуса закругления абсиды она могла превышать 2 м. Далее, если посмотреть на «западный» храм вдоль северной стены, то можно отчетливо видеть, что стена претерпевает два излома (фото 14). Как видим, план ЭКЭ здесь не вполне точен. Идущая от западного угла в северо-восточном направлении, она примерно через один метр изламывается в направлении на восток, что отражает характерную для некоторых крымских пещерных церквей тенденцию к символическому «довороту» алтарной части в восточном направлении. Мы говорим о символическом характере этого действия, ибо «стрела прогиба» в данном случае составляет всего 0,17 м на длине в 2,5 м. Однако за алтарной преградой стена испытывает перегиб в обратную сторону. Это очень хорошо видно также на теневой картине при касательном падении света (фото 2). Обратный поворот *всей* алтарной части к северу противоречил бы логике вышеупомянутого символизма. Поэтому есть все основания предполагать, что мы имеем тут остатки классической подковообразной абсиды, расширяющейся к востоку. Пол абсиды находится на одном уровне с полом наоса.

Синтрон в алтаре, судя по всему, отсутствовал, о седалище для священника сказать мы ничего не можем. Однако сразу же за алтарной преградой, на высоте 0,47 м над скамьей, сохранилась ниша шириной 0,4 м, глубиной 0,14 м и высотой 0,5м, которую мы можем интерпретировать как нишу протесиса (фото 15). Над нишей стена сохранилась на высоту 0,4 м.

Пожалуй, самое удивительное в планировке «западного» привратного храма – это отсутствие ясно видимых следов входа в него. На первый взгляд, логично посчитать площадку с вырубной гробницей, куда подымается вырубленная в скале лестница,

притвором храма. Так, в частности, полагал Е.В. Веймарн (см. Прим. 3). Однако с запада храм отделяется от площадки с вырубной гробницей скальным основанием стены. К тому же на плане ЭКЭ на этом основании еще сохранялись in situ тесаные камни кладки. В силу этого предположение о притворе приходится отбросить (поэтому и площадку с гробницей мы здесь не рассматриваем). Основание северной стены, врубленное в скалу, сохранилась на высоту от 0,9 до 1,7 м, и вход отсюда также невозможен. Остается южная стена, основание которой наиболее низкое (не более 0,16 м). Однако и здесь на плане ЭКЭ имеются остатки каменной кладки, а просвет между кладками в юго-западном углу узкий и выходит на лестницу боком, т.е. фактически, в обрыв. Единственное место, похожее на вход, представляет собой сильно разрушенное понижение основания южной стены в ее западной части шириной 0,52 м, хорошо видимое на фото 10 и плане ЭКЭ (рис. 4). Однако на плане и оно перекрыто рядом каменной кладки. Следовательно, напрашивается альтернатива: или каменная кладка южной стены, раскрытая работами ЭКЭ, носит позднейший характер и не относится к периоду функционирования «западного» храма. Или, как бы это ни выглядело невероятно на первый взгляд, вход в этот храм был только через алтарь. Нечто подобное имеется в пещерном храме в основании мыса Тешкли-бурун. Просматривается определенная аналогия также в парэкклисии «Судилища», куда вход осуществляется практически через алтарь последнего. Но если это так, то «западный» привратный храм в принципе не предназначался для посещения людьми, не имевшими духовного звания. Другими словами, он мог быть только монастырским.

Нам все-таки ближе первое предположение, в пользу которого говорит то, что кладка южной стены выполнена гораздо более мелкими камнями и лежит не на скальном основании стены, а на полу бывшего наоса. С нашей точки зрения, лестница, ведущая сейчас на площадку с вырубной гробницей, носит позднейший характер.

Таким образом, несмотря на плохую сохранность храмов, мы можем усмотреть между ними ряд различий (форма абсиды, уровень пола), которые позволяют нам предположить разновременность их создания.

Вернемся теперь к вопросу о конструкциях, несущих надвратный храм. Мы уже видели, сколь критически отнеслись Е.В. Веймарн и М.Я. Чореф к соображениям Н.И. Репникова о назначении гнезд в основании воротного проезда.

Еще более категорично выразился по этому поводу в своей работе, посвященной реконструкции оборонительных сооружений, Е.В. Веймарн, принимавший непосредственное участие в раскопках Эски-Кермена: «…Нам не кажутся убедительными утверждения Н.И. Репникова о том, что ворота Эски-Кермена защищались падающей решеткой (cataracta) и что в момент осады, для усиления сопротивляемости ворот, заводились «шандорные» брусья... Дело в том, что в обоих случаях в боковых вертикальных стенах скалы, перед воротами или за ними, должны были бы сохраниться вертикальные пазы вдоль всей высоты проема ворот. Таких пазов мы не находим. Взамен их перед воротами внизу, в высеченной в скале ступенеобразной обочине въезда (курсив наш – Н.Д.), имеются 5 пар выбоин, в среднем шириной 0,15 м и глубиной до 0,2 м (рис. 8). Они, безусловно, не могли использоваться ни для падающей железной решетки, ни для закладки «шандорных» брусьев. Это, скорее, место крепления подпорок, возможно, очень поздних, которые могли быть сделаны при ремонте свода арки ворот. *Возможно также, что это следы основания поздней часовни, устроенной над воротами, остатки которой в виде высеченной в скале алтарной части сейчас хорошо видны в верхней восточной стене воротного проема* (курсив наш – *Н.Д.*). Предположить, что для устройства пазов, по которым скользила бы решетка, сооружалась какая-либо каменная кладка, у нас также нет оснований: для подобной кладки в проезде даже нет места» [10, с. 19–20].

Но как же, в таком случае, попадали в надвратную церковь? А именно это мы считаем тем трудным и неудобным вопросом, на который не смог (или не захотел) ответить Н.И. Репников.

Из плана ЭКЭ следует, что с востока это полностью исключалось: храм был врублен в восточную стену надвратного коридора только своей абсидой, пол которой, к тому же, оказывался намного ниже поверхности скалы. Не могло быть входа туда и с запада: прямо в западную стену надвратной церкви упиралась абсида «храма с усыпальницей». А любая попытка организовать лестничный вход снизу или с юга неизбежно перегородила бы проезд.

Поэтому реальными нам представляются только два варианта.

1. Храм с усыпальницей был построен позже надвратного, на месте входа в последний. Такое предположение нельзя отбросить хотя бы потому, что, как мы видели, алтарные абсиды храмов различны по форме, а, следовательно, скорее всего, построены разными артелями и, возможно, в разное время. Не противоречит этому предположению и литургическая планировка храма: ниша протесиса расположена в алтарной абсиде без выдвижения темплона в наос, что соответствует храму типа II.2 по классификации [13, с. 75], т.е. относится к XII–XIIIвв. Тогда это означает, что «восточная» надвратная церковь к тому времени уже не существовала, и, следовательно, была старше предметов, найденных в усыпальнице № 68 и датированных Н.И. Репниковым началом второго тысячелетия. Поэтому возникает вопрос, действительно ли надвратный храм мог быть построен только «после сноса крепостной ограды». Ведь «процесс укрепления храмовых комплексов и монастырей начался с VI в.» [27, с. 172].

2. Некоторое время храмы функционировали одновременно. Но тогда вход в надвратный храм мог осуществляться только с севера – из перекрытия над воротным проездом, то есть, другими словами, из надвратной башни или ее остатков[9].

И здесь нас поджидает еще один сюрприз. Дело в том, что из плана ЭКЭ, на котором зафиксирован находившийся in situ нижний ряд камней надвратной башни [6, л. 2] (рис. 1), явственно следует, что храм располагался ***перед*** ее основным массивом, там, где Е.В. Вемарн предполагал «боевые площадки», а вовсе ***не*** «на остатках этой башни», как утверждал Н.И. Репников.

Однако такой ответ на заданный нами «неудобный» вопрос сразу же влечет за собою необходимость уяснить, какая же конструкция (если не остатки башни) несла на себе надвратную церковь.

Чертежи поверхности скалы [6, л. 2] и внутренних помещений [6, л. 7] выполнены сотрудниками ЭКЭ отдельно, что затрудняет взаимную привязку пещерных и наземных объектов. При этом первый чертеж не содержит поверхности дороги, в том числе и гнезд для предполагаемой катаракты и шандорных брусьев (рис. 2). Однако они хорошо читаются на другом чертеже – плане пещерных сооружений у городских ворот, на котором, в свою очередь, отсутствуют надвратные храмы. Мы попытались наложить эти чертежи друг на друга (рис. 3). Несмотря на некоторое расхождение, вызванное неточностями в составлении планов, на сводном чертеже прекрасно видно, что система гнезд под деревянные конструкции по своему местонахождению совершенно не совпадает с положением абсиды надвратной церкви, а по своей ширине могла бы поддерживать, в лучшем случае, северную треть ее наоса. Это отнюдь не ошибка чертежа – то же самое имеет место и в натуре (фото 4). Вызывает недоумение и еще одно обстоятельство: глубина и тщательная отделка алтарной абсиды плохо ассоциируется с легким, едва ли не временным, храмиком («возможно, деревянным», «часовенкой»), фундаментом которого служили бы «лежни».

Что же, в таком случае, служило основанием надвратного храма?

[9] Литургической планировке церкви это не противоречит. Так устроен, например, пещерный храм св. Софии в Качи-Кальоне.

Как на сводном плане рис. 3, так и на фото 1 и 4 отчетливо просматривается та «ступенеобразная обочина», о которой писал Е.В. Веймарн. На плане она формирует ясно видимое сужение проезда, расширяющегося только под башней. По нашему мнению, эта ступенька была ***основанием каменного свода***, перекрывавшего воротный проезд и несущего на себе надвратную церковь. В пользу этого предположения говорит также тот факт, что на фото 3 и 4, в южном углу обреза скалы, ясно видны ступенчатые постели крупных блоков каменной кладки, идущие сверху до самого основания. То есть оборонительная стена в этом месте не просто «упиралась в разрез скалы» и «загибалась по линии прохода», но и спускалась в этот проход, обрамляя угол и, вероятно, формируя въездной портал. Очевидно, именно этот «складенный из камней свод» видел в ходе своего путешествия «крымский судья» П. Сумароков. Утвержденная на ***каменном*** своде надвратная церковь буквально воплощала евангельское обетование: «на сем ***камне*** создам Церковь Мою, и ***врата*** ада не одолеют ее» (Мф, 16:18). Таким образом, надвратный храм, прообразующий собою ***врата Рая***, в символическом плане противопоставлялся «***вратам ада***» и утверждал неодолимость первых. Под вторыми же самым естественным образом понимались враги христианской веры или христианского населения города.

Следовательно, нет никаких оснований полагать, что надвратный храм в системе обороны города был явлением вторичным, возникшим «после упразднения крепостной ограды». Скорее, напротив – с ветхозаветных времен любые физические средства защиты, не подкрепленные действием благодати Божией, в глазах человека имели весьма относительную ценность. Постоянным рефреном проводится эта мысль в Псалмах Давида: «Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь — твердыня моя и прибежище мое» (Пс. 17:1-2); «С Тобою я поражаю войско, с Богом моим восхожу на стену» (Пс. 17:29); «Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего?» (Пс. 17:31) и т.д. Парафраз этих цитат не случайно вошел и в песнопения православной утрени: христианское мировосприятие полностью сохранило преемственность этих представлений. Многочисленные сказания о победах в битвах или избавлениях от нашествий, дарованных при участии чудотворных икон – наглядное тому свидетельство (и напротив: «будь хитрым, будь гораздым, а Божьего суда не минути», – говорит вещий Боян в «Слове о полку Игореве»). И здесь уместно вспомнить, что один из списков образа Божией Матери Одигитрии получил название Портаитиссы, то есть Вратарницы (Богоматерь Иверская) [21, с. 267], а сама Богородица в Акафисте именуется «вратами Рая», «честного таинства дверями» и «дверями Спасения» [21, с. 266] и, в то же время, "Стеной Нерушимой", «Защитительницей градов» [21, с. 265] (отсюда посвящения надвратных церквей Пресвятой Богородице и размещение на вратах Ее икон). Так, «различные по иконографии образы, связанные с Влахернским храмом, несли функции оборонительные (Одигитрия), наступательные (Никопея), охранительные (Оранта), … а сама Богоматерь со временем стала выступать как покровительница воинов и «неодолимая сострагегисса» – совоеначальница, «необоримый щит» императора в борьбе с врагами, призванный обеспечить ему военный успех» [27, с. 173]. В очередной раз напомним, что, поскольку подобные эпитеты являются ***символами***, а не метафорами, то человек средневековья воспринимал их в ***буквальном***, а не переносном, смысле слова[10]. Так, именно реликвиям, связанным с храмом Влахернской Божией Матери, «ромеи приписали… избавление

[10] Как известно, символ сущностно выражает гораздо больше того, чем он выглядит для непосвященного. Что же до метафоры, то ее чеканное определение по-английски звучит “as if but not” («как если бы, но не»), то есть это, по сути, – пустышка, обманка, ***личина***. Поэтому люди порой умирают и убивают ради символа (будь то знамя, деньги или нательный крест), но не готовы на это ради метафоры. Между тем, современная жизнь становится все более метафоричной, классическим примером чего является «виртуальная реальность». Поэтому нам все труднее понимать психологию глубоко верующего человека, для которого ««да» – «да», «нет» – «нет», а прочее – от лукавого» и для которого «диавол – отец всякой лжи».

столицы от осады аваро-славянскими и персидскими полчищами 7 августа 626 г.» [27, с. 173].

Но и это еще не все. Как мог заметить читатель по ссылкам в примечаниях, мы в своих интерпретациях постоянно обращаемся к работе М.М. Никитенко, которую считаем выдающимся явлением в современной церковной археологии, и вот почему. Помимо великолепного анализа символико-функциональной роли надвратных храмов, она обладает еще одним бесспорным достоинством. Не устанем повторять, что одним из главных критериев правдоподобия высказываемой гипотезы является ее предсказательная способность. Объяснить задним числом можно почти все, а, в особенности, единичный факт. Гораздо труднее разработать модель, которая впоследствии работала бы на целом классе явлений или объектов. Как раз такой представляется нам упомянутая работа, которая посвящена надвратным храмам древнего Киева и в которой ни слова нет об Эски-Кермене. Тем не менее, все приведенные в ней соображения, как мы видели, в полной мере приложимы к последнему. Однако из этой модели, возможно, вытекает еще более интересное следствие.

До сих пор мы говорили о ***городских*** воротах. Однако своей работе М.М. Никитенко подробно касается и вопроса о роли надвратных (привратных) церквей и привратников в ***православных обителях*** согласно нормам Студийско-Алексиевского монастырского устава: «В ктиторской или дисциплинарной части устава присутствует глава под названием "О странноприимниках", где речь идет о монастырских вратах, о служащих при них "странноприимниках" или привратниках и о правилах входа на территорию обители. В уставе говорится, что монастырские ворота должны охраняться четырьмя "старыми" и "целомудренными" мужами, отличающимися послушанием… Они не должны позволять даже "благоговейным мнихам" без повеления игумена выходить из монастыря …*Один* из них должен сидеть *у внешних врат*, не имея права никуда от них отлучаться, *а трое других – пребывают у внутренних врат*. Внутренние врата монастырского входа называются в уставе утренними, то есть, как думаем, восточными, в отличие от внешних – западных, у которых должен безвыходно сидеть первый вратарь. *Возможно, внешние ворота отделялись от внутренних коридором в толще монастырского портала* …

…Когда первый "странноприимник", сидевший у внешних врат, начинал принимать приходящих, он громко сообщал трем другим привратникам о желающих пройти в монастырь. В свою очередь, трое "странноприимников", находившихся у внутренних врат, узнавали у игумена и у монахов, к кому из них эти люди пришли. Затем, взяв небольшую часть собравшихся… двое из трех "странноприимников" вели их в церковь для молитвы, а третий монах продолжал пребывать у внутренних врат. *Очевидно, церковь находилась вблизи монастырских ворот или же над ними, так как вход в нее предшествовал входу в монастырь*. Так, согласно уставу, только после того, как прошедшие монастырскими воротами помолятся в церкви, двое ранее сопровождавших их привратников берут часть из них и ведут в монастырь, а оставшиеся в церкви "о себе свою молитву исполняют" (в цитате везде курсив наш – *Н.Д.*)…» [21, с. 270–271]

Эта пространная цитата с невероятной для простого совпадения точностью описывает структуру сооружений в районе городских ворот Эски-Кермена.

Вспомним, что ворот на южном участке обороны первоначально было трое (А, Б и В на рис. 1). Считается, что, вместе с протейхизмой, формировавшей ***коридор***, по которому проходил последний марш подъездной дороги, они были снесены в результате карательной акции хазар после неудачного восстания Иоанна Готского. Но вот что интересно. В 10 метрах впереди ворот Б (упором для створок которых был своеобразный «лежачий полицейский», вырубленный из скального основания и великолепно сохранившийся до настоящего времени) расположен известный ***«пещерный храм у городских ворот»***, именуемый еще «Малым». Отличительной особенностью этого храма, который традиционно

считается «погребальной часовней» [20, с. 42], является наличие ***трех лежанок***, вырубленных в камне. Одна из них, к тому же, расположена в отдельном помещении (рис. 6). Н.Е. Гайдуков полагает, что южный компартимент «Малого храма» представляет собой «не просто склеп, а небольшой мавзолей, скрывавший останки некогда чтимого усопшего». «В основании южной конхи находится не полукруг, а опять-таки прямоугольная лежанка», – продолжает он далее. – «Кроме того, в самом храме в северной части находится широкая «лежанка», высотой около метра. Такая «лежанка» вполне могла использоваться при отпевании усопших. Три лежанки на такой небольшой храм – не слишком ли это много? В соответствии с этим и храм можно представить себе как кладбищенский» [15, с. 200]. Однако, если в данном храме располагались ***трое*** привратников «внутренних врат», то его внутреннее устройство (включая отдельную «комнату отдыха») как раз было идеально приспособлено для этой цели!

В этом случае сразу же находит свое объяснение и одна любопытная особенность комплекса «Большого» пещерного храма. Как известно, этот храм высечен ***на двухметровой высоте над подъездной дорогой – и тоже в 10 метрах перед городскими воротами*** (на этот раз, перед воротами А). К северу от него, на расстоянии 3,2 м в скале вырублена пещера максимальной глубиной 1,55 м, максимальной шириной 1,7 м и максимальной высотой 1, 65 м. (фото 7), которая соединяется с храмом вырубленным в скале карнизом шириной 0,6-1,0 м (фото 8,9). Вдоль карниза проходит выступ в виде ***скамьи*** шириной 0,4–0,45 м и высотой 0,54–0,6 м. Как из пещеры, так и со скамьи великолепно просматриваются все три марша подъездной дороги. При этом лесенка, ведущая с дороги в храм, подходит не к нему самому, а именно к пещере, которую Н.И. Репников считал кельей, несмотря на ее крайне неудобные для этого применения размеры [26, с. 118]. В другой нашей работе, посвященной данному вопросу[11], мы характеризуем это помещение как предполагаемый скевофилакий. Однако не исключено, что позднее, после переноса зоны протесиса в храм, оно могло использоваться и как помещение для привратника «внешних» врат. Для этой цели (а также, при своей трехметровой длине, и для прибывших странников) подошла бы и скамья перед «Большим» храмом, а сам храм (и по размерам, и по своему расположению) представлял собой идеальное место для тех, кто «о себе молитву исполнял» в ожидании своей очереди быть проведенными за ворота.

Поэтому не исключено, что «внешние» ворота (А) располагались у «Большого», а «внутренние» (Б) – у «Малого» пещерного храма. Но, в таком случае, либо храмы существовали еще до предполагаемого разрушения крепостных стен хазарами в 790 г., либо ворота продолжали существовать после высекания храмов на подъездной дороге, т.е. тотального «сноса» оборонительных стен попросту не было, что хорошо согласуется с предположением А.И. Айбабина [2, с. 47].

Как мы видим, структура комплекса сооружений подъездной дороги и южных ворот до мельчайших деталей отвечает требованиям Студийского устава.

Напомним также, что еще в 2002 г. Н.Е. Гайдуков показал полное соответствие Студийскому уставу архитектурного облика пещерного монастыря Челтер-мармара, находящегося в непосредствееном соседстве с Эски-Керменом [14, с. 115–120].

Наконец, мы не можем не обратить внимание еще на один очень важный, по нашему мнению, момент. Мы уже упоминали о том, что на территории, непосредственно примыкающей к городским воротам было целых девять храмов. Однако предшествующие исследователи, насколько нам известно, не обращали внимание на их взаимное расположение. Между тем, именно оно формирует структуру сакрального пространства комплекса городских ворот, или, говоря в субъективном ключе – структуру эмоционального и нравственного воздействия на человека, входящего в город. В частности, М.М. Никитенко

[11] См. нашу статью о литургической планировке триконхиальных церквей Эски-Кермена в настоящем сборнике [16, с. 187-207].

подчеркивает, что «воспринимая вход в монастырь, как переход души в вечность, а подъем крутыми ступенями в надвратный храм – как прохождение воздушных мытарств, человек должен был ощущать глубокое покаянное чувство… Учитывая вышесказанное, видим, что процесс прохождения монастырских врат был умышленно затруднен и к тому же глубоко символичен… Храм, находившийся либо вблизи монастырских ворот, либо над ними, имел величайшее нравственное воздействие на приходящих в монастырь. Молитва в храме должна была настроить их на добро, помочь освободиться от греховных помыслов, а может быть и намерений, очиститься, так как вход на территорию обители воспринимался входом в алтарь или в Царство Небесное» [21, с. 272–273]. Именно такое чувство, по нашему мнению, должны были вызывать у прибывающих в город храмы, расположенные ***буквально на каждом повороте*** подъездной дороги. На рис. 1 отлично видно, что поворот с первого марша подъездной дороги на второй с двух сторон фланкирован вырубными храмами («часовнями», по терминологии Н.И. Репникова) и расположенными между ними гробницами.

Первый храм, как обычно считают, практически не сохранился, возможно, потому, что ему посвящено лишь несколько строчек в описании Н.И. Репникова [25, с. 22]. Из графических материалов по этой «часовне» нам также удалось найти лишь черновик полевого чертежа плана подъездной дороги, снятого ЭКЭ [8, л. 2], фрагмент которого мы приводим на рис. 7. Как видим, храм на нём изображён пунктиром.

Нам удалось найти его. К нашему удивлению, он оказался практически в идеальной сохранности, если не считать отколотого краешка алтарной абсиды. Сохранилась даже часть древнего престола. Поэтому мы считаем необходимым привести здесь его описание и, таким образом, ввести его в научный оборот.

Церковь, основание которой вырублено в скале, расположена в глыбе, отколовшейся от основного массива скалы и рухнувшей в долину. Поэтому современное положение храма совершенно не соответствует тому, которое обычно (со времён Н.И.Репникова) указывают на плане подъездной дороги (см. рис.1) – там изображают его ***первоначальную*** локализацию. К тому же вокруг вырос плотный слой растительности, маскирующий остатки церкви. При этом она находится буквально в 30 метрах от щита, размещённого у въезда на Эски-Кермен и регламентирующего правила поведения на городище, т.е. расположена у всех на виду. Современное положение глыбы таково, что основание храма круто наклонено относительно земли. Вдоль продольной оси уклон составляет 23 градуса (алтарной частью вниз), поперечный крен наоса равен 40 градусам (бывшей «северной»[12] стороной кверху). Суммарный уклон пола достигает 50 градусов[13], поэтому удержаться на его поверхности невозможно.

План храма привён на рис. 8, его общий вид – на фото 16 (перспектива снимка сильно преувеличена сверхширокоугольной оптикой, которая только и позволила его сделать).

Скальное основание «северной» стены наоса (фото 17) сохранилось на протяжении 1,7м (из них на протяжении 1,15м от «северо-восточного угла» наоса – в первоначалном виде, а далее – в частично разрушенном) и на высоту до 0,63м. В «западном» направлении к ней примыкает хорошо видимая «постель» прямоугольного тёсаного камня. Длина «постели» 0,54м, ширина 0,6м. На расстоянии в 1,2м от окончания скальной стены в «западном» направлении просматривается слабое поперечное углубление (очевидно, «постель» кладки), возможно отмечающее бывший «северо-западный» угол помещения. Аналогичное углубление, возможно, отмечающее «западную» стену храма проходит на расстоянии 3,25м от начала алтарной абсиды. Сама «западная» стена не сохранилась.

---

[12] Здесь и далее мы применяем термины, относящиеся к традиционной, «литургически правильной» ориентации храма (до его опрокидывания) и потому берём их в кавычки.

[13] Измерения проводились с помощью лазерного дальномера BOSH GLM80, имеющего встроенный датчик угла с ценой деления 0,1 градуса.

«Южная» скальная стена наоса уцелела на протяжении 2,55м и на высоту 0,7м (фото 18).

Ширина наоса равна 2,64м по уровню пола и 2,95м по уровню кромки «северной» стены.

В стенах отчётливо видны подрубки для крепления алтарной преграды. В «северной» стене это гнездо подпрямоугольной формы шириной 0,19м, высотой 0,18 м и глубиной 0,15 м, расположенное на уровне пола на расстоянии 0,26м от «северо-восточного» угла. В «южной» стене это вертикальный паз шириной 0,14м, который в нижней части у пола расширяется до 0,17м. Глубина паза в нижней части – 0,08м, в средней части – 0,05м, в верхней части стены он сходит на нет.

Алтарная часть имеет ярко выраженную асимметричную форму (фото 19). С «южной» стороны в нем имеется сидение для священника практически треугольной формы, высотой 0,43 м. Причём, если обычно такое сидение вдаётся из стены в абсиду (как это имеет место, например, в храме «Трёх всадников»), то здесь впечатление такое, словно первоначально седалище или вообще не было предусмотрено, или его забыли вытесать, а позднее для его устроения верхнюю часть абсиды в этом месте растесали. В результате абсида приняла странную яйцеобразную форму: алтарное полукружие примыкает к «восточной» стене наоса на расстоянии 0,54м от «северо-восточного» угла наоса и всего лишь в 0,08м от «юго-восточного» угла (по уровню сиденья). Асимметрично расположен и престол: по уровню пола он расположен на расстоянии 0,62м от «северной» стены абсиды и в 0,8м от «южной». Ещё больше расхождение в верхней части: 0,61 и 0,88м соответственно. «Северная» стена абсиды сохранилась на высоту в 0,54м и на длину 0,97м, «южная» – на 0,63м и 1,16м соответственно. «Восточный» край абсиды отломан. Наибольший диаметр абсиды по уровню сидения составляет 2,24м.

Общую длину храма, таким образом, предположительно можно оценить в 4,5м.

Престол храма был вытесан из скалы как единое целое с абсидой и сохранился на высоту до 0,48м при ширине в 0,54 м и длине в «восточном» направлении в 0,41 м. Его передняя («западная») грань углублена в алтарную абсиду на 0,42м. Верхняя и «восточная» части его разрушены природным воздействием. Со стороны наоса поверхность сохранилась хорошо, тёска чистая. В нижней части «северо-западного» и «юго-западного» углов сохранились первоначальные фаски шириной 0,04-0,07м.

Судя по всему, храм был перекрыт плоским черепицами грубой работы. Целые черепицы, как и штучный камень, вблизи храма отсутствуют – очевидно, они были выбраны уже давно.

В 0,66м от «южной» стены храма, параллельно ей, в скале вырублена могила, в которой просматриваются остатки перемешанных с землёй человеческих костей.

Второй из этих вырубных храмиков (с усыпальницей), как мы уже говорили в начале нашей статьи, описан Н.И. Репниковым детально [24, с. 189; 25, с. 22–25]. Однако мы не можем отказать себе в удовольствии привести в нашей работе составленный еще в 1930г. Е.В. Веймарном план этого храмика [5, л. 5], доселе неопубликованный (рис. 9), и фотографию его современного состояния (фото 20). Над поворотом со второго на третий марш[14] нависает вырубленный в скале так называемый «башенный каземат». Е.В. Веймарн подробно рассмотрел его с точки зрения боевых возможностей, но ни словом не упомянул о том, что его верхняя площадка была увенчана храмом. Одним предложением об этом ограничивается и Н.И. Репников [24, с. 187]. Насколько нам известно, это второй из вырубных (не пещерных) храмов Горной Таврики, сохранивших до нашего времени in situ

[14] Строго говоря, при описании подъездной дороги обычно рассматривают только ту её часть, которая была высечена в скале, и соответственно отсчитывают номера маршей и поворотов. Однако в систему обороны входил и ровный грунтовый участок дороги: башенный каземат в действительности расположен не над «вторым», а как раз над «нулевым» поворотом, где грунтовый, ровный участок дороги переходит в первый марш вырубленнго в скале собственно «подъёмного» её участка.

основание первоначального престола. Поскольку этот храм относится уже к началу западной оборонительной стены, мы предполагаем посвятить этому вопросу отдельную работу и ограничиваемся здесь тем, что приводим его план по материалам ЭКЭ (рис. 10) [5, л. 2] и фотографию его современного состояния (фото 21). Наконец, над последним поворотом с третьего марша к воротному проезду располагался уже известный нам храм с усыпальницей № 68, а перед ним, на последнем марше, находились «Большой» и «Малый» храмы у первых и вторых ворот. Напомним, что во все времена поворот дороги символизировал, в том числе, и поворот жизненного пути. Поворотам, углам и перекресткам приписывалось магическое значение. Символизм этот отражен, в том числе, и в евангельском образе «краеугольного камня». Поэтому каждый поворот подъездной дороги, обрамленный храмом, и каждые из ворот, также предваряемые храмом, не могли восприниматься иначе, как ступени вышеупомянутой «лествицы духовного совершенствования», как ступени покаяния. На это же настраивала и длинная вереница гробниц и усыпальниц, как бы преподносящих приезжим известное монашеское назидание: «Мы были как вы, а вы будете как мы». Впрочем, у этих «ступеней» был и еще один, сугубо практический аспект. Несомненно, что вся подъездная дорога хорошо просматривалась и постоянно контролировалась. Поведение путника при следовании мимо очередной святыни для внимательного наблюдателя могло сказать очень многое, как и его молитва в привратном или надвратном храме. В известном смысле слова, это был неплохой «детектор лжи», позволявший составить предварительное впечатление о вере, обычаях, нраве, а, может быть, и намерениях пришельца.

Так чем же был, в таком случае, участок Эски-Кермена у южных ворот – городским «укрепрайоном» или монастырем?

Как отмечает Айбабин, «…с конца IX в. в южной части городища начали вырубать *пещерные храмы. На его территории не обнаружены другие сооружения IX-X вв.* (курсив наш – *Н.Д.*)». «На некрополе на склоне со второй половины IX в. уже не хоронят в подбойных могилах и склепах, типичных для раннего средневековья. С рубежа IX-X вв. здесь вырубали гробницы и склепы, *аналогичные по форме камеры церковной усыпальницы*» (курсив наш – *Н.Д.*) [2, с. 48].

По нашему мнению, массовое храмостроительство при отсутствии других построек, кроме церковных, с одновременным введением монашеского погребального обряда и сакрализацией околовратного пространства в соответствии с нормами Студийского устава может иметь единственное правдоподобное объяснение: на рубеже IX-X вв. на основе инфраструктуры южного узла обороны Эски-Кермена возникает крупный общежительный монастырь.

Поскольку «Алексиевская» версия Студийского устава была создана лишь в XI столетии, то материальное свидетельство жизни возникшей до этого момента обители именно по Студийскому уставу (как минимум, в его в дисциплинарной части) – явление весьма примечательное. Вряд ли это можно считать случайностью – ведь тесные связи еще самого св. Феодора Студита с крымским монашеством зафиксированы документально. Существенно также, что само признание основания монастыря на Эски-Кермене никак не связано с принятием или отвержением «иконоборческой гипотезы», поскольку это событие относится, по-видимому, уже к периоду «Торжества Православия»[15].

[15] «Прибывшие в Таврику в конце VIII – начале IX вв. монахи-иконопочитатели своим духовным наставником считали преподобного Феодора Студита. Об этом свидетельствует, например, направленное в 821 г. преподобным Феодором «Письмо к епископам, сосланным ради Христа в Херсонес»… Преподобный Феодор Студит обращается с напутствиями и к отправляющимся в Крым монахам», – пишет архимандрит Августин [1]. В этом контексте образование обители по заветам «духовного наставника» представляется вполне логичной. Совершенно иначе видят ситуацию, цитируя *это же* письмо, Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов и А.К. Шапошников: «В письме к своим соратникам, сосланным после восстановления иконоборчества в Херсон (821 г.), Феодор Студит пишет: "...мне кажется... что и для спасения тамошних жителей устроена ссылка ваша... ибо

Структуру этой обители еще предстоит установить. Однако в самом образовании такого монастыря мы не видим ничего исключительного: по-видимому, нечто подобное имелось на северном склоне городища Тепе-Кермен [12, с. 13–35; 23, с. 93, 98]. Причем существует обоснованная точка зрения, что особым послушанием у монахов этой обители была организация связи световыми сигналами с пещерной «часовней» Баклы, т.е. другая, но тоже караульная функция[16]. А.Ю. Виноградов и Н.Е. Гайдуков полагают, что «монахи с их длительными богослужениями идеально подходили для постоянного контроля за сигналами с Баклы», в особенности «акимиты – «неусыпающие» с их уставом непрестанного бдения» [12, с. 31]. Предполагается, что и у южных ворот Чуфут-Кале также располагался монастырь [11, с. 49–56; 22, с. 58–59; 30, с.62–63].

По-видимому, укрепления Эски-Кермена в конце VIII в. если и пострадали[17] (об этом говорит, в частности, наличие квадров боевой кладки в составе лестницы, ведущей в «Большой пещерный храм» [25, с. 26]), то лишь частично – ведь даже точка зрения Н.И. Репникова о возможности создания расположенного неподалеку храма «Успения» только после сноса оборонительной стены в настоящее время подвергается пересмотру [20, с. 48]. Пришедшие на это место монахи восстановили и максимально использовали сохранившуюся инфраструктуру, что было как нельзя кстати. «В упомянутые годы (*833–842 гг. – Н.Д.*) византийская администрация в процессе организации фемы Херсона возвращается на Эски-Кермен. По мнению А.Г. Герцена, в этот период *укрепляется оборонительная система городища и высекаются новые пещерные казематы* (курсив наш – *Н.Д.*)» [2, с. 48], а лучших караульных, чем монахи, найти было трудно: «Следует также принять во внимание, что монастыри, находившиеся за городскими стенами, как правило, служили одновременно передовыми сторожевыми крепостями – фрурами», – пишет С.Б.Сорочан [27, с. 170]. При этом «усилению влияния византийской церкви в Готии способствовали проповеди Константина Философа, который около 860 г. посетил Херсон и Готию, направляясь в Хазарию» [2, 48]. Не он ли и основал на Эски-Кермене столь значительную впоследствии обитель? Но здесь мы уже рискуем вступить на зыбкую почву ничем не обоснованных предположений.

Подведем итоги. Воспринимавшиеся нашими предшественниками как вторичные и малозначительные, надвратные храмы Эски-Кермена сами по себе плохо сохранились,

---

прибыв (туда), вы явились светильниками для находившихся во мраке и заблуждении в жизни, руководителями слепых, учителями добродетели, проповедниками благочестия, наставниками против совершенных здесь против Христа страшных дерзостей"... Учитывая религиозно-политическую обстановку того времени, несомненно, что гнев Феодора Студита вызвали силы, чуждые ему идеологически, то есть иконоборцы… В письме к архимандриту Готскому Феодор Студит укоряет его в том, что в Готии вообще и он в частности не знают учения Василия Великого, которое является сводом законов для византийского монашества… Из этого послания мы узнаем о практическом отсутствии традиций монастырской жизни в Таврике… Таким образом, Феодор обвиняет местных архиереев и монахов в отходе от истинной веры, подчиненности светским властям. То есть фактически в приверженности ереси» [19, с. 168–169]. Но очевидно, что и в этом случае – для «укоренения христианского мировоззрения» «сверху», т.е. после «возвращения византийской администрации на Эски-Кермен», о чем пишет А.И.Айбабин [2, с. 48], не было лучшего средства, чем организация крупного общежительного монастыря с жестким уставом.

[16] См.: [23, с. 92]. Согласно устному сообщению В.А. Петровского, установленная в окне алтаря «храма с баптистерием» на Тепе-Кермене обыкновенная зажженная свеча хорошо просматривалась темной ночью из окна баклинской пещерной церкви.

[17] Вопрос о том, кто это в действительности сделал, выходит за рамки данной работы. Отметим лишь, что чисто демонстративный характер репрессивных мер после восстания Иоанна Готского (казнь 17 неповинных рабов) вызывает сомнения в столь тотальном характере хазарской карательной акции, как полное срытие городских укреплений. А.М. Фарбей полагает, что арест Иоанна Готского был, в действительности, акцией монофелитских властей Херсона, стремящихся помешать его присутствию на VII Вселенском соборе [28, с. 364]. А.И.Айбабин также сомневается в сносе городских стен, а разрушение (790 г.) эски-керменской базилики приписывает Бравлину [2, с. 47]. Подробно этот вопрос дискутируется в упомянутой работе Ю. М. Могаричева, А. В. Сазанова и А. К. Шапошникова [19].

невелики по размерам и, действительно, не обладают особыми архитектурными и художественными достоинствами. Однако их рассмотрение совместно в архитектурно-градостроительном и в церковно-археологическом контексте влечет за собой целый ряд вопросов, отвечая на которые, мы с неизбежностью приходим к проблеме реконструкции целостной структуры сакрального пространства всего участка подъездной дороги. А это, в свою очередь, приводит нас к обоснованному предположению о существовании на южном участке обороны Эски-Кермена крупного общежительного монастыря. С нашей точки зрения, это говорит о продуктивности предложенного подхода. В мировоззренческом же плане мы приходим к очень важному выводу. *В полном соответствии с целостным православным миропониманием, стремящимся к освящению реальности во всех ее проявлениях, комплекс южных ворот Эски-Кермена отнюдь не являлся только лишь «памятником материальной культуры» – первоклассным фортификационным сооружением своего времени. В конце 1-го и начале 2-го тысячелетия происходит сакрализация всего окружающего этот комплекс пространства, что в церковно-историческом смысле знаменует собой Торжество Православия, а в символическом – его конечную неодолимость. Полемизируя с предшествующими исследователями, утверждавшими, что в этот (и последующий) период Эски-Кермен функционировал как «неукрепленное поселение», мы беремся предположить, что именно тогда его уцелевшие укрепления получают качественно иное значение – они становятся не только средством физической защиты, но и подлинной твердыней Веры и оплотом Православия в Крыму: «Веселится о Тебе Церковь Твоя Христе, зовущи: Ты моя крепость Господи, и прибежище и утверждение».*

Список использованной литературы

1. Августин, архимандрит. Студийский монастырь и древняя Русь (из истории русско-византийских церковных связей) // Альфа и Омега. 2008. №3 (53) // URL: http://aliom.orthodoxy.ru/arch/053/avg53.htm (дата обращения: 29.07.2011).
2. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ, 1991. Вып. II.
3. Архив ИИМК, ф. 2, оп.1, 1928г.
4. Архив ИИМК, ф. 2, оп.1, 1929 г., д. 214.
5. Архив ИИМК, ф. Р-I, д. 125.
6. Архив ИИМК, ф. Р-I, д. 121.
7. Архив ИИМК, ф. 2, 1930 г., д.127.
8. Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 288.
9. Архив КРУ БИКЗ, фонд 10а, документ 80/4.
10. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
11. Веймарн Е.В., Чореф М.Я., Чореф М.М. К вопросу о существовании раннесредневековой пещерной церкви в районе Южных ворот Чуфут-Кале // Sacrum et Profanum III. Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. С. 49–56.
12. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е. Тропа над пропастью: Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2004.
13. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. №1.
14. Гайдуков Н.Е. Пещерная киновия Чилтер-Мармара в Крыму // РА, 2002. № 3.
15. Гайдуков Н.Е. Сакральное пространство и литургические устройства в доиконоборческих пещерных храмах Юго-Западной Таврики // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., «Индрик», 2006.

16. Днепровский Н.В., о. Виктор (В.А. Шкурдода). К вопросу о первоначальной литургической планировке триконхиальных пещерных церквей Эски-Кермена // МАИАСК, 2011. Вып. III.
17. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.
18. Из истории русско-византийских церковных связей) / /Альфа и Омега. 2008., №3 (53) // URL: http://aliom.orthodoxy.ru/arch/053/avg53.htm (дата обращения: 29.07.2011).
19. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма "хазарского периода". Симферополь, 2007.
20. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
21. Никитенко М.М. Символико-функциональная роль надвратных храмов древнего Киева // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2005. Вып. II.
22. Панченко К.С., Чореф М.М. К истории одной пещеры Чуфут-Кале // Матеріали Восьмої Міжнародної наукової конференції «Церква – наука – суспільство: питання взаємодії». Київ, 2010. с. 58–59.
23. Петровский В.А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
24. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8.
25. Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена // Материалы Эски-Керменской экспедиции. ИГАИК. М. – Л.,1935. Вып.117.
26. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8.
27. Сорочан С.Б. О византийском принципе перенесения сакрального пространства на примере херсонского храма Богоматери Влахернской // Древности. Харьков, 2009. Вып. 8.
28. Фарбей А.М. Взаимоотношения Византии и Хазарии в контексте церковной истории // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2004. Вып I.
29. Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. СПб., 2004.
30. Чореф М.Я., Чореф М.М. Культовый комплекс у Южных ворот Чуфут-Кале // Матеріали Восьмої Міжнародної наукової конференції «Церква – наука – суспільство: питання взаємодії». Київ, 2010.

Summary

It is not the first decade of archaeological research is the Eski-Kermen. However, scientists usually only pay attention to material culture, virtually ignoring religious complexes. For example, the appearance of temples in the South Gate and is now considered an indicator of the decline of traditional Byzantine fortress architecture. The only explanation for this situation are the traditions of Soviet archaeological school. The aim of our research is both proper description and introduction to the scientific revolution of the monastery complex at the South Gate of Eski-Kermen, and attract the attention of researchers to study the problem of early medieval religious buildings of the «cave towns».

Фото 1. Комплекс подъездной дороги и южных ворот Эски-Кермена.

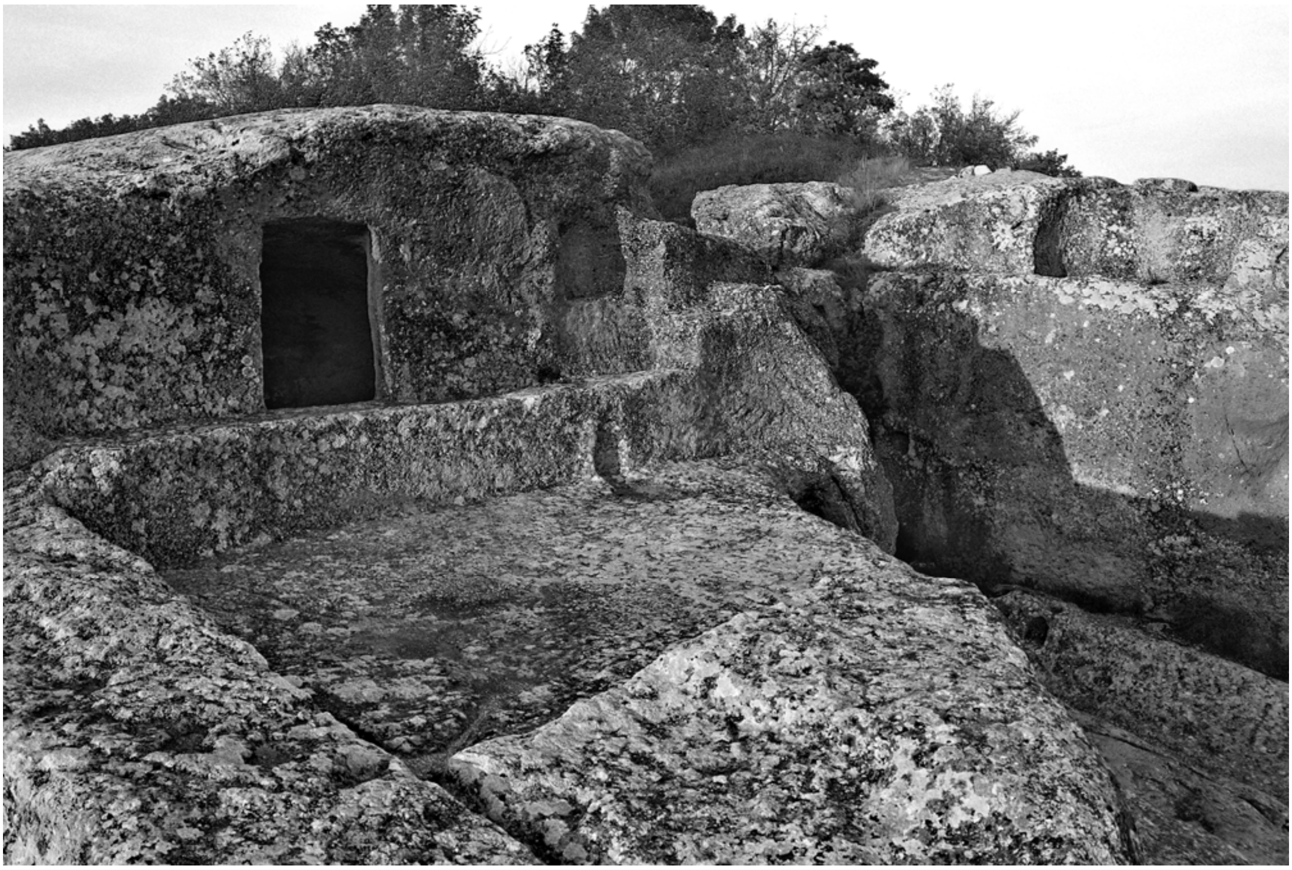

Фото 2. Храмы над городскими воротами Эски-Кермена. Общий вид.

Фото 3. Осевое смещение храмов над воротами Эски-Кермена.

Фото 4. Абсида на восточной стороне воротного проезда, гнезда и «приступочка».

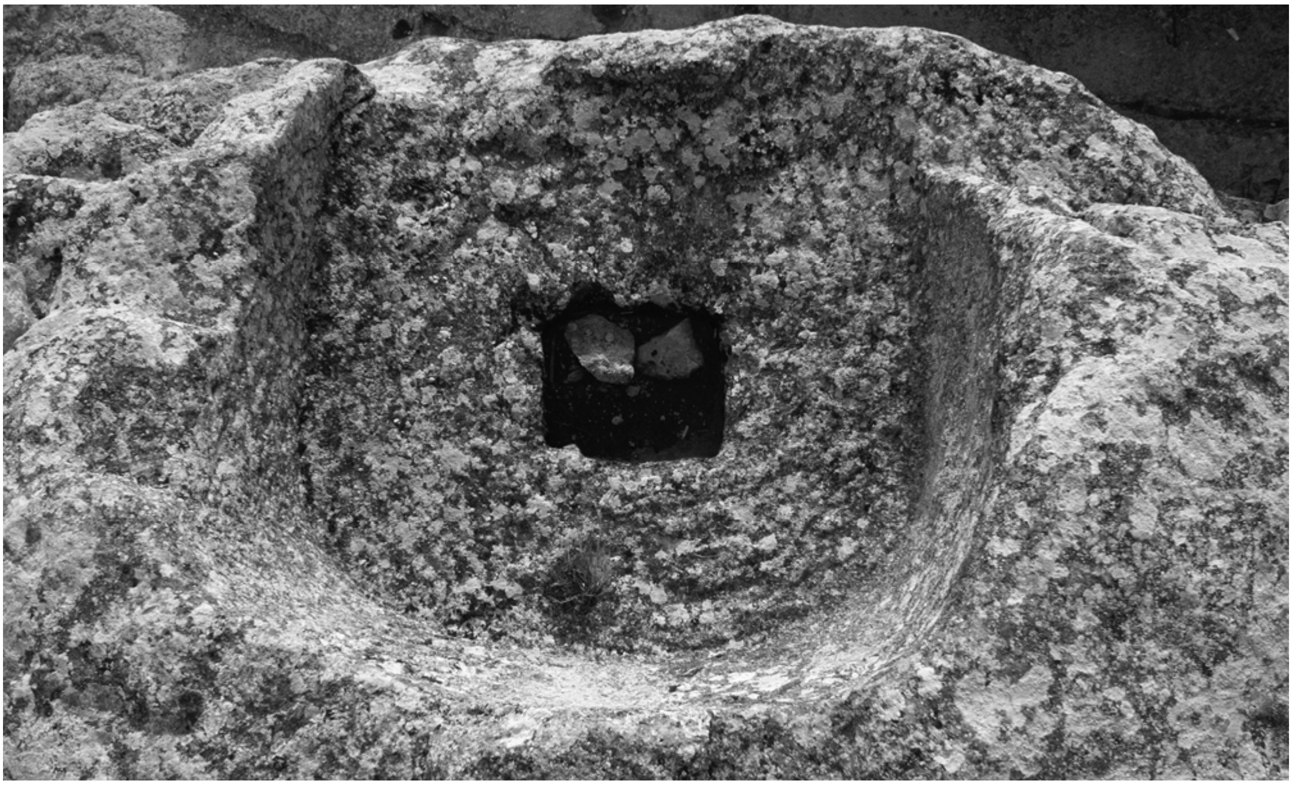

Фото 5. Абсида на восточной стороне воротного проезда в плане.

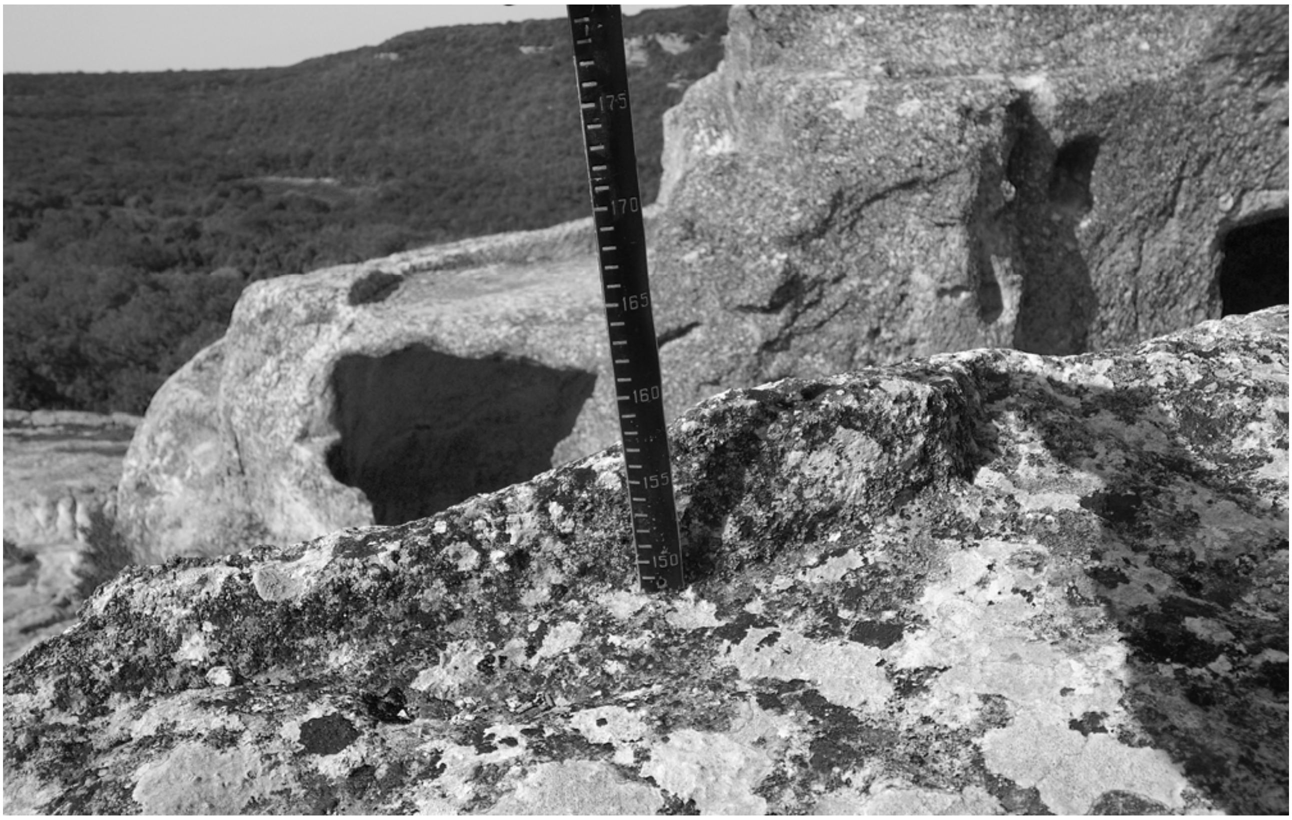

Фото 6. Абсида на восточной стороне воротного проезда.
Скальное обрамление абсиды с запада.

Фото 7. Южная стена абсиды на восточной стороне воротного проезда.

Фото 8. Церковь на западной площадке. Вид в плане.

Фото 9. Церковь на западной площадке. Западная стена.

Фото 10. Церковь на западной площадке. Южная стена.

Фото 11. Церковь на западной площадке. Северная стена.

Фото 12. Церковь на западной площадке. «Постели» каменной кладки над абсидой.

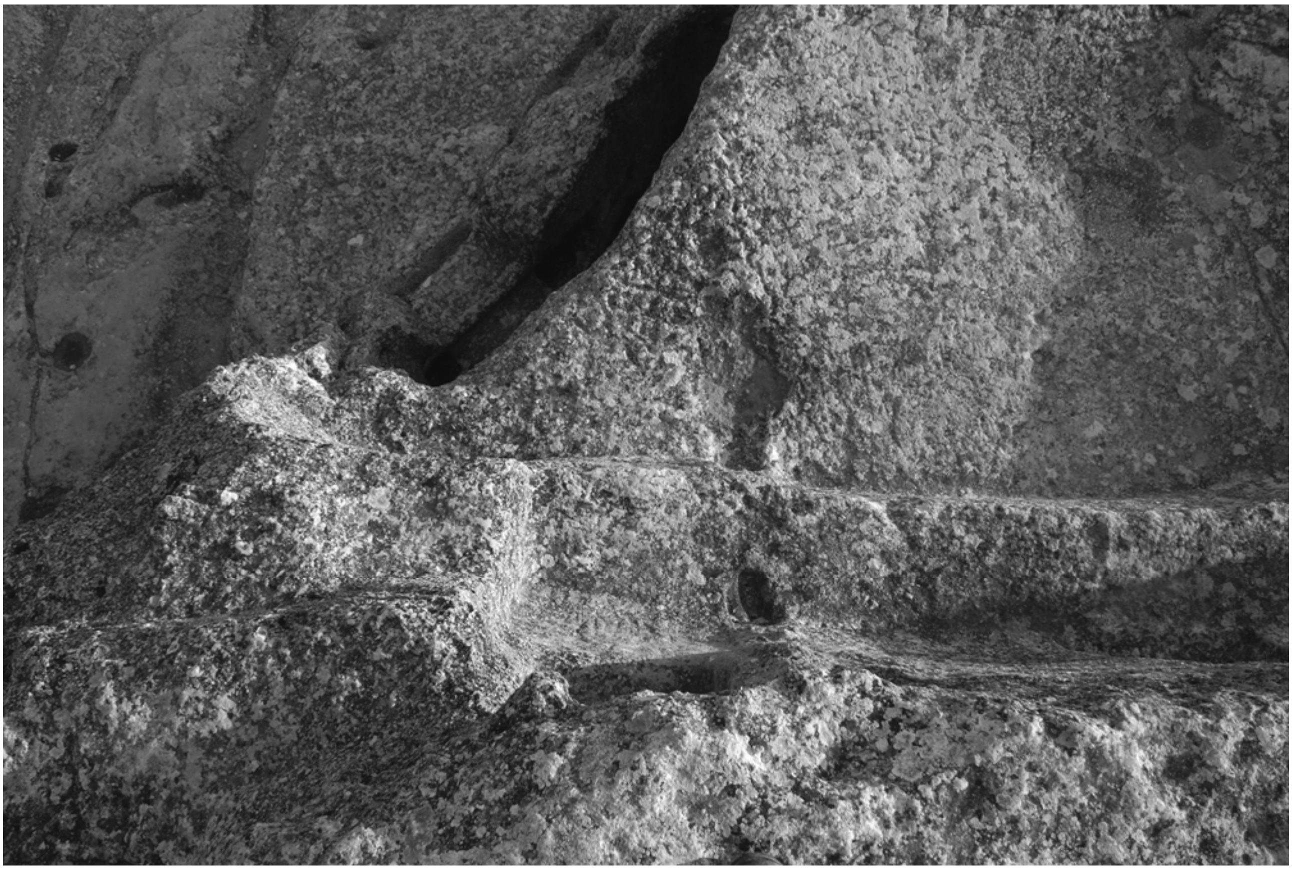

Фото 13. Церковь на западной площадке. Алтарная часть.

Фото 14. Церковь на западной площадке. Изменение направления северной стены.

Фото 15. Церковь на западной площадке. Следы алтарной преграды и ниша протесиса.

Фото 16. Остатки рухнувшего вырубного храмика у первого поворота подъездной дороги Эски-Кермена. Общий вид (фото 2011 года, перспектива снимка сильно преувеличена оптикой).

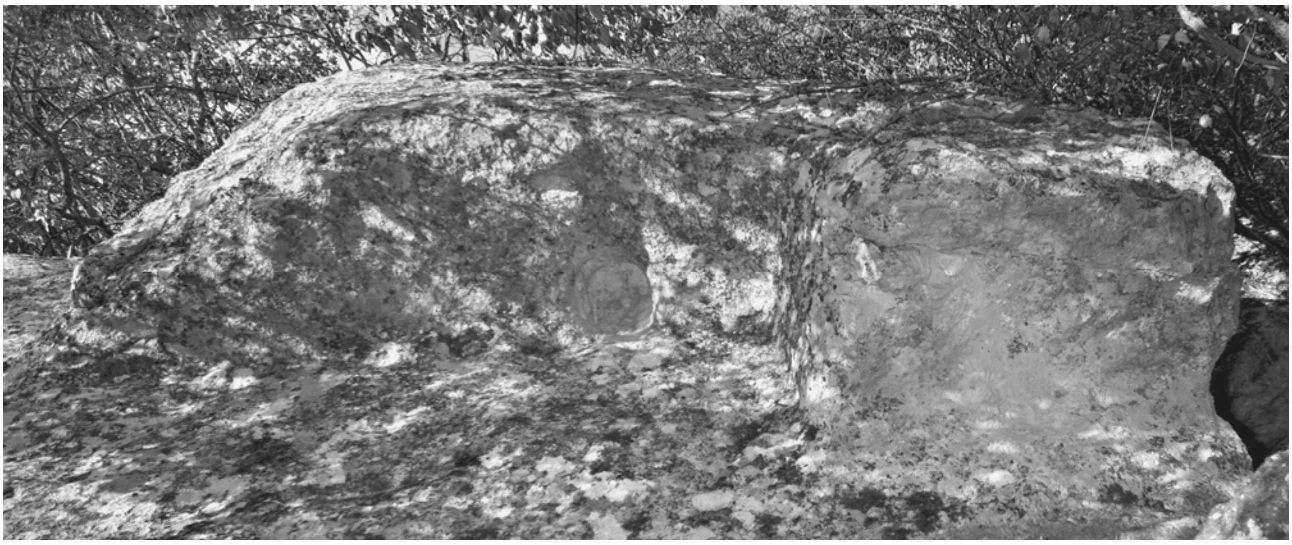

Фото 17. Рухнувший вырубной храм у первого поворота подъездной дороги Эски-Кермена. «Северная» стена.

Фото 18. Рухнувший вырубной храмик у первого поворота подъездной дороги Эски-Кермена. «Южная» стена.

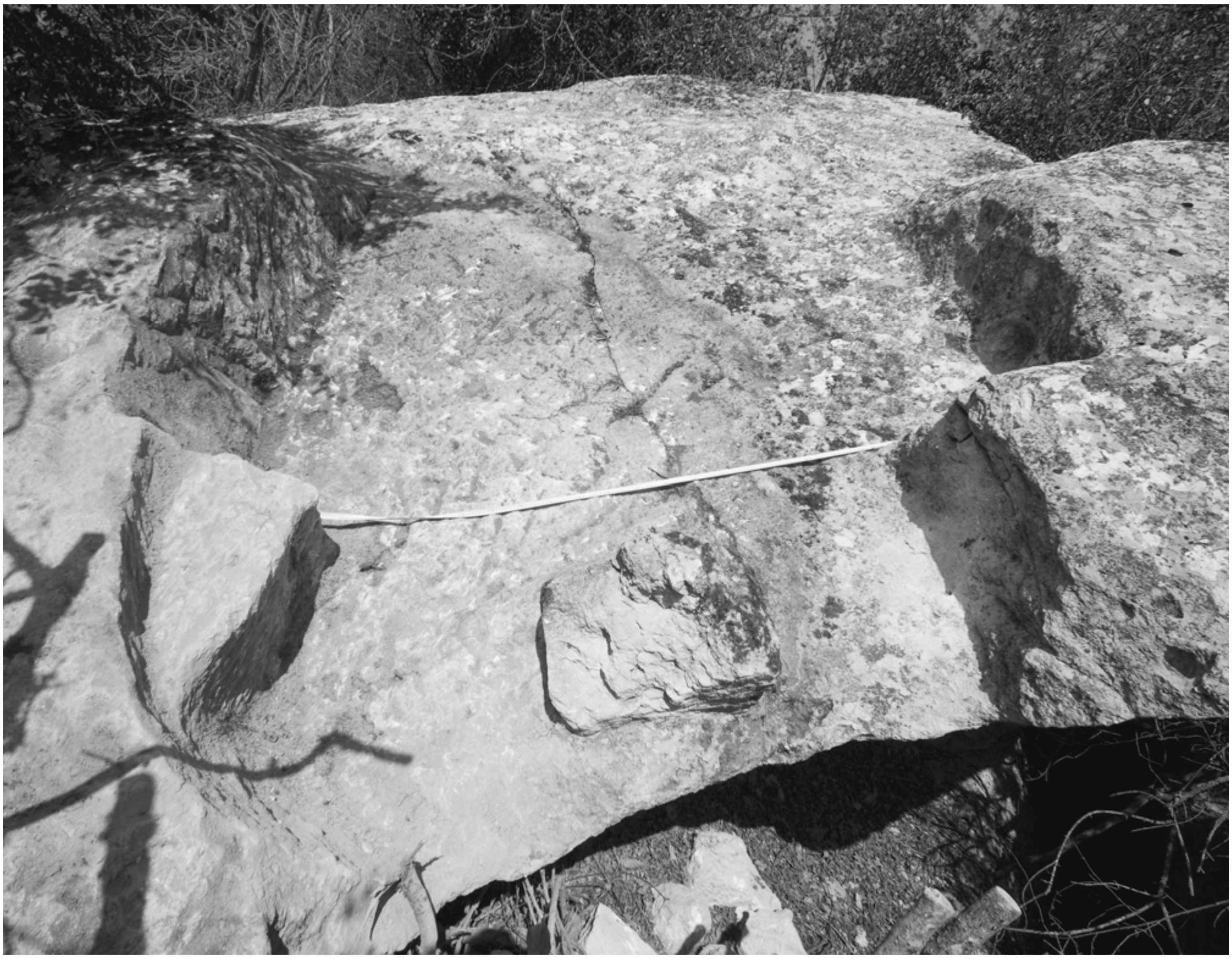

Фото 19. Рухнувший вырубной храмик у первого поворота подъездной дороги Эски-Кермена. Алтарная часть.

Фото 20. Остатки вырубного храмика с усыпальницей
у первого поворота подъездной дороги Эски-Кермена (современное состояние).

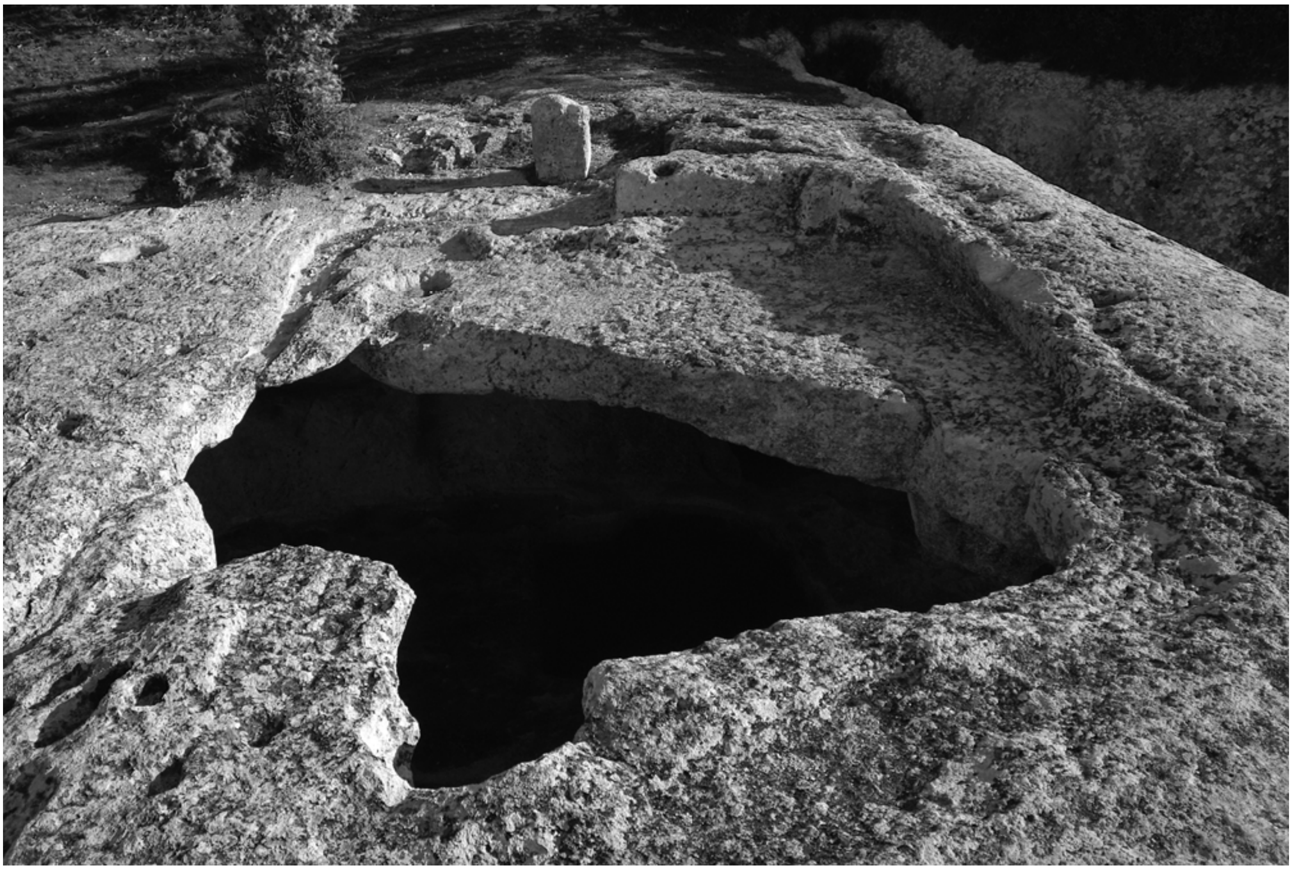

Фото 21. Остатки храма на площадке «башенного каземата»
над вторым поворотом подъездной дороги Эски-Кермена (современное состояние).

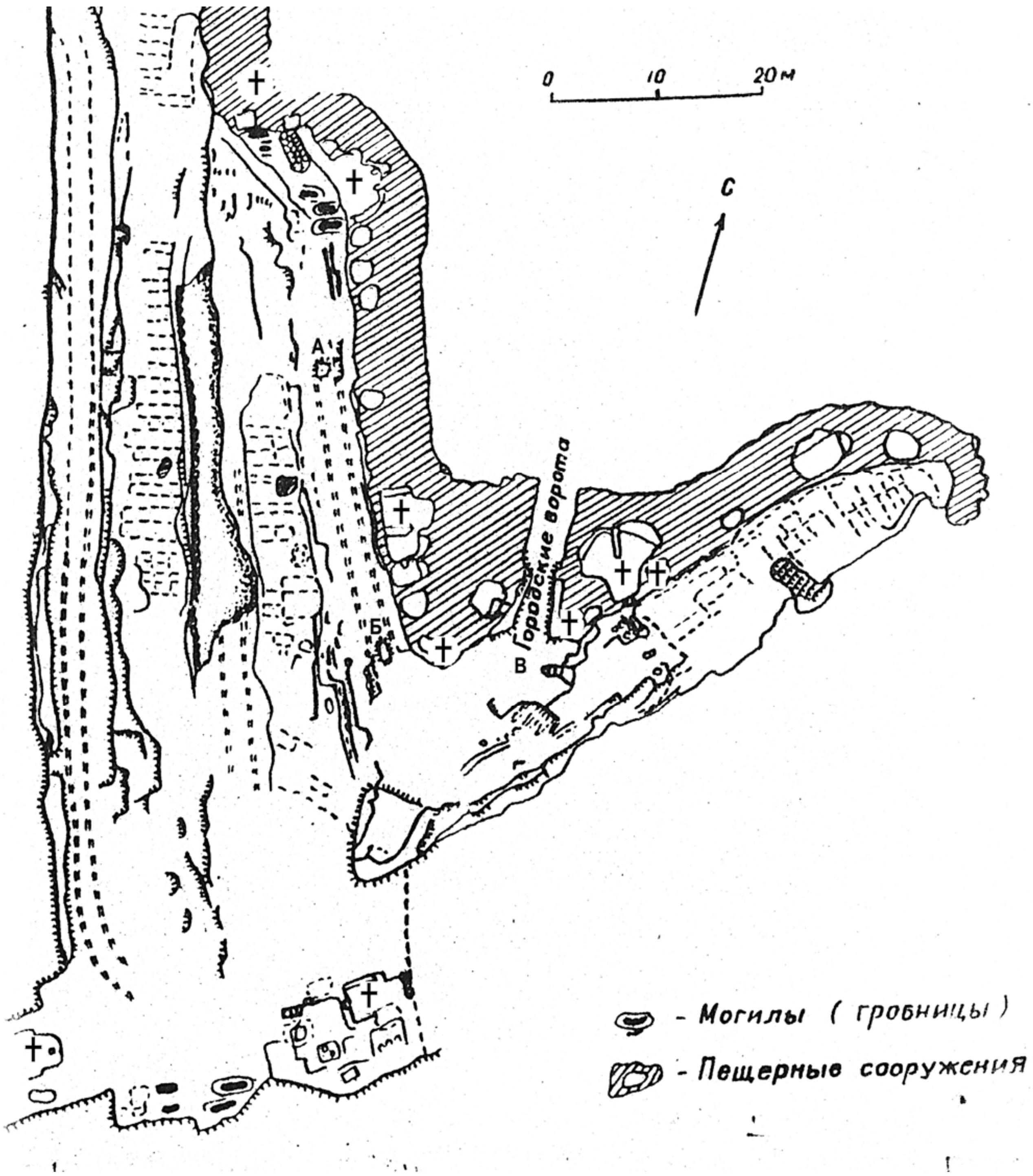

Рис. 1. Расположение церквей в районе городских ворот и подъездной дороги Эски-Кермена. За основу взят план из работы: [10, с. 11]. Церкви обозначены крестами. Буквами А, Б и В обозначено расположение городских ворот.

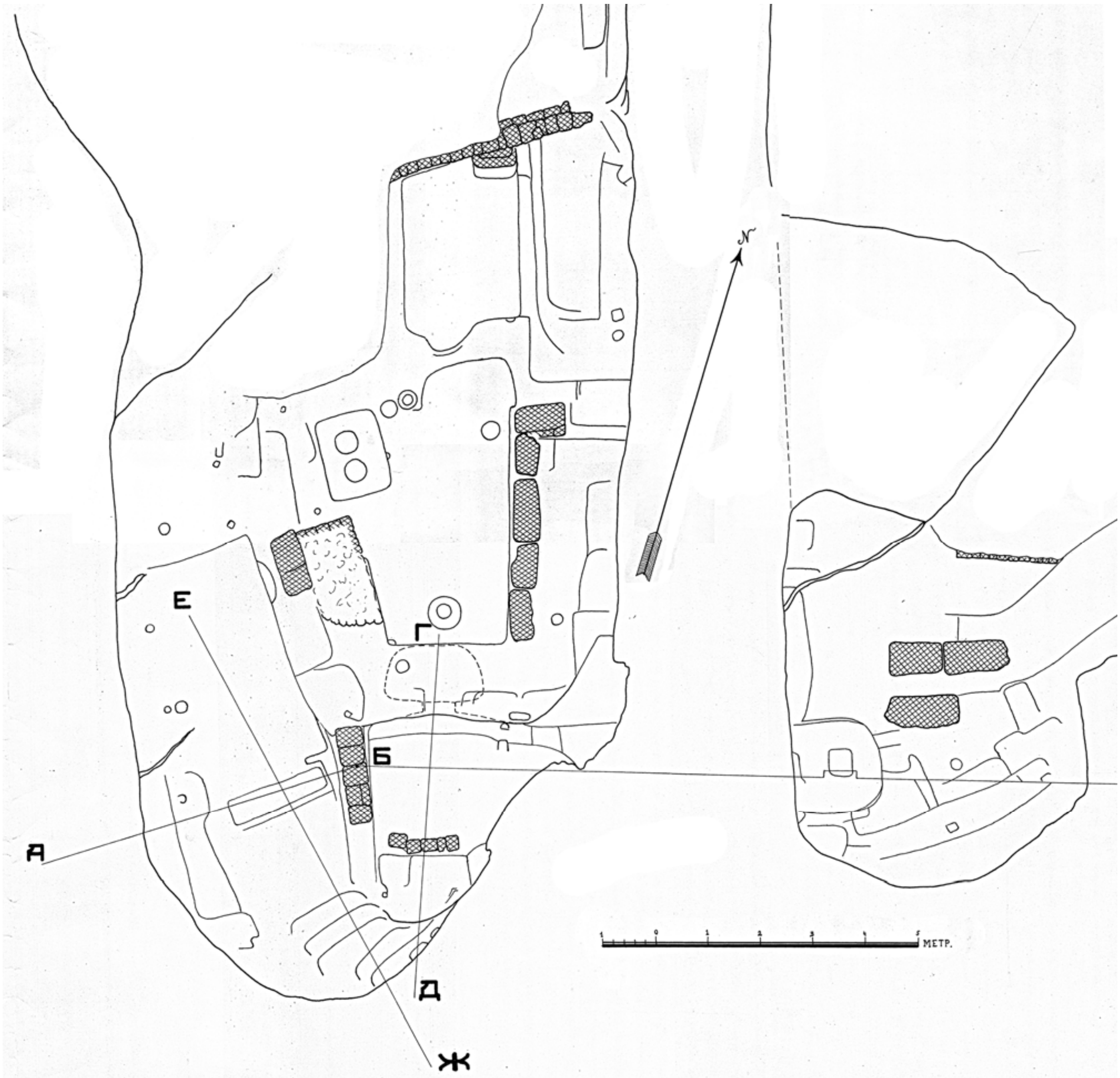

Рис. 2. План поверхности скалы с надвратными храмами у южных ворот по материалам Эски-Керменской экспедиции [4, л .2].

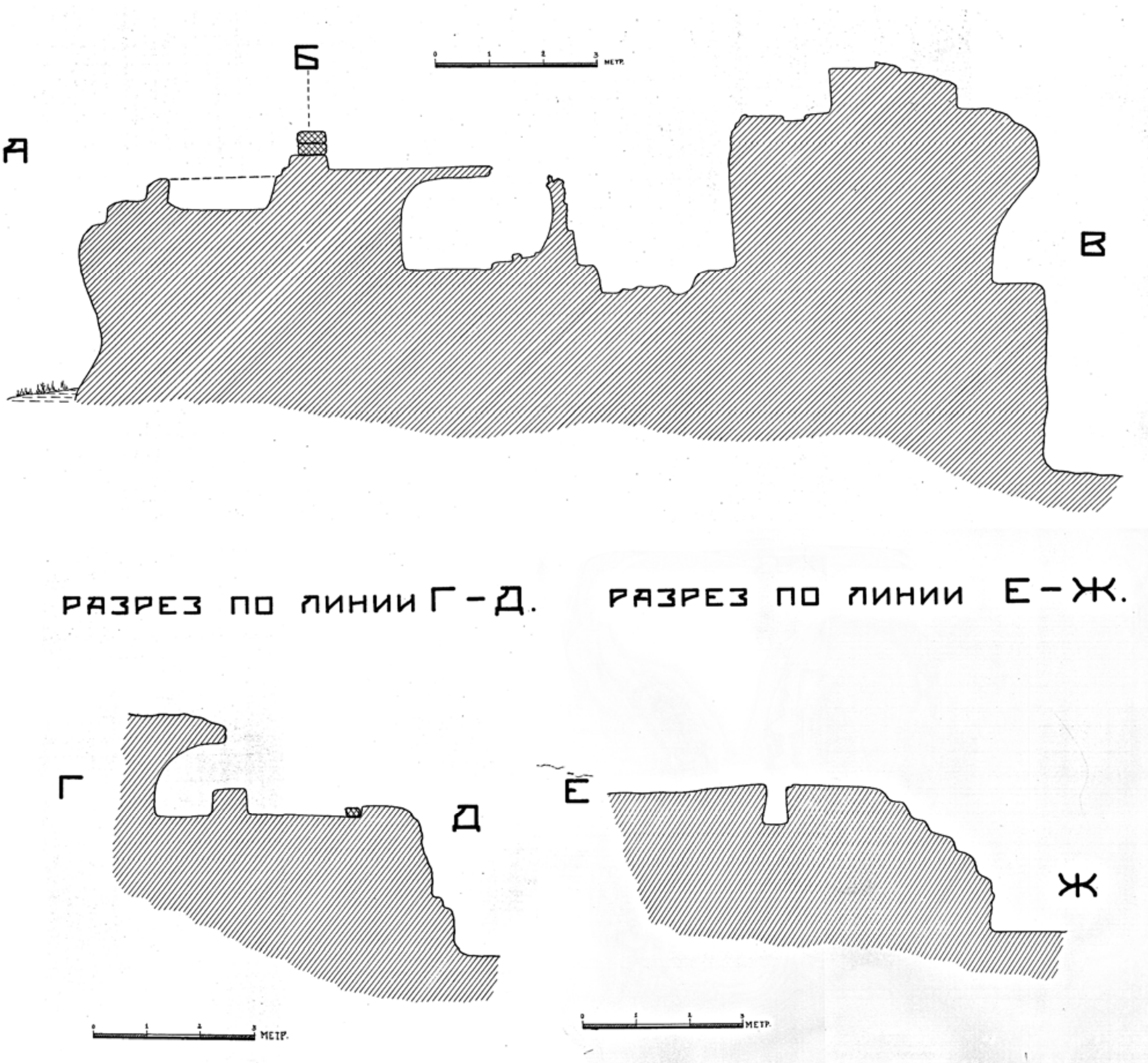

Рис. 3. Разрезы поверхности скалы с надвратными храмами у южных ворот по материалам Эски-Керменской экспедиции [6, л. 1].

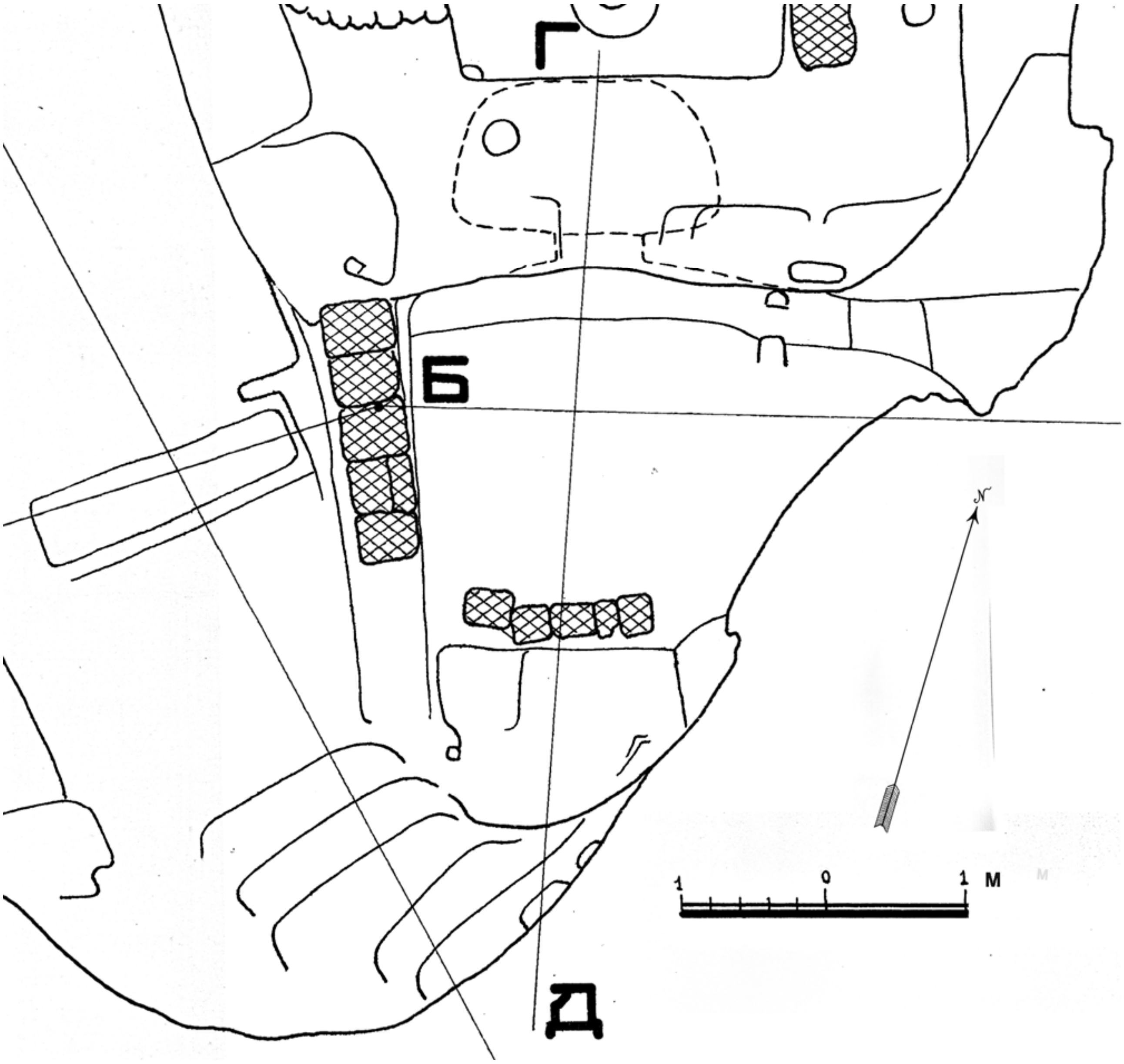

Рис. 4. План храма на западной площадке у городских ворот Эски-Кермена
по материалам Эски-Керменской экспедиции [6, л. 2].

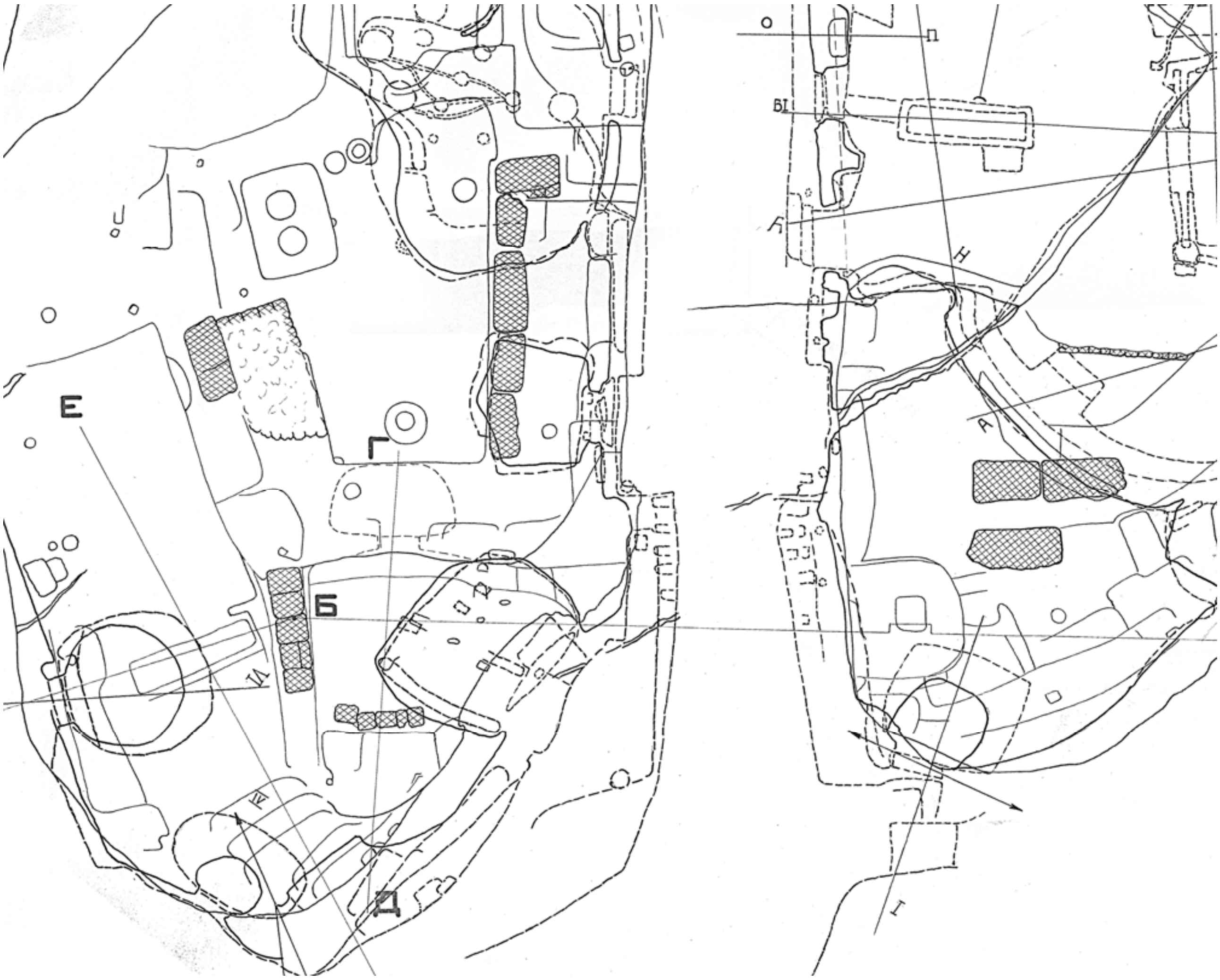

Рис. 5. Наложение плана поверхности скалы у городских ворот [6, л. 2] на план пещерных помещений [6, л. 7].

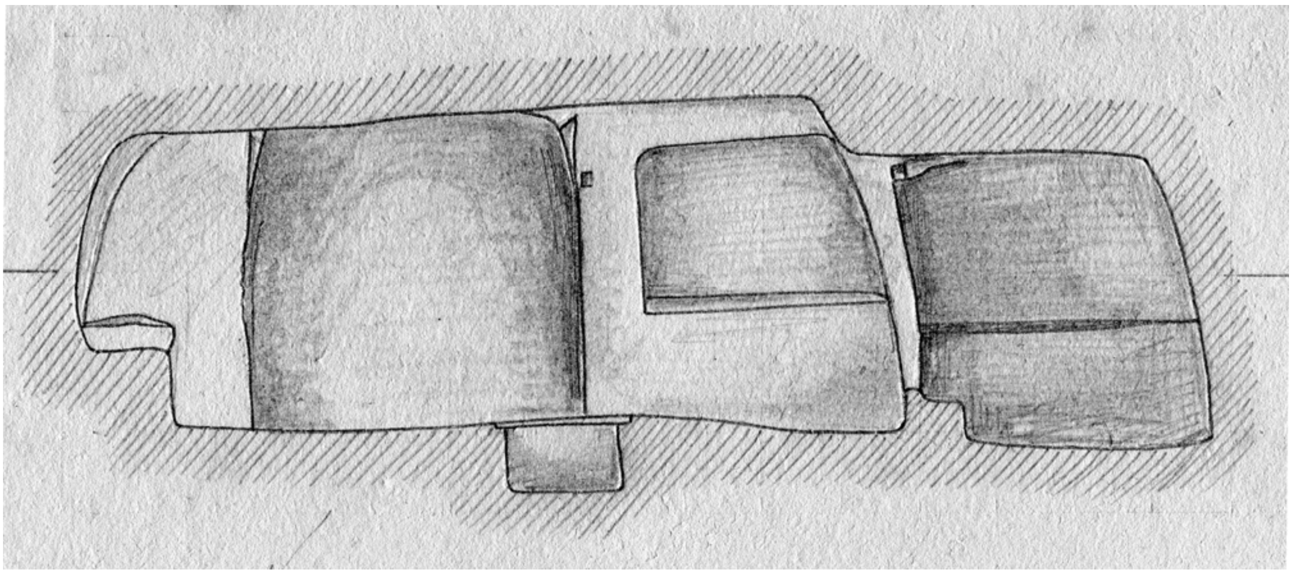

Рис. 6. Разрез «Малого» храма на подъездной дороге [3, № 105, л. 18].

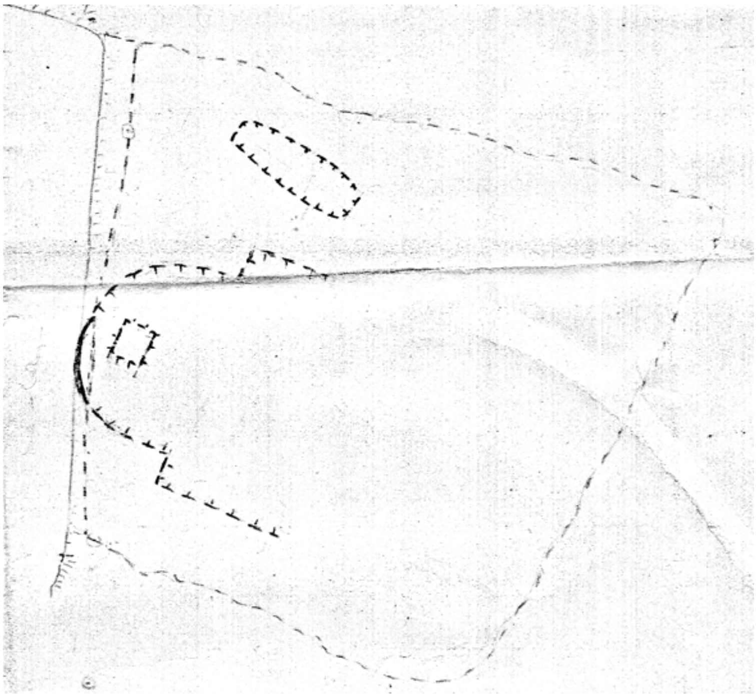

Рис. 7. План вырубного храмика у первого поворота подъездной дороги Эски-Кермена. Фрагмент полевого чертежа, снятого сотрудниками Эски-Керменской экспедиции [9, л. 2].

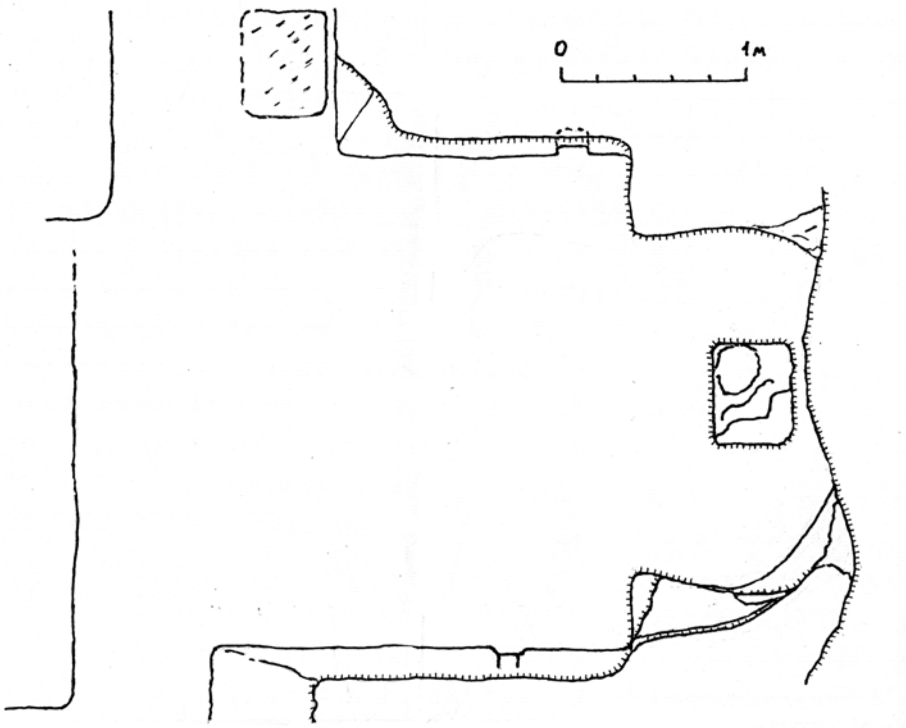

Рис. 8. План рухнувшего вырубного храмика у первого поворота подъездной дороги Эски-Кермена (обмеры автора, 2011г.).

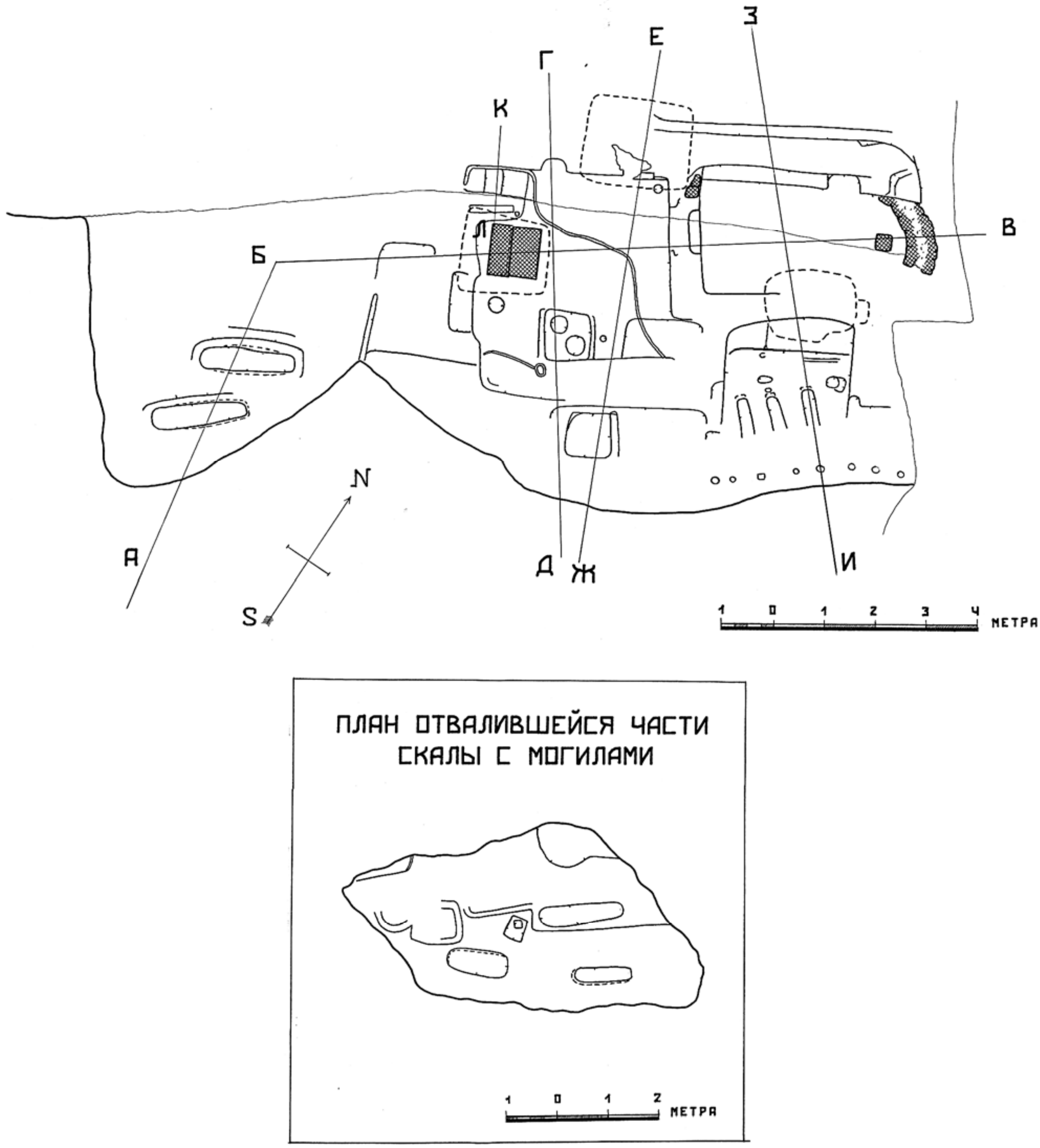

Рис. 9. План вырубного храмика с усыпальницей у первого поворота подъездной дороги (съемка Е.В. Веймарна и В.С. Цукермана, 1930 г.) [6, л. 5].

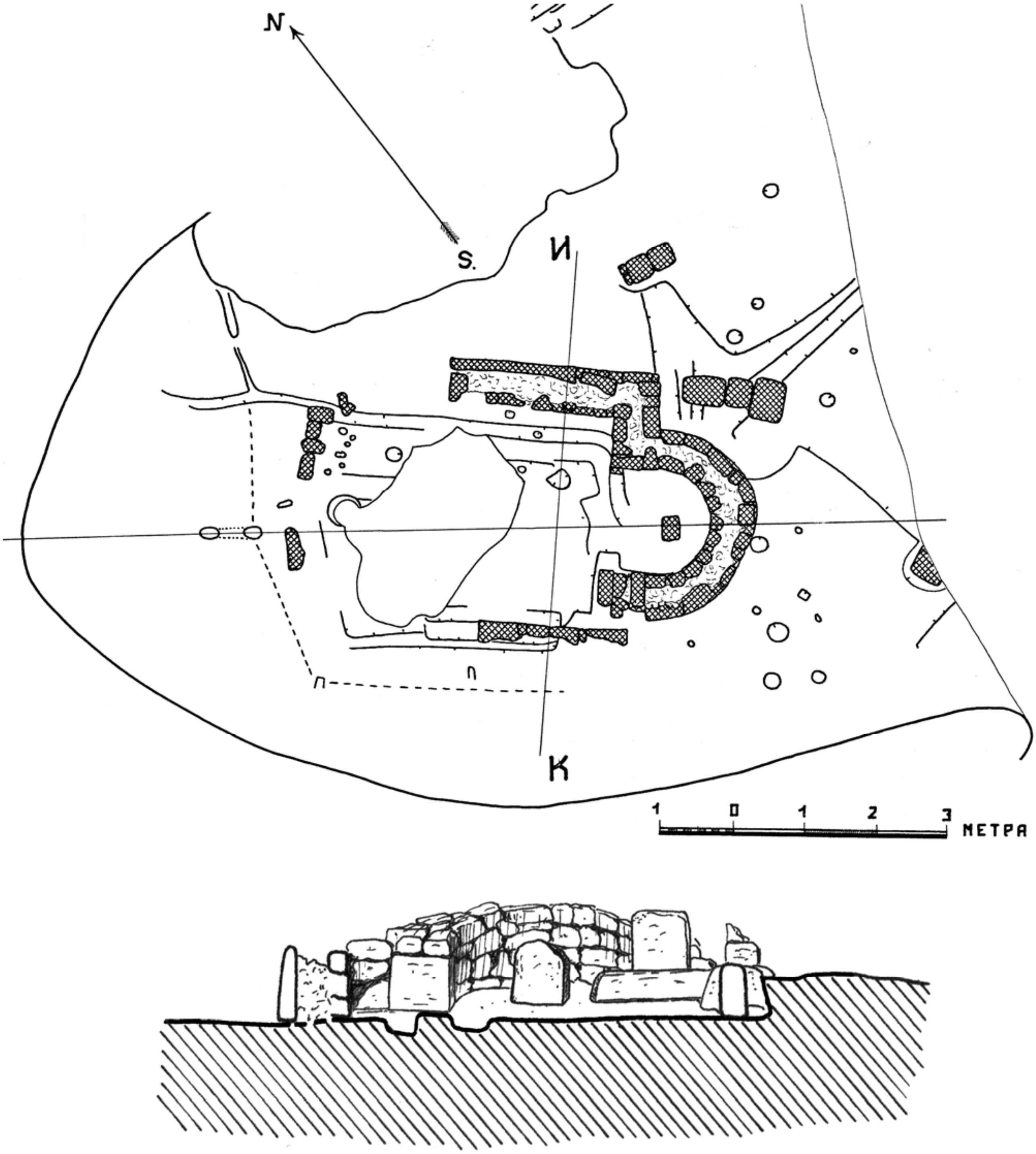

Рис. 10. План вырубного храма на верхней площадке «башенного каземата» над вторым поворотом подъездной дороги Эски-Кермена [6, л. 2] и вид храма с запада [6, л. 1].

Н.В. Днепровский, о. Виктор (В.А. Шкурдода)

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПЛАНИРОВКЕ ТРИКОНХИАЛЬНЫХ ПЕЩЕРНЫХ ЦЕРКВЕЙ ЭСКИ-КЕРМЕНА

Многолетняя дискуссия о времени возникновения пещерных монастырей и храмов Горной Таврики продемонстрировала на сегодняшний день, похоже, только бессилие «классической» археологии разрешить этот вопрос. Аргументы сторон хорошо известны и, по сути дела, исчерпаны, причем ни один из них не приобрёл силы последнего и решающего доказательства. Все они в той или иной степени носят умозрительный и откровенно субъективный характер. К примеру, можно бесконечно рассуждать о возможности иммиграции иконопочитателей в Таврику, спорить о том, была ли она на тот момент иконоборческой, а так же дискутировать о правомерности использования для датировки пещерных помещений подъёмного материала, обнаруженного ниже по склону или о том, какие архитектурные аналогии следует или не следует привлекать для их датировки и т.д.

С нашей точки зрения, родовое проклятие всех этих рассуждений состоит в том, что большая часть публикаций была выполнена или в советское (т.е. атеистическое) время, когда историки кичились своим незнанием церковных обрядов, или в последние годы, но, в любом случае, в рамках советской археологической школы. В силу этого, указанные церкви рассматривались, прежде всего, как объекты материальной культуры. Лишь в последние годы появились весьма немногочисленные работы, посвящённые литургическому устройству пещерных церквей Крыма. Однако и они еще не в состоянии рассеять туман, в котором блуждают исследователи–археологи, оторванные от живой богослужебной практики.

Не являются исключением и попытки интерпретации двух знаменитых триконхиальных храмов Эски-Кермена – так называемого «Большого пещерного храма» на подъездной дороге и церкви «Трёх всадников».

Эти храмы привлекали внимание исследователей постоянно. Наиболее полное их описание вместе с обзором литературных источников и самыми детальными из опубликованных планов и разрезов (Рис. 1,*2*) дал в своих работах Ю.М. Могаричев [8; 9]. Один из его выводов настолько важен для дальнейшего обсуждения, что мы процитируем его полностью: «*Обращает на себя внимание сходство планов (обе церкви имеют форму трилистника) и функционального назначения (они были часовнями). С другой стороны, отличаются их пропорции, формы апсид, датировки (последний был вырублен, очевидно, в XIII в.* [13, с.108][1]*). Учитывая, что подобный тип храмов редок, особенно для крымских пещерных церквей, можно предположить, что при создании «Трёх всадников» (которому предстояло стать часовней над могилой знатного жителя Эски-Кермена) за архитектурную основу был взят «большой храм» – самая большая в это время и, вероятно, известная часовня поселения*» [8, с. 66].

Действительно, даже при беглом осмотре этих двух церквей бросается в глаза их поразительное сходство (Фото 1–4). Пожалуй, главным отличием «Большого храма» от церкви «Трех всадников» является отсутствие сохранившегося темплона. Что же касается незначительных отличий в архитектурной планировке, то они самым естественным образом объясняются неправильной формой каменной глыбы, в которую мастера должны были его

[1] Номера библиографических ссылок в цитатах изменены относительно оригиналов и соответствуют сквозной нумерации библиографического указателя к настоящей статье.

вписать при условии максимизации объёма помещения с одновременным сохранением планировки литургической.

Именно в связи с повседневной литургической практикой целесообразно коснуться обстоятельства, которое ранее, насколько нам известно, специально никем не рассматривалось.

Одному из авторов настоящей статьи доводится регулярно служить в храме «Трёх Всадников» Божественную Литургию. Существенное затруднение при этом состоит в отсутствии сколько-нибудь приспособленного места для совершения проскомидии. Имеющаяся в северо-восточной части алтарной абсиды ниша, которую зачастую принимают за жертвенник, в действительности для этого непригодна, т.к. имеет малые размеры (ширину 0,34 м и глубину 0,3 м при высоте 0,45 м) и расположена достаточно высоко (на высоте в 1,28 м). Разместить пристенный жертвенник в миниатюрной, диаметром около 2,5 м, абсиде тоже практически негде – при этом, к примеру, обход престола при каждении становится невозможным. Поэтому в настоящее время в качестве жертвенника приходится использовать северную арку темплона. Однако трудно представить себе, чтобы так было задумано изначально. Теоретически можно, конечно, предполагать, что ниша протезиса располагалась, как ей и полагалось бы, в северной стене, а впоследствии была уничтожена, когда «северная стена» была «*перетёсана при написании фрески*» [5, с. 75]. Однако отсутствие жертвенника в северной стене мы встречаем и в «Большом пещерном храме», который, по мнению Ю.М. Могаричева, является прототипом храма «Трёх всадников» (к последнему утверждению мы ещё вернёмся).

Стремясь обойти возникшее затруднение, предшествующие исследователи склонны были видеть жертвенник, а заодно и диаконник (ризницу) в самых неожиданных местах. Приведём небольшую подборку их интерпретаций этого вопроса. «*Пещерный храм с фрескою трёх всадников…, высеченный в одном из пяти отдельных камней; в другом вырублена усыпальница*» [10, с.130; 13, с.108]. «*Это не усыпальница – не место склада костей*», – возражает Н.И. Репникову Е.В. Веймарн. «*Судя по высоте и ширине входа и следам дверной деревянной коробки это «дьяконник» – место склада необходимого для службы имущества и инвентаря*» [4, л. 266]. «*Над одной из гробниц род престола «жертвенник»*» [13, с.1 08]. «*В южной стене – род престола – «жертвенник»*» [10, с.131]. «*В южной стене наоса, по предположению Н.Репникова, находится жертвенник*» [9, с. 50]. «*К западу от храма в отдельном камне вырублено небольшое помещение 1,8 х 2 х 1,7 м, с обработкой Т.2. Н.И.Репников считал его усыпальницей. Однако, по нашему мнению, его можно интерпретировать и как ризницу*» [9, с.50]. «*В соседнем камне, расположенном к северо-западу от храма «Трёх всадников», в непосредственной близости от него, высечено небольшое помещение – усыпальница (или, возможно, ризница)*» [14, с. 52]. «*В юго-восточной части храма, над детской гробницей, высечен в стене жертвенник*» [14, с. 47]. Но, как известно, всё должно быть как раз наоборот: жертвенник должен (при восточной ориентации алтаря[2]) помещаться в северной части храма! Это расположение не случайно, поскольку определяет направление, по которому движется иерей, полагая Св. Дары на престол. Более того. Ниша, которую Н.И. Репников и С.В. Харитонов принимают за жертвенник, находится, как видно на Фото 1, у самого входа в церковь. Приготовление Св. Даров прямо на пути у входящих в храм верующих представляется нам совершенно невероятным. С нашей точки зрения, весьма примечательно также, что Н.И. Репников, точно указавший местоположение «жертвенника» в АКК, для широкой публикации 1932 г. выбрал до такой степени обтекаемую формулировку, что она вообще ничего не говорит о местоположении ниши. Не исключено, что это было сделано сознательно, чтобы избежать

[2] Мы делаем эту оговорку в связи с тем, что во многих крымских пещерных церквах восточная ориентация алтаря не соблюдается или соблюдается очень приблизительно. Говоря более строго, жертвенник должен быть в левой части храма, если стоять лицом к алтарю.

критических замечаний: ведь в то время ещё были живы люди, хорошо разбиравшиеся в особенностях богослужения. Попутно заметим, что жертвенник никак не является «родом престола»[3], а престол никак не может находиться вне алтаря. Если же проводить аналогии с современным устройством храма, то ниша в южной стене имеет наиболее полную аналогию с панихидным столом. Мы не располагаем данными о том, имелись ли таковые в средневековых (в частности, пещерных) храмах, но и не усматриваем в такой аналогии ничего противоестественного, особенно если учесть мемориальный характер храма «Трёх всадников». Впрочем, данная ниша вполне могла также использоваться для хранения церковной утвари, книг, облачений и т.д., то есть выполнять функции диаконника (ризницы) в его современном понимании, который обычно находится справа от алтаря, т.е. обычно с южной стороны. Заметим, однако, что последнее (в отличие от жертвенника) имело место не всегда. Так, Г. Бабич указывает, что в раннехристианских палестинских церквах, в том числе в пещерной церкви лавры св. Саввы Иерусалимского, находившееся к северу от храма вспомогательное помещение было необходимым элементом храма, имело достаточно универсальное назначение и обозначалось разными терминами: диаконикон, скевофилакий, хранилище («сокровищница» – tresor) и кимилиарион. Все эти термины были синонимами [15, p. 72]. Она полагает, что аналогичную планировку имела и пещерная лавра св. Феоктиста в Дейр Мукелики [15, p. 71–72].

В силу вышеизложенного мы согласны с А.Ю. Виноградовым, Н.Е. Гайдуковым и М.С Желтовым, относящим храм «Трёх всадников» к храмам без протесиса [5, с. 75]. «*Отсутствие зоны протесиса позволяет предположить, что храм создан до VIII в., когда приготовление хлеба и вина ещё имело достаточно свободный характер и совершалось где-то вне основного объёма храма*», – пишут они [5, с. 74]. Где именно это происходило, они не уточняют[4].

Между тем, в литературе на это даётся ясный и чёткий ответ. «*В первенствующей Церкви предложение находилось не внутри алтаря, но вне, в особливой храмине с левой стороны его, куда народ приносил в жертву хлеб, вино, елей для лампад и проч. Название это также заимствовано из Ветхого Завета. В храме Соломона, вне завесы скинии свидения, стоял золотой стол, на котором в жертву Богу, по его повелению, каждую субботу, по числу колен Израилевых, полагали двенадцать хлебов, называвшихся хлебами предложения* (Исх.,25,30)*. Святый Киприан место предложения называет корбоном (т.е. корваном, или хранилищем приношения)*» [7, с. 68]. Этому чеканному определению полностью отвечает смежное с храмом помещение в соседней каменной глыбе (Фото 6). Находящееся, как и положено, с северо-западной стороны (и, таким образом,

[3] Наоборот, «*престол в древности всегда назывался жертвенником или трапезой. Так называли его святые отцы и учители Церкви. И в наших Служебниках престол именуется и трапезой, и жертвенником. В древности престолом называлось архиерейское седалище на Горнем месте... С перенесением предложения, на котором совершается приготовление хлеба и вина для таинства Евхаристии, в алтарь оно стало называться в устной традиции жертвенником, а престол стал именоваться Горним местом; собственно жертвенник (трапеза) получил название престол. ... Тем не менее в Уставе и богослужебных книгах по-прежнему жертвенник называется предложением, а престол носит также название трапезы, так как на нем возлежат и с него преподаются духовенству и верующим Тело и Кровь Христовы. И все же прочная традиция чаще всего трапезу именует святым престолом Божиим*» [16]. В *современной* богослужебной практике жертвенник в известной степени приобретает значение престола после переноса на него в конце Божественной Литургии Святых Даров, однако представить себе при этом их вынос из алтаря в наос абсолютно немыслимо.

[4] Вопреки этому собственному утверждению в своей более поздней работе Н.Е.Гайдуков высказывает прямо противоположную точку зрения: о наличии *в храме* «Трёх всадников» *целых двух мест* для совершения проскомидии: «*пастофория, расположенного в южной конхе храма… и протесиса, который помещался прямо на поверхности темплона*» [6, с. 201]. Выше мы уже высказались по поводу возможности размещения протесиса в данных точках храма. Однако уже сама по себе подобная перемена точки зрения говорит об отсутствии *безусловных, явно видимых* признаков протесиса в храме.

обеспечивавшее правильное направление перенесения Св. Даров на престол)[5], вплотную примыкающее к помещению храма (расстояние между глыбами составляет менее метра, а подрубки в них ясно указывают на соединявший их переход) и вполне достаточное по объёму, оно представляет собой практически идеальный (или, во всяком случае, вполне соразмерный храму) скевофилакеон, или корбон.

Только искусственное «омоложение» храма предыдущими исследователями (ведь проскомидия в XIII-XIVвв. совершалась уже в алтаре[6]!), на наш взгляд, вызвало непонимание изначального смысла этого помещения и заставляло квалифицировать его то как ризницу в позднейшем смысле этого слова, то как усыпальницу. Заметим, впрочем, что в более позднюю эпоху, после переноса зоны протесиса в алтарь (а может быть, и после прекращения функционирования храма) вторичное использование бывшего скевофилакия в качестве усыпальницы, действительно, вполне могло иметь место. В частности, Г. Бабич указывает, что диаконник пещерной церкви в лавре св. Саввы Иерусалимского, как и сама эта церковь, также впоследствии выполнял функции мартирия [15, p. 72]. Что же касается «ризницы», то, как мы уже знаем, скевофилакий изначально выполнял и эту функцию. Именно поэтому существование скевофилакиев при храмах Эски-Кермена может стать тем самым решающим аргументом, о недостатке которого мы говорили в начале нашей статьи. Ибо стоит только допустить раннее происхождение эски-керменских триконхов, как сами собою исчезают многочисленные натяжки и недомолвки в логических построениях, свойственные предыдущим исследованиям.

Но что, в таком случае, значит «*раннее*»? «*В VIII в. и далее – по крайней мере, до 1204 г. – обряд протезиса в константинопольской Св. Софии происходил в скевофилакии*» [17]. Таким образом, если ориентироваться только лишь на отсутствие протесиса в храме, то последний мог быть изваян в камне в широком промежутке времени между VIII в. и самым началом XIII в. Однако следует учесть, что кроме отсутствия протесиса, храм «Трёх всадников» имеет такие признаки древности, как существенно выступающий в наос темплон и триконхиальную форму. Первый исчезает с IX в. [5, с. 74][7].

Поэтому наиболее вероятным периодом основания храма нам представляется всё же VIII – IX вв.

В этой связи мы вынуждены снова обратиться к попыткам исследователей датировать этот храм XIII, а то и XIV столетиями. Датировки эти так или иначе связаны с находящейся в храме знаменитой фреской, а, точнее, как с её стилистическими особенностями, так и с виденным ещё в 1873 г. В.М.Григоровичем обрывком даты. На последнем аргументе нам придётся остановиться подробнее.

Прежде всего, если в первой публикации 1932 г. Н.И.Репников даёт однозначную трактовку этой даты как 12…г. [13, с.108. Прим.], то в АКК он уже указывает, что «*утраченный конец даты даёт лишь 67, что определяет время написания в отрезке 1192*

---

[5] Именно так расположен, в частности, скевофилакий св. Софии Константинопольской. О пещерных лаврах Палестины мы уже говорили.

[6] На разрезах очень хорошо видно, что и храм, и северное помещение вырубались как единый комплекс, то есть, вероятнее всего, одновременно (Рис. 1) [8, с. 257]. К сожалению, разрез с видом на алтарь не включает в себя соседнего помещения, а разрез, включающий это помещение, показывает лишь западную стену.

[7] Равным образом, с конца IX в. исчезает и многоступенчатый синтрон [5, с. 74]. В этой связи уместно более тщательно изучить алтарную часть «Большого пещерного храма». Сегодня синтрон здесь одноступенчатый. Однако в центре его, за престолом, имеется странной формы «приступочка». Другая «приступочка», слишком низкая, чтобы служить седалищем, и слишком высокая для подножия, находится в правой части алтарного закругления. Нетрудно видеть, что обе они имеют близкую ширину. При более внимательном осмотре в полу алтарной части, концентрично восточной стене, видны длинные борозды, соединяющие обе эти «приступочки» (Фото 5). Поэтому не исключено, что первоначально здесь всё же был миниатюрный двухступенчатый синтрон, который позднее был стёсан. Если это так, то по совокупности признаков «Большой» храм также был высечен не позднее конца IX в.

– *1291 гг.»* [10, с. 132]. А ведь, как мы помним, в 1192 г. приготовление Св. Даров вполне ещё могли совершать в скевофилакии.

Далее. «*Возникает вопрос*, – пишет Н.И.Репников, – *был ли храм расписан полностью, или роспись ограничивалась описанным изображением. Утверждаем последнее на основании следующего соображения. Грунт изображения заготовлен в раз, не имеет ни разрывов, ни швов, был по сырой штукатурке расписан сразу. На стенах нет ни малейшего намёка на штукатурку, гладкая их поверхность не удержала бы известкового намёта. Позднейших переделок в храме нет, приведённый текст надписи говорит ясно, что роспись одновременна устройству самого храма*» [13, с. 109]. Но, во-первых, в упомянутой надписи («*изсечены и написаны святые мученики Христовы для спасения души и отпущения грехов*» [10, с. 108]) речь идёт только о фреске и ничего не говорится о её одновременности храму; во-вторых, отсутствие позднейших переделок в храме ещё не говорит об отсутствии переделок вообще. Мы полностью согласны с тем, что «*северная стена перетёсана при написании фрески*» [5, с. 75], т.е. переделки были не позднейшими, а предшествовали написанию фрески. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно посмотреть на приведённые фотографии[8] (Фото 1, 3). Об этом же говорит и находящееся практически в самом центре фрески маленькое окошко-люминарий. Именно к перетёске стены с последующей росписью стёсанного участка, по нашему мнению, и относится выражение «*изсечены и написаны святые мученики*». В противном случае надпись гласила бы об «*иссеченной и расписанной церкви*». В средние века очень точно формулировали всё, что относилось к священным предметам. Однако современная привычка понимать написанное не буквально, а метафорически (показателем чего является распространённое ныне словосочетание-паразит «*как бы*», что прямо противоречит евангельскому предписанию: «*да будет ваше «да» – «да», а «нет» – «нет», а прочее – от лукавого*»), по нашему мнению, держит под гипнозом уже не одно поколение исследователей. Между тем, в мире существует бесчисленное множество храмов, росписи которых намного моложе самих сооружений, что, однако, ни у кого не вызывает удивления и никем не оспаривается.

Разумеется, высказанные нами соображения о литургических особенностях пещерного храма «Трёх всадников» носят гипотетический характер. Однако мы можем попытаться проверить весомость этой гипотезы, обратившись к исследованию его двойника – «Большого пещерного храма» на подъездной дороге. По аналогии с предыдущим анализом попытаемся проследить вначале, как интерпретировали вероятное размещение зоны протезиса (и, по возможности, также ризницы) предыдущие исследователи в этом храме.

Н.И. Репников в работе 1932 г. ничего не упоминает о возможном расположении этих литургических объектов, но отмечает, что «*из-под обрыва в него вела лесенка, поворачивающая от пещеры-кельи к самому храму, который открыт во всю свою длину по стороне обрыва*» [13, с. 118].

Несколько более подробные сведения мы встречаем в АКК. «*С площадки под обрывом в пещерный храм ведёт лесенка. Последняя сложена насухо из камней в числе которых облицовочные камни боевой стены. Лестница упираясь в угол скалы приводит на карниз нарубленный вдоль обрыва, приводящий к храму. Под поворотом в обрыве скалы овальная в плане пещера. Вдоль перехода в основании скалы завалинка-сиденье*» [10, с. 116]. И далее: «*Восточная половина храма образует три полукружья. На высоте одной трети стены от пола вдоль боковых полукружий оставлен род завалинки… В южном закруглении, примыкающем к апсиде над завалинкой – повышенная выборка с закрайком, б.м. жертвенник. Поверхность стены под ним имеет неглубокую до пола выборку. В той же южной стене у закрайка храма, над скамьёй, выбрана прямоугольная ниша*» [10, с. 117].

[8] Особо интересно Фото 3, на котором другая техника обработки камня на стене с фреской буквально бросается в глаза.

Практически дословно описание храма повторяется и в работе [11, с. 27], а вот «*пещере-келье*» теперь уделяется большее внимание: «*Над поворотом в обрыве скалы вырублена пещера с широким входом, на лицевой стороне которого имеется глубокий водоотлив. Сама пещера овальной в плане формы, с скруглённым потолком. Выбрана она в толще скалы широкими, взаимно перекрещивающимися кирковыми ударами, поверх которых поверхность стен дополнительно не сглаживалась. От этой пещеры тропа-проход приводит к храму*» [11, с. 27].Таким образом, здесь, как и в храме «Трёх всадников», мы встречаемся с попыткой разместить гипотетический жертвенник в южном полукружии[9], поскольку точно так же здесь мы обнаруживаем с юга высеченную вплотную к бывшей наружной стене («у закрайка храма») нишу (Фото 2); наконец, здесь также мы имеем с северо-запада от храма пещеру, которая теперь именуется «*кельей*», невзирая на овальную (а точнее, почти круглую) форму и широкий вход, которая соединяется с храмом коротким переходом, снабжённым завалинкой. Всё это прекрасно видно на чертеже, составленном ещё Эски-Керменской экспедицией [1, л. 13] и доселе неопубликованном (Рис. 3).

Действительно, с левой (северной) стороны от храма, на расстоянии 3,2 м от него и на одном уровне с ним в скале вырублена пещера максимальной глубиной 1,55 м, максимальной шириной 1,7 м и максимальной высотой 1, 65 м. (Фото 7), которая соединяется с храмом вырубленным в скале карнизом шириной 0,6-1,0 м (Фото 8,9). Вдоль карниза проходит выступ в виде скамьи шириной 0,4-0,45м и высотой 0,54-0,6м. Уровень пола пещеры понижен относительно карниза на 0,3м. Однако при столь небольших размерах пещеры входной проём в неё имеет ширину 1,3 м при высоте в 1,44м. Указанные размерные соотношения, на наш взгляд, делают проблематичным использование данного помещения в качестве «кельи».

Причём размеры этой пещеры почти совпадают с пещерой возле храма «Трёх всадников». Другими словами, если не учитывать влияние формообразующих особенностей скалы, мы имеем полную архитектурную аналогию пещерному комплексу (именно комплексу!) храма «Трёх всадников»[10]. А это даёт нам веские основания полагать, что отмеченные нами выше литургические особенности последнего не являются случайностью. Скорее, мы имеем дело с хорошо продуманной системой литургической планировки храмового пещерного комплекса, включающего собственно храм, скевофилакион («корбон») и соединяющий их переход.

Ещё большую наглядность наши выводы приобретают при сравнении планов эски-керменских комплексов с приведённым в работе Г.Бабич планом лавры св. Феоктиста (Рис. 4) [15, р. 71]. Особенно это касается комплекса «Большого пещерного храма». Поразительное сходство крымского и палестинского комплексов как в общей планировке, так и в основных размерах просто бросается в глаза[11].

В связи выявленными нами особенностями литургической планировки эски-керменских триконхов уместно вернуться к рассмотрению их взаимосвязи ещё с одной пещерной церковью этого городища.

---

[9] Заметим, что ниша в южной стене высечена под самым потолком - на высоте около 1,4м, а прямо перед ней вырублена скамья (Рис. 2, 3, Фото 2). Уже одно это делает предположение о жертвеннике более чем сомнительным.

[10] Ю.М. Могаричев в отношении жертвенника ограничивается ссылкой на Н.И. Репникова, а о «*пещерной келье» не говорит вовсе, указывая только, что «в комплексе с церковью расположены усыпальницы № 32, 35-37, 104 и гробницы…*» [11, Рис. 8]. Но интересующая нас пещера на упомянутом Рис. 8 из работы Н.И. Репникова (как и на более подробном Рис. 10 из той же работы) никак не пронумерована. Это даёт основание предполагать, что ни Н.И. Репников, ни Ю.М. Могаричев не придавали ей какого-то специального литургического значения.

[11] В этой связи мы в очередной раз преклоняемся перед научной интуицией и безупречной логикой Е.В.Веймарна, определившего (см. выше) вспомогательное помещение как «дьяконник», т.к. именно это наименование, как мы уже говорили, в ранний период было синонимом скевофилакия.

Ю.М.Могаричев считает, что практически одновременно с «Большим храмом» (и, возможно, даже той же артелью) был высечен в скале также «Малый» храм у городских ворот [8, с. 61–63]. Он находит в планировке этих церквей больше сходства, чем различий. Но если «Большой» и «Малый» храмы на подъездной дороге Эски-Кермена действительно вырубались одной артелью, имевшей одни и те же строительные традиции, то в последнем из них мы также должны встретить уже известные нам литургические особенности: отсутствие жертвенника в храме и наличие в южной стене ниши, а с севера от храма – помещения, могущего быть скевофилакием. К сожалению, подобное помещение с севера от храма отсутствует, если только не считать за таковое усыпальницу №98. Но зато «*в северной стене самого храма вырублена широкая лежанка с изголовьем в восточном конце*» [11, с. 36], – довольно странный для храма объект[12], а в южной части – дополнительное помещение, также с лежанкой. Отсутствуют в алтарной абсиде и следы синтрона или заменяющего его седалища, которые имеются в двух обсуждаемых триконхах (Фото 10). Все вышеперечисленные отличия «Малого» храма от «Большого» никак не позволяют нам согласиться с утверждением о сходстве их литургического устройства.

Вряд ли можно безоговорочно согласиться и со сходством их назначения[13]. «Без сомнения, это – кладбищенские часовни[14]», - пишет о храмах подъездной дороги Ю.М.Могаричев [8, с. 62]. Описание, данное Н.И.Репниковым применительно к «Большому» храму и приведённое нами выше, порождает в нас именно эти сомнения. Несмотря на то, что в настоящее время под ним имеется множество могил и усыпальниц, из этого ещё не следует, что он изначально задумывался как погребальный[15]. Даже глядя на Фото 8, очень трудно представить себе, как можно было поднять тело покойного на двухметровую высоту по узкой лесенке, которая упиралась в угол скалы, развернуть его в этом углу и по столь же узкому карнизу внести в храм. Тому, кто изучал вопрос на месте, представить себе это ещё труднее. Не случайно, в отличие от соседнего «малого» храма и храма «Трёх всадников», в этой гораздо большей по размерам церкви нет и следа захоронений[16].

---

[12] Н.Е.Гайдуков полагает, что южный компартимент «Малого храма» представляет собой «*не просто склеп, а небольшой мавзолей, скрывавший останки некогда чтимого усопшего*» [6, с. 200]. «*В основании южной конхи находится не полукруг, а опять-таки прямоугольная лежанка*», – продолжает он далее. – «*Кроме того, в самом храме в северной части находится широкая «лежанка», высотой около метра. Такая «лежанка» вполне могла использоваться при отпевании усопших. Три лежанки на такой небольшой храм – не слишком ли это много? В соответствии с этим и храм можно представить себе как кладбищенский*».

[13] Задолго до нас подобные же сомнения, хотя и исходя из иных соображений, высказал Н.Е. Гайдуков «*…сходством архитектурных форм сходства обоих храмов практически и исчерпываются. Если «большой пещерный храм» являлся частью монастырского комплекса и имеет явное мемориальное значение (наличие почитаемой агиасмы) и в нём, кроме того, ярко выражен набор литургических устройств, то «пещерный храм у городских ворот» скорее всего был обычным «кладбищенским храмом», с минимальным набором литургических устройств*» [6, с. 200-201].

[14] В значительной части публикаций, выполненных как в советское – атеистическое – время, так и в наши дни, бытует представление о часовне как о «маленькой» или «кладбищенской» (то есть, в обывательском понимании, «как бы неполноценной» – снова «как бы»!) церкви. Между тем, в богослужебном плане часовня *принципиально* отличается от церкви *отсутствием престола*. Однако и «Большой храм», и церковь «Трёх Всадников» престолы имели, и, следовательно, церковная жизнь проходила в них во всей её литургической полноте. Размер же храма в данном случае никакого значения не имеет.

[15] По нашему мнению, анализ погребального комплекса вокруг «Большого храма» представляет собой тему для отдельного исследования, которое предполагается выполнить в дальнейшем и которое не входит в задачу настоящей статьи.

[16] Это заставляет вновь рассмотреть аргументы Ю.М. Могаричева, датировавшего храмы на подъездной дороге не ранее чем серединой X в. Не забудем, что, используя для этого подъёмный материал из погребений, он делает три допущения. Во-первых, он считает кладбищенскими, наряду с храмом «Трёх Всадников», и церкви на подъездной дороге, и, во-вторых, полагает, что пещерные храмы подъездной дороги возникают «после начала захоронений на новом некрополе». Но если хотя бы один из них *первоначально* кладбищенским не являлся и лишь позднее принял на себя эту роль, то и подъёмный материал из находящихся рядом усыпальниц отражает лишь *последующие*, но никак не *предыдущие*, этапы его существования. В-третьих, говоря о

Но, если эти наши сомнения обоснованы, то мы вправе иначе взглянуть и на связь двух знаменитых триконхов Эски-Кермена.

Ю.М.Могаричев считает храм «Трёх всадников» вторичным по отношению к «Большому храму». Признавая сходство планировок и тот факт, что «*подобный тип храма редок, особенно для крымских пещерных церквей*», но, относя, вслед за Н.И.Репниковым, храм «Трёх всадников» к XIII в., он делает отсюда вывод, что «*при создании «Трёх всадников» (которому предстояло стать часовней над могилой знатного жителя Эски-Кермена) за архитектурную основу был взят «большой храм» – самая большая в это время и, вероятно, известная часовня поселения*» [8, с. 66].

Однако, если, в отличие от церкви «Трёх всадников», «Большой храм» изначально в качестве кладбищенского не предназначался, то параллели в их планировке имеют не генетическую, а онтологическую природу.

Говоря конкретнее, сходство между «Большим» храмом и храмом «Трёх всадников» может носить не формально-архитектурный и даже не функциональный, а, повторимся, сущностный характер, отражающий особенности литургической жизни, характерные для вполне определённого хронотопа. В частности, удивительное сходство комплекса «Большого пещерного храма» и лавры св. Феоктиста может прямо указывать на присутствие палестинской монашеской традиции в Крыму. Не противоречат этому и наши наблюдения относительно храма «Трёх всадников». И если наша догадка о наличии в литургической планировке эски-керменских церквей скевофилакиев («корбонов») справедлива, то, в совокупности с их триконхиальной формой, это делает данные пещерные храмы уже не просто «редкими» для Крыма, а поистине уникальными.

Список использованной литературы

1. Архив ИИМК, ф. Р-I, д. 119а.
2. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ, 1991. Вып. II.
3. Бобровский Т.А. Церковно-археологические аспекты изучения монашеских пещер Древней Руси // Могилянские чтения 2002, Киев, 2003.
4. Веймарн Е.В. Материалы к монографии «Пещерные города Крыма» // Архив КРУ БИКЗ. Фонд 10 а. Док. 80/4.
5. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // Российская археология. 2005. №1.
6. Гайдуков Н.Е. Сакральное пространство и литургические устройства в доиконоборческих пещерных храмах Юго-Западной Таврики // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006.
7. Дмитриевский И. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. М., 2009.

предметах из погребений, Ю.М. Могаричев утверждает, что «все указанные вещи вместе бытовали только в X-XI вв… Таким образом, появление храмов в районе подъёмной дороги можно датировать в X-XI вв.» [8, с. 63]. При этом он ссылается на данные А.И.Айбабина [2, с. 46-47]. Однако сам А.И.Айбабин на основании этого же материала относит храмы к концу IX в. [2, с.47] (sic!) И это не говоря уже о том, что датировка подъёмного материала, в свою очередь, основывается на весьма широком спектре аналогов – от Новгорода до Коринфа, что само по себе делает проблематичным установление точных временных рамок. Сопоставляя этот вывод с предыдущим, следует признать, что по крайней мере «Большой пещерный храм» вполне мог быть вырублен *ранее* середины IX столетия. Если же храмы возникли всё-таки позднее усыпальниц, то следует согласиться с датировкой А.И. Айбабина. В любом случае это хорошо согласуется как с приведёнными выше соображениями, так и с литургической датировкой [5, с. 74].

8. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви в районе подъездной дороги Эски-кермена // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
9. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
10. Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного Нагорья Крыма. Архив ИИМК, Ф.1. Д.9, 10.
11. Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-кермена // Материалы Эски-керменской экспедиции. ИГАИМК. М.-Л.,1935. Вып.117.
12. Репников Н.И. Предварительный отчёт Эски-Керменской экспедиции за 1928 год. Архив ИИМК РАН, ф.2, оп.1, №105.
13. Репников Н.И. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. Л, 1932. Т. 12. Вып. 1-8.
14. Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. СПб., 2004.
15. Babić G. Les chapelles annexes des èglises Byzantines. Paris, 1969.
16. URL: http://www.liturgy.ru/docs/1hram3.php (дата обращения: 29.07.2011).
17. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/140983.html (дата обращения: 29.07.2011).

Summary

Not the first generation of scientists engaged in archaeological study of Eski-Kermen. However, not all its secrets yet managed to solve. Particularly difficult to trace the history of cave churches. Obviously, it's time to attract a special kind of experts – priests. However, examples of such cooperation is not enough. The authors of this paper attempted to demonstrate the scientific community, as can be fruitful, such contacts. The present article is devoted to clarify the causes and circumstances of the emergence trikonhialnyh cave temples in the Crimea.

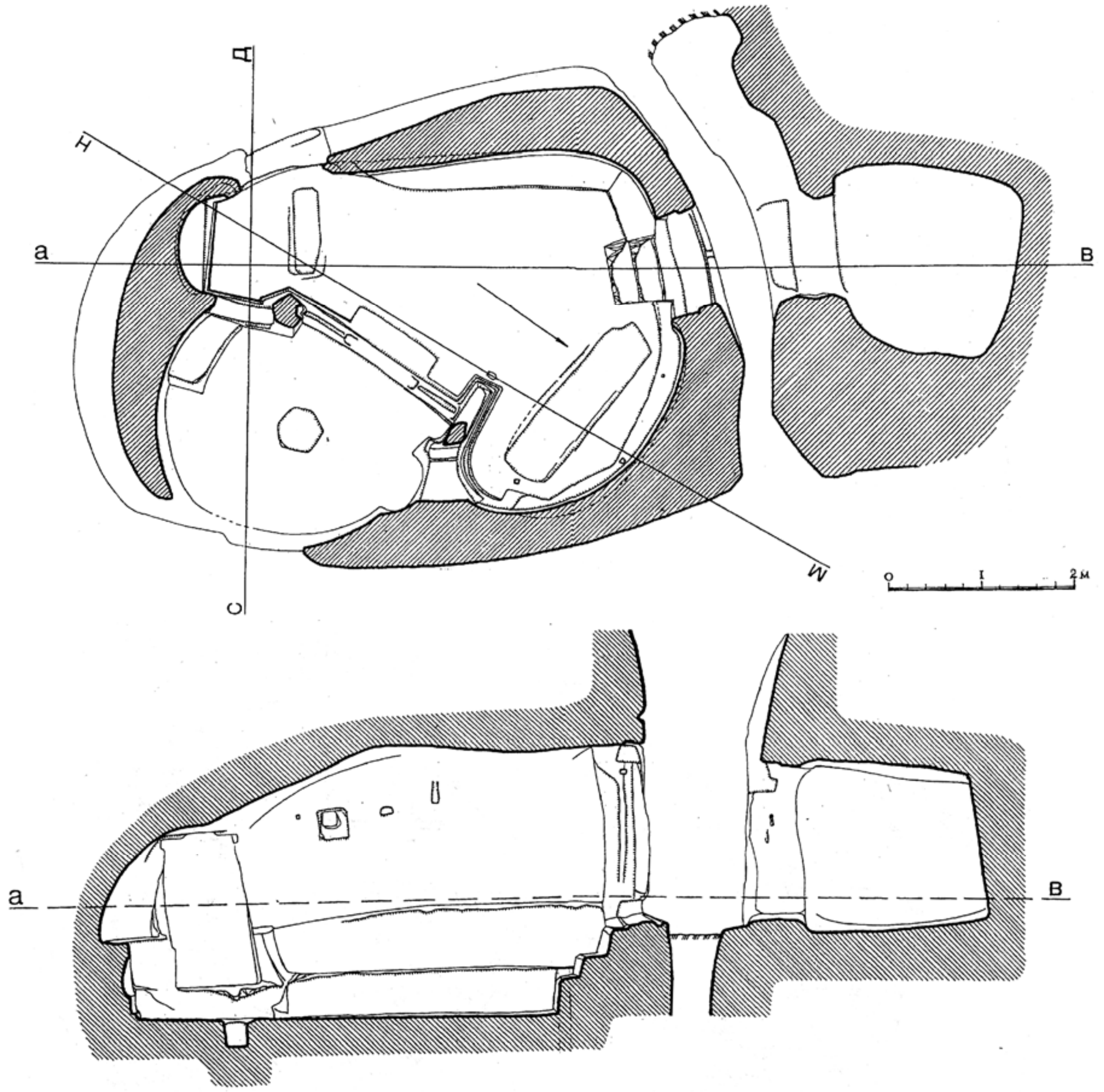

Рис. 1. Храм «Трёх Всадников». План и разрезы по Ю.М.Могаричеву [9, с. 256–257].

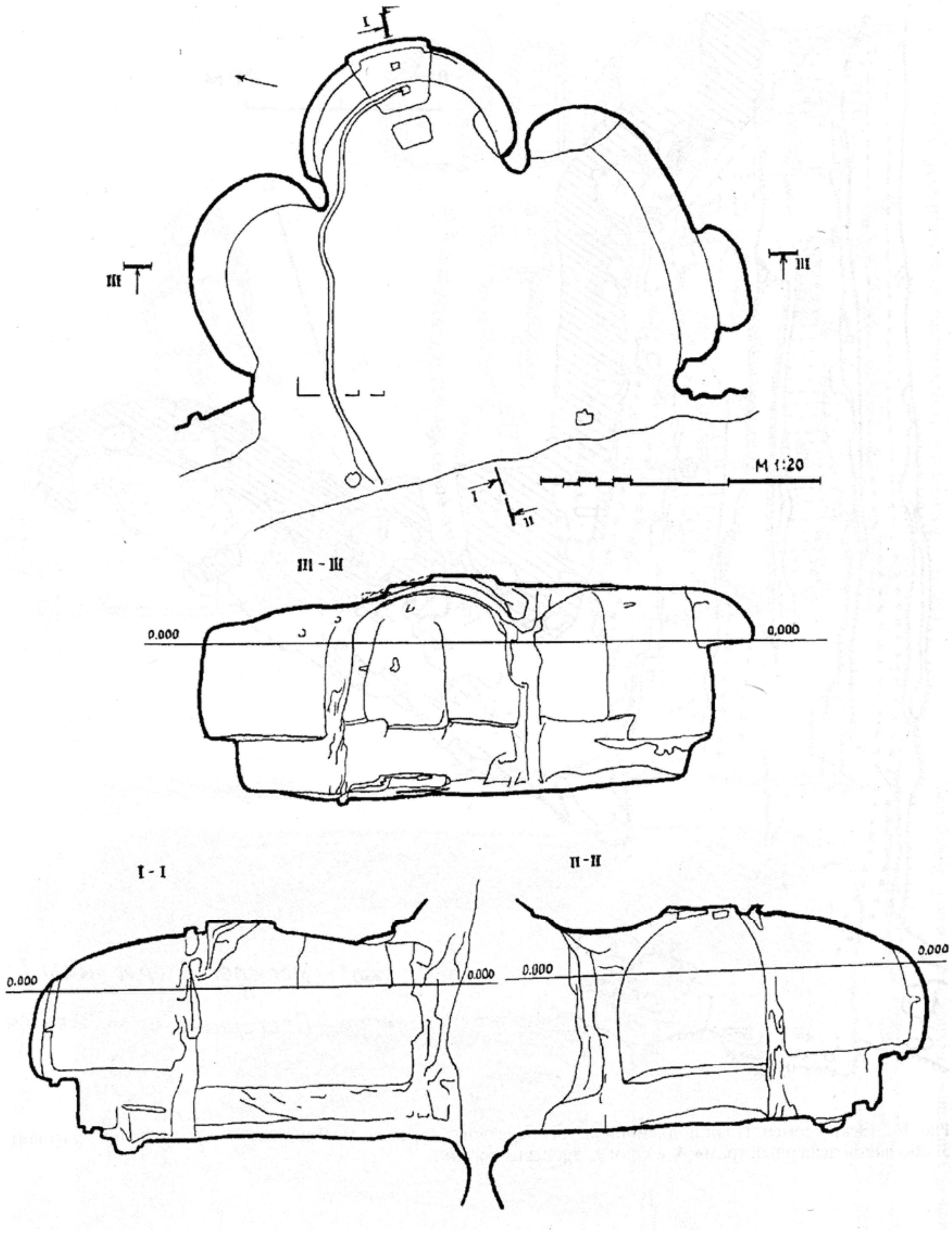

Рис 2. «Большой пещерный храм» на подъездной дороге.
План и разрезы по Ю.М.Могаричеву [9, с.232].

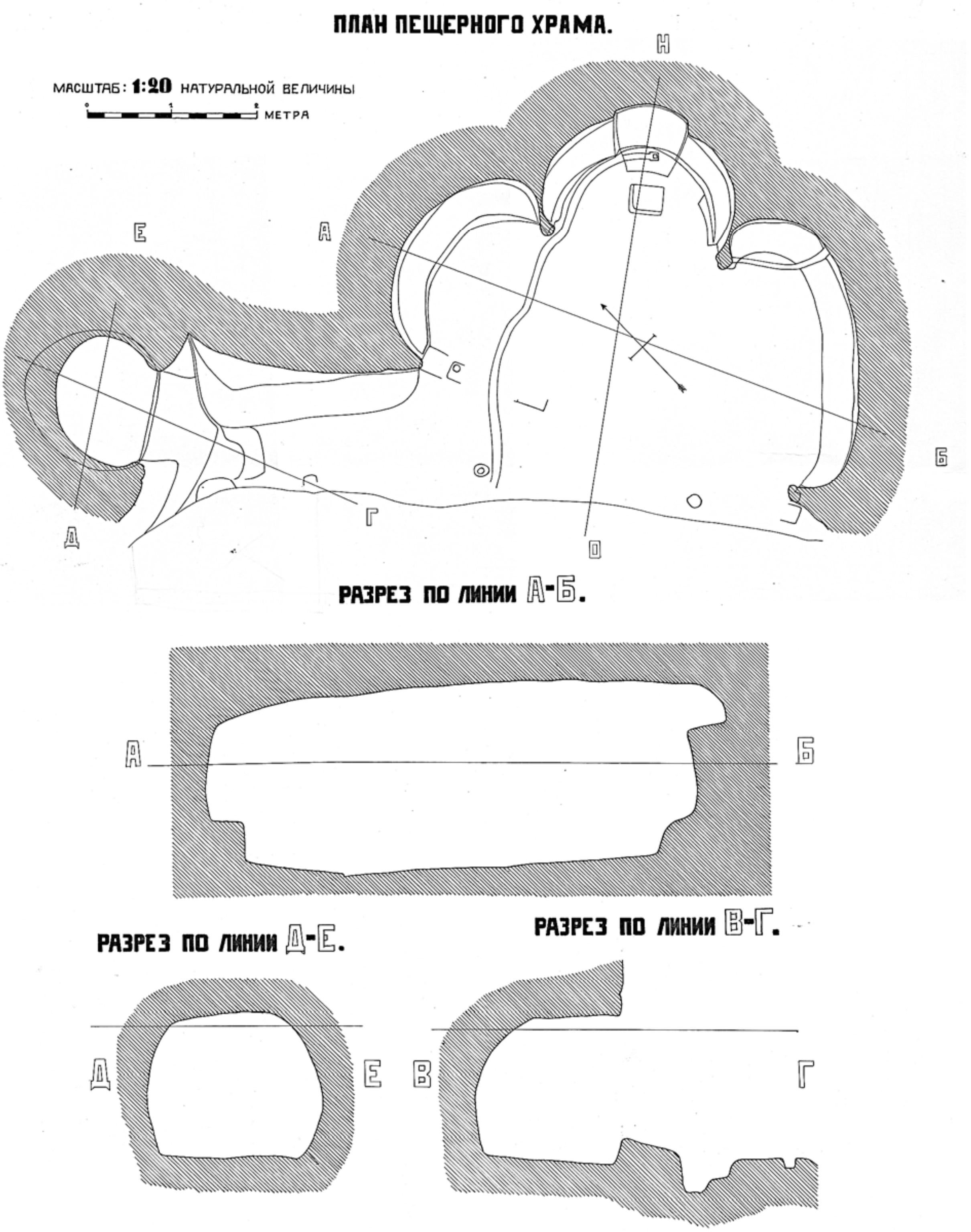

Рис 3. Комплекс «Большого пещерного храма» на подъездной дороге.
План и разрезы [1, л.13].

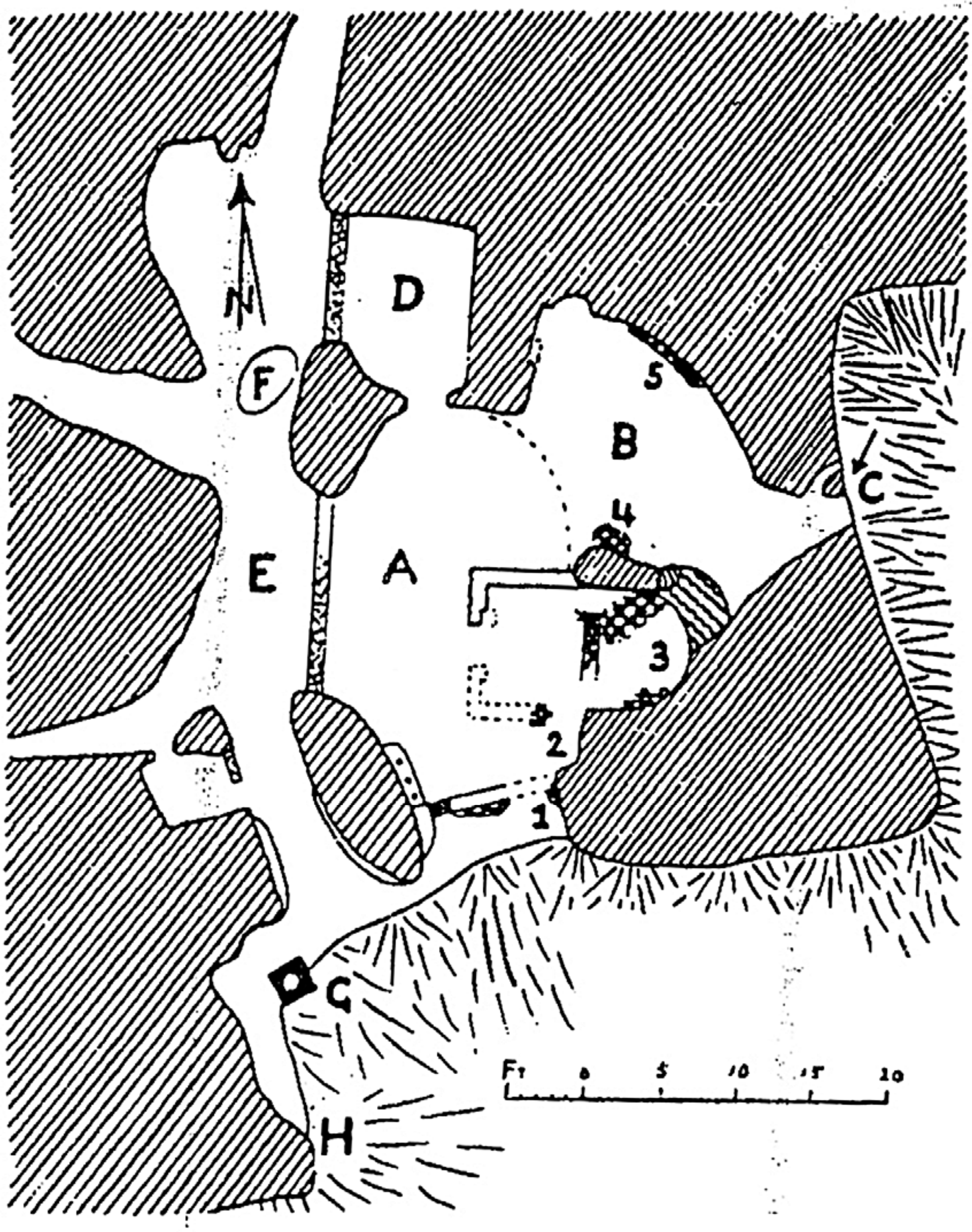

Рис. 4. План лавры св. Феоктиста по Г.Бабич [15, p. 71, fig. 36]

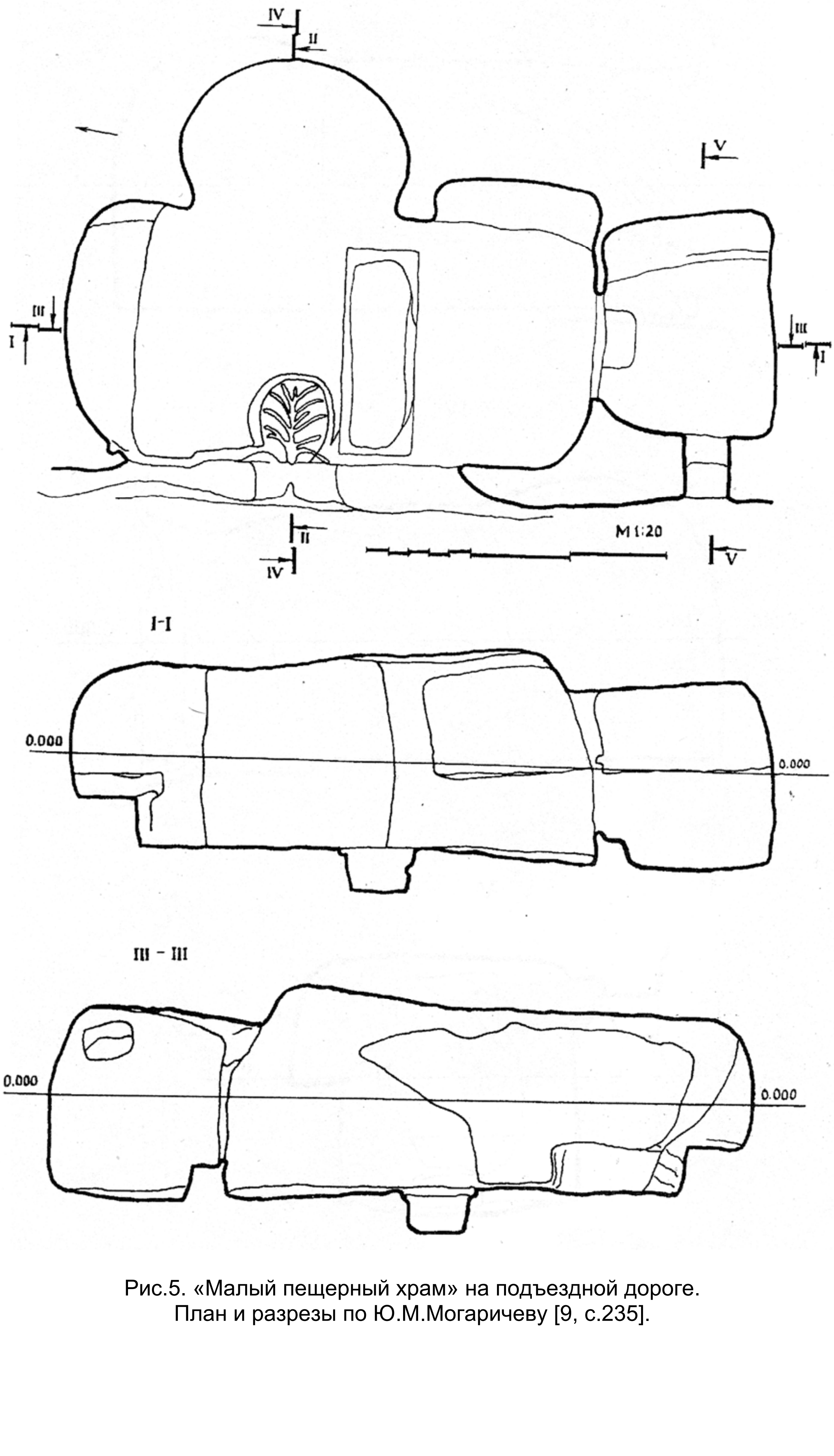

Рис.5. «Малый пещерный храм» на подъездной дороге.
План и разрезы по Ю.М.Могаричеву [9, с.235].

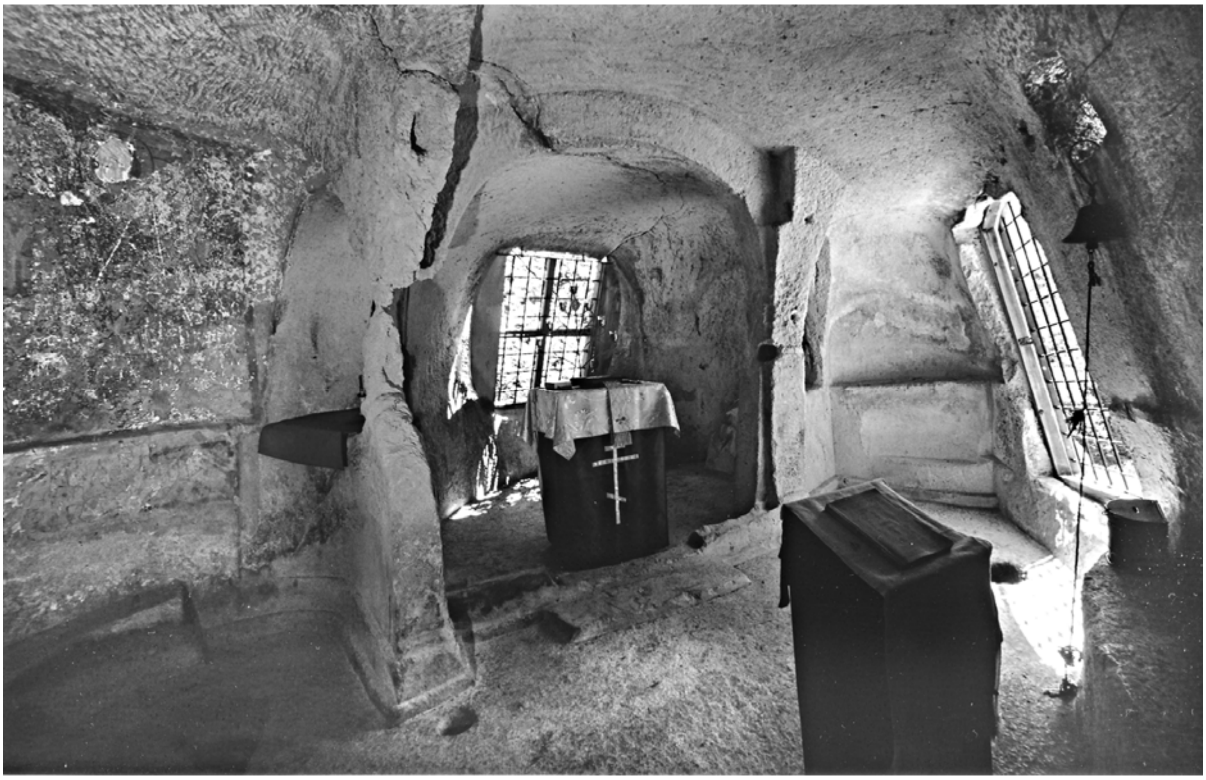

Фото 1. Храм «Трёх Всадников». Вид с северо-запада.

Фото 2. «Большой пещерный храм» на подъездной дороге. Вид с северо-запада.

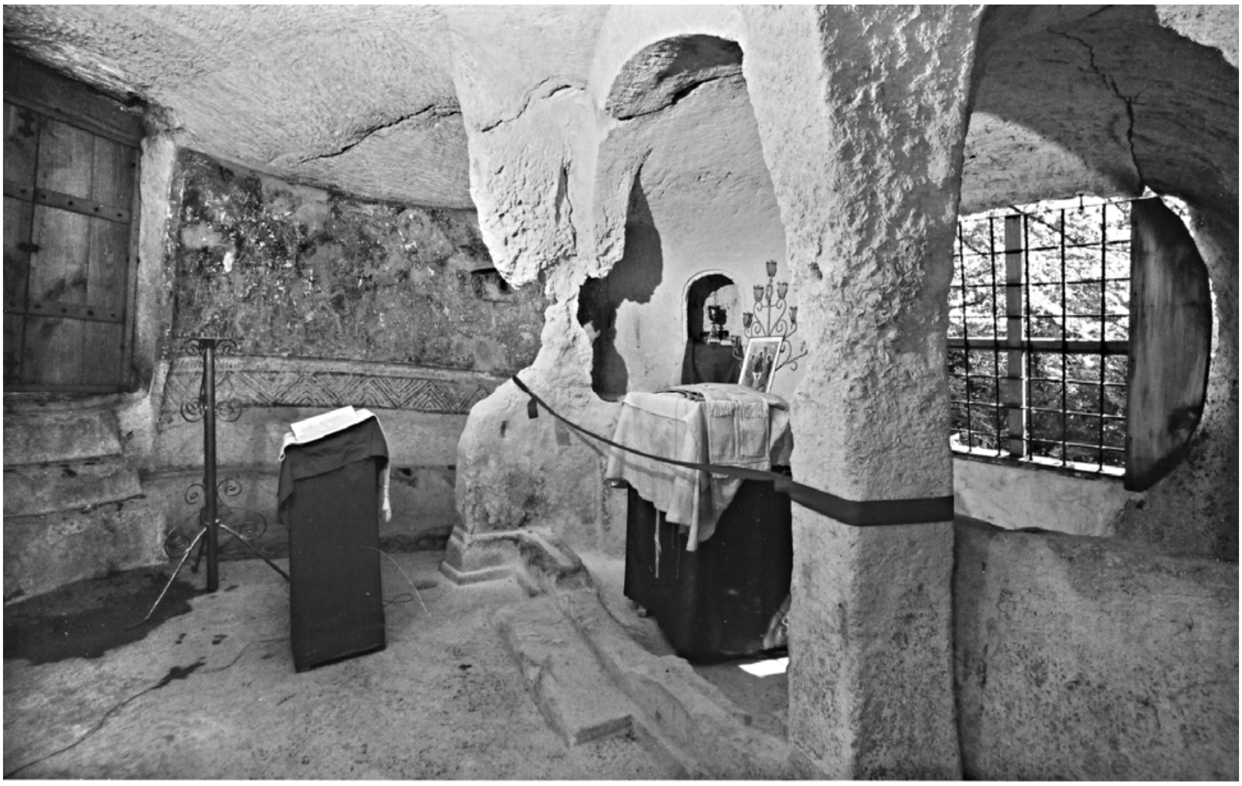

Фото 3. Храм «Трёх Всадников». Вид с юга.

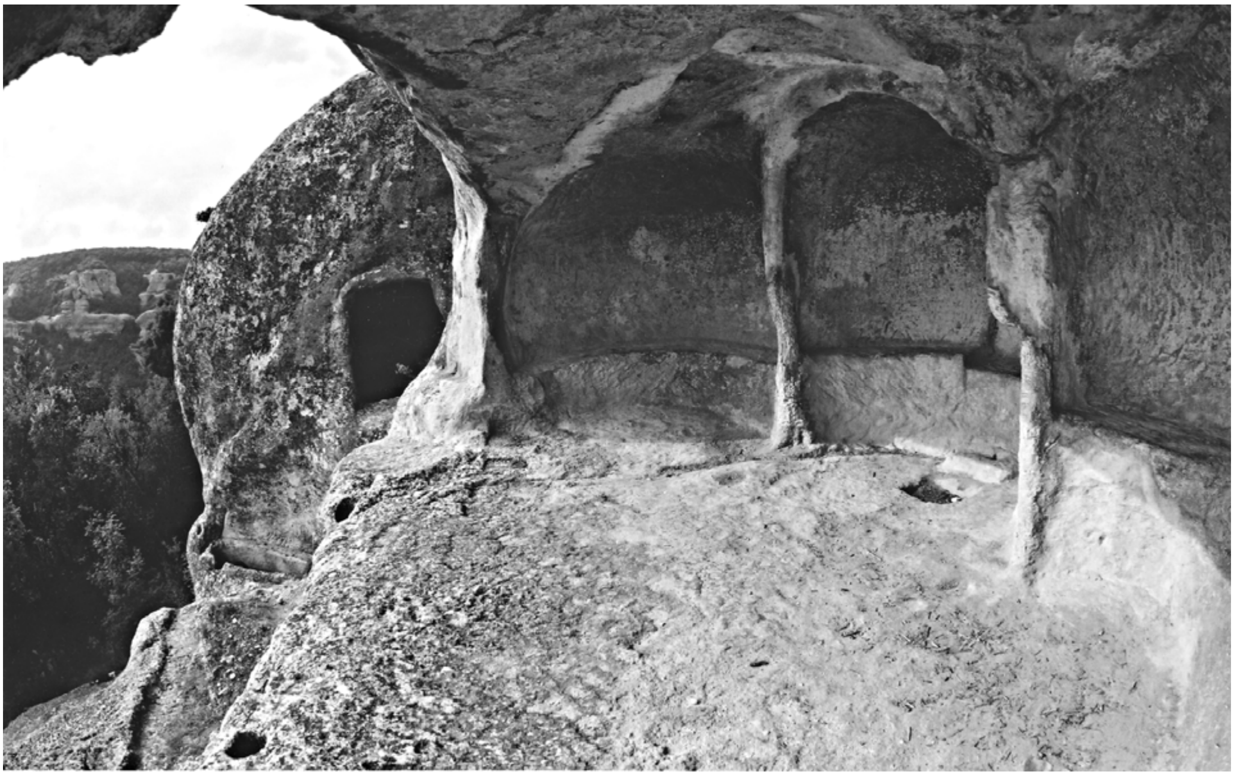

Фото 4. «Большой пещерный храм» на подъездной дороге. Вид с юга.

Фото 5. Концентрические следы тёски в полу алтарного полукружия «Большого пещерного храма».

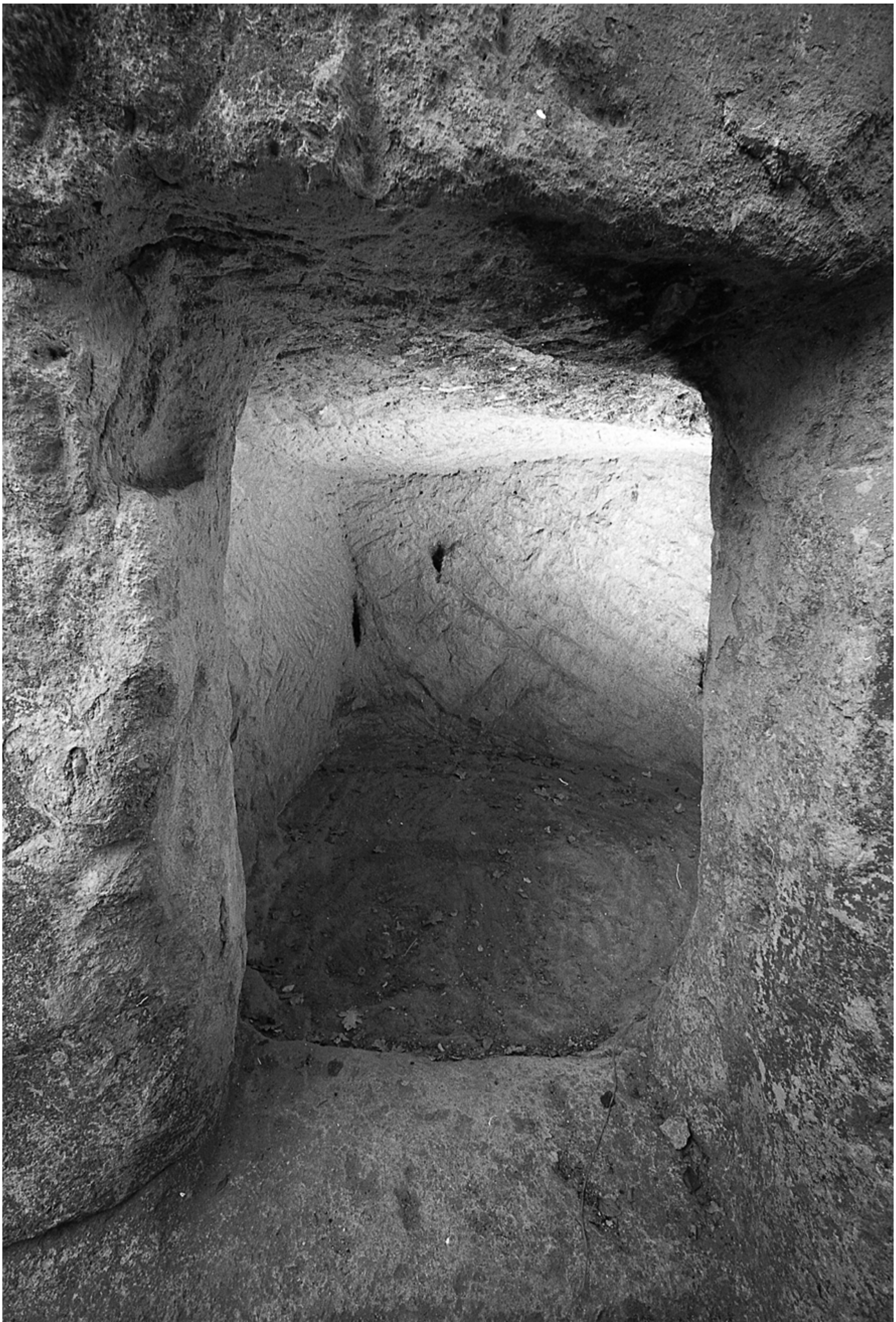

Фото 6. Храм «Трёх Всадников».
Помещение, интерпретировавшееся как «ризница» или «усыпальница».

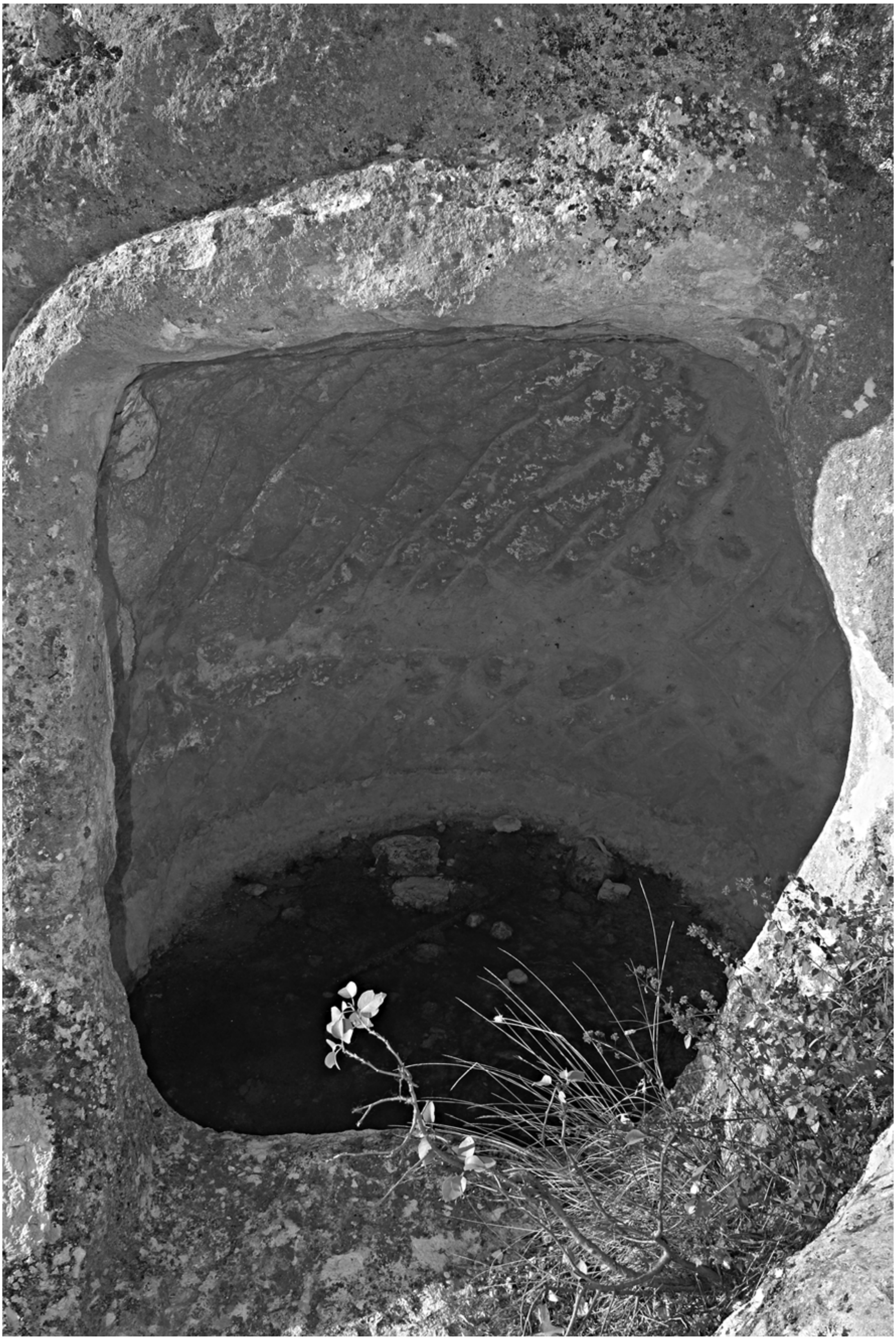

Фото 7. Помещение, интерпретировавшееся как «келья»
у «Большого пещерного храма».

Фото 8. «Большой пещерный храм» с помещением, интерпретировавшимся как «келья».

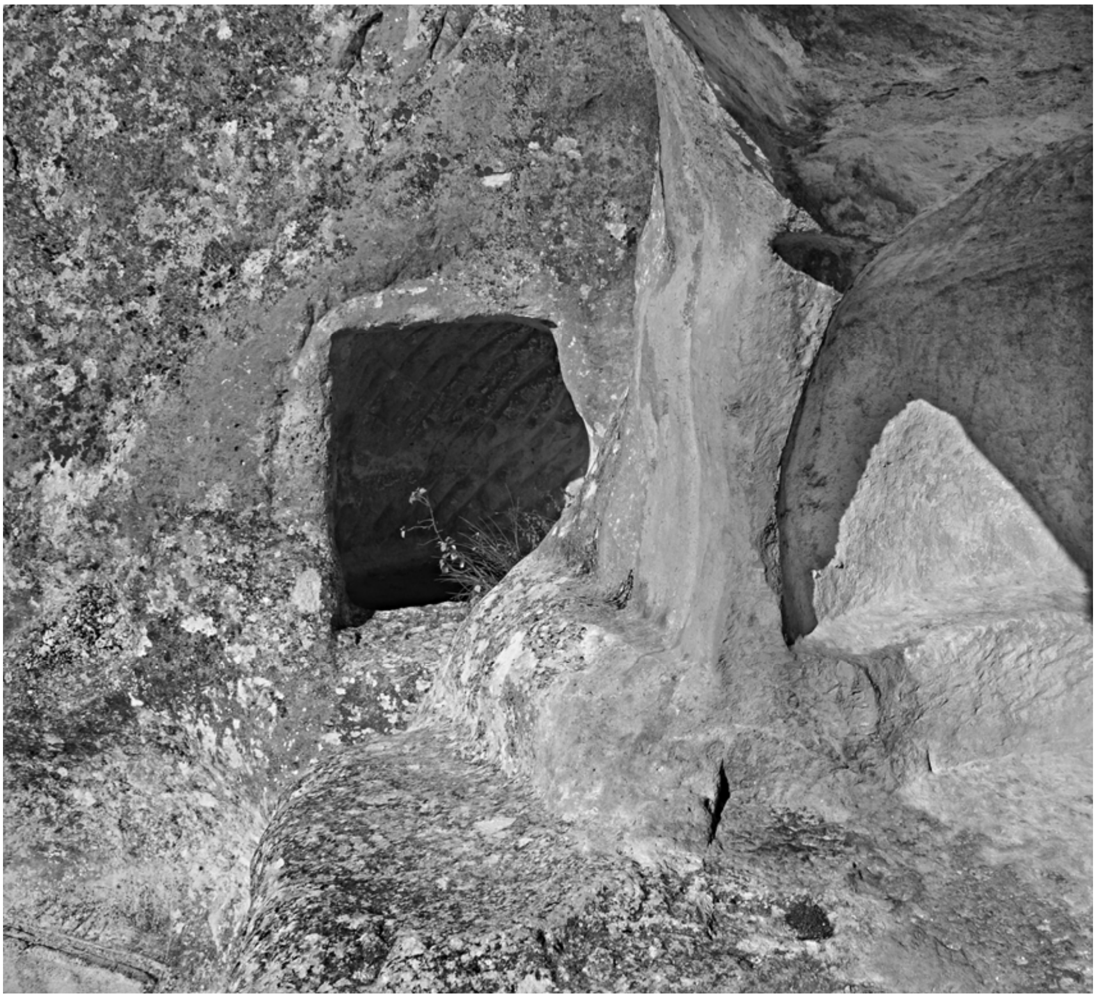

Фото 9. Карниз, соединяющий помещение, интерпретировавшееся как «келья», с «Большим пещерным храмом».

Фото10. «Малый пещерный храм» на подъездной дороге.

Н.В.Днепровский

ПЕЩЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ОБРЫВА ГОРОДИЩА КЫЗ-КЕРМЕН

Топоним «Кыз-Кермен» («Девичья крепость») относится к раннесредневековому укреплению, находящемуся на оконечности мыса Кыз-куле-бурун, а иногда и к находящемуся рядом с ним открытому поселению I в. н.э. Несмотря на связанную с этим названием красивую легенду, скорее всего, он представляет собой искажённое «Хыз– (в другом прочтении, «Кёз–») *Кермен*» – «Дозорная крепость». Действительно, одноименное укрепление могло контролировать значительную часть долины р. Качи, а конфигурация мыса позволила при помощи всего лишь130-метровой оборонительной стены отгородить более чем 700-метровый участок плато. Мыс практически нависает над расположенным в долине с. Машино (б. Татаркой).

Кыз-Кермен является одним из самых парадоксальных, с точки зрения спелеистики, объектов Крыма. С одной стороны, он зачастую включается в путеводители по крымским «пещерным городам» [7, с. 160; 8, с. 171–178], а с другой – на всей его немалой территории известны всего три искусственных пещерных помещения, одно из которых, к тому же, является подвалом бывшей усадьбы. Речь идет о Помещении №1 по классификации Ю.М. Могаричева[1] [6, с. 82]. Это тем более удивительно, что буквально на другой стороне ущелья находится Тепе-Кермен – один из самых знаменитых «пещерных городов» [2, с. 13–35], где на площади всего в 1 га[2] расположено не менее 250 скальных помещений. Третий парадокс Кыз-Кермена состоит в том, что, хотя обе пещеры в его восточном обрыве великолепно просматриваются с того же Тепе-Кермена (Фото 1, 2), одна из них (Помещение №3) была «*открыта*» лишь в 80-е годы 20-го века [8, с. 175] и до сих пор квалифицируется в литературе как «*недоступная*» [6, с. 82]. Всё это привело к сравнительно редкой посещаемости городища. Сыграла свою роль также нелюбовь археологов к исследованию памятников с отсутствующим культурным слоем. Наиболее ранние из известных нам материалов, посвящённых пещерам Кыз-Кермена, собранные Севастопольским музеем краеведения в 1924–1925 гг., так и остались неопубликованными. Сведения о них фрагментарно сохранились только в архиве Е.В. Веймарна [1, л. 29, 31]. Они были обнаружены нами лишь в 2010 г. По-видимому, единственными опубликованными в научной литературе материалами являются обмеры с кратким описанием Помещения №2, приведённые Ю.М. Могаричевым [6, с. 82]. Согласно устному сообщению А.В. Белого, более детальные исследования этих пещер не проводились. Более того, до недавнего времени не было достоверно зафиксировано даже точное местоположение пещер Кыз-Кермена. Так, Ю.М. Могаричев указывает, что «*помещение №3 расположено в 30 метрах к востоку от помещения №2, в обрыве плато*» [6, с. 82], а «*помещение №2 … расположено на северном краю плато Кыз-Кермена*» [6, с. 82]. Между тем, Помещение №3 находится примерно в 350 метрах к югу от оборонительной стены Кыз-Кермена и примерно в 150 метрах к югу от Помещения №2, причём оба они находятся на восточном краю плато. Таким образом, искусственные пещеры восточного обрыва Кыз-Кермена изучены слабо. В то же время, они интересны уже тем, что, по мнению Ю.М. Могаричева, единственные во всём Крыму относятся к VIII–IX векам. Целью нашего исследования было заполнение существующего пробела.

---

[1] Далее в целях единообразия мы будем придерживаться этой классификации.
[2] Т.е. на порядок меньше, чем на Кыз-Кермене.

1. Помещение №3

Находится примерно в 350 м к югу от оборонительной стены Кыз-Кермена и примерно в 150 м к югу от Помещения №2. Оно практически не просматривается с поверхности плато, и найти его крайне сложно. Тем не менее, вырубленные в скале зацепы говорят о том, что оно посещалось и после своего разрушения. Действительно, спуск в пещеру технически возможен, но требует чрезвычайной осторожности в связи с реальной опасностью для жизни.

Помещение сильно разрушено (Фото 3). Восточная стена, часть потолка, северной и южной стен отсутствуют (Фото 4, 5), в западной стене имеются трещины (Фото 6). Тем не менее, на уцелевшей части стен очень хорошо сохранились следы обработки вида Т.-1 по классификации Ю.М.Могаричева [6, с. 47] (Фото 6). Форма пещеры, как в плане, так и в разрезе, близка к прямоугольной со скруглёнными углами (Фото 6, 7, Рис.1). Размеры помещения: максимальная длина – 2,6 м, максимальная ширина (по сохранившейся части пола) – 2,07 м, максимальная высота (по сохранившейся части потолка) – 1,64 м. По длинной оси помещение ориентировано на северо-северо-запад (с отклонением на 28 градусов против часовой стрелки от направления «север – юг»). Южная стена в ширину сохранилась по уровню пола на 1,07 м. На расстоянии в 1,2 м от южной стены в западной стене имеется вертикальная вырубка высотой 1,18 м, шириной 0,03 м и глубиной 0,04 м (Фото 4). Северо-западный угол помещения на уровне пола разрушен природным воздействием. Северная стена по уровню пола сохранилась на ширину 1,77 м. В полу на расстоянии 1,15 м от южной стены и 0,4 м от восточного края помещения находится вырубка диаметром 0,09 м и глубиной 0,08 м. Также в полу на расстоянии 0,77 м от южной стены перпендикулярно к восточному краю помещения проходит вырубка или водосборная канавка видимой длиной 0,4 м, шириной 0.04 м и глубиной около 0,03 м.

2. Помещение №2

Расположено в восточном обрыве Кыз-Кермена, примерно в 200 метрах южнее оборонительной стены городища.

Помещение было хорошо известно, по крайней мере, с 20-х годов XX в. На глазомерном плане В.Н.Чепелева 1925 г. оно отмечено под №4 и квалифицировано как «*погребальная (?) пещера*» (Рис. 2) [1, л. 29]. Им же составлены приблизительный план пещеры и рисунок входа (Рис. 3) [1, л. 31]. Эти материалы были вклеены Е.В. Веймарном в своё «*Описание пещеры в восточной части Хыз-Куле-Бурун*». Приведём это описание: «*Пещера №1. В пещеру ведёт вниз одна ступенька, высеченная в скале. С правой стороны («О» стена) остатки дверных приспособлений. На «N» стене выбоины (смотри Рис. 1), на двух других стенах погребальные углубления. С левой стороны входа маленькое окно на высоте человеческого роста (Рис. 2). Следы дверной коробки ясны*». [1, л. 31]. На этом же листе присутствуют выполненные Е.В.Веймарном и упомянутые им рисунки ниш в северной стене и окна пещеры (Рис. 4). Однако эти материалы, как уже говорилось, были забыты.

Приведём также, ввиду его краткости, единственное из опубликованных в литературе описание помещения, данное Ю.М. Могаричевым: «*Помещение №2 (рис. 5) размерами 3,5 х 3 х 2 м, расположено на северном краю плато Кыз-Кермена. Вход в него – с площадки, выходящей на край обрыва. В плане помещение имеет прямоугольную форму со скруглёнными углами. В разрезе прослеживается, хотя и слабо выраженная, граница между стенами и потолком. В южной и западной стенах вырублены лежанки 2 х 0,4 х 0,45 м и 2,7 х 0,4 х 0,4м. Обработка помещения Т.-1, однако она плохо сохранилась, так как после вырубки стены были подтёсаны зубаткой.*

В функциональном плане, учитывая архитектурные особенности – гладкую обработку, наличие лежанок, представляется культовый характер данного помещения. Скорее всего, оно являлось отшельнической келией. Вероятно, появилась она после прекращения жизни на Кыз-Кермене, так как трудно представить близкое соседство отшельнической келии и крупного винодельческого комплекса (рядом с помещением №2 находится несколько тарапанов)»[3] [5, с. 82].

Как это ни странно, первоначально поводом для более внимательного обследования этой пещеры стали её феноменальные акустические свойства. Реверберация звука в этом крошечном помещении составляет (при отсутствии дверного полотна в дверном проёме!) 7–8 сек. Для сравнения: в лучшем органном зале бывшего СССР – Рижском Домском соборе – это время составляло около 15 сек, а в соборе г. Вильнюса в период его функционирования в качестве концертного зала - лишь около 5 сек (замеры автора). При этом размеры указанных помещений с пещерой Кыз-Кермена абсолютно несопоставимы. Ещё более удивительным оказался акустический резонанс пещеры на нижних частотах. Стало совершенно очевидным, что для отшельника, стремящегося к тишине и уединению, устраивать келью в такой «музыкальной шкатулке» было бы довольно странно. Зато невероятные, поистине мистические для такого объёма звуковые эффекты могли бы с успехом использоваться в церковном богослужении. Внимательное визуальное обследование, обмеры и фотографирование элементов помещения при касательном падении света (которое достигалось при помощи соответствующего размещения профессиональных импульсных ламп-вспышек) выявило следующее.

1. Помещение очень хорошо укрыто от посторонних глаз. Вход в помещение – с вытянутой площадки длиной около 6 м и шириной до 1,6 м, находящейся под восточном краем обрыва, примерно в 3-х м ниже уровня плато. Найти помещение затруднительно, даже зная его местоположение. На площадку ведут 14 узких подрубок (Фото 8), которые С.В. Харитонов считает опорами для крепления ступеней деревянной лестницы [7, с. 174]. На восточном краю площадки имеются три вырубленные гнезда, очевидно для установки ограждения (Фото 9). Среднее гнездо расположено напротив входа в помещение на расстоянии 1,33 м от него и имеет форму, близкую к прямоугольной со скруглёнными краями, и размеры 0,17 x 0,17 м. Северное гнездо расположено на расстоянии 0,6 м к востоку от скальной стенки, имеет практически круглую форму и диаметр 0,2 м. Южное

---

[3] Работа Ю.М. Могаричева была первым масштабным обобщением исследований искусственных пещерных сооружений Крыма. Позднее в свет вышла работа В.Н. Даниленко, в которой автор аргументировано обосновывает свою точку зрения на масштабы монастырского виноделия в Крыму [4, с. 131–139]. Благодаря этим исследователям, в настоящее время наличие тарапана вблизи культового сооружения не является столь бесспорным аргументом в относительной датировке. В самом деле, начиная с известного изречения Христа: «Аз есмь истинная виноградная лоза» (Ин. 15, 1) христианство (или, по крайней мере, его восточная ветвь) было неотделимо от символики и традиций виноградарства и виноделия. Здесь и «процветшие» кресты, и Таинство Евхаристии, и освящение хлебов, вина, и елея, и виноградные грозди на византийских, армянских и грузинских рельефах, и знаменитые монастырские виноградники. Не следует также забывать, что в жарких и бедных свежей водой районах добавление вина в воду с античных времён до настоящего времени остаётся одним из главных средств предотвращения кишечных заболеваний, что приводило (да и сейчас приводит) к его чрезвычайно большому, в нашем понимании, его потреблению. Так, по данным опросов, полученных автором, в сельской местности Грузии и Молдавии, средняя семья в год потребляет несколько сотен литров домашнего вина. Даже на раннем этапе развития ислама употребление вина, судя по всему, на Востоке не запрещалось, а только регламентировалось. На это прямо указывает Коран: «О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны, пока не будете понимать, что вы говорите» (Коран, 4, 46 (43)). А великий среднеазиатский врач Абу-Али ибн Сина, один из столпов всей средневековой медицины, равно почитавшийся непререкаемым авторитетом на Востоке и Западе, в своём знаменитом «Каноне врачебной науки» заканчивает раздел «Вино» восклицанием: «Вознесем же хвалу Аллаху, который сделал вино лекарством, помогающим прирожденным силам» (Книга 2-я, «О простых лекарствах», буква «Шин», «шараб – вино»). Вино является также неизменным атрибутом произведений многих суфийских мистиков, из которых на Западе лучше всего знают Омара Хайяма и Руми.

гнездо также имеет округлую форму, диаметр 0,2 м и находится в 1,31 м от скалы. Все три гнезда заполнены грунтом.

2. В помещение ведёт дверной проём шириной 0,75–0,78 м и высотой 1,75 м. Уровень порога проёма совпадает с уровнем предвходовой площадки.

Толщина наружной стены помещения – около 0,3–0,4 м. Уровень пола помещения ниже уровня площадки примерно на 0,4 м, поэтому с внутренней стороны помещения к дверному проёму примыкает ступенька длиной 0,56 м, шириной 0,35 м и высотой 0,25 м со слегка скруглёнными углами (фото 10).

3. Помещение имеет почти квадратную форму (рис. 6, Фото 11) с закруглёнными углами, максимальные (без ниш) размеры 3,66х3,3 м, максимальную высоту 2,03 м и ориентировано практически с севера на юг с отклонением большей оси на 5 градусов против часовой стрелки. Пол помещения неровный. Почти в центре пола, на расстоянии 1,4 м от северной стены и 1,1 м от входа имеется близкая к квадратной подрубка размером 0,37 х 0,37 м с горизонтальной поверхностью (Фото 12). Западнее подрубки в полу имеется квадратное гнездо размером 0,04 х 0,04 см и глубиной 0,09 м. В юго-западном углу помещения, вплотную к стене, имеется круглая подтёска пола с горизонтальной поверхностью диаметром 0,2 м, возможно, для установки сосуда, и прямоугольная подтёска размером 0,26 х 0,16 м. С южной стороны входной двери в полу имеется полусферическое углубление диаметром 0,41 м, по-видимому, служившее в качестве очага или для установки какой-то ёмкости.

4. Первоначальная обработка стен помещения №2 соответствует типу Т.-1 по классификации Ю.М. Могаричева и практически идентична обработке помещения №3 (Фото 13), что может говорить о близком времени создания этих помещений, возможно даже одним и тем же мастером. Если это предположение правильно, то создание пещер на Кыз-Кермене было единовременным актом.

5. Последующая обработка помещения зубаткой идентична обработке лицевой стороны квадров из развала оборонительной стены, датируемой ранним средневековьем (Фото 14). Однако характер черновой обработки других сторон этих же квадров не имеет аналогов в помещении №2, так как она выполнена остро заточенным инструментом и носит гораздо более аккуратный характер. Отсюда можно сделать предположение о том, что необработанные зубаткой части Помещения №2 сохранили первоначальную поверхность, уже не соответствовавшую уровню технологии, принятому в период завершения строительства оборонительной стены. Если это предположение правильно, то тем самым снимается поставленный Ю.М. Могаричевым вопрос об уникальности пещер Кыз-Кермена как памятников VIII–IX вв. В этом случае они могут относиться ещё к VII в, для которого, согласно Ю.М. Могаричеву, как раз и характерна именно обработка Т.-1, а обработка Помещения №2 зубаткой могла произойти как в этот период, так и в более позднее время.

6. В северной стене помещения имеются три ниши разного размера (Фото 15).

Средняя из ниш расположена на высоте 1,19 м над уровнем пола и имеет размеры: ширину – 0,55 м, высоту – 0,65 м и глубину – 0,29 м. Форма ниши в плане близка к прямоугольной со скруглёнными краями.

Левая (западная) ниша находится на высоте 1,34 м и имеет 0,17 м в ширину, 0,23 м в высоту и 0,13 м в глубину, в плане полукруглая.

Правая (восточная) ниша располагается в 1,16 м над полом, в ширину имеет 0,98м, в высоту – 0,8 м. Боковые стенки ниши плоские, задняя слегка скруглена. Глубина ниши в центре – 0,41 м, по краям – 0, 35 м.

Поверхность ниш тщательно обработана зубаткой (Фото 16).

7. В западной и южной стенах помещения вырублены ниши с выступами, которые обычно называют лежанками. Высота ниш совпадает с потолком помещения (Фото 17, 18). Боковые стенки ниш практически плоские, задние стены слегка прогнуты. Высота выступа в

западной стене – 0,51 м, ширина в центре – 0,51 м, по северному и южному краям – 0,24 и 0,32 м соответственно. Высота выступа в южной стене – 0,49 м, ширина в центре – 0,57 м, по западному и восточному краям – 0,34 и 0,36 м соответственно. Поверхность ниш также обработана зубаткой. Заметим, что вогнутая форма этих ниш превращает исходное помещение в плане почти в круглое, с чем, возможно, и связаны особенности его акустики. Кроме того, узкие по краям (0,25–0,3 м) выступы в нишах и притом сильно изогнутые выступы вряд ли действительно могли использоваться в качестве лежанок. Не исключено, что это действительно погребальные ниши.

8. Поверхности, обработанные зубаткой, почти по всей своей поверхности покрыты процарапанными тонкими линиями, которых нет на участках, где имеются сколы или другие повреждения. В то же время современные граффити на повреждённых участках присутствуют. Следовательно, процарапанные линии достаточно старые. При первоначальном осмотре установить их семантическую нагрузку не удалось, хотя целенаправленный характер их нанесения не вызывает сомнений. Местами линии формируют сетчатые структуры и геометрические фигуры (Фото 19). Идентификацию дополнительно затрудняет волнистый характер поверхности, вследствие чего получившиеся геометрические фигуры оказывались очень неровными. Кроме того, на стенах помещения (главным образом, на западной) имеется ряд граффити, представляющих интерес. Их местоположение отмечено цифрами на Фото 17. В юго-западном углу помещения имеется вырезанная на стене надпись на иврите (Фото 20), выше неё процарапаны ещё две[4] (Фото 21, 22). Правее на стене вырезано изображение Соломоновой печати 2 (Фото 23). Над северной частью западной лежанки процарапано изображение креста с неразборчивой надписью (Фото24). Однако все эти надписи находятся на относительно ровных участках стены, где слой камня, обработанный зубаткой, уже отшелушился, поэтому, скорее всего, они являются сравнительно поздними. По-видимому, более ранними являются стилизованное изображение человечка в кораблике (Фото25) и остатки второго изображения кораблика (Фото 26), выцарапанные на участках стены над западной лежанкой, обработанных зубаткой. Во всяком случае, часть второго кораблика пострадала именно при отщеплении этого слоя камня. Над восточной частью лежанки, вырубленной в южной стене – знак, напоминающий тамги крымских ханов (Фото 27). Всё это указывает на то, что пещера была известна, а, возможно, и эксплуатировалась, в течение гораздо более длительного времени, чем существование укрепления на мысе Кыз-Куле-бурун. Нет сомнения, что внимательное изучение кыз-керменской пещеры специалистами по эпиграфике приведёт к новым находкам.

9. С правой стороны от дверного проёма, над полукруглым углублением в полу, на высоте 1,49 м над уровнем пола в восточной стене имеется окошко полукруглой формы шириной 0,2 и высотой 0,14 м. С внутренней стороны оно оформлено полукруглой нишей шириной 0,27 м, высотой 0,23 м и глубиной 0,17 м. По направлению к наружной поверхности стены оконце расширяется на конус и снаружи оформлено изящной бровкой (Фото 28). На этой наружной поверхности под оконцем имеется вертикальная подрубка (Фото 29)

10. С левой стороны от дверного проёма в восточной стене помещения имеется вертикальная подрубка шириной 0,06 м, глубиной 0,04 м и высотой 0,98 м (Фото 30). Аналогичная подрубка имеется на противоположной стене (Фото 31), однако там она «разрезает» «лежанку». Это даёт основание предполагать, что подрубки предназначались для крепления перегородки поперёк помещения, причём «лежанка» в западной стене была вырублена или расширена уже позднее. Максимальная ширина некогда отгороженной части помещения составляет 0,91 м. В северо-западной части помещения, на расстоянии 1,11 м от западной стены, в полу имеются следы ещё одной подрубки, перпендикулярной к первой (Фото 32).

[4] Надписи готовятся к изданию К.С. Панченко.

Указанные подрубки в совокупности с упоминавшейся уникальной акустикой помещения наводят на мысль о том, что, несмотря на малые размеры, первоначально оно могло служить храмом, в частности, погребальной часовней. В этом случае перегородка могла быть алтарной преградой, северо-западная отгороженная часть алтаря – протезисом, а горизонтирующая подтёска в центре пола могла использоваться для установки аналоя или первоначального, возможно, деревянного, амвона. Однако в таком случае, в северной – алтарной части помещения должен был бы находиться престол. Действительно фотографирование северной стены при касательном освещении, действительно, выявило следы тщательно срубленного прямоугольного выступа (Фото 33). Если этот выступ и в самом деле был древним престолом пещерного храма, то и расположенные за ним ниши также могли иметь литургическое значение. Правая ниша могла служить диаконником, а средняя – жертвенником. Действительно, для совершения проскомидии требуется меньше места, нежели для хранения церковной утвари, поэтому вполне логично, что правая ниша имеет больший объём. Заметим, что обе эти ниши расположены практически симметрично относительно следов предполагаемого престола, хотя и гораздо ближе друг к другу, чем в других храмах[5].

Наш вывод может показаться неожиданным. Существует общепринятая (и, в большинстве случаев, соответствующая действительности) точка зрения, что храм должен обязательно иметь абсиду традиционной полукруглой формы, ориентированную на восток. Однако, во-первых, в пещерных церквах малоазийской традиции этот принцип соблюдается далеко не всегда. В качестве примеров храмов с прямоугольной алтарной частью можно привести одну из пещерных церквей монастыря Давид-Гареджи (Грузия) (Фото 34), имеющую приблизительно такие же небольшие размеры, как пещера на Кыз-Кермене, а также ряд пещерных церквей Ани [5, с. 18]. Ориентация же алтаря на восток в крымских пещерных церквах является скорее исключением, чем правилом, т.к. большинство из них направлены на северо-восток. Известна и чисто северная ориентация, например, в «церкви с баптистерием» Тепе-Кермена или пещерной часовни Баклы. Во-вторых, тесное расположение запрестольных ниш может косвенно указывать на то, что абсида, причём очень малого размера, всё же была, но затем помещение было растёсано до подпрямоугольного.

Вместе с тем, имеются косвенные доводы в пользу нашего предположения о церковном характере кыз-керменской пещеры. Так, если принять все вышеизложенные допущения в качестве рабочей гипотезы, то можно по-новому проанализировать так называемую «пещерную церковь в оконечности мыса Тешкли-бурун» на Мангупе (Фото 35), которая также, по крайней мере, на определённом этапе, носила погребальный характер.

Даже беглое сравнение фотографий «пещеры №2» на Кыз-Кермене и указанной церкви показывает их удивительное сходство. Одинаково расположение дверного проёма (справа от алтаря), в обоих случаях выходящего в обрыв. Примерно одинаковы размеры помещений (3,66х3,3х2,03м на Кыз-Кермене и 5,19 х 3,80 х 2,20 м на Мангупе при более неправильной форме) и размеры алтарной части, размеры ниш. И там, и там практически напротив входа просматривается горизонтальная подтёска пола (ср. Фото 12 и 35). Более того, «*необходимо заметить, что в абсиде нет специального углубления для каменного престола. Хотя для службы могли использовать деревянный престол*», – отмечают А.Г. Герцен и С.В. Карлов [3, с. 232]. Исследователи церкви в Тешкли-буруне обосновывают отсутствие следов первоначального престола тем, что он был установлен на деревянном полу, настеленном из-за невозможности горизонтирования пола пещеры [3, с. 234]. Наличие деревянного пола они, действительно, доказали археологически. Однако если проанализировать фото 35 через призму аналогии с кыз-керменской пещерой, то, при внимательном рассмотрении, остатки примыкавшего к скале и расширяющегося кверху выступа также хорошо просматри-

[5] Впрочем, жертвенником (протесисом) могла служить также северо-западная отгороженная часть алтаря, о чём говорят следы перегородки в северо-западном углу храма, заметные на Фото 32.

ваются. Причём, как и в Кыз-кермене, он располагался перед нишей, высеченной в алтарной стене. Эти следы видны только при контрастном освещении[6], в то время как традиционные методы архитектурной и археологической фотосъёмки требуют мягкого освещения, которое не деформирует сами предметы в угоду выявлению их тонкой фактуры.

Таким образом, сравнительный анализ кыз-керменской и мангупской пещер позволяет по-новому поставить вопрос о первоначальных архитектурно-литургических особенностях последней. На наш взгляд, это говорит о продуктивности предположения о пещерной церкви на Кыз-Кермене.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что выявленные особенности пещерного «помещения №2» в восточном обрыве Кыз-Кермена заставляют усомниться в его использовании в качестве пещерной кельи и позволяют предположить существование в этой пещере одного из древнейших крымских храмов. В силу этого, а также учитывая уникальность данного объекта в пределах городища Кыз-Кермен, целесообразно более тщательное археологическое и историко-литургическое изучение данного памятника.

Список использованной литературы

1. Архив КРУ БИКЗ, ф. 10а, д. №67.
2. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.И. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2004.
3. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью комплеса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Сборник научных статей. Киев, 2006.
4. Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
5. Кипшидзе Д.А. Пещеры Ани. Материалы XIV Анийской археологической кампании 1915-го года. Ереван, 1972.
6. Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
7. Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005.
8. Харитонов С.В. «Пещерные города» Крыма // СПб.–Одесса–Симферополь, 2005.

Summary

One of the biggest challenges now facing the church in archeology, is to develop a method of dating Taurida cave cult complexes. In order to bring it closer to resolution, the author enters into scientific results of his study of caves in eastern cliff fort Kiz-Kermen. One of them (room number 2) could be a cave church.

[6] Автору настоящей статьи неоднократно приходилось выслушивать в свой адрес упрёки археологов за чрезмерную любовь к резкому и контрастному съёмочному освещению.

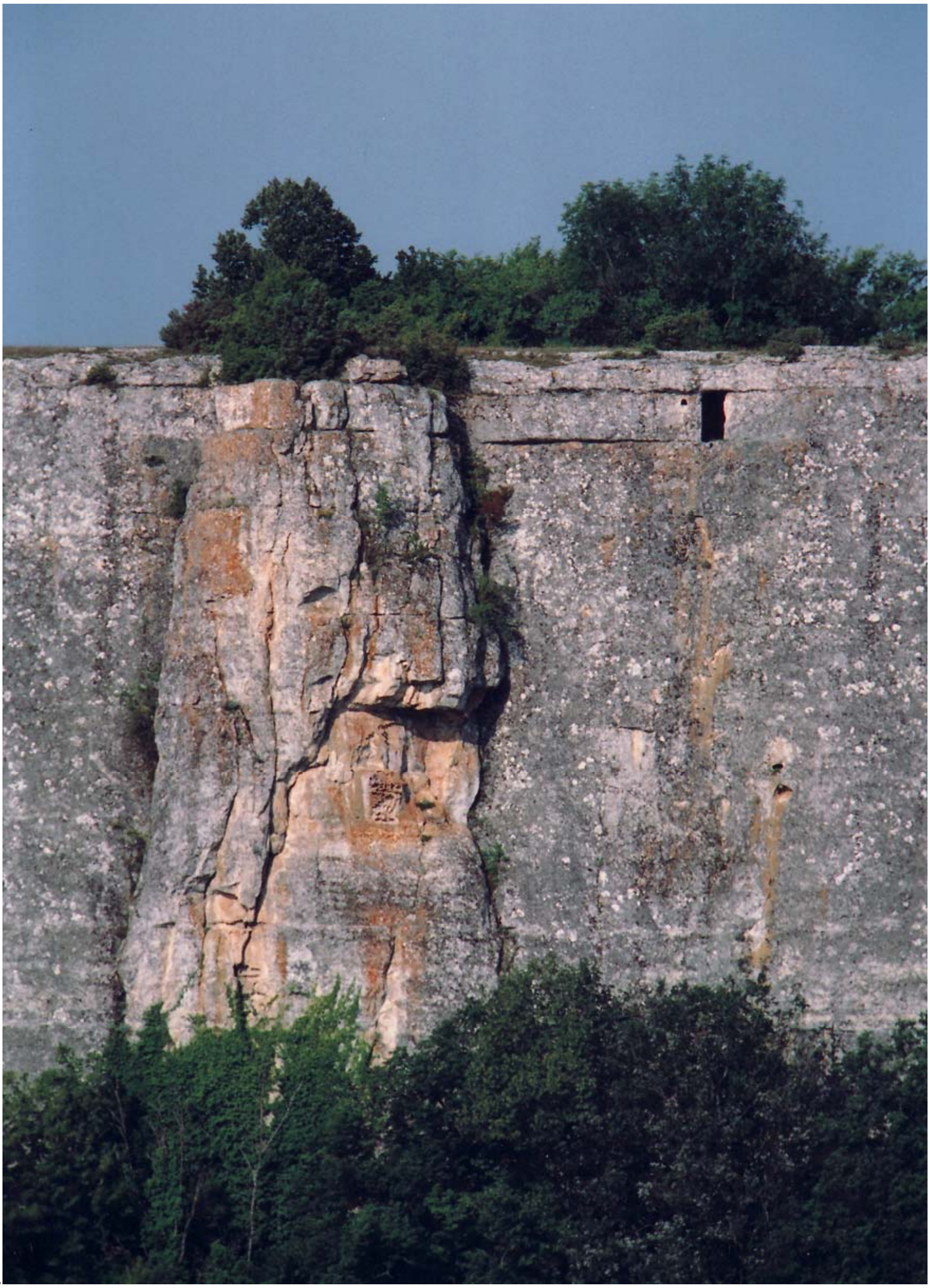

Фото 1. Вид с Тепе-Кермена на помещение №2.

Фото 2. Вид с Тепе-Кермена на помещение №3.

Фото 3. Общий вид помещения №3.

Фото 4. Вид с севера на помещение №3.

Фото 5. Вид с юга на помещение №3.

Фото 6. Вид с востока на помещение №3.

Фото 7. Остатки пола помещения №3.

Фото 8. Спуск на площадку к помещению №2.

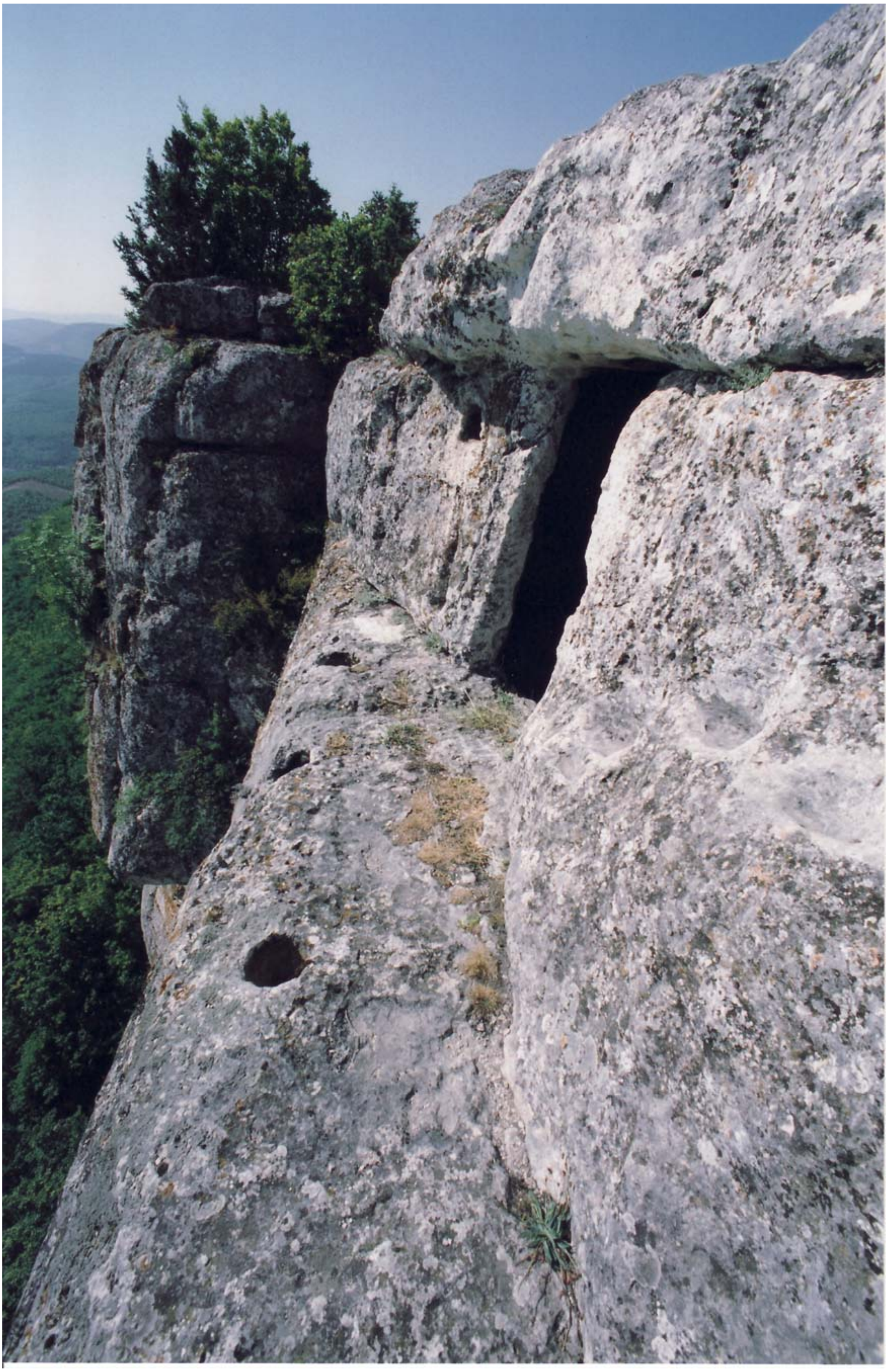

Фото 9. Привходовая площадка помещения №2.

Фото 10. Восточная стена помещения №2.

Фото 11. Общий вид помещения №2.

Фото 12. Подрубка в центре помещения №2.

Фото 13. Характер обработки стен помещения №2.

Фото 14. Характер обработки камня из оборонительной стены Кыз-Кермена.

Фото 15. Ниши в северной стене помещения №2.

Фото 16. Характер обработки ниш в северной стене помещения №2.

Фото 17. Западная стена помещения №2.

Фото 18. Южная стена помещения №2.

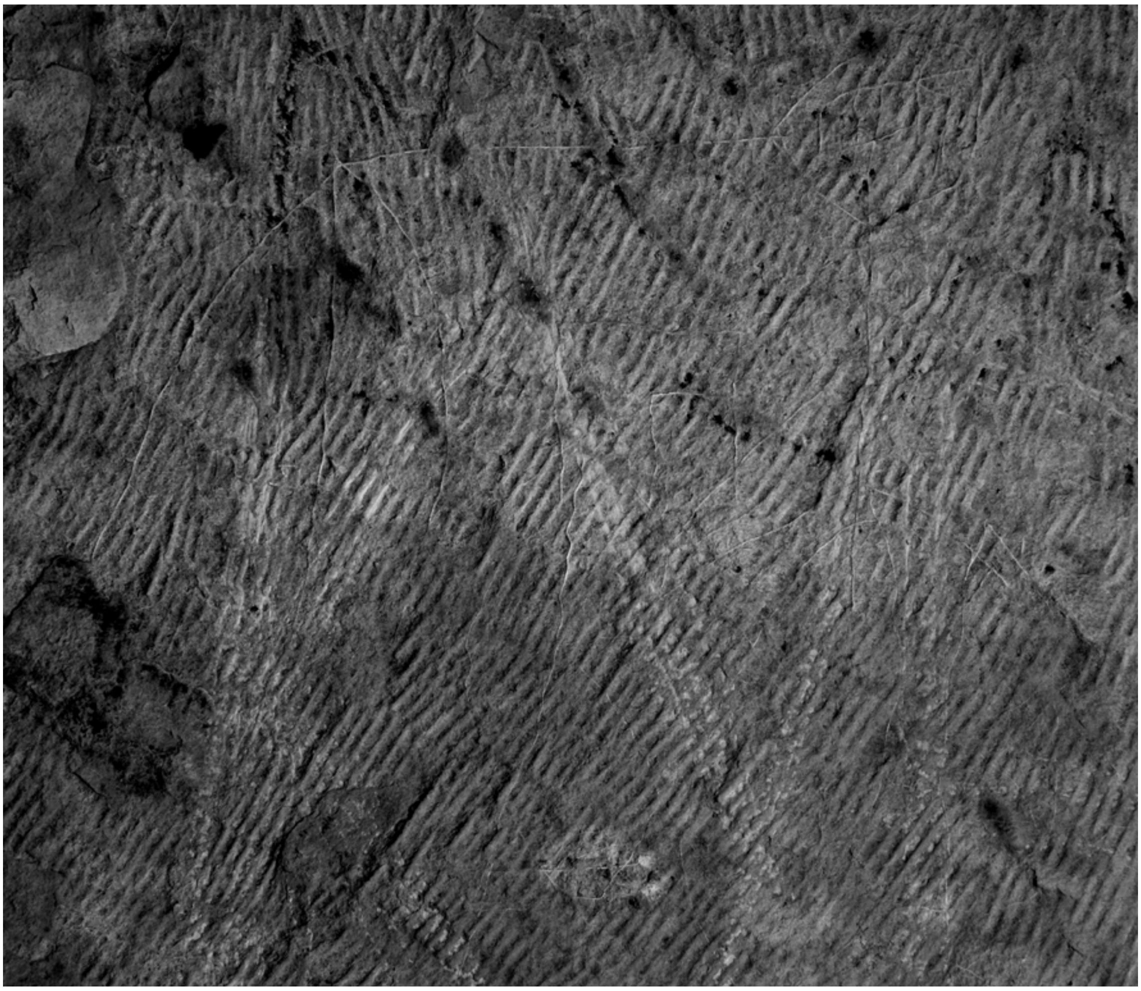

Фото 19. Граффити на стенах помещения №2.

Фото 20. Надпись на иврите в юго-западном углу помещения №2.

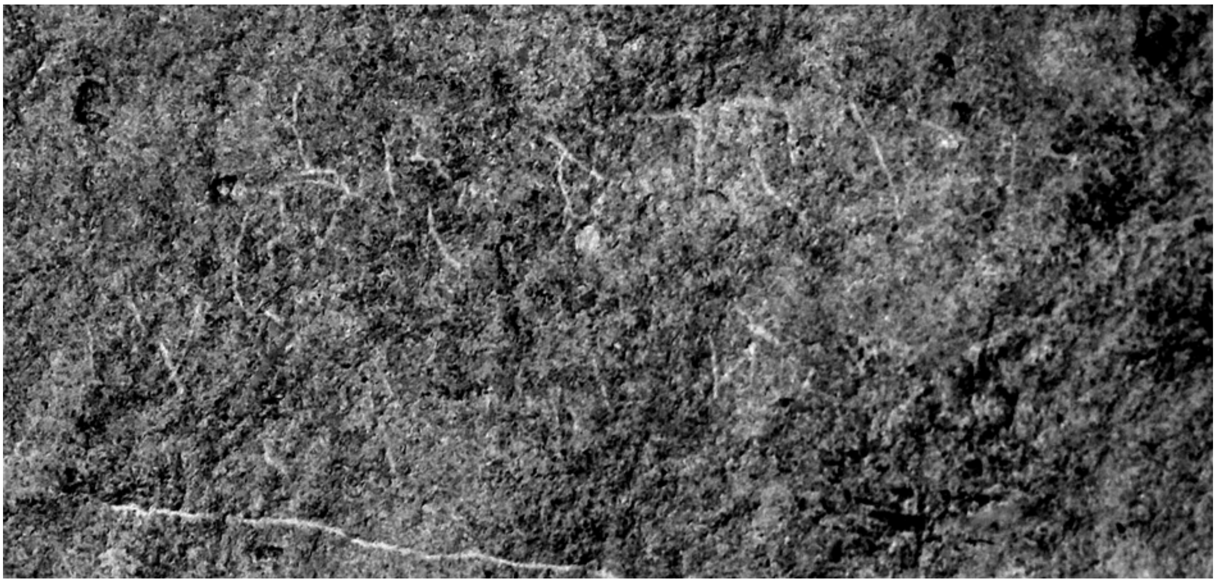

Фото 21. Граффити в юго-западном углу помещения №2.

Фото 22. Надпись на иврите в юго-западном углу помещения №2.

Фото 23. Изображение Соломоновой печати в юго-западном углу помещения №2.

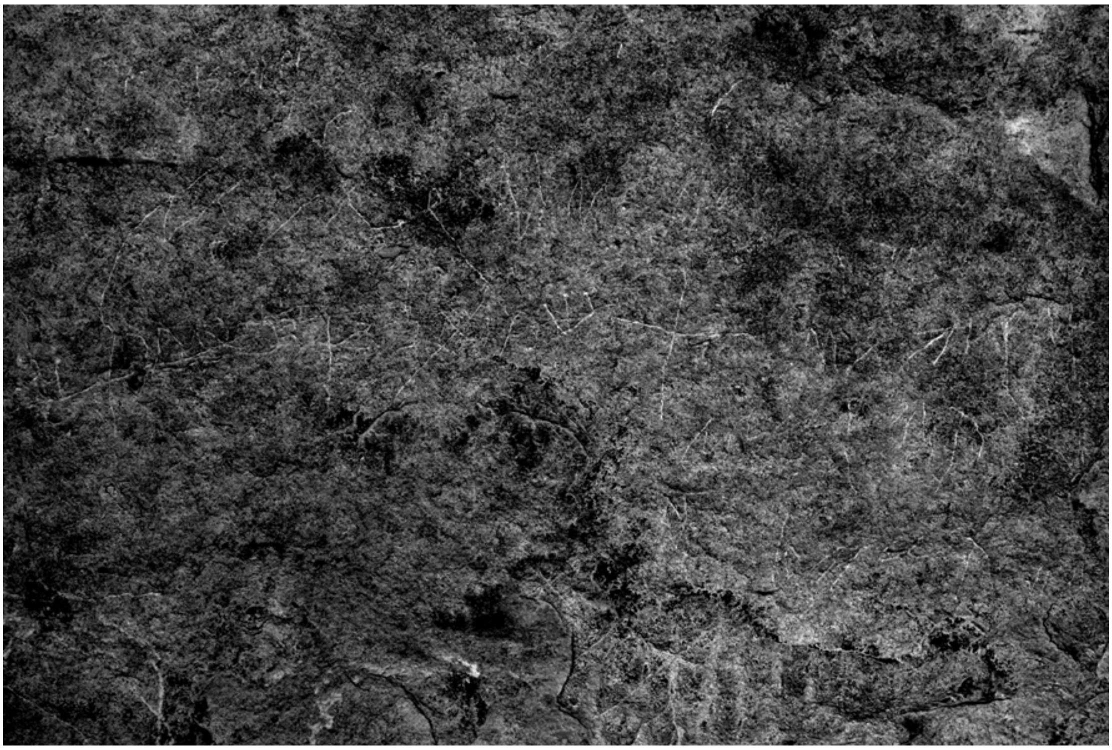

Фото 24. Процарапанный крест с надписью над западной лежанкой помещения №2.

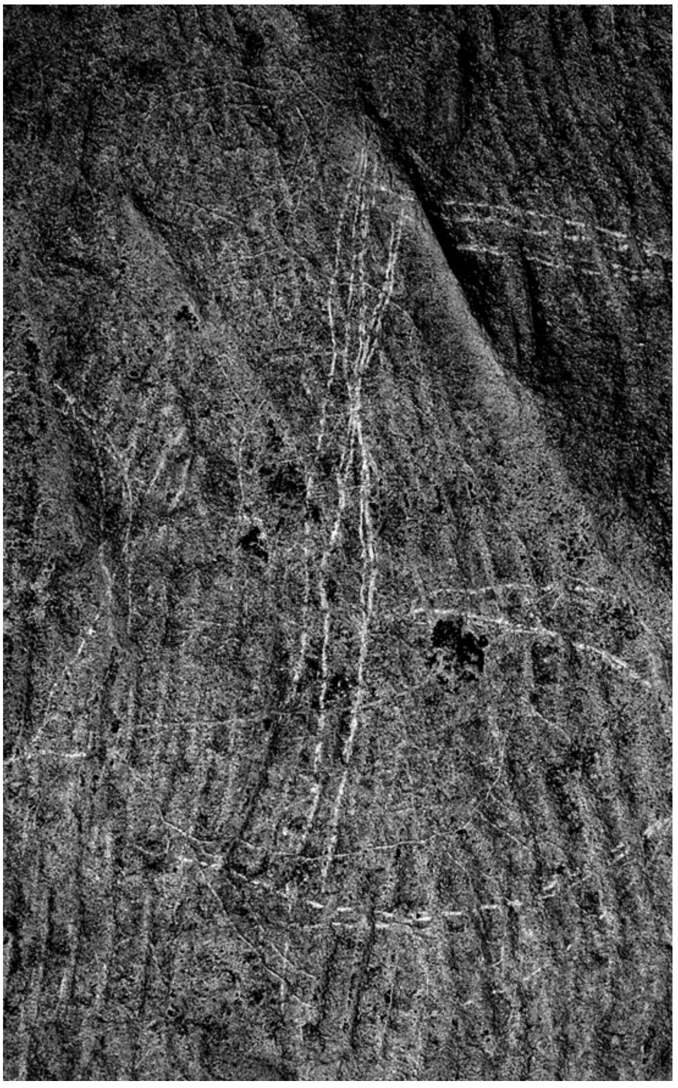

Фото 25. Стилизованное изображение человечка
в кораблике над западной лежанкой помещения №2.

Фото 26. Остатки стилизованного изображения кораблика
над западной лежанкой помещения №2.

Фото 27. Боковая стена лежанки помещения №2.

Фото 28. Вид снаружи на окошко в северной стене помещения №2.

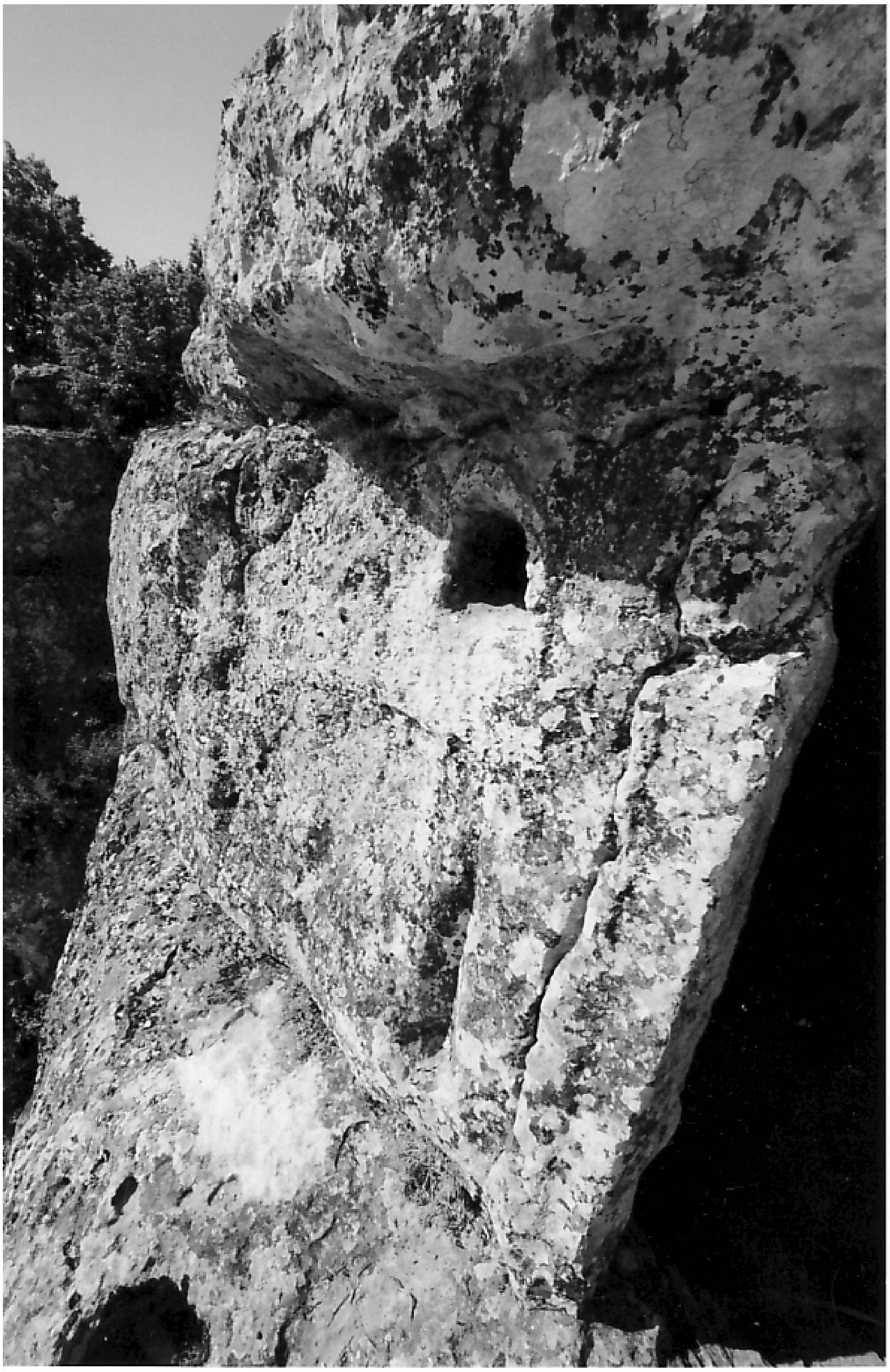

Фото 29. Подрубка и окно на наружной стене помещения №2.

Фото 30. Следы перегородки в восточной стене помещения №2.

Фото 31. Следы перегородки в северо-западной части помещения №2.

Фото 32. Подрубка в северо-западном углу пола помещения №2.

Фото 33. Следы срубленного выступа на северной стене помещения №2.

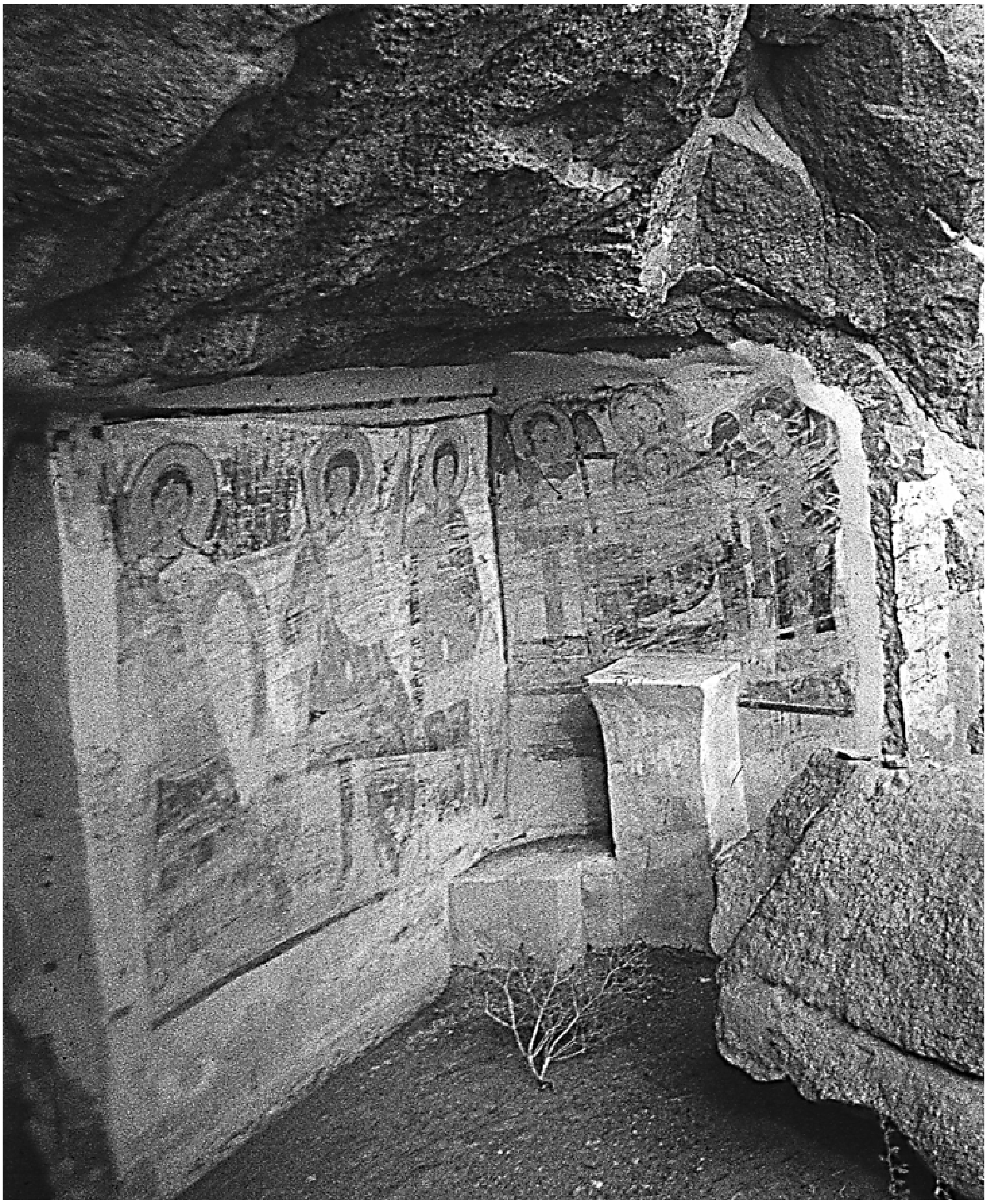

Фото 34. Пещерная церковь в Давид-Гареджи (Грузия).

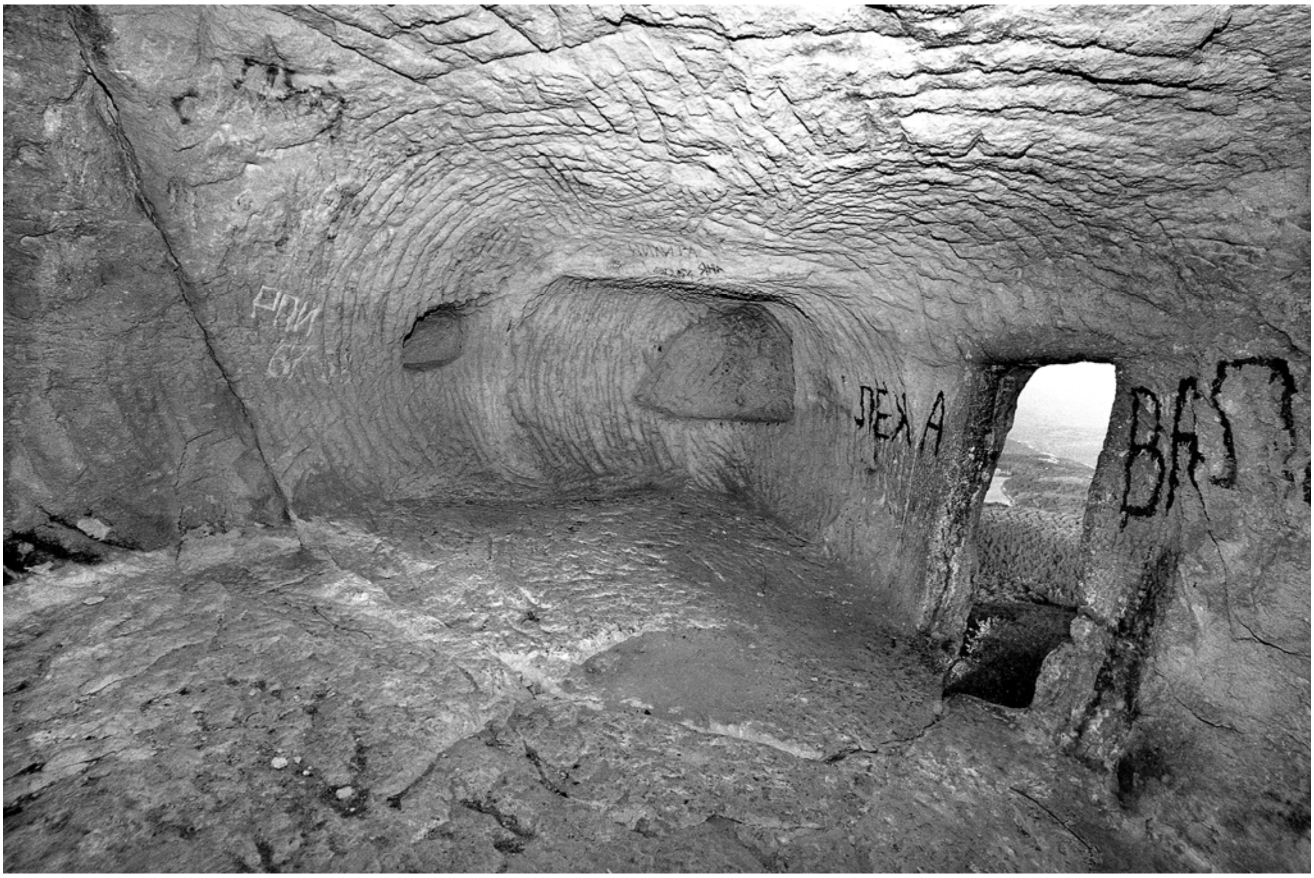

Фото 35. Пещерная церковь в оконечности мыса Тешкли-бурун на Мангупе.

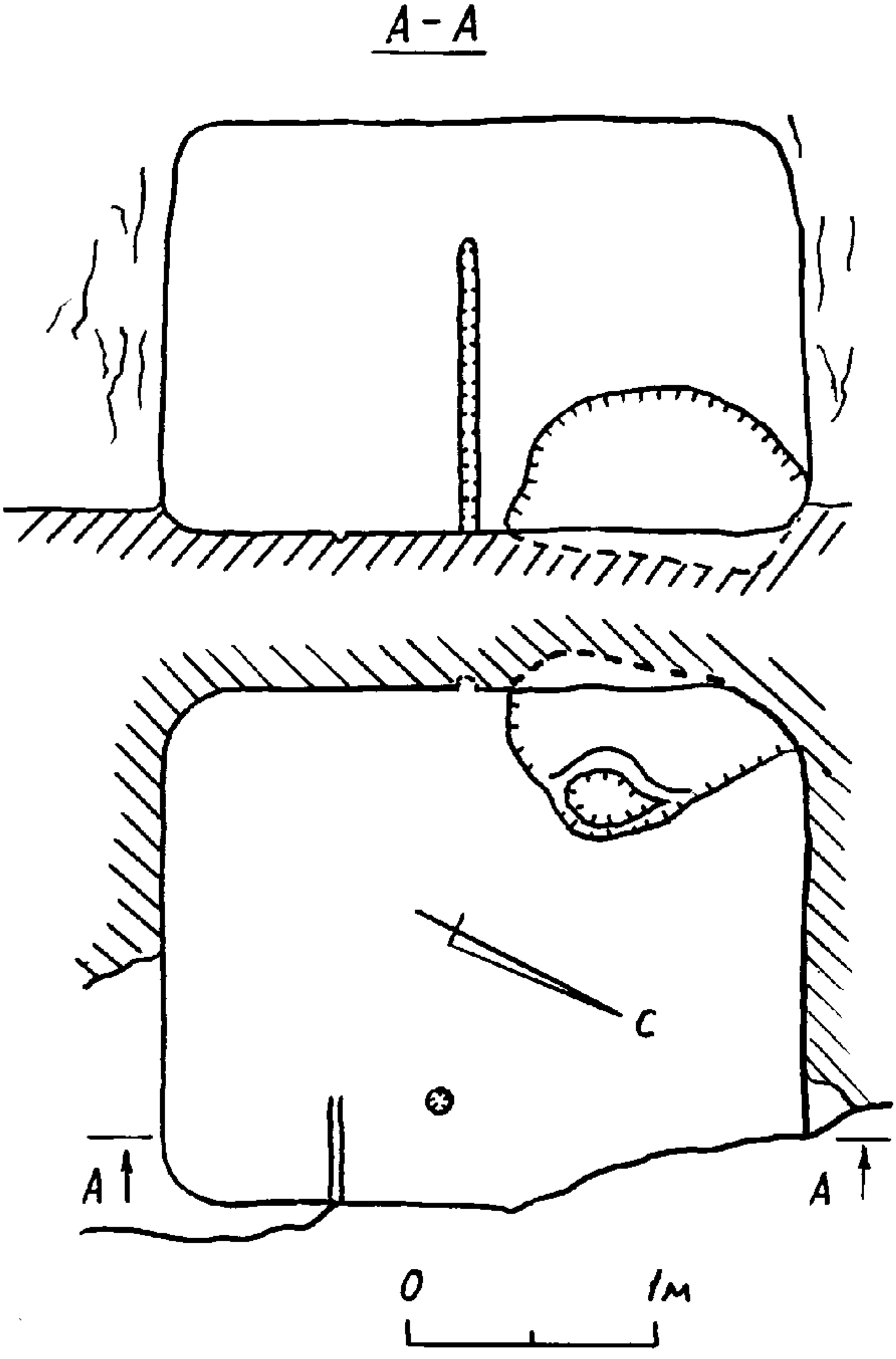

Рис. 1. План и разрез помещения №3 (съёмка автора).

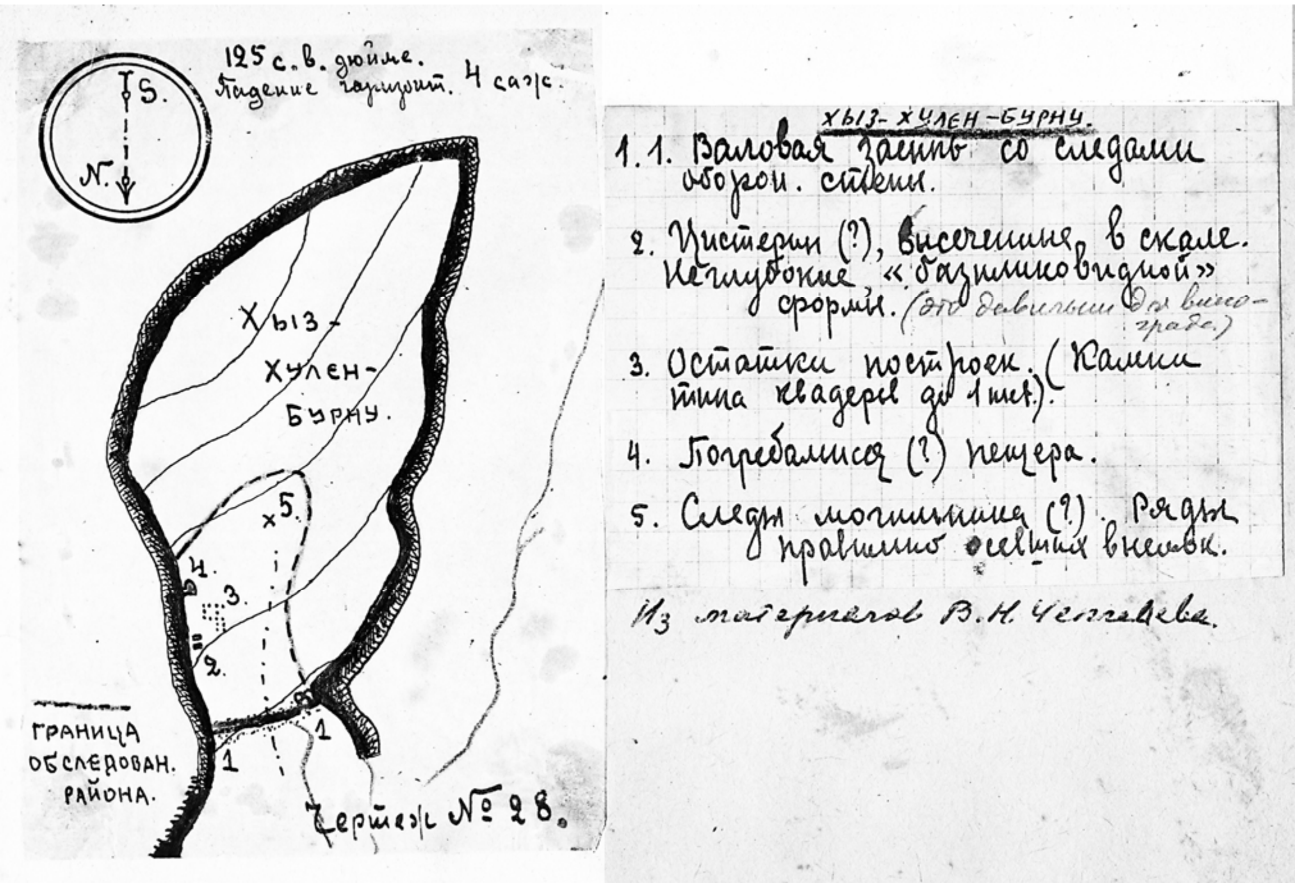

Рис. 2. План Кыз-Кермена («Хыз-Хулен-Бурну») по В.Н.Чепелеву с отмеченной на нём пещерой («пещера №1» по Е.В.Веймарну, «помещение №2» по Ю.М.Могаричеву), квалифицированной, педположительно, как погребальная [1, л. 29].

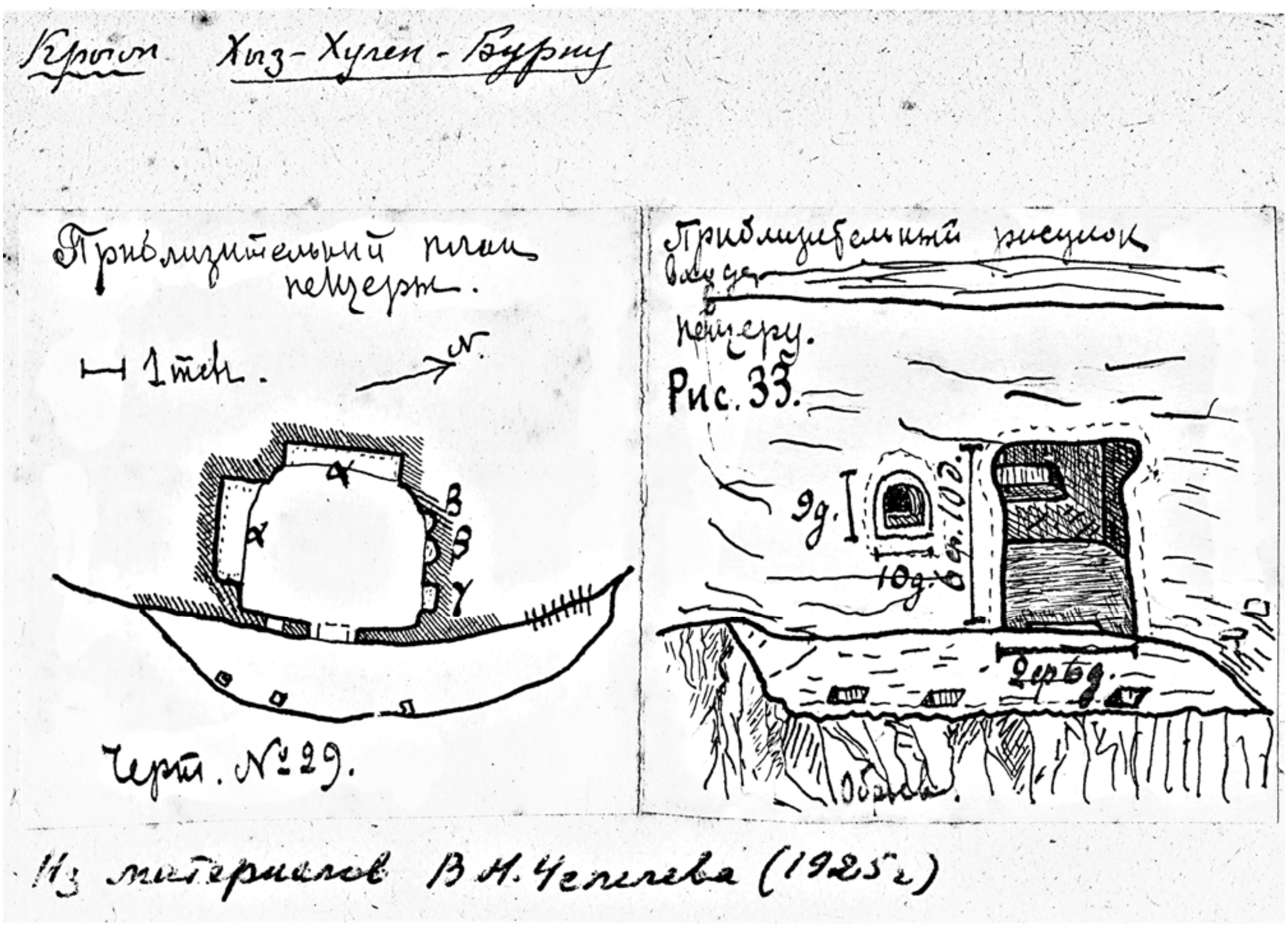

Рис. 3. План и рисунок входа кыз-керменской пещеры по В.Н.Чепелеву
(«пещера №1» по Е.В.Веймарну, «помещение №2» по Ю.М.Могаричеву) [1, л. 31].

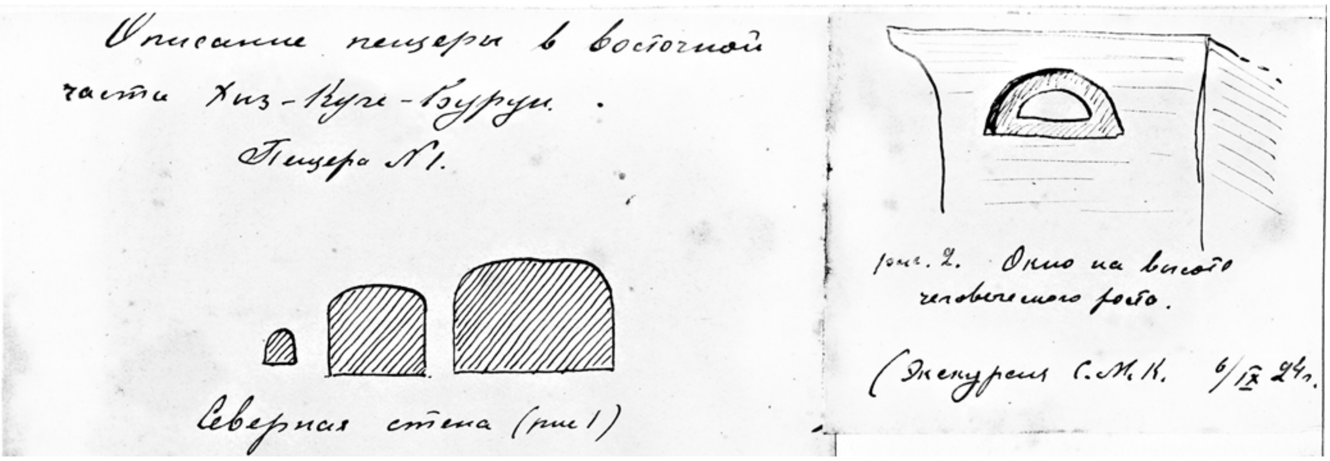

Рис. 4. Детали кыз-керменской пещеры по Е.В.Веймарну
(«пещера №1» по Е.В.Веймарну, «помещение №2» по Ю.М.Могаричеву) [1, л. 31].

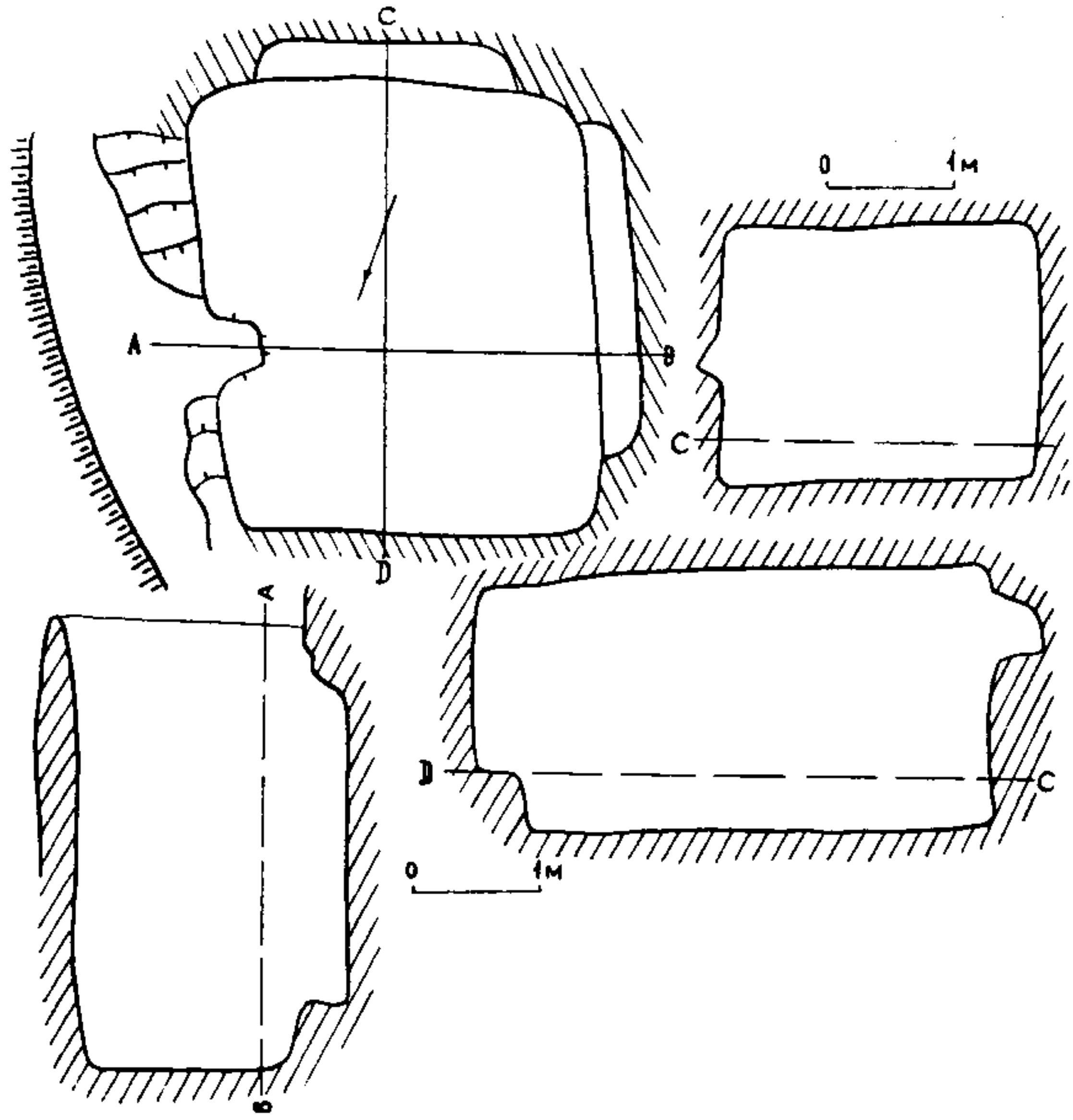

Рис. 5. План и разрезы помещения №2 по Ю.М.Могаричеву [6, рис. 54].

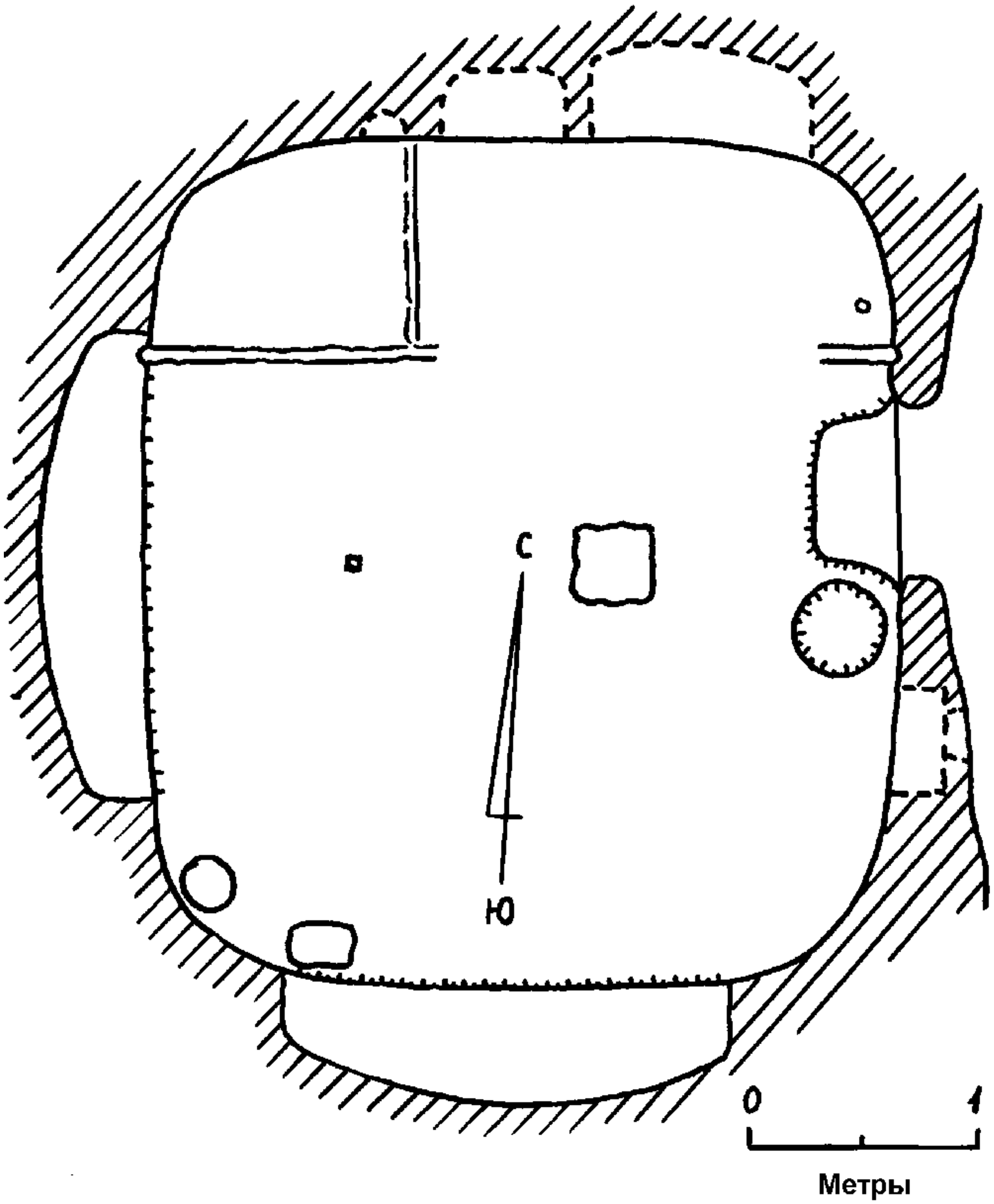

Рис. 6. План помещения №2 (съёмка автора).

Ю.Ю. Шевченко

ОСКОЛКИ ГОТСКОЙ МИТРОПОЛИИ: ФИНАЛ ХРИСТИАНСКИХ ПЕЩЕРНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ПОДОНЬЕ

Начало и конец такого явления, как христианские пещерные обители Подонья, должны рассматриваться в связи с общей, в самом широком плане, динамикой распространения христианства в Восточной Европе. Первохристианские проявления, маркируемые пещерными памятниками, наиболее ранние из которых относятся к III-IV вв., распространены широко в Средиземноморско-Понтийском бассейне (Рис. 1) [77, с. 67–75]. Если по поводу рассмотрения начал христианства на Дону в раннесредневековые времена (Оногурская епархия), уже высказаны некоторые аргументы [73, с. 196–201; 77, с. 67–75; 81, с 97–118], то функционирование христианских пещерных памятников эпохи Великого переселения народов в иных регионах Юга Восточной Европы требует не только специальных разработок, но и нуждается в самой постановке проблемы.

Время учреждения Готской архиерейской кафедры относится к началу IV в., когда митрополит Готии Феофил Боспоританский имел резиденцию в Крыму (путь к которой лежал через Боспор), и участвовал в Первом Вселенском соборе Единой Церкви (325 г.). Этот экзарх, судя по титулатуре («Боспоританский»), был выше в иерархии, нежели упомянутый на том же Никейском соборе епископ города Боспора – Кадм. На том же Первом соборе присутствовал и епископ города Херсонеса Филипп. Связь Феофила Боспоританского с Боспором Киммерийский, а не с Боспором Фракийским, подтверждается хронологией ухода готов «за Дунай» не ранее 348 г (см.ниже).

В Тавриде (Крыму) от епископа Феофила получает святое крещение Никита (†369–372), будущий святой и великомученик готский (Рис. 2); а восприемником Феофила Боспортианского на Готской кафедре становится Ульфила, чьи прародители (дед и бабка) были приведены в Готию из Каппадокии (264 г.), во времена именно того «готского похода» на Малую Азию, который был совершен через Боспор, т.е. – из Крыма (Рис. 3) [84, с. 143–144. Рис. 52; 85, с. 326–332]. Уместно считать, что во времена рукоположения Ульфилы это была уже Крымская Готия. Имя Феофила Боспоританского связывает происхождение и Никиты, и Ульфилы с территорией Крымского полуострова, в его юго-западной части, входящей во владения Неаполя Скифского, где имеются признаки готского присутствия [24, Табл.36; 27, с. 26-41; 89, S. 37,112,125. Abb.2,*15–17*; 90, p. 301. ill.16].

Не исключено, что с территорией Крыма связано и появление 308 готских мучеников (†372), 26 из которых известны поименно[1], и мощи которых были сохранены готской

[1] Речь идет о двадцати шести готских мучениках, известных поименно, из 308: пресвитеры Вафусий и Верк с 2 сыновьями и 2 дочерьми, монах Арпила, миряне Авив (Авип), Конст, Агн, Реас, Игафракс, Иской, Сила, Сигиц, Сонирил, Суимвл, Ферм, Филл (или Филг), мученицы Анна, Алла, Лариса (Вариса), Моико (Моника), Мамика, Уирко (Вирко), Анимаиса (Анимаида). Это гонение соотносится с деятельностью Унгериха, в котором видят Эрманариха/Германариха, а с большей вероятностью – Атанариха, с именем которого связана антихристианская борьба 369–372 гг. Мощи мучеников собирала православная вдова другого готского правителя по имени Граафа (Грэта), а хранила еще одна вдова – Алла. Вдовствующая королева передала правление своему сыну Аримерию, и вместе с дочерью Дуклидой и пресвитерами поселилась «в стране Римской». Впоследствии она призвала к себе сына и возвратилась с ним в Готию, где была забита насмерть камнями вместе с неким Агафоном (по одному из синаксарей, вместе с мирянином Уеллой). Мощи мучеников были переданы Дуклиде, которая подарила их часть для освящения храма в г. Кизик, где мирно скончалась спустя несколько лет

«королевой» Граафой (Грэтой?), хранились готской «королевой» Аллой и дочерью Граафы Дуклидой (Лидией?), возможно, недалеко от Алушты (вершина Ай-Дуклу?); и, в конце концов, были перевезены в малоазийский город Кизик (Рис. 4). Об этих событиях, и пребывании данных реликвий в Крымской Готии (в пещере Йограф?), – в княжестве, дожившем до позднесредневековых времен, – сохранилось соответствующее предание [6; 19, с. 30–35; 65]. Гонения на христиан связываются *Готским синаксарем* с именем Унгериха, в котором видят то Эрманариха (Германариха), то исторически известного преследователя готов-христиан – Атанариха (и, видимо, с большей степенью вероятности).

Все перипетии, связанные как с гибелью Никиты Готского (Рис. 2), так и сожжением 308 готских христиан в храме, – происходили при епископстве в Готии Ульфилы, который позднее увел часть христианизированного народа готов за Дунай. Это переселение по хронологии, приведенной блж. Иеронимом Стридонским, относится ко временам ок. 375–378 г.; а более поздние источники, например, арианский историк Авксентий Дуросторский, предлагают более раннюю дату – 348 г., что подтверждается сведениями Кирилла Иерусалимского [35; 36, с. 332–352]. Военные столкновения между готскими вождями Фритигерном и Атанарихом, времен императора Валента (ок. 369 г.), и участие в их переговорах готского епископа Ульфилы, делают предпочтительной более позднюю дату (между 348 – 378 гг.) образования Малой Готии на Дунае, по отношеню к Первому Вселенскому собору Церкви с участием Феофила Боспоританского (экзарха Готии) и епископа города Боспора Кадма. Именно после 348–372 гг., готское присутствие южнее Дуная стало ощутимым: готы перерезали почти 7000 жителей Фессалоник, из-за налоговой политики императора Феодосия Великого и убийства их вождя Бутериха (389 г.) [20, с. 4–17]. Образование Малой Готии на Дунае только и могло способствовать «готскому этническому наполнению» города Боспора Фракийского, цари которого удивительно дублировали своими именами царей Боспора Киммерийского (как это было с Котисом II). У этих «малых готов», и в этом Боспоре (Фракийском) обосновал Церковную кафедру, рукополагая на нее Готского владыку, только святитель Иоанн Златоуст (347–407 гг.), пребывая на патриаршей престоле Константинополя (398–404 гг.).

Борьба готского христианского короля («рекса») Фритигерна против готского короля-язычника Атанариха – явление значительное [15; 31], и посреднической роли епископа Ульфилы в переговорах Фритигерна с императором Валентом посвящено отдельное исследование, результаты которого вошли в крупную обобщающую работу [83, с. 158–168; 84, с. 207–254, 364–372]. А наличие черняховского материала в Крыму с одной стороны, и связанность с полуостровом происхождения христианских вождей готов (каковым был, например, Никита), с другой, является серьезным аргументом в пользу вхождения территории Тавриды в Готское королевство [5]. Об «исходной территории», каковым для готов был Крым, свидетельствует и произошедшее под натиском персов возвращение готов - федератов Византии, охранявших Кавказские перевалы в IV-VI вв., обратно в Крым к середине VI в. [4; 82, с. 119–120], и основание Готской митрополии (вместо епархии), включавшей епархиальные образования, разместившиеся на месте некогда обширной Готской державы [15; 82, с. 60–67]. Пребывание готов на Кавказском Побережье, отражено и нарративными источниками: это готы-тетракситы, помещаемые «южнее Таманского полуострова» [10, с. 261], часть которых при обратном переселении в Крым осталась на Черноморском Побережье под именем «евдусиан, говоривших на готском и таврском языках».

(события, ориентировочно датируемые 382–392 гг., после окончательного переселения части готов епископа Ульфилы за Дунай в 378 г. (и образованию Дунайской или Малой Готии) [6; 19; 64; 65].

Из наиболее древних, но проблемных соответствий в погребальной обрядности Крыма раннехристианским образцам, обращают на себя внимание коллективные обособленные погребения десятков черепов, сброшенных в яму на городище Неаполя Скифского. Пока эти погребения полагают результатом массовых казней жителей Неаполя Скифского при разгроме городища боспоритами около 218 г.н.э. [66, с. 244; 86, с. 125–137]. Однако их полная идентичность с наиболее ранними кимитириями первохристиан [79], может свидетельствовать о их христианском характере. Правда, установившаяся связь населения Неаполя Скифского с населением Боспора, как в погребальной практике, так и в инвентаре, определяется авторами корреляции могильных древностей Крыма – А.А.Труфановым и В.Ю.Юрочкиным, не ранее, чем 280 – 310/320 гг.н.э. [66, с. 241–251; 86, с. 125–137]. Смена погребальной традиции в пределах Крымской Скифии (которую уже в эти времена можно было бы называть Крымской Готией) прослежена названными авторами только после 310/320 г., когда в ряде могильников появляется традиция коллективных погребений в подземных склепах, пришедшая из Боспора.

Иными словами, если до 280–310 гг. на территории Крымской Скифии (Готии) могут иметь место лишь отдельные первохристианские элементы (типа ям-кимитириев с отдельно погребенными черепами на Неаполе Скифском) и ранние – вельбакрскско-черняховские элементы материальной культуры [27]; то после этого периода, на фоне проникновения признаков на территорию Таврики, присущих собственно черняховской культуре, наблюдается распространение стабильной раннехристианской традиции погребения в подземных склепах в Центральном (Нейзац, Перевальное, Дружное) и Юго-Западном Крыму (Озерное III, Красная Заря, Вишневое, Суворово) [66, с. 245–246]. Такое положение вещей полностью синхронизируется с деятельностью в Крымской Готии свт. Феофила Боспоританского,– его крещение Никиты Готского и рукоположение епископа Ульфилы.

Множественные явления самой поздней античности в Крыму могут иметь отношение к христианству. Так многочисленные маслодавильни и винодавильни (тарапаны), окружающие пещерные монастыри, явно связаны с необходимостью иметь незаменимые в обрядности миропомазания и евхаристии масло и вино. В одном только пещерном монастыре Качи-Кальон («Крестовый Корабль») таких тарапанов более 120. Подобный комплекс IV-V вв. при входе в естественную пещеру Кизил-Коба, с сотнями хранившихся в пещерных помещениях амфор [25, с. 152, 153], также мог быть связан с литургическими нуждами. Но наиболее рельефно характеристики ранней христианской обрядности материализованы в самих пещерных храмах.

Основы территориального разрастания архиерейской кафедры Готии за пределы Таврического полуострова, лежат в событиях после крушения готских королевств под ударами гуннов и в событиях самого начала VI в. Это миссия епископов из Аррана (Азербайджана) – Кардоста и Макария. Первый из них, с тремя священниками и четырьмя проповедниками, почти три десятилетия в начале VI в. проповедовал на Юге Восточной Европы [2, с. 93–94], и основными проводниками его миссии были воинственные савиры [81, с. 97–118] – выходцы из Сибири, по имени которых эта северо-восточная часть Евразии получила свое имя. Их перманентный союз с Византией и стабильные союзнические отношения с антами [71, с. 39–52], привели к становлению епископских кафедр на южных территориях некогда обширной и могущественной Готской державы IV в. – государства Германариха [15], – от Дона до Днестра. Готы были разгромлены гуннами, а эстафету рухнувшей империи Аттилы (452 г.) в Днепро-Донском междуречье приняли савиры. Проблеме существования «варварских королевств» гуннского времени посвящено отдельное исследование [28, с. 225–252], в котором локализация центров («королевства Винитария» для Киевского Поднепровья и Левобережья Днепра; и аналогичные образования Донского региона) полностью согласуется с излагаемой версией.

Вплетение части савиров в ритмы славянского этногенеза, положившее начало славянскому племени севериев (северян); и сохранение другой части савиров на территории Хазарского каганата, и, впоследствии, уход части этого народа (сувары) на Каму, – под юрисдикцию образовавшейся независимой Волжской Булгарии после 863 г., – маркируют территорию проповеди Кардоста начала VI в. [2, с. 91– 94]: от бассейна Дона до Поднестровья, по пространствам расселения союзных савирам антов. К этим временам относиться возникновение в Донском бассейне ряда пещерных христианских монастырей (Рис. 4), как и в других регионах христианской Эйкумены.

Готская митрополия, куда входила Оногурская епархия Подонья, зафиксирована во времена восстания против хазар крымского епископа Иоанна Готского накануне 791 г. [2, с. 258. Прим. 57, 412; 17, с. 119–122]. Этому крупному Экзархату Церкви были подчинены, из семи епархий, – Астильская, у хазар на Волге (Итильская), и Оногурская (оногуры – болгарское племя между Днепром и Доном) – где-то в Подонье, или в междуречье Дона и Днепра.

«Болгарские территории» (Великую Болгарию) как правило, размещают восточнее Дона – в Приазовье [2, с. 152–169]. Но, учитывая место ставки и погребения христианского владетеля Великой Болгарии – Кубрата (Рис. 5) у с. Малая Перещепина Полтавской губ. на Левобережье Днепра [13; 26, с. 42; 91, S. 38–44], – земли Великой Болгарии – Оногурии (и соответственно, Оногурской епископии) следует помещать много северо-западнее: от Дона до Левобережья Среднего Днепра включительно. Именно там, где с последних десятилетий VII в., располагаются памятники алано-болгарской культуры (салтовской) – на Северском Донце и в бассейне Дона, населенного болгарами [69, с. 65–80] и до левого берега Днепра, – простиралась Великая Болгария.

Основной военной силой племенного объединения болгар оставались савиры, называвшиеся в этих условиях и в этой среде «*черными болгарами*» (от «*sav*» – «*черный*»; «*aric*» – «*человек*», «*воин*»), что согласно армянским летописным источникам обозначало «*черные сыны*», «*черные воины*» [67, с. 3–13]. Центром савирского княжества («царства гуннов») являлся город Варачан, известный недалеким расположением от «Беленджера», в состав которого входили савиры и Берсилия (барсилы, берсула), причем, последняя частично совпадала с территорией современной Башкирии. «Беленджер», как в результате возможной ошибки переписчиков звучит этот объединяющий термин (савиры + барсилы), считают вариацией названия все тех же Болгар [2, с. 184. Прим.9–12]. Исследователи с упорством стремятся привязать все перечисленные номенклатуры к Северному Кавказу («царство гуннов», савиров, Беленджер, Варачан): тогда ***речь шла бы о чрезвычайно маленьком княжестве*** [2, с. 200], вряд ли способном угрожать территориально обширной и могущественной Кавказской Албании VII века. Представляется более чем вероятным, что под этими наименованиями выступает территория Великой Болгарии 682 г., после смерти Кубрата и ухода Аспаруха на Дунай, когда Батбай (в случае его историчности) остался на прежнем месте, но уже под сюзеренатом Хазарии.

Князь этой савирской страны («царства гуннов») выступает под именем Алп-Илитвера, что соответствуют титулу алп-ельтебера – «эфенди», «принца», как в Хазарском Каганате называли великих владетельных князей с номинальной вассальной зависимостью [88, S. 114–115]. Алп-Илитвер в 661 и 664 гг. наносит Албании военные удары, вынуждающие это значительное и по территории и по военной мощи кавказское царство практически к вассальной зависимости, подтверждая эту зависимость династическим браком и очередным успешным походом 669/670 года. В это время Великая Болгария – еще суверенное государство (до войны с хазарами 679г.).

Посольство, отправленное в 682 г. албанским князем Вараз-Трдата во главе с епископом Исраелем, отправляется в страну Алп-Илитвера, уже вассала Хазарии, не через «Дербентские ворота» (как это произошло бы, будь его «царство гуннов» на берегу Каспия

севернее Дербента [2, с. 200]), а через Центральный Кавказский хребет между истоками Алазани и Койсу [2, с. 186. Прим.18]. Посольство направляется не только «севернее Кавказа», но еще и «западнее Кавказа», где лежит Великая Болгария и находится главный город Алп-Илитвера, названный Варачаном, – название фонетически перекликающееся с рекой Бузан, как назван Дон в переписке хазарского царя Иосифа (если под Доном, устье которого является «южной границей с Румом [Византией]» царского письма, как полагал А Гаркави, понимается река «В-д-шан» или «В-д-шан» [2, с. 389–391], – то это и вовсе идентично наименованию савирского города).

Христианство было принято Алп-Илитвером вместе со всей савирской аристократией и усиленно насаждалось среди населения*:* из почитаемого политеистами-савирами дуба был вырезан массивный крест, украшенный «изображениями животных и блестящими крестами» [2, с. 188]. А сообщение о вступлении властителя савиров «в семью христианских государей» было направлено армянскому католикосу Сахаку [2, с. 189], как возможное свидетельство традиционного сохранения памяти о миссии епископа-армянина Кардоста, проповедовавшего у тех же савиров на полтора столетия ранее.

Если памятники предшествовавшей салтовским в VI–VII вв. (пастырские), распространены в Поднепровье, составляя с предшествующими древностями Южного Приуралья (в Башкирии), и реминисценциями в Поднестровье – Подунавье – некий общий культурный ареал [49; 72]; то памятники собственно салтовской (салтово-маяцкой) культуры конца VII – X вв. распространены по всей территории Хазарского Каганата, и на территории Дунайской Болгарии, где с 680-х гг. обосновались болгары хана Аспаруха. Эти памятники принадлежали болгарам, алано-болгарам, и входившим в их среду савирам, и распространялись в описываемое время на запад до Днепра [8, с. 47–67], в том числе, включая регион (Полтавская обл.) [21, с. 3–7], где найдены погребальные сокровища и среди них – специфически христианские перстни с тамгами владетеля Великой Болгарии – Кубрата (Рис. 5) [13; 91, S. 38–44][2]. Крайне интересным является находка в том же микрорегионе постготского (V в.) «речного погребения» [39, с. 89, сл.], где имелся сложносоставной золотой пояс-цепь, во всем схожий с такими же поясами – христианскими реликвиями «от Гроба Господня», в том числе и с поясом, подаренным императором Валентом – защитнику христианства – готскому королю Фритигерну, через посредство епископа Ульфилы [74, с. 126–159]. Христианизация, начавшаяся в эпоху державы готов здесь, на левом берегу Среднего Днепра, где располагалось «царство Винитария» [28], продолжалась в эпоху Кубрата.

[2] Иоахим Вернер осмотрел хранившиеся тогда в фондах Государственного Эрмитажа в Ленинграде (хранитель Злата Александровна Львова) вещи из Малой Перещепины в конце апреля 1984 г. (чему автор этих строк был свидетелем). Он набросал карандашиком в блокноте зарисовки тех вещей, которые не были известны в иллюстрациях по публикациям 30-х гг. (Манцулевича), и не появились в публикациях 60-х XX в. (Артамонова). И через каких-то три месяца в свет вышла монография И.Вернера о погребении на Приднепровских землях Левобережья Днепра (Полтавской обл. Украины) владетеля Великой Болгарии, где исследователь привел расшифровку тамг на перстнях из погребения, принадлежавших «патрикию Кубрату» [91], что вызвало массовый отклик в прессе [12]. Как и прочие монографии И.Вернера эта работа была переведена на многие языки мира [13], кроме русского, на который она не переведена и по сей день, поскольку погребение властелина Великой Болгарии оказалось почти в эпицентре «исконно славянских земель», – на территории самой «Русской земли» (Переяславского княжества) – в ядре формирования восточнославянского единства. Это, в глазах загипнотизированных геополитизмом исследователей, «сдвигало» процесс формирования славянства в его восточном глоттогенетическом крыле на время **после** падения Великой Болгарии. Однозначная трактовка И.Вернером принадлежности погребения кагану Великой Болгарии вызвала несостоятельные возражения чересчур политизированных специалистов-археологов, но при публикации памятника, вопрос о непререкаемой принадлежности тамг из Перещепино Кубрату обойти так и не удалось [26]. Однако высказанные в полемике предположения о принадлежности погребения «наследникам Кубрата» (или ограбившему болгарского владавца – хазарскому аристократу) – почему-то продолжают тиражироваться. Хотя никто, например, в аналогичной ситуации не приписывает погребения короля франков Хильдерика (с его перстнем-печаткой) его сыну Хлодвигу, etc.

После смерти Кубрата и хазаро-болгарской войны (679 г.), в результате которой часть болгар под водительством сына Кубрата – Аспаруха была вытеснена на Дунай (680г.), Хазарский каганат распространил свою власть на территории, ранее контролировавшиеся союзной Византии – Великой Болгарией (Подонье, Поднепровье). Претензии Хазарии оказались успешными даже в отношении фем (областей) самой Византийской империи (в Крыму), куда в 698 г. бежит сосланный в Херсонес низложенный император Юстиниан II, укрывшись в центре Готской митрополии – Дори [10, с. 191–199] (видимо, в Эски-Кермене, по заключению Н.И. Репникова [11, с. 28, 54; 51, с. 107–152]). Столица Готской митрополии в Крыму (Дори) была в те времена под протекторатом хазар. Именно в это время функционируют пещерные церкви Юго-Западного Крыма [14, с. 72–80; 16, с. 76–85], среди которых особо показательны пещерные храмы Эски-Кермена (Рис. 6) [76, с. 151–206].

В эти времена Готская митрополия Крыма благополучно продолжала существовать, поскольку Херсонский владыка под решением Трулльского (Дворцового) собора 692г. поставил свою подпись в качестве «Георгия, епископа Херсона Дорантского» (т.е., принадлежавшего к Готской митрополии в Дори) [10, с. 189–190]. С помощью болгарского хана Тревела (Дунайской Болгарии) к 705 г. Юстиниан II сумел вернуть себе трон Византии [2, с. 196–198], и остался союзником Хазарского кагана. С хазарским владычеством в Горном Крыму было связано антихазарское восстание Иоанна Готского (до 791 г.), после которого наименование Готской митрополии исчезло со страниц исторических источников.

Несмотря на переворот Обадии-бека, сделавшего иудейство государственной религией Хазарского каганата не позднее 820-х гг., христианство продолжало сохранять свой статус в Каганате. Вскоре христианская Византия предоставила Хазарии услуги имперского аристократа (брата жены императора) спафарокандидата Петроны Каматира, под руководством которого, с 834 г. строилась крепость Саркел («Белый Дом») на берегу Дона [2, с. 298–308, 328–343]. По Дону в 860–862 гг. пролегает путь в Хазарию и обратно в Херсонскую фему Византии (Херсонес в Крыму) св. равноапостольного Кирилла (Константина Философа). Во время миссии Константина Философа 860г., им было крещено на территории Хазарского каганата не менее двухсот человек.

Население Подонья этого времени – носители салтовской культуры – это ассии («ясы» русской летописи) – аланы, смешавшиеся с болгарами [2, с. 356; 7, с. 59–74], имевшее обряд погребения (в катакомбах) - происходивший от северокавказского – аланского; и, говорившее на болгарском (тюрском) языке, судя по знакам на камнях салтовских донских городищ. Хотя «серебряные болгары», как утверждают позднесредневековые источники («Хроника Джагфара»), ушли в Волго-Камье около 863 г., образовав суверенное государство Волжскую Булгарию, «черные болгары», как называли собственно «савиров», остались под номинальной юрисдикцией Хазарского Каганата; номинальной, поскольку на территории Каганата шла непрерывная гражданская война, с постоянными вспышками восстаний подвластных хазарам народов. Именно «салтовское население» (носители салтово-маяцкой культуры) были наследниками Оногурской епархии, некогда входившей в Готскую митрополию. Восстание этого населения 909–912 гг. вместе с гузами и печенегами хазары безжалостно подавили с помощью алан Северного Кавказа [2, с. 356, 370], хотя как только угроза миновала, купеческая верхушка Каганата попыталась разделаться с православием и у северокавказских алан также (932 г.) [2, с. 364].

Положение православных ясов на Донце и Дону, и соседствующих с ними на Днепровском Левобережье севериев (савиров – «черных болгар») [71 с. 39–52], а также алан в Предкавказье спас удар киевского князя Святослава Игоревича по Саркелу и Итилю, разгромивший центральную хазарскую власть в 965 (969) г. [29, с. 90–101]. После этой войны ясы жили на своем месте – на Донце и в Подонье, еще в начале XII в., когда в 1116 г. сын Владимира Всеволодовича (Мономаха) – Ярополк захватил здесь в плен, во время одного из походов - красавицу-ясыню и женился на ней [48, с. 201]. Понятно, что взятая

Ярополком в жены ассийская княжна, была православной, без чего не стала бы благоверной русской княгиней.

Еще А.А. Спицын рассматривал наземное Маяцкое городище VIII-X вв. на Дону – известнейший памятник салтовской (эпоним салтово-маяцкой) культуры вместе с его подземными святынями (Большими и Малыми Дивами), как «монастырёк – погост» (Рис. 7), обслуживавший в качестве погребального христианского центра значительную округу [52, с. 70–76, сл.]. Сюда, в место функционирования подземной святыни (рис.8), свозили для погребения православные алано-болгары (ясы) и болгары («черные болгары») скончавшихся членов своих семей и общин. Не исключено, что этот центр во времена вассалитета болгарского населения по отношению к хазарам (VIII–X вв.), наследовал традицию, введенную в столице «царства гуннов» (савиров) Варачане князем Алп-Илитвером.

Вопрос о локализации самого города под названием Варачан пока остается открытым. Таковыми могли бы являться центры, к которым относились Борисковский, или Дмитровский могильники (где имеются ранние погребения VII в.) [7, с. 47–67; 8, с. 59–74]; а эстафету приняло Правобережное Цимлянское городище [2, с. 317–322], погибшее не позднее окончания первой четверти IX в., во время одной из вспышек нескончаемой гражданской войны на территории Хазарского Каганата. Именно оно выделяется качеством, размахом, монументальностью и восточным («закавказско-персидским») мастерством своих крепостных сооружений, свойственных обычно только выдающимся городским и княжеским полисам. Функции оплота христианства в VIII–X вв. приняло на себя Маяцкое городище на Дону, со столь же впечатляющей фортификацией.

Сопоставление Маяцкого городища с христианским монастырем, просуществовавшим в рамках Каганата до первой половины X в. [73, с. 196–201], сделанное А.А. Спицыным, перекликается с миссией по христианизации «черных болгар» («савиров») Алп-Илитвера (682г.), проведенной епископом Исраелем в городе, название которого передано армянскими, арабскими и иудейскими источниками как Варачан.

Такое соотнесение открывает перспективу еще одного сопоставления. Но для несколько иного времени. И для памятника, который С.А. Плетнева связывает с местным населением – наследниками народа хазарского времени, оставившего здесь салтовскую культуру. Это пещерный монастырь в Холках на р.Оскол Донского бассейна [75, с. 89–109]. Размеры городища у с. Холок (Новооскольского района Белгородской обл.) необычайно незначительны – всего 1,5 га (Рис. 9) [46, с. 25, 28. Рис. 11]. Тем не менее, могильник находится внутри крепостных укреплений городища, как это бывает только на погостах вблизи храмов внутри монастырских стен (укреплений). А погребения, сгруппированные на восточном мысу городища, это ориентированные по оси восток-запад костяки – останки, положенные по требованиям христианского погребального обряда.

Находка в одном из погребений синего витого стеклянного браслета, в случае, если это кобальтовое стекло, может определить дату памятника несколько более ранним периодом [34, с. 35–44], нежели предложенный С.А. Плетневой – XI–XII вв. Тем более, к югу от городища Холок (впритык, через балку) расположено салтовское селище VIII–X вв. Хотя С.А. Плетнева и полагала Холковское городище пограничной крепостью Черниговского княжества, населенной потомками «салтовцев» – алано-болгарского населения Подонья («ясами»), ничто – особенно его размеры, не мешает воспринимать эту крепость как монастырь Черниговской епархии, что не лишало укрепление статуса пограничной крепости. Необычно интересно, что один из немногих пока древнерусских монастырей с полностью археологически установленной территорией – Спасский в Новгороде-Северском [31] имеет ту же площадь, что и «городище» в Холках – до 1,5 га (150 * 150 м.). А погребения на территории Холковского «городища» только подтверждают его статус обители. Единственное, что остается неизвестным среди материалов Холковского «городища» (монастыря) – следы или признаки каких-либо монументальных строений – синхронных его культурному

слою XI-XII вв. - наземных храмов. Это значит, что ядром кладбища-погоста XI–XII вв. был какой-то иной, и, по всей видимости, единственный имевшийся здесь, подземный храм (Рис. 10).

История этого пещерного комплекса видится так. Вначале под холмом была вырыта пещера, построенная по типу «анахоретских галерей-келий», схожих с более поздними киевскими [9, с. 156, 160. Рис. 8], но возникших не позднее VII в. Неподалеку от нее в эпоху расселения алано-болгарских племен по территории Хазарского каганата во второй половине VII–IX в. расположилось селище салтовской культуры. Видимо, во время функционирования жилого поселка из кельи основателя пещерного скита высекается храм, где лежанка инока-основателя (Рис. 10,*В1*) становиться престолом, а планиметрия подземной Холковской церкви с колонами-останцами строится по образцу прямоугольно спланированных ближневосточных пещерных святынь, типа «Гробниц Синедры». Времена построения Холковского пещерного храма, определяются не позднее VIII в., поскольку престол древнего типа (примыкающий к стене), дополняла вырубленная обводная галерея (Рис. 10,*В2*) для *кругового обхода престола* (как в современных ему византийских храмах): по всей видимости, наиболее поздним подобным канонически-планировочным элементом служит галерея для кругового обхода престола, устроенная под синтроном Мирликийской базилики свт.Николая в турецком г.Демре (Мирах Ликийских). В эту эпоху прототипом Холковской пещерной церкви могла быть еще служившаяся тогда подземная церковь в Херсонесе, переоборудованная из склепа у башни Зинона (Рис. 11,*1*) [87, с. 254. Рис.132], и построенная, как следует из ее планиметрии, по образцу «Гробниц Синедры».

Непосредственно после середины IX в., в связи с миссией Константина Философа, когда количество подземных обителей Подонья увеличивается, Холковская пещера превращается в скит из нескольких (не менее 5-ти) подземножителей, ведущих службы в пещерном храме. После разгрома центрального правительства Хазарского каганата Святославом Киевским в 965 (969) г. происходит перегруппировка населения, и над пещерным комплексом Холковского скита возникает наземное укрепление, служащее погостом пещерного храма, а пещерный скит превращается в монастырь, имеющий наземные службы. Возможно, это произошло уже после исторической акции Крещения Руси при св. Владимире (989 г.), когда христианское население Подонья попадает под власть Киевского митрополита, будучи под непосредственным управлением Черниговской архиерейской кафедры (с 992 г.), а Холковская Троицкая обитель становится форпостом Черниговской епархии и Черниговского княжества на восточных рубежах Руси XI–XII веков. Монастырь существовал до так называемого «запустения», после XIV в., точное время наступления которого, по материалам Холковского комплекса, уточнить не удается.

В XIII в. при митрополите Киевском Кирилле не только ведется работа по укреплению позиций твердыни православия – Киево-Печерского монастыря, но и восстанавливается православная епархия на Итиле (Волге) - Сарайская, где некогда при хазарах размещалась Астильская епископия. По сообщению посла Римского папы – Джованни дель Плано Карпини, князь ясский, – владетель Подонья, – жил в это время в ставке Бату-хана [30, с. 65, 580. Прим.31]. Активная проповедь христианства среди монголов Золотой Орды относится к 1269 г., и усиливается после Собора Русской Православной Церкви 1274 г. под главенством митрополита Кирилла; а в 1297 г. на съезде русских князей во Владимире присутствует экзарх Сарайской епархии епископ Исмаил [23, с. 734, 737]. К этому времени относиться не финал, а укрепление христианских центров Подонья, которыми являлись подземные монастыри.

В XIV в., сначала при митрополите Петре (выходце из днестровского пещерного монастыря на р. Рате, первом митрополите, похороненном в Москве), а затем при митрополите Алексии хан Золотой Орды Ахмет подтверждает Владыке Руси грамоту об освобождении от налогов православных духовных институций и лиц, принадлежащих к Церковной иерархии.

В это время территория Подонья продолжает оставаться зоной проживания ясов и зоной влияния полиэтнического объединения потомков половцев, куда, однако, вторгаются крымчане, генуэзцы, и множественные орды, в том числе, оказавшиеся под властью темника Мамая, иногда союзного, но часто противостоящего центральному правительству Золотой Орды. Тем не менее, христианские святыни в районах татарского влияния продолжают существовать. К этому времени кроме Дивногорских пещер, еще функционируют комплексы Белогорья, Костомарова (также с нишами-стасидиями), и города Калач (Калачеевская пещера). Не позднее, чем к древнерусскому времени относится создание и функционирование второго пещерного монастыря в Дивах. Существование пещер Дивногорья Донского бассейна в это время было четко аргументировано В.В. Степкиным [57, с. 68–75].

Не позднее XIV в. начинает функционировать Святогорский пещерный комплекс на Северском Донце, где, как и в Больших и Малых Дивах, используются погребальные ниши-стасидии. Среди вещевых находок, связанных с пещерами Святогорья, особый интерес представляет сланцевая иконка [33, с. 43–50] со свт. Николаем Мирликийским в центре, окруженном изображениями семи спящих отроков в пещере Эфесской (Рис. 12,*C*). Находка связана с культурным слоем примонастырских напластований «у ручья» (заметим, у такого же «живоносного источника», также названного во имя свт. Николая Мирликийского, как в Святогорье, была основана и пещерная Поройская пустынь Липецка). Находка такой иконки может указывать на канонические связи, в конкретной исторической коллизии возникновения подземного комплекса над Северским Донцом. Очень вероятно, что основание Святогорских пещер связано с чествованием части мощей свт. Николая, оставшихся в Малой Азии (где, неподалеку расположена и пещера семи отроков Эфесских), после перенесения в 1087 г. *мироточивой главы* Чудотворца и части его мощей в город Бари на Аппенинском полуострове.

Изображения отроков эфесских оказываются на предметах пластики рядом не только с рельефами Христа и Богородицы, – но, преимущественно – рядом с изображением свт. Николая [43, с. 1–26. Табл. 14,*1*; 23,*2,3*; 24,*2–6*], как на иконке из Святогорья [80, с. 157–161] именно в XII-XIV вв. Эта датирующая процветание монастыря вещь, свидетельствующая о включение обители в орбиту паломнических передвижений, относится к «ордынской эпохе», не позднее второй половины XIV в.

Из других находок в культурном слое, связанном с первоначальным существованием Святогорского подземного монастыря, интересен «медальон из белого металла» [33, с. 43–50] (Рис. 12,*B*). Эта вещь более всего схожа с накладкой на внешнюю лицевую сторону чашечки двустворчатой панагии, которые распространились на Руси в XIV–XV вв. [51, с. 204–219. Рис. 5]. Определенные констатации по поводу чрезвычайно схематичного изображения на внешнем корпусе панагии из Святогорья могут оказаться рискованными, поскольку в образе одеяния может равно угадываться «плащ-корзно» или «святительские облачения», а лик с низко опущенными долу очами, мог равно передавать как согбенного годами молитвенника, так и женский, либо моложавый мужской лик (Рис. 12,*A*).

В силу стилизации черт лика, изображенного на нем «святителя» (?), можно бы предположить в нем Григория Богослова, челюсть которого составляет одну из примечательных святынь в мощехранилищах греческой Святой Горы. Изображение могло принадлежать одному из равно чтимых сподвижников Григория Назианзина: свтт. Василию Великому или Иоанну Златоусту, чьи мощи («всечестная глава») являются достоянием Афонского монастыря Ватопед. На Афоне того времени – с XIV в., также наблюдается активность в пещерных обителях в связи с деятельностью преп. Григория Синаита. Это перекликается и синхронизируется с преданием об основании монастыря на Северском Донце выходцами с Греческого Афона [78, Гл. 6. Прим. 204]; предание было сохранено местным населением и передавалось в монастырской среде с начала возобновления монашеской жизни в Святогорской обители на Донце в начале XVII века.

Для понимания изображения на пластинке со Святогорской панагии XIV-XV вв. крайне важны вписанные «в образ» – «титлы» (Рис. 12,*В*): на медальоне они помещены классически - по обеим сторонам лика, но в «ангельских зерцалах» (хотя последние в иконографии, как правило, несут лишь Имена Бога). На нимбе, окружающем лик (Рис. 12,*А*), четко просматривается двойная черта (вертикальная вверху; и горизонтальная – справа), свойственная исключительно «крестчатым нимбам» Христа, а прическа несколько напоминает очень редкое изображение Христа-Архиерея в Софии Киевской, где Иисус передан моложавым [37, с. 21,27,34]. Сами «титлы», выведенные в «зерцалах», напоминают некоторые «лапидарные знаки» (Рис. 12,*В*), часто встречаемые среди начертаний в пещерах Крыма, Добруджи, Поднестровья, Подонья [3, с. 65–67, 71–73; 22, с. 61–65]. Возможно, они переданы в одном из семитических алфавитов[3], что более чем вероятно для вещей крымского происхождения, где христианские святыни соседствовали с караимскими общинами на одной территории, как это было в «Крепости Драгоценностей» (Кырк-Ор) в Чуфут-Кале. Такая интерпретация надписей, не исключает ближневосточную, но является более вероятной, нежели применение рунных («младшего футарка») начертаний, которые в средневековые времена могли бы использовать готы на территории крымского Готского княжества Феодоро в XIV в.

Связь Святогорского монастыря на Северском Донце XIV-XV вв. несомненна с Ближним Востоком, в том числе – по находке сланцевой иконки, предназначенной для вставки в оправу (панагия?), связанной с культом оставшихся в Мирах Ликийских (Демре) мощей святителя Николая, связанным с почитанием «спящих отроков в пещере Эфесской». Не исключена связь обители и с Греческим Афоном, о чем пришедшие в 20-30-гг. XVII в. иноки, сохранили предание, услышанное от местного населения [82, гл.9, р.4.2, прим. 267]. Не менее вероятно, что подземный монастырь на Северском Донце основан выходцами из многочисленных пещерных обителей Крымской Готии (княжества Феодоро), где «давление ислама» уже в XIV в. могло, например, вынудить перенос пещерного монастыря Успения из самой крепости Чуфут-Кале (Кырк-Ор) в ее окрестности [18, .с 50, 65], что очень уж синхронно строительству в самой крепости соборной мечети в 1346 г. (хотя А.И. Герцен и Ю.М. Могаричев полагают этот перенос результатом простого увеличения площади крепости и перекрытием доступа к отдельным пещерным помещениям новыми оборонительными стенами).

В плане крымских параллелей, тесно связанных с «ордынско-сарайским» кругом, показательны и глазированные тарели-дискосы из Святогорья на Северском Донце (см.рис.11:*А*) с крестами-четырехлистниками («лист клевера») и «звездой» [33, Табл.5,6], которые имеют аналогии в материалах XV – начала XVI в. Крыма [42, с. 148. Рис.9,*17*5, Рис. 33], а стеклянные стаканы и стопки из Святогорья, судя по крымским аналогиям, распространены с начала XIV века. Отметим, что посуда, тех же типов, что найдена в слоях при Святогорском пещерном монастыре на Донце, и характерная для Крыма, наличествует также в синхронных слоях, подвергнутого раскопкам Сарая-Бату – столице Золотой Орды. Судя по датам этих находок, Святогорские пещеры являются самым ранним позднесредневековым пещерным комплексом в Донском бассейне, и, как представляется, могут относиться (по вероятному времени использования иконки) ко времени не позднее пребывания на кафедре Руси митрополита Киприана [68, с. 146,170]. Возникновение же этой пещерной обители относиться ко временам задолго до Димитрия Донского, судя по датам найденного стекла (с нач. XIV в.) – не позднее правления в Москве Ивана Калиты (и митрополита Петра); доживает Святогорская пещерная обитель, по наиболее поздно датирующейся глазирован-

[3] Знак в левом «зерцале» несколько напоминает «шайн» в семитских алфавитах («*m*» – «эм» в арамейском; «*mem*» – «мэм» в финикийском); удвоенный знак в правом «зерцале» схож с сирийским «*Kâp*ˉ» (мягкий «х»). В случае если знак «шайн» передает понятие «шехина», обозначающее по А.Д. Амусину [1, с.19] «присутствие божества», то мягкий «h» - титулатуру Бога–Сына: «Христос».

ной керамике (нач. XVI в.), – до начала царствования Иоанна III. Этот пещерный монастырь не «запустевает», а возникает и благополучно функционирует именно в «золотоордынскую эпоху» (XIV–XV вв.).

Монахи, заново осваивавшие уже существовавшие пещерные монастыри Донского региона во втором (Холки на Осколе) и третьем десятилетии (Святогорский на Северском Донце) XVII века, уже не практиковали коллективных погребений в кимитириях (общих усыпальницах) ниш-стасидиев, как их предшественники по подземным кельям и храмам. Время, когда прервалась традиция пещерного монашества на территории бассейна Дона, до настоящих замечаний о хронологии находок, не было точно локализовано. Ясно, что основная масса пещерных обителей еще функционировала в XIV в., когда только начинает обустраиваться Святогорский подземный монастырь. Вполне понятно, что на этих землях сохранялось какое-то (отнюдь не славянское) население [70], в те времена, которые А.А. Шахматов называл «запустением» этого региона в XIV–XVI вв. Но в XIV–XV вв. здесь все-таки жили.

Несомненным началом противодействия христианству было принятие царевичем Узбеком ислама в качестве государственной религии Золотой Орды в 1312 году. Но постоянные раздоры и династические распри, приведшие к смене Золотой Орды рядом ханств, создавали нишу выживания для степного православия, сохраняя в степи (и лесостепи) высокий статус русских православных Владык – Петра и Алексия, подтверждаемый «ярлыками» владетелей Золотой Орды [44, с. 53,64,94].

Постоянное противостояние и военные акции конца XIV в., затрагивавшие, в том числе, и территории степи и лесостепи между Азовом и Каспием, приводили к таким крупным коллизиям, как походы Тохтамыша и Тимура, или к ряду менее масштабных, но не менее разрушительных столкновений. Все это инициировало ситуацию неблагоприятную не только для христианства вообще (да и для всего населения в целом), но и для конкретных христианских центров – монастырей, даже подземных, и приходов, функции которых, надо думать, выполняли эти монастыри. Вместе с тем акции подобные походу Тимура не могли не служить проводником для иных религиозных систем – в первую очередь ислама, который стал в XV столетии - ведущей силой не только в Поволжье, но и на Северном Кавказе. К XVII в. постоянные импульсы с востока привели даже к продвижению буддизма в Поволжье, где граф Паллас отметил культовое использование пещер горы Богдо буддистами – калмыками [40, с. 51-62; 44]. Не исключено, что подобные пещерные святилища буддистов были отголоском использования пещерных *вихара* (монастырей), активно строившихся в Центральной Азии первой половины I тыс.н.э. Не исключено, что подобным же отголоском в Западной Сибири было почитание идола, установленного в пещере [40, с. 378. Рис. 18].

Все XIV столетие событийную канву продолжали сокрушительные походы Едигея, предавшего огню не только ряд селений Подонья, но и предместья Киева; XV столетие - основание Крымского (1436 г.) и Казанского (1438 г.) ханств; усиление Ногайской орды, совершающей походы на Литву (1438 г.), Польшу (1442, 1448 гг.) и Россию (1449, 1451, 1454 гг.). Апофеозом исламского продвижения в Восточноевропейскую степь следует считать захват Турцией Крыма: 1475 г., и закрепление турецких позиций в Северном Причерноморье (Кафа, Очаков, Азов). Значит, временем упадка христианских пещерных комплексов следует считать те фазы неблагоприятствования православию, связанные с прямой угрозой агрессии в степной и лесостепной зоне ордынского влияния, которые были обусловлены событиями, начиная с конца XV столетия. Последняя четверть XV в. оказалась переломной для христианских пещерных святынь в бассейне Дона, запустевших, и пустовавших на протяжении всего века XVI-го. Последний «осколок» Готской митрополии, представленный пещерными монастырями Подонья, некогда (VI–IX вв.) входившими в Оногурскую епархию (а после становления Киевской митрополии 988/989г., в Черниговскую), – обителями,

постоянно менявшими «подданство» то Московского, то Киевского митрополитов, исчез вместе с XV столетием.

В данном случае, небесполезным является наблюдение о запустении христианских обителей пограничной и при пограничной полосы грядущей России, в то время, которое называют эпохой ее «становления и укрепления», что соответствует в апогее процесса централизации Московского государства - деятельности царей Иоанна III и его внука Иоанна Васильевича (Грозного). Из чего вытекает неутешительный вывод: «укрепление вертикали власти» отнюдь не способствует и не соответствует «обновлению и процветанию» (или хотя бы простому поддержанию, обычного правопорядка). Только после установления прочного мира в обществе по окончании «Смутного времени»; мира, установленного «соборно» (т.е., общенародно), с воцарением династии Романовых, - со второго десятилетия XVII в. последовало возобновление монастырских обителей в Холках, Больших и Малых Дивах, Шмарном и Костомарово на Дону, деятельность которых прервал период «становления и укрепления» Московского царства с рубежа XV-XVI вв. Предваряя возможные упреки в излишней публицистичности последнего замечания, приведу слова Н.С. Гумилева: «История оправдывает все, что пожелает. Строго говоря, она не учит ничему, ибо содержит в себе все и дает примеры всему. Вот почему нет ничего смехотворнее, чем рассуждать об “уроках истории”. Из них можно извлечь любую политику, любую мораль, любую философию. … Кто в расчете на непостижимое будущее решает строить свои действия, основываясь на неведомом прошлом, тот погиб» [38, с. 150–151].

Список использованной литературы

1. Амусин И. Д. К определению идеологической принадлежности кумранской общины. ВДИ, 1961. № 1.
2. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
3. Атанасов Г. За един старобългарски скален манастир от X-XI век в Централна Молдова // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Том втори. Велико Търново, 1993.
4. Бажан И.А. Многолепестковые инкрустированные фибулы и вопросы хронологии цебельдинских древностей // Доклад на семинаре «Хронограф» 06.04.2009. в ИИМК РАН. Изв. ИИМК РАН, СПб. (в печати).
5. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд. Уральского гос.университета, 2001.
6. Беликов Д.Н. Начало христианства у Готов и деятельность епископа Ульфилы. Казань, 1887. Вып.1.
7. Березовець Д.Т. Слов'яни й племена салтівської культури // Археологія. Київ, 1965. Т.XIX.
8. Березовець Д.Т. Про ім’я носіїв салтівської культури // Археологія. Київ, 1970. Т. XXIV.
9. Бобровский Т.А. Скальная архитектура средневекового Киева (основные итоги изучения) // Спелестологический Ежегодник Российского общества спелеологических и спелестологических исследований 2000. М., 2002.
10. Васильев А.А. Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI по XI в.) // Изв. ГАИМК. Л., 1927. Вып.V.
11. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермен // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
12. Вернер И. Захоронение в Малом Перещепине и Кубрат, хан болгарский // «Софийские новости (газета). 05.01.1985.
13. Вернер И. Погебалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат – хан на българите. София, 1988.

14. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА.1995. № 1.
15. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI в. (Опыт исторической этнографии). СПб., 2003.
16. Гайдуков Н.Е., Желтов М., диак. Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2.
17. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1991. О возникновении готской епархии в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II.
18. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор, Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.
19. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. СПб., 1901. Т. 1. Ч.1.
20. Горайко А.В. О роли Антиохийской Церкви в восстании 397 г. // Проблемы теологии. Вып.3: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа. 2 – 3 марта 2006. Екатеринбург, 2006. Ч. 1.
21. Горюнов Е.А. Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье // КСИА, 1987. Вып. 190.
22. Гроссу В.Г., Василаки К.Г. Лапидарные знаки Бутученских пещер // Известия Академии наук Молдавской ССР. Кишинев, 1984. Вып.3.
23. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
24. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму // САИ. М, 1991. Вып. Д 1–7.
25. Домбровский О.И. Пещеры и урочище Кизил-Коба и позднеантичный период // Труды Комплексной карстовой экспедиции АН УССР, Киев, 1963.
26. Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.
27. Казанский М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Сборник научных статей. Киев, 2006.
28. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары гуннского времени в Восточной Европе // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып.1: Археология / Отв.ред. А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж, 2009.
29. Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. М., 1976.
30. Карамзин М.Н. История государства Российского. М., 1997. T.IV-VI.
31. Кардини Ф. История средневекового рыцарства / Сокращенный перевод с итальянского В.П.Гайдука. Вступ.статья и общ.ред. к.и.н. В.И. Уколовой и д.и.н. Л.А. Котельниковой. М., 1987.
32. Карманов Ю.Н. О монашестве Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском // Христианство в регионах мира. Вып.3: Христианская архаика / Отв.ред. М.Ф. Альбедиль, Ю.Ю. Шевченко. СПб., 2011 (в печати).
33. Кравченко Э.Е. Бытовой комплекс Святогорского монастыря (По результатам археологических исследований 1989 г.) // Материалы исследований, реставрации и использования памятников культуры (к 15-летию основания заповедника). Научно-практический семинар 29-30 мая 1995 г. Славяногорск, 1995.
34. Кропоткин В.В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК, 1957. Вып. 68.
35. Лавров В.В. Епископ Ульфила и развитие готской литературы // Интеллектуальная элита античного мира. Тезисфы докладов научной конференции. 8–9 ноября 1995 г. СПб., 1995.

36. Лавров В.В. Готские войны III в.н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. д.и.н.А.Ю. Дворниченко. СПб., 2003.
37. Лидов А.М. Схизма и византийская храмовая декорация // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / Ред.-сост. А.М. Лидов. СПб., 1994.
38. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
39. Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе // Изв.ГАИМК. Л., 1934. Вып.112.
40. Миллер Г.Ф. История Сибири. СПб., 2003. Т. I.
41. Муравьев В. Дорогами российских провинций: Путешествия П. С. Палласа. М., 1977.
42. Мыц В.Л. Гэнуэзская Луста и капитанство Готии в 60-70 гг. XV в // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
43. Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV веков // САИ. М., 1983. Вып. Е1-60.
44. Никольский Н.М. История Русской Церкви. М., 1983.
45. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санктпетербургской Императорской Академии наук / Пер. с нем. Ф. Томанского, В. Зуева. Ч. 2. Кн. 2 (1770). СПб., 1786.
46. Плетнева С.А. О юго-восточной окраине Русских земель в домонгольское время // КСИА. М., 1964. Вып.99.
47. Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. М.,1985.
48. Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Ч.I.
49. Приймак В.В. Територіальна структура межиріччя Середньої Десни та Середньої Ворскли VIII – поч. IX ст. Суми, 1994.
50. Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК, 1932. Т. 12, вып. 1–8.
51. Рындина А.В. О литургической символике древнерусских серебряных панагий // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / Ред.-сост. А.М. Лидов. СПб., 1994.
52. Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. 1909, январь.
53. Степкин В.В. Культовые пещеры Среднего Дона (цикл статей) // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
54. Степкин В.В. История изучения культовых пещерных сооружений бассейна Дона и Оскола // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
55. Степкин В.В. Географические особенности распространения пещерных памятников на Дону и Осколе // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
56. Степкин В.В. Пещерные памятники бассейна Верхнего Дона // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
57. Степкин В.В. Пещерные памятники Среднедонского региона // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
58. Степкин В.В. Пещерные памятники Поосколья // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
59. Степкин В.В. Типологическая классификация подземных сооружений Дона и Оскола // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.

60. Степкин В.В. История появления и развития пещеростроительства в Донском регионе // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
61. Степкин В.В. Опыт расчета трудовых затрат и реконструкция процесса организации производства при строительстве пещер Дона // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
62. Степкин В.В. Социально-психологические аспекты пещеростроительства в Донском регионе // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
63. Степкин В.В. Религиозно-мифологические мотивы в устройстве и оформлении пещерных памятников Придонья // Спелестологические исследования РОСИ: СЕ РОСИ. М., 2004. Вып.4.
64. Струков Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
65. Струков Д.М. Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. М., 1882.
66. Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Боспоро-Херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III-IV вв.н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на переферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999.
67. Уманець О.М., Шевченко Ю.Ю. Проблема культурогенезу давньорусьої "севери" з центром у Чернігові // Проблеми історичного і географічного краезнавства Чернігівщини**.** Вип. II. Чернігів, 1993.
68. Филарет (Гумилевский), Архиепископ. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 1852. Т.1.
69. Чичуров И.С. Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. М., 1976.
70. Шенников А.А. Червленный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987.
71. Шевченко Ю.Ю. На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы VIII-X вв. // Этнография народов Восточной Европы / Отв.ред. А.А. Шенников. Л., 1977.
72. Шевченко Ю.Ю. В зоне славянского этногенеза: Палеодемоэкология Низовьев Десны в первом тысячелетии нашей эры / Отв.ред. В.Е. Еременко. СПб., 2002.
73. Шевченко Ю.Ю. Пещерные христианские монастыри Подонья: начало традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. / Отв.ред. Д.Г. Савинов. СПб., 2004.
74. Шевченко Ю.Ю. Реликвия из величайшей пещерной святыни христианского мира // Славянский ход 2005. Материалы и исследования. Вып.2. Ханты-Мансийск – Сургут: Правительство Ханты-Мансийского автономного округа-Югры; «Общество русской культуры», 2005.
75. Шевченко Ю.Ю. Нижние ярусы подземного Ильинского монастыря в Чернигове, игумены обители и "иерусалимский след" в пещерном строительстве // Археология, этнография и антропологии Евразии. No 1 (25) 2006.
76. Шевченко Ю.Ю. Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства юга Восточной Европы // Христианство в регионах мира. Вып.2 / Отв.ред. Т.А.Бернштам., А.И.Терюков. СПб., 2008.
77. Шевченко Ю.Ю. Храмы христиан юга Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Київ – Глухів, 2010. Вип.3.
78. Шевченко Ю.Ю. Христианские пещерные святыни / Отв.ред. чл.-корр. РАН К.В. Чистов. СПб., 2010, Т.II.
79. Шевченко Ю.Ю. Нищенство как индикатор лидерства в первохристианстве: апостолы и пророки – трансформации во времени // Лидерство в архаике: условия и формы

прявления. Материалы семинара «Теория и методология архаики (ТЕМА)» / Отв.ред. *Д.Г. Савинов, М.Ф. Альбедиль*. СПб., 2011 (в печати).
80. Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г. Шиферные иконки Руси – амулеты от гробов предков (мысли о возможной интерпретации) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. ТД. Санкт-Петербург, 10-15 апреля 2006 г. Совместно с семинаром Государственного Эрмитажа «Ювелирное искусство и материальная культура». СПб., 2006.
81. Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Палеоэтнографическая ситуация V-VII вв. в Северном Причерноморье и появление раннехристианских пещерных памятников // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010.
82. Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Появление раннего христианства III-VII вв. в Северном Причерноморье // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Київ – Глухів, 2010. Вип.3.
83. Щукин М.Б. Силадьшомйо или Сильвано-Шильмоне и Фритигерн // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции к 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова**.** СПб., 2004.
84. Щукин М.Б. Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
85. Юрочкин В.Ю. Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: Греческая культура на переферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999.
86. Юрочкин В.Ю. Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2002. Ч. II.
87. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М.; Л., 1959. № 63.
88. Marquart J. Osteuropaische und Ostasiatsche Streifzuge. Leipzig, 1903.
89. Bierbrouer V. Ethnos und Mobilitat im 5 Jahrhundert aus archeologischer Sicht: VomKaukasus bis nach Niederosterreich. Munchen, 2008.
90. Scukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations. BAR International Series 1535 / Series Editors: Sauro Gelichi, Lopez Quiroga, Patrick Perin. Oxford, 2006.
91. Werner J. Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kubrat, Kagan der Bulgaren. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch – Historische Klasse, Abhandlungen (Neue Folge) Heft 91. München, 1984.

Summary

Gothic metropolis existed at the time of the First Ecumenical Council of the Church at Nicea 325 AD, when the Theophilus of Bosporus, Exarch of Gothia is mentioned together with the Cadmus the bishop of the Bosporus. This division of the Church for some time has lost the status of archdiocese, as receiver of Theophilus – Ulfilas only the office of a bishop of Gotha. However, Metropolis is preserved for 787–791 years. As seen on notitsii of the seven dioceses of its composition at this time. Conservation of this large church education could not contribute to an active Christian preaching in the northern Black Sea coast among Savirien and their allies Antes (Kardosta and Makarios) in postgunnskoe time, as well as the adoption of Christianity Bulgarian (Savirs) Prince Alp-Ilitver in 682 was one of the dioceses of the Gotha Metropolis – Onogurs geographically consistent with the Great Bulgaria, stretching from the Don to the Dnepr (judging by the findings in the Dnieper left bank of the Great Khan's funeral Bulgaria Kubrat). Among the cave-Christian churches Don region has thrones that are adjacent to the apse, not intended for service

around the throne after the order of the Liturgy of St. Basil bet before making Trullan Cathedral Church (692). Planimetry cave temples of the region (Cholki) and archaeological materials (Divnogorie have Mayatsky settlement) indicates the continuation of their practice of prayer during the reign of the Khazar khanate (VIII–X centuries). And later - at the time of the Old Russian state. Version of "desolation" of land south-east Russia in the XIV–XV centuries. (A.A. Shakhmatov) contrary to the operation at this time of cave complexes Divnogorie (V.V. Stepkin) and Svjatogorsk cave monastery that arose at this time. It was found slate inset Panagia depicting St. Nicholas of Myra, surrounded by seven young men, sleeping in a cave at Ephesus. It dates from no earlier than XII and XIV centuries in later. Strap on the front side of a silver folding of Panagia Svyatogorye with the face of Christ, Bishop and titla Hebrew belongs to a series of early bivalve panagias XIV–XV centuries. Along with the glass vessels of Cvyatogorye and glazed pots, paten, having numerous Crimean analogy, these findings indicate that the basis and operation of cave monastrery in the era of the Mongol-Tatar yoke.

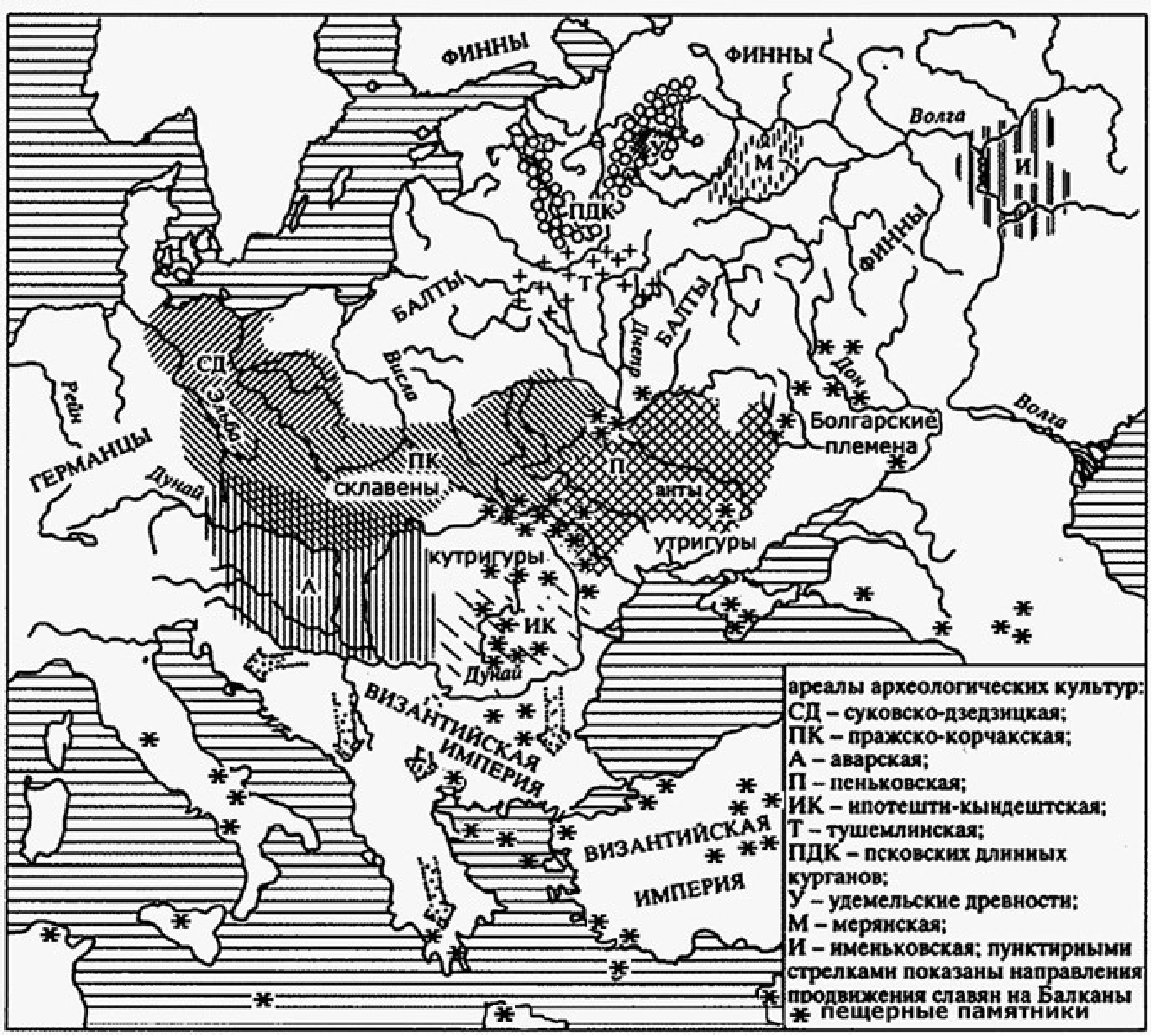

Рис.1. Пещерные монастыри с престолом, примыкающим к стене апсиды, предназначенным для совершения литургии по «древним чинам» службы перед престолом: ап. Марка (Александрийский) или ап. Иакова Старшего (Иерусалимский).

Рис.2. Мощи (десница) св. вмч. Никиты Готского (†372), перенесенные из храма города Аназарвы (Киликия) в сербский монастырь Высокие Дечаны в Косово.

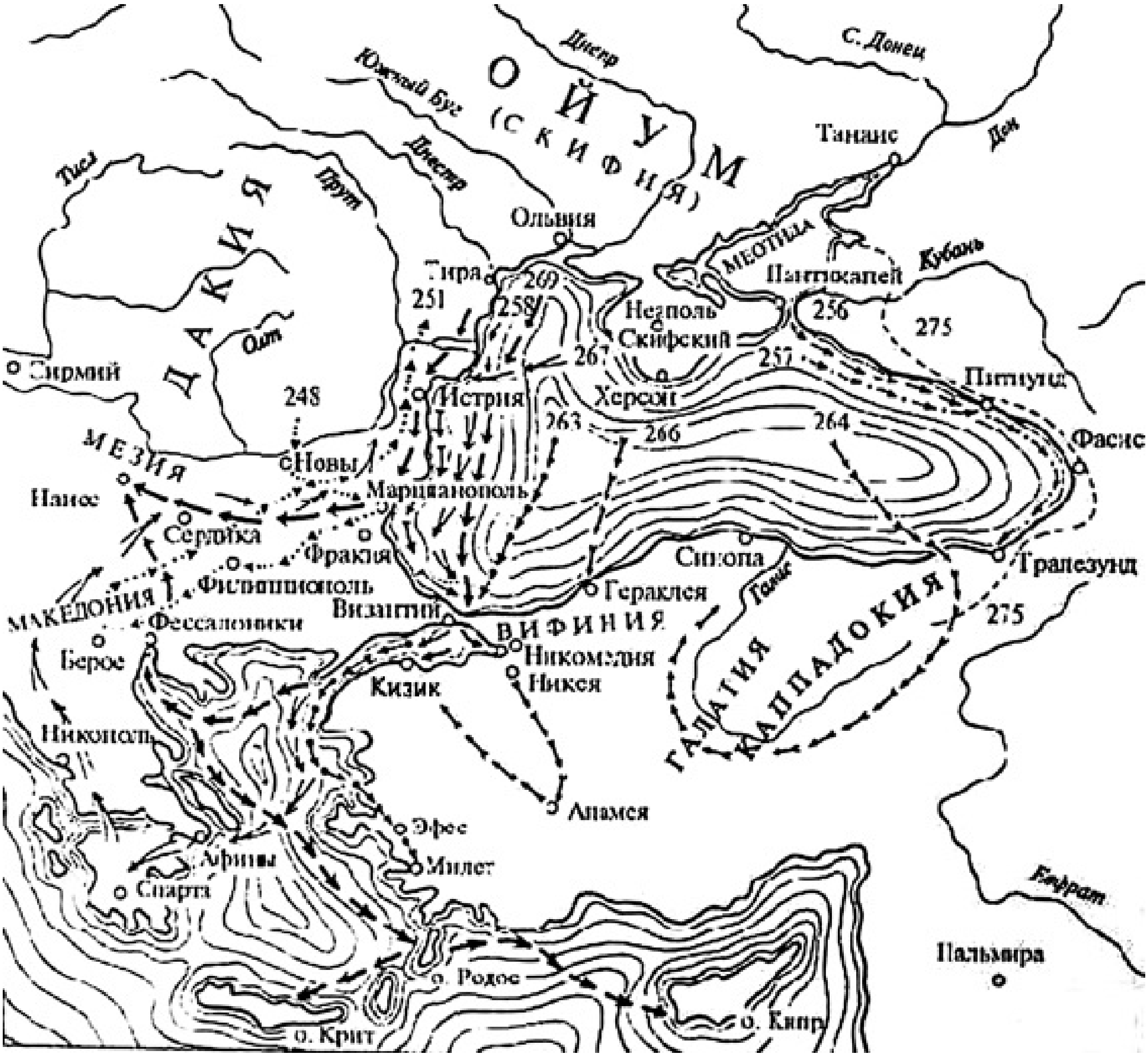

Рис.3. Ранние походы готов периода «готских войн» (через Боспор Киммерийский, – из Крыма) по М.Б. Щукину [84, Рис. 52].

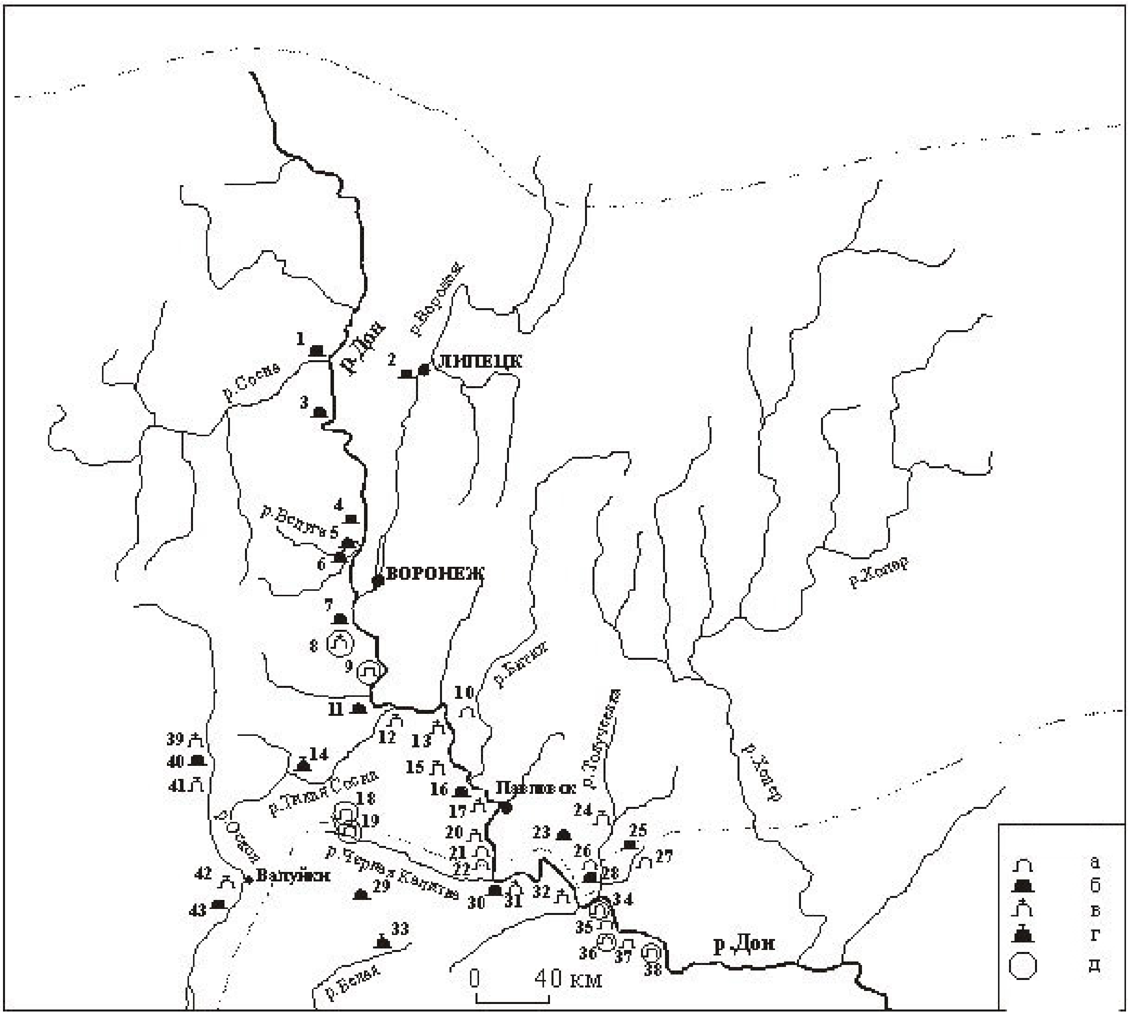

Рис.4. Пещерные памятники Подонья (пунктиром на юге показана граница степи и лесостепи; на севере – граница лесостепи и леса), по В.В. Степкину [53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63]: а) исследованные пещеры; б) неисследованные пещеры (в т.ч. – известные по письменным источникам, достоверным рассказам местных жителей, подтверждаемых топографическими картами и планами); в) исследованные пещеры с подземным храмом; г) неисследованные пещеры с подземным храмом; д) пещеры впервые исследованные В.В. Степкиным. Жирным курсивом выделены наименования раннесредневековых пещерных комплексов имеющих ранние литургические устройства. Пещеры у населенных пунктов: *1* – у с. Засосенка, *2* – в г. Липецке, *3* – у с. Каменка, *4* – у с. Хвощеватовка, *5* – у с. Губарево, *6* – Семилукская пещера, *7* – у с. Костенки, *8* – у с. Новосолдатка, *9* – у с. Мечетка (2-е пещеры), *10* – у с. Коротояк, *11* – Дивногорская группа пещер (Большие и Малые Дивы, Селявное, Каземат, Шатрище, Богородицы), *12* – у с. Колыбелька, *13* – Алексеевские пещеры, *14* – Костомаровская группа пещер (8-мь пещер), *15* – у с. Верхний Карабут, *16* – Белогорские пещеры, *17* – у с. Караяшник, *18* – у с Новохарьковка, *19* – у с. Семейки, *20* – у с. Нижний Карабут, *21* – у с. Кулаковка, *22* – Калачеевская пещера, *23* – у с. Скрипниково, *24* – у с. Пески, *25* – у с. Старая Криуша, *26* – у с. Червоно-Чехурск, *27* – у с. Екатериновка, *28* – у с. Новая Калитва, *29* – Гороховская пещера, *30* – Галиевская пещера, *31* – У с. Новобелое, *32* – у с. Старотолучеево, *33* – у с. Красногоровка, *34* – у с. Монастырищина, *35* – Демидовская пещера, *36* – Мигулинские пещеры (2-е пещеры), *37* – у с. Шмарное, *38* – у с. Яблоново, *39 – у с. Холки, 40* – у г. Валуйки, *41* – у с. Кокуевка.

Рис.5. Перстни из находки под с. Малая Перещепина (Новосенжарского района и уезда Полтавской губернии и обл.) с монограммой «патрикия Кубрата». Собрание «Золотой кладовой Востока» Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург, Россия.

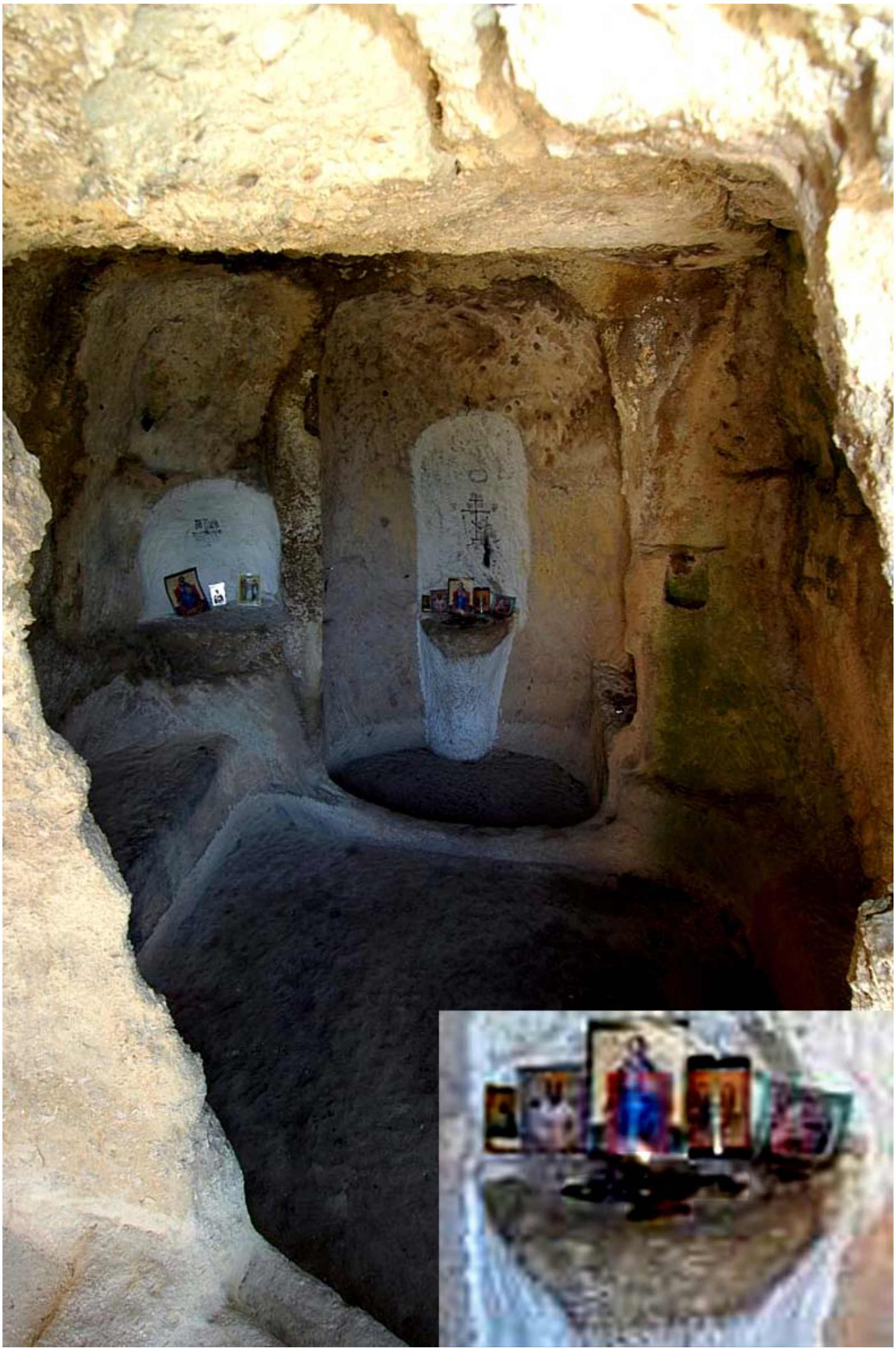

Рис.6. Южный придел центрального пещерного храма Эски-Кермена («Судилище») с престолом древнего типа. Фотография автора 2006 г.

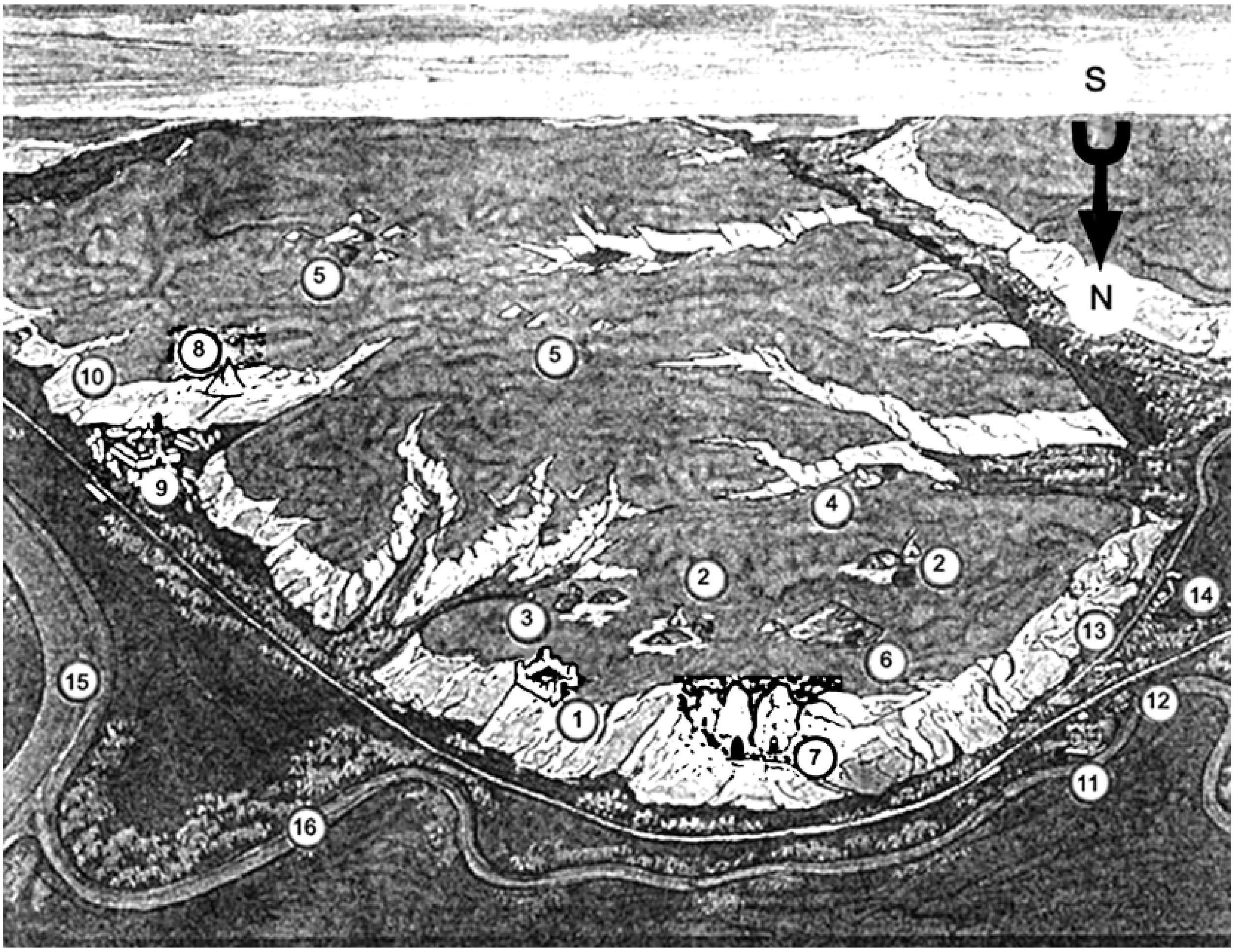

Рис.7. Схема историко-культурного и ландшафтного заповедника «Дивногорье» при впадении в Дон р. Тихой Сосны.

1 – Маяцкая крепость (городище) середины IX–X вв.; *2* – Маяцкое селище салтовской культуры VIII–X вв.; *3* – маяцкий гончарный комплекс середины IX–X вв.; *4* – маяцкий некрополь с погребениями середины IX–X вв.; *5* – курганная группа (подкурганные погребения эпохи бронзы); *6* – крупный одиночный курган; *7* – пещерная церковь Сицилийской Божьей Матери в подземном монастыре Больших Див; *8* – пещерная церковь Иоанна Предтечи в Малых Дивах; *9* – Дивногорский Свято-Успенский мужской монастырь; *10* – пещерная церковь; *11* – часовня с источником; *12* – кемпинги; *13* – автостоянка; *14* – администрация Музея-заповедника; *15* – русло р. Тихая Сосна; *16* – русло р. Дон.

Рис.8. План Маяцкого городища с примыкающими селищем и могильником по отношению ко входу в пещерный комплекс («монастырь» – на плане) по С.А. Плетневой.

1 – раскопы 1975-1978 гг. (цифрами обозначены номера раскопов); *2* – Распространение «западин» жилых построек при Маяцкой раннесредневековой крепости (городище), отмеченных А.И. Милютиным при исследованиях 1906 г.; *3* – Маяцкое городище: крепость VIII–IX вв.; *4* – вход в пещерный монастырь Больших Див.

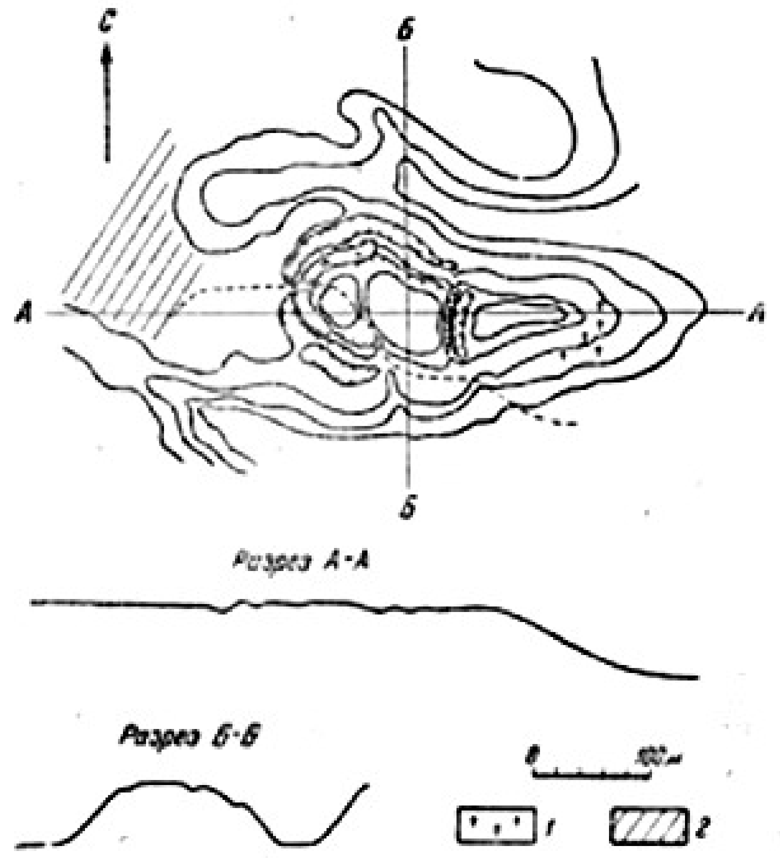

Рис.9. План «городища» у с.Холки по С.А. Плетневой [46] – наземной части монастыря, под которым расположены пещеры.

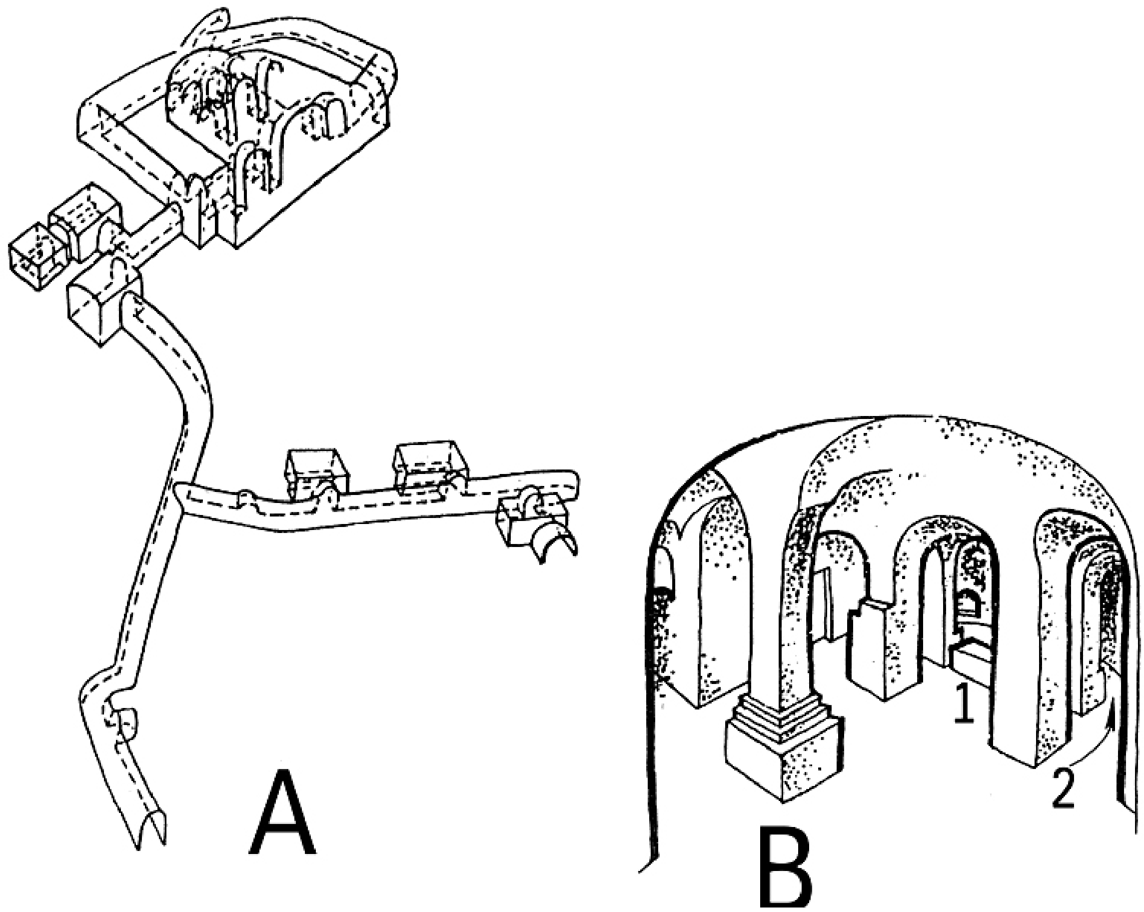

Рис.10. План Холкова подземного монастыря в аксонометрии по В.И. Плужникову [47]

А – пещерный комплекс; *В* – вид подземного храма; *1* – Престол на месте «лежанки» в келье отшельника-первопоселенца; *2* – Обводная галерея для службы «вокруг престола» по чину свт. Василия Великого.

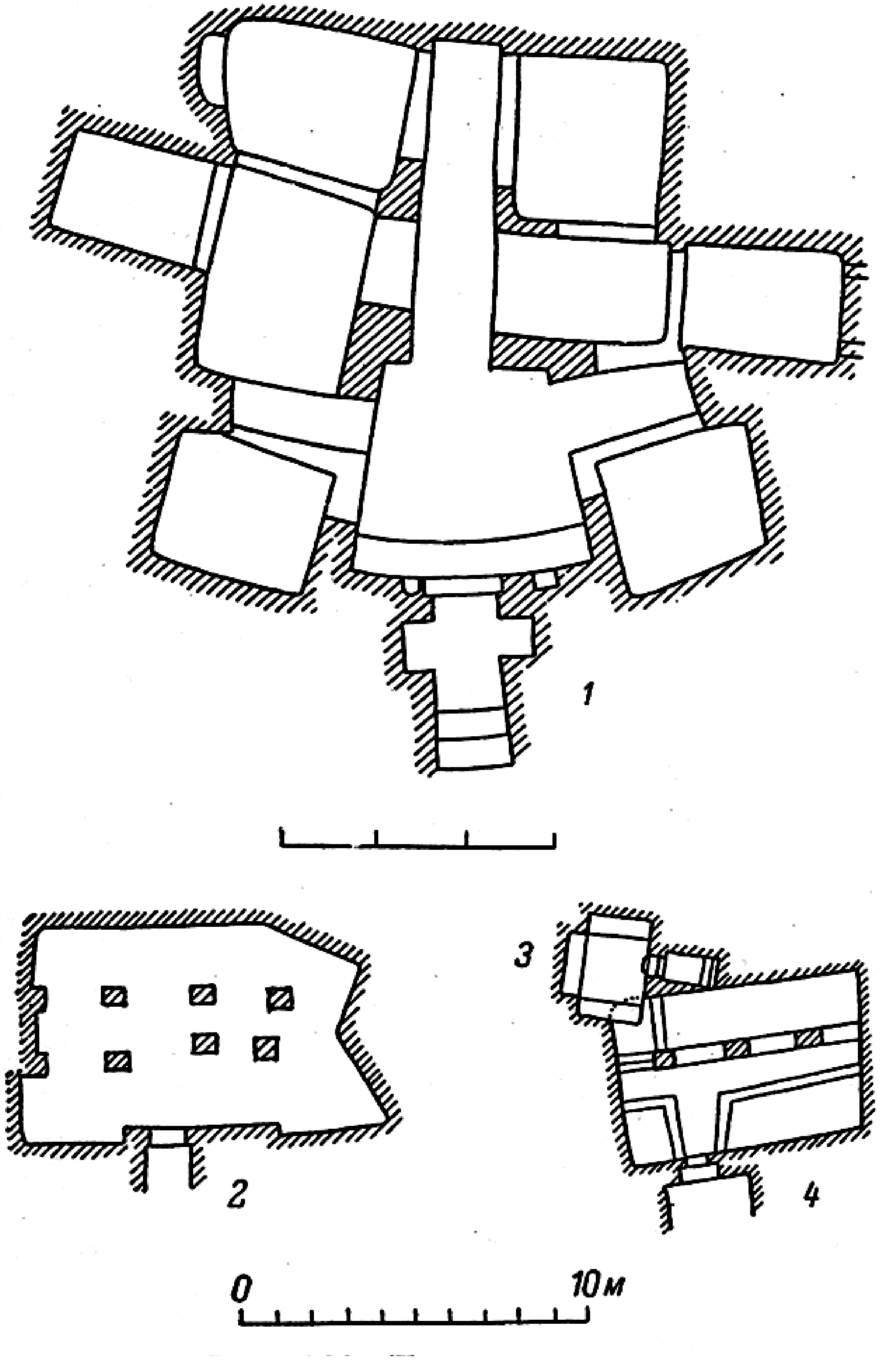

Рис.11. Планы Херсонесских склепов IV-VI вв. по А.Л. Якобсону [87]

1 – план склепа No 2814 у башни Зинона; *2* – план склепа № 1663; *3*,*4* – планы склепов № 2052, 2053 (раскопки 1905 г.).

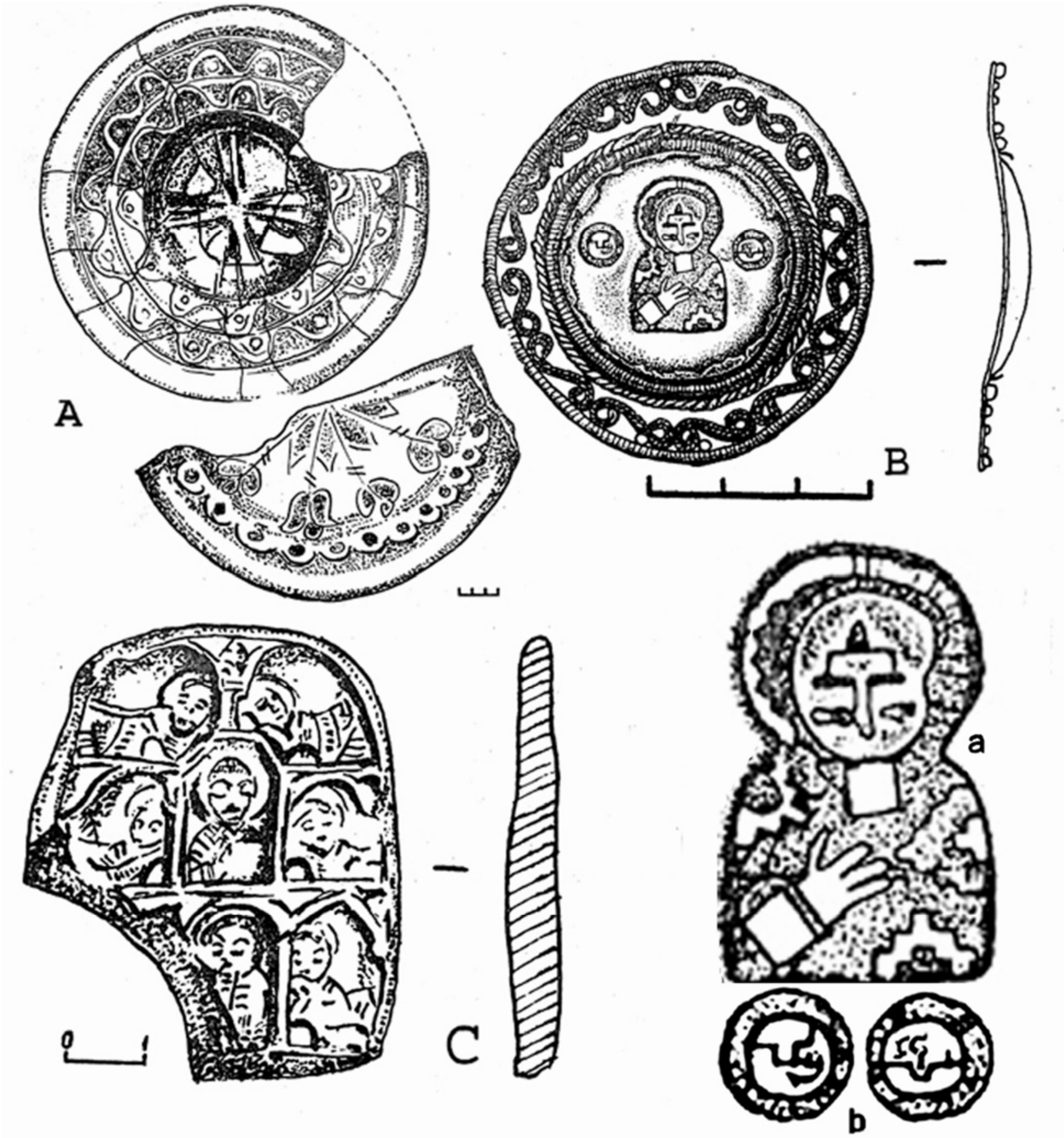

Рис.12. Предметы из культурного слоя при Святогорском подземном монастыре по Э.Е. Кравченко [33]: сланцевая иконка (рисунок иконки А.И. Духина) «Николай Мирликийский в окружении спящих отроков в пещере Эфесской» (С); медальон с «неизвестным святым белого метала» (В); накладка на лицевую сторону двустворчатой панагии XIV-XV вв; глазированные керамические дискосы (А). Изображение на накладке лицевой стороны серебряной двустворчатой панагии («медальон белого металла») из слоев Святогорского пещерного монастыря; а) Изображение «неизвестного святого» с крестчатым нимбом Христа (видимо, «Христос-Архиерей»); b) «титлы в зерцалах» справа и слева от Фигуры на накладке лицевой створки серебряной панагии XIV–XV вв.

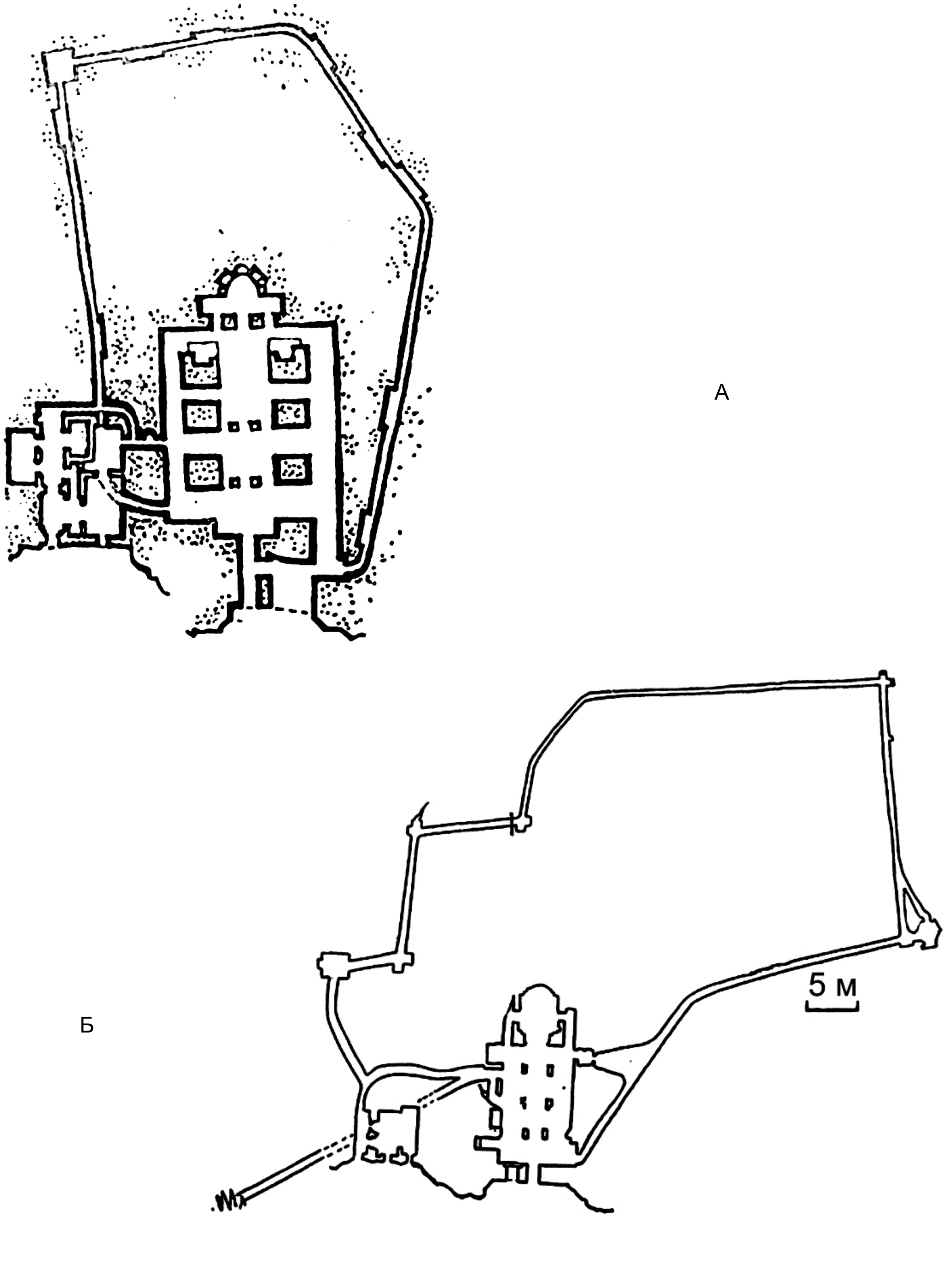

Рис.13. Планы пещерных монастырей в Малых (А) и Больших Дивах (Б) по В.Н. Плужникову [47]

Рис.14. Колонны в наосе пещерного Троицкого храма в подземном монастыре у с. Холки. Фотография автора, 2006 г.

ИСТОРИЯ

В.В. Хапаев

ГИПОТЕЗА А.А. НИКОНОВА О РАЗРУШИТЕЛЬНОМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ 1041 Г. В КРЫМУ: К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

В 2009 г. вышла в свет статья †И.А. Антоновой и А.А. Никонова «Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и раннем средневековье» [8]. Статья призвана доказать, что Херсонес и Юго-Западный Крым как минимум трижды подвергались разрушительным землетрясениям в I – начале II тысячелетий н.э.: в III в., в V в. и в XI в.

Учитывая, что А.А. Никонов является авторитетным сейсмологом и фактическим основателем отечественной школы исторической сейсмологии, а И.А. Антонова была блестящим археологом, много лет руководила Херсонесским музеем и заповедником, аргументы авторов этой статьи чрезвычайно важны для создания целостной и непредвзятой картины сейсмической истории Крымского полуострова и Крымско-Черноморского сейсмического региона в целом. Во вводной части статьи сформулированы методологические принципы сейсмоисторических исследований:

«1. Использовать, прежде всего, фактические данные (но не интерпретации) предшественников и собственные по Херсонесу, везде, где возможно, реализуя археосейсмические критерии.

2. Привлекать сколь возможно письменные источники, указания которых дают основания, пусть косвенно, интерпретировать реальные следы и масштабы разрушений по упоминаемым объектам реконструкции и косвенно судить о причине разрушений (повреждений).

3. Не ограничиваться фактическими сведениями о разрушениях в самом городе, но привлекать и анализировать таковые по хоре и ближайшим населенным пунктам соответствующего времени.

4. Пытаться после рассмотрения отдельных наблюдений и признаков разрушений для каждого из исследуемых периодов сопоставить их между собой по времени, силе воздействий, расположению области источника колебаний с точки зрения вероятности порождения одной и той же причиной.

5. Наконец, авторы вполне опирались, хотя в статье это и не выделено специально, на современные знания о сейсмичности Севастопольской очаговой зоны в XVII—XX вв.» [8, с. 15-16].

В 2010 г. И.А. Завадская подвергла резкой критике выводы авторов: «… не указывается ни один из признаков именно сейсмического воздействия, которые охарактеризованы А.А. Никоновым в его методологических работах и считаются им очень важными для определения причины разрушения тех или иных объектов. Нет сведений об этих признаках и в отчетной документации раскопок разрушенных кварталов Херсонеса. Таким образом, в настоящее время гипотеза о разрушительном землетрясении в Херсоне в XI в. не имеет ни геологических, ни археологических обоснований. Не известны также и письменные свидетельства этого события» [21, с. 12-13].

В связи с вышеизложенным, считаю необходимым проверить аргументы И.А. Антоновой и А.А. Никонова в пользу сейсмических причин обнаруженных в Херсонесе разрушений. Поскольку критика И.А. Завадской касалась, в первую очередь, гипотетического землетрясения XI в., настоящую статью посвящаю именно этой части рецензируемого труда. В последующих номерах МАИАСК будут опубликованы исследования о землетрясениях V и III вв.

Вначале необходимо определиться с соавторством статьи, т.к. А.А. Никонов предпосылает ей следующее примечание: «Статья в объеме около 1 а.л. была написана непосредственно перед кончиной И.А. Антоновой в 2000 году, но по ряду причин публикация ее сильно задержалась. Подготовка статьи к печати **со значительным добавлением авторского текста А.А. Никонова** (выделено мной – В.Х.) проведена при финансовой поддержке РГНФ…». Опубликованный объем статьи - 5 а.л., т.е. в 5 раз превышает первоначальный. При этом А.А. Никонов не указывает, какая часть текста написана лично им после смерти И.А. Антоновой, и какие из изложенных в статье положений принадлежат обоим авторам и согласованы ими, а какие – только А.А. Никонову. Поэтому, далее по тексту статьи я буду вынужден анализировать ее как принадлежащую перу одного А.А. Никонова, т.к., в отличие от И.А. Антоновой, у него есть возможность ответить на критику.

О землетрясении XI в. автор формулирует следующие гипотезы:

1. Оно упоминается в трудах Иоанна Скилицы и Георгия Кедрина под 1041 годом [8, с. 31-33].

2. Строительная надпись Льва Алиата о сооружении ворот претория и возобновлении других ворот города, датируемая 1059 г., фиксирует завершение восстановительных работ через 18 лет после землетрясения [8, с. 33].

3. Следы разрушений XI в. имеются по обе стороны 19-й куртины оборонительной стены. Они были выявлены раскопками К.Э. Гриневича и Г.Д. Белова в 1926 г. [8, с. 33-34].

4. На руинах Базилики 1935 г. обнаружены артефакты, позволяющие не только доказать факт землетрясения, но и установить его разрушительную силу и направление сейсмического удара (т.е. и местоположение очага) [8, с. 34-35].

5. Перестройка оборонительных стен юго-восточного участка обороны в середине XI в. – следствие их разрушения в результате землетрясения [8, с. 36-37].

6. Обнаруженные О.И. Домбровским разрушения на т.н. «театральном участке» - свидетельство землетрясения XI в. [8, с. 37].

7. Землетрясение уничтожило керамические производственные комплексы, располагавшиеся в Северном районе городища [8, с. 38].

8. Уничтожение раннесредневекового поселка на участке 32 херсонесской хоры (западный берег Камышовой бухты) связано с землетрясением в XI в. [8, с. 39-40].

9. Самый восточный памятник, на котором отмечены следы разрушений от землетрясения XI в. – крепость Мангупа. Поэтому, очаг землетрясения находился к юго-западу от Херсонеса – в «севастопольской очаговой области», так называемой «сейсмозоне 1» [8, с. 40-41].

10. Разрушительное воздействие землетрясения на Херсонес составило 9 баллов по шкале MSK-64.

Рассмотрим аргументацию А.А. Никонова по каждому из вышеперечисленных тезисов.

<u>Письменные свидетельства о землетрясении.</u>

В статье автор приводит текст латинского перевода сообщения Скилицы и Кедрина о землетрясении 1041 г.; русский «перевод» дает по весьма сомнительной компиляции 1794 года издания под названием «Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия, собранных Георгием Кедриным и другими» [8, с. 32; 17]; греческий оригинал не приводит вовсе. Латинский перевод публикуется не по классическим публикациям Скилицы и Кедрина ([66; 65]), а со ссылкой на историко-сейсмологическое сочинение М. Бонито «Terra Tremante» [64]. В связи с этим, латинские переводы текстов источников приведены с искажениями, фраза Скилицы дана без ссылки на страницу публикации, а ссылка на Кедрина – с указанием неправильной страницы (P. 742 вместо P. 532). На основании вторично использованной источниковой базы автор выдвигает гипотезу, что Скилица и Кедрин, упомянувшие под 10 июня 1041 года некое землетрясение без указания на его локализацию и

разрушительную силу, на самом деле сообщили о сейсмическом событии, произошедшем в Крыму и разрушившем византийский Херсон. Ранее это землетрясение предположительно локализовали в регионе Мраморного моря, с чем А.А. Никонов не соглашается. Данная гипотеза представляется очень смелой и спорной. Поэтому, рассмотрим ее детально.

Текст этого сообщения (в пересказе Георгия Кедрина) выглядит следующим образом: « Τούτῳ τῷ ἔτει, ἐπινεμήσει θ’, Ἰουνίου ί, περὶ ὥραν τῆς ἡμέρας χβ’ γέγονε σεισμός (Hoc ipso anno, die Iunii 10, hora diei 12, terrae motus fuit)» [66, p. 532]. На русский язык это переводится следующим образом: «В этом самом году (1041 – В.Х.) 10 июня в 12 часов дня было землетрясение» (перевод С.И. Кургановой).

Ранее это землетрясение уверенно относили к Константинополю [8, с. 31]. Это достаточно логично, т.к. указание на время с точностью до часа предполагает хорошую информированность автора. Поэтому, создатели сейсмических каталогов предполагали, что землетрясение произошло там, где находился наблюдатель (Скилица родился «вскоре после 1040 г.» [11, с. 139]), либо источник его информации (к сожалению, источниковая база Скилицы нам неизвестна). Это тем более важно подчеркнуть, что в сообщении не содержится указаний на разрушительный характер землетрясения, и оно не упоминается другими историками (в частности, современником событий Михаилом Пселлом (1018-ок.1078)), описывавшим те же события, что и Скилица в приводимом отрывке [27, с. 48].

Поскольку труды Скилицы и Кедрина на русском языке не изданы, в Приложении 1 к настоящей статье приводится полный перевод фрагмента «Обозрения историй», повествующего о событиях 1041 г.[1] Сообщение о землетрясении вставлено Скилицей в рассказ о восстании Петра Деляна в Болгарии и его подавлении Михаилом IV в 1041 г. между известием об успешном снятии византийцами болгарской осады Фессалоники при помощи и заступничестве св. Димитрия Солунского и информацией о начавшемся раздоре между вождями повстанцев (см. Приложение 1). То есть, сообщение о землетрясении (к тому же неразрушительном) это не «чужеродная вставка внутри обширного текста о военно-политических событиях на Балканах», как полагает А.А. Никонов [8, с. 32]. Оно подчеркивает чудесный, «упромышленный» характер происходящего: победы ромеев, находившихся в численном меньшинстве, над варварами. Можно согласиться с А.А. Никоновым в том, что землетрясение могло произойти не в Константинополе (т.е. месте нахождения хрониста). Оно могло случиться западнее, в районе боевых действий – у Фессалоники, Остро́ва, Мосинополя или Прилепа, т.е. городов, упоминаемых в связи с восстанием Деляна.

Однако А.А. Никонов считает, что сведения о землетрясении вовсе не имеют контекста, что они «вставлены для полноты отражения событий в империи» [8, с. 32]. На этом основании исследователь не усматривает «противопоказаний к предположительному сопоставлению сведений И. Скилицы и Г. Кедрина о землетрясении 10.VI. 1041 г. со сведениями о разрушительном землетрясении первой половины XI в. в Херсонесе» [8, с. 32]. Более того, по информации И.А. Завадской, А.А. Никонов предлагает внести это землетрясение в обновленный каталог землетрясений Крыма [21, с. 12].

Исследователь считает, что землетрясение силой до 9 баллов, разрушившее, по его мнению, Херсон [8], ощущалось в виде слабых толчков в Константинополе, и именно поэтому попало в хронику Скилицы. Доказывая возможность этого, автор приводит в пример разрушительное землетрясение 17 августа 1999 г. с эпицентром в районе г. Измит (Никомедия), которое якобы ощущалось в Крыму. Однако данный аргумент служит доводом не за, а против гипотезы А.А. Никонова, т.к., по данным Геофизической службы РАН, это землетрясение ощущалось на полуострове силой лишь в 2-3 балла [26], т.е., по определению шкалы MSK-64, «немногими людьми, находящимися внутри помещений… Колебания схожи с сотрясением, создаваемым проезжающим легким грузовиком» [52]. В подверженном постоянному

[1] Перевод по просьбе автора выполнен С.И. Кургановой.

сейсмическому воздействию Константинополе (а равно и других городах Южных Балкан) на такое сотрясение никто бы не обратил внимания, и уж тем более не стал вписывать в историческое сочинение «для полноты отображения событий в империи».

Следует подчеркнуть также, что землетрясение 17.08.1999 г. было десятибалльным, с магнитудой 7,8, а магнитуда самого мощного достоверно известного землетрясения с очагом в Крымско-черноморском сейсмическом регионе 11.09.1927 г. составляла 6,8 т.е. была примерно в 30 раз меньшей. Кроме того, оба землетрясения были мелкофокусными, и разрушительные колебания распространялись на незначительные расстояния [42, с. 45 и сл; 31; 32, с. 74]. Более того, сам А.А. Никонов в Заключении анализируемой статьи отмечает: «по аналогии с 9-балльными землетрясениями последних столетий (например, 1927 г. в Крыму, 1939 и 1999 гг. в северной Турции), уже ранее намечен и здесь подтверждается вывод о том, что сильные землетрясения в горах Южного Тавра (в современной Турции) и у берегов Крыма никогда не оказывались (и по физическим законам не могут оказываться) причиной не только разрушений, но даже повреждений построек на противоположном берегу Черного моря» [7, с. 43].

Таким образом, гипотеза о том, что сообщение Скилицы и Кедрина о землетрясении 10 июня 1041 г. относится к Крыму и Херсону, и именно с ним нужно связывать разрушение города, лишена оснований.

<u>Сведения «надписи Льва Алиата».</u>

Ссылаясь на мнение А.Л. Бертье-Делагарда, А.Л. Якобсона и И.А. Антоновой, А.А. Никонов утверждает, что «ворота претория» сооружены в 16-й куртине оборонительной стены – той, в которой находятся античные ворота и средневековая калитка над ними [8, с. 33]. Это – неверное предположение, т.к. 16 куртина не примыкает к Цитадели и, соответственно, фемному преторию Херсона. По мнению А.А. Никонова, сооружение ворот было вызвано необходимостью восстановления города после землетрясения 1041 г. Столь значительный временной разрыв между землетрясением и восстановлением оборонительных стен исследователя не удивляет: «Тот факт, что возобновление ворот началось (завершилось) через 17-18 лет (после 1041 г.), не должен удивлять, ибо после едва ли не тотального разрушения (sic! – В.Х.), оставшиеся в живых горожане раньше все силы употребляли на восстановление первоочередных объектов. До того, как это явствует из археологических исследований, из руин поднимали жилые здания, объекты первостепенной необходимости и базилики. К ремонту ворот крепости приступили только ввиду прямой угрозы нашествия половцев» [8, с. 33].

Трудно сказать, что может быть более «первостепенно необходимым» для пограничной крепости, чем оборонительные стены. Материалы каких археологических исследований имеет в виду А.А. Никонов, не ясно: ссылку он дает (без указания страниц) на старинный путеводитель по Херсонесу [55] и работу А.Л. Якобсона «Раннесредневековый Крым» 1964 г. издания, которой на самом деле не существует: в 1964 г. А.Л. Якобсоном была издана монография «Средневековый Крым» [60], специально херсонесской археологии не посвященная, в отличие от других трудов исследователя [56; 58; 59].

На самом деле, местоположение ворот претория, соединявшего его с Портовым районом, не является секретом. Вышеупомянутая надпись была обнаружена К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1895 году с внешней стороны юго-восточного участка оборонительной линии Херсонеса, неподалеку от пристани, возле башни XXI: «Впереди башни, с наружной стороны стены, найден большой кусок мраморного карниза грубой отделки, на нижней ровной стороне которого вырезана… греческая семистрочная надпись времен Исаака Комнина» [35, с. 88] . Надпись гласит: «Сооружены железные ворота претория, возобновлены и прочие (ворота) города при Исаакие Комнине, великом царе и самодержце Римском и Екатерине, благочестивейшей Августе Львом Алиатом, патрикием и стратигом Херсона и Сугдеи, месяца апреля, индикта 12, лета 6567» [23, с. 16-17]. В науке существует консенсус о том, что преторий,

по поводу сооружения ворот которого составлена надпись, находился на территории так называемой «Цитадели» между 18, 19, 20 и 21-й куртинами оборонительной стены. Поблизости от этого места, на расстоянии примерно 100 м. по прямой, и была обнаружена надпись [59, с. 102; 48, с. 108-113]. Соответственно, местоположение ворот, скорее всего – между башнями XIX и XX_1, а «другие ворота города», действительно возобновленные в это время, это – морские ворота между башнями XXVI и XXVII (см. рис. 1). Они были перестроены от фундамента в середине – второй половине XI в. вместе с прилегающими к ним куртинами 38 и 39 [3, л. 38-39].

Археологическая ситуация близ 19-й куртины.

А.А. Никонов полагает, что следы землетрясения, датируемого исследователем первой половиной XI в., имеются также на 19-й куртине, примыкающей к Башне XVII с северо-востока и прилегающем к ней участке Цитадели [8, с. 33 и сл.]. При этом автор ссылается на результаты раскопок 1926 г., проводившихся К.Э. Гриневичем и подробно изданных им годом позже [16]. А.А. Никонов постулирует следующее (важные тезисы выделены мною жирным шрифтом): «…фиксировались повреждения в третьем ярусе кладки 19 куртины и примыкавших к ней с **внешней стороны строений поздневизантийского времени**. В первом сверху слое в квадратах 1 и 2 (т. е. только **у внешней части стены**) вскрыт завал, заполнивший внутренность строений крупными камнями в их западных частях и «сплошной массой» камней средней величины со следами цемянки в восточных. Завал определен как свалившийся с верхнего, 3-го яруса куртины. Целый ряд признаков заставляет признать его направленным развалом **с оборонительной стены во внутреннюю часть города**. Развал от куртины 19 распространился не менее, чем на 4-5 м. **к востоку или восток-северо-востоку,** т. е. наискосок к простиранию стены; в том же направлении уменьшается толщина завала от 1.65 до 1.2 м. Между тем, в южных румбах, т. е. с наружной стороны стены, первый сверху слой имеет толщину всего 0.45 м и не несет признаков завала. Следовательно, речь должна идти не о каком-то гравитационном обваливании стены, но о её опрокидывании под действием мощного горизонтального, косого относительно простирания стены импульса. Показательны и нарушения примыкающих к стене с внутренней стороны строений 5 и 6 периодов, датируемых по монетам X—XI вв.» [8, с. 15].

Сразу бросается в глаза, что автор путается, с какой стороны XIX куртины проводились раскопки: с внешней (загородной) или с внутренней (городской). Ясно, что с внешней стороны (т.е. в периболе) никаких строений быть не могло.[2]

Вот, что сообщает по этому поводу отчет К.Э. Гриневича о раскопках.

1. Местоположение участка раскопок: «…участок, размером 10х22 м., примыкает с юго-запада к 19 куртине оборонительной стены Херсонеса, непосредственно примыкая к «Базилике Леонтия что на забрале»» [16, с. 262], то есть, находится внутри города, а не по обе стороны 19 куртины, как полагает А.А. Никонов.

2. В каком направлении и когда рухнула верхняя часть 19-й куртины: «Первый (сверху) слой, толщиной от 0,5 до 1 м. (толщина уменьшалась в сторону бухты) (т.е. к востоку – В.Х.), характеризуется многочисленными, откатившимися от облицовки оборонительной стены, блоками камня, большим числом мелкого щебня, позднейшими черепками. **Состав засыпи I слоя позволяет датировать его эпохой, наступившей после гибели города** (выделено мной – В.Х.)»[3] [16, с. 264]. Таким образом, первый слой, упоминаемый А.А. Никоновым, не имеет отношения к катастрофе X-XI вв., и даже если каменный развал в I слое – сейсмического

[2] Местоположение 19-й куртины и ее ориентацию по сторонам света см. на рис. 1.

[3] Об этом же говорит и запись Г.Д. Белова в дневнике раскопок за 17 июня 1926 г.: «Характер засыпи: сверху идет слой золистого цвета, пыльный и сухой. Этот слой содержит в себе крупные штучные камни, несомненно, от каких-то построек, либо скатившиеся с оборонительной стены во время разрушения ее облицовки в конце XVIII и начале XIX в.» [16, с. 276].

происхождения, землетрясение, разрушившее стену, случилось значительно позднее XI в., хотя нельзя исключать, что стена была обрушена внутрь города таранами осаждающих.

3. Какой слой относится к изучаемому в настоящей монографии времени: по мнению К.Э. Гриневича, это – II слой: «По направлению к бухте толщина II слоя… уменьшается. Судя по находкам на подошве этого слоя монет византийских императоров Василия II, Романа (Романа II – В.Х.) и Константина (Константина VII – В.Х.), мы можем датировать II слой эпохой X-XI вв.» [16, с. 264]. Правильность этого вывода подтверждается прилагаемой к отчету описью монет, составленной Л.Н. Беловой-Кудь [16, с. 289-293]. Монеты II слоя не выходят за пределы X в.: самые поздние монеты слоя (их найдено две) – Василия II с монограммами «Василий – деспот» [16, с. 293, № 86-87]. К этому слою К.Э. Гриневич относит 5-й строительный период, когда на изучаемом участке находились хозяйственные помещения с жерновами[4]. Здание погибло в катастрофе, датируемой по монетам II слоя не ранее конца X в.: «После какой-то большой катастрофы, о которой красноречиво свидетельствуют следы горения и прослойки угля, золы и пепла, все здание оказалось под землей, и рядом (чтобы предотвратить расползание этой земляной насыпи – В.Х.) была построена опорная стена ЛДГ, имеющая лицевую кладку на глине только в сторону северо-востока (т.е. с открытой стороны в направлении бухты – В.Х.). Важно отметить, что стена в силу большой тяжести земляной насыпи, несколько выгнулась наружу (т.е. в сторону от 19-й куртины – В.Х.), что хорошо видно на панорамном снимке (см. рис. 2. - В.Х.). В эпоху последнего 6-го периода (т.е. после катастрофы рубежа X-XI вв. – В.Х.) все здание… было в земле и на месте вышеописанных помещений… была устроена искусственная паперть-помост, сооруженная через большой промежуток времени после гибели всего здания» [16, с. 267].

Таким образом, хронология событий на этом участке следующая: хозяйственные помещения с жерновами погибли в пожаре на рубеже X-XI вв., и на их месте постепенно образовалась груда земли, грозившая «наплыть» на лежащие вниз по склону строения. Чтобы предотвратить это, в последующее время была сооружена подпорная стена, отделившая их от руин. Затем (или сразу же после возведения подпорной стены) насыпь была выровнена и превращена в площадку (помост или паперть). Под тяжестью земли подпорная стена выгнулась в сторону от 19-й куртины, т.е. к северо-востоку – в направлении понижения рельефа местности, что вполне объясняется гравитационными причинами.

А.А. Никонов трактует вышеприведенную информацию искаженно, «корректируя» ее, чтобы она выглядела как можно более «сейсмической»: «Параллельная 19 куртине опорная стена 6 периода северо-западного простирания длиной 12 м. и толщиной 0.5-0.6 м., ограничивавшая строения (sic! – В.Х.), оказалась выгнутой наружу, к северо-востоку и наклонённой в том же направлении, по К.Э. Гриневичу после «какой-то большой катастрофы» здание (X—XI вв.) оказалось под землей (С. 267)» [8, с. 33].

Как видно из вышеприведенных цитат первоисточника, стена 6 периода появилась **после разрушения** хозяйственной постройки, и ограничивала она не «строения», а земляную насыпь

[4] Вот – описание раскопок этого здания из дневника экспедиции: «29 июня… Продолжается раскопка того же I квадрата (наиболее удаленного от 19-й куртины в северо-западном направлении – В.Х. (см.: [16, с. 263, рис. 5])). Идет углубление до подошвы 2-го слоя. Характер засыпи этого слоя: вдоль византийских стен имеется сплошной слой беспорядочно лежащих камней, несомненно, от разрушения стен. Большинство камней – штучные, от постройки. Во 2-м метре по юго-западному координату квадрата и в его южном углу встречаются штучные камни в виде клиньев, несомненно, от арки свода. На камнях сохранились, частично, следы извести с песком. Кроме того, попадались камни с прямоугольными выемками. В юго-западном углу квадрата и всей его юго-западной части на подошве и выше ее, между камнями, попадались многочисленные обломки кровельной черепицы, обломки большого красноглиняного пифоса. Некоторые обломки – со следами огня… Кроме того, следует упомянуть, что большинство камней носит следы большого пожара, а по подошве 2-го слоя идет сплошной слой горения. Большинство камней – из Инкерманских каменоломен… Наблюдается присутствие черепков поливной посуды превосходного зеленого цвета, желтой поливы нет» [16, с. 277].

на месте их разрушения, т.е. сначала «здание оказалось под землей», а уж потом появилась подпорная стена. А.А. Никонов, таким образом, соединяет два события в одно.

Следующая цитата: «Стены 5 периода северо-западного и северо-восточного простирания также обнаружили наклон к востоку или северо-востоку: «под влиянием неравномерного давления тяжёлых камней засыпи или каких-то иных причин выгнулись внутрь помещения византийского дома, так что могут разрушиться в ближайшее время» [Материалы..., 1927. **С. 265** – так А.А. Никонов оформляет ссылку на отчет К.Э. Гриневича – В.Х.]. В данном случае важно, что верхние части стен 5 и 6 периодов под одним и тем же завалом наклонены наискосок к их простиранию и в том же направлении, как и крупный развал верхней части 19 куртины. Такое согласование направлений, а также хорошо известные случаи подобных деформаций стен при современных землетрясениях позволяет определенно идентифицировать причину» [8, с. 33].

На самом деле, на С. 265 отчета К.Э. Гриневича говорится совершенно о другом – о первом и втором строительных периодах раскапываемого участка, относящихся к античной эпохе. Приводимая А.А. Никоновым цитата взята из дневника раскопок (С. 279). Поскольку она приведена не полностью, повторю ее еще раз, дословно цитируя дневник: «Необходимо отметить, что стена ЛК и западная стена ИК под влиянием неравномерного давления тяжелых камней засыпи или каких иных причин выгнулись внутрь помещения византийского дома, так что могут разрушиться в ближайшее время» [16, с. 279]. Действительно две стоящие под прямым углом друг к другу стены 5 периода, т.е. относящиеся к зданию, разрушенному на рубеже X-XI вв., **вогнуты** в том же направлении, в котором **выгнута** подпорная стена 6 периода (см. рис. 2). Если согласиться с А.А. Никоновым, что эти деформации вызваны землетрясением, то, учитывая позднее время возведения подпорной стены, придется признать, что это – следы воздействия сейсмического события, произошедшего уже после разрушения «византийского дома» на рубеже X-XI вв. (возможно, во время землетрясения XV в. [22, с. 49-59]). Как ясно видно из приложенного к отчету К.Э. Гриневича чертежа Н.М. Янышева (рис. 2), деформирующее воздействие происходило с южного направления. Развал камней 19-й куртины произошел в том же направлении, т.е., возможно, 19-я куртина рухнула на руины заброшенной Цитадели не в XVIII-XIX, а в XV в., хотя относительно событий рубежа X-XI вв. это наших выводов не меняет.

А.А. Никонов полагает, что на данном участке раскопок после катастрофы 1041 г. были совершены санитарные захоронения: «Дополнительно следует принять во внимание и такой показательный, отмеченный «секретарем раскопок» Г.Д. Беловым, но оставшийся без объяснения признак, как обнаружение на том же участке и в тех же слоях нескольких «могильных ям, залитых [! А.Н.] известью». Речь идет, несомненно, не о могилах на кладбище, но о коллективных захоронениях после разрушений («большой катастрофы»), потребовавших санитарной обработки. Массовые захоронения начавших разлагаться трупов вблизи гибели людей – это тоже, как хорошо известно, даже по примерам новейшего времени, типичное, необходимое ввиду угрозы эпидемий, действие оставшихся в живых жителей разрушенных городов» [8, с. 34]. Характерно, что ссылки на конкретные страницы отчета К.Э. Гриневича и «секретаря раскопок» Г.Д. Белова[5], где якобы находятся указания на средневековые «санитарные захоронения», А.А. Никонов не делает. Поэтому, ниже привожу все без исключения упоминания о захоронениях на участке близ 19-й куртины в отчете К.Э. Гриневича о раскопках Цитадели в 1926 г.

«…в I слое было встречено большое число карантинных, залитых известью, погребений начала и середины XIX века. Состав засыпи I слоя позволяет датировать его эпохой, наступившей после гибели города» [16, с. 264]. «Попадавшиеся во время раскопки этого 1-го византийского слоя, явившегося в результате культурной жизни XVI-XX веков, древнегреческие и римские предметы представляют собою результат перекопки земли для могильных ям в

[5] Указание на то, что Г.Д. Белов выполнял в экспедиции именно эту функцию, см.: [16, с. 263].

середине XIX века, когда вследствие этой перекопки предметы из древнейших слоев оказались в верхних слоях городища» [16, с. 275][6]. «В этот же день 17 июня было приступлено к раскопке 1-го слоя (византийского) квадрата № III. Раскопки начались с северо-восточной границы квадрата, были раскопаны до конца еще ранее обнаруженные в пограничном I квадрате погребения в извести. Вынуто в северном углу III квадрата 4 костяка, в погребении, находящемся посреди северо-восточной границы квадрата – 2 костяка» [16, с. 276]. «В IV квадрате обнаружено 5 погребений (в одном 4 костяка, в другом - 1), остальные остались пока невостребованными. Все залиты известью» [16, с. 276]. «Найдено в 1 квадрате 4 новейших карантинных погребения: в одном – 4, в другом – 6, в третьем – 1, в четвертом – 1 костяк» [16, с. 277]. «Найдено 3 новейших погребения по 4 костяка» [16, с. 278]. «5 июля понедельник… Встретилось два новейших погребения. Сверху погребений на костяке было найдено 4 осколка чугунных ядер типа эпохи севастопольской обороны» [16, с. 279].

Как видно из приведенных выше цитат, могильные ямы, залитые известью, не остались без объяснения авторов отчета, тем более что наличие в херсонесской цитадели севастопольского карантинного кладбища[7] для археологов и историков никогда не было тайной (см. например: [51, с. 514]).

Таким образом, рассмотрев ту же источниковую базу, что и А.А. Никонов, констатирую:

1. Следы катастрофы рубежа X-XI вв. в Цитадели имеются. Однако, это – не следы разрушения 19-й куртины, а разрушения и пожара хозяйственной постройки.

2. Датировка разрушения дома (по монетному материалу и белоглиняной поливной керамике) не выходит за пределы конца X – начала XI вв.

3. Выявленные А.А. Никоновым специфические признаки возможного сейсмического воздействия на изучаемый участок относятся не к X-XI вв., а к более позднему времени.

4. «Захоронения в извести», которые А.А. Никонов датирует XI в., относятся к XVIII-XIX вв. и совершались на карантинном кладбище Севастополя, а не средневекового Херсона.

<u>Археологическая ситуация на руинах Базилики 1935 года</u>

Поскольку этот памятник находится в самом сейсмоопасном месте Херсонеса – в приморской низине, наполненной четырехметровой толщей насыпного грунта [9, с. 90], он привлекает повышенное внимание сторонников теории о сейсмических причинах разрушения Херсона. А.А. Никонов рисует апокалиптическую картину гибели храма: «…сооружение не просто разрушилось, но было свергнуто, опрокинуто с полным обрушением и дроблением всех элементов наземной части, в том числе массивной колоннады из шести крупных колонн вдоль каждой из сторон среднего нефа. Завал состоял из битых камней, кирпичей, черепицы, мраморных фрагментов, извести, мусора. Коллапс столь прочного сооружения невозможно приписать военным действиям и вообще силам человеческим» [8, с. 35].

Действительно, строительная история участка, на котором находилась базилика, необычайно насыщенна, даже для Херсонеса. Здесь имеются следы построек эллинистического и римского времени, а со времен поздней античности (не позднее IV в.) это место начинает использоваться в религиозных целях. Для этого возводится здание уникальной для Херсонеса того времени фахверковой конструкции с заполнением из сырцового кирпича на бутовом фундаменте, скрепленном глиняным раствором [19, с. 140, 144]. Г.Д. Белов, первым нашедший эту позднеантичную постройку, принял ее за мавзолей и приписал ему позднеантичные

---

[6] Эта и последующие цитаты взяты из «Дневника археологической раскопки», написанного рукой Г.Д. Белова и включенного К.Э. Гриневичем в качестве «Приложения 1» в состав вышеупомянутой публикации. Первая из представленных цитат находится в основном тексте статьи и подытоживает дневниковые записи о карантинных захоронениях.

[7] Свое нынешнее наименование Карантинная бухта получила в 1783 г. в связи с размещением на его берегу морского карантина. Ранее на русских картах она обозначалась как Малая гавань.

мраморные плиты с барельефами, которые, как показали его раскопки, впоследствии были использованы в качестве элементов пола центрального нефа базилики VI в. [9, с. 38, 66]. В настоящее время считается, что фахверковая постройка IV в. была позднеантичной синагогой: в ней найдены фрагменты фресок с надписями на иврите, упоминанием еврейских имен (например, Еноха), Иерусалима, а также каменная плита с изображением меноры. Соответственно, плиты с языческими барельефами доставлены на данный участок при строительстве базилики VI в., а не ранее [19, с. 140].

Ни у Г.Д. Белова, первым раскапывавшего данный участок в 1935 г., ни у других исследователей, не было сомнений, что плиты с барельефами уложены в пол именно базилики VI в. Это важно подчеркнуть, т.к. А.А. Никонов, не приводя каких-либо доказательств, утверждает, что плиты не только изначально были изготовлены для установки в этом месте (здесь он следует первоначальной гипотезе Г.Д. Белова), но стали плитами пола не второй базилики (VI в.), а первой – храма V в., в который была перестроена предполагаемая синагога [8, с. 30-31].

Появление в некоторых из них трещин и расколов, проходящих через всю плиту, исследователь считает следствием землетрясения, разрушившего базилику V в. «в промежутке между серединой V в. и VI в.» [8, с. 31]. Он полагает, что они указывают на «разрушительную силу землетрясения 9 баллов или более» [8, с. 31]. А.А. Никонов считает, что причина раскола плит, выдвинутая Г.Д. Беловым – вследствие давления на них конструкций позднего храма (XII-XIII вв.) – «не выдерживает никакой критики» [8, с. 30].

Все это вынуждает нас рассмотреть строительную историю данного участка подробно.

Действительно, во второй половине V в.[8] первоначальное фахверковое здание (предполагаемая синагога) перестраивается в христианский храм базиликальных очертаний («базилика I-35 г.» по терминологии Е.Н. Жеребцова): с северо-востока к ней пристраивается пятигранная снаружи и полукруглая внутри апсида из бута на известковом растворе с примесью морского песка [9, с. 80] (см. рис. 4).

При этом пол основного объема базилики остался таким же – цемянковым, и мраморными плитами его не покрывали [9, с. 80-89; 19, с. 140-143] (см. рис. 3). Возводится мраморная колоннада с феодосианскими капителями. Ее местоположение внутри или снаружи здания пока не установлено [19, с. 147].

В VI в. эта постройка оказывается разрушенной или разобранной и на ее месте возводится новый монументальный храм – базилика II-35 г. При этом строительные конструкции предшествующих периодов никак не используются. Здание строится в стандартной для VI в. технике «opus mixtum» из чередующихся рядов обработанного камня и плинфы[9]. Толщина

---

[8] «Первая базилика построена была, по-видимому, во второй половине V века. Монеты, найденные на цементном полу в куче под мраморными осколками, относятся к царствованию Льва I (457-474 гг.). Попали они на пол, наверное, во время строительных работ при рытье ям для стен апсиды, при разборке стен римского здания (предполагаемой синагоги – В.Х.) и оттеске мрамора (на полу лежала большая куча мелких его осколков и оттесков)» [9, с. 80, 89].

[9] В качестве строительного камня частично использовались профилированные блоки с углублениями для пиронов из античных построек, так же, как и в «Базилике на холме» [9, с. 91]. А.А. Никонов решил, что эти углубления делались для скрепления стен базилики и отметил, что это – «типично антисейсмический прием» [8, с. 34]. Возможно, это и так, но к «Базилике 1935 г.» он не имеет отношения, т.к. в ее кладке блоки соединялись не пиронами (нет совпадения выемок, нет самих пиронов), а известково-цемянковым раствором. Прокладки плинфы в стенах базилики II-35 г. не сохранились: найдены лишь ее развалы на полу храма, которые Г.Д. Белов принял за остатки кирпичных арок, подобных тем, которые он обнаружил в Базилике 1932 г.: «Большое количество кирпичей, найденных в боковых нефах, лежавших иногда кучами, вместе с прослойкой раствора, указывает на применение кирпичей в кладке стен или, вернее, в кладке арочных перекрытий между колоннами (такие куски арок, состоявших из кирпичей на цементе, были найдены в базилике 1932 г.)» [9, с. 91-92], Но в «Базилике 1932 г.» эти упавшие на пол фрагменты отчасти сохранили конструктивную цельность, и было видно, что это арки (см. рис. 4). В базилике II-35 г. плинфа просто лежала кучами. Кроме того, в непосредственной близости от храма были найдены трапециевидные камни, которые сам Г.Д. Белов трактовал как фрагменты арочных конструкций, но почему-то не связал их с базиликой II-35 г. [9, с.

наружных стен – 90 см. Их фундаменты толщиной 1 м. – бутовые на известковом растворе. Они глубоко (на 1,6 м) впущены в землю и «стоят на античной насыпи; южная и западная стены стоят на стенах эллинистического периода» [9, с. 89]. Но до скалы они не достают: «Северная стена не достигает до скалы 1,50 м… Фундамент апсиды находится на высоте 0,90 м. от скалы» [9, с. 89].

Внутренние стены базилики (нартекс, опоры под колонны) тоньше внешних – 70 см. [9, с. 89]. Их фундаменты также «висят» в толще рыхлой насыпи: «например, стена между нартексом и средним нефом стоит на высоте 1,2 м. от скалы» [9, с. 90-91].

Видимо, осознавая потенциальную сейсмическую опасность данного участка, строители с особой тщательностью подошли к укреплению прочности апсиды: «При постройке фундамента апсиды, стоящей на насыпи, употреблен интересный и редкий в строительной технике Херсонеса прием: в насыпь были вбиты деревянные колья, длиной 0,55-0,6 м… Колья имеют четырехгранную форму, от них в земле сохранились пустоты; в одном случае кусочки кола пристали к камням нижнего ряда фундамента и сохранились. Колья имеются под всей апсидой базилики; по-видимому, кольями был обозначен на земле полукруг, по которому строилась апсида» [9, с. 89-90]. Более того, стены апсиды были дополнительно соединены поперечной стеной-фундаментом [9, с. 90]. Строители, видимо, учитывали тяжесть будущей конхи и стремились сделать максимально прочным главный сакральный элемент здания – его алтарь с престолом (см. рис. 4).

Боковые нефы базилики II-35 г. (и это стандартно для херсонесских базилик VI-VII вв.) выложены мозаиками [9, с. 101 и сл.], центральный – мраморными плитами: «В среднем нефе базилики пол был вымощен большими мраморными плитами, in situ сохранились 20 плит… мраморные плиты лежали непосредственно на насыпи 3-го слоя, на высоте 0,70 м. от цементного пола, углы плит были укреплены на растворе того же состава, что и в кладке стен базилики» [9, с. 99-100] (см. рис. 3). Именно этому полу принадлежали античные плиты с барельефами, в том числе и расколотые, по мнению А.А. Никонова, в V в. в результате землетрясения. Например, плита «с именем Фемиста лежала во втором ряду плит пола: на ней стоял южный угол часовни, который и раздавил плиту на 4 части» [9, с. 38, рис. 23]. Знаменитая плита с изображением масок Диониса и его свиты также находилась в полу среднего нефа базилики II-35 г. «На ней стояла большая мраморная база; вследствие тяжести стоявшей на ней стены часовни, плита оказалась раздавленной на 2 части» [9, с. 55].

Плиты, сохранившиеся in situ, как правило, не расколоты (это можно увидеть и в наши дни), хотя если согласиться с А.А. Никоновым в том, что раскалывал их горизонтальный удар землетрясения, на все плиты действовали одинаковые силы. Но расколотыми оказались только те, на которые непосредственно давили стены позднего храма базилики III-35 г., южный угол которой не имел фундамента, а опирался непосредственно на мраморный пол базилики II-35 г., а под ним находилась рыхлая насыпь (см. рис. 6) [9, с. 129].

Плиты, использованные впоследствии в качестве обкладки или крышек могил поздневизантийского времени, как правило, не расколоты наискось или лучеобразно: они разделены на части по вертикали, в соответствии с размерами могил и, видимо, в связи с их постройкой (см. [9, рис. 28-30, 33, 34, 74, 76]. Несколько расколотых плит обнаружено в толще 70-см засыпи под полом базилики. Однако они находятся значительно выше цемянкового пола предшествующего сооружения и никак с ним не связаны. Плиты, видимо, раскололись при обработке для укладки в пол, и были засыпаны строительным мусором, чтобы не тратить усилий на их извлечение и утилизацию [9, с. 41-42].

Таким образом, предположение А.А. Никонова о том, что плиты пола центрального нефа «Базилики 1935 г.» расколоты в результате землетрясения V в., не имеет под собой фактической основы.

91-92, 301]. Поэтому, напрашивается вывод, что арки в базилике были каменными, плинфа использовалась в кладке стен, а при выборке строительного камня после разрушения здания она не понадобилась и осталась лежать в кучах.

А.А. Никонов предполагает также, что в руинах базилики II-35 г. лежат ее колонны и капители в том положении и направлении, в котором они упали при разрушении здания на рубеже X-XI вв. [8, с. 35]. Однако, и это утверждение исследователя неверно. Как показали раскопки Г.Д. Белова, почти все колонны базилики II-35 г. были использованы при возведении стен базилики III-35 г. (см. рис. 6)[10]. Те стволы, базы и капители колонн, которые не были использованы, многократно перемещались: при возведении базилики III-35 г., при рытье могил вокруг нее, при выборке строительного камня. Поэтому, вычислять направление сейсмического удара (с юго-запада на северо-восток) по фотографиям Г.Д. Белова, фиксирующим ситуацию в момент раскопок, как это делает А.А. Никонов [8, с. 35], просто невозможно. Нельзя доказать, что какая-то строительная деталь базилики II-35 г. не была перемещена после ее обрушения (см. рис. 6-7).

Объективные данные о базилике II-35 г. таковы.

1. Это было тяжелое и громоздкое (вероятно, двухэтажное) здание, построенное на толстом слое рыхлого насыпного грунта. Его глубокие фундаменты не доставали до скалы. Учитывая, что базилика была построена в балке, рыхлый грунт ее основания, видимо, переувлажнялся грунтовыми водами[11]. Все это снижало прочность конструкции здания. Раннесредневековые строители это осознавали и, как могли, стремились его укрепить: метровой толщиной фундаментов внешних стен; поперечной стенкой, скрепившей апсиду; деревянными сваями под ней и антисейсмической кладкой «opus mixtum».

2. Но, несмотря на все эти усилия, через 4 столетия после постройки[12], базилика была полностью разрушена и восстановлению не подлежала. При этом, она не горела: в слое ее разрушения не обнаружено следов пожара, а найденные артефакты не несут следов воздействия высоких температур: «В нижней части слоя на подошве лежали во многих местах груды кирпичей, черепиц, кусков раствора и извести… в мусорной свалке встречались в большом количестве обломки поливной посуды, из белой и розовой глины, с рельефным орнаментом... В большом количестве находились в насыпи куски плоского оконного стекла и стеклянной посуды… Встречались в насыпи черепки простой посуды, железные гвозди и нож, большое количество костей животных – овец, козьи рога, кости крупного рогатого скота» [9, с. 131-132].

3. Время гибели базилики лучше всего датирует монетный «клад», найденный в одной из ее южных пристроек. Он состоял из 68 монет, самые поздние из которых – монеты с монограммами «Василий-деспот» (их в «кладе» 19 единиц) [14, с. 155-156]. В слое разрушения обнаружена одна монета с монограммой «ро» (под мозаикой южного нефа). И.А. Завадская считает ее примесью сверху, возможной, потому, что в мозаике имеются многочисленные лакуны, образовавшиеся при устройстве могил ниже пола базилики II-35 г., на ее руинах [20, с. 102].

4. После гибели базилики II-35 г. это место долгое время использовалось как свалка мусора: ее толщина в итоге достигла 40 см. Под полами разрушенного храма совершались погребения по обряду трупоположения [9, с. 113-130].

---

[10] «Колонны, базы, капители, карнизы и др. детали лежали частью во 2-м слое, сверху пола базилики, большей же частью ниже пола, в насыпи над цементным полом и в кладке стен поздней часовни, построенной в среднем нефе базилики. Так, например, одна капитель лежала в восточном углу нефа, нижним основанием кверху… Обломки колонн и базы лежали в кладке стен часовни» [9, с. 92]. «Часовня построена из материалов разрушенной базилики. В фундамент стен часовни положены мраморные колонны, капители, базы и другие плиты… В северной стене обломки колонн лежали вдоль стены, мелкие обломки – поперек… апсида часовни сложена из мелких обломков колонн, мраморных и известняковых плит» [9, с. 129].

[11] Вероятно, именно для их отвода под базиликой была проложена система водосточных каналов [9, с. 107-109].

[12] Монетных находок, позволяющих точно датировать время возведения базилики, не обнаружено. Поэтому, она датируется по искусствоведческим данным VI – началом VII вв. [9, с. 113].

Перестройка оборонительных стен юго-восточного участка обороны.[13]

За время изучения городища к исследованию припортовых оборонительных сооружений обращались дважды: К.К. Косцюшко-Валюжинич в 1892-1905 гг. и И.А. Антонова (в составе Объединенной экспедиции) в 1964-1966 гг. Материалы раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в данном районе доступны в виде кратких заметок в Отчетах императорской археологической комиссии [33; 34; 36; 37; 38]. И.А. Антоновой, по материалам работы ее отряда в 1964-1966 г., составлены подробные отчеты [1; 2; 3]. Основные итоги исследований были опубликованы в обзорной статье [4]. Однако значительная часть материала, отраженного в отчетах, осталась неизданной.

Припортовый участок оборонительной линии расположен на пологом склоне холма, спускающегося к Карантинной бухте [1, л. 219-220; 4, с. 102-103]. В соответствии с правилами фортификации, оборонительные стены здесь должны были находиться как можно ближе к воде, чтобы отсутствовал плацдарм для возможной высадки неприятеля [4, с. 110; 115]. В связи с тем, что в результате т.н. Корсунской регрессии уровень моря на этом участке в средневековую эпоху постепенно понижался, херсонским фортификаторам приходилось возводить новые участки оборонительной линии, максимально придвигая их к урезу воды Карантинной бухты [6, с. 22-23].[14]

В первой половине X в., в связи с обветшанием раннесредневековых стен, построенных в V-VI вв., были выстроены новая большая башня XXII (IV строительный период) и 25 куртина (V строительный период). На 26 куртине произведен ремонт. Во время катастрофы, постигшей город на рубеже X-XI вв., 25 куртина рухнула, а примыкающая к ней западная стена башни XXII треснула. В связи с тем, что город оказался без крепостной ограды на одном из наиболее уязвимых участков, была в спешном порядке выстроена новая оборонительная линия (куртины 37-39, башни XXV-XXVII и, видимо, XX_1 – см. рис. 1) (VI строительный период). Однако новые стены простояли недолго, возможно, лишь до середины XI в. и, в свою очередь, рухнули [1; 2; 3]. Причиной обрушения может быть низкое качество строительства и слабость грунта, на который опирались стены. Но, в первую очередь, вероятно, разрушительное действие оказала морская вода, т.к. новая оборонительная линия была выстроена на уровне моря, вплотную к урезу воды.

Можно также осторожно предположить, что разрушение стены вызвано сейсмическими причинами. Именно так полагала И.А. Антонова. Впервые эта гипотеза была высказана ею еще в 1966 г. [3, л. 39]. Затем исследовательница развила его в 1999 г. [7, с. 9]. В этот период И.А. Антонова связала с землетрясением и трещину в башне XXII, и загадочное захоронение, обнаруженное ею в засыпи башни XXV: «В башне XXV найден костяк женщины с младенцем, заваленный очень большими камнями обрушившейся башни» [Там же, с. 9] (см. рис. 8). То есть, И.А. Антонова (и вслед за ней А.А. Никонов) полагали, что землетрясением вызвано разрушение стен VI строительного периода. Тогда же, при обрушении башни, погибли и женщина с ребенком [8, с. 37].

Однако вышеприведенный тезис не подтверждается материалами отчета исследовательницы об обстоятельствах данной находки. Захоронение совершено в мягком насыпном грунте под полом башни XXV VII строительного периода (середины XI в.), и в составе этой засыпи были найдены амфоры поздних типов, бытовавших в Херсоне в XII-XIII вв., красноглиняная поливная керамика, остатки черепицы последнего периода жизни города

---

[13] Автор благодарен И.А. Антоновой за помощь, оказанную мне, тогда еще студенту исторического факультета, в 1988-1991 гг., в изучении истории крымских землетрясений на примере археологических памятников Херсонеса, за возможность ознакомиться с частью ее археологических отчетов. Выражаю также благодарность к.и.н. С.В. Ушакову за неоценимые консультации при повторном изучении творческого наследия И.А. Антоновой.

[14] Строительная история этого участка оборонительной линии, выявленная И.А. Антоновой, необычайно сложна. Поэтому, в ближайшем номере сборника «Причерноморье. История, политика, культура» (www.msusevastopol.net) мною будет опубликована специальная статья с ее детальной реконструкцией. Здесь же ограничусь лишь самыми общими замечаниями.

[1, л. 275-277]. В засыпи погребения обнаружены 7 монет IX-X вв. (от Василия I до Василия II с монограммами «Василий-деспот»), 3 монеты с монограммой «кВω» и 12 монет с монограммой ⚓ [15, л. 409-411, № 457-480]. Таким образом, ясно, что погребение не имеет отношения к гибели башни XXV VI строительного периода, а было совершено во время функционирования башни заключительного, VII периода, или даже после ее разрушения. О наличии больших камней, якобы заваливших погребенных, в отчете не говорится. Наоборот, подчеркивается, что северо-западный угол башни, где было совершено погребение, «…не был занят каменной кладкой. Мягкая насыпная земля шла здесь на глубину 60 см., вплоть до песка, который лежит на уровне моря…» [2, л. 275].

Погребение, судя по описанию И.А. Антоновой, приведенному в отчете, носит не катастрофический, а криминальный характер: «Костяк женщины и маленького ребенка лежали в неправильном положении, ноги резко подогнуты в коленях, позвоночник также изогнут, лежащий на левой стороне череп закинут назад. Погребение было как бы запихнуто в щель между двумя большими камнями, северной и западной стенами башни. Они и определили характер его положения. Сохранившийся анатомический порядок размещения костей указывает на то, что здесь было закопано тело, а не сброшены кости. Костяк ребенка лежал между камнем и скелетом женщины» [2, л. 275].

Связывать разрушение стен VI периода с катастрофой, постигшей Херсон на рубеже X-XI вв., видимо, нет оснований. Хотя нельзя исключать, что землетрясения слабой силы, возможно, афтершоки более раннего разрушительного толчка, способствовали тому, что наспех построенные стены VI периода относительно быстро пришли в негодность и, по крайней мере, на ряде участков, рухнули. Именно это привело к необходимости тщательного возведения на том же месте стен VII строительного периода, простоявших не только до конца истории города, но и до основания Севастополя: их линия прочерчена на плане руин Херсонеса, снятом не позднее 1819 г. [51, с. 490, рис. 129].[15] Однако А.А. Никонов настаивает на прежней трактовке[16].

Разрушения на «театральном» участке.

А.А. Никонов утверждает: «сейсмическая причина разрушения определяется и по другим, зафиксированным О. И. Домбровским [1986] признакам, таким как вывал двери внутрь наискосок к проёму, нахождение под каменным навалом смешанных костей 7 человек, обнаружение в кладовой «дома 1972» разбитых амфор и пифосов, нахождение под рухнувшей кровлей накрытого для трапезы стола. Все эти признаки говорят в пользу внезапности события, несовместимости его объяснения результатом, скажем, вражеского набега. Время упадка, перестроек, относимых, судя по керамике в строительном мусоре, к X в. (Домбровский, 1986), ныне есть основания датировать первой половиной XI в.» [8, с. 37].

Работа О.И. Домбровского, на которую ссылается выше А.А. Никонов, опубликована во втором томе фундаментальной «Археологии УССР». В использованном в рассуждениях А.А.

[15] С возведением стен и башен VII периода, видимо, связана «надпись Льва Алиата», о которой шла речь выше.

[16] «Представляется примечательной, хотя и малопонятной, история возведения городских стен на западном берегу Карантинной бухты… В X-XI вв. вся линия обороны переносится с запада на восток, следуя вдоль новых очертаний береговой линии бухты (т.е. вслед за отступившим морем). Но вскоре, не позднее конца XI – начала XII вв., вся вновь выстроенная приморская линия перестраивается от нижних рядов лицевой кладки предшествующего строительства» [5, с. 5]. «Быстрое относительное понижение уровня моря (воздымание суши) на этом участке должно было иметь серьезные и экстраординарные геологические причины. Не связано ли это с подготовкой сильного близкого землетрясения, как это нередко бывает и хорошо известно сейсмологам? И вполне возможно именно с ним связывать перестройку от основания (!) большого участка оборонительной линии, всего за несколько десятилетий до того возведенной (имеется в виду возведение стен VII строительного периода на фундаментах стен VI периода – В.Х.). Заметим, что как раз восточный меридиональный участок стены (имеются в виду куртины 37-39 и соответствующие башни – В.Х.), к тому же возведенной на рыхлых водонасыщенных грунтах, должен был больше всего пострадать от землетрясения с очагом к западу от Херсонеса» [8, с. 36].

Никонова фрагменте О.И. Домбровский излагает результаты изучения верхнего слоя (т.е. слоя окончательного разрушения) жилых усадеб так называемого «театрального участка» (квартал LXXII). Поэтому, артефакты, которые А.А. Никонов отнес к первой половине XI в., на самом деле относятся к XIII в. или, по версии О.И. Домбровского, к XIV в. В подтверждение этого дословно привожу текст О.И. Домбровского, на который ссылается А.А. Никонов, (важные детали выделены мною жирным шрифтом).

«Если в северном помещении «дома священника» удалось лишь раскрыть интерьер, то в аналогичном помещении «дома 1972 г.» нами восстановлена картина произошедшего трагического события. Находки **золотоордынских монет на вымостке переулка-тупика**, **наконечник татарской стрелы** свидетельствуют о том, что связи Херсонеса с Золотой Ордой не всегда были мирными. Судя по размещению остатков деревянной утвари, можно прийти к выводу, что посреди помещения стоял стол со скамьями. В момент падения кровли на столе была накрыта трапеза: среди его обуглившихся остатков найдены четыре расколотые тарелки со скорлупой куриных яиц, куриные кости, четыре разбитых столовых кувшина, покрытые зеленой глазурью, и маленькие глубокие миски для питья с высокими краями и небольшим поддоном, крохотный сосуд, напоминающий детскую игрушку, мог быть солонкой. В углу за очагом, на котором стоял большой, прокопченный от частого употребления горшок, найден скелет кошки, забившейся туда с мышью в зубах. Дверь комнаты открывалась внутрь и была оставлена открытой, она упала наискосок от проема: удалось проследить ее очертания, кроме того, на месте остался железный замок. В переулке, возле порога, найдена маленькая золотая сережка, вероятно, потерянная в момент бегства одной из обитательниц дома» [18, с. 548].

«Ближе к городской стене и углу «храма 1958 г.» под хаотическим каменным завалом, найдены смешанные человеческие кости и черепа семи человек. Раскопки показали, что тела как бы были брошены друг на друга: **то ли упали они так в рукопашной схватке, то ли их спешно – после битвы зарыли среди развалин**. **Описанное событие могло произойти в момент последнего, в конце XIV в. татарского нападения на Херсонес**» [18, с. 548].

<u>Уничтожение керамических производственных комплексов в Северном районе.</u>

А.А. Никонов полагает, что в Северном районе Херсонеса до катастрофы XI в. работали гончарные печи, которые после катастрофы работать перестали, и в XII в. на их месте были построены дома [8, с. 38]. При этом автор ссылается на научно-популярную работу А.Л. Якобсона «Крым в средние века». Однако текст А.Л. Якобсона свидетельствует совершенно об ином: «В большом количестве производили в Херсоне в XII-XIII вв. и кровельные черепицы, нужда в которых была тогда очень большой: город, как говорилось, восстанавливался, запустевшие кварталы застраивались. В Херсоне раскопками открыты и две больше черепицеобжигательные печи XI в. Они расположены почти посередине северной прибрежной полосы города… Известно, что гончарные печи всегда устраивались на окраине города; следовательно, в XI в. здесь был край его. Но в дальнейшем расширявшаяся застройка вынудила перенести печи в другое место, а разрушенные остатки их были погребены под домом XII в.» [61, с. 92].

Упомянутые А.Л. Якобсоном печи находились в кварталах VIII и XIII и возникли именно после разрушения города для массового производства черепицы, необходимой для его восстановления [45, с. 76].[17] Массовое производство черепицы в XI в. А.Л. Якобсон отметил и на других поселениях горного Крыма, в частности, на Эски-Кермене и Мангупе [62, с. 147]. А.И. Романчук полагает, что причиной этого стало восстановление крепостей и поселков Юго-Западной Таврики после землетрясения [46, с. 558].

[17] А.И. Романчук полагает, что в Херсоне в это время действовало 13-15 керамических мастерских. Свой вывод исследовательница делает на основании того, что клейма на черепицах составляют около 14 условных групп (7-8 уверенно относимых к XI столетию, и еще 6 предположительно) [46, с. 558].

Разрушения за пределами Херсонеса.

А.А. Никонов полагает, что разрушения сейсмического характера обнаружены на ближней хоре Херсонеса – на 32-м ее участке у Камышовой бухты [63], на руинах христианского храма на м. Виноградный (район Фиолента), и на Мангупе. Причем, исследователь полагает, что Мангуп – самый восточный памятник, затронутый разрушительным землетрясением XI в. [8, с. 39-41]. Рассмотрим эти гипотезы подробнее.

Средневековый поселок на берегу Камышовой бухты раскопан Т.Ю. Яшаевой в 1979-1982 гг. Он погиб единовременно в пожаре, который (по массовому керамическому материалу), датируется первой половиной X в. Однако, найденная в слое разрушения импортная амфора класса 42 по классификации А.И. Романчук, А.В. Сазанова и Л.В. Седиковой [43, с. 62, табл. 29. № 133] рубежа X-XI вв. отодвигает время разрушения к рубежу тысячелетий, а две монеты с монограммой «ро» – как минимум к середине – второй половине XI в. [63, с. 354-356]. Т.Ю. Яшаева осторожно предполагает, что амфора класса 42 и монеты «ро» являются примесью сверху. [63, с. 355-356]. Действительно, при таком спорном наборе материала говорить о точном времени разрушения поселка (а значит, и о его обстоятельствах) сложно. Гибель поселка в пожаре указывает, скорее, на военные причины его разрушения в результате поджога. Массовый материал свидетельствует в пользу гибели поселка во время похода хазарского полководца Песаха (30-40-е гг. X в.) [29, с. 229]. Единственная (судя по тексту публикации Т.Ю. Яшаевой [63, с. 355]) амфора класса 42 «намекает» на возможное его увничтожение войсками князя Владимира в 987-998 гг. Наконец, указание на то, что «область Херсона» могут разорять печенеги, делал правивший в 945-959 гг. император Константин VII [53, л. 68-69]. Монеты с монограммой «ро», выпуск которых начался не ранее 1028 г. (времени воцарения Романа III Аргира), находятся на данном памятнике настолько вне остального археологического контекста, что следует признать верной точку зрения Т.Ю. Яшаевой: видимо, они являются примесью сверху (весьма, кстати, характерной для херсонесских памятников).

Учитывая, что большая часть керамики на памятнике датируется IX – первой половиной X вв. и аналогична керамике из засыпи первой половины – середины X в. цистерны № 5 квартала Xб херсонесского городища [47], разрушение и сожжение поселка на берегу Камышовой бухты, вероятнее всего, следует связывать с походом Песаха. Однако, А.А. Никонов, опираясь фактически только на 2 монеты XI-XIII вв., игнорируя остальной археологический контекст, датирует разрушение памятника серединой XI в.: «поскольку рядом у стены храма IX—XI вв. в слое каменного завала найдена монета 1028— 1034 (Романа III), то именно этот интервал следует признать нижним возрастным пределом рассматриваемого разрушения» [8, с. 40].

На приложенных к статье Т.Ю. Яшаевой двух фотографиях (см. рис. 9-10) А.А. Никонов усматривает целый комплекс сейсмических нарушений: «Помещение 4, несколько удлинённое (4x3 м) к ЮВ, с каменными стенами 1-метровой толщины (что предполагает наличие 2-го этажа) и сохранившейся высотой 0.6-1 м. сфотографировано после очистки внутреннего объёма [Яшаева, 1999, фото 9а] (см. рис. 9 – В.Х.). На фото отчетливо видна часть ЮВ стены у прохода во внутренний двор и остатки **развала (отброса) каменных плит с неё к СЗ**, т. е. внутрь помещения. Отброс произошел с высоты около 1 м на расстояние не менее 1.2 м, т. е. явно не в результате сползания под действием силы тяжести. Каменный очаг высотой не более 0.3 м посередине помещения также оказался разваленным с отбросом покрывавшей его плиты не менее чем на 0.5 м, **но в противоположную сторону, т. е. к ЮВ**.[18] Кладка СВ стены того же помещения в середине сильно нарушена со смещением верхних из сохранившихся рядов внутрь помещения на 0.2-0.3 м (остальные при этом должны были свалиться на пол). Соседнее помещение 5, удлинённое в ССВ

[18]Получается, что воздействие на очаг и стены помещения 4 осуществлялось с разных сторон.

направлении (6х3 м) также с завалом внутри на фото [Яшаева, 1999, фото 9б] после расчистки демонстрирует сильное растрескивание южной части восточной стены близ её свободного, около сквозного проема (выхода) конца. Трещины вертикальные видимой высотой 0.6-0.8 м простираются в ЗСЗ-ВЮВ направлении[19]. В обоих соседних помещениях, таким образом, согласно выводятся ясные следы направленного с ЗСЗ, т. е. со стороны моря, сильного горизонтального импульса, который можно приписать только землетрясению» [8, с. 40].

Данная реконструкция представляется слишком смелой по следующим соображениям.

1. Разрушение неукрепленного поселка в результате пожара, вызванного нашествием врагов, выглядит гораздо правдоподобнее, чем сейсмическая гипотеза. Учитывая, что основной массив обнаруженной при раскопках керамики не выходит за пределы середины X в., наиболее вероятно связать это разрушение с походом Песаха или печенежским набегом, сообщения о которых сохранились в письменных источниках применительно к Херсону и его округе (а не отдаленным византийским землям) [49, с. 1644-1549].

2. На фотографиях (рис. 9-10) видно, что над руинами помещений 4 и 5, заинтересовавших А.А. Никонова, практически отсутствует засыпь: до раскопок кладки находились у самой поверхности. Поэтому, повредить (выгнуть, развалить в различных направлениях) остатки построек могло не только землетрясение, но и механическое воздействие. Напомню в этой связи, что в 1854-1856 гг. на берегу Камышовой бухты находился французский осадный лагерь Камьеш, а в самой бухте базировался французский флот. По берегу перемещались пушки и другие тяжелые грузы. В июле 1942 и в мае 1944 г. здесь развернулись тяжелые бои между советскими немецкими войсками, в том числе, с применением танков. В 50-60-е гг. XX в. велось строительство Севастопольского морского рыбного порта. Поскольку речь идет о смещении легких бутовых стенок на считанные сантиметры, невозможно установить, вызвало их воздействие природных сил или антропогенное.

Поэтому, обнаруженные на участке 32 хоры Херсонеса разрушения нельзя считать **доказательством** землетрясения XI в., хотя принимать во внимание, безусловно, следует.

А.А. Никонов утверждает, что в той же статье Т.Ю. Яшаева описала раскопки храма на м. Виноградный [8, с. 41]. Однако, это не так: в данной публикации о раскопках этого храма не сообщается. Поэтому, наблюдения А.А. Никонова о картине сейсмического разрушения этого храма оставляю без комментариев. Напомню лишь, что в июле 1942 г. в этом районе также было сосредоточено значительное количество техники: сначала советской, затем – немецкой.

А.А. Никонов полагает, что самым восточным памятником, разрушенным землетрясением XI в., был Мангуп. Действительно, разрушения на Мангупе фиксировались. По данным В.Л. Мыца, в конце X в. был разрушен и сгорел крестообразный храм Мангупа [30, с. 226]. Картину катастрофической гибели этой крепости (или отдельных ее частей) рисует А.Г. Герцен: «Второй этап в жизни крепости (IX-X вв. – В.Х.)… завершается гибелью поселения. Об этом свидетельствуют остатки жилых комплексов с бытовым инвентарем, погибших в пожаре… О том, что финал был быстрым, неожиданным, говорит находка клада золотых и серебряных украшений, запрятанного на краю обрыва возле угла разрушенного дома. Захоронение клада может датироваться второй половиной X – началом XI в., что следует из стратиграфической ситуации находки» [13, с. 134]. Ю.М. Могаричев полагает, что упадок поселения на Мангупе происходит на рубеже X-XI вв., «что стало результатом военной экспансии или же катаклизма природного характера (землетрясение)» [28, с. 70].[20]

[19]Непонятно, какие вертикальные трещины могут быть в бутовой кладке из небольших камней с разложившимся строительным раствором, сохранившейся на высоту 4-5 рядов, тем более что на фотографии трещин не видно (см. рис. 10).

[20] С.Б. Сорочан, присоединяясь к гипотезе о землетрясении как причине упадка Мангупа, относит это событие ко второй четверти XI в. (по аналогии с предложенной им для Херсона датировкой катастрофы) [49, с. 1160].

Однако, разрушения, вызванные природными катаклизмами, датируемые X-XI веками, обнаружены и восточнее: в Гурзуфе, Партените и урочище Сотера. Первым такое наблюдение сделал А.Л. Якобсон. В 1954 году, публикуя материалы изучения могильника Горзувиты VIII-X вв., он отметил: «В погребении № 5 обращает внимание то обстоятельство, что костяк как бы разорван и растянут в длину на 3,25 м., раздвинуты и камни обкладки. Однако, положение костяка вполне правильно, сохранились и правильно залегают фаланги ног; но вместе с тем позвоночник изогнут и вдавился. Всё это приводит к предположению, что разрывы произошли в результате каких-то смещений почвы, вероятнее всего, землетрясения» [57, с. 116].

Е.А. Паршина полагает, что обнаруженные в Партените массовые разрушения X в. следует связывать с землетрясением или селем [39, с. 95]. В более поздней работе исследовательница уточняет, что усадьбы первого строительного периода (VII-VIII вв.) в середине X века погибли в пожаре. При этом слой разрушения был перекрыт суглинком, имеющим, вероятно, селевое происхождение.[21] Разрушение поселения в урочище Сотера (в 9 км. к востоку от Алушты) Е.А. Паршина также датирует X веком и считает, что оно погибло в результате оползня, «о чем свидетельствует сильнейший наклон стен в сторону моря, нетронутые раскаты камней от рухнувших кладок» [40, с. 118, 121-122, цитата на с. 122].

Таким образом, представление А.А. Никонова о том, что восточнее Севастопольской сейсмозоны разрушений не было, скорее всего, неверно.

<u>Разрушительная сила и местоположение очага землетрясения.</u>

Подведем итоги.

1. Источниковая база сведений А.А. Никонова о направлении гипотетического сейсмического удара землетрясения XI в. крайне ненадежна.

2. Сведения о том, что в сейсмозонах 2 (Ялтинской) и 3 (Алуштинской) землетрясение не было разрушительным, скорее всего, неверны: следы природной катастрофы там обнаружены.

Поэтому, присоединяясь к гипотезе А.И. Романчук о разрушительном землетрясении XI в. в Крыму, разделяя точку зрения А.А. Никонова о том, что это было местное сейсмическое событие, полагаю все же, что его очаговая область совпала с очаговой областью разрушительных землетрясений 1423 и 1927 гг. (см. рис. 11). Разрушительную силу землетрясения в эпицентре можно оценивать в 8(+1) баллов по шкале MSK-64, а его воздействие на Херсон составило 7(+1) баллов.

<u>Выводы.</u>

Вынужден с сожалением констатировать, что доказательная база А.А. Никонова, использованная им для аргументации гипотезы о землетрясении силой 9 баллов с эпицентром в сейсмозоне 1, датированном 1041 годом, не только неверна, но и методологически некорректна. Она не подкрепляет, а ослабляет гипотезу о разрушительном крымском землетрясении, анализу которой автор настоящей статьи посвятил свое диссертационное исследование [53; 54]. Качество доказательной базы, предъявленной А.А. Никоновым, служит дополнительным аргументом для скептиков, отвергающих сейсмическую гипотезу как таковую, но не предлагающих собственной, адекватно объясняющей многочисленные разрушения XI в. на памятниках Юго-Западного Крыма.

В настоящее время автор заканчивает работу над монографией «Византийский Херсон на рубеже тысячелетий», в которой, в частности, приводятся многочисленные аргументы в пользу того, что разрушительное землетрясение в Крыму было, и Херсонес от него сильно пострадал в период между 988 и 1015 годами.

[21] Если принять датировку Е.А. Паршиной, то разрушение Партенита уместно связать с походом Песаха. Но наличие «селевого» слоя поверх слоя пожара наводит на мысль о природной катастрофе.

Приложение 1

СООБЩЕНИЕ ИОАННА СКИЛИЦЫ (В ПЕРЕСКАЗЕ ГЕОРГИЯ КЕДРИНА) О ВОЕННЫХ СОБЫТИЯХ 1041 Г. НА БАЛКАНАХ

(с. 531)[22]: «В месяце сентябре 6549 (1040)[23] г. патрикий Алузиан[24], префект Феодосиополя[25], второй сын Аарона[26], внезапно покидает город и направляется к Делеану[27] по следующей причине. Ведь в Феодосиополе этот префект был несправедливо обвинен, прежде чем [его] дело было расследовано. Иоанн[28] потребовал у него 50 литр золота[29], отнял сверх того прекрасное поместье его жены, находившееся в Харсиано. Разуверившись в своих делах, взяв армянское платье, притворившись слугой Василия Теодорокана[30], идущим к императору, тайно ото всех убежал и прибыл, спасаясь, в Острово[31].

Там Делеан со всем войском располагался лагерем. Делеан принял его с большой радостью, опасаясь, как бы к нему не склонились болгары по родству крови и общей, как казалось, причастности к прошлому царства, царской власти. Он дает ему сорокатысячное войско, приказав идти и осадить Фес (с. 532): салонику. Управлял тогда городом Фессалоникой двоюродный брат василевса патрикий Константин. Отойдя [от города] и окружив [его] рвом, [он] усердно организовал оборону. В течение 6 дней [Делеан] пытался овладеть городом. [Будучи] повсюду отражен, [он] решил снять осаду. В один из дней горожане пришли к могиле великомученика Димитрия и, совершив всенощное моление, помазавшись миром, истекавшим из божественной могилы, открыв ворота, единым натиском бросились на болгар.

Вместе с фессалоникийцами принимала участие [в столкновении] тагма Великосердных[32]; и врага, перепуганного неожиданным нападением, обратили в бегство, при этом никто не отважился сопротивляться или защищаться. Предводителем ромейского боевого ряда был мученик и правил путь, что подтвердили клятвенно пленные болгары, говоря, что видели там юношу-всадника, предшествовавшего ромейской фаланге, из которой вырывалось пламя,

---

[22] Здесь и далее красным цветом в круглых скобках обозначено начало страницы в публикации Георгия Кедрина 1839 г.

[23] Счет ведется по византийскому сентябрьскому календарю, ведущему отсчет от Сотворения мира, отнесенного к 1 сентября 5509 г до RX. Соответственно, 6549 г. длился с 1 сентября 1040 г, по 31 августа 1041 г. (здесь и далее примечания мои. – В.Х.).

[24] Алузиан (Алусиан) - сын болгарского царя Ивана Владислава (1015-1018 гг.). Был византийским подданным, занимал высокие государственные должности [24, с. 388].

[25] Феодосиополъ (Феодосиуполь, совр. Эрзерум) - город в византийской феме Дерзина на востоке империи (на склонах Малого Кавказа близ истоков Ефрата).

[26] Здесь Скилица и Кедрин (также как и Михаил Пселл) ошибаются. Алузиан был не сыном, а внуком Аарона - одного из братьев болгарского царя Самуила (976-1014 гг.) [24, с. 388].

[27] Делеан (Пётр(?) Делян) – предводитель антивизантийского восстания болгар (1040-1041 гг.), поднявший мятеж против византийской власти в Белграде в 1040 г. и объявивший себя внуком царя Самуила, отпрыском (возможно, незаконнорожденным) его сына Романа. Хотя Иоанн Зонара (192) называет его побочным сыном Аарона, деда Алузиана [24, с. 379-380].

[28] Видимо, имеется в виду оскопленный брат императора Михаила IV, фактический правитель империи Иоанн Орфанотроф (греч. «кормилец сирот» – в его ведении находились сиротские приюты) [24, с. 388].

[29] Это равняется 3600 номисмам, т.е. 16,373 кг золота.

[30] Теодорокан - византийский флотоводец и полководец. Служил еще Василию II. Участвовал в войнах с болгарами. Имел сан патрикия. Сохранился моливдовул с его именем.

[31] Острово – современный греческий юрод Армисса, Находится в Македонии близ руин античной Пеллы. В описываемое время был византийской крепостью.

[32] Именно так словосочетание «τάγμα τῶν μεγαθύμων» переводит В.Г. Васильевский, оспаривая приведенный в публикации текста Г. Кедрина латинский перевод этого фрагмента «legionem Magnanimorum» (легион Великодушных). Исследователь считал, что данное подразделение, единственный раз упомянутое в источниках, состояло из норманнских наемников и возглавлялось будущим норвежским королем Харальдом III Хардрадом [12, с. 270-271].

сжигавшее врагов. Погибло более 15 тысяч болгар, не меньше было пленено. Остальные позорнейшим бегством [вместе] с Алузианом бежали к Делеану.

В этом самом году[33] 10 июня в 12 часов дня было землетрясение (Выделено мной – В.Х.).

Потерпев поражение, Делеан и Алузиан подозревали друг друга: (с. 533): первый – стыдясь поражения, второй – подозревая предательство, таким образом, попеременно злоумышляли козни друг против друга, выжидая удобного случая. Итак, Алузиан, с кем-то из родственников приготовил завтрак, пригласил на пир Делеана; охмелевшего и опьяневшего, [его] ослепили, о чем болгарам не дано было узнать. Сам же [Алузиан] бежал в Мосинополь[34] к императору. И император высылает его в Византий в сиротский приют, поставив над учителями, сам же через Фессалонику прибывает в Болгарию и, захватив Делеана, возвращается в Фессалонику. Оттуда, следуя к внутренним областям, [он] прорвался к деревянной ограде, которую сделал Мануил Ивац[35] у Прилепа[36], чтобы сдержать продвижение войск императора и самому овладеть внутренними областями, быстро прорвался и, разогнав союз болгар, захватил Иваца. Затем, уладив все дела в Болгарии, назначив начальников в фемах и дав отряды для их охраны, вошел в Город[37], ведя с собой Делеана и Иваца. После своей болезни, совершенно не надеясь на выздоровление и продолжение жизни, [император] постригается в монахи [в монастыре] Космидии, который всегда был с ним и, при необходимости, наставлял. В декабре 10 дня 6550 (1041) года индикта 10[38], [император] ушел из жизни, совершив покаяние и признав свои прегрешения, благочестиво и со слезами». [Кедрин, р. 531-533] (перевод С.И. Кургановой).

Список использованной литературы

1. Антонова И.А. Отчет о раскопках северного фланга обороны средневекового порта // НА НЗХТ. Д. 1160. Отчет Объединенной экспедиции ГХМ, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1964 г., л. 218-293.
2. Антонова И.А. Раскопки портовой линии обороны средневекового Херсонеса // НА НЗХТ. Д. 1189. Отчет Объединенной экспедиции ГХМ, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1965 г., л. 196-314.
3. Антонова И.А. Оборонительные сооружения // НА НЗХТ. Д. 1606. Отчет о раскопках портового квартала и оборонительных сооружений Херсонеса в 1966 г. Ч. II, л. 1-55.
4. Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. – 1971. – Вып. 7, с. 102-118.
5. Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе / И. А. Антонова // АДСВ. – 1976. – Вып. 13, с. 3-8.
6. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. – 1990. – Вып. 25, с. 8-25.

[33] 1041 г. н.э.

[34] Мосинополь – византийский город в западной Фракии. Ныне – греческий город Комотини.

[35] Мануил Ивац – один из вождей антивизантийского восстания 1040-1041 гг. Пытался остановить продвижение армии Михаила IV вглубь Болгарии, соорудив в горном проходе близ Прилепа деревянную стену [24, с. 393]. Э. Люттвак называет такие стены «палисадами» и считает их уникальной болгарской оборонительной техникой. Палисады быстро собирались из бревен, связанных веревками, и устанавливались по всей ширине узких долин. «Хроника» Феофана, описывая войну Никифора I с болгарским ханом Крумом в 811 г., называет палисады «страшным и непреодолимым забором». Но к XI в. византийцы научились успешно их преодолевать [25, с 263]. В мадридской рукописи «Обозрения историй» Скилицы имеется миниатюра, изображающая противостояние византийцев и болгар у деревянной стены, выстроенной Ивацем.

[36] Прилеп (греч. Прилепа) – город на юге современного государства Македония. В описываемое время – византийская крепость, захваченная восставшими болгарами.

[37] Имеется в виду Константинополь.

[38] 6550 г. начался 1 сентября 1041 г. и закончился 31 августа 1042 г.

7. Антонова И.А. Следы сильных землетрясений в Херсонесе // Фундаментальные и прикладные проблемы мониторинга и прогноза стихийных бедствий : тез. докл. – Севастополь, 1999, с. 9.
8. Антонова И.А., Никонов А.А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневекововье // Очерки по истории христианского Херсонеса. – СПб. : Алетейя, 2009, с. 14-51. – (Херсонес Христианский, т. 1. вып. 1).
9. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. – Симферополь : Крымиздат, 1938. – 349 с.
10. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. – 1941. – № 4, с. 202-267.
11. Бибиков М.В. Историческая литература Византии. – СПб. : Алетейя, 1998. – 320 с.
12. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // В. Г. Васильевский. Труды. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1908. – Т. 1, с. 176-377.
13. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – Вып. I, с. 87-271.
14. Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. – 1964. – Т. 24, с. 148-158.
15. Гилевич А.М. Опись монет // НА НЗХТ. Д. 1160. Отчет Объединенной экспедиции ГХМ, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1964 г., л. 401-412.
16. Гриневич К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907-1910 гг. // ХСб. – 1927. – Вып. II. – С. 257-293.
17. Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия, собранных Георгием Кедриным и другими / [перев. И. Иванов]. – СПб., 1794. – 256 с. – (в 3 кн., кн. 3).
18. Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР [отв. ред. В. Д. Баран]. – Т. 2 : Раннеславянский и древнерусский периоды. – К. : Наукова думка, 1986, с. 535-548.
19. Жеребцов Е.Н. Раскопки Базилики 1935 г. в Херсонесе. Замечания к археологической ситуации // Очерки по истории христианского Херсонеса. – СПб. : Алетейя, 2009, с. 139-151. – (Херсонес Христианский, т. 1. вып. 1).
20. Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 года» в Херсонесе // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V, с. 94-105.
21. Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне на рубеже тысячелетий : источники гипотезы о землетрясении / И. А. Завадская // [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : «империя» и «полис»] тезисы докладов и сообщений II Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05-04.06.2010). – Севастополь, 2010, с. 11-13.
22. Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны 1423-1475 гг. – Киев : Стилос, 2005. – 269 с.
23. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1896. – 143 с., 13 табл.
24. Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI-XII вв. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 472 с.
25. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. – М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – 664 с.
26. Макросейсмические сведения о землетрясении 17 августа 1999 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Геофизической службы РАН. – Режим доступа: http://zeus.wdcb.ru/wdcb/sep/strong/19990817/macro.html.
27. Михаил Пселл. Хронография / [пер. и прим. Я. Н. Любарского] – М. : Наука, 1978. – 319 с.
28. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь : Таврия, 1997. – 384 с.
29. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма Хазарского периода. – Симферополь : Антиква, 2007. – 348 с.
30. Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. – 1990. – № 1, с. 224-242.

31. Никонов А.А. Сейсмическая катастрофа в Турции // Природа. – 1999. – № 11, с. 3-9.
32. Никонов А.А. Раненый Крым. По следам разрушений крупнейшего на полуострове в XX веке природного бедствия // Крымский альбом 2002 [сост. Д. А. Лосева]. – Феодосия; М. : Изд. дом «Коктебель», 2003. – Вып. 7, с. 72-82. – (Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах, вып. 1).
33. ОАК за 1892 год [Электронный ресурс] // … Многоуважаемый Карл Казимирович… К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. – Режим доступа : http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1892/1892.php?year=1892.
34. ОАК за 1894 год [Электронный ресурс] // … Многоуважаемый Карл Казимирович… К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. – Режим доступа : http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1894/1894_text.php.
35. ОАК за 1895 год [Электронный ресурс] // … Многоуважаемый Карл Казимирович… К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. – Режим доступа : http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1895/1895_text.php.
36. ОАК за 1903 год [Электронный ресурс] // … Многоуважаемый Карл Казимирович… К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. – Режим доступа : http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1903/1903.php?year=1903.
37. ОАК за 1904 год [Электронный ресурс] //… Многоуважаемый Карл Казимирович… К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. – Режим доступа : http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1904/1904.php?year=1904.
38. ОАК за 1905 год [Электронный ресурс] // … Многоуважаемый Карл Казимирович… К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. – Режим доступа : http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1905/1905.php?year=1905.
39. Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика : Сб. научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов). – К. : Наукова думка. – 1991, с. 64-100. – (АН УССР. Ин-т археологии).
40. Паршина Е.А. Древний Партенит: (по материалам раскопок 1985-1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен и до наших дней [сост. В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко]. – К. : Стилос, 2002, с. 89-109.
41. Паршина Е.А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. – К. : Стилос, 2002, с. 117-131.
42. Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В. ., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-черноморского региона (инструментальный период наблюдений). – К. : Наукова думка, 1989. – 192 с. – (АН УССР. Ин-т геофизики им. С. И. Субботина).
43. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. – 110 с. – (Препринт / Уральский университет, предприятие АВ КОМ).
44. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, – 2000. – 390 с.
45. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. – 169 с.
46. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона : Раскопки. Гипотезы. Проблемы. – Ч. 2: Византийский город – Екатеринбург : УрГУ ; НПМП «Волот», 2007. – 664 с.
47. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. – 1999. – Вып. X, с. 312-329.
48. Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. – 2004. – Вып. 35, с. 108-121.
49. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. [Отв. ред. Г. Ю. Ивакин]. – Харьков : Майдан, 2005. – 1648 с.

50. Стржелецкий С.Ф. Башня XVII оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. – 1969. – Вып.4, с.7-29.
51. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.). – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
52. Уломов В.И. Внимание. Землетрясение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://seismos-u.ifz.ru/glossary.htm.
53. Хапаев В.В. Византийский Херсон во второй половине X – первой половине XI вв. : проблема разрушения города : дис. … кандидата ист. наук : 07.00.02. – Севастополь, 2010. – 409 с.
54. Хапаєв В.В. Візантійський Херсон у другій половині X – першій половині XI століть: проблема руйнування міста : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07.00.02 «Всесітня історія». – Дніпропетровськ, 2010. – 20 с.
55. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. – Симферополь : Крымиздат, 1956. – 142 с.
56. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА. – 1950. – №. 17. – 256 с.
57. Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа) // КСИИМК. – 1954. – Т. 53, с. 109-119.
58. Якобсон А.Л. К истории русско-корсунских связей (XV-XIV вв.) // ВВ. – 1958. – Т. 14, с. 116–128.
59. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №. 63. – 364 с.
60. Якобсон А.Л. Средневековый Крым : очерки истории и истории материальной культуры. – М. – Л. : Наука, 1964. – 230 с.
61. Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М. : Наука, 1973. – 176 с.
62. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л. : Наука, – 1979. – 164 с.
63. Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХСб. – 1999. – Вып. X, с. 349-358.
64. Bonito M. Terra Tremante overo continuatione de’ terremoti dalla creatione del mondo sino al tempo presente. – Napoli, 1980. – 822 p. – (Anastatic reprint, Sala Bolognese).
65. Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae operę / [ab I. Bekkero suppletus et emendatus]. – T.2. – Bonnae, 1839. – 358 p.
66. Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / [rec. I. Thurn]. – Berlin ; N. Y., 1973. – 580 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, vol. 5).

Summary

The article deals the analysis of arguments, adduced by seismologist Andrei Nikonov for benefit of hypothesis of destructive earthquake in Crimea in 11th century. Arguments were put forward in a joint article with Inna Antonova «Vestiges of destructive earthquakes in Chersonesos and its outskirts in the Roman time and Early Medieval period». The author arrives at a conclusion that A. Nikonov arguments are based on fallacious using of archeological data and relocation of artifacts dated to different times (from 5th till 19th centuries) to the 11th century to prove the hypothesis of earthquake. The A. Nikonov dating of this earthquake by 1041 as it was supposedly mentioned by John Skilitsa in the story of Peter Delean revolt is also criticized.

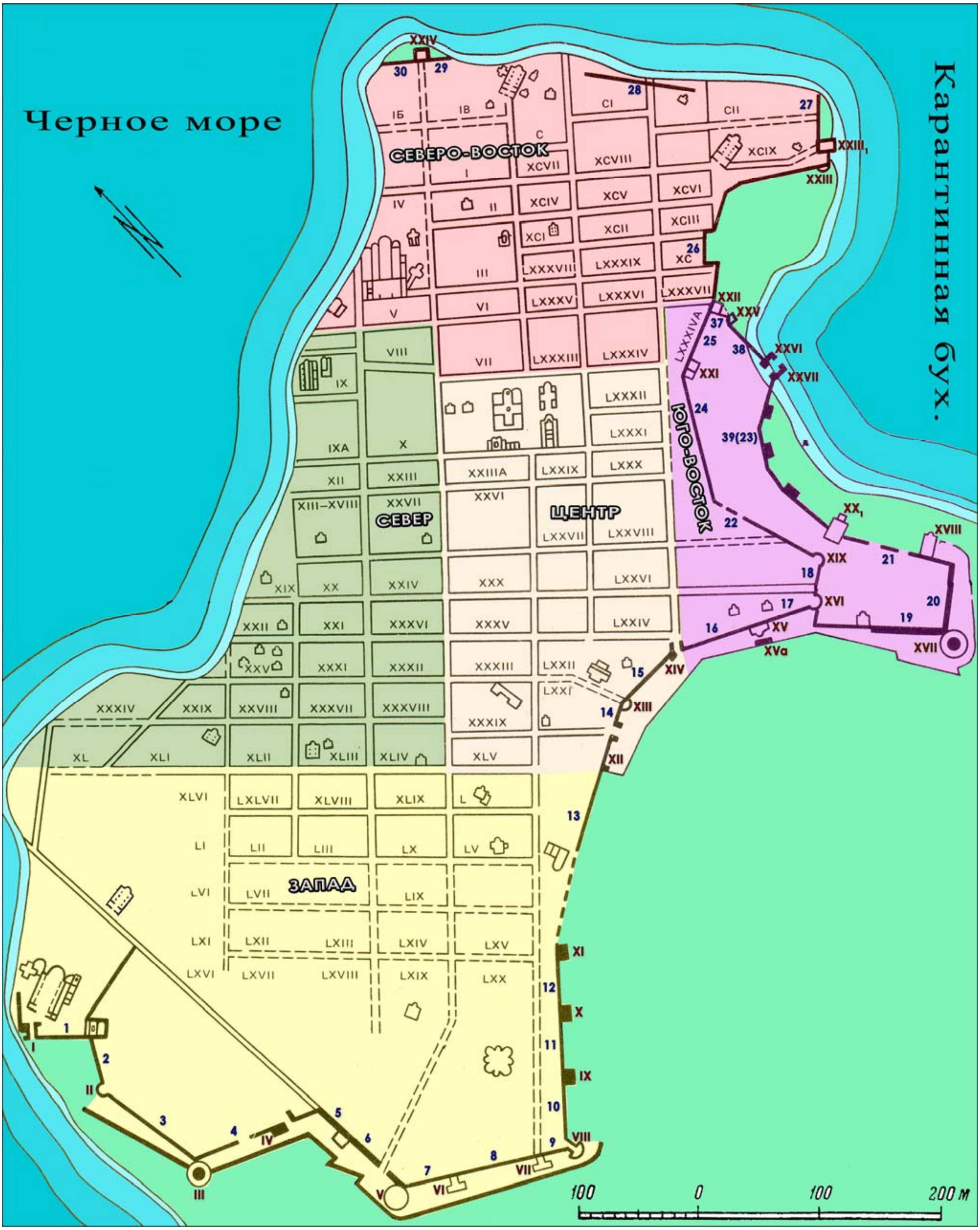

Рис. 1. Условно выделенные районы, нумерация кварталов
и оборонительных сооружений Херсонеса.

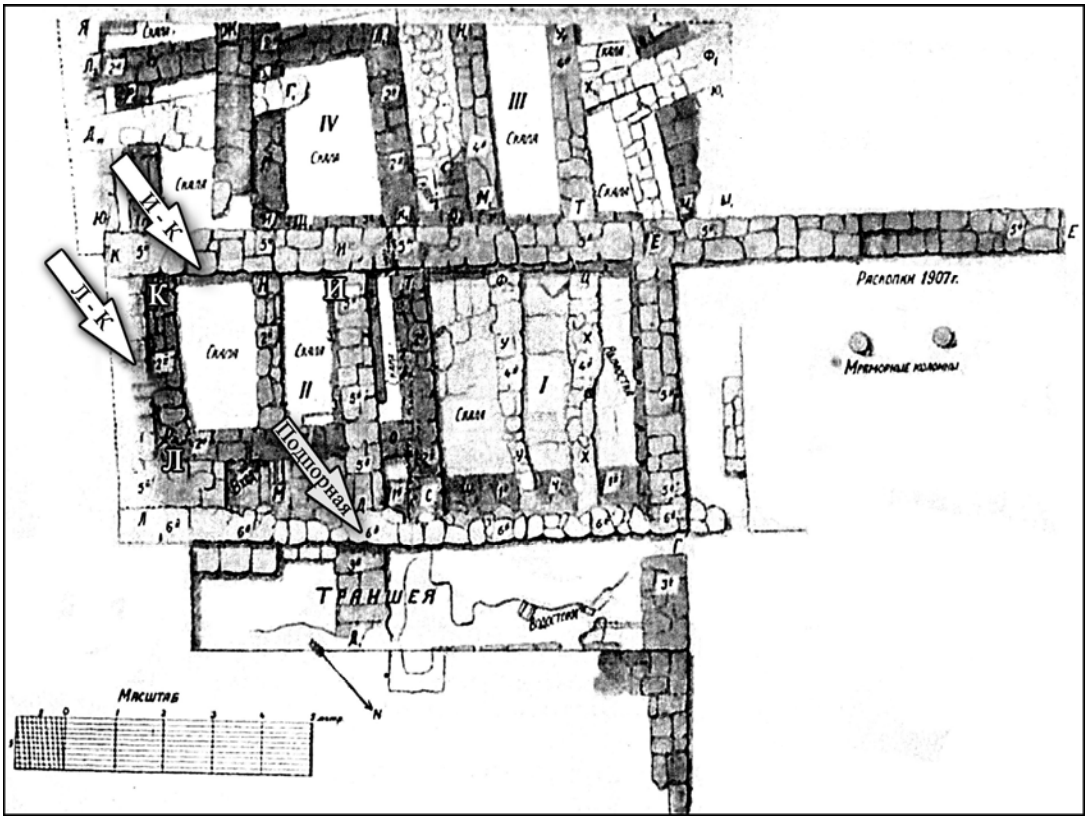

Рис. 2. «План площади раскопок 1926 г. работы архит. Н.М. Янышева.

Римские цифры (I-IV) обозначают квадраты, арабские (1-6) – строительные периоды, к которым относятся открытые кладки» [16, рис.2]. Стрелки, указывающие на стены 5-го строительного периода и подпорную стену 6-го периода, упоминаемые в тексте статьи, а также крупные буквенные обозначения стен 5-го периода проставлены мной (В.Х.). 19-я куртина находится к юго-западу от раскопа.

Рис. 3. Базилика 1935 г. после реставрации. Фото 1935г. [9, рис. 70].

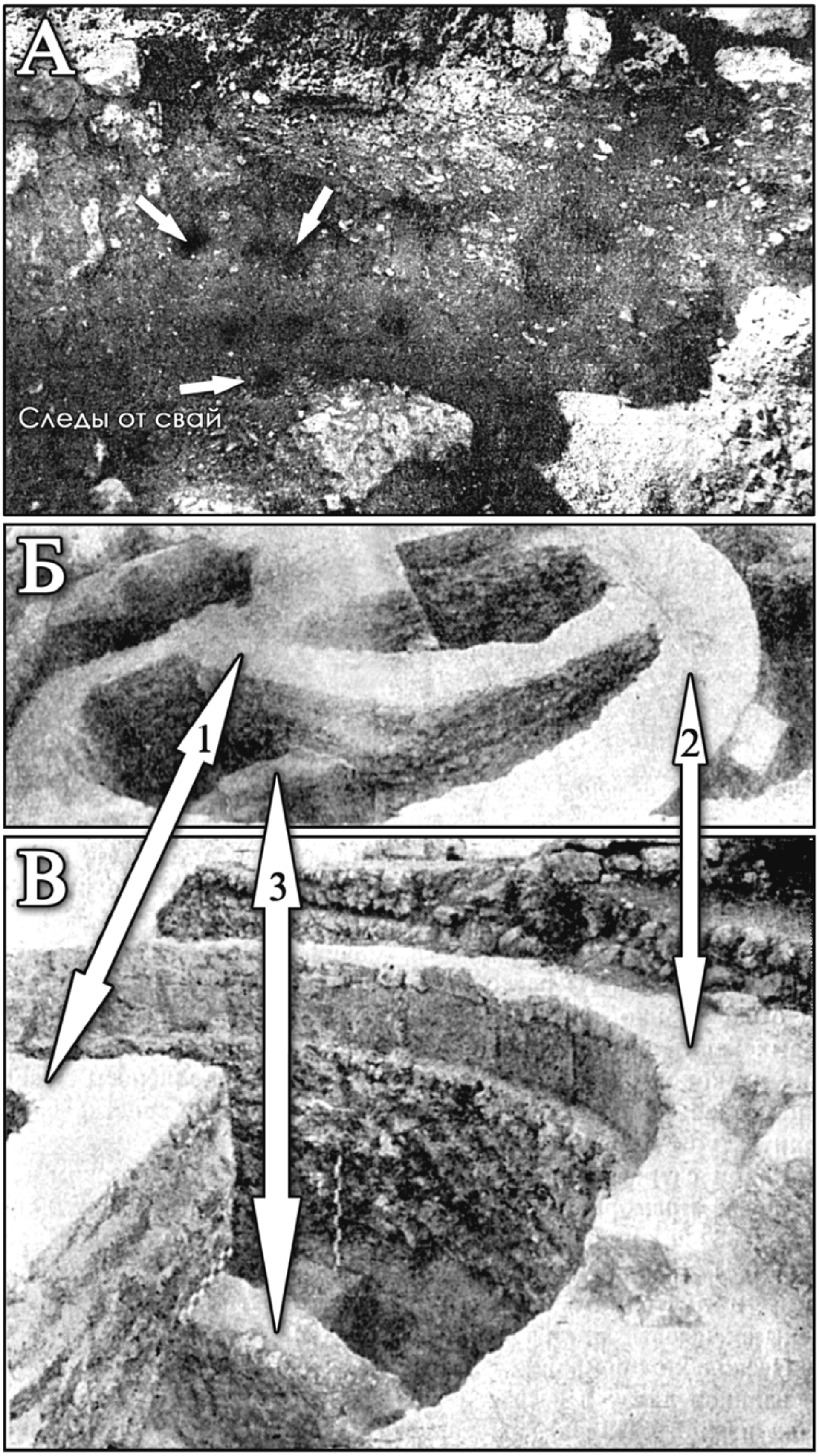

Рис. 4. Апсида Базилики 1935 г. в процессе раскопок.

А – следы от деревянных свай в грунте под апсидой базилики II-35 г. [59, рис. 89]. Б , В – апсиды базилик I-35 г. (1), II-35 г. (2) и поперечная стенка фундамента базилики II-35 г. (3) [9, рис. 46, 47].

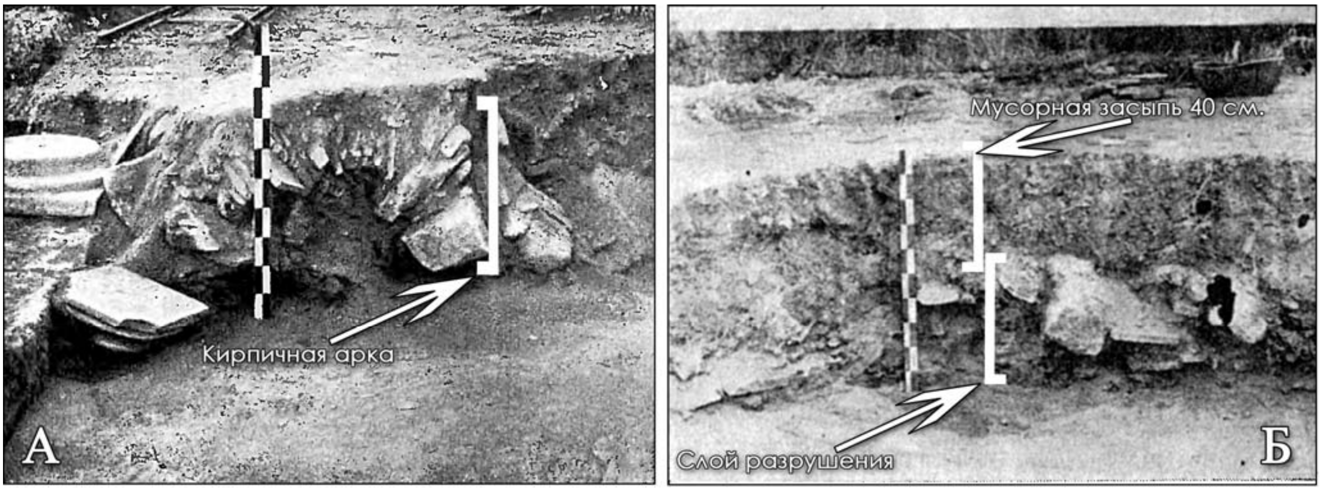

Рис. 5. А – часть кирпичной арки из слоя разрушения рубежа X-XI вв. Базилики 1932 г. [10, рис. 49]. Б – слой разрушения Базилики 1935 г., содержащий черепицу и кирпичи, и засыпь над ним [9, рис. 83].

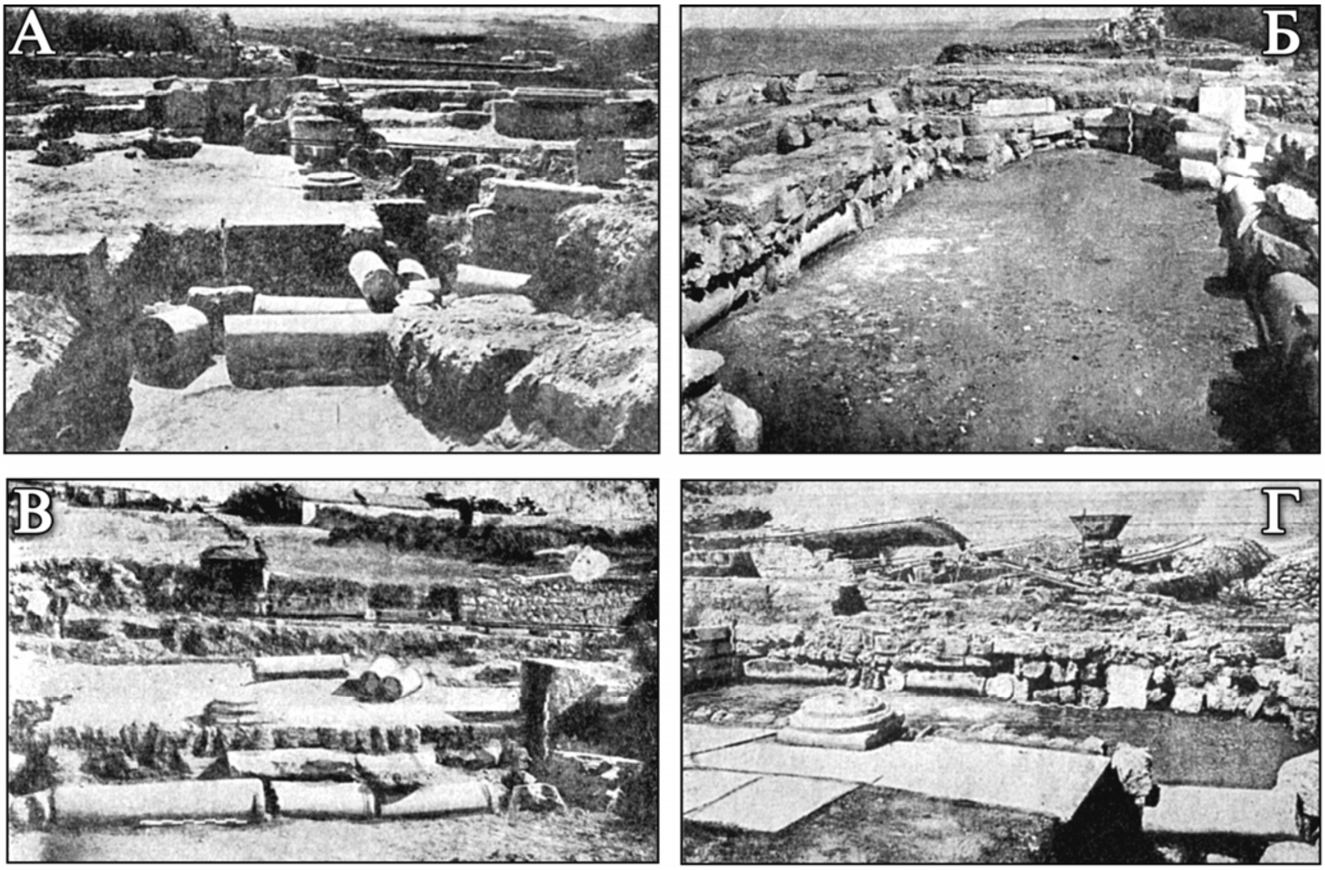

Рис. 6. Колонны базилки II-35 г., использованные в кладке стены базилики III-35 г. [9, рис. 79-82]. На снимке Г видно, что колонны использовались также в кладке фундамента позднего храма и оказывались, таким образом, ниже мраморного пола базилики II-35 г.

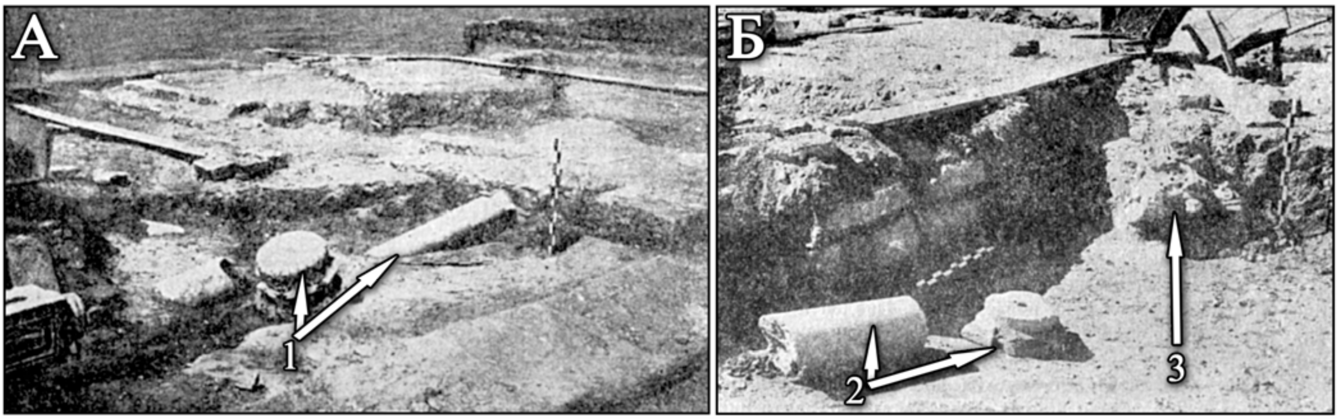

Рис. 7. Упавшие детали колонн базилики II-35 г., не использованные в кладке стены базилики III-35 г. [9, рис. 55-56]

1 – ствол и капитель колонны базилики II-35 г., которые А.А. Никонов считает упавшими в результате землетрясения XI в. и лежащими с тех пор in situ; 2 – ствол и база колонны VI в.; 3 – феодосианская капитель V в. в том же слое.

Рис. 8. Захоронение женщины с ребенком в башне XXV [1, рис. 435].

Рис. 9. Раскопки усадьбы на участке 32 хоры Херсонеса.
Помещение 4 с остатками очага [63, рис. 9а].

Рис. 10. То же. Помещение 5 [63, рис. 9б].

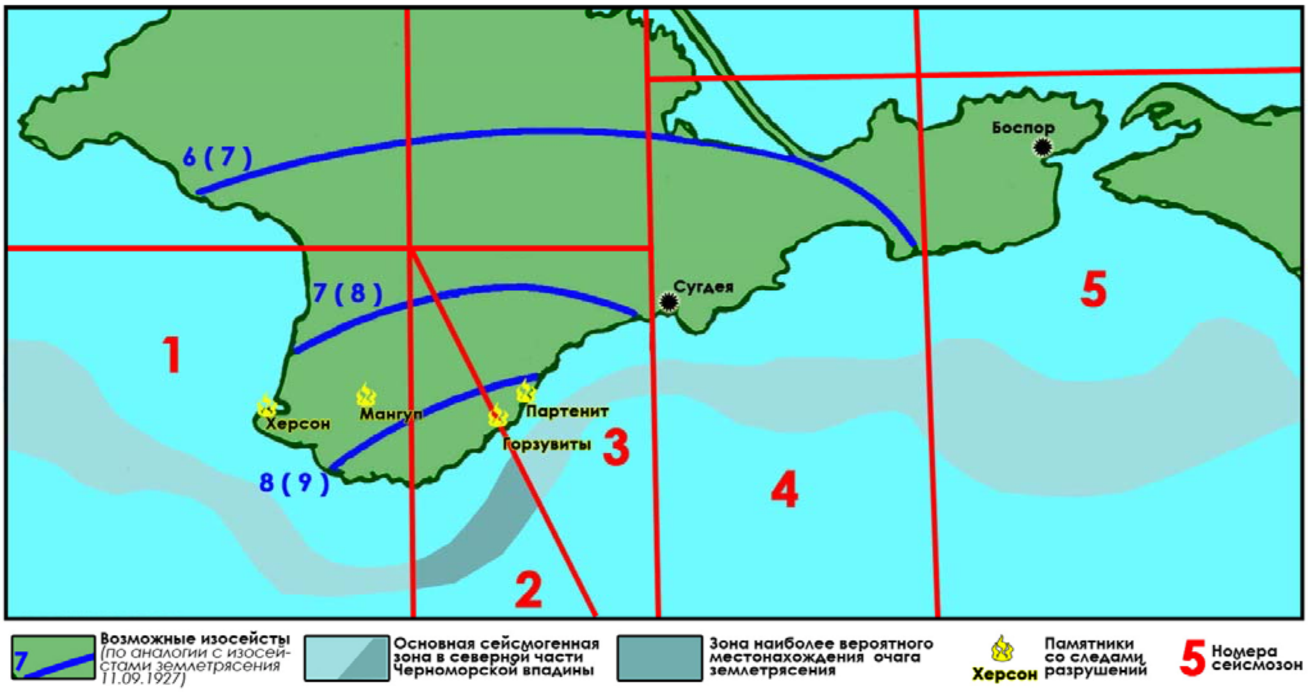

Рис. 11. Возможные параметры Черноморского-крымского землетрясения, произошедшего на рубеже X-XI вв.

К.В. Белый

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВИЗАНТИИ И ИКОНИЙСКОГО СУЛТАНАТА В ПРАВЛЕНИЕ МИХАИЛА VIII ПАЛЕОЛОГА (1259–1282 ГГ.)

«Угроза с востока» неизменно была актуальной проблемой для Византийской империи на протяжении всей ее истории. Персы, авары, булгары, арабы, сменяя друг друга, почти беспрерывно беспокоили и корректировали восточные границы империи, не раз добираясь до константинопольских стен и ставя державу ромеев на край гибели. Во второй половине XI в. Византии было уготовано новое испытание в лице опаснейшего врага – сельджуков. Поражение византийской армии в битве Манцикертом в 1071 г. открыло сельджукам доступ на просторы Малой Азии, на территории которой вскоре возник Румский (Иконийский) султанат.

С конца XI по середину XIII вв. взаимоотношения двух государств претерпели изменения: от прямой конфронтации и реконкисты эпохи Комнинов до неофициального антилатинского альянса султаната и Никейской империи при Ласкарисах. Столь же сильно изменилось и их международное положение. Ко второй пол. XIII в., т.е. к началу Палеологовской эпохи, обе державы, и особенно, султанат, играли второстепенную роль на политической арене Восточного Средиземноморья и Причерноморья. Вероятно, поэтому в отечественной и зарубежной историографии уделяется много внимания взаимоотношениям Византии с политическими тяжеловесами региона: Золотой Ордой, государством Хулагуидов, Мамлюкским Египтом и, напротив, очень мало - византийско-иконийским отношениям указанного времени, в частности, периода правления Михаила VIII. Ни в одном исследовании данная проблема специально не рассматривалась, хотя некоторым ее аспектам уделено внимание в трудах историков В. Гордлевского [2] и С. Закирова [3].

Во второй пол. XIII в. Золотая Орда, Иран и Египет определяли ход дел к востоку от Византии, но ни с одним из этих государств империя непосредственно не граничила. Единственным восточным соседом ее был Иконийский султанат. Этот факт придает взаимоотношениям Константинополя и Икония особую значимость, т.к. обеспечение безопасности малоазийских владений Византии и устойчивой границы с сельджуками было одной из главных задач восточной политики Михаила VIII. Сколь успешно и какими методами первый Палеолог решал данную задачу? И чем можно объяснить скоротечную потерю византийцами северо-западной части Малой Азии уже к концу XIII в., вскоре после смерти Михаила VIII? Для ответа на эти и многие другие вопросы необходимо рассмотреть систему византийско-иконийских отношений с 1259 по 1282 гг.

«В первый день января» 1259 г. [1, с. 58], согласно Георгию Пахимеру, Михаил Палеолог взошел на никейский престол. В течение следующих 24 лет его правления, особенно после освобождения Константинополя в 1261 г., важность западного направления внешней политики империи беспрецедентно возросла, придав восточному второстепенное значение. Тем не менее, первая дипломатическая миссия нового василевса отправилась не на Запад, не к трапезундскому или эпирскому владыкам, а к *«персидскому* (иконийскому) *султану»* Изз-ад-дину Кей-Кавусу II, с которым Палеолог был знаком лично. Их первая встреча состоялась в 1256 г., когда великий коноставл Михаил (будущий император) бежал к туркам, спасаясь от возможных гонений со стороны Феодора II, и получил у Изз-ад-дина надежное политическое убежище. Теперь же, став «державным», Палеолог незамедлительно сообщил султану о своем воцарении и о *«ходе дел в империи»* [1, с. 91]. Описывая их, скорее всего, в

не худших красках, Михаил VIII, под видом дружеской исповеди, ловко прибегает к политической пропаганде. Это был, несомненно, продуманный ход. С его помощью Палеолог, пришедший к власти в результате государственного переворота, убеждал своего ближайшего соседа в стабильности международного и, главное, внутреннего положения империи. Таким образом, используя близкое знакомство с султаном, новый император сделал первую попытку выстроить дружественные отношения между государствами, что было ему крайне необходимо. Успех грядущих предприятий на Балканах, как понимал Михаил VIII, в том числе и возвращение Нового Рима, во многом зависел от продолжительного мира на восточной границе.

Надежду императора мог подкреплять тот факт, что серьезных конфликтов между Иконием и Никеей не происходило на протяжении многих лет. Во-первых, благодаря заметному усилению Никейской империи при Иоанне III (1221–1254), а во-вторых, как полагает З.В. Удальцова, из-за заинтересованности самих Сельджукидов в прочности барьера, отделявшего их от крестоносцев Латинской Романии [5, с. 347].

Однако в том же 1259 г. планы Палеолога стремительно рушатся вместе с властью Изз-ад-дина. Дело в том, что еще в 1243 г., после битвы при Кёси-Даге, Иконийский султанат попадает в вассальную зависимость от Монгольской империи. С этого времени карательные и разоряющие страну экспедиции против антимонгольских сил сельджуков принимают регулярный характер. Безвольные и неспособные дать отпор захватчикам в глазах населения и эмиров султаны стремительно теряли авторитет; сила центральной власти неуклонно падала [2, с. 35-43]. Но если, воцарившись, в 1246 г., Изз-ад-дин еще обладал реальной властью, то к 1259 г. она превратилась в номинальную. Монгольские ильханы шаг за шагом ее ограничивали. К тому же в 1249 г. султанат был поделен между Изз-ад-дином и его братом Рукн-ад-дином Килич-Арсланом IV, и отношения между ними оставляли желать лучшего [11, p. 158]. Когда в 1259 г. ильхан Хулагу заподозрил Изз-ад-дина в пособничестве мамлюкам, Арслан IV (по повелению ильхана) незамедлительно сверг брата и соправителя [11, p. 158].

Спасая свою жизнь, Изз-ад-дин вместе с семьей и приближенными нашел единственно верным искать защиты у своего давнего «должника» Михаила Палеолога [2, с. 180]. Никифор Григора сообщает, что явившись к императору, свергнутый султан потребовал *«…или сражения со скифами* (монголами)*, или какого-нибудь участка на римской земле в его собственность»* [7, с. 77]. Естественно, оказывать военную помощь султану, вмешиваясь в иконийские дела, Никее было бессмысленно и опасно. Не удовлетворил Палеолог и второе требование Изз-ад-дина, хотя, приняв его с почетом, прямо не отказал, и отныне *«…как на весах колебал душу султана, не подавая ему надежды, но и не отнимая ее»* [7, с. 78].

Безусловно, Михаил VIII понимал, что предоставление временного убежища важной политической фигуре – опасный дипломатический шаг. В то же время, права Изз-ад-дина на иконийский престол оставались в силе, следовательно, император вполне мог надеяться на скорую победу поддерживаемого кандидата и на связанные с ней выгоды. С другой стороны, в руках Палеолога оказался человек, который в любой момент мог стать козырем в международных переговорах с восточными соседями империи. А в сложившейся к 1260 г. крайне сложной и неопределенной политической обстановке на Ближнем Востоке это преимущество, в случае конфликта с какой-либо заинтересованной стороной, могло пригодиться. Особенно если интерес к изгнаннику проявили бы три упоминавшихся ранее региональные державы. С того времени, как султан оказался под «покровительством» Палеолога, начала формироваться новая система взаимоотношений Никеи (затем Константинополя) с Иконийским султанатом и указанными выше государствами, в сферу интересов которых Малая Азия также входила.

В этой связи необходимо кратко описать международную ситуацию, сложившуюся вокруг султаната к началу 1260-х гг. В 1256 г. внук Чингисхана Хулагу начинает знаменитый

Ближневосточный поход монголов, *«…со своим огромным войском, словно вешний разлив»* [9, с. 54], захватывая и опустошая Западный Кавказ, Иран, Месопотамию и Западную часть Малой Азии. В 1258 г. монголы разрушают Багдад, а в начале 1260 г. доходят до Палестины [10, с. 232]. Казалось, мусульманскому владычеству на Востоке пришел конец. В 1258 г. многие ближневосточные властители выражают покорность (признают вассальную зависимость) правителю образовавшегося на территории Ирана и Южного Кавказа государства ильханов Хулагу (1261–1265). Были среди них и сельджукские султаны Изз ад-Дин Кей-Кавус II и Килич-Арслан IV.

Однако 3 сентября 1260 г. армия египетских Мамлюков, незадолго до этого свергшая династию Айюбидов, в битве при Айн-Джалуте наносит поражение монгольской армии Кит-Буги и останавливает дальнейшее продвижение завоевателей, а вскоре каирский престол занимает герой битвы и спаситель мусульманского мира военачальник Бейбарс (1260–1277) [13, с. 19-22].

С этого времени между государством Хулагуидов и Мамлюкским султанатом разгорается затяжная война: формально – за обладание Сирией и Палестиной, а по сути – за лидерство во всем регионе. И Хулагу, и Бейбарс I, будучи опытными политиками, искали выгодных союзников за спиной у врага. Вскоре, к 1261-1262 гг., образуется альянс Египта и соперничающей с ильханами за обладание Кавказом джучидской Золотой Орды [3]. Хулагу, в свою очередь, устанавливает контакты с папским Римом и крестоносцами Святой Земли. Константинополь, оказавшись между двух намного превосходящих ее сил, начинает искусно балансировать [13, р. 24], поддерживая мирные и как можно более дружественные отношения и с Хулагу, и с Бейбарсом.

Но положение Иконийского султаната было намного сложнее. Во-первых, территориально он располагался в зоне боевых действий двух держав. Во-вторых, Арслан IV находился в вассальной зависимости от Хулагу и был вынужден, по крайней мере, номинально состоять в антимамлюкской коалиции. Поэтому, нетрудно предположить, что для победы над монголами в Сирии и Киликии Бейбарсу I требовалось подчинить Иконий с помощью воцарения там своего ставленника, а Хулагу, наоборот, любыми силами удержать под контролем буферное государство. По этой причине интересы обоих правителей сошлись на личности бежавшего к Палеологу султана Изз-ад-дина.

Осенью 1261 г., по инициативе Хулагу, Михаил VIII подписывает секретное соглашение с ним, согласно которому император обязывался содержать неугодного ильхану симпатизировавшего мамлюкам Изз-ад-дина под домашним арестом и не выпускать его из страны в обмен на гарантии безопасности Византии со стороны сельджукской границы [11, р. 92].

Примерно в это же время к находящемуся в «контролируемой эмиграции» султану начали прибывать посланники из Египта. В итоге, после серии неофициальных переговоров, весной 1262 г. Изз-ад-дин посылает письмо Бейбарсу I, предлагая ему половину султаната в обмен на помощь при достижении власти в Иконии [11, р. 158-159]. Более того, вызволить брата в письмах к Бейбарсу и золотоордынскому хану Берке просил даже сам Килич-Арслан IV [3, с. 54]. И хан, и мамлюкский султан понимали, что Изз-ад-дин превращен в политического заключенного, причем, по большому тщанию их общего врага Хулагу.

Действительно, Михаил VIII проявлял особое внимание к султану, все более ограничивая свободу его действий. Семья Изз-ад-дина под конвоем была отправлена в Никею, якобы для большей безопасности, а его самого император поселил в далеком от малоазийской Вифинии фракийском городе Эна, окружив многочисленной стражей, *«…чтобы обезопасить самого султана, чтобы, то есть, удержать его от бегства»*, - прямо пишет Пахимер [1, с. 121–122].

Но в 1264 г. византийское пленение султана неожиданно заканчивается. Происходит это во время разразившегося конфликта между Византией и Золотой Ордой по причине

длительной задержки Михаилом VIII в Константинополе египетского посла ал-Масуди, направлявшегося к Берке с важным посланием [3, с. 52-53]. Чтобы проучить императора и освободить посольство, хан послал темника Ногая во главе тридцатитысячного войска в византийскую Фракию и Македонию. И, несмотря на то, что при посредничестве самого ал-Масуди и Бейбарса I, не желавшего портить отношения с Византией, инцидент удалось быстро уладить, второе задание, полученное от Берке, Ногаю выполнить удалось. Во время похода на Константинополь один монгольский отряд заставил горожан Эны выдать находившегося там Изз-ад-дина [3, с. 53–54]. Освобожденный султан был доставлен к Берке, которого хан принял с большим почетом. Спасавшемуся от *«скверного нрава»* подданных султану, Берке, как передает Ибн Биби, пожаловал *«…в икта Солхад и Сутак»*, а затем и весь Сарай (Крым), не разрешив лишь пока возвращаться в Иконий [3, с. 54].

В самой же столице Румского султаната назревала очередная смена власти. Вступивший на престол после смерти Хулагу в 1265 г. ильхан Абака продолжил политику отца по отношению к Иконию, планомерно ослабляя центральную власть и пресекая любые проявления нелояльности к Хулагуидам. Вскоре подозрения ильхана пали на Арслана IV. Под предлогом невыплаты дани и сношений с Бейбарсом I брат Изз-ад-дина был казнен [15, p. 361]. В конце 1265 г. опустевший престол занял сын Арслана IV Гияс-ад-дин Кей-Хюсрев III, которому исполнилось 2,5 года [2, с. 186]. С этого времени султан становится игрушкой в руках сюзерена, а реальную власть в стране получает наместник ильхана – визирь.

В таких условиях взаимоотношения с Иконием потеряли для Михаила VIII особую значимость, и отныне для эффективного решения проблем на восточной границе императору следовало обращаться «выше». Еще в 1265 г. Михаил заключает династический союз с государством Хулагуидов, выдав свою внебрачную дочь Марию Деспину Палеологину замуж за ильхана Абаку. Мария оказалась политически деятельной супругой и имела определенное влияние на Абаку, заставляя его вмешиваться в румские дела, и не раз помогала императору.

На протяжении второй половины 1260-х и 1270-х годов ильхан неоднократно организовывал карательные экспедиции в султанат. По свидетельству Фазлаллаха, в 1266-67 годах брат Абаки Бундуктар совершил румский поход, разорив многие сельджукские области. В 1276 г. в Анатолию вторгся монгольский отряд во главе с самим Абакой [8, с. 89]. А в следующем году попытку отбить Иконийский султанат у Хулагуидов предпринял Бейбарс I, захвативший Иконий [2, с. 38–41]. Несмотря на то, что удержать его «аль-Мезик аз захир»[1] не сумел, многие земли султаната оказались в очередной раз разорены.

Все это в совокупности однозначно сказалось на внутреннем положении Иконийского государства. Потеря султанами власти, экономическое разорение страны, постоянные набеги монголов привели к окончательной победе центробежных сил и фактическому распаду султаната на мелкие враждующие между собой бейлики и эмираты, практически независимые от центра [2, с. 40-41]. Еще в 1262 г. началось всколыхнувшее Анатолию восстание в Эрменаке, а в 1275 г. подняли голову пограничные джимри, захватившие вскоре даже Иконий. Некоторые эмиры открыто отказывались признавать власть Кей-Хусрева III, а некоторые, как Караман, объявляли себя румскими султанами [2, с. 37].

Таким образом, к концу 1270-х гг. в Иконийском султанате окончательно устанавливается феодальная раздробленность [6, с. 316], хотя номинально единое Румское государство просуществует до начала XIV века. Падение султанской власти полностью отвечало интересам Хулагуидов, позволив им, как и Джучидам на Руси, держать под контролем политически раздробленное пространство сельджукской Малой Азии, за исключением западных бейликов. Ослабление ближайшего восточного соседа и получение вследствие союза с Абакой помощи в разрешении проблем с сельджуками отвечало также и

[1] «Побеждающий царь», – так именовал себя Бейбарс I.

интересам Константинополя. Но, как ни странно, политический хаос в султанате таил даже более серьезную угрозу Византии, чем его стабильность. Этого не учел Михаил VIII.

После реформы и последовавшего за ней восстания воинов-акритов 1262 г., как отмечают византийские историки, охрана восточной границы империи стала ежегодно ухудшаться. Параллельно с бедствием, разорением и уменьшением количества акритов, по ту сторону границы возникало все больше независимых от Икония враждующих между собой бейликов, которые, из-за географического положения, были неподконтрольны даже Абаке. Поэтому, воспрепятствовать набегам западно-анатолийских беев на богатые византийские провинции, к тому же все слабее охранявшиеся, стало невозможно. Ситуация усугублялась еще и тем, что большая часть византийской армии, в том числе и малоазийских фемных ополчений, с 1259 г. была вынуждена практически ежегодно участвовать в военных действиях в Македонии, Греции, Эпире и Болгарии. По этой причине значительно ослабла вторая линия обороны, открыв турецким отрядам доступ к долине Меандра и даже некоторым прибрежным городам. И сельджуки не упустили свой шанс [14, p. 46-47].

Георгий Пахимер упоминает, что спустя много лет, в 1280 г. император, получив очередное известие о турецком набеге, *«… собрал наскоро войска, какие только были у него в то время под рукою»*, и немедленно отправился к бывшей ранее далекой от границы р. Сангара [1, с. 463]. Сплошную *«скифскую пустыню»* узрел Палеолог на месте цветущих во время его молодости мест, из-за чего, как пишет автор, *«… едва не выдрал у себя всех волос - ему чрезвычайно было жаль той страны»* [1, с. 463-464]. Быть может, в этих словах имеется литературное преувеличение, однако, о разорении и социально-экономическом упадке малоазийских провинций свидетельствуют и другие источники. Даже живший в XIV в. Григора с глубокой скорбью описывает византийскую Анатолию того времени [7, с. 132-137].

Пытаясь остановить вторжения турок, Михаил VIII не раз совершал карательные экспедиции, восстанавливал пограничную систему креплений, возводил засечные рубежи, однако, видимых успехов данные предприятия не принесли. В основном, по трем причинам. Во-первых, к 1280 г. почти исчез акритский оборонительный рубеж, во-вторых, свободных регулярных военных подразделений явно не хватало для обороны границы, а в-третьих, с 1270-х гг. разразился глубокий социально-экономический кризис, сказавшийся и на военном потенциале империи [12, p. 233-234]. И если в правление энергичного и деятельного Михаила VIII сельджуки лишь совершали грабительские набеги, не чувствуя себя абсолютно безнаказанными, то при его сыне Андронике II, занимавшемся философией более, чем политикой, вторжения турок постепенно сменились завоеваниями.

Таким образом, мы кратко рассмотрели основные этапы взаимоотношений Византии и Иконийского султаната в эпоху правления Михаила VIII в контексте международных отношений в Причерноморье и Восточном Средиземноморье второй половины XIII века. За этот период Константинополь прошел путь от проекта союза с Иконием (1259–1264) и гарантированно мирных отношений с султанатом с помощью династического брака (1265 – конец 1260-х) до агрессии со стороны неподконтрольных султанам и ильханам турецких бейликов (с 1270-х). Несмотря на то, что восточная политика Михаила VIII была успешной, политическое ослабление Иконийского султаната, в совокупности с ошибками внутренней политики первого Палеолога, предопределили начало завоевания жизненно важной для империи малоазийской территории турками-османами в конце XIII – начале XIV вв.

Список использованной литературы

1. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах /под ред. С.П. Карпова. СПб., 1862.
2. Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии, М., 1941.
3. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XV). М., 1966.
4. Ибн Биби. Сельджук-Намэ. – [Электронное издание]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Bibi/frametext1.htm. – (проверено: 13.08.11).
5. Культура Византии XIII – перв. пол. XV веков. / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991.
6. Мюллер А. История Ислама. От мусульманской Персии до падения мусульманской Испании. М., 2004.
7. Никифор Григора. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. СПб., 1862. Том I.
8. Рашид ад-дин Фазлаллах. Сборник летописей. – [Электронное издание]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_2/framepred.html. – (проверено: 13.08.11).
9. Смбат Спарапет. Летопись. – [Электронное издание]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Smbat_Sparapet/frametext.htm. – (проверено: 13.08.11).
10. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
11. Amitai-Preiss R. Mongols and Mamluks. The Mamluk-Ilkhanid war, 1260-1281. Cambridge., 1995.
12. Browning R. The Byzantine Empire. Washington, 1992.
13. Holt P.M. Early Mamluk Diplomacy (1260-1290). Brill., 1995.
14. Nicol M. D. The Last Centuries of Byzantium, 1261-1453. Cambridge., 1993.
15. The Cambridge History of Iran. Cambridge., 1968. P. 5. – The Saljuq and Mongol periods.

Summary

This article is devoted to the problem of relationship of the Byzantine Empire and the Sultanate of Iconium in the reign of Michael VIII (1259-1282). The author concludes that this problem is not rightfully disregarded in the historiography, since the policy in relation to Iconium, conducted by Michael VIII, had a great influence on the fate of the Byzantine Asia Minor.

А.А. Князьков

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVIII–НАЧАЛА XX ВВ. О РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ IX–X ВВ.

Русско-византийские отношения, история которых восходит к началу IX в. (если не считать контактов с отдельными, не охваченными государственностью племенами восточных славян ранее – о них свидетельствует, к примеру, описание в «Стратегиконе» Маврикия) и продолжалась до XV в., уже более двух веков активно изучаются отечественной и зарубежной наукой. IX-X века в истории этих отношений являются наиболее значимым этапом: именно в этот период контакты двух стран из случайных переросли в организованные, на смену конфликтам пришла система договоров, развитые дипломатические отношения, образование в столицах обоих государств небольших торговых подворий сторон.

Наконец, в конце X в. Киевская Русь преодолела один из самых серьёзных рубежей в своей истории – стала христианской державой[1]; огромную роль в этом сыграло византийское влияние, которое не только не сошло на нет после крещения, но и привело к активизации византийского культурного влияния. Русь перенимала религиозную, книжную, юридическую, живописную культуру Византии, взамен предоставляя империи услуги своих воинов, ставших к началу XI в. одними из лучших в Европе.

Однако, несмотря на важность русско-византийских контактов IX-X вв., особенно для становления Древнерусского государства, источниковая база по данной теме относительно скудна и очень противоречива. Это породило обширную и ещё более противоречивую историографию, в которой стремление к научной истине зачастую уступает место патриотическим чувствам исследователей или политической конъюнктуре. Соответственно, произвольно трактуются источники, производится их фильтрация под заранее избранную историографическую концепцию, допускаются искажения текста источников. «Неудобные» исследователю источники объявляются неточными, недостоверными или ангажированными.

Между тем, имеющаяся источниковая база русско-византийских отношений ставит перед исследователями ряд серьёзнейших проблем. Начать следует с того, что первым историкам требовалось вводить в оборот источники и сравнивать их между собой – ведь неточность русских летописей, единственного источника, бывшего у них под рукой изначально, очевидна. Далее, такое сравнение поставило бы ряд серьёзных вопросов. Анализ источников и обоснование каждого из этих вопросов – это предмет для отдельной крупной статьи; вкратце, основные проблемы, которые ставят перед историографией имеющие свидетельства, таковы:

a) Существовали ли контакты Руси и Византии до 860 г.?

b) Как протекал и чем завершился поход 860 г. – поход Аскольда и Дира? Сколько было крещений киевской знати после этого события и как они повлияли на последующее развитие религии на Руси?

c) Имел ли место поход Олега в 907 г. и договор 907 г.? Если нет, то чем объяснить равноправный и повышающий международный авторитет Руси договор 911 г.?

---

[1] Едва ли правомерно будет говорить, что Русь христианизировалась при патриархе Фотии, который, действительно, сыграл непосредственную роль в крещении какой-то части русской правящей знати времён, которые по летописной традиции принято связывать с именами Аскольда и Дира. Вместе со сменой династии, по крайней мере, правящие круги Киева безусловно отошли от христианства. Сведения о крещении Аскольда даже не попали в первые летописи; вновь найдены они были уже религиозно-ориентированными летописцами XVI в.

d) Чем был вызван и чем завершился поход Игоря 941 г.? Имел ли место «реванш» 944 г. и, если нет, как объяснить ещё один взаимовыгодный договор 945 г.?

e) Когда приезжала в Константинополь Ольга, там ли она крестилась? Если нет, оказало ли её крещение какое-либо влияние на внешнюю политику Руси?

f) Как развивались события вокруг византийско-русско-болгарской войны 967-971 гг.? Если доверять сообщению Льва Диакона, писавшего вскоре после этих событий, как объяснить ещё один взаимовыгодный договор 971 г.?

g) Как развивались русско-византийские отношения во времена Ярополка, а также в другие периоды мира между двумя государствами (911-943 гг., 945-966 гг.)? Чем объяснить ничтожное количество войн за целое столетие между двумя государствами, чьи интересы непрерывно сталкивались?

h) Происходили ли серьезные контакты Владимира и Византии до 988 г., например, визит «философа» и ответное посольство, изучавшее православную веру?

i) Что произошло в 987-990 гг.? Имели ли место поход на Херсон, крещение Владимира в Херсоне, женитьба Владимира и Анны, военная помощь Владимира Василию II в подавлении мятежа? Как связаны между собой эти события?

j) Существовала ли последовательная стратегия Византии в отношении Руси и Руси в отношении Византии, или связи двух стран носили случайный характер?

В данной статье предпринята попытка анализа существующей историографической базы русско-византийских отношений и её систематизации, начиная с периода возникновения отечественной историографии как таковой. Итогом такого рассмотрения должны стать выводы относительного того, на какие вопросы из числа тех, что логически следуют из источников, представители дореволюционной историографии смогли ответить, а какие остались нерешёнными.

1. Историография XVIII – первой половины XIX вв.

Сложно провести грань, отделяющую русскую летописную традицию от исторической науки; последние летописи писались параллельно с появлением того, что считается «полноценными» историческими трудами. «История Российская» Василия Никитича Татищева (законченная около 1739 г.) вобрала в себя множество летописных традиций. Тем не менее, в первой части труда проводится уникальное для своего времени аналитическое рассмотрение вопросов древнейшей истории Руси по пунктам: язык, религия, источниковая база и т.д.; В.Н. Татищев подробно останавливается на самом загадочном своём источнике – «Иоакимовской летописи», о «сведениях» которой следует сказать особо.

Общепринят в отношении труда В.Н. Татищева термин «татищевские известия» - факты, присутствующие в его труде и отсутствующие ещё где-либо [16, с. 101], достоверность которых принято оспаривать[2]. Часть таких известий В.Н. Татищев приписывает «летописи Иоакима», якобы написанной первым новгородским епископом Иоакимом Корсунянином (ум. в 1030) [19, 1, с. 51]. О русско-византийских отношениях Иоакимовская летопись даёт целый ряд новых сведений, тем более ценных, если считать её написанной их современником. Развитие этих отношений в Иоакимовской летописи описано следующим образом:

- Князя Дира не было; поход на Константинополь, известный по всем остальным русским летописям как поход Аскольда и Дира, совершает только Аскольд и оказывается разбит бурей, как и в ПВЛ [19, 1, с. 55]. Далее пропущено два листа; следующая сохранившаяся страница начинается со слов о Михаиле, идущем на болгар (очевидно, имеется в виду Михаил III, но

[2] Так, критическое отношение к ним высказывает Б.А. Рыбаков [16]. Существует, впрочем, и точка зрения о полной последовательной фальсификации Татищевым всех известий, которая, однако, может показаться слишком тенденциозной: тем не менее, её отстаивает в своей монографии на эту тему А.П. Толочко [4].

Татищев почему-то считает, что это митрополит Михаил, и на этом строит свою догадку о содержании пропущенных страниц – на них могли быть сведения о крещении Аскольда).

- Олег «*ходил воевать на греков морем и принудил тех мир купить*» - без подробностей.
- Судя по всему, о походе Игоря на Константинополь в летописи говорится в соответствии с ПВЛ (такие места Татищев опускает, перечисляя, о чём они).
- Ольга «*научена бывши от пресвитеров, бывших в Киеве, вере Христове, но крещения народа ради принять не могла. Сего ради пошла… ко Цареграду и, приняв там крещение, со многими дарами и честию от царя возвратилась в Киев*». Ольга уговаривает Святослава принять крещение, но тот отказывается и, напротив, казнит многих крестившихся по её примеру вельмож.
- После смерти Ольги в Переяславце Святослав воюет, «*не единожды побеждая*», но постепенно теряя всё своё войско. Своё поражение он сваливает на христиан, бывших с ним в войске, убивает даже своего крещёного брата Глеба; в итоге христиане возвращаются-таки домой, а Святослав с ближайшим окружением, идя в Киев с намерением «*всех христиан изгубить*», погибает от рук печенегов – «*так вот и принял казнь от Бога*» [19, 1, с. 57].
- Владимир принимает крещение после того, как идёт на болгар: «*принял крещение сам, и сыновья его, и всю землю Русскую крестил*». Болгарский царь Симеон даёт Владимиру священников и книги; Владимир посылает в Константинополь с просьбой о митрополите, те присылают Михаила со священниками. (Кроме того, Татищев додумывает, что Анна, вероятно, была болгарской принцессой [19, 1, с. 69]).

Вопрос подлинности Иоакимовской летописи вызывает разногласия. Подделка её самим В.Н. Татищевым представляется маловероятной просто из соображений здравого смысла: кажется маловероятным, чтобы историк-энтузиаст был настолько изощрён, чтобы без серьёзных на то оснований полностью сфабриковать историю попадания рукописи к нему в руки и мелочи, встречающиеся в его пересказе, вроде «*житие Владимирово описано со многими пирами и веселиями, которые нас не интересуют*». Тем не менее, принадлежность сведений митрополиту Иоакиму также кажется спорной. Иоаким прибыл из Корсуня в 989 г. [15, с. 72] и, значит, должен быть осведомлён о событиях войны 970-971 гг. на том же уровне, что и его современник Лев Диакон: он мог знать о них хуже, но едва ли мог быть осведомлён о победах Святослава, которых в действительности не было, согласно обстоятельному византийскому историку. Репрессии против христиан при жизни Ольги также выглядят сомнительно; да и антихристианская агрессия, если она играла столь важную роль на финальном этапе войны, должна была отразиться в подробных историях, написанных о ней. Разумеется, традиция «былины о победоносном Святославе» (отражённая в ПВЛ) могла сложиться уже тогда, и Иоаким мог её механически вписать (ведь спорные 907 и 945 гг. у него соответствуют ПВЛ); но тогда вряд ли он сам бы сочинил совершенно другую и столь же сомнительную концовку.

Все сведения Иоакимовской летописи о русско-византийских отношениях так или иначе связаны с христианством на Руси и преуменьшением роли Византии в его распространении. Крещение Аскольда, впрочем, домыслено туда Татищевым; однако, по летописи, Ольга крестится в Киеве, а не в Константинополе; Святослав репрессирует христиан и получает по заслугам; упоминается (без связи с Византией) о христианских симпатиях Ярополка - «*сам не крестился народа ради, но никому не запрещал*» [19, 1, с. 57] (Татищев позже от себя додумывает: «*Ярополка склонность к христианству – причина погибели его*» [19, 1, с. 68][3]); Владимир также крестится самостоятельно без участия Константинополя. По отдельности эти сообщения могут быть правдивы и даже могут кое-что дополнять к сведениям известных нам источников – но все вместе они слишком откровенно следуют одной и той же тенденции. Следует вспомнить, что в известной Никоновской летописи XVI в. уже отчётливо

[3] Существует точка зрения о христианстве Ярополка, которая, однако, не подтверждается ни одним источником и служит предметом исключительно для некоторых научных реконструкций, например, таковой, проведённой А.В. Назаренко и М.Ю. Брайчевским.

прослеживаются про-христианские тенденции – более того, её анализ позволяет утверждать, что летописец провёл серьёзную работу, чтобы дополнить привычные сведения из ПВЛ подробностями о раннем русском христианстве. Таким образом, очень сомнительно, что Иоаким – автор приписываемого ему труда; более вероятно, что летопись создана в XVI-XVIII вв. и, таким образом, является подделкой. Однако, сведения «Иоакима» нельзя полностью отрицать: составитель Никоновской летописи благодаря стоявшей перед ним задаче разыскал ряд ценных малоизвестных фактов, и «Иоаким» вполне мог поступить так же. Лишь некоторые (о Святославе, Ярополке) выглядят откровенной фальшивкой.

Помимо пересказа Иоакимовской летописи, В. Н. Татищев, естественно, обращается к русско-византийским отношениям самостоятельно как в первой (вводной), так и второй (летописной с примечаниями) частях работы. Он вводит в оборот немалое количество иностранных источников, указывая их данные в примечаниях, это – итальянский историк XVI в. Цезарь Бароний, окружное послание Фотия [19, 1, с. 50], Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Лев Грамматик [19, 2, с. 584], Лиутпранд Кремонский [19, 2, с. 599], Титмар Мерзебургский [19, 2, с. 621]. Подход к источникам у Татищева бессистемен: он часто даёт противоречивую информацию, не делая из неё определённых выводов [19, 1, с. 50; 2, с. 606], иногда пытается анализировать, причём делая верные и тонкие выводы [19, 2, с. 594; 2, с. 612-613]; иногда замалчивает данные источников (демонстрирует знакомство с Кедрином, однако, не приводит никаких альтернативных версий похода Святослава, давая единственную альтернативную версию в описании конца похода по Зонаре и Баронию [19, 2, с. 609]). Что касается собственно пересказа текста летописи, которым, в основном, является вторая часть «Истории», Татищев в ряде случаев считает нужным вносить свои изменения в этот текст. Это: корректировки по «Иоакиму» (непоследовательные – дана корректировка по крещению Ольги [19, 2, с. 39], но нет данных об антихристианстве Святослава); уточнения для усиления логичности текста[4]: «*и потом продолжилось рассуждение к совершённому исполнению чрез целый год… Владимир положил намерение летом идти на Корсунь и там просить у царя в жену себе сестру их*» [19, 2, с. 51]; корректировки с морализаторской целью (убраны описания жестоких казней, резкости в поведении князей, к некоторым статьям добавлены поучительные подзаголовки); дополнения без приведённого источника (так, под 967 годом Татищев дополняет сведения о захвате болгар, описывая военный манёвр у Днестра, позволивший Святославу победить; кроме того, в начале войны встречаются ещё два неожиданных сведения – Святослав уходит из Киева в 971 г., и перед взятием Переяславца болгарский флот нейтрализует воевода Волк [19, 2, с. 35-41]). Есть даже один случай, когда Татищев искажает летопись, неверно её переписав: вместо «четырёх коней», которых Владимир вывозит из Херсона, прочитав «иконы», Татищев повторяет, что «иконы» «*ныне стоят за святою Богородицею*», но опускает летописное «*невежды думают, что они мраморные*», так как это вряд ли возможно с иконами [13, с. 189; 18, 2, с. 54].

Труд Татищева, безусловно, стал во многих отношения серьёзным шагом в развитии отечественной историографии и подходе к анализу летописной истории. Тем не менее, у Татищева есть вполне определённые взгляды на «правильное» изложение истории, из-за которых описание, в частности, русско-византийских отношений IX-X вв. подвергается искажениям: помимо «морализаторских» и «логических» правок, Татищев сознательно

[4] Так, при пересказе событий 941 г. Татищев вместо «10000 кораблей» пишет «*войско великое*»; в текст вводятся объяснения (что такое фара, что такое греческий огонь и для чего он использовался); при описании договора 945 г. додумывается «история создания» - то, как император опирался на предшествующий договор с Олегом. Также: ср. летописное «*и сказал Владимир гражданам: если не сдадитесь, то простою и три года*» [13, с. 186] и татищевское «*и послал Владимир ко гражданам объявить, чтобы город отдали, обещая их всех помиловать; а если не отдадутся, не явить никакой милости и не отступать от града хоть три года, пока не возьмёт*»; это не единственная подобная длиннота. Также, при описании начала событий 988 г. Татищев додумывает отсутствующую в летописях связку между решением креститься «где любо» и походом на Корсунь.

замалчивает известные ему жестокости росов и неудачи Святослава. Тем не менее, количество введённых в оборот источников и сравнительная (по сравнению с летописями) упорядоченность изложения делает труд В.Н. Татищева очень важным для историографии русско-византийских отношений.

Подход М. В. Ломоносова, чья работа посвящена ранней истории Руси, выглядит куда более примитивным. Ломоносов сразу же признаёт, что опирается на данные «*достоверных наших летописателей*» [12, ч. 1, гл. 1-3], в основном, Нестора, и преданно им следует; его мнение о правлении на Руси (необходимость сильного правителя), в целом, совпадало с татищевским, но взгляд на историю был ещё более упрощённым[5]. Несколько раз за свою «Историю» Ломоносов, однако, демонстрирует критическое отношение к летописи, комментируя и дополняя её. Кратко рассказывая (гл. 5), как Ольга крестилась в Константинополе, он признаёт легенду о сватовстве императора «*маловероятным обстоятельством*» [12, ч. 2, гл. 5-6], хотя и делает чуть позже странный вывод о сватовстве императора – «*то учинено было Ольге в насмешку*». Второй, более ценный для историографии случай, - обращение к греческим источникам о походе Святослава (также в гл. 5); Ломоносов пересказывает версию событий из Скилицы (взятую из имевшего тогда большее хождение Кедрина, на которого автор прямо ссылается). Тем не менее, Ломоносов корректирует эти сведения по Нестору (рассказ об обмане греков с целью узнать численность войска Святослава; численность войска Иоанна Цимисхия – летописные 100 тыс., речь Святослава «Когда голова моя ляжет» и т. д.) Пересказав историю выбора веры Владимиром, Ломоносов дополняет её сведениями из редкого источника – «Андрея Вышоваты»[6] о «*половчанине Иване Смираме*», который совершил путешествие, крестился в Александрии и оттуда написал Владимиру письмо о пользе крещения [12, ч. 2, гл. 7-8]. На источники – Кедрина, Сборный Временник – Ломоносов ссылается бессистемно и нерегулярно; можно заметить, что также он пользовался какими-то хронографами [12, ч. 2, гл. 1-4]. Можно заключить, что роль Ломоносова в изучении русско-византийских отношений невелика; его главное достижение – введение в русскую историографию сведений византийцев о походе Святослава, которые В. Н. Татищев сознательно замолчал из патриотических соображений.

Труд М. М. Щербатова «История Российская от древнейших времён» был написан ненамного позже ломоносовского; однако, он куда серьёзнее подходит к использованию источников, осмыслению исторических процессов. В том, что касается русско-византийских отношений, он, впрочем, в лучшем случае пытается уточнять некоторые мелкие детали. К примеру, считая, что «*некоторым удивительно покажется, зачем Олег… употребил толикой труд, чтобы влечь за собой суда*», он обосновывает это тем, что древние воинства в любом случае вытаскивали свои суда на сушу, выходя на берег [25, с. 202-203]; кроме того, Щербатов высчитывает точное количество воинов и, соответственно, сумму дани (960000 гривен) и пытается уточнять другие детали. Чуть больше самостоятельности проявляет Щербатов при обсуждении посольства Ольги. Сравнивая источники между собой и стремясь увидеть в них отражение реальных исторических фактов, Щербатов делает выводы, что сватовство императора имело место с политическими целями («*политические виды, которые, конечно, могут и престарелому лицу красоту придать*»), и что посольство латинян провалилось из-за противодействия со стороны Константинополя. При пересказе летописной версии походов Святослава Щербатов привлекает взятые, как обычно, из пересказов в исторических книгах детали из греческих источников - например, посольство Калокира, пленение царя Петра,

---

[5] События похода Аскольда и Дира (гл. 1), похода Олега (гл. 2), походов Игоря (в гл. 3), убийства варягов (гл. 7), выбора веры (гл. 8), похода на Херсон (гл. 8) пересказываются по ПВЛ; единственное, что делает Ломоносов, - уточняет даты в переводе на современное летоисчисление, опираясь на ПВЛ и (иногда) греческие данные. Как и Татищев, Ломоносов видит в летописи связь между «выбором веры» и походом в Корсунь, на которую там прямо не указывается (гл. 8).

[6] На самом деле это комментарии к «Nucleus historiae ecclesiasticae Christophori Sandi» - «Ядру церковной истории Христофора Занда», где рассказана история о письмах Владимиру о вере половчанина Ивана Смера. Легенда о Иване Смере поддерживалась поляками в средневековье.

углубляясь в типичном для себя стиле в мелкие детали [25, с. 226-237], однако, делая вывод о справедливости византийской, а не русской версии событий [25, с. 235]. Позиция М. М. Щербатова по отношению к крещению Руси восторженная, и описывается оно по столь же восторженной Никоновской летописи [25, с. 259-263]. Труд Щербатова может быть охарактеризован как ценная для историографии, но не слишком удачная попытка ввести более последовательную методологию в исследование Древней Руси и русско-византийских отношений в частности.

«История государства Российского» Н. М. Карамзина, как известно, сыграла серьёзную роль в просвещении российского общества и популяризации летописной истории. Тем не менее, позиции, с которых Карамзин смотрел на исторический процесс, мало чем отличаются от ломоносовских: по сути, его событийная линия – такая же история цепочки правителей. Все вехи русско-византийских отношений Карамзин разбирает обстоятельно, с привлечением иностранных данных и попыткой найти причинно-следственные связи в летописных событиях. Так, об Аскольде и Дире он предполагает, что первоначально они пошли в Константинополь, чтобы «*служить императору*»; мысль о войне пришла им в голову после захвата Киева. Со ссылкой на Окружное послание Фотия, труды Константина Багрянородного Карамзин пишет о крещении росов [9, гл. 4]. Описывая княжение Олега, Карамзин предполагает: «*Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира*»; он использует византийские данные о росских отрядах в византийской армии, предполагает наличие религиозной пропаганды. Описывая поход, Н. М. Карамзин выявляет в летописи непонятные места, постоянно обращается к византийским источникам с целью полноты картины[7]. Тем не менее, условный рассказ летописи служит Карамзину поводом для прорусских выводов: если византийцы действительно пытались отравить князя, то «*не Россиян, а Греков должно назвать истинными варварами X века*». Приводя текст договора 911 г., Карамзин делает вывод о сравнительно высоком культурном уровне людей, его заключивших (аналогична и оценка 944 г.) [9, гл. 5-6]. Найдя у Лиутпранда свидетельство очевидца о казни воинов с Руси, он морализирует: «*варварство ужасное! Греки, изнеженные роскошию, боялись опасностей, а не злодейства*» (жестокости войска Игоря он, как и Татищев, упоминает вскользь и оставляет без подобных комментариев). При описании визита Ольги Карамзин впервые в русской историографии обращается к трактату «О церемониях» Константина Багрянородного; в сватовство императора он не верит; из истории о грубости Ольги по отношению к послам делает вывод, что приёмом она осталась почему-то недовольна [9, гл. 7].

Святославом Н. М. Карамзин восхищается, ещё в предисловии обозначая его войны как одно из замечательнейших явлений русской истории. Тем не менее, Карамзин склонен доверять более византийской, нежели русской истории похода 970-971 гг., «*предпочитая истину народному самохвальству*», и отмечает несообразность успехов князя с результатами войны в летописной версии и обстоятельность, подробность греческих описаний. Хотя Н. М. Карамзин не упоминает имени Льва Диакона, детали его рассказа (история переговоров Святослава с Цимисхием, количество императорских войск и т. д.), безусловно, свидетельствуют о знакомстве с этим источником – впервые в отечественной историографии; при этом, он использовал и Скилицу-Кедрина[8]. В нападении печенегов и гибели Святослава Н. М. Карамзин винит византийцев, которые, как он предполагает, их предупредили, ведь «*тогдашняя политика Императоров не знала великодушия*» [9, гл. 7]. В историю о «выборе веры» Карамзин верит, полагая, что летописцы писали вскоре после того, как происходили эти события; кроме того, посольства к грекам и католикам подтверждаются «*известиями одной Греческой древней рукописи*» (?). Он пересказывает события взятия Херсона и крещения по летописи, пытаясь,

[7] Присутствуют и попытки реалистичного объяснения легендарных моментов: корабли идут по суше - воины просто тащили корабли, а не вели их на колёсах под парусом.
[8] Например, оттуда взят афоризм императора о склонности византийцев к благодеяниям.

однако, придать действиям обеих сторон логичности: согласие на брак со стороны императоров он объясняет их надеждами на помощь Владимира в борьбе с мятежом [9, гл. 9].

Таким образом, к описанию Н. М. Карамзиным русско-византийских отношений IX-X вв. можно отнестись двояко. С одной стороны, он выступает с куда менее прогрессивных позиций, чем М. М. Щербатов, всегда стремясь, прежде всего, оценить личность князя; но он обладает безусловным талантом историка и рассказчика, не отвлекаясь на детали и не следуя слепо за летописью, а обращаясь к иностранным источникам, в том числе, неизвестным ранее. Труд Н. М. Карамзина завершил важный этап отечественной историографии.

Незаконченная[9] «История русского народа» Николая Алексеевича Полевого была попыткой найти альтернативный подход к русской истории по сравнению с Карамзиным, с учётом огромной популярности последнего; вообще, всех своих главных предшественников Н. А. Полевой довольно зло и язвительно критикует [14, гл. 31-35], особняком ставя Карамзина, которого выделяет благодаря «*уму, знаниям, просвещению*», но критикуя за то, что тот писал историю «*государей, а не государства, не народа*» [14, гл. 35-36]. Византию времён IX-X вв. Н. А. Полевой полагает слабым, сокрушённым варварами, опустившимся по сравнению с античными временами, терпящим культурный упадок государством, ориентируясь на Гиббона; он взирает на неё и её правителей явно свысока[10]. Ключевым вектором византийской политики Полевой считает опору на варваров: он уточняет, что состав византийской армии и её внешняя политика (сталкивание соседей между собой) служат тому доказательством [14, гл. 86]. Тем не менее, подход Полевого позволяет ему иногда давать очень меткие характеристики. Зная о событиях 860 г. только по искажённым сведениям летописи, он догадывается, что действительной причиной отступления Аскольда и Дира была малочисленность и неорганизованность их армии [14, гл. 91-92]. Впервые в русской историографии он критически подходит к летописному рассказу о походе 907 г., видя его связь с фольклором – скандинавскими поэмами, античным эпосом [14, гл. 116], и задавая прямой вопрос: «*Точно ли совершил Олег поход сей?*». Вывод Полевого довольно логичен – не имея возможности полностью отвергать факт похода, он в нём сомневается, не сомневаясь, впрочем, в подлинности договора 911 г. [14, гл. 118-119] Автор пытается искать связи между сообщениями летописей и Константина Багрянородного о приёме Ольги, отмечая в описании императора детали, которые могли привести к отражённому в летописи недовольству княгини [14, гл. 159-160]; о сватовстве императора он упоминает вскользь как о «*сказке*». Описывая походы Святослава, он впервые в русской историографии прямо ссылается на Льва Диакона [14, гл. 169] и более подробно, чем Н. М. Карамзин, использует его данные. Пытаясь обосновать поход на Херсон, Н. А. Полевой решает, что Владимир впервые попросил руки Анны ещё до этого, и пошёл в поход вследствие отказа [14, гл. 218]. Кроме того, Полевой не ограничивает себя летописными данными, привлекая данные по службе росов в византийской армии и ранней торговле двух государств [14, гл. 93, 142], по размеру и организации русского флота [14, гл. 120-121]. Он подробно анализирует русско-византийские договоры, историю постепенной христианизации Руси [14, гл. 136-137, 241-242].

Таким образом, в описании русско-византийских отношений Н. А. Полевой, уступая своему оппоненту Н. М. Карамзину в лёгкости изложения, куда в большей степени может претендовать на звание учёного, аккуратно проставляя ссылки и прорабатывая обширный материал.

Помимо работ В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и Н. А. Полевого, чьё влияние на историографию России общеизвестно, до С. М. Соловьёва были и другие русские авторы, пытавшиеся писать об отечественной истории. Н. А. Полевой в историографическом обзоре приводит ряд прочно забытых к настоящему моменту имён – Эмин,

[9] За 1829-1833 гг. было написано 6 томов из планировавшихся 12-ти.

[10] Так, Михаила III он называет малодушным, безумным, развратным; Никифора Фоку – скупым, суровым, нелюбимым двором. Впрочем, Константину Багрянородному и Иоанну Цимисхию даются позитивные характеристики.

Нехачин, Елагин, Глинка – с уничижительными характеристиками их работ. Для полнейшего понимания русской историографии этого периода следует остановиться на нескольких работах, в чём-то важных или типичных для своего времени.

А. Я. Хилков. Полевой называет Андрея Яковлевича Хилкова в качестве первого из русских историков [14, гл. 31] – тот работал в начале XVIII в. и умер в 1718 г.; его «Ядро российской истории» было издано в 1770 г. Г. Ф. Миллером, после чего несколько раз переиздавалось. Хилков пользовался в основном шведскими и польскими историческими трудами (он служил послом в Швеции), а также, естественно, опирался на летописи. Русско-византийские отношения описываются им вкратце и с искажениями (по сравнению с летописями): так, в эпизоде с Аскольдом и Диром молится и окунает в море ризу почему-то патриарх Сергий [22, с. 28-29]; поход 944 г. не упоминается [22, с. 34-35]; крещение Ольги связывается, как в житиях, с Иоанном Цимисхием [22, с. 38]; взятие Херсона относится к 987 г. [22, с. 46] и так далее. Тем не менее, Хилков уже делает попытки что-то трактовать (например, рассказывая о сватовстве императора к Ольге, делает отступление о роли династических браков в мировой истории); да и сама идея сделать «выжимку» главного из русской истории имеет для историографии ценность.

И. М. Стриттер (Штриттер) издал несколько крупных работ по российской истории: это свод «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времён» в четырёх томах (1770-1775) [7], и трёхтомная история России (1800-1803). Полевой утверждает, что собственная история Стриттера «*не имела достоинств даже верной летописи*» [14, с. 31]. Куда интереснее другое издание: многотомный свод византийских источников по истории Руси. Он хоть и чрезвычайно (если судить с современной точки зрения) неполон, но является первым опытом такого рода, полноценного аналога которому нет до сих пор. Во вступлении к «росско-варяжскому» тому Стриттер пишет о том, что целый ряд сведений не находит аналогов в русских летописях, в первую очередь, свидетельства о службе росов в византийской армии [7, с. 2-3]. Имея в распоряжении, в основном, однобокую традицию хронистов[11], переписывавших друг у друга одно и то же, Стриттер во введении, тем не менее, пытается обрисовать картину именно русско-византийских связей исключительно по византийским данным [7, с. 7-12] – впервые в русской историографии.

Деяний церковных и гражданских, от рождества Христова до половины пятого на десять столетия. Это издание вышло в свет в 1794 г. в Петербурге и было переиздано в 1802 году в Москве [5]. Оно имело определённое хождение в дворянских кругах; видимо, из подобного рода литературы и черпались сведения о русской истории вплоть до выхода популярной истории Н. М. Карамзина. Открываясь фразой «*Георгия Кедрина история…*», этот труд представляет собой, по большому счёту, перевод-пересказ исторической хроники Георгия Кедрина и живших после него византийских историков (без указания, где заканчиваются сведения одного из них и начинается перевод другого). Здесь пересказываются, помимо прочего, истории о приходе «*скифского народа*» при Фотии и последующем его крещении, о крещении Ольги (очень коротко) и, наиболее подробно (как и у Кедрина), - о войне со Святославом. В последнем сюжете присутствует редкое проявление «самостоятельности» составителя – говоря о городе Переяславе, сочинитель делает примечание, что «*здесь Переяслав назван, сообразно с греческим подлинником; у других писателей именуется сей град Переяславец, как-то у г. Ломоносова в «Российской истории»*». Однако же, продемонстрировав своё знакомство (через М. В. Ломоносова) с летописной версией военных действий, в дальнейшем автор продолжает пересказывать Кедрина. То, что уже после появления работ В. Н. Татищева и М. М. Щербатова подобные хаотичные и грубые труды имели большее хождение, лишний раз свидетельствует о важности просветительской роли «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

---

[11] Стриттер приводит сведения следующих авторов: Лев Грамматик; Аноним Бандури; Константин Багрянородный; Продолжатель Феофана; Георгий Кедрин; Георгий Амартол; Иоанн Скилица; Иоанн Зонара; Симеон Логофет; Иоанн Киннам; Георгий Акрополит; Никита Хониат; Георгий Пахимер; Никифор Григора; Иоанн Кантакузин; Михаил Глика; Кодин; Дука; Лаоник Халкокондил.

Таким образом, отталкиваясь от поднятых в начале данной работы вопросов, можно заключить, что русская историография вплоть до второй половины XIX в. не решила ни одного из них. Все историки, включая самых талантливых и старательных, продолжали придерживаться в большей или меньшей степени пересказа летописной истории – иногда уточняя какие-то детали или предпринимая робкие попытки подвести их под концепцию, ограничивающиеся, впрочем, больше предположениями о тех или иных векторах, чем упорядочения всех имеющихся данных в рамках единой концепции, что не удалось даже самому талантливому аналитику этой эпохи Н.А. Полевому. Историография рассмотренного периода подарила учёным последующих десятилетий базовую историографию и подняла некоторые простейшие вопросы, вроде достоверности похода 907 г., которые, тем не менее, не были решены удовлетворительным образом.

2. Российская историография 2 половины XIX – начала XX вв.

Поворотным пунктом в развитии русской историографии в целом стала «История России» Сергея Михайловича Соловьёва. Скрупулёзность и серьёзность авторского подхода, обстоятельность работы[12] были уникальны по сравнению с подходом всех предшествовавших авторов. Каждое из известных событий русско-византийских контактов С. М. Соловьёв анализирует дотошно. Он подробно рассматривает причины похода Аскольда и Дира, делая из условного, по его мнению, рассказа летописи выводы о заселении и этническом составе населения всех основных регионов тогдашней Руси. Впрочем, учёный не знаком со всей источниковой базой – ему неизвестны свидетельства очевидца событий патриарха Фотия, а доступна только амартоловская версия событий 866 г. [18, 1, гл. 5]. Этнический вопрос интересует Соловьёва и в отношении похода 907 г.: не интересуясь сравнением источников и возникающими вследствие этого вопросами о достоверности похода, он критикует летопись в другом смысле – «*историк не имеет обязанности принимать буквально этот счет, для него важен только тон предания… из которого видно, что предприятие было совершено соединенными силами всех племен, подвластных Руси, северных и южных, а не было набегом варяжской шайки*» [18, 1, гл. 5]. Аналогичен подход Соловьёва и в других случаях: он пользуется самыми ходовыми летописными сведениями и иностранными источниками [18, 1, гл. 6], вскользь упоминая ценность летописи для характеристики народного представления о той или иной личности или пытаясь мотивировать основные события, не очень, впрочем, глубоко[13]. Можно подытожить, что достоинства С. М. Соловьёва как скрупулёзного историка при рассмотрении русско-византийских отношений проявились в детальном рассмотрении этнических и географических проблем (например, говоря о войнах Святослава, Соловьёв ни на чём не останавливается столь подробно, как на географическом положении Переяславца и его роли; при анализе выбора вер также концентрируется на геополитических преимуществах той или иной религии [18, 1, гл. 7]). В остальном охват источников, как и трактовки основных летописных сведений, у Соловьёва неглубок; однако не стоит забывать о просветительской роли его «Истории», в которой подобный критический, но поверхностный подход был даже необходим.

Наиболее авторитетным оппонентом-современником С. М. Соловьёва был Николай Иванович Костомаров; не написав полной русской истории, он, тем не менее, затронул русско-византийские отношения, в частности, в работе «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» (ок. 1872). К летописям Костомаров, сторонник «истории народа» и критического взгляда на источники, подходил скептически: «*наши первые летописцы… не*

---

[12] Труд издавался в течение более чем двух десятилетий, с 1851 по 1879 гг., а писался около 30-ти.

[13] Хотя есть и свежие мысли: к примеру, Соловьёв предполагает, что искажённый летописный рассказ о походе Святослава сложился «*на рассказах Свенельда и немногих товарищей его, возвратившихся в Киев после гибели Святославовой*».

имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям» [11, гл. 1]. Рассматривая предпосылки возникновения русского христианства, он определяет роль контактов с Византией как полезную, «образовательную». Вместе с приходом христианства и именно благодаря Византии «*перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности*». Легенду о принятии христианства Костомаров безусловно считает «баснословной»: «*достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анной, сестрою императоров: Василия и Константина*» [11, гл. 1]. «*По всем вероятиям*» он заключает, что крещение произошло в Херсоне. Костомаров – один из первых учёных, занявших в рассматриваемом вопросе провизантийскую позицию.

По масштабам роли в русской историографии рядом с С. М. Соловьёвым, в первую очередь, можно поставить Василия Осиповича Ключевского, чей «Полный курс русской истории», проникнутый социологическим подходом, издавался по более ранним наработкам с 1904 г. Ключевский серьёзно подходит к источникам: главными среди иностранных он справедливо называет Фотия, Константина Багрянородного, Льва Диакона, скандинавские саги (новшество), а также арабов [10, гл. 90]; анализ летописей также чрезвычайно глубок, начиная с поисков источников летописных сведений и заканчивая классификацией сведений по стилистике (например, Ключевский особо выделяет рассказ о крещении Руси, отмечая его «полемической» проправославный характер, и даже датирует его началом XII в. на основании деталей, встречающихся в тексте [10, гл. 98]). Подход Ключевского к описанию событий ранней княжеской истории Руси также отличается новаторством. Он не пересказывает летопись в соответствии с последовательностью княжений, что механически повторил за всеми своими предшественниками С. М. Соловьёв, но подытоживает летописные данные, делая выжимку необходимых фактов: количество столкновений, основные мотивы (которые, по Ключевскому, сформировались в неизменном виде вместе с первым же набегом Аскольда и Дира [10, гл. 167-168]). Основной мотивацией походов, по Ключевскому, была торговля; как итог, он описывает своё видение торговых отношений Руси и Византии в X-XI вв., в основном, опираясь на сохранившиеся в летописях договоры [10, гл. 168-169]. Особо он отмечает роль договоров как памятников раннего русского права, хотя и с сильным византийским влиянием (которое также анализируется с привлечением примеров из разных договоров и филологического анализа). Даже останавливаясь на русско-византийских отношениях довольно бегло, В. О. Ключевский всё равно выглядит в их рассмотрении выдающимся новатором; да и в целом его труд создал куда более полную картину жизни и развития ранней княжеской Руси, чем это удалось кому-либо из его предшественников.

Труд М. С. Грушевского «Істория України-Руси» (законченный около 1895 г.) в советской историографии было принято считать ещё более реакционным образцом проукраинской историографии, чем вышедшие чуть раньше работы Н. И. Костомарова. Грушевский целенаправленно писал историю именно Украины и приурочил её создание к «*столетию национального возрождения*» [4]. Помимо главного проукраинского вектора, для М. С. Грушевского характерен весьма критический подход к источникам, в том числе – к ПВЛ. О походе 860 г. он упоминает кратко для демонстрации «комбинаторского» стиля работы русских летописцев, которые переиначили предполагаемую Грушевским историю первой киевской династии Кия-Аскольда-Дира, привязав её к походу, сведения о котором были позаимствованы из византийских источников [4, с. 341-342]. Грушевский хорошо осведомлён об источниках по ранней истории внешней политики Руси, таких, как арабские авторы и византийские жития; он широко оперирует источниками в трактовке русско-византийских столкновений, к примеру, считая, что история о ризе Богородицы применительно к походу 860 г. была позаимствована из легенды об осаде Константинополя аварами в 626 г. [4, с. 358] На основании данных о ранней дипломатии Руси М. С. Грушевский делает вывод о достаточно широком политическом

кругозоре Руси; инициативу в развитии дипломатии М. С. Грушевский отдаёт византийцам, которые, по его мнению, испугались после нескольких мощных нападений русичей [4, с. 360].

Подход к событиям X в. у Грушевского также весьма конструктивен. Он сомневается в реальности похода 907 г., делая акцент, в первую очередь, на важном договоре 911 г. [4, с. 385-387]; вполне логичной критике он подвергает и летописные сведения о 944 г. [4, с. 393-394]. Тем не менее, в оценке политической ситуации Грушевский, очевидно, склонен преувеличить достижения Руси, представляя её к середине X в. чуть ли не доминирующей и представляющей серьёзную угрозу для положения Византии державой [4, с. 394]. Поход Владимира, как он считает, «*имел свои прецеденты*», имея в виду, что Русь определённо совершала периодические набеги на интересующие её земли, которые не отразились в источниках по причине своей малозаметности. Подробно учёный анализирует и религиозную политику русичей: упоминает о латинской миссии Ольги, известной по немецким хроникам, предполагая, что она прибегла к этому ходу, не дождавшись ответа от константинопольского патриарха, а позже, получив его, отказалась от услуг латинян [4, с. 405]; отделяет факты русско-византийского конфликта от крещения Владимира, даёт панораму источниковых сведений об этом и приходит к выводу, что, возможно, Владимир крестился до корсунского похода, чтобы поднять свой престиж в глазах византийцев и устранить один из поводов для презрительного к нему отношения [4, с. 444][14].

Таким образом, несмотря на очевидно прославянскую позицию (М. С. Грушевский подчёркивает силу и дальновидность Руси даже на самых ранних этапах её становления и предполагает инициативу Византии в любом мирном соглашении, вплоть до последнего союза с Владимиром [4, с. 447]), с точки зрения источниковедения и полноты охвата материала о русско-византийской дипломатии работа М. С. Грушевского для XIX века является одной из наиболее серьёзных.

Неоценимую роль в источниковедении истории Руси в целом и, в частности, русско-византийских отношений, сыграли труды Алексея Александровича Шахматова. Прежде всего, ему принадлежит огромная роль в изучении древнерусских летописей, уточнении их датировки и истории их написания; тем не менее, некоторые специальные работы А. А. Шахматова касаются и непосредственно русско-византийской проблематики. Это, в основном, «Корсунская легенда о крещении Владимира»; там учёный, опираясь, в основном, на филологические данные, анализирует летописные статьи о выборе веры и крещении Владимира. Шахматов обращает внимание на компилятивные, по его мнению, склейки в этих летописных фрагментах: например, то, что после долгой и впечатлившей князя беседы с греческим философом он, тем не менее, ещё несколько лет остаётся язычником; то, что диалог князя с боярами о месте крещения («*где тебе любо*») выглядит бессмысленным; то, что греческий философ в подробной речи не упоминает ряд важных деталей, которые рассказывают Владимиру лишь при крещении (например, предостерегают от латинских «извращений») [23, с. 4-9]. На основании этого Шахматов предполагает летописца компилятором, собравшим воедино несколько рассказов о Владимире и досочинившим упомянутые связки между ними для большей стройности повествования.

А. А. Шахматов предполагает, что у этого рассказа, а также у ряда других его повторений были общие источники, которые он и пытается выявить. Таким источником он считает Древнейший свод [23, с. 23], в котором крещение Владимира, по его мнению, датировалось 987 годом, а взятие Херсона – двумя годами позже (989 годом). Помимо этого, Шахматов предполагает наличие неизвестного источника, сообщившего житию XV в. уникальные детали о походе на Херсон [23, с. 29] и составленного греком [23, с. 36]. Больше того, на основании анализа жития особого состава Шахматов предполагает, что связь между походом и крещением была придумана греческой стороной как демонстрация торжества своей культуры над

[14] Само крещение, как полагает Грушевский, почти наверняка произошло к Киеве; версию с Херсоном он не рассматривает даже в качестве варианта.

языческой [23, с. 59, 74-75, 108]; также он предполагает существование недошедших до нас былин о русско-греческих конфликтах, в частности, о взятии Владимиром Царьграда. На основании своего анализа Шахматов представляет примерно восстановленный изначальный текст того, что он называется «Корсунской легендой»; далёкими отзвуками этой, уже самой по себе малоисторической, легенды он считает, в том числе, и житийную историю о князе Бравлине [23, с. 121-122].

Источниковедческий подход А. А. Шахматова к проблеме событий 980-х гг. был новым для русской историографии: Шахматов анализировал источники, используя возможности филологии, изучая связность текста и дословные пересечения между разными древними трудами. Благодаря этому его трактовка событий вокруг корсунского похода представляется достаточно убедительной, хотя в некоторых деталях и спорной (например, предположение о том, что статью о посольствах к разным верам полностью сочинил летописец, не очень уверенно обоснованное самим учёным [23, с. 93]); впрочем, окончательные выводы А. А. Шахматова всегда касаются, в первую очередь, датировок летописных рассказов, а не уточнения деталей собственно истории. Следует также отметить, что Шахматов опубликовал в составе своего труда тогда малоизвестный текст Жития Владимира особого состава из Плигинского сборника и Сборника Публичной библиотеки – одного из оригинальнейших источников о походе и крещении.

В других работах, посвящённых древнерусским источникам, Шахматов также косвенно касается тех или иных эпизодов русско-византийских отношений. Так, он предполагает, что из рассказа о крещении Ольги в Древнейшем своде содержались только «духовные элементы», то есть, её взаимоотношения с патриархом, а легенда о взаимоотношениях с императором появилась только в Начальном своде [24, с. 86]; кроме того, Шахматов предложил вариант решения проблемы наличия в Начальном своде хронологической путаницы о походах и княжениях Олега и Игоря, предполагая, что это было сделано в угоду «*национальному чувству*», чтобы поражение предшествовало победе [24, с. 229]. Во всех своих гипотезах он также опирается преимущественно на анализ текстов.

Наряду с А. А. Шахматовым, серьёзнейшим Корсунской легенды был Александр Львович Бертье-Делагард, который прямо полемизировал с подходом Шахматова, указывая на то, что исследователи-филологи не уделили должного внимания военной стороне дела, описанию осады и сравнению летописных данных с археологической и топографической информацией о Херсоне [1, с. 241]. Наибольший интерес у исследователя вызывала сама осада Корсуня, и он пытается дать её реалистичное описание.

Как предполагает учёный, поход Владимира был морским, но осада сухопутной [1, с. 245, 254], войско его составляло около 6-7 тысяч человек [1, с. 246]; он уточняет или предполагает точные места, где базировалось киевское войско, указывает предполагаемые детали военных операций: каким образом Владимир преградил путь поставщикам продовольствия и где это произошло, и согласует их с текстом источников. А. Л. Бертье-Делагард относится к летописи как к достоверному источнику информации, полагая, в отличие от Шахматова, что описание осады слишком логично совпадает с реальными географическими данными Крыма; рассказ об информации на стреле, который принято считать примером «сказочного» в истории об осаде, Бертье-Делагард также считает нормальным и логичным для того времени. «*Все эпизоды осады… действительно случились и записаны очевидцами*» - заключает исследователь [1, с. 276].

Что касается событий, приведших к походу, то Бертье-Делагард поначалу предполагает наличие некоего договора, заключённого около 987 г., между Владимиром и византийцами, предусматривавшего военную помощь и последующий династический брак. Тем не менее, как результат, он наблюдает рассогласование в датировках, вызванное хотя бы тем фактом, что если князь отослал свои отборные силы в Византию, ему надо было бы заново собирать войско для похода на Херсон. Другое предположение, что поход был результатом

возможного сговора русских и греческих властей, автор также рассматривает и признаёт маловероятным [1, с. 285].

Реконструкция, предлагаемая А. А. Бертье-Делагардом, состоит в следующем: после поражения близ Средца (986 г.) Византия отправляет в Киев посольство, одним из участников которого был летописный «греческий философ»; предложить Владимиру царевну также было греческой инициативой, и вслед за этим в конце 986 г. последовало тайное крещение; в 987 г. Владимир отправил в Византию отряд и лично его повёл. В том же году отправил посольство, тайной целью которого было продолжение переговоров, а официальной – знакомство с верой. Однако, отряд остался без дела в связи с притихшими военными событиями, и его новой целью Владимир назначил Корсунь. Так началась осада, закончившаяся около конца апреля 988 г., когда положение Византии стало весьма напряжённым [1, с. 294]. Таким образом, Владимир выиграл в «обмене заложниками», получив царевну раньше, чем отдал Византии дружину. После этого состоялось второе, явное крещение, бывшее показательным жестом, и не позже июля Владимир ушёл из захваченного города [1, с. 302].

Реконструкция А. Л. Бертье-Делагарда является одной из самых интересных попыток восстановить картину событий в Херсоне вокруг него в период Крещения Руси. Его предположения об имевших место двух крещениях князя не всегда достаточно основательны, но мотивировки поведения главных действующих лиц хорошо кореллируют с источниками: к примеру, ничтожное число упоминаний о походе в византийских источниках хорошо согласуется с идеей о том, что это был тонкий стратегический ход в русско-византийской дипломатии, которым Владимир хотел не столько заявить о своих претензиях на всю Византию, сколько добиться престижного разрешения давних переговоров. Наряду с филологическим подходом А. А. Шахматова к тем же событиям, А. Л. Бертье-Делагард предложил новый для того времени историко-археологический.

Ещё одним важным исследованием правления Владимира, причём, сконцентрированным не столько на походе, сколько на факте крещения, следует считать статью «Владимир Святой как политический деятель», опубликованную В. З. Завитневичем во «Владимирском сборнике в память 900-летия крещения Руси» [6]. Прежде всего, подход Завитневича к летописям как к историческому источнику представляется сугубо критическим: он утверждает, что, за вычетом «*полной вымысла*» повести о крещении Руси, в летописи можно найти лишь несколько голых фактов, на основании которых сложно сделать масштабные выводы о политической деятельности князя [6, с. 2-3]. Подход В. З. Завитневича серьёзно опирается на творческое наследие Н. М. Костомарова, о котором исследователь отзывается с восхищением [6, с. 5].

Начало правления Владимира, и в частности, эпизод со ссылкой варягов в Константинополь обнаруживает, по мнению В. З. Завитневича, «*политический такт*» князя, в том числе, в отношениях с Византией. Он предполагает, что мысли о принятии христианства зародились у Владимира во время похода на болгарские земли, и первоначально он замышлял принять его от более родственного болгарского (славянского) народа; соответственно, в это же время у князя поменялось отношение к Византии, которая теперь рассматривалась как враг. Через некоторое время после этого от греков были присланы послы, которые соответствуют послам от Василия у Яхъи и летописному греческому философу [6, с. 49-78], и их приход стал реакцией на ранее имевший место приход болгарского посольства, что в искажённом виде (волжско-камские вместо дунайских болгар) также отражено в летописи. Результатом переговоров стал договор, примерно отражённый у Яхъи.

В отношении похода на Херсон и крещения В. З. Завитневич также придерживается критической позиции, отрицая возможность летописных датировок и перебирая возможные версии (в том числе упоминается версия А. И. Соболевского о том, что Владимир основал город Корсунь на Руси [6, с. 101]). Корсунское взятие Завитневич на основании сравнения показаний источников и астрономических данных датирует «после 7 апреля 989 г.» [6, с. 128]. Текст Начальной летописи он называет «изуродованным» вставкой легенды, и считает, что если бы её

не было, он бы вполне логично дополнял все прочие источники. В посольство, направленное для получения сведений о вере, он не верит, считая, что такие же сведения Владимир мог получить от любого купца; в итоге он приходит к выводу, что крещение было совершено «скромно» и, на первых порах, возможно, даже скрывалось от народа. Влияние Византии на Русь после крещения В. З. Завитневич видит как сугубо позитивное – вместе с христианством пришла «целая сумма новых идей и понятий»; кроме того, он подчёркивает ещё до конца не осознанную «серьёзность» связей, соединявших в то время два народа, и восхищается реформаторским талантом Владимира, который «*уступая Петру* [I] *в гениальности, превосходил его в благоразумии*» [6, с. 200-208].

Следует отметить, что в качестве источника Завитневич ошибочно, как мы теперь знаем, привлекает так называемую «записку готского топарха», полагая её, вслед за К. Б. Хазе, связанной с походом на Корсунь [6, с. 163-164].

Говоря о досоветской историографии русско-византийских отношений XX в., нельзя не упомянуть еще одну ценную публикацию: в 1920-х годах В. М. Истрин издал «болгарский перевод» хроники Георгия Амартола в трёх томах со справочным материалом [8]. Формально изданный в советское время, по сути, труд Истрина было дополнением и продолжением работ Шахматова, о чём там прямо и говорится, и не имеет никакого отношения к тому историческому курсу, который взяли советские исследователи уже в конце 20-х-30-е гг. Более того, во вступительных словах Истрин прямо говорит о невозможных условиях работы в сложившейся обстановке. Не удивительно, что это издание ничтожно мало использовалось в советской историографии русско-византийских отношений. Помимо самого текста и комментария, Истрин, вслед за Шахматовым, проанализировал летописные заимствования из хроники Амартола [8; 2, с. 309-359], в частности, появление отсчёта лет за счёт связи трёх событий (поход Аскольда – правление Михаила – призвание варягов). Наряду с публикациями В. Г. Васильевского, трёхтомник Истрина – важнейшее достижение в источниковедении русско-византийских связей в начале XX в.

3. Дореволюционная российская византинистика

В конце XIX – начале XX вв. в России стала зарождаться византинистика; появились обобщающие работы по истории Византии, касающиеся, в том числе, и русско-византийских отношений, но важные и для мировой византинистики в целом. Первым автором монографии по общим вопросам истории Византии в России был Ю. А. Кулаковский, чья «История Византии» (изд. 1910-1915 гг.) была доведена только до VI века.

Одним из первых и наиболее важных авторов, работавших над той же тематикой, стал директор Русского археологического института в Константинополе[15] Ф. И. Успенский («История Византийской империи»). Русско-византийским отношениям в «Истории» посвящены три отдельные главы [20, с. 165-175, 362-380, 408-414]. Успенский рассматривает вопросы, касающиеся самой Руси и её состояния, упоминает норманнский вопрос и «*не без сожаления*» становится на сторону норманистов, уделяя немалое внимание этническим определениям Руси в русских и византийских текстах. При этом, он вводит в оборот несколько новых редких источников, а именно – византийские загадки и надписи X в., упоминающие племя Рос. Ранние политические взаимоотношения Руси и Византии упоминаются вскользь, Успенский сразу делает общие выводы о нарастании политической мощи Киевского государства на протяжении X в. и формировании русских отрядов в византийской армии, а также русских торговых поселений в Царьграде. Следует отметить также детальную источниковедческую критику русско-византийских договоров, в которых Ф. И. Успенский отмечает как безусловную документальность, так и погрешности, которые, как он полагает, были вызваны многократными

[15] Институт располагался в зданиях легендарного Студийского монастыря, сыгравшего громадную роль в политической истории Византии.

переписываниями и изначально несовершенным переводом с греческого языка. В тексте Константина Багрянородного, посвящённом визиту Ольги, Успенский, уделяя первейшее внимание языковым тонкостям, также находит несколько странных деталей (указывающих на возможность существования военного аспекта визита, более никакими источниками не упоминаемого [20, с. 273]); тем не менее, он делает вывод о том, что визит имел торговую подоплёку, и предполагает, что бояре в свите княгини представляли каждый свои город или волость, желавшую заключить торговые отношения к греками [20, с. 275]. Впервые среди исследователей вопроса Успенский подвергает критике «Историю» Льва Диакона, говоря о его сведениях как о не заслуживающих большого доверия [20, с. 363]; в подтверждение русской летописной версии событий он приводит надпись на гробнице Никифора Фоки, опираясь, впрочем, не на конкретное описание событий, которого в ней нет, а на общее «настроение», которое, по его мнению, не соответствует «хвастливому» рассказу Льва Диакона. Тем не менее, дипломатическое положение Руси по итогам войны 970-971 гг. Ф. И. Успенский считает «*полным крахом*» [20, с. 370], а события конца X в. расценивает как окончательное «укрощение» Руси Византией [20, с. 408].

Более важным учёному кажется культурный аспект взаимодействия двух государств: Успенский говорит об имевшем место заимствовании государственных и религиозных традиций, при этом замечая, что Русь заимствовала «*по преимуществу то, что соответствовало её собственным понятиям и вкусам*» [20, с. 269]. Он абсолютно уверен в том, какое впечатление на Русь производили редкие соприкосновения с византийской культурой, и в том, что Византия была для них «недосягаемым» образцом для подражания. Крещение Руси учёный полностью отделяет от корсунского похода и прочих военных связей государств, воспринимая его как удовлетворение Русью её духовных потребностей через «самоотверженную» помощь Византии.

Таким образом, в ряде вопросов Ф. И. Успенский предложил совершенно новый для русской историографии подход: активное использование эпиграфических источников, смелый анализ многих событий, однообразно трактовавшихся его коллегами и предшественниками и, в более широком смысле, последовательный провизантийский взгляд, положительная, даже восторженная оценка «воспитательного» [20, с. 409] влияния «культурной» Византии на «дикую» Русь, которое он считает важнейшим итогом взаимоотношений этих государств.

Велика в русской византинистике роль работавшего в то же время В. Г. Васильевского. Он не писал общих трудов о русско-византийских связях, однако ввёл в научный оборот или привлёк внимание учёных к целому ряду источников:

1) Ал-Мекин и Иоанн Геометр. Два источника, рассмотренных в одной статье «К истории 976-986 годов» [2, с. 56-124], по мнению учёного, дополняют ранее известные данные о русско-византийских контактах конца X в. В частности, косвенные сведения ал-Мекина позволяют уточнить хронологию византийских гражданских войн и, соответственно, связать поражение царя Василия в 986 г. и пребывавшее почти тогда же посольство киевлян в Константинополе [2, с. 87-88]. Также на основании косвенных намёков, находимых в самых разных источниках, В. Г. Васильевский выдвигает гипотезу о личном присутствии Владимира в Константинополе во время апостасии 987-989 гг. Сочинения Иоанна Геометра Васильевский рассматривает как дополняющие картину войн Святослава.

2) Записка греческого топарха. Подробнейшая статья у В. Г. Васильевского посвящена этому документу, который он впервые перевёл на русский язык [2, с. 136-212]. Он почти безусловно связывает его с походами Святослава, что сыграло существенную роль в историографии русско-византийских отношений (стоит вспомнить хотя бы то внимание, которое оказал этому тексту исследователь дипломатии Святослава А.Н. Сахаров [17, с. 112-126]). Хотя в настоящее

время, до появления каких-либо уточняющих дополнительных сведений, точка зрения о том, что записка является подделкой, практически не вызывает сомнений[16].

4. Заключение

Итак, отечественная историография русско-византийских отношений прошла долгий путь – от 1739 до 1917 годов. Существенными её достижениями за этот период стали: отход от фрагментарного, некритического пересказа летописной истории в сторону анализа; обратка большей часть доступной на тот момент источниковой базы, введение её в научный оборот; появление про-русской и про-византийской позиций – те или иные серьёзные учёные становились при анализе событийной канвы «на сторону» либо того, либо другого государства.

Тем не менее, нельзя не отметить, что обобщающих концепций, позволявших бы проследить развитие русско-византийских отношений или ответить на ключевые проблемы, связанные с трактовкой источников, за весь этот период почти не появилось. Точнее, несколько серьёзных концепций – а именно реконструкции А.А. Шахматова, А.Л. Бертье-Делагарда, В.З. Завитневича – коснулись единственного, хотя и важного вопроса крещения Владимира и похода на Херсон. Таким образом, из десяти основных проблем русско-византийских отношений IX-X вв., попытка сформулировать которые была представлена в начале данной работы, серьёзное научное решение было предложено по отношению лишь к одной – проблеме датировок и мотиваций обеих сторон в конфликте 987-990 гг. Косвенно была затронута и другая, касательно предшествовавших этому религиозных посольств, однако серьёзных выводов сделано не было – как не были факты о религиозных посольствах сопоставлены с более ранними, вроде посольства Ольги к епископу Адальберту, уже известные некоторым из историков рассматриваемого периода.

Кроме того, не была сформулирована общая концепция внешнеполитической стратегии Руси; взаимоотношения двух стран в целом всеми историками трактуются либо как стычки двух неразвитых или находящихся в упадке государств, либо как попытки культурной Византии повлиять на дикую Русь, либо как попытки становления Руси при некоторой непонятной роли соседа. Концепция византийской стратегии по отношению к Руси, впрочем, также осталась на стадии зарождения даже у выдающихся русских византинистов этого периода.

Таким образом, период с XVIII по начало XX вв. в истории русской историографии русско-византийских отношений заложил фундамент для последующих исследований, однако оставил многие важные вопросы нерешёнными и не породил обобщающего труда по внешней политики ни одного из государств. Рассмотрению последующей историографии, развившей наследие историков от В.Н. Татищева до В.Г. Васильевского, будет в дальнейшем посвящена отдельная публикация.

Список использованной литературы

1. Бертье-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 14. 1909.
2. Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб, 1909.
3. Гримберг Ф. Алексей Толочко. «История Российская» Василия Татищева. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/km/2005/1/gri37.html - (проверено: 31.08.11).
4. Грушевський М. С. Істория України-Руси. Т. 1. До початку XI в. Львів, 1904.

[16] Гипотеза И. Шевченко, поддержанная И. П. Медведевым, представляющая записку (чей оригинал так и не найден) подделкой (на основании лингвистических и фактических, связанных с реалиями Византии, ошибок), пока никем убедительно не опровергнута. К тому же, по сути, сведения записки фрагментарны и неопределённы, и атрибуция её даже в случае её подлинности в пользу любого автора, географического места или исторического периода по сути никаких ценных сведений не даёт [21, с. 10-16].

5. Деяний церковных и гражданских, от рождества Христова до половины пятого на десять столетия. М., 1802.
6. Завитневичъ В. З. Владимиръ Святой какъ политическій деятель // Владимірский сборникъ въ память девятисотлетия крещенія Россіи. К., 1888.
7. Известия византийскихъ историковъ, объясняющія Россійскую исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ. Собраны и хронологическимъ порядкомъ расположены И. Штриттеромъ. Ч. 1: О славянахъ; Ч. 2: О готфахъ, вандалахъ, гепидахъ, ерулахъ, уннахъ и о аварахъ; Ч. 3: О россахъ и варягахъ; Ч. 4: О волгарахъ, влахахъ, хазарахъ, команахъ, уцахъ, печенегахъ, венграхъ и о татарахъ. СПб., 1770-1775.
8. Истринъ В. М. Книгы временыя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводѢ. Текстъ, изследованіе и словарь. СПб., 1920-1922.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm (проверено: 20.06.10).
10. Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1. М., 1987.
11. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom01.htm htm (проверено: 01.05.11).
12. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого, или до 1054 года. Режим доступа: http://rusnauka.narod.ru/lib/author/lomonosov_m_v/3/ (проверено: 01.05.11).
13. Повесть Временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подготовка текста: Д. С. Лихачев, пер.: Д. С. Лихачев, Б. А. Романов. М.- Л., 1950.
14. Полевой Н. А. Исторія рускаго народа. Т. 1. М., 1829.
15. ПСРЛ. Т. 5. Софийская первая летопись. Л., 1925.
16. Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР, № 1, 1971.
17. Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
18. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv01p0.htm (проверено: 01.05.11).
19. Татищев В. Н. История Российская. Т. 1-2. М., 2003-2005.
20. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867-1057). М., 1997.
21. Хапаев В.В. К истории изучения так называемой «записки греческого топарха» // Культура народов Причерноморья. 2009. № 172. Т. 2.
22. Хилковъ А. Я. Ядро Россійской исторіи. М., 1770.
23. Шахматовъ А. А. Корсунская легенда о крещеніи Владиміра. СПб., 1906.
24. Шахматов А. А. Обозрение русские летописных сводов XIV-XVI вв. М.-Л., 1938.
25. Щербатовъ М. М. Исторія Россійская отъ древнейшихъ времянъ. Томъ 1. Отъ начала до кончины великаго Князя Ярослава Владимеровича. СПб., 1770.

Summary

Given article gives a historiographic overview of studying of Rus-Byzantine relations of IX-X century by the Russian researchers. This was the phase of the relations when they had started and came a long way from military conflicts to the developed diplomatic system. Overview is devoted to the time from XVIII to the early XX century. In the colclusion, author sums up that in spite of all the big progress in historical analysis of Rus-Byzantine relations, many questions which follow from the reading all the resources in comparison remained unsolved. Consistent conception of the foreign policy of both states was also not formed.

НУМИЗМАТИКА

М.М. Чореф

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ЭМИССИИ ЗОЛОТА В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Уже не первое столетие изучается монетное дело византийского Херсона. За долгий период исследования в научный оборот было введено множество разновидностей меди и бронзы его чекана и литья. Нетипичные для Византии стили оформления монет этого города не могли остаться незамеченными. Сам факт выпуска в Херсоне разменных денег регионального образца подвиг многих ученых заключить, что в раннем средневековье он находился на особом положении. По мнению большинства исследователей, в нем до конца XI в. существовало местное самоуправление. Первыми к этому выводу пришли нумизматы. Еще Г.К.Э. фон Кёлер предположил, что монеты Херсона выпускались от имени городских магистратов, получивших от Константинополя право на денежную эмиссию. Ученый обосновывал свою гипотезу прочтением аббревиатур. Он считал, что монограмма «МВ», оттиснутая на аверсе бронз одной из самых распространенных серий херсонской эмиссии, представляла собой первые буквы неизвестных имен городского протевона и его отца. Соответственно, аббревиатуру «Π°Χ», различимую на реверсе этих же монет, нумизмат предложил читать как ὁ Πρωτεύων Χερσῶνος – «*протевон Херсона*». Г.К.Э. фон Кёлер также допускал, что монограммы «Π» и «Π°», встречающиеся на значительно более редких сериях городского литья, могли быть сокращениями все того же слова Πρωτεύων – «*протевон*» [121, S. 22]. По его логике, монеты с аббревиатурой «Μ» могли быть выпущены при том же неизвестном херсонском магистрате [121, S. 22].

Заметим, что гипотеза Г.К.Э. фон Кёлера была воспринята научным миром весьма неоднозначно. Уже Б.В. Кёне попытался ее опровергнуть: «*После Романа II буквы стали заменять монограммами*[1]*, и Кёлер сделал большую ошибку, приняв последние за названия Константинополя*[2] *и протевонов; напротив, тогда бы сочли преступлением и изменою, если бы чиновник выставил бы свое имя на монете, выбитой по приказанию его государя*» [28, с. 197]. Ученый был уверен в том, что на бронзах Херсона не могли появиться инициалы городских магистратов или чиновников [28, с. 197; 29, с. 184. № 1–3. Табл. 6,*8*; 122, S. 170. № 1–3. Taf. 6,*8*]. Он считал, что в аббревиатуре «ΜΒ» могли быть зашифрованы имена правящих василевсов. Ученый видел в ней сокращения имен Μιχαὴλ – «*Михаил*» и Βασίλειος – «*Василий*». Основываясь на этой дешифровке, Б.В. Кёне датировал эмиссию монет с нею совместным правлением Михаила III (842–867) и Василия I (867–886). А в монограммах «Π°» и «Π» историк видел сокращения фразы ὁ Πορφυρογέννητος – «*Порфирородный*» [29, с. 185; 122, S. 171]. И хотя за последние сто пятьдесят лет прочтения перечисленных аббревиатур не единожды уточнялись [4, с. 114; 48, с. 16–25; 51, с. 37–38; 67, с. 297–302; 68, с. 121–124], гипотеза Г.К.Э. фон Кёлера и его прочтение монограмм так и не были окончательно отвергнуты научным миром[3]. Сейчас принято объяснять появление

[1] Это утверждение к настоящему времени оспорено. Монограммы появились на пентануммиях Херсона еще при Юстиниане I [4, с. 99; 51, с. 20; 69; 71, с. 246–249; 72].

[2] Г.К.Э. фон Кёлер расшифровывал монограмму [illegible], встречающуюся на монетах Константина VII Багрянородного как Κωνσταντινούπολις – «*Константинополь*» [121, S. 22]. Впрочем, аналогичным образом он был склонен трактовать аббревиатуры [illegible] и [illegible]. По мнению ученого, в них могло быть зашифровано слово Ῥώμα – «*Рим*» [121, S. 21]. Нумизмат считал, что все они являлись метками монетного двора Νέα Ῥώμι (Romae novae), т.е. Константинополя [121, S. 21–22].

[3] Точку Г.К.Э. фон Кёлера и сейчас разделяет большинство нумизматов-византинистов. По мнению В.А. Анохина, раз в Херсоне выпускали монету от имени архонтов и протевонов [4, с. 125–126], то он, безусловно,

стратигии (sic!) Климатов[4] исключительно стремлением покончить с самовластьем херсонских архонтов и протевонов[5]. Однако не стоит удивляться и тому, что в исторических кругах не менее широко распространена точка зрения, согласно которой Херсон и его ближайшая округа в VI–XI вв., т.е. в период эмиссии большинства разновидностей местных денег, находились под контролем Константинополя[6]. Ведь она не только не противоречит свидетельствам древних авторов[7], но и подтверждается результатами изучения памятников сфрагистики[8] и той же нумизматики[9]. Об активности торговых контактов Херсона с Константинополем и византийскими провинциями говорят и результаты археологических

был автономным. И.В. Соколова, не разделяя уверенности своего коллеги по вопросу о возможности выделения эмиссий херсонских магистратов, все же согласна с его выводами о статусе Херсона. Проанализировав богатейший нумизматический и сфрагистический материал, она заключила, что самоуправление в этом городе возрождалось в периоды политических кризисов, периодически сотрясавших Ромейское государство [51, с. 111–118]. И.В. Соколова считает, что Херсон представлял собой «*торговый город, аналогичный республикам Далмации, то под ослабевающим, то под усиливающимся контролем Византии*» [51, с. 118].

[4] Наши соображения по поводу обстоятельств, вызвавших появление стратигии Климатов и обусловивших ее исчезновение в 870-х гг., изложены в статьях «К атрибуции Чамну-Бурунского клада» [65] и «О периоде существования и локализации стратигии Климатов: по нумизматическим данным» [82, с. 194–202]. Заметим только, что у нас нет никаких оснований считать ее отдельной фемой.

[5] Считаем, что административная реформа Феофила (829–842 гг.) проводилась всего лишь с целью по-новому организовать управление и защиту одной из важнейших провинций империи. Ведь трудно отрицать тот факт, что θέματα – «*фемы, армии (легионы), военизированные административные единицы*» [89, p. 623; 124, S. 669–670; 140, p. 573], создаваемые в Византии со времен Ираклия I, возникали на территориях, подконтрольных Константинополю [141, p. 239; 142, p. 2034].

[6] Наше видение этой проблемы отображено в статье «К вопросу об атрибуции монограмм на гемифоллисах Херсона первой половины IX в.» [67, с. 297–302; 68, с. 121–124]. Правда, в первой половине IX в. влияние империи на Таврику несколько уменьшилось. Судя по монетам серий «П» – «+», «П» – «Х» и «П» – «П», Херсон в 813–841 гг., т.е. после низложения Михаила I Рангаве и до образования фемы Климатов, являлся византийско-хазарским совладением [67, с. 297–302; 68, с. 121–124].

[7] О безусловной лояльности жителей Херсона империи свидетельствует тот факт, что василевсы не боялись высылать в него самых опасных своих врагов. Так, только в «темные века» становления средневековой Византии (VII–VIII вв.) в него были сосланы опальные священнослужители: папа св. Мартин I (649–653) [144, p. 509, 537], св. Стефан Новый – епископ Хазарии [25, с. 84–85], сторонники св. Феодора Студита [58, с. 296, 454], св. Иосиф Гимнограф [24, с. 10–11], аристократы: будущий император Вардан Филиппик (711–713) [144, P. 579], кесари Никифор и Христофор – братья василевса Льва IV Хазарина (775–780) с приближенными [61, с. 143; 144, p. 697], а также низложенный Юстиниан II (685-695, 705-711) [144, p. 566]. И позже горожане оставались верны империи. Известно, что при Алексее I Комнине (1081–1118) в Херсон был сослан лже-Лев Диоген [3, с. 266. Кн. 10:2; 91, p. 59–60. Lib. X:2; 92, p. 7. Lib. X:2].

[8] Судя по моливдовулам, раннесредневековым Херсоном управляли императорские придворные: ипаты и спафарии, которые одновременно являлись и городскими архонтами [100, p. 183, 184. № 82.1–82.3], а также спафарокандидаты и протоспафарии, исполняющие функции коммеркиариев [100, p. 184–186. № 82.4–82.9]. Судя по печатям, в Херсоне упомянутые меченосцы могли быть и протевонами [100, p. 186. № 82.10]. В нем так же служили нотарии, патрикии, стратиги, стратилаты и хартулярии, известны также кураторы (πατέρες τῆς πόλεως) и эндики этого города. Нередки в Херсоне и находки печатей иногородних византийских чиновников и вельмож. Общее представление о сфрагистических памятниках из этого города можно получить из очерка «Таможня и коммеркиарии Херсона» [2, с. 1592–1626], написанного Н.А. Алексеенко для монографии С.Б. Сорочана «Византийский Херсон. Очерки истории и культуры» и из неоднократно уже цитированной работы «Монеты и печати византийского Херсона» И.В. Соколовой [51, с. 66–176].

[9] На территории городища и в его округе в изобилии находят византийские медные монеты столичного и провинциального, в частности, сицилийского чекана [19, с. 22–23; 55, с. 96–98; 56, с. 83; 138, p. 565–570]. Сам факт их обнаружения говорит не столько об активности торговых связей, сколько о вхождении раннесредневековой Таврики в единое монетное пространство Романии.

раскопок[10]. Кроме того, к настоящему времени выявлена четкая взаимосвязь между общеимперскими и херсонскими эмиссиями. Современные исследователи прослеживают сходство стилей оформления ряда разновидностей монет столичной и таврической[11] чеканки времен Юстиниана I (527–565), Юстина II (565–578), Тиверия II Константина (578–582)[12], Маврикия Тиверия (582–602), Фоки (602–610)[13], а так же Ираклия I (610–641) и Ираклия II Константина[14] (641) [48, с. 368–373. Рис. 2; 69, с. 139–143. Рис. 1; 81]. Стандартные для Византии обозначения номиналов известны на херсонских выпусках Анастасия II Артемия (713–715), Феодосия III Адрамития (715–717), Артавасда и Никифора (742–743) [66, с. 117–130. Рис. 1; 74, с. 190–196; 75, с. 161–165; 76, с. 138–140], Михаила I Рангаве (811–813), Михаила III (842–867), Василия I (867–886), Льва VI Мудрого (886–912) и его соправителя Александра (912–913) [65, с. 117–130. Рис. 2; 77, с. 159–166; 78, с. 326–331], Константина VII Багрянородного (913–959) периода регентства его матери Зои (914–919), Романа I Лакапина (920–944) и его сына Христофора (921–931) [65, с. 117–130. Рис. 2; 73, с. 191–194], Романа II (959–963), Василия II Болгаробойцы (963–1025) и Константина VIII, а так же Никифора II Фоки (963–969), Иоанна I Цимискиса[15] (969–976) и Романа III Аргира (1028–1034) [65, с. 117–130. Рис. 2; 79, с. 137–144; 80, с. 116–120]. Очевидно, что денежное обращение этого таврического города практически без запоздания воспринимало все аллагии[16], происходившие в монетном деле Византии. Так, если при Юстиниане I денежная система Херсона подстроилась под общегосударственную – в обращение поступили декануммии и пентануммии, то уже при его ближайших преемниках по всей империи, в т.ч. и

---

[10] Прослеживанию торговых связей Херсона с метрополией посвящена огромная историография. С нашей точки зрения, стоит отметить хотя бы основополагающие монографии ведущих историков-византинистов: А.И. Айбабина, В.М. Зубаря, А.И. Романчук, С.Б, Сорочана и А.Л. Якобсона [1; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 54; 62; 84; 86; 88; 130]. Чтобы излишне не утомлять читателя, заметим только то, что, по мнению ученых, Херсон со времен поздней античности был крупнейшим эмпорием и важнейшей крепостью Романии в Северном Причерноморье. По мнению большинства византинистов, Херсон оставался важным торговым центром региона до последних лет своего существования.

[11] Наше представление о монетном деле Херсона времен Юстиниана I обосновано в [70, с. 332–339; 71, с. 246–249; 72 с. 142–144]. Считаем, что целесообразно объединить в одну группу типологически близкие выпуски Херсона и ММI, чеканенные в Восточной Таврике при императорах дома Юстиниана, а так же при Фоке и Ираклии I.

[12] Полагаем, что анонимные фоллисы и гемифоллисы Херсона, изданные нами в [69, с. 140–141. Рис. 1,*3,4*; 81. Рис. 1,*3,4*], следует датировать правлением этого императора. Заметим, что В.А. Анохин предполагал о возможности эмиссии херсонских бронз от имени Тиберия II Константина [4, с. 101].

[13] Речь идет о позднейшей группе анонимных ММI, выпускавшихся в Восточном Крыму в кон. VI – в нач. VII в. С нашей точки зрения, их можно датировать последними годами правления Фоки [69, с. 140–141. Рис. 1,*10–12*; 81. Рис. 1,*10–12*]. Подражания бронзам этой группы (наименьшего номинала – в четыре единицы или гемифоллис) выпускали при Юстиниане II и Вардане Филиппике (711–713) [66, с. 120. Рис. 1,*2,3*; 74, с. 192. Рис. 1,*1,2*; 75, с. 166. Рис. 1,*1,2*; 76, с. 139. Рис. 1,*1,2*].

[14] Его так же принято называть Константином III [125, p. 349–351].

[15] В настоящее время большинство русскоязычных историков, вслед за Львом Диаконом [8, с. 9; 33, с. 50, 193; 123, p. 93] считает, что прозвище этого императора происходит от армянского слова չմուշկ (čmušk), которое можно перевести на русский как «*подкованный башмак, коньки*» [13, с. 465]. Но, на самом деле, в армянском языке есть куда более созвучное слово չամիչ – «*виноград, виноградное зернышко, высохшее виноградное зерно*». И это прозвище как нельзя лучше подходило низкорослому императору. Тут мы совершенно согласны с И. Симеоновым (переписка). По-гречески оно звучит как Τξιμισκῆς или Τξιμισχῆς [8, с. 9; 33, с. 50, 193; 123, p. 93]. Соответственно, в иностранной византиноведческой литературе Иоанна I называют Tzimisces, Tzimiskes, Tzimiskès, Цимиски, Цимискиjе – «*Цимискес, Цимиски, Цимискис*». Однако в русскоязычной историографии этого императора принято именовать Цимисхием. Мы согласны с оценкой этой ситуации, высказанной Х.–Ф. Байером [8, с. 9]. Считаем, что такого рода ошибки совершенно недопустимы.

[16] От ἀλλαγή (*дор.* ἀλλαγα) – «*перемена, мена, обмен*» [9, кол. 55; 124, S. 56; 140, p. 115]. Речь идет о денежных реформах.

в Херсоне, практически прекратилась эмиссия мелких номиналов – ниже гемифоллиса. Со времен Михаила III перестали лить и их. Городские монетарии стали выпускать только фоллисы. А в конце XI в. в Херсоне, как и по всей империи, начали выпускать крупные бронзы, в легендах которых отсутствовали имена императоров[17] [65; с. 117–130; 84, с. 35–51]. Так что не стоит удивляться тому, что монеты литья и чекана Херсона в VI–XII вв. ходили как в близлежащих провинциях империи, так и далеко за ее пределами [7, с. 20, 22. Рис. 8,*18*; 26, Рис. 16,*19*; 27, с. 53. Прим. 13. Рис. 4,*7*; 30, с. 23, 27, 32, 33, 34, 35, 48–49. № 29–30, 32, 85, 87, 89, 89а, 177, 191, 202, 203, 209, 210, 211, 214а, 215, 215б, 216, 217, 220, 228, 229, 240, 241, 241а; 31, с. 216–218; 32, с.169, 172, 175, 176, 177–178, 179. № 12(495), 28(505), 53(526), 54(527), 58(531), 60(533), 63(216), 69(541), 76(546), 81(551), 85(555), 86(556); 36, с. 37–38; 37, с. 148–150; 39, с.154, 160, 162. № 586, 642, 643, 658. Таб. 35,*586*; 38*,642,643;* 39*,658*; 56, с. 61; 103, р. 104–105]. Судя по характеру находок, они обращались наравне со стандартной византийской медью.

Как видим, у нас нет оснований игнорировать или оспаривать очевидные факты. Естественно предполагать, что в лояльном империи Херсоне выпускали региональные монеты общегосударственных номиналов[18]. Однако не все современные нумизматы принимают эти доводы. Но и опровергнуть своих оппонентов без привлечения нового материала они не могут. Некоторые из них пытаются расширить круг нумизматических источников. К примеру, они предлагают новые атрибуции ряда раннесредневековых византийских золотых монет и подражаний им, приписывая их к чекану Херсона[19]. Им вторят их оппоненты – сторонники идеи подконтрольности империи этого таврического города. Они так же склонны выделять в эмиссии Херсона некоторые разновидности ранневизантийских солидов. К сожалению, эти идеи так и не привлекли к себе должного внимания широких научных кругов. Причем, за годы исследования было выработано два подхода к разрешению этого вопроса. Если сторонники первого из них считают возможным выявить оригинально оформленные или снабженные специальными эмиссионными символами золотые херсонской чеканки, то приверженцы второго пытаются выделить общие штемпеля, использованные для чеканки солидов, находимых в Северном Причерноморье. Исследователи основываются на том факте, что большинство легковесных золотых, обнаруженных в этом регионе, было выбито сравнительно небольшим количеством чеканов. Мы же, в свою очередь, считаем, что предположения о возможности эмиссии золота в Херсоне крайне интересны и заслуживают тщательной проверки. С целью привлечь внимание византинистов к этой проблеме, рассмотрим подходы к разрешению этой проблемы. Обратим внимание на работы сторонников первого подхода.

В 1978 г. австрийский нумизмат В. Хан предположил, что в Херсоне, кроме региональной бронзы, могли выпускать и золото общегосударственного образца. Исследователь отнес к выпускам этого города солиды, на реверсе которых просматриваются символы «Χ» или «+», размещенные правее эмиссионного обозначения CONOB, оттиснутого в нижней части монетного поля [118, p. 521. Fig. 27–30]. В. Хан выявил такие обозначения на солидах

---

[17] Мы согласны с точкой зрения К.К. Акентьева, предположившего, что на аверсе херсонских монет кон. XI – XIV вв. (т.е. с монограммой «Ρω» на аверсе) оттискивали монограмму покровителя города – св. мученика Романа Диакона [84, с. 45].

[18] Наша точка зрения по вопросу о составе денежного обращения Херсона в VI–X вв. изложена в статье «К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона» [66, с. 117–130].

[19] Заметим, что еще Ф. де Сольси попытался выделить золото херсонского чекана. Анализируя крымские монетные находки, ученый заключил, что обнаруженный на территории Херсона истаменон Иоанна II Комнина (1118–1143) мог быть отчеканен в Таврике, и, вернее всего, в упомянутом полисе [135, Pl. XXVII,*3*]. Но так как его гипотеза была отвергнута еще Б.В. Кёне [29, с. 232; 122, S. 204], то мы не будем её рассматривать в этой статье.

Ираклия I (610–641) и его соправителей Ираклия II Константина и Ираклона[20] (641) (Рис. 1,*1*), а так же Константа II[21] (641–668) (Рис. 1,*6,11,13*). Этой же точки зрения придерживался ученый на момент составления своего фундаментального труда «Moneta Imperii Byzantini» [117, S. 89, 126]. Заметим, что исследователь основывается отнюдь не только на своей расшифровке буквосочетаний CONOBX и CONOB+. Согласно собранной им статистике, эти исключительно редкие монеты находят только в Крыму[22] [118, p. 521]. Изучив заинтересовавшие его монеты, ученый пришел к выводу, что сам факт выпуска в Херсоне золотых государственного образца свидетельствует о безусловной подконтрольности этого полиса империи [117, S. 89, 127; 118, p. 521].

Попытаемся проверить логику В. Хана. Действительно, на реверсе солидов, изданных этим исследователем, хорошо видны символы «X» и «+». Очевидно, что они не могли быть элементами надписи «VICTORIA AVϚЧ» («VICTORIA AVGU») – «*победа Августа*», размещавшейся в то время на оборотных сторонах византийских золотых монет. Следовательно, у нас есть все основания согласиться с мнением ученого, отнесшего «X» и «+» к эмиссионным знакам. Обратим внимание читателя и на то, что В. Хан, с целью обосновать свое предположение, попытался атрибутировать прочие буквы легенды реверса, незадействованные в «VICTORIA AVϚЧ». На оборотных сторонах изданных им солидов правее «AVϚЧ» хорошо видны символы «A» (Рис. 1,*6*) и «I» (Рис. 1,*1*). По мнению ученого, они являлись обозначениями даты по индикту [118, p. 521].

Как видим, внешне гипотеза В. Хана вполне логична. По крайней мере, он учел все буквенные обозначения. Однако верна ли их атрибуция[23]? Попытаемся проверить

---

[20] По-гречески – Ἡρακλῶνας [144, p. 341]. Тронным его именем было Heraclius (Ἡράκλειος). Известно, что называли его так же Constantinus Heraclius или Ἡρακλεῶνας – «*Ираклеон*» [108, p. 389; 125, p. 587–588].

[21] Т.е. Κώνστας [46, с. 123; 60, с. 724; 143, p. 343]. Но так его именовали только армянские и византийские хронисты. Тронным именем этого правителя было Constantinus (Κωνσταντῖνος) [60, с. 724; 125, p. 496–497].

[22] Позволим себе обратить внимание читателя на один факт: В. Хан почерпнул сведения о находках заинтересовавших его солидов из работы И.В. Соколовой [50, с. 262; 118, p. 521]. Примечательно то, что упомянутая российская исследовательница не только восприняла точку зрения австрийского нумизмата, но и, в свою очередь, выдвинула предположение, что херсонские золотые с именами Константа II и Константина IV Погоната были выпущены в 711 г. для выплаты дани хазарам [51, с. 110]. Заметим, что существуют различные точки зрения по вопросу о величине этой суммы. Так, по свидетельству св. Феофана Исповедника, хазары потребовали по номизме с каждого мужчины [131, p. 769–770; 143, p. 380; 144, p. 581]. В тоже время в некоторых редакциях Breviarium св. Никифора, патриарха Константинопольского (806–815), содержатся сведения о том, что с херсонитов был получен в стократ больший выкуп [133, p. 948–949; 134, p. 52–53]). С нашей точки зрения, этот casus произошел в результате ошибки неизвестного древнего переписчика. Считаем, что у нас есть все основания доверять свидетельству св. Феофана Исповедника, кстати, не противоречащему редакции Breviarium св. Никифора, патриарха Константинопольского, изданного К. Мэнго [128, p. 110–111]. Но вернемся к анализу предположения И.В. Соколовой о возможности выплаты дани хазарам золотом херсонского чекана. Нам эта гипотеза видится излишне смелой. Проблема в том, что солиды с эмиссионными метками «С» или «+», которые В. Хан и И.В. Соколова считают возможным отнести к эмиссиям этого города, распространенны на Балканах, в Италии и в Сирии. К примеру, монета, изображенная на Рис. 1,*5* входила в состав огромного клада, найденного в Апамее [136]. Примечательно то, что он в основном и состоял из таких «трехфигурных» облегченных золотых [136]. А золотой Константа II, представленный на Рис. 1,*9*, был найден в Италии [101, p. 94–95. № 224]. Зато в других регионах, в т.ч. и в Крыму, они чрезвычайно редки. В любом случае, известно, что солиды с эмиссионными знаками «С» и «+» не выпадали в клады, найденные в Северном Причерноморье [30]. Следовательно, к хазарам они не поступали.

[23] Дело в том, что это предположение В. Хана не было воспринято на веру ведущими нумизматами–византинистами. Так, по мнению Ф. Грирсона, «*Solidi of the later years of Heraclius and of Constans II with an X after CONOB have been doubtfully attributed to Cherson*» [106, p. 93].

умозаключения австрийского исследователя. Рассмотрим изображения монет на Рис. 1[24]. Обратим внимание на солид Ираклия I с «I» в конце легенды реверса (Рис. 1,*1*). Напомним, что, по мнению ученого, он был выпущен в десятый индикт. Сразу же заметим, что эта дата дважды приходилась на правление Ираклия I, т.е. на 621/2 и 636/7 гг. Однако «трехфигурные» монеты с коронованными изображениями василевса и его сыновей Ираклия II Константина и Ираклона выпускали в период с 638 по 641 гг.[25] [106, p. 87, 94; 108, p. 227, Cl. IVb. Pl. IX,*38a–45b.1*]. Очевидно, что их эмиссия не может быть датирована десятым индиктом. Чтобы наилучшим образом прояснить ситуацию, мы собрали небольшую подборку изображений «трехфигурных» солидов[26] Ираклия I (Рис. 1,*2–5*). Самый ранний из них – с символом «A» после «VICTORIA AVϚЧ» и с «I» в поле (Рис. 1,*2*), – был выпущен до дарования Ираклону титула августа[27], т.е. до 638 г. [108, p. 257–259. Cl. IV A(a)–IV Ae. № 35a–37c. Pl. IX]. Остальные золотые (Рис. 1,*1,3,4,5*) были отчеканены в 638–641 гг., т.е. в тот период, когда оба соправителя Ираклия I получили равные права и одинаковые инсигнии [108, p. 259–263, Cl. IV B(f)–IV B(n). № 38a–45b.2. Pl. IX]. По логике В. Хана, такие солиды выпускали в первый, четвертый, шестой и девятый годы индикта, т.е. в 612/3, 615/6, 617/8, 620/1, 627/8, 630/1, 632/3 и 635/6 гг. Однако очевидно, что их тогда не чеканили. Следовательно, гипотеза В. Хана о размещении на византийском золоте обозначений даты выпуска по индикту на нумизматическом материале времен Ираклия I не подтверждается[28].

Рассмотрим приведенные австрийским нумизматом изображения солидов Константа II (Рис. 1,*6,16,18*). Допустим, что «A», оттиснутая правее последнего символа «VICTORIA AVϚЧ» на реверсе первого из этих золотых, все же могла быть обозначением даты выпуска по индикту[29]. Правда, в этом случае усложняется атрибуция других солидов, изданных

---

[24] К сожалению, мы не можем привести сведения о месте находки большинства солидов, изображенных на Рис. 1. Дело в том, что большая их часть или уже достаточно давно хранится в фондах музеев, т.е. поступила задолго до начала фиксации находок, либо была продана в последнее время на нумизматических аукционах. Нам остается только использовать их изображения. В любом случае, мы постараемся приводить все известные нам сведения о публикациях и месте хранения подобных монет.

[25] По мнению Ф. Грирсона, изданный В. Ханом солид следует отнести к классу IVb, монеты которого примечательны тем, что на них Ираклон (крайний слева) увенчан короной [106, p. 94; 108, p. 217]. Как известно, этот сын Ираклия I был приобщен к власти в 630 г. Тогда его провозгласили цезарем и фигура молодого правителя появилась на монетах. В соответствии с рангом, его изображали без императорских инсигний. В 638 г. Ираклон стал августом. С этого момента все три фигуры на аверсе византийских монет времен Ираклия I получили одинаковые короны.

[26] Мы не ставим перед собой цель привести вариации таких монет, различимых по эмиссионным символам реверса. Ведь они давно уже изданы и хорошо известны специалистам. Заметим только, что по данным Д.Р. Сира, подобные золотые выпускались с эмиссионными символами «A», «Γ», «Δ», «E», «S», «Z» и «I» на реверсе. Нумизмат отнес их к выпускам Константинопольского монетного двора [137, p. 166, № 760].

[27] Голова Ираклона не увенчана короной.

[28] У нас нет оснований трактовать символ в конце надписи «VICTORIA AVϚЧ» как обозначение даты по индикту. Не мог он быть и указанием на год правления. Дело в том, что Ираклий I приобщил Ираклона к власти за шесть лет до своей смерти, однако на их совместных монетах известны эмиссионные символы «Θ» (Рис. 1,*5*) и «I» (Рис. 1,*1*), цифровое значение которых соответствует девяти и десяти.

[29] Несмотря на выясненные обстоятельства, мы все же не решаемся безоглядно отвергнуть гипотезу В. Хана о возможности датирования солидов по индикту. Дело в том, что в ряде регионов Византийской империи, к примеру, в Карфагене, при Ираклии I, выпускали золотые с эмиссионными символами «A», «B», «Γ», «Δ», «E», «S», «Z», «H», «Θ», «I», «IA», «IB», «IΓ», «IΔ» и «IE». Большинство нумизматов–византинистов считают их обозначениями даты эмиссии по индикту [108, p. 118. Tab. 14; 137, p. 186. № 866, 867]. Действительно, они не могли быть метками официн. Странно, правда, что эти символы известны на монетах Ираклия I и Ираклия II Константина, правивших совместно с 613 г., т.е. со второго индикта. Но в данном случае есть возможность списать casus на ошибку резчика. Тем более что у нас есть более веские основания не согласиться с общепринятой точкой зрения. Дело в том, что при Константе II и Константине IV Погонате в Сицилии

австрийским нумизматом (Рис. 1,*16,18*). Ведь, если В. Хан прав, то их датировка возможна только с учетом эволюции иконографии образа императора. По логике исследователя, эти монеты могли выпускать на протяжении большей части правления Константа II. Но в таком случае, как быть с приведенными нами изображениями солидов[30] этого же императора с «A», «B», «Γ», «Δ», «E», «Z», «H», «Θ» и «I» на реверсе, на лицевых сторонах которых изображен молодой василевс, в нижней части лица которого просматриваются усы и короткая бородка (Рис. 1,*7–15*)? Очевидно, что их не могли выпустить с 642 по 651 гг. – в первые десять лет правления Константа II, как следовало бы считать по логике В. Хана, т.к. на самых ранних монетах этого правителя изображали безбородым (Рис. 1,*6*). По мнению Ф. Грирсона, портрет бородатого и усатого Константа II появился на золоте только в 647 г. [109, p. 423. Cl. II. № 11a–18b. Pl. XXIV,*13c–16a*]. Далее, если изданные В. Ханом солиды Константа II с эмиссионными символами «A» и «I» на реверсе (Рис. 1,*6,18*) все же можно датировать 642–651 [109, p. 421–422, 423. Cl. I, II. № 1a–9, 11a–18b. Pl. XXIV,*1c–8*,*13c–16a*] и 651–654 [109, p. 424–425. Cl. III. № 19a.1–21c. Pl. XXIV,*19a.2–21c*] гг. соответственно, то, как быть с приведенными нами изображениями золотых с метками «A», «B», «Γ», «Δ», «E», «Z», «H», «Θ» и «I» на оборотной стороне, на аверсе которых изображен бородатый и усатый молодой василевс (Рис. 1,*7–15,17,19–20*)? Очевидно, что эти эмиссионные символы не являлись обозначениями даты эмиссии ни по индикту, ни по году правления, т.к. монеты этой группы выпускали сравнительно недолго – с 647 по 651 г. [109, p. 423. Cl. II. № 11a–18b. Pl. XXIV, *13c–16a*]. Вообще, хорошо прослеживаемые тенденции эволюции иконографии образа Константа II на изображениях солидов, приведенных нами на Рис. 1,*6–20*, никоим образом не соответствуют датам, полученным австрийским исследователем в результате анализа эмиссионных меток. Причем дело даже не в том, что на солидах Класса III, выпущенных в 651–654 гг., т.е. в 10–13 гг. индикта (Рис. 1,*16–20*)[31], известны все те же эмиссионные символы «A», «B», «Γ», «Δ», «E», «S», «Z», «Θ» и «I» [60, Tab. 53,*58*; 108, p. 425]. Ведь можно предположить, что монетчики традиционно размещали привычное изображение правителя на штемпелях золотых монет. Куда интереснее ситуация с солидами[32], изображенными на Рис. 2,*1–4*. Хорошо видно, что на их аверсах оттиснуты изображения старшего августа и его соправителя – будущего Константина IV Погоната (668–685). На оборотных сторонах монет просматривается эмиссионный символ «+», а в конце надписи «VICTORIA AVϚЧ» видны буквы: «E», «Ϛ», «Z» и «H». По логике В. Хана, эти солиды могли быть выпущены в Херсоне в пятый, шестой, седьмой и восьмой годы индикта, т.е. в 646/7, 647/8, 648/9, 649/650, 661/2, 662/3, 663/4 или в 664/5 гг. Однако монетная эмиссия от имени Константа II и молодого (т.е. безбородого) Константина прошла в 654–659

чеканили монеты с эмиссионными символами «ΘI», «IP», «HΛ» и «HΛP» [109, p. 119], которые точно не могли быть ни указаниями на дату выпуска, ни обозначениями номинала. Заметим, что столь же загадочные эмиссионные символы известны не только на монетах периферийных монетных дворов. К примеру, в Александрии при Ираклии I на солидах оттискивали метки «IΠ» и «IX» [108, p. 114]. Заметим, что традиция размещения подобных обозначений сохранилась до кон. VII в. Так, в Италии при Константе II и Константине IV Погонате выпускали золотые со сложными лигатурами: ȣ, Φ, ȣ, ϛи ⚓ [109, p. 122. Tab. 16]. Очевидно, что они не могли быть обозначениями даты по индикту. Считаем, что установление значение всех этих многобуквенных обозначений – дело будущего.

[30] Подобные монеты хорошо известны специалистам. Их относят к чекану Константинополя [60, Tab. 52,*17,21,23*; 101, p. 94–95. № 224; 106, Pl. 16,*283*; 107, Pl. XXIV,*4a,21c,23b*; 126, Pl. LI,*15,16,23,27,28,31–33*; 137, p. 202, 203. № 948, 950, 952, 958].

[31] Заметим, что В. Хан переиздал солид Константа II [118, p. 521. № 30] (Рис. 1,*16*), описанный И.И. Толстым [60, с. 735–736. Pl. 53,*58*] (Рис. 1,*17*). Австрийский нумизмат отнес его к чекану Херсона. Однако И.И. Толстой не привел никаких сведений о месте обнаружения этой монеты. Из его описания следует только то, что этот солид находился в собрании Эрмитажа [60, с. 736].

[32] Константинопольские золотые этой разновидности изданы [60, Tab. 55,*245*; 109, Pl. XXIV,*27b*; 126, Pl. LII,*51,52*; 137, p. 203, 204. № 961, 963, 966].

гг. [109, p. 427–429. Cl. IV. № 25a–27f. Pl. XXIV]. Как видим, если следовать логике В. Хана, то нам остается только предполагать, что или монетчики Херсона, разрабатывая новые штемпели аверса, игнорировали канонические изображения василевсов, при каждом новом воцарении рассылаемые по всей империи [16, с. 202–203], или же использовали одни и те же чеканы лицевой стороны в течение десятилетий. Очевидно, что эти доводы весьма спорны. Ведь мы знаем, что монетная регалия в Византии до кон. XI в.[33] принадлежала только императорам, кроме всего прочего, информирующих с ее помощью население обо всех изменениях на властном Олимпе. Да и штемпели не могли использовать так долго. Кроме того, на солидах Константа II, правившего 27 лет, известен эмиссионный символ «Λ» (30) [109, p. 421, Cl. I (d), № 4a]. Очевидно, что он не мог обозначать ни дату по индикту, ни год правления. Следовательно, мы не можем согласиться с логикой В. Хана и принять его атрибуцию символов: «A», «B», «Γ», «Δ», «E», «S», «Z», «H», «Θ» и «I», размещенных в поле или правее надписи «VICTORIA AVϚЧ». Считаем, что все однобуквенные эмиссионные обозначения, заинтересовавшие австрийского исследователя, являлись метками официн[34].

Но вернемся к атрибуции символов «X» и «+». Если наши рассуждения верны, то они не могли быть метками монетных мастерских. Ведь, как уже было установлено, в легендах реверса изучаемых золотых уже присутствуют стандартные обозначения официн. Напомним, что, по В. Хану, «X» и «+» проставлялись только на солидах, выпущенных на денежном дворе Херсона. К сожалению, ученый не счел необходимым обосновать свою точку зрения каким-либо новым прочтением монетной легенды. Он основывался исключительно на статистике находок солидов с «X» и «+» на реверсе. Однако у нас есть веские основания не принимать его довод на веру. Первым делом выскажем наши соображения по поводу редкости монет, заинтересовавших австрийского исследователя. Для этого обратимся к работам по монетному делу Византии. Судя по общеизвестным каталогам, символы «X» и «+» на реверсе византийских золотых не столь уж и редки[35]. К настоящему времени выработаны предположения, как принято считать, позволяющие объяснить причину их появления. Согласно самой распространенной гипотезе, предложенной некогда Х.Л. Адельсоном, в VI–VII вв. метки «X» и «+» служили обозначением номинала византийских золотых. По мнению ученого, их размещали на монетах в 23,5 силиквы [90, p. 66]. Действительно, в этот период времени легковесные золотые разных достоинств выпускались в огромном количестве на большинстве монетных дворов империи. Обращались они на всей территории Византии и далеко за ее пределами. Однако выявить золотые в 23,5 силиквы нам все же представляется проблематичным[36]. Дело в том, что обозначения «С» и «+», как правило[37], известны только на полновесных[38] солидах. Так, по данным Ф. Грирсона,

[33] Мы не имеем в виду эмиссии многочисленных претендентов на престол, т.к. их все же можно отнести к выпускам василевсов. Так, только в конце XI в., при Алексее I Комнине в обращение поступили т.н. «анонимные фоллисы», чеканенные Феодором Гаврой – севастом и дукой Халдии [21, с. 233–235; 84, с. 44; 94, №7–8; 90, p. 211. Pl. 30B; 97, p. 126–136; 98, p. 64–65; 105, s. 267; 119, p. 438].

[34] Заметим, что наша точка зрения практически общепринята в среде нумизматов–византинистов [106, p. 22–24; 126, p. 336; 137, p. 22; 151, p. XCIX].

[35] Практически все монеты, приведенные нами на Рис. 1,*8–13,15,17,18*, изданы в классических или, по крайней мере, достаточно широко известных трудах по монетному делу Византии [59; 60; 101; 106; 108; 109; 126; 137].

[36] Как нам кажется, в VI–VII вв. было довольно проблематично наладить эмиссию золотых монет определенного веса. Ведь общий уровень развития тогдашней техники и состояние метрологии не позволили бы это добиться. Считаем, что значение этих символов может быть выяснено только в будущем.

[37] Исключением является солид Константа II, изображенный на Рис. 1,*19*. На его реверсе различимы не только CONOB+, но и восьмиконечная звезда (✳), по мнению Ф. Грирсона, оттискиваемая на монетах в 23 силиквы [109, p. 426. № 22a–24d]. Отметим, что Х.Л. Адельсон считал, что обозначения CONOB+ и ✳ выбивали на золотых в 23¾ солида [90, p. 66]. Приведенная нами в качестве иллюстрации монета была издана Ф. Грирсоном [106, Pl. 18,*319*; 109, Pl. XXIV,*23b*].

номизмы константинопольского чекана с обозначениями CONOB+ (и, вероятно, CONOBX) при Ираклии I и Константе II весили в среднем 4,44 г [108, p. 256, 259–260, № 28a, 37a–37c, 39^2a–39^2b; 109, p. 421–425, 428, 430, 432–435, № 4b, 9, 14a–14c, 17a–17c, 19k, 21a–21c, 27a–27e, 29a–29g, 32a–32e, 35, 37, 41a–41d, 43a–43d], что вполне соответствует монетной стопе полноценного византийского золота VI–VII вв. [106, p. 93]. Символы «Χ» и «+» наверняка имели какое-то иное значение. Для определения его попытаемся выделить подобные «странные» символы на одновременных им монетах. К счастью, искать их нет нужды. Как известно, при Ираклии II Константине, Ираклоне и Константе II на полновесных константинопольских солидах появились дифференты «C», «I», «K» и «S» [108, p. 388, 421–422]. Очевидно, что они не могли служить обозначениями номинала. В тоже время на этих монетах присутствуют стандартные обозначения официн. Следовательно, символы «+», «C», «I», «K», «Λ»[39], «S» и «X» имели какое-то иное значение. Предполагаем, что их использовали для маркирования солидов каких-то целевых эмиссий[40]. В любом случае, они были метками монетного двора. Нам определенно известно только то, что к началу VIII в. эти обозначения[41] вытеснили метки официн. Контрольные символы «Ε», «Θ» и «Χ» проставляли на византийских золотых в VIII–X вв.

Однако вернемся к анализу гипотез В. Хана. Как мы уже установили, у нас есть все основания сомневаться в обоснованности его предположения о возможности датировать ранневизантийские солиды по буквенным обозначениям, размещенным в конце легенды реверса. Остается только проверить его предположение о самой возможности золотого чекана в Херсоне при Ираклии I и его ближайших преемниках. Для этого попытаемся расширить круг исследуемого материала. Дело в том, что символы «C» и «+» встречаются на реверсах множества разновидностей византийских золотых. На Рис. 2 мы приводим солиды Константа II и Константина IV Погоната, по непонятным для нас причинам не заинтересовавших уважаемого исследователя. Заметим, что все они уже давно изданы. Нам удалось выявить шесть разновидностей подобных монет в работах нумизматов XIX–XX вв. Первые четыре из них были выпущены при Константе II: с фигурами старшего августа и его Константина на аверсе и с Иерусалимским крестом на реверсе (Рис. 2,*1–4*), с портретом автократора на лицевой и его сыновей Константина (в центре), Ираклия (справа) и Тиверия (слева) на оборотной стороне (Рис. 2,*5*) [151, Pl. XXXI,*1*], а так же с изображениями Константа II с основным наследником на аверсе и Ираклия и Тиверия, разделенных длинным крестом на шаре (Рис. 2,*6–9*) или крестом на Голгофе на реверсе (Рис. 2,*10*) [60, Tab. 56,*286,318,322*; 106, Pl. 16,*285*]. Выпуск золотых с обозначениями «C» и «+» был продолжен и при Константине IV Погонате. Так, Ж.П. Сабатье и А. Коэн издали солид [132. p. 12–13. Pl. XXXV,*13*] (Рис. 2,*11*), выпущенный в первый год правления этого императора [109, p. 525–526. Cl. I. № 1a–3]. Примечательно, что на его реверсе были размещены все те же изображения младших сыновей Константа II: Ираклия и Тиверия. Обозначения «C» и «+» встречаются и на позднейших монетах Константина IV Погоната. На Рис. 2,*12,13* приведены изображения солидов этого правителя, по мнению Ф. Грирсона, выпущенных в 674–681 гг. [109, p. 527–528. Cl. III. № 8a–10h. Pl. XXXII][42]. На их реверсе в окончании легенды

[38] Правда, некоторый разброс все же наблюдается. К примеру, известны экземпляры с весом ок. 4,35 г. Но большая часть солидов этой группы содержит от 4,44 до 4,48 г. золотого сплава. Ф. Грирсон считает: «*The classes of normal solidi are as follows*» [106, p. 93].

[39] Встречается на константинопольских солидах Ираклия I 638–641 гг. [137, p. 166. № 768].

[40] Мы отдаем себе отчет в том, что проверка нашей гипотезы должна занять определенное время. Планируем заняться этим в ближайшем будущем.

[41] Ф. Грирсон именовал их *control letters* или *control marks* [110, p. 77–78, 328].

[42] Примечательно, что исследователю было известно только две разновидности солидов этого класса, легенда реверса которых заканчивалась бы «X» или «+» [109. p. 528. Cl. III(b). № 9a–9b. Pl. XXXII]. второй и десятой официн. Мы же приводим изображения золотых этого же подкласса, выпущенных в пятой (Рис. 2,*8*) и седьмой

«VICTORIA AVϚЧ» хорошо видны эмиссионные символы «+». Заметим, что по логике австрийского нумизмата, эти золотые следует отнести к чекану Херсона. Однако, с нашей точки зрения, этого делать не стоит. Дело в том, что, как уже было установлено, облегченные солиды с такими обозначениями чеканили десять официн. Но такое количество монетных мастерских при Ираклии I, Константе II и Константине IV Погонате было только в крупнейшем эмиссионном центре империи – в Константинопольском монетном дворе [137, p. 162–168, 201–206, 231–233]. Очевидно, что если Херсон и выпускал золото при этих императорах, то явно не в столичных масштабах. Считаем, что выявленное обстоятельство заставляет нас усомниться в верности атрибуции символов «Х» и «+», предложенной В. Ханом.

Кроме того, мы вынуждены заметить, что, обосновывая свою гипотезу, В. Хан не обратил внимания на некоторые достаточно важные обстоятельства, без учета которых атрибутирование византийских золотых, с нашей точки зрения, весьма затруднительно. Начнем с того, что, если следовать логике исследователя, в Херсоне чеканили из золота только солиды. Ведь обозначения «Х» и «+» на фракциях этих золотых ему не были известны. Мы находим это весьма странным. Дело в том, что, если австрийский исследователь прав, то выпуски этих золотых могли проходить отнюдь не для наполнения денежного обращения на полуострове. Ведь при ближайших наследниках Ираклия I в Тавриде практически свернулось производство разменной медной монеты[43]. Но, в то же время, золотые, относимые В. Ханом к херсонской чеканке, не поступили к северопричерноморским варварам. По крайней мере, они не встречаются в кладах – сокровищах племенных вождей. Неизвестны и их единичные находки [30]. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что солиды с эмиссионной меткой CONOB+ в Херсоне не выпускались и в Северном Причерноморье практически не обращались.

Подытожим результаты нашей проверки гипотез австрийского исследователя. Как видим, мы несколько расширили круг учтенных им критериев. В частности, была проанализирована статистика находок золотых с «Х» и «+», учтены их весовые характеристики, было высказано предположение об обстоятельствах, приведших к началу эмиссии монет с *control letters*. Мы постарались объяснить и тот факт, что заинтересовавшие В. Хана обозначения

(Рис. 2,*9*) монетных мастерских. Предполагаем, что солиды с подобными обозначениями чеканили во всех отделениях Константинопольского монетного двора.

[43] Заметим, что состав денежного обращения Тавриды при ближайших наследниках Ираклия I все еще не изучен в полной мере. Достоверно известно только то, что при Константе II на полуострове на короткий период времени возобновилась эмиссия региональной меди. При этом императоре в обращение поступили фоллисы, на аверсе которых были оттиснуты фигуры самого старшего августа и его наследника Константина. На реверсе этих бронз размещали изображение мужчины, похожего на Константа II. Несмотря на то, что эти монеты были описаны еще И.И. Толстым [60, с. 775–776. № 282. Pl. 56,282], отнесшим их к эмиссии Константинополя, к сожалению, нумизматы–византинисты так и не выработали единой точки зрения по вопросу их атрибуции. Так, если В.В. Гурулева, С. Морриссон и В. Хан считают, что эти монеты чеканили в Херсоне [23, с. 182–186; 118, p. 521–522, № Fig. 31–32; 126, p. 371], то их оппоненты Ф. Грирсон и В.А. Сидоренко убеждены в боспорском происхождении этих бронз [48, с. 374–376. Табл. XIII; 109, p. 38–39]. В то же время А.М. Гилевич и И.В. Соколова не решались отнести их к эмиссии какого-либо из упомянутых таврических городов [51, с. 29]. Мы не видим необходимости включаться в эту дискуссию. Заметим только, что литые подражания таврическим гемифоллисам последних императоров дома Юстиниана I и Фоки (а не заинтересовавших этих ученых бронз Константа II или фоллисов Ираклия I) выпускали еще в начале правления Вардана Филиппика [66, с. 119; 74, с. 192. Рис. 1,*1,2*; 75, с. 166. Рис. 1,*1,2*; 76, с. 139. Рис. 1,*1,2*]. Следовательно, разменные монеты первых Ираклидов таврического чекана не играли сколько-нибудь важной роли в денежном обращении полуострова, что, как нам кажется, говорит не об упадке экономики (надчеканка прежних выпусков шла при Ираклии I весьма активно [66, с. 118–119]), а о какой-то особой цели их эмиссии. Если они не послужили образцами для копирования, то, следовательно, не были известны населению, т.е. практически не обращались в городах. Предполагаем, что они представляли собой две серии MMI, обращавшихся в основном в среде военных.

встречаются только на солидах и неизвестны на их фракциях. Тщательно проверив гипотезы В. Хана, мы пришли к выводу об их недоказуемости. У нас есть все основания согласиться с практически общепринятой точкой зрения, согласно которой изданные австрийским исследователем солиды были выпущены на монетном дворе Константинополя.

Однако мы все же считаем свои долгом продолжить исследование, начатое В. Ханом. Проблема в том, что эмиссионные символы «Х» и «+» встречаются не только на ординарном золоте VI–VII вв. эмиссии Константинополя. На Рис. 3 мы приводим изображения солидов (Рис. 3,*1–3*) и тремиса (Рис. 3,*5*) Константа II и Константина IV итальянской чеканки. Начнем с первых трех монет, отнесенных У. Россом к выпускам Рима[44] [151, p. 306. Pl. XXXV,*1–3*]. На реверсе этих монет заметны эмиссионные метки, основу которых составляет хорошо узнаваемый символ «+»[45]. Предполагаем, что легенды этих золотых не содержат стандартные для раннесредневековой Византии обозначения номиналов. Ведь, в противном случае, их уж очень сильно видоизменили. Как видим, на реверсе золотых были оттиснуты символы ȼ (Рис. 3,*1–2*) и ⚓ (Рис. 3,*3*). Предполагаем, что они могли служить метками монетных мастерских[46]. Мы можем отнести к солидам с «Х» или «+» на реверсе только золотой[47] сицилийского чекана, изображенный на Рис. 3,*4*. [109, p. 488. № 157–158a.2. Pl. XXX,*158a.2*]. На его оборотной стороне в конце легенды отчетливо виден крест. Вернее всего, эмиссия этих красивых, грамотно оформленных монет была связана с попыткой Константа II перенести столицу в западные провинции империи. Однако после гибели василевса двор вновь вернулся в Константинополь, причем наследники правителя уже и не пытались подчинить себе Италию. На короткий период времени на полуострове возобладали лангобарды. Их формирующееся государство нуждалось в постоянном притоке наличности. Конечно, византийские центры Италии и Сицилии[48] продолжали денежную эмиссию. На Рис. 3,*5* приведено изображение солида[49] Константина IV Погоната, отчеканенного в неустановленном эмиссионном центре [110, p. 560. Pl. XXXVI,*70a*]. На его реверсе просматривается знак Ф, который, как и в случаях с римскими солидами Константа II (Рис. 3,*1–3*), нельзя считать обозначением номинала. Заметим, что при этом же правителе на прочих италийских монетных дворах выпускали монету с ординарными для империи эмиссионными знаками.

Обратим внимание на тремис, изображенный на Рис. 3,*6*. На его реверсе заметен символ «+»[50]. Однако византийского золота в регионе все же не хватало. И варвары стали выпускать свои монеты. Начали они, естественно, с копирования. Причем, образцами для него послужили золотые италийского и, вероятно, константинопольского чекана. На Рис.

---

[44] Ф. Грирсон разделяет его точку зрения [109, p. 501–502].

[45] Монетные дворы византийской Италии при Константе II и Константине IV Погонате размещали на реверсе своих золотых символы, в состав которых обязательно входил крест. Так, Ф. Грирсону были известны лигатуры, в состав которых входили символы: ɵ, Ф, ȼ, ƈ и ⚓ [109, p. 122. Tab. 16].

[46] Их смысловое значение пока не установлено.

[47] Ф. Грирсон издал так же солиды с эмиссионным знаком «А» в поле реверса. [109, p. 488. Pl. XXX,*157*].Но мы не будем акцентировать внимание на их анализе, так как не ставим перед собой цель атрибутировать все эмиссионные знаки на ранневизантийском золоте.

[48] В «Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection» приведено описание солидов Константина IV Погоната, отчеканенных в Сиракузах [109, p. 552. Cl. III, Mule of Cl. III–IV. № 57a–58. Pl. XXXV,*57a–58*]. Примечательно, что на их реверсах на месте официны хорошо видны стандартные «+».

[49] В этой же работе приведено описание весьма схожей золотой монеты, по мнению издателя, выпущенной на неизвестном италийском монетном дворе [109, p. 560. Pl. XXXVI,70a]. В отличие от солида, изображенного на Рис. 3,*5*, на ее реверсе помещен эмиссионный знак ƈ. Вернее всего, он также являлся меткой монетного двора.

[50] Само наличие символа «+» на реверсе рассматриваемой монеты подтверждает наше предположение о том, что при ближайших наследниках Ираклия I наметилась тенденция отказа маркирования монет по официнам и переходу к *control letters*.

3,*7–9* приведены разновременные имитации византийских солидов. Первый из них (Рис. 3,*7*) был найден на Балканах и хранится в Белградском музее [39, с. 144. № 520. Таб. 32,*520*]. На его стороне оттиснуты хорошо узнаваемые изображения Ираклия I и Ираклия II Константина. На реверсе монеты виден неумело переданный Крест на Голгофе. Впрочем, подобные изображения встречаются и на обычных солидах византийской чеканки [108, p. 247–254. Cl. II. № 8a–25. Pl. VIII,*8g–23e*]. Куда интереснее легенды. Они представляют собой набор черточек. Различимы только буквы «V», «X» и «Y» на аверсе и «D», «Λ», «N», «O», «V» и «X» на реверсе. Заметим, что комбинации из этих символов на настоящих золотых не встречаются. К сожалению, издатели не задались вопросом датирования этого золотого. Мы же, в свою очередь, рискнем предположить, что копировали ходячую монету, хорошо известную на денежном рынке. Считаем, что подражание из Белградского музея могло быть выпущено при Ираклии I или его ближайших преемниках. Причем, обратим внимание на то, что правее и левее Креста на Голгофе отчетливо различимы символы «+». Мы не склонны объяснять их появление какой-либо случайностью. Вернее всего, эти символы воспринимали как обязательный элемент оформления крупной золотой монеты. С другой стороны, очевидно, что рассматриваемая нами имитация представляет собой подражание разновременным византийским золотым монетам. Дело в том, что эмиссионные символы «Χ» и «+» на солидах Ираклия I Класса II не встречаются [108, p. 247–254. № 8a–25. Pl. VIII,*8g–23e*]. Очевидно, что выпустили это подражание не раньше появления в обращении солидов с эмиссионными символами «Χ» и «+», т.е. после 638 г.

Не менее интересны имитации солидов из Италии, изданные У. Россом [150, Pl. XXV,*8;* XXIII,*1–5*] и Е. Арсланом [93, № 180]. Первая из них[51] (Рис. 3,*8*) является довольно профессионально выполненным подражанием золотому Константина IV Погоната [109, Cl. III]. Изображения, оттиснутые на ее аверсе и реверсе, выполнены на высоком художественном уровне. Правда, монетные легенды изобилуют ошибками. Особо много их на аверсе. Однако легенда реверса все же читаема. Определенно различимо слово «VICTORIA». Также очевидно, что часть надписи, обрамляющей слева и справа Крест на Голгофе, заканчивается «+». Это, как и в предыдущем случае, дает нам основания считать, что копировали ординарный солид серии «+» Константина IV Погоната.

Заметим, что традиция размещать в легенде реверса солидов кресты и буквы «Χ» разных начертаний сохранялась и при последних лангобардских правителях Италии. На Рис. 3,*9* приведено изображение солида герцога Беневетского Гримоальда III (788–792). В легенде реверса монете, оформленной в соответствии с местными традициями, отчетливо просматривается лигатура ℞, которую со времен У. Росса принято расшифровывать как «Rex» – «*царь*» [150, p. 333]. Очевидно, что значение символа «+» изменилось. Он уже не служил ни обозначением номинала, ни маркой специальной серии. Очевидно, что и в Константинополе, и в находящейся под его влиянием Италии сменилась система эмиссионных обозначений. Уже в конце VII в. с реверса золотых монет исчезло привычное буквосочетание CONOB[52]. Вероятно, предполагалась, что вся эмиссия золота будет проходить только в Константинополе. Однако солиды провинциального чекана продолжали поступать в обращение. И столичные монетчики создали новую систему эмиссионных обозначений. Перейдем к Рис. 4. На нем приведены изображения византийских золотых VIII–IX вв.

---

[51] Издатель датировал ее второй половиной VII – началом VIII вв., т.е. периодом правления лангобардских королей Рамоальда I (662–687), Гримоальда II (687–689) и Гисульфа I (689–706) [150, p. 190. № 2].

[52] Заметим, что золотые с меткой CONOB в IV–VII вв. выпускались по всей империи. Однако выделить монеты провинциальной и столичной эмиссии все же удается. При этом учитывается максимально возможное количество факторов, позволяющих охарактеризовать нумизматический материал: обстоятельства находки, ареал обращения, вес, проба, эмиссионные знаки, а так же проводится штемпельный анализ. Результаты подобных исследований приведены в основополагающих трудах по монетному делу Византии [106; 107; 108; 109; 110; 111; 112; 113; 114; 115; 126; 127; 150; 151; 152].

Обратим внимание на константинопольский солид [110, p. 349, № 1c] Ирины[53] (797–802) (Рис. 4,*1*). На его реверсе хорошо заметен символ «Χ», очевидно, не являющийся элементом надписи ΕΙΡΙΝΗ ΒΑΣΙΛΙΣΣΗ (Εἰρήνη βασίλισση) – «*Ирины царицы*». Заметим, что на золотых Ирины в этой же части монетного поля реверса встречаются также символы «Q» и «⊕»[54] [110, p. 349]. Если наши рассуждения верны, то все эти буквы являются эмиссионными знаками.

Судя по нумизматическому материалу, эмиссия солидов с контрольным символом «Χ» продолжалась с перерывами до конца X в. Она прослеживается при Никифоре I (802–811)[55] и Ставраkии (811) [110, p. 353, 355–356, № 1b, 2b1–2c1] (Рис. 4,*2,3*), Михаиле I Рангаве (811–813) и Феофилакте [110, p. 364, 366, № 1a.1] (Рис. 4,*4*), Льве V Армянине (813–820) и Константине[56] [110, p. 372, 375–376, № 1, 2b.1–2b.3, 3a.1–3b.2] (Рис. 4,*5*), Михаиле II Аморейском (820–829) и Феофиле (829–841) [110, p. 394–395, Cl. II, № 2b, 3b, 5b] (Рис. 4,*6*), Феофиле и его соправителях: Михаиле III (841–867) и Константине [110, p. 425–426, № 1c.1, 1c.2, 3b.2–3c.3] (Рис. 4,*7*). Во времена самостоятельного правления Михаила III контрольный символ «Χ» на золотых не проставляется. Нет его и на номизмах Василия I Македонянина (867–882), Льва VI Мудрого (882–912) и Александра (912–913. Он появился на реверсе солидов при Константине VII Багрянородном (913–959) [152, p. 465, № 65. Pl. LIII,*13*] (Рис. 4,*8)*. Кроме «Χ», при нем на византийском золоте стали выбивать контрольные символы: «b», «h», «i», «R» и «т» [152, p. 456–466]. Эмиссионные буквенные обозначения[57] оттискивали на истаменонах еще в начале правления Никифора II Фоки (963–969) [152, p. 471. Type I]. Однако на его тетартеронах контрольные символы отсутствуют [111, p. 584–585]. Эта тенденция сохранилась и при последних представителях Македонской династии и их соправителях. На золоте столичного чекана, как правило, не оттискивали буквенные *control letters*. Зато легенды аверса и реверса истаменонов и тетартеронов стали обрамлять крестами. Обратим внимание на золотые указанных номиналов, чеканенные при Василии II Болгаробойце (963–1025) и Константине VIII (1025–1028) (Рис. 4,*9,10*). Культовые символы хорошо заметны на их лицевой и оборотной сторонах. При дочерях Константина VIII и их соправителях на византийских золотых также не размещали эмиссионных символов. Правда, на тетартеронах иногда выбивали кресты в начале легенд аверса или реверса[58], но эти культовые символы не могли быть эмиссионными знаками.

Византийские монетчики относились к *control letters* с большим вниманием. На Рис. 5. приведены изображения солидов, выбитых подрезанными штемпелями реверса. Хорошо заметны следы этой переделки на номизме Никифора I и Ставракия (Рис. 5,*1,2*). Как видим, на этом штампе *control letters* «Ε» был заменен на «Χ». По тому же принципу был модифицирован чекан реверса номизмы Михаила II (820–829) и Феофила (829–842) (Рис. 5,*3,4*). При небольшом увеличении заметно, что последним символом легенды оборотной стороны этой

---

[53] Control letters появились еще при Льве III Исавре [110, p. 78. Tab. 7]. Не считаем нужным перечислять все эмиссионные символы, встречающиеся на византийском золоте и серебре. Постараемся проследить только историю метки «С». Заметим, что полная информация обо всех этих *control letters*, проставляющихся на солидах Константинополя, приведена в [110, p. 79. Tab. 8].

[54] По мнению Ф. Грирсона, этот знак представлял собой или curious form of «Θ», или сочетание последнего символа с «Х» [110, p. 347], что, с нашей точки зрения, вероятнее. Очевидно, что у нас нет оснований ожидать появления в легенде византийской монеты столь архаического написания «Θ». Ведь символ «⊕», заимствованный греками из финикийского (палеоивритского) алфавита, не использовался ими позже V в. до н.э. [116, p. 94].

[55] Эти императоры начали эмиссию номизм с контрольным символом «Е» [110, p. 352].

[56] При Льве V Армянине и Константине в обращение поступили солиды с меткой «Λ» на реверсе [110, p. 372].

[57] На реверсе его золотых появились аббревиатуры «bK» («RK»?), «IR», «bR», «P», «R», «RP» и «RΓ» [110, p. 582; 152, p. 471].

[58] Они хорошо заметны на тетартероне Михаила VII Дуки (1071–1078) (Рис. 3, *11*).

монеты был «Е». Несмотря на тщательную подрезку, он неплохо просматривается под отчетливым «Х»[59].

Итак, поставив перед собой цель проверить гипотезу В. Хана, мы провели небольшое исследование с целью установить причины появления на реверсе солидов ранневизантийской чеканки символов «Х» и «+». Как было установлено, они представляли собой одну из многих групп *control letters*, размещаемых в VII–X вв. на оборотных сторонах византийских золотых. В любом случае, они не могли быть метками монетного двора Херсона.

Не менее интересная судьба сложилась у небольшой, но весьма интересной публикации известного севастопольского собирателя Н.Н. Грандмезона. В ней шла речь о найденных на территории Херсонесского городища редких или даже уникальных бронзах и о «золотом монетовидном кружке», являвшимся, по мнению исследователя, монетой херсонского чекана [15, с. 209–210]. Издатель определил на его аверсе примитивное изображение императора, а на реверсе – креста на Голгофе, выше которого, по его словам, просматривался предмет, похожий на копье [15. с. 209. Табл,*1*]. Н.Н. Грандмезон датировал свою находку правлением Константина VII Багрянородного [15, с. 210]. По мнению исследователя, сама примитивность оформления этого «*кружка*» указывает на его местное, херсонское происхождение[60]. Развивая свое предположение, нумизмат допустил, что отсутствие в легенде аверса изучаемого им солида имени правителя говорит о несанкционированности (sic!) имперскими властями его эмиссии[61] [15, с. 210]. То, что эта статья вышла в одном из авторитетнейших исторических изданий – «Византийском временнике», дало основания некоторым византинистам рассуждать о возможной самостоятельности Херсона в Х в. Однако, с нашей точки зрения, выводы Н.Н. Грандмезона покоятся на весьма зыбкой почве. Попытаемся доказать нашу правоту, и, одновременно, проверить результаты исследования уважаемого коллекционера. Начнем с анализа самых значимых элементов оформления, т.е. с монетных легенд. Заметно, что надпись просматривается только на реверсе «золотого монетовидного кружка». Правда, она не читается. Как верно подметил Н.Н. Грандмезон, легенда реверса состоит «из прямых и наклонных черточек». Заметим, что подобного рода тексты на византийских монетах не встречаются. Далее, судя по основным элементам оформления, «золотой монетовидный кружок» должен быть солидом. Ведь на его реверсе был оттиснут крест на Голгофе. Правда, настораживает сообщение автора о «*предмете, похожем на копье*», помещенном на оборотной стороне монеты над культовым символом. Дело в том, что изображения этого вида оружия на византийских монетах со времен Тиверия III Апсимара (698–705) не встречаются. Кроме того, находка Н.Н. Грандмезона не содержала и четверти веса металла, шедшего на номизму. Да и диаметр у «*золотого монетовидного кружка*» был в 1,5 раза меньше, чем у солида. Однако все эти обстоятельства не смутили нумизмата. Он счел возможным отнести «золотой монетовидный кружок» к херсонской эмиссии Константина VII (913–959), т.к. «*в другие периоды на монетах не было изображений императоров такого типа, за исключением монет, где на аверсе изображен император Лев VI*» [15, с. 210]. Против этого трудно что-либо возразить. Вернее всего, Н.Н. Грандмезон приобрел какое-то неизвестное подражание византийскому золоту, которое по приведенному собирателем описанию определить практически невозможно. Ведь в его публикации есть только весьма нечеткая ее фотография. Задача атрибуции «*золотого монетовидного кружка*» осложняется еще и тем, что издатель не счел необходимым ни перерисовать его, ни привести качественное изображение нечитаемой надписи. Можно

[59] Впрочем, необходимо заметить, что подобные подрезки штемпелей для монетного дела Византии отнюдь не редкость. На Рис. 5,5–8 приводим изображения солидов Маврикия Тиверия, Ираклия и его соправителей, а так же Юстиниана II (685–695, 705–711), выбитых такими модифицированными штемпелями.

[60] Что, впрочем, позволило ему заключить: «Трудно предположить, что эти монеты предназначались для широкого обращения» [15, с. 210]. Мы разделяем эту точку зрения.

[61] Напомним, что легенды, выбитые на «*золотом монетовидном кружке*» – нечитаемые.

только предполагать, что эта находка, судя по весу, могла быть четвертью номизмы – номиналом, широко используемым населением варварской Таврики [20, с. 441]. Но, вернее всего, Н.Н. Грандмезон издал одну из множества современных фальшивок, волей судьбы оказавшихся в его собрании. Мы также уверены, что следует тщательно проверить выводы этого нумизмата, сделанные им как в ходе изучения «золотого монетовидного кружка», так, впрочем, и большинства других уникальных монет, известных только по его публикациям.

Итак, если наши рассуждения верны, то гипотезы В. Хана и Н.Н. Грандмезона, о возможности эмиссии в Херсоне в VII и в X вв. византийского золота, снабженного эмиссионными метками, следует признать ошибочными. Возможно, что в нем все же выпускали золотую монету[62], но, очевидно, что у нас нет никаких оснований ни согласиться с атрибуцией символов «Χ» и «+», предложенной австрийским исследователем, ни принять гипотезу севастопольского коллекционера о том, что его «*золотой монетовидный кружок*» был выбит в Херсоне, т.к. на его реверсе был размещен «*крест на трех ступеньках, как обычно на херсоно-византийских монетах*»[63] [15, с. 209]. Однако напомним, что современная методология изучения монетного дела Византии позволяет выделять региональные эмиссии. При этом основное внимание уделяется штемпельному анализу. Исследователи ставят перед собой цель выявить группу штемпелей, используемых только в одном регионе[64]. Как известно, в Северном Причерноморье встречаются единичные находки и клады золотых[65] византийских монет и подражаний им.

Обратим внимание на самые значительные и наиболее изученные собрания: Перещепинское[66], Славянское[67] и Чамну-Бурунское[68]. Они сформировались в разных регионах[69], при

---

[62] Предполагаем, что выделить золотые чекана Херсона можно только в результате штемпельного анализа нумизматического материала из северопричерноморских раннесредневековых кладов, а так же внимательного изучения подражаний им.

[63] Считаем, что последний довод совершенно неубедителен.

[64] Понятно, что это стоит делать только при изучении монет из драгоценных металлов.

[65] К настоящему времени лучше всего разработана методика атрибуции византийского золота. Возможно, что в провинциях империи в начале VIII в. не прекратили чеканить серебро. Однако какие-либо знаки, позволяющие определить центры его эмиссии, до сих пор не выявлены.

[66] Было найдено местными жителями близ с. Малое Перещепино (Полтавская обл., Украина) в 1912. В его состав входили 68 византийских золотых монет разных номиналов, а так же 2 медальона времен Ираклия I [30, с. 10, 36. № 250. Рис. 15,16; 52, с. 146–147; 53, с. 17–41, 307–309. Кат. 4,5,11,63,64,65; 94, S. 227–229]. В ходе исследования было установлено, что Перещепинский клад являлся сокровищем тюркского правителя. М.И. Артамонов считал, что сокровище принадлежало хану Кубрату (Κροβάτου, Crobatus, Κοβρ=τος, Κοβρᾶτος, Κουβρ=τος [85, с. 14; 64, с. 112–113. Прим. 267; 125, р. 763]) (632 – ?) [6, с. 163] – союзнику Византии, удостоенного за заслуги перед империей высокого звания πατρικίου – «*патрикия*». По мнению С.А. Плетневой, сокровище собирало несколько представлений рода Дуло: Орган – дядя Кубрата, сам Кубрат и его сын Батбаян [38, с. 289]. В любом случае, клад был схоронен в 70-х гг. VII – в нач. VIII в.

[67] Найден в 1989 г. близ г. Славянск-на-Кубани при вспашке участка земли. Керамический горшок, в котором находилось сокровище, был разбит от удара, а монеты рассеяны по полю. Часть их (207 экз.) удалось собрать сразу же. Они поступили в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицина. Это были солиды Льва III Исавра, выпущенные после 732 г. (2 экз.), Константина V (198 экз.) и Льва IV Хазара (5 экз.), а также два арабских динара первой четверти VIII в. Эту часть клада ввел в научный оборот ее первооткрыватель И.Н. Анфимов [5, с. 218–219]. Сотрудник ГЭ А.И. Семенов попытался восстановить первоначальный состав собрания, а также уточнить атрибуцию его монет. Ученый установил, что в сокровище выпали подражания арабским динарам [47, с. 31]. Изучив сокровище, нумизмат предположил, что оно представляло собой добычу хазарского воина, захваченную в Тавриде при подавлении восстания Иоанна Готского [138, р. 85]. Благодаря его же усилиям, в 1993–2003 гг. в собрание ГЭ поступило тридцать четыре византийских и две арабских монеты из Славянского клада. В 2007 г. вышло в свет фундаментальное исследование Ф. Фюега, подытожившее многолетние исследования монетного собрания [104]. Важной вехой в исследовании памятника стала публикация В.В. Гурулевой его части, попавшей в коллекцию ГЭ. В ней исследователь не только учла все упущения своих предшественников (уточнено количество, указан вес),

разных обстоятельствах и кардинально разнятся по составу. В первый клад выпали подлинные монеты византийского чекана: медальоны и солиды, часть которых стала элементами украшений. Во второй – номизмы Исавров, подражания им, а так же арабские динары; в третий – некачественные местные копии ромейских золотых, выполненные из меди и бронзы. Однако уже первые исследователи этих собраний обратили внимание на тот факт, что подавляющее большинство легковесных[70] золотых и имитаций из этих сокровищ было выбито небольшим количеством взаимосвязанных штемпелей. Так, монеты Ираклия I из Перещепинского клада несут на себе оттиски одиннадцати чеканов лицевой и четырнадцати оборотной стороны [52, с. 147; 53, с. 19, 29]. Солиды Константа II были выбиты семью[71] штемпелями аверса и пятью реверса [52, с. 148; 53, с. 20, 29]. А подражания солидам Льва III (717–741)[72] из Чамну-Бурунского клада (Рис. 7,*1*–*7*) были отчеканены всего одной парой сопряженных штампов[73] (Рис. 7,*9*) [65].

Стоит обратить внимание на медальоны из Перещепино (Рис. 6,*1,2*). Очевидно, что эти мультипли (вес 11,18 и 11,12 г.) были выбиты некачественными штемпелями реверса ординарных солидов, оставивших на них следы «двойного удара»[74] [52, с. 147; 53, с. 18]. Это обстоятельство смутило многих нумизматов. Рассуждали даже о возможности отливки этих медальонов в небрежно выполненной форме, дважды оттиснутой одним и тем же штампом.

Заметим, что у нас есть веские основания вслед за И.В. Соколовой отвергать саму возможность использования подобной технологии. Дело в том, что гурт у этих медальонов острый, а не сглаженный, причем на одном из них заметны трещинки [4, с. 18; 7, с. 147; 8, с. 18–19]. Кроме того, легенды оборотной стороны мультиплей отличаются друг от друга наличием буквы «S» в конце легенды одного из них (Рис. 6,*1,2*), судя по расположению, являвшейся обозначением официны.

Далее, крайне интересно то, что медальоны из Перещепинского клада оформлены в оригинальном стиле, не свойственном византийской традиции. Как известно, мультипли являлись своего рода наградными медалями или памятным знакам, их выпуск приурочивали

продолжила ранее начатое ею изучение граффити [18, с. 45–46], но и проверила атрибуцию ряда монет [17, с. 68–85]. Особое внимание она уделила анализу подражаниям солидам. В.В. Гурулева отнесла их к хазарскому кругу Юга России [17, с. 74].

[68] Обнаружен в 1979 г. в ходе археологических раскопок на мысе Чамну-Бурун (гор. Мангуп). Исследовали его А.Г. Герцен и В.А. Сидоренко. Сокровище состояло из семи имитаций солидам Льва III Исавра (717–741) и одной херсоно-византийской монеты, выпущенной, по мнению издателей, при том же императоре. Исследователи считают, что сам факт эмиссии подобных подражаний свидетельствует об обособлении территорий Юго-Западного Крыма от Византии в период хазарского господства [14, с. 131].

[69] Перещепинский комплекс сформировался в Поднепровье, в среде тюркских союзников Византии [1, с. 182; 38, с. 289]. Причем монеты составляли весьма незначительную его часть. Сокровище из Славянского представляло собой сбережение некоего хазарина, контактировавшего с Тавридой [17, с.74]. Клад, найденный при раскопках укрепления Чамну-Бурун, как мы считаем, являлся схроном неудачливых фальшивомонетчиков, которые, стремясь наладить производство имитаций солидов, испортили подлинные штемпели византийского монетного двора. Считаем, что он мог сформироваться только на периферии византийских владений [65].

[70] Речь идет о монетах в 20 силикв (метки BOXX, OBXX и BOXX+). Нам представляется крайне интересным то, что золотые с BOXX+ на реверсе, по данным Х.Л. Адельсона, встречаются только на территории бывшего СССР, по логике автора – в Поднепровье [90, p. 63].

[71] Предположительно, т.к. на лицевые стороны монет напаяны гнезда [52, с. 148; 53, с. 20].

[72] По мнению Ф. Фюега, этот император правил по 740 г. [104, p. 14, 15].

[73] Правда, А.Г. Герцен и В.А. Сидоренко считают, что было задействовано две пары чеканов. Первой из них было выбито семь подражаний на медных и бронзовых кружках, а вторая будто бы оставила свой оттиск на херсоно-византийской литой монете с «B» на аверсе и с крестом и круговой надписью на реверсе [14, с. 127–128, 129. Рис. 6]. Однако проблема в том, что на последней вовсе незаметны следы надчеканивания. Считаем, что эта монета была отлита в переделанной форме [65].

[74] Ниже мы попытаемся объяснить этот эффект.

к важным событиям в дворцовой жизни. Часто их раздавали варварским вождям. Соответственно, византийские медальоны[75] представляли собой высокохудожественные изделия, оформленные в совершенно ином ключе, чем ходячие монеты. Обратим внимание на мультипль в шесть солидов Маврикия Тиверия [106, Pl. 1,*2*] (Рис. 6,*7*). На его аверсе изображен император в консульском одеянии. В правой руке он держит скипетр, увенчанный фигурой орла[76], а в левой – свиток. На оборотной стороне император в том же одеянии восседает на триумфальной квадриге. Его нимбированную голову венчает корона. Очевидно, что мультипль прославлял успехи Маврикия Тиверия. Заметим, что и у Ираклия I было достаточно оснований выпускать медальоны. Однако они нам неизвестны[77]. Не менее тщательно оформляли и сравнительно легковесные медальоны. На Рис. 6,*5,6* приведены изображения мультиплей Константина I Великого (307–336) в 1½ (вес 6,59 г.) [148] и Феодосия I Великого (379–395) в 1¼ солида (вес 5,2 г.) [149]. Очевидно, что они были выбиты штемпелями, не используемыми для чеканки ходячей монеты.

Теперь вернемся к мультиплям Ираклия I, найденным в Поднепровье (Рис. 6,*1,2*). Как помним, они были выбиты штемпелями солидов. Причем их оттиски покрыли только часть кружков. От остальной части монетного поля она была отделена высоким, небрежно прорезанным валиком, который, судя по экземплярам, изображенным на Рис. 6,*1,2*, был увенчан рельефными крупными точками. Просматривается рамка и по гурту медальона. Заметим, что подобным образом украшали тяжеловесные золотые евлогии (Рис. 6,*4*). Правда, на них валик размещали по краю поля, причем таким образом, чтобы отделить собственно медальон от ажурного обрамления (Рис. 6,*4*). Однако мультипли из Поднепровья весят значительно меньше, и, по логике вещей, не должны были быть украшены подобным образом.

Как видим, мы обнаружили противоречие, незамеченное нашими предшественниками. Попытаемся его разрешить. Очевидно, что относительно легковесные медальоны из Малого Перещепино представляли собой подражания драгоценным евлогиям и тяжеловесным столичным мультиплям. Но почему они были выполнены столь своеобразно? Предполагаем, что их выпускали не в столице, а в провинции, где не было ювелиров нужной квалификации. И предназначались эти медальоны не для раздачи столичным вельможам (они не встречаются в центральных областях Романии), а северопричерноморским варварам.

Считаем также необходимым отметить, что проясненные обстоятельства дают нам возможность восстановить технологию производства поднепровских мультиплей. Судя по тому, что валик реверса[78], хорошо сохранившийся на медальонах, изображенных на Рис. 6,*1,2*, был поврежден при наложении штемпеля солида, мы можем предположить, что формовка изделия проходила в два этапа. Первоначально на аверсе и реверсе оттискивали рамку. Потом заготовку зажимали в сопряженные штемпели. Понятно, что при этом у мастера возникали сложности. Как правило, ему приходилось плющить валики лицевой и оборотной сторон[79]. Иногда (Рис. 6,*1,2*) он был вынужден дважды ударять штампом по

[75] Пользуясь случаем, хотим выразить благодарность А.В. Новикову и М.Ю. Мыскину, предоставившим качественные фотографии мультипля Константина I Великого (Рис. 6,*5*), евлогии Тиверия II Константина (Рис. 6,*4*) и реконструкции медальона Ираклия I и Ираклия II Константина (Рис. 6,*3*) из Северного Причерноморья.

[76] Этот символ власти известен на монетах Римской империи столичного и провинциального чекана. Встречается он и на монетах Херсонеса [64, с. 81–82].

[77] Со времен Ш. дю Фресне дю Канжа принято считать, что при Ираклии I были выпущены медальоны в честь возвращения императором Древа Креста Спасителя из персидского плена (Рис. 6,*8*) [102, Tab. IV,*1*]. Однако, судя по материалам выставки «*Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*», представленной Metropolitan Museum в 2004 г., их чеканили во Франции в начале XV в. (Рис. 6,*9*) [99, p. 76. № 323].

[78] Как видно, он не был окружностью, и, судя по оттискам, штамп забивал его правую верхнюю часть.

[79] На Рис. 6,*1,2* неплохо просматриваются следы деформирования валиков аверсов и реверсов. Заметно, что поверх рамки лицевой стороны наложен текст, а часть обрамления оборотной расплющена.

заготовке. В результате этого на реверсе возникали следы «двойного удара». Зато аверс удавалось оттиснуть с одного удара, так как валик на нем не был столь рельефен.

Считаем, что подобная техника не могла использоваться на столичном монетном дворе. Ведь монетарии константинопольского монетного двора куда лучше оформляли поля медальонов (Рис. 6,*4,8*). А так как мультипли перещепинского типа встречаются только в Поднепровье, то у нас есть основания для локализации региона их изготовления.

Следовательно, у нас есть все основания считать, что в Северном Причерноморье существовали эмиссионные центры, способные при необходимости выпускать небольшие серии византийского золота. Учитывая то обстоятельство, что в регионе к середине VIII в. ромейские πόλεις (греч. *полисы, города*) и φρούρια (греч. *укрепления, крепости*) сохранились только в Таврике, то нам остается только предполагать о возможности в этом регионе золотой эмиссии[80]. В тоже время сам факт использования при их изготовлении штемпелей, практически аналогичных чеканам столичного производства [65] и отсутствии на исследуемых монетах каких-либо эмиссионных знаков не дает нам оснований отнести их производство к какому-либо центру. Предполагаем, что легковесные монеты и медальоны из Перещепино могли быть выпущены как на стационарном монетном дворе, так и в перемещающейся по региону мастерской, работающей на привозном оборудовании. С нашей точки зрения, второе предположение – вероятнее.

Кроме того, мы должны учесть и то обстоятельство, что первые Ираклиды уделяли большое внимание поиску сакральных аспектов легитимизации своей власти[81]. Дело дошло даже до признания Ираклия I мессией и святым[82]. Причем его ближайшие наследники разделяли эту точку зрения. На их монетах выбивали хорошо узнаваемые изображения основателя династии. Однако тяжкие поражения от арабов заставили Ираклидов отойти от столь явного культа великого предка. Поиск сакральных методов легитимизации привел к провозглашению Константа II первосвященником[83]. Следовательно, у нас есть основания

---

[80] Собственно, это предположение было выдвинуто и обосновано еще Н.П. Байером. Ученый считал, что солиды, поступившие в Поднепровье при Ираклии I и его наследниках, могли быть отчеканены в одном из центров Северного Причерноморья [94, S. 228]. Ему вторил Л.А. Мацулевич, предположивший: «*существование такого центра (*прим. М.Ч. – *эмиссионного), каковым мог быть и Херсонес, свидетельствовало бы о больших связях причерноморского степного района с византийским югом*» [35, с. 144]. А это, судя по всем известным источникам, и наблюдалось в VII–VIII вв.

[81] Ираклий I и его старший сын Ираклий II Константин выступали как «πιστοὶ ἐν Χριστῷ βασιλεῖς» – «*верные во Христе цари*». Заметим, что их предшественники не именовали себя василевсами. Так, к примеру, Юстиниана I Великого титуловали по римской традиции «ἐν ὀνόματι τοῦ δεσπότου Ἰησοῦ Χριστοῦ το$ θεοῦ ἡμῶν αὐτοκράτορ καῖσαρ… ἀεισέβαστος αὔγουστος» – «*во имя Господа Нашего Иисуса Христа самодержец кесарь… вечносвященный август*». Можно, конечно, конечно объяснять это новшество стремлением повысить авторитет Византии на международной арене, как это делал В.Е. Вальденберг [10, с. 111; 11, с. 142]. Однако, с нашей точки зрения, оно могло быть мотивировано значительно более существенными идеями. Во-первых, принятием титула «βασιλεῦς» Ираклиды подняли себя до уровня библейских царей – Мессий «*избранного народа*». Во-вторых, βασιλεῖς периода античности были не столько правителями, сколько первосвященниками государственного культа. В рассматриваемом случае, очевидно, речь шла о положении «*первого христианина*» и «*господина вселенной*». Как помним, ромеи называли василевсами только своих государей и крайне неохотно признавали право на этот титул за иностранными монархами. Но, в любом случае, βασιλεῖς – Ираклиды должны были восприниматься современниками как Мессии. Питать эти представления должна была и процедура инаугурации. Вернее всего, при Ираклидах был введен обряд миропомазания, сохранившийся в Византии до конца ее существования и распространившийся со временем повсеместно по всей Европе.

[82] Наше видение на ход событий и их трактовка изложены в статье «От «Imperatorēs divī» к «Ἐν τούτῳ νίκας», или религиозные искания первых Ираклидов: нумизматический аспект» [83, с. 203–213].

[83] Заметим, что очередная идея императора-монофелита была решительно отвергнута диофелитами. Причем противостояние между ними вылилось в религиозные процессы. В 662 г. Констант II, официально не отменяя *Типос*, организовал и провел судилище над одним из лидеров ортодоксов – св. Максимом Исповедником.

видеть в перещепинских мультиплях своего рода иконки с изображениями почитаемых правителей. И именно этим мы можем объяснить факт столь неординарного оформления этих медальонов. Предполагаем, что они могли являться и своеобразными евлогиями.

Но, ad rem. Проведя небольшое нумизматическое исследование, мы попытались сформулировать нашу точку зрения о возможности эмиссии солидов в византийском Херсоне. Действительно, в VII–VIII вв. в Северном Причерноморье чеканили золотую монету, как правило, предназначавшуюся для расчетов с варварами. Вероятно, часть их поступала в обращение хазарского Восточного Крыма [20, с. 430–441; 34, с. 42–43]. В регионе выпускали и подражания византийскому золоту [14, с. 120–135; 22, с. 44–46; 65]. При этом было использовано несколько качественных штемпелей столичного производства, на которых отсутствуют эмиссионные метки монетных дворов. Последнее обстоятельство не дает нам право отнести их продукцию к чекану какого-либо из византийских городов региона.

Впрочем, у нас есть веские основания считать, что, по крайней мере, часть солидов чеканилась в походных условиях. Как уже было сказано выше, имитации из Чамну-Буруна были выбиты столичными штемпелями. На вопрос, каким образом они могли попасть к фальшивомонетчикам, если ни один из городов региона при Исаврах не был захвачен варварами, можно ответить, что чеканы могли находиться в действующей армии, потерпевшей поражение в одном из многочисленных сражений, произошедших в Закавказье и в Малой Азии во второй половине VIII в.

Но, в любом случае, сам факт эмиссии византийского золота в Таврике не дает нам оснований рассуждать ни об упрочении, ни об ослаблении власти империи в регионе.

Список использованной литературы

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Алексеенко Н.А. Таможня и коммеркиарии Херсона. – в кн. С.Б. Сорочан. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. II.
3. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.
4. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). Киев, 1977.
5. Анфимов И.Н. Клад золотых монет VIII в. из г. Славянск-на-Кубани // Кубанский краевед, 1990.
6. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
7. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции. Л., 1935.
8. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
9. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Петроград, 1918. Т. IV. – История церкви в период вселенских соборов.
10. Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века // Византийская философия. СПб., 2008. Т. 3.
11. Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.

Против него было выдвинуто множество политических обвинений. Остановимся на анализе только одного из них, с точки зрения судей, самого важного. В ходе процесса подсудимого обвинили в том, что он не признает императора первосвященником. На провокационный вопрос «Τί οὖν; οὐκ ἔστι πᾶς βασιλεὺς Χριστιανὸς καὶ ἱερεύς», св. Максим Исповедник решительно ответил «οὐκ ἔστιν» [9, с. 487]. Нарушителя императорской воли подвергли бичеванию, отрубили ему правую руки и отрезали язык, после чего сослали в Лазику, в крепость Схимарис (sic!). Не пережив страданий, 82-летний старец умер.

12. [Вейсман А.Д.] Греческо-русский словарь, составленный А.Д. Вейсманом, бывшим ординарным профессором императорского С.-Петербургского Историко-филологического института. СПб., 1899.
13. Гарибян А.С., Гарибян Д. Краткий курс армянского языка. Пособие для самостоятельного обучения. Ереван, 1965.
14. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ: Вопросы социального и политического развития. 1988. Вып. 24.
15. Грандмезон Н.Н. Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ. 1986. Т. 46.
16. Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. Т. 2.
17. Гурулева В.В. Византийские монеты из Славянского (Анастасиевского) клада в собрании Государственного Эрмитажа // ТГЭ. Т. 48: Материалы и исследования Отдела нумизматики. 2009. Т. 78.
18. Гурулева В.В. Граффити на золотых византийских монетах VIII в. из коллекции Эрмитажа // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург. 14–18 апреля 2003 г.: тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003.
19. Гурулева В.В. Закономерности и особенности монетного обращения в византийском Херсоне // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений Византийского Семинара. Севастополь 25–31.05.2009. Севастополь, 2009.
20. Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2004. Вып. I.
21. Гурулева В.В. Монеты Трапезунда конца XI–начала XIII в. в собрании Государственного Эрмитажа // ВВ. 1991. Т. 52.
22. Гурулева В.В. Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. из Крыма и Хазарии // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005.
23. Гурулева В.В. Редкие и неизданные монеты из коллекции В.П. Вашкова // ВВ. М., 1997. Т. 57 (82).
24. Рыбаков В., прот. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf.
25. Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 46.
26. Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988.
27. Карышковский П.О. Находки монет Римской империи из Ольвии // НС. 1965. Вып. II.
28. Кёне Б. Херронес (Севастополь) Окончание // ЖМНП. 1855. Третье десятилетие. Ч. LXXXVIII. Декабрь.
29. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. СПб., 1848.
30. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. 1962. Вып. Е4-4.
31. Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. 1971. Вып. 32.
32. Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. XXVI.
33. Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко, статья М.Я. Сюзюмова, комм. М.Я. Сюзюмова и С.А. Иванова. М., 1988.
34. Майко В.В. Нумизматические данные о хронологических рамках салтово-маяцкой культуры Крыма // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005.

35. Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. № 1. – Археологические памятники Урала и Прикамья.
36. Мусин А.Е. Новые находки херсоно-византийских монет в Древней Руси и особенности взаимоотношений культурного центра и периферии // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений Византийского Семинара. Севастополь 25 – 31.05.2009. Севастополь, 2009.
37. Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи // МАИЭТ. 2006. Supplementum. Вып. 1.
38. Плетнева С.А. Симпозиум «Сокровище хана Кубрата. Культура болгар, хазар, славян» (София, 1989 г.) // СА, 1990. № 4.
39. Радић В., Иванишевић В. Византијски новац из Народног музеја у Београду. Београд, 2006.
40. Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург, 2003.
41. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Истории. Проблемы. Часть 2. Византийский период. Екатеринбург, 2007.
42. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. АДСВ. 2000.
43. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
44. Романчук А.И. Херсон в VI – первой половине IX в. Свердловск, 1976.
45. Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986.
46. [Себеос] История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. / Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862.
47. Семенов А.И. «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция, Москва. 19–24 апреля 2004 г.: тезисы докладов и сообщений. М., 2004.
48. Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590-668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
49. Соколова И.В. Клад херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. 1971. Т. XII. Вып. 4.,
50. Соколова И.В. Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне // СГЭ, 1971. Вып. XXXII.
51. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
52. Соколова И.В. Монеты Перещепинского клада // ВВ. 1993. Т. 54.
53. Соколова И.В. Монеты Перещепинского клада. – в кн. Залесская В.Н.,Львова З.А, Маршак Б.И, Соколова И.В, Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб, 1997.
54. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. I. Харьков, 2005.
55. Степанова Е.В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистики и нумизматических памятников // Россия – Крым – Балканы: Диалог культур. Екатеринбург, 2004.
56. Степанова Е.В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистики и нумизматических памятников // АДСВ. 2006. Вып. 36.
57. Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992.
58. Творения Феодора Студита. СПб., 1908.
59. Толстой И.И. Византийские монеты. СПб., 1914. Вып. VI. – Монеты Фоки и Ираклия.
60. Толстой И.И. Византийские монеты. СПб., 1914. Вып. VII. – Монеты Константа II и Константина Погоната.
61. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Л., 1927. Т. II. Перв. пол.
62. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры / Владимиров А.О., Журавлев Д.В., Зубарь В.М. и др. Харьков, 2004.

63. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
64. Чореф М.М. Изображения императоров династии Юлиев–Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана // МАИАСК., 2010. Вып. II. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK2.pdf.
65. Чореф М.М. К атрибуции Чамну-Бурунского клада // «Современные научные исследования и инновации». М., 2011. Август. Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1822.
66. Чореф М.М. К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf.
67. Чореф М.М. К вопросу об атрибуции монограмм на гемифоллисах Херсона первой половины IX в. // История идей и история общества. Материалы VIII Всероссийской научной конференции (г. Нижневартовск, 15–16 апреля 2010 г.). Нижневартовск, 2010.
68. Чореф М.М. К вопросу об атрибуции монограмм на гемифоллисах Херсона первой половины IX в. // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» Севастополь, 2010. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/science/publications/2010-2/prich-3.pdf.
69. Чореф М.М. К истории монетного дела византийской Таврики в конце VI – начале VII веков // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина, Н.Н. Миленко. Севастополь, 2010. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/science/publications/sb2010/sb2010.pdf.
70. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2010. Вып. IV.
71. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции (Нижневартовск, 17-18 апреля 2008 года). Нижневартовск, 2008.
72. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXIX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб, 2010.
73. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона при Константине VII Багрянородном // История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Нижневартовск, 9–10 апреля 2009 года). Нижневартовск, 2009.
74. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // МАИАСК, 2010. Вып. II. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK2.pdf
75. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византинистов. М., 2008.
76. Чореф М.М. Монетное дело Херсона первой половины VIII в. // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2008 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина, Н.Н. Миленко. Севастополь, 2008.
77. Чореф М.М. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром // X Таврические научные чтения, г. Симферополь, 29 мая 2009. г. Сборник научных статей. Ч. 2. Симферополь, 2009.

78. Чореф М.М. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2010. Вып. IV.
79. Чореф М.М. Новый тип монетного литья Херсона // VII Таврические научные чтения. Симферополь, 2007.
80. Чореф М.М. Новый тип монетного литья Херсона // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» Севастополь, 2010 Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/science/publications/2010-2/prich-3.pdf.
81. Чореф М.М. «Ab exterioribus ad interiora», или некоторые недоуменные вопросы истории христианской Таврики // Христианство в регионах мира. Вып.3: Христианская архаика / Отв.ред. М.Ф. Альбедиль, Ю.Ю. Шевченко. СПб., 2011 (в печати).
82. Чореф М.М. О периоде существования и локализации стратигии Климатов: по нумизматическим данным // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V(II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. Севастополь, 2011. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2011/prich-a.pdf.
83. Чореф М.М. От «Imperatorēs divī» к «Ἐν τούτῳ νίκας», или религиозные искания первых Ираклидов: нумизматический аспект // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V(II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. Севастополь, 2011. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2011/prich-a.pdf.
84. Чореф М.М. Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Ρω» // Вестник ТГУ. Тюмень, 2009. № 7.
85. [Штриттер И.] Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов; собраны хронологическим порядком и расположены Иваном Штриттером. Часть четвертая. О волгарах, валахах, хазарах, команах, уцах, печенегах, венграх и о татарах. СПб., 1775.
86. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
87. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА., 1959. Вып. 63.
88. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА., 1950. Вып. 17.
89. A Patristic Greek Lexicon / Ed. G.W.H. Lampe. Oxford, 1961.
90. Adelson H.L. Light Weight Solidi And Byzantine Trade During the Sixth and Seventh Centuries // Numismatic Notes and Monographs. New York, 1957. № 138.
91. Annae Comnenae Porphyrogenitae. Alexias / Rec. A. Reifferscheid. Lipsae, 1884. Vol. II.
92. Annae Comnenae. Alexiadis / Ed. L. Shopenus // CSHB. Bonnae, 1878. Vol. II.
93. Arslan E.A. La monetazione di Gotti e Langobardi in Italia // Lo Scudo d'Oro. Roma–Bruxelles, 1996.
94. Bauer N. Zur byzantinischen Münzkunde des VII. Jahrhunderte // Frankfurter Münzzeitung. 1931. № 15. Marz.
95. Bendall, S. A Folles of Alexius I of Trebizond // NC. 1981. T. LXXXIX. № 7–8.
96. Bendall, S. Some Further Notes on the Mint of Trebizond under Alexios I // NC. L., 1979. 7th Series. T. XIX.
97. Bendall, S. The mint of Trebizond under Alexios I and the Gabras // NC. 1977. 7th Series. T. XVII. P. 126–136.
98. Bryer, A., Dunn, A., Nesbitt, J.W. Theodore Gabras, duke of Chaldia (+1098) and the Gabrades: portraits, sites and seals // Βυζάντιο, κρατος καὶ κοινωνία. Μνήμη Νίκου Οικνομίδης. Ἀθῆναι, 2003.

99. Byzantium: Faith and Power (1261–1557), The Metropolitan Museum of Art, March 23–July 4, 2004. Exhibition catalogue. New-York, 2004.
100. Catalogue of Byzantine Seals at Dimbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / Ed. J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1991. Vol. I. – Italy, North of the Balkan, North of the Black Sea.
101. Cocchi E.E., Gulinelli M.T., Morelli A.L. Imperi Romano e Bizantino regni barbarici in Italia attraverso. Le monete del Museo Nazionale di Ravenna. Ravenna, 1983–1984.
102. Du Fresne du Cange C. Constantinopolis christiana, seu descriptio urbis Constantinopolitanae, quails extitit sub Imperatoribus Christianis. Paris, 1680.
103. Du Fresne du Cange C. Hystoria Bizantina duplici commentario illustrata prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopoletanorum, cum eorundem Augustorum Nomismatibus, & aliquot Iconibus; Præterea Familias Dalmaticas & Turcicas conplectitur: Alter descriptionem urbus Constantinopolitanaæ, qualis extitit sub Imperatoribus Christianis. Paris, 1680.
104. Füeg F. Corpus of the Numismata from Anastasius II to John I in Constantinople. 713–976. London, 2007.
105. Γεωργιάδης N. Τα νομίσματα του αgίου Θεοδώρου Γαβρά // ΑΠ. 2002. T. 49.
106. Grierson P. Byzantine Coins. London, 1982.
107. Bellinger A.R. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1996. Vol. I.– Anastasius I to Maurice, 491-602.
108. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1968. Vol. II. P. I.– Phocas and Heraclius, 602-641.
109. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1968. Vol. II. P. II. – Heraclius Constantine to Theodosius III, 641-717.
110. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1973. Vol. III. P. I. – Leo III to Michael III, 717-867.
111. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1973. Vol. III. P. II. – Basil I to Nicephorus III, 867-1081.
112. Hendy M.F., Bellinger A.R., Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1999. Vol. IV. P. I. – Alexius I to Alexius V, 1081-1204.
113. Hendy M.F., Bellinger A.R., Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1999. Vol. IV. P. I. – The Emperors of Nicea and their contemporaries, 1204-1261.
114. Bellinger A.R., Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 2006. Vol. V. – Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453. P. I. – Introduction, appendices, and bibliography.
115. Bellinger A.R., Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 2006. Vol. V. – Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453. P. II. – Catalogue, concordances, and indexes.
116. Guarducci M. Epigrafia graeca. Roma, 1967. Vol. I. – Garatteri e storia della disciplina. La scrittura greca dalle origini all'età imperiale.
117. Hahn W. MIB. Von Heraclius bis Leo III / Allienregierung (610–620). Wien, 1981. Band. III.

118. Hahn W. The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times – A Survey // NC, 1978. November. Vol. 86. № 11.
119. Heidemann S., Sode C. Cristlich-orientalische Bleisiegel im Orientalischen Münzkabinett Jena // ARAM, 11–12 (1999–2000).
120. Imperi romano e bizantino, regni barbarici in Italia attraverso le monete del Museo nazionale di Ravenna. Catalogo / Introd. E.E. Cocchi, Prog. P. Zurli, A.M. Ianucci, sched. M.T. Gulinelli, A.M. Morelli. Ravenna, 1983–1984.
121. Köhler H.K.E. Médailles Grecques // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Shriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. Theil I. Band I.
122. Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. St. Petersburg, 1848.
123. Leonis Diaconi caloënsis Historiae / Rec. C.R. Hasi. Bonnae // CSHB, 1828.
124. Lexicon zur Byzantinischen Gräzität. Besonders des 9.–12. Jahrhunderts. 4. Faszikel (ζωοσταγής–κώφενσις) \ Erst. E. Trapp // Veröffentlichungen der Komission für Byzantinistik / Her. H. Hunger. Wien, 2001. Band VI/4.
125. Martindale J.R. The prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1992. Vol. IIIA – A.D. 527–641. (Abandanes – 'Iyād ibn Ghanm).
126. Morrisson S. Catalogue des monnaies Byzantines de Bibliotèque Nationale. Paris, 1970. T. 1. – D'Anastase Ier à Justinien II, 491-711.
127. Morrisson S. Catalogue des monnaies Byzantines de Bibliotèque Nationale. Paris, 1970. T. 2 – De Philippicus à Alexis III, 711-1202.
128. Nikephoros patriarch of Constantinople short history // CFHB. Washington, 1990. Vol. XIII.
129. Novellae constitutiones post imperatorem Iustinianum (Ius graeco-romanorum) / Ed. Zachariae ßon Lingenthal. Leipzig, 1857. P. III.
130. Romančuk A.I. Studien zur Geschichte und Archäologie des Byzantinischen Cherson / Her. H. Heinen, Red. M. Keissel, C. von Behrer // Colloquia Pontica. Brill–Leiden–Boston, 2005.
131. S. Theophanis Chronographia // PG. Paris, 1863. T. 108.
132. Sabatier J., Cohen M.H. Description générale des monnaies Byzantines frapeés sous les empéreurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'á la prise de Constantinople, par Mahomet II. Paris, 1862. T. I.
133. Sancti Nicephori patriarchae Constantinopolitani breviarium historicum de rebus gestis post imperium Mauricii // PG. Paris, 1865. T. 100.
134. Sancti Nicephori patriarchae Constantinopolitani breviarium rerum post Mauricium gestarum // CSHB / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1837.
135. Saulcy F., de. Essai de classification des suites monetaires Byzantines. Planches. Metz, 1826.
136. Schmitt L. Le Trésor de monnaies byzantines d'Apamée sur l'Oronte // URL: www.cgb.fr/monnaies/tresors/intros/apame.pdf (дата обращения: 05.08.2010).
137. Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Byzantine coins and their values. London, 1987.
138. Semenov A. New Evidence on the Slavyansk (Anastasyevka) Hoard of the 8th Century AD Bezantine and Arab Coins // New Archeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Saint Peterburg, 1994.
139. Sokolova I. Les monnaies siciliennes di IXe siecles des fouilles de Chersonese // Congresse Internationale di numismatica. Roma, 1965. Vol. 2.
140. Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods. Cambridge, 1914.
141. The Cambridge History of Byzantine Empire / Ed. J. Shepard. Cambridge, 2008.
142. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazhdan, A.M. Talbot, A. Culter, T.E. Gregory, N.P. Ševčenko. New York–Oxford, 1991.

143. Thephanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. I – Textum graecum continens.
144. Thephanis Chronographia // CSHB / Rec. I. Classen. Bonnae, 1839. Vol. I.
145. URL: http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=14&topic=17 (дата обращения: 17.08.2010).
146. URL: http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=14&topic=29 (дата обращения: 17.08.2010).
147. URL: http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=14&topic=31 (дата обращения: 17.08.2010).
148. URL: http://www.coinarchives.com/a/lotviewer.php?LotID=350730&AucID=628&Lot=616&Val=6507616f5569bf2c2c70e01c78276a72 (дата обращения 17.08.2010).
149. URL: http://www.coinarchives.com/a/lotviewer.php?LotID=362446&AucID=654&Lot=80&Val=82e6864d913a7829657ff0700dc0beb9 (дата обращения: 17.08.2010).
150. Wroth W. Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum. London. 1911.
151. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. I.
152. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. II.

Summary

The numismatics of Cherson is studied already more than two centuries. However and now we don't know, from what metals in this city issued money. It is clear that speech doesn't go about copper and lead. A problem that by this time researchers describe gold and silver coins as believe, let out in it a city. In article contain the analysis of the existing points of view concerning their definition and our hypothesis about possibility of release of a gold coin in Cherson is proved.

Рис. 1. Солиды чекана Херсона (по В. Хану) (*1,6,16,18*) и однотипные им монеты с эмиссионными обозначениями «X» и «+» на реверсе (*2–5,7–15, 17, 19–20*).

Рис. 2. Неучтенные В. Ханом солиды константинопольской чеканки
с эмиссионными метками «X» и «+»

1–10 – Константа II, *11–13* – Константина IV Погоната.

Рис. 3. Византийские золотые италийской чеканки (*1–6*), варварские подражания солидам (*7–8*), монета лангобардов (*9*). На реверсе виден символ «+».

Рис. 4. Византийские золотые IX–XI вв. с *control letter* «Х» (*1–11*), а также «золотой монетовидный кружок» Н.Н. Грандмезона (*12*)

Рис. 5. Солиды VI–IX вв., выбитые штемпелями реверса с подрезанными метками официн.

Рис. 6. К анализу медальонов из Северного Причерноморья

1–2 – мультипли из Перещепинского клада (по В.В. Кропоткину); *3* – реконструкция медальона из Северного Причерноморья (по М.Ю. Мыскину); *4* – раннесредневековая византийская евлогия (по М.Ю. Мыскину), *8,9* – французский ренессансный медальон с изображением Ираклия I: *8* – по Ш. дю Фресне дю Канжу, *9* – из собрания *Bibliothèque Nationale de France, Département Monnaies Medailles et Antiques* (по каталогу выставки «*Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*»); *7* – мультипль Маврикия Тиверия (по Ф. Грирсону); *5–6* – легковесные медальоны: *5* – Константина I Великого, чекан Антиохии (по А.В. Новикову), *6* – Феодосия I, чекан Августа Треворум (современный Трир).

Рис. 7. Чамну-Бурунский клад и реконструкция штемпеля,
использованного для производства подражаний (по А.Г. Герцену и В.А. Сидоренко)

1–7 – имитации солидов; *8* – херсоно-византийская монета; *9* – реконструкция штемпеля, использованного фальшивомонетчиками.

М.М. Чореф

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЩЕНИИ ИНОСТРАННОЙ МОНЕТЫ В КРЫМУ В XVI–XIX ВВ.

Уже не первый век изучается монетное дело государств позднесредневекового Крыма. За долгий период исследования на его территории было выявлено множество разновидностей серебра, биллона и меди местного чекана [13, с. 1–72. Табл. I–VI; 14, с. 49–104. Табл. I–III; 15, с. 1–52. Таб. IV–V; 16, с. 1–17. Табл. VI; 17, с. 73–118. Табл. I–IV; 18, с. 79–89. Табл. V; 19, с. 90–98. Прим. Б; 20, с. 1–16. Табл. I; 27, с. 431–435; 29, с. 265–281; 31, с. 123–125; 37, S. 10–107. Taf. VII–XI; 38, S. 187–328. Taf. XII–XXX; 39, S. 241–308. Taf. I–VI; 40]. В начале XX в. появились первые источниковедческие публикации, авторы которых попытались определить состав денежного обращения в регионе [2, с. 153–186; 4, с. 276–278; 23, с. 159–164]. Было установлено, что в Крыму в XV–XVIII вв. ходила как местная, так и привозная монета. Действительно, позднесредневековые деньги иностранного чекана встречаются на его территории. Но к настоящему времени опубликовано всего несколько их экземпляров: золота итальянских республик и средневекового Египта [3, с. 98; 9, с. 84; 10, с. 10–12, 119. Рис. 6, 8, 61; 11, с. 257–264;], а также серебра, биллона и меди государств Восточной и Центральной Европы [9, с.98. Рис. 1,*4*,*7*,*8;* 10, с. 177–180. Рис. 96–99][1]. В 2008 г. был издан небольшой клад турецких акче из округи Херсонеса [33, с. 434–447]. Новое прочтение позднесредневековых документов позволило выявить номиналы монет крымского чекана XVI–XVII вв. и определить их курсовое соотношение к османской и европейским валютам [22, с. 425–433; 30, с.77–81]. Однако исследование до сих пор не закончено. Ведь в фондах музеев и в частных собраниях до сих пор хранятся не изученные монетные сокровища, выпавшие из денежного обращения Крыма в XVI–XVIII вв. Продолжая начатое ранее исследование [32, с. 295–296, № 38, 40, 47–49; 33, с. 434–447], введем в научный оборот три клада османских монет XVI–XVIII вв., найденных в Крыму за последние 50 лет.

1. Клад 2006 г., предположительно найденный близ монастыря Сурб Хач

Обстоятельства находки и его полный состав нам не известны. Клад был разобран местными жителями. По их словам, в нем были не только восточные, но и европейские золотые монеты, предположительно – голландские дукаты. Доступными для исследования стали только четыре турецких алтуна. Но мы все же будем публиковать эти фрагменты клада, так как, во-первых, надеемся благодаря изданию уточнить в обозримом будущем его местонахождение и содержимое, и, во-вторых, стремимся создать прецедент ввода в научный оборот находок османского золота из Крыма.

[1] К сожалению, большинство исследователей не сочли необходимым привести сведения о весе, пробе и о размерах золотых монет. К примеру, по свидетельству В.В. Майко, «*один з дукатів Антоніо Венеріо було виготовлено із золота, вірогідно, менш високої проби*» [9, с. 84]. Так как апробация монет на тот момент не проводилась, то очевидно, что цехины из Кырк-Йерского клада различались исследователем по цвету, что достаточно наглядно отражает и различия в содержании драгоценных металлов. Отметим, что выявленное обстоятельство не укладываются в концепцию денежного дела Венецианской республики, где проба и вес дуката не менялись веками. Позже, в своей итоговой работе о Кырк-Йерском кладе В.В. Майко вернулся к изучению этой монеты. Исследователь привел данные о ее весе – 3,0 г (вместо ординарных 3,5 г) и630 пробе (а не стандартной 980), но сделать какие-либо выводы он так и не смог [10, с. 11–12, №8. Рис. 6,*8*], хотя очевидная примитивность в оформлении и низкопробность этой монеты явно изобличает подражание или же подделку.

Сулейман I Кануни (926–974 гг. х., 1520–1566)

1. Алтун. Чекан Костантинии [36, p. 71, № 172; 41, s. 57, № 43; 42, ٦٨٦ №, ٢٠٥ .س ,٦ لوحه].

На аверсе надпись в точечном и в двух линейных ободках: На аверсе надпись в точечном и в двух линейных ободках:

سلیمان	–	«*Сулейман*
ن ه		
سلطا شا		*султан, шах,*
بن سلیم خان		*сын Селима хана,*
عز نصره		*да прославится победа его,*
ضرب		*чекан*
قسطنطينه		*Костантинии*
سنة ٩٢٦		*году 926*
في		*в».*

Над م в имени правителя просматривается петлевидный знак, последние буквы в словах سلطان и شاه вынесены над строкой.

На реверсе в точечной и в линейной окружностях:

سلطان البرين	–	«*Султан двух континентов*
و خاقان البحرين		*и повелитель двух морей,*
السّلطان ابن		*султан сын*
السّلطان		*султана*».

Буква ن в слове سلطان размещена над ل. Над س в السّلطان видны шадды.

Диаметр монеты 2,0 см. Вес 3,5 г.

Мурад III (982–1003 гг.х., 1574–1595)

2. Алтун. Чекан Костантинии [34, s. 542, № 1604; 42, ١٠ لوحه, ١١٥٩ №, ٣٥٢ .س] (Рис 1,*1*).

На аверсе надпись в точечном и линейном ободках:

سُلطان مراد	–	«*Султан Мурад*
عز نصره ضرب		*да прославится победа*
		его, чекан
قسطنطينه		*Костантинии*
في		*в*
سنة ٩٨٢		*году 982*».

Над буквой س в слове سلطان проставлена дамма.

На реверсе в таком же обрамлении:

ضارب النّضر	–	«*Чекан блистательный*
حب ب		*господина*
صاالعز النّصر		*мощи и победы*
و و		
في البر البحر		*на земле и на море*».

Слово صاحب – «*господин*» разбито на две части: صا – «*са*» размещен на третьей строке, а حب – «*хиб*» – на второй. Над ن в словах النّضر и النّص проставлены шадды.

Диаметр монеты 2,0 см. Вес 3,47 г. Соотношение осей 9 ч.

3. Алтун. Чекан Джезайра [34, s. 546, № 1615; 42, ۱۱ لوحه, ۱٦۸۹ №, ۳۸۸ .س] (Рис. 1,*2*).

На аверсе текст в точечной и линейной окружностях:

ن د	–	«*Султан Мурад*
سلطا مرا		
بن خان		*сын хана*
سليم عزّ		*Селима, да прославится*
نصر ه ضرب		*победа его, чеканена*
سنة في		*в году*
جزاير ۹۸۲		*982 Джезайр*».

Последние буквы в словах مراد и سلطان вынесены над строкой. Выше буквы س в титуле заметено петлевидная виньетка. В عزّ проставлена шадда.

На реверсе в таком же обрамлении:

ضارب النّضر	–	«*Чекан блистательный*
حب ب		*господина*
صاالعز النّصر		*мощи и победы*
و و		
في البر البحر		*на земле и на море*».

Виньетка, схожая с помещенной на реверсе, расположена левее буквы ر в слове البحر. Над ن в словах النّضر и النّص просматриваются шадды. Слово صاحب разделено по слогам. Выше символа ح в حب ошибочно проставлен сукун.

Диаметр монеты 2,0 см. Вес 3,48 г. Соотношение осей 3 ч.

Мухаммед III (1003–1012 гг.х., 1595–1603)

4. Алтун. Чекан Костантинии [34, s. 561, № 1637] (Рис. 1,*3*).

На аверсе в точечной и линейной окружностях:

محمد	–	«*Мухаммед*
سُلطان		*султан*
بن مرَاد خَان		*сын Мурада хана*
عز نصر ه ضرب		*да прославится победа*
		его, чеканена
في		*в*
قسطنطينه		*Костантинии*
۱۰۰۳		*1003*».

Над س в слове سلطان заметна дамма. Выше букв ر и خ в مراد и خان видны фатхи. Над نصره и ب в ضرب проставлены лишние точки.

На реверсе в таком же обрамлении:

ضَارب النّضر	–	«*Чекан блистательный*
حب ب		*господина*
صاالعز النّصر		*мощи и победы*
و و		
في البر البحر		*на земле и на море*».

Над ض в слове ضَارب видна фатха, а в النّضر и النّص приметны шадды.

Диаметр монеты 2,0 см. Вес 3,48 г. Соотношение осей 9 ч.

Еще раз отметим, что мы не смогли изучить европейские монеты из этого клада. Так что его датировка по описанным османским золотым достаточно условна. Нам остается только предполагать, что алтун Мухаммеда III является позднейшей монетой этого собрания. В таком случае, клад мог выпасть из обращения в начале XVII в., вернее всего вскоре после 1603 г.

2. Клад, найденный у с.Новоандреевка Симферопольского района

Сокровище было найдено в середине 1980-х гг. Мы смогли изучить только немногие из его монет. Об остальных попытались собрать всю доступную информацию.

Мустафа III (1171–1187 гг.х., 1757–1774)

1. Альтмешлык. Выпуск 1180 г.х. Чекан Исламболя [34, s. 650, № 1841].

На аверсе в точечной и в двух линейных окружностях:

السّلطان	–	«*Султан*
مصطفى بن احمد خان		*Мустафа сын Ахмеда хана,*
دام ملكه ضرب		*правитель от века, чеканена*
في		*в*
اسلامبول		*Исламболе,*
١١٧١		*1171*».

На оборотной стороне в таком же обрамлении:

سلطان البرين	–	«*Султан двух континентов*
و خاقان البحرين		*и повелитель двух морей,*
السّلطان ابن		*султан сын*
السّلطان		*султана*».

Над словом ابن – «*сын*» просматривается число ١٠ – «*10*». Заметны шадды над س в السّلطان.

Диаметр 4,4 см. Вес 27,77 г. Соотношение осей 0 ч.

Абд эль-Хамид I (1187–1203 гг.х., 1774–1789)

2. Куруш. Выпуск 1198 г.х. [34, s. 659, № 1873; 35, p. 1201, KM# 396] (Рис. 2,*1*).

На аверсе тугра правителя:

خان عبد الحمید ابن احمد المظفر دائمًا – «*Хан Абд эль-Хамид сын Ахмеда, победоносный навеки*».

Монограмма правителя передана грубо. Под ней два колоска. Правее тугры просматривается веточка с розеткой и двумя цветками, левее стрелочка, упирающаяся в ее завитки.

Под монограммой выбит текст в четыре строки:

ضرب – «*Чеканена*
في *в*
قسطنطينه *Константинии,*
١١٨٧ *1187*».

Надпись выполнена грубо. Буквы ر и ب в слове ضرب сливаются, под последней нет диакритической точки[2].

На реверсе читается легенда:

سلطان البرين – «*Султан двух континентов*
و خاقان البحرين *и повелитель двух морей,*
السّلطان ابن *султан сын*
السّلطان *султана*».

Над словом ابن видно число ١٢ – «*12*».

В тексте есть диакритические знаки. Заметны шадды над буквами س в словах السّلطان. На реверсе размещены и элементы украшения: вторая и третья строки надписи вписаны в картуши, над символом خ в слове خاقان видна овальная шестиконечная звездочка.

Тексты на лицевой и оборотных сторонах вписаны в точечные окружности.

Диаметр монеты 3,6 см. Вес 18,22 г. Соотношение осей 0 ч.

3. Альтмешлык. Выпуск. 1194 г.х. Чекан Костантинии [34, s. 658, № 1871].

На лицевой стороне монеты читается надпись:

السّلطان – «*Султан*
عبد الحمید بن احمد خان *Абл эль-Хамид сын Ахмеда хана,*
دام ملكه ضرب *правитель от века, чеканена*
في *в*
قسطنطينه *Костантинии,*
١١٩٤ *1194*».

---

[2] Такие ошибки известны на российских подражаниях курушам Селима III и Мустафы IV (1222-1223 гг.х., 1807-1808) [22, Табл. I, 7-8, Табл. II, 5–8]. Вероятно, описываемая монета была отчеканена не в столице Османской империи. Отметим, что слитное написание последних двух символов слова ضرب известно на биллонах Абд эль-Хамида I в 1 куруш, 5, 10 и 20 пара [35, p.1200–1201, KM# 379, 383, 365, 384, 387, 388, 396].

Над буквой س в слове السّلطان просматривается шадда. Выше ее, а так же над символом خ в титуле правителя خان виден значок, схожий на широко раскрывшийся двухлепестковый цветок. Под ر в слове ضرب просматривается виньетка.

На оборотной стороне:

سلطان البرين و خاقان البحرين السّلطان ابن السّلطان	–	«*Султан двух континентов и повелитель двух морей, султан сын султана*».

Между و и خاقان размещена овальная шестиконечная звездочка. Над словом ابن хорошо видна цифра ٨ – «*8*». Выше символа ن размещены две стрелочки. В السّلطان различимы шадды. Над ними расположен знак, схожий на очковую тамгу.

Легенды на обеих сторонах вписаны в линейные и точечные окружности.

Диаметр 4,3 см. Соотношение осей 0 ч.

4. То же. Чекан Костантинии.

5. То же, 1195 г.х. Чекан Костантинии.

6. То же, 1196 г.х. Чекан Костантинии. Вес 26,67 г.

7. То же, 1197 г.х. Чекан Костантинии.

8. То же, 1199 г.х. Чекан Костантинии. Вес 26,29 г.

9. То же, 1200 г.х. Чекан Костантинии.

10-12. То же, 1201 г.х. Чекан Костантинии (3 экз.).

13. То же, 1202 г.х. Чекан Костантинии (Рис. 2,*2*). Диаметр 4,3 см. Вес 26,38 г. Соотношение осей 0 ч.

Селим III (1203–1222 гг.х., 1789–1807)

14. Икилык. Выпуск 1207 г.х. Чекан Исламболя [34, s. 668, № 1904] (Рис. 2,*3*).

На аверсе тугра правителя:

سليم خان ابن مصطفى المظفر دائمًا – «*Селим хан сын Мустафы, победоносный навеки*».

Левее и правее древков ее знамен расположены два цветка.

На оборотной стороне:

٥ ضرب في اسلامبول ١٢٠٣	–	«*5 чеканена в Исламболе 1203*».

Между словами ضرب – «*чекан*» и في – «*в*», а так же выше буквы س в названии эмиссионного центра اسلامبول размещены цветки с двумя лепестками.

Изображения и тексты на лицевой и на оборотной сторонах вписаны в точечную и в две линейные окружности.

Диаметр монеты 4,15 см. Вес 24,67 г. Соотношение осей 0 ч.

15. То же. Чекан Исламболя (Рис. 2,*4*).

Монета оформлена аналогично. Только тугра на ее аверсе больше, чем на лицевой стороне описанной выше. Монета была выпущена на пятом году правления Селима III. Ее вес 25,17 г. Диаметр 4,2 см. Соотношение осей 0 ч.

16-30. Юзлук. Чекан Исламболя. Выпуск 1203 г.х. [32, s.667, №1902, Lev. LXXXI] (15 экз).

На аверсах тугра правителя. Правее и левее монограммы и под ней, на черте, размещено два трелепестковых и четыре двухлепестковых цветка.

Ниже трехстрочная надпись:

ضرب اسلامبول – «*Чеканена Исламболе*
في *в*
١٢٠٣ *1203*».

Над س в слове اسلامبول, а так же правее и левее даты видны два двухлепестковых цветка.

На оборотной стороне легенда в четыре строки:

سلطان البرين – «*Султан двух континентов*
و خاقان البحرين *и повелитель двух морей,*
السّلطان ابن *султан сын*
السّلطان *султана*».

Над ابن размещена цифра ٦ – «*6*». Цветы украшают картуш, в который вписаны вторая и третья строки, шадды проставлены в السّلطان. По тексту разбросаны двухлепестковые цветы.

Легенды на обеих сторонах вписаны в линейные и точечные окружности.

31. То же, 1204 г.х. Чекан Исламболя. Вес 31,87 г.

32. То же. Чекан Исламболя. Вес 31,78 г.

33–47. То же. Чекан Исламболя (15 экз).

48–62. То же, 1205 г.х. Чекан Исламболя (15 экз).

63. То же, 1206 г.х. Чекан Исламболя. Вес 31,13 г.

64–78. То же. Чекан Исламболя (15 экз).

79–99. То же, 1207 г.х. Чекан Исламболя (21 экз).

100. То же, 1208 г.х. Чекан Исламболя (Рис. 2,*5*). Диаметр монеты 4,4 см. Вес 32,05 г. Соотношение осей 0 ч.

101–102. То же, 1208 г.х. Чекан Исламболя (2 экз).

Как видим, в клад выпали крупные номиналы биллона султанов, выбитые по разным монетным стопам на протяжении полувека. В Османской империи обращаться одновременно они не могли. Считаем, что сокровище было накоплено уже в Крыму в последней четверти XVIII в.

Попытаемся обосновать наше предположение. Для этого проанализируем состав клада. Примечательно преобладание в нем позднейших монет. По крайней мере, из 102 изученных билонов 89 были выпущены при Селиме III. Причем большинство их было отчеканено в первый (30 шт.) и в пятый годы его правления (23 шт.). Это явление не может быть случайным. Ведь если первый максимум может быть объяснен активной эмиссией от имени вновь взошедшего на престол султана, то обилие позднейших монет позволяет установить обстоятельства и время выпадения из обращения самого сокровища. Дело в том, что как раз на пятый год его правления, т.е. на 1206/7 гг.х. приходится завершение третьей русско-турецкой войны (1787–1791 гг.). Установление мира между империями оживило региональную торговлю. А так как в Крыму в тот период ощущался дефицит монетного серебра, то османские биллоны стали в больших количествах завозить на полуостров. По свидетельству П.С. Палласа, обилие турецких денег вызвало в тот период даже «*возвышение цен*» [12, с. 40].

Это явление наблюдалось сравнительно недолго. Так, если П.С. Паллас писал об активном использовании османской валюты в Севастополе в 1793/4 гг. [12, с. 40], то уже ко времени первого путешествия по Крыму П.И. Сумарокова, т.е. в 1799 г., турецкие монеты являлись основным средством платежа только в населенных татарами горах Южного Крыма [24, с.80], где они использовались еще в начале XIX в. [26, с. 682. Прим. 131]. В остальной части полуострова османский биллон был вытеснен из обращения российскими ассигнациями и монетами [24, с. 131, 136, 155].

Итак, судя по свидетельствам современников, к 1799 г. деньги турецкого чекана потеряли свое доминирующее положение в денежном обращении Крыма. Но они продолжали регулярно поступать на полуостров, так как проживающие на его территории купцы торговали «*цареградскими*» и «*турецкими*» товарами [24, с. 145, 156]. В таком случае, клад можно датировать по позднейшим монетам, т.е.1208 г.х.

3. Клад, найденный на Чуфут-Кале в 1957 г.

Небольшое сокровище, состоящее из монет Селима III, было найдено на Чуфут-Кале экспедицией под руководством Е.В. Веймарна [1]. Обстоятельства и место его обнаружения неизвестны. Ныне клад хранится в фондах КРУ БИКЗ.

1. Юзлук. Чекан Исламболя 1206 г.х. [5] (Рис. 2,*6*). Диаметр 4,3 см. Вес 31,64 г. Соотношение осей 0 ч.

2. То же [8] (Рис. 2,*7*). Диаметр монеты 4,3 см. Вес 31,72 г. Соотношение осей 0 ч.

3. То же. Чекан Исламболя. 1207 г.х. [6] (Рис. 2,*8*). Диаметр 4,3 см. Вес 32,75 г. Соотношение осей 0 ч.

4. То же. Чекан Исламболя. 1209 г.х. [7] (Рис. 2,*9*). Диаметр 4,3 см. Вес 31,83 г. Соотношение осей 0 ч.

Используя приведенную выше методику, датируем выпадение этого монетного собрания из обращения 1209 г.х.

Считаем, что практически одновременные сокровища из с.Новоандреевки и Чуфут-Кале сформировались при одной и той же экономической ситуации.

Итак, судя по материалу кладов, османские монеты участвовали в денежном обращении Крыма в XVI–XVIII вв. Но если в период существования Крымского ханства, они, наряду с европейским золотом и серебром, являлись одним из основных платежных инструментов [25, с. 28] и важнейшим средством накопления, то в российском Крыму в 1790-х гг. турецкий биллон на короткий промежуток времени становится разменной монетой. Однако такое положение не могло сохраняться долго. Уже к концу столетия российское правительство смогли распространить на Крым свое право монетной регалии. В результате этого османские деньги, в первую очередь неполноценные билонные, были вытеснены ассигнациями и медью российского чекана. Согласно по выявленной ранее закономерности [28, с. 162–170] часть их выпала в клады. Окончательно османские биллоны были демонетизированы в Крыму в нач. XIX в.

Список использованной литературы

1. Акт №59 от 20.12.1980 // Фонды КРУ БИКЗ.
2. Бертье-Делагард А.Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // ИТУАК. Симферополь, 1914. № 51.
3. Залесская В.Н. Клад из Ай-Василя: об историко-культурных связях средневековой Ялиты // Античная древность и средние века: Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.
4. Веселовский Н.И. Об издании Кадиаскерского сакка // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 54.
5. КРУ БИКЗ КП-5747/А-Г-3983.
6. КРУ БИКЗ КП-5748/А-Г-3984.
7. КРУ БИКЗ КП-5749/А-Г-3985.
8. КРУ БИКЗ КП-5750/А-Г-3986.
9. Майко В.В. Кирк-Єрський скарб XV ст. (попереднє повідомлення) // Археологія. Київ, 2003. №2.
10. Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму. Киев, 2007.
11. Майко В.В. Монета Мамелюкского султаната в Юго-Западном Крыму // БАИС. Симферополь, 2008. Вып. 3.
12. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793-1794 гг. // Научное наследство. М., 1999. Т. 27.
13. Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. СПб., 1906. № 18.
14. Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // ИТУАК. Симферополь, 1897. № 27.
15. Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья вторая // ИТУАК. Симферополь, 1899. № 29.
16. Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья третья // ИТУАК. Симферополь, 1902. № 32-33.
17. Ретовский О. К нумизматике Гиреев (с 4 таблицами) // ИТУАК. Симферополь, 1893. № 18.
18. Ретовский О. К нумизматике Гиреев. V. Монеты Менгли Гирея I. Первое дополнение (с рисунком) // ИТУАК. Симферополь, 1893. № 19.
19. Ретовский О. Монеты Гази Герай хана II, бен Девлет // ИТУАК. Симферополь, 1889. № 8.

20. Ретовский О. Новые генуэзско-татарские монеты // ИАК. Петроград, 1914. № 51.
21. Северова М. Турецкие монеты, чеканенные на Петербургском монетном дворе // СГЭ. Л., 1975. № XL.
22. Сидоренко В.А. Номиналы в монетном обращении Крымского ханства по кадиаскерским записям 1608/9 г. // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып. XIV.
23. Смирнов В.Д. Крымско-татарские грамоты // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 50.
24. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800.
25. Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
26. Храпунов Н.И. Путеводитель по Восточной Европы начала XIX века // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып. XIV.
27. Чореф М.М. Новый тип монет Ислам-Гирея III // БИАС. Симферополь, 2001. Вып. 2.
28. Чореф М.М. Клад монет Крымского ханства из фондов Центрального музея Тавриды // VIII Таврические научные чтения. Симферополь, 2008.
29. Чореф М.М. К вопросу о возможности медного чекана в Крымском ханстве в XV в. // БИАС. Симферополь, 2008. Вып. 3.
30. Чореф М.М. К вопросу об эмиссиях кафийских акче при Девлет Гирае I и Мухаммед Гирае II // ИНК. Симферополь, 2006. №16.
31. Чореф М.М. Новый тип биллона Сахиб Гирая I // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции (Астрахань, 18 апреля 2008 г.). Астрахань, 2008.
32. Чореф М.М. Опись монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина (случайные находки, дерновый слой, I горизонт застройки) – в ст. Герцена А.Г., Иванова О.С., Науменко Е.В., Смокотиной А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп) I горизонт застройки (XVI-XVIII) // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
33. Чореф М.М., Яшаева Т.Ю. Клад серебряных монет из пещерного комплекса в округе Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып. XIV.
34. Artuk İ, Artuk C. İstanbul arkheoloji müzeleri teşhirdeki islâmi sikkeler kataloğu. İstanbul, 1974. C. II.
35. Krause C.L., Mishler C. Standard catalog of World coins Eighteenth Century 1701–1800. Iola, 2002.
36. Lane-Poole S. The Coins of the Turks in the British Museum // Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. London, 1883. Vol. VIII.
37. Retowski O. Die Münzen der Gireï (Fortsetzung) // ТМНО. М., 1903. Т. 3. Вып. 1.
38. Retowski O. Die Münzen der Gireï (Schluss) // ТМНО. М., 1905. Т. 3. Вып. 2.
39. Retowski O. Die Münzen der Gireï // ТМНО. М., 1901. Т. 2. Вып. 3.
40. Retowski O. Die Münzen der Gireï. М., 1905.
41. Yapi Kredi Sikke Koleksionu Sergileri. İstanbul,1995. № 4.
42. حليل ادهم .مسكوكت عثمابي // مسكوكت قديمه اسلاميه قتلفغي قسم سادس .قسطنطينه ,١٣٣٤

Summary

Coinage of medieval Crimea has been studied for a more than two centuries. By this time numismatists have passed already from simple revealing of versions local coins to research of structure of monetary circulation on peninsula. However, according to written sources, in its territory used not only local but also imported coins: the European and Turkish. But until now, foreign money found in the Crimea, and not the numismatic research. In this article we are entering a scientific description of the three treasures of Turkish and European gold and silver, which were found in our peninsula over the past 50 years and have not been published in a timely manner.

1 2 3

Рис. 1. Алтуны из клада, предположительно найденного близ монастыря Сурб хач

1, 2 – Мурад II, 3 – Мухаммед III.

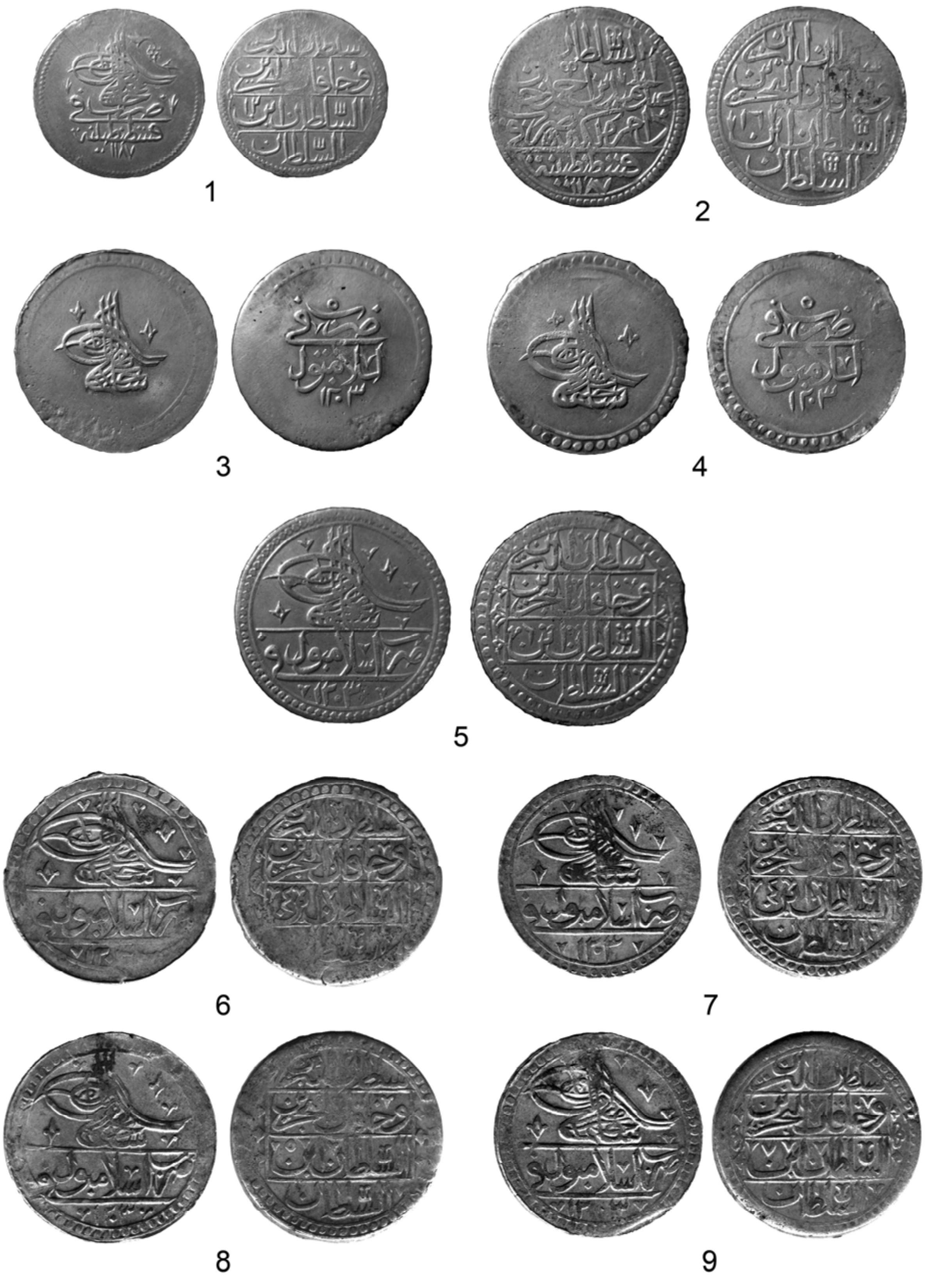

Рис. 2. Биллоны из кладов, найденных у с.Новоандреевка (*1–5*) и на Чуфут-Кале (*6–9*)

1,*2* – куруш и альтмешлык Абд аль-Хамида I, *3*,*4* – икилыки Селима III,
5–9 – юзлуки этого же султана.

Список сокращений

АДСВ	Античная древность и средние века.
БИАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник.
БТ	Богословские труды.
ВВ	Византийский временник.
ВДИ	Вестник древней истории.
ВЕВ	Воронежский епархиальный вестник.
ГХМ	Государственный художественный музей. М.
ГЭ	Государственный Эрмитаж.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
ИАК	Известия (Императорской) Археологической комиссии.
ИВИ РАН	Институт Всеобщей истории Российской Академии наук.
ИГАИМК	Известия Главной Академии истории материальной культуры. Л.
ИИМК	Институт истории материальной культуры (СПб., РАН).
ИНК	Историческое наследие Крыма. Симферополь.
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КРУ БИКЗ	Крымское Республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».
КП	Книга поступлений.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАЭ	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
НА НЗХТ	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический».
НЗХТ	Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
НГГУ	Нижневартовский государственный гуманитарный университет.
ОАК	Отчеты императорской археологической комиссии.
ПВЛ	Повесть временных лет.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
РА	Российская археология.
РИО КГУ	Редакционно-издательский отдел Крымского гуманитарного университета.
РОСИ	Российское общество спелеологических и спелестологических исследований.
СА	Советская археология.
САИ	Свод археологических источников. М.(серия).
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа.
СЕ РОСИ	Спелестологический Ежегодник Российскоео общества. спелеологических и спелестологических исследований.
СО РАН	Сибирское Отделение Российской Академии Наук.
СХМ	Сообщения Херсонесского музея.
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа.
ТМАО	Труды Московского Археологического Общества.
ТМНО	Труды Московского Нумизматического общества.
УрГУ	Уральский государственный университет.

ХГУ	Харьковский государственный университет.
ХСб	Херсонесский сборник.
ЭКЭ	Эски-Керменская экспедиция.
ΑΠ	Ἀρχεῖον Πόντου.
BAR	British Archaeological Reports.
BSS	Black Sea Studies.
CFHB	Corpus fontium historiae Byzantinae.
CSHB	Corpus scriptorum historiae Byzantinae.
MIB	Moneta Imperii Byzantini.
MMI	Moneta militaris imitative.
NC	Numismatic Circular.
PG	J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior. Paris.

Содержание

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Вып. III

Сборник

Редактор М.М. Чореф
Техническая редакция М.М. Чореф
Корректура К.С. Панченко
Верстка и оригинал-макет М.М. Чореф

Интернет-издание